

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 1

Том 1. Древний Восток и Античность

Том 2. Восток и Запад в Средние века

Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI—XVIII вв.)

Том 4. Новое время (XIX в.)

Том 5. От Нового времени к современности

Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества

УДК 94(3)(075.8)
ББК 63.3(0)31я73-1+63.3(0)32я73-1
В19

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *Г. И. Мирский*;
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института Европы РАН *Д. Е. Фурман*

В19 **Васильев Л. С.**
Всеобщая история. Том 1. Древний Восток и Античность : учебное пособие / Л. С. Васильев. — 2-е изд., доп. и перераб. — М. : КДУ, 2013. — 518 с.

ISBN 978-5-98227-849-4

ISBN 978-5-98227-850-0 (Том 1)

Читателю предлагается серьезная работа, имеющая характер не только учебного пособия, но и новаторского научного исследования. Первые тома уже издавались в 2007–10 гг., но были серьезно переработаны и дополнены для настоящего издания. В книге изложена принципиально новая концепция исторического процесса. Суть ее в восприятии истории как перманентного соперничества Востока и Запада, предстающего в виде разных идейно-институциональных социополитических структур, систем власти, способов хозяйства и потенций эволюции.

В первом томе ставится проблема смысла истории и законов эволюции, говорится о процессах антропо-, социо- и политогенеза. В центре книги — страны, народы и государства Востока в древности, события и проблемы их истории. Античность на фоне их консервативной стабильности воспринимается как мутация, давшая толчок иной структуре, системе власти и типу общества. Это гражданское общество, протокапиталистическая активность предпринимателей и рыночных торговцев, производственная модернизация и активная вестернизация. Войны античных греков и римлян приносили успех, но стечение неблагоприятных обстоятельств привело к крушению Рима (V в.) и, чуть позже, к победоносному натиску арабов-мусульман. Восток на время вышел вперед.

Для студентов исторических и иных гуманитарно-обществоведческих факультетов вузов (бакалавриат и магистратура), преподавателей и всех читателей, интересующихся историей.

УДК 94(3)(075.8)

ББК 63.3(0)31я73-1+63.3(0)32я73-1

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-850-0 (Том 1)

© Васильев Л. С., 2012
© Издательство «КДУ», 2012

Оглавление

Предисловие	7
Вводная часть. ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ	12
Глава первая. ИСТОРИЯ КАК НАУКА	20
Основа истории – исторический источник	26
Историография (изучение истории) и источниковедение	36
Глава вторая. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ	44
Первые шаги историософии	48
Историософия европейского средневековья и нового времени	52
К. Маркс и попытка радикальной трансформации историософии	57
Мыслители после Гегеля и Маркса об историческом процессе	61
Философия истории в наши дни	68
Законы эволюции и перспективы человечества	72
Закон вызова и ответа	74
Большой взрыв	76
Великий баланс	80
Глава третья. АНТРОПОГЕНЕЗ И ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ	82
Антропогенез. Homo Habilis и Homo Erectus	84
Неандертальцы и неандерталоиды	87
Человек Разумный	95
Проблемы расогенеза	100
Человек и окружающая его среда на заре истории	102
Особенности развития ранних представителей Homo Sapiens	105
Разум сапиентов как целеустановка Природы	111
Глава четвертая. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕСТВА	114
Параметры и процесс социогенеза	116
Неолитическая революция и феномен фундаментальных открытий	125
Избыточный продукт и социальное неравенство	135
Социальное неравенство и принцип редистрибуции	141
Глава пятая. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ ..	148
Генезис первичных надобщинных политических структур (феномен урбанистической цивилизации)	148

Оглавление

Трибализация и первичный политогенез.....	150
Политогенез в условиях урбанистической цивилизации.....	155
Структура урбанизованного протогосударства	159
Феномен власти-собственности	167
Раннее государство.....	171
Престижное потребление, приватизация и рынок.....	175
Часть первая. ДРЕВНИЙ ВОСТОК.....	182
Глава шестая. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И МЕСОПОТАМИЯ.....	183
Древний Египет. История государства	185
Древний Шумер	198
Старовавилонское общество и законы Хаммурапи.....	201
Ассирия	204
Нововавилонское царство.....	207
Некоторые итоговые сопоставления и замечания	210
Глава седьмая. ЗАПАДНАЯ АЗИЯ И ИМПЕРИЯ ПЕРСОВ.....	212
Митанни и хетты.....	213
Восточное Средиземноморье.....	215
Древние персы. Маздеизм и зороастризм	221
Мидия и Персия.....	224
Держава Ахеменидов. Завоевания Кира II Великого и реформы Дария I.....	226
Западная Азия и персы в древневосточной истории.....	231
Глава восьмая. ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ.....	233
Индская цивилизация.....	235
Индоарии в долине Ганга. Веды, брахманы, варны и касты	236
Древнеиндийская община.....	240
Древнеиндийские государства	243
Религия и политика в древнеиндийском обществе	247
Специфика истории древнеиндийского общества.....	252
Глава девятая. ДРЕВНИЙ КИТАЙ.....	256
Бронзовый век и цивилизация Шан-Инь	257
Китай в период Западного Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.).....	258
Конфуций и его учение.....	267
Дефеодализация Китая в период Чжаньго (V–III вв. до н.э.).....	270
Моизм и легизм	271
Цзоу Янь и Чжуан-цзы. Философский даосизм.....	275
Синтез и систематизация идей в конце Чжоу	280

Империя Цинь и причины ее падения	282
Крушение Цинь и династия Хань	283
Глава десятая. ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	287
Социально-производственная структура	287
Империи Востока: система принуждения	298
Темпы эволюции	302
Индия и Китай как особые регионы	306
Ближневосточный регион на заключительном этапе древней истории	308
Часть вторая. АНТИЧНОСТЬ	312
Глава одиннадцатая. РАННИЕ ОЧАГИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГРЕЦИИ: КРИТ И МИКЕНЫ, АХЕЙЦЫ	313
Кносский дворец царя Миноса и Киклады	314
Микены	319
Гибель микенской Греции. Дорийцы и «темные века»	324
Гомер и его эпос. К проблеме «темных веков»	328
Глава двенадцатая. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС. АФИНЫ И СПАРТА	335
Становление древнегреческого полиса	336
Основные черты и признаки полиса	341
Увеличение размеров полисов (синойкизм). Ранняя тирания	347
Спарта	350
Афины	355
Глава тринадцатая. ЭЛЛАДА В V–IV вв. до н.э.	362
Греко-персидские войны	363
Архэ и расцвет афинской демократии. Пелопоннесский союз	366
Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э.)	370
Изменения в структуре древнегреческих полисов после войны	372
Внутриполитическая борьба и новые союзы	376
Великие достижения культуры эллинов	380
Глава четырнадцатая. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА	385
Завоевания Александра	387
Итоги похода и цели завоевателя	389
Эллинизация Ближнего Востока	392
Эллинизм как попытка синтеза Запада и Востока	399

Греция в эпоху эллинизма	403
Культура эллинистических государств.....	405
Глава пятнадцатая. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМА. ЦАРИ И РЕСПУБЛИКА.....	407
Основание Рима. Власть царей.....	409
Республика в Риме	414
Войны Рима. Завоевание Италии	418
Рим и Карфаген. Пунические войны	424
Римская республика после успешных войн	429
Глава шестнадцатая. РЕФОРМЫ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ. МАРИЙ И СУЛЛА	434
Демократические законы братьев Гракхов	435
Марий и его реформы в армии	437
Марий и Сулла.....	439
Диктатура Суллы. Первый триумвират (Помпей, Красс и Цезарь)	441
Гражданская война. Помпей и Цезарь.....	445
От республики к империи. Диктатура Цезаря	447
Наследники Цезаря.....	450
От республиканского Рима к Римской империи.....	452
Культура республиканского Рима.....	455
Глава семнадцатая. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.....	460
Принципат Августа	461
Внутренняя и внешняя политика Августа.....	462
Преемники Августа	465
«Золотой век» империи. Антонины	469
Упадок империи	473
Доминат	475
Христианство и Рим	477
Крушение Западной Римской империи.....	482
Поминальное слово об империи.....	484
Культурное наследие Рима в Западной Европе.....	488
Глава восемнадцатая. ВОСТОК И ЗАПАД В ДРЕВНОСТИ.....	491
Древний Восток и античность.....	493
Феномен рабовладения в истории.....	502
Античность: от расцвета к кризису и крушению	508
Античность: успехи и неудачи.....	514

Предисловие

Приступая к работе над предлагаемым изданием, автор сознавал сложность тематики и проблематики, которые говорят сами за себя. Перед ним стояла задача, относящаяся к генеральной проблеме метаистории: как в доступной для не слишком подготовленного читателя изложить, проанализировать и оценить основные события генерального исторического процесса с глубокой древности и до наших дней. Интерпретация истории человечества в более или менее компактном виде нужна для того, чтобы современный читатель начала III тысячелетия осознал главное: за плечами ныне живущих людей и их далеких и не слишком отдаленных предков и предшественников лежит гигантский проделанный путь и весьма заметные, во многих отношениях замечательные достижения. Достижения эти дались человечеству нелегко, причем небезынтересно и то, как добивалось оно их и что ему, по мнению автора, в этом весьма ощутимо помогало.

Существенно, чтобы нынешние, особенно молодые поколения сознавали, сколь важно сберечь то, что уже сделано, и как легко в одночасье всего этого лишиться. Особенно принимая во внимание, что многие параметры исторического процесса явственно свидетельствуют о том, что он — увы, но это, похоже, именно так — быть может, даже подходит к своему логическому концу. Реалии современного мира все определеннее говорят о том, что в историческом противодействии Востока и Запада богатый и процветающий пока еще, но очень близкий к депопуляции по сравнению с современным Востоком Запад практически уже не имеет шансов выйти в противоборстве победителем. А ведь именно он на протяжении последних тысячелетий если и не всегда лидировал, то во всяком случае был залогом прогресса во всех основных сферах жизни и достижений мировой цивилизации.

Оговорившись, что само понятие «Восток» автор воспринимает как культурно-исторический феномен, не имеющий почти никакого

отношения к географии, необходимо заметить, что на протяжении всей истории Восток, как о том специально и не раз еще пойдет речь, был символом *консервативной стабильности*. Это было объективно вызвано рядом весьма важных причин и объяснялось прежде всего инстинктом самосохранения, выработанным той структурой с присущей ей ментальностью, которая изначально была представлена первобытно-восточным социумом и ранним процессом политогенеза, затем древневосточной государственностью со свойственным ей обществом восточного типа, что позже стало нерушимой нормой для всего Востока, подчас вплоть до наших дней¹.

Запад, появившийся на свет сравнительно поздно в форме античного мира в результате, как считает автор, *социополитической мутации*, с первых же своих шагов был динамичным и стремившимся к новациям. Он, опередив Восток и одолев его через 300–400 лет после своего возникновения, в IV в. до н.э. в результате походов Александра Македонского, сам вскоре оказался в состоянии необратимого кризиса. Лишь спустя более полутысячи лет после крушения Рима (V в.) Западная Европа, сумев восстановить наследие античности, вновь энергично вышла на передний план и проявила свойственное *антично-пробуржуазной* структуре и обществу западного типа постоянное стремление к новациям и модернизации. Так был заложен идейно-институциональный фундамент предбуржуазного *мирового города* с самоуправлением полисного типа, что со временем привело к крайне энергичным темпам эволюции во всех сферах жизни. И только после этого в ходе колонизации Востока жизненно важные институты структуры динамичного Запада, в том числе буржуазия как мощный двигатель развития, стали известны и начали осваиваться восточными странами. Однако деколонизация Востока в середине XX в. снова поставила серьезный вопрос о противостоянии Востока и Запада.

Казалось бы, разве не следует радоваться тому, что традиционный Восток хотя бы частично покинул рамки структуры, выше всего ценившей консервативную стабильность? Можно было бы горячо приветствовать этот факт, если бы не одно прискорбное обстоятельство. Суть его в том, что стремительно уменьшающиеся в числе жители Запада, олицетворяющие динамичное стремление вперед, оказываются

¹ Подробнее см.: *Васильев Л. С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация*. М.: КДУ, 2011.

с каждым годом во все более трудном положении под нажимом энергично наступающих на них представителей стран Востока, население которых очень быстрыми темпами растет. Кто и что тому виной? Революционные преобразования в разных сферах повседневного бытия, в производстве и культуре, в науке и технике, знаниях, интеллектуальном потенциале, быстрыми темпами проявляющие себя на современном Западе, привели к резкому сокращению рождаемости, практически к депопуляции и вымиранию Западу. А на смену ему идет Восток.

И добро бы речь шла главным образом о странах вроде Индии и Китая, где быстрыми темпами развивается заимствованное у Западу стремление к энергичному и динамичному преобразованию. Движение вперед таких стран — при всем том, что население их тоже растет с неудержимой быстротой, — можно было бы только приветствовать. Но сложность и даже трагичность ситуации в том, что немалая часть стран современного Востока с их еще более быстрыми темпами растущим населением совсем не склонна заимствовать у Западу его стремление к новациям и преобразованиям. Как раз напротив, неудержимая тяга общества западного типа к открытиям и усовершенствованиям, которые коренным образом меняют условия жизни людей в лучшую сторону, вызывает у многих представителей Востока, этой численно наиболее весомой части населения планеты, не только недоверие и противодействие, но и порой активное отторжение.

Выступая против Западу с обвинениями в том, что западный мир разложился, не заботится о тех, кто прозябает в нищете, многие из современных восточных духовных лидеров с энергией, достойной лучшего применения, осуждают его. Осуждают за безбожие и разврат, причем настойчиво и с упорством, порой не останавливаясь и перед прямым насилием, нередко в форме террора. Выступают за то, чтобы повернуть ход истории вспять. Некоторые из них весьма откровенно высказываются в том смысле, что неплохо было бы вернуть современный мир назад, в годы Средневековья, когда были сформулированы те суровые законы бытия, которые с удовлетворением воспринимали религиозные общности того времени, прежде всего жители исламского Халифата.

Обстановка в мире вследствие этого становится более тревожной. Хрупкий западный мир, наследник античной демократии, не в состоянии сопротивляться тем, кто не руководствуется принципами свободы и демократии и, пренебрегая европейским гуманизмом, де-

лает ставку на торжество насилия, подчас санкционированное крайне жестко интерпретированной религиозной догмой. Не в состоянии Запад и накормить обездоленные страны, особенно негритянскую Африку, где население быстро и безудержно увеличивается в числе и соответственно все меньше способно обеспечить само себя средствами существования. Итог печален: Запад прогибается под давлением насилия со стороны экстремизма, а также вынужденно растущих непомерных требований со стороны беднейших стран Востока, которые обретают все большую силу в мире. Сумеют ли заменить столь необходимые планете потенции, которые реализуются все еще пока представителями Запада, развивающиеся страны Востока (Япония, Южная Корея, Китай, Индия и некоторые другие, идущие рядом с ними), пока не очень ясно.

Из сказанного явствует, что характер предлагаемого вниманию читателя издания отличен от обычного учебника по истории. Точнее, это несколько иной тип издания, посвященный не только истории, но и важным проблемам человечества. В его задачу входит, конечно, рассказ о событиях далекого и не очень отдаленного прошлого, многие из которых знают те, кто в свое время не ленился внимательно читать школьные учебники истории. Естественно, однако, что изложение такого рода событий, тем более с занимательными деталями, — а вовсе без этого обойтись при знакомстве с проблемами истории невозможно — не было главной целью автора. Все это займет свое важное место, но главные задачи как этого тома, так и тематически следующих за ним, все-таки другие. Они в том, чтобы каждый, кого это хоть немного интересует, мог уяснить суть происходивших в истории сложных процессов и создать на этой основе цельную картину всего генерального исторического процесса. Насколько это удалось — судить читателю.

Несколько слов о том, как создавалась работа. Она была обусловлена интересом к современной политической жизни, которая в нашем отечестве за последние полвека с лишним была столь богатой и специфической, что остаться равнодушным к ней людям, чья специальность имеет прямое отношение к обществоведению, было просто невозможно. Будучи востоковедом, автор мог позволить себе и прежде идти вразрез с марксистскими построениями, которые не были в состоянии объяснить те события, что свершались на освобожденном от зависимости Востоке в постколониальное время. А так как от правильной интерпретации этих событий многое зависело, то не при-

ходится удивляться, что бдительное око политинспекторов из различного рода властных органов, следивших тогда за идеологической чистотой рядов советского обществоведения, не слишком много внимания обращало на то, что пишут и издают те, чьей специальностью было изучение Востока. В результате многое из того, что не было дозволено иным, уже в те далекие годы оказывалось позволенным востоковедам. В частности, имеются в виду острые теоретические споры вокруг не признававшейся идеологами идеи об «азиатском» способе производства, которая рушила стройную схему понимания исторического процесса. А ведь рождена идея была *самим* Марксом.

Результатом того, о чем идет речь, стало появление многих интересных работ по Востоку. Трудно сказать, насколько они помогли политруководству страны принимать правильные решения. Похоже на то, что небольшие докладные записки, направленные во властные органы теми, кто не слишком стремился глубоко изучать проблемы Востока, но зато хорошо знал, что хотело бы услышать начальство, от которого зависела их карьера, легко брали верх. Об этом хорошо свидетельствуют многие неудачи в политике СССР по отношению к Востоку. Последний, но зато наиболее известный и показательный пример такого рода — авантюра в Афганистане, сыгравшая едва ли не роковую роль в судьбе нашей страны. Что же касается автора, то он, издав ряд работ по истории и культуре Китая, религии стран Востока, после того более всего внимания уделил двухтомному учебнику «История Востока», который был впервые опубликован уже после ликвидации Советского Союза в начале 90-х и в 2011 г. вышел в свет в шестом издании.

Двухтомник этот специально упомянут потому, что многое из в нем изложенного, включая немалое количество аналитических рассуждений теоретического характера, читатель сможет обнаружить и в данной работе. И хотя дословного повторения текста почти нигде не встречается, автор считает своим долгом предупредить об этом и обратить внимание на то, что создавать для новой работы новые теории не стремился. Смысл предлагаемого шеститомника в том, чтобы вписать все то, что было уже сказано в двухтомнике, в более широкий контекст мировой истории и обратить приоритетное внимание читателя на взаимодействие и противостояние Востока и Запада в истории мировой цивилизации.

Вводная часть

Что такое история

Historia est magistra vitae

Cicero

(История — учитель жизни.

Цицерон)

Интерес к теоретическому осмыслению истории растет с каждым годом. И для этого есть весомые причины. Миллионы землян обеспокоены своим будущим. Прежде даже не задумывавшиеся об этом люди подспудно ощущают, что с человечеством, да и с привычным представлением об историческом процессе, происходит нечто необычное, чтобы не сказать вовсе неладное. Неудержимо растет, практически удваиваясь с каждым полувеком, численность населения планеты — и это несмотря на прошедшие в XX в. две мировые войны и десятки миллионов жертв тоталитарных режимов. Людям явно не хватает места на земном шаре, что особенно заметно, когда заходит речь об экологии, о неизмеримом количестве не вмещаемых планетой технологических и бытовых отходов и о влиянии этих угрожающе растущих гигантских гор отработанного человечеством материала на окружающую среду. Прибавьте к этому сведенные леса, эти легкие нашей планеты, наступающие пустыни, истощенные земли и загаженный Мировой океан. Вспомните о проблеме озоновых дыр, обратите внимание на изуродованный газами воздух, нехватку обыкновенной питьевой воды, зримое изменение климата в мире, участвовавшие мощные землетрясения и цунами. Все это ведет не только к непостижимым угрозам существованию Земли и Человека, но и — если брать в более мелком, но зато близком и осязательном уже сегодня масштабе, — ко все чаще дающим о себе знать глобальным катаклизмам то в одной, то в другой части планеты.

Добавьте к этому серьезную проблему все более очевидно ускользающего из-под контроля производства и распространения оружия массового уничтожения. Оно вот-вот может оказаться

в руках безответственных террористических организаций, готовых идти на серьезные провокации. После 11 сентября 2001 г. в реальности подобных провокаций едва ли кто-нибудь усомнится. Наконец, стоит принять во внимание и неизлечимые болезни нашего времени, будь то рак, СПИД, пандемии, а также широко распространившиеся сильные наркотики, уничтожающие людей, в первую очередь молодежь. Разумеется, такого рода ситуация вселяет в души людей тревогу о весьма близком уже будущем, когда человечество вполне может оказаться в состоянии острого кризиса, а ресурсов планеты просто не хватит на элементарное удовлетворение нужд все возрастающего количества населения. Словом, загаженные почвы, воды и воздух, да и разного рода катаклизмы, связанные с изменением климата либо иными геокосмическими событиями, равно как и разнообразные созданные современной наукой средства массового уничтожения всего живого могут привести человечество к глобальной катастрофе.

В этой связи нельзя не отметить также и просто резко ускорившийся за последние десятилетия темп движения вперед, эволюции. Шаги истории не только стали чаще и крупнее, но буквально превратились в бег. При этом неудержимыми темпами растущее население планеты в таких обстоятельствах не только не поспевает за ходом истории, но и не успевает осмыслить сам процесс столь ощутимых всеми сдвигов, не говоря уже о том, чтобы достаточно успешно адаптироваться к связанным с ним изменениям. Словом, обстановка в мире и крайне неустроенная современность порождают у людей беспокойство и растерянность. Объективно у многих, особенно у входящего в жизнь молодого поколения, создается внутренне необъяснимое, но реально вполне обусловленное ощущение, что мир плохо устроен, что он нуждается в серьезных переменах, что надо успевать жить, пока еще не поздно. Проявлением этого служит сексуальная революция, мощной волной прокатившаяся пару десятилетий назад, если не больше, по ряду стран, прежде всего наиболее развитых, западных.

Что же происходит с миром в действительности? Ответ дать не просто. Лишь очень немногие из числа специалистов (в основном крупные ученые, в частности члены так называемого Римского клуба), работающие над обозначенными проблемами несколько десятилетий и крайне озабоченные ими, до конца понимают всю серьезность нависшей над планетой угрозы. Они давно пытаются — пока

явно безуспешно — сделать что-либо для того, чтобы предотвратить катастрофу. Едва ли, конечно, стоит будить излишнюю обеспокоенность будущим наших детей и внуков. Однако для полной безмятежности нет оснований. Будущее во вполне определенной опасности. И исходит она вовсе не от излюбленных многими авторами детективов или постановщиками соответствующих фильмов космических пришельцев. Ее создают люди, мы сами.

Речь идет не о том, чтобы мобилизовать, призвать, быстро перестроиться и т.п. Необходимо хотя бы просто понять, что происходит в мире, почему история человечества к XXI в. сложилась именно так, а не иначе. Ведь парадокс в том, что мы живем в странное с точки зрения здравого смысла время. С одной стороны, это невиданный расцвет науки и техники, ускоренные темпы новых достижений и открытий, которые вроде бы могут все. Они уже давно и неудержимо движут человечество вперед, вот уже к Марсу, даже к Сатурну и далеким звездам подбирается современная техника. С другой — среди населяющих планету людей с каждым годом все больше тех, кто не только не в состоянии активно пользоваться плодами научно-технического прогресса, но озабочен тем, как бы в условиях необычной скученности населения добыть хлеб насущный и не умереть с голода.

Многое в наши дни, во всяком случае на первый взгляд, обещает лучшее будущее, когда людям не придется тяжелым трудом зарабатывать себе на пропитание. Однако вместе с тем и все чаще мы становимся свидетелями событий, которые грозят резким обострением давно уже не очень гармоничных взаимоотношений между Человеком и Природой. Это обострение грозит стать глобальным, чреватым вселенской катастрофой. Нельзя сказать, чтобы люди, особенно люди науки, этого не замечали. Напротив, многие из них, о чем только что упоминалось, бьют в колокола, стремясь привлечь внимание всех, и особенно власть имущих, к проблемам близкого уже будущего. Но тщетно.

Парадокс, если угодно, в том, что те же люди науки развивают ее семимильными шагами, а каждый шаг приносит с собой не только и даже не столько великие открытия, помогающие лучше жить, сколько почти всегда сопутствующие этим открытиям проблемы, чреватые неведомыми и во многом непредсказуемыми, но явственно проглядываемыми осложнениями. И все эти осложнения не могут, не должны восприниматься лишь как преувеличенные тревоги зря

волнующихся алармистов. Речь должна идти скорее о беззаботности нынешнего поколения, далеко не адекватной реальности близкого уже будущего. Или, вернее, о практической невозможности что-либо существенно изменить и как-либо всерьез повлиять на тревожащее многих неукротимое движение человечества — а богатого и развитого Запада в первую очередь — вперед.

Куда вперед? Что ждет человечество там, в еще неизвестном, но уже очень близком будущем? Оставив красочные описания галактических приключений фантастам (это их хлеб, и не стоит на него посягать), обратим внимание на то, что жизнь людей связана с нашей планетой. А сейчас стоит вопрос, сумеет ли выжить на ней хотя бы только удвоившееся против сегодняшнего времени количество людей дня завтрашнего, скажем, второй половины нашего века. Людей становится все больше, а размеры планеты постоянны, да к тому же территории, хоть сколько-нибудь пригодные для более или менее удовлетворительного обитания, равно как и ресурсы планеты, явственно сокращаются. Конечно, быстро развивающаяся современная наука может сделать какие-либо невероятные открытия, которые облегчат жизнь миллиардов (например, научат их добывать энергию из воды). Но это иллюзорная, кажущаяся альтернатива.

Удивительна та беззаботность, с которой весь мир, включая ответственных руководителей даже таких всепланетных организаций, как ООН, относятся к не вполне ясным пока еще проблемам выживания человечества в целом в близком уже будущем. Связана ли она только с веками сложившейся традицией: человечество не привыкло смотреть вперед? Нет! Почему же столь вроде бы уже достаточно давно и четко обозначенная, убедительно аргументированная и сознательно акцентированная тревога за завтрашний день до сих пор недостаточно прочувствована? И можно ли рассчитывать, что она будет прочувствована и тем самым позволит людям основательно разобраться в том, куда все мы идем? Разобраться и своевременно принять необходимые меры.

Увы, на это пока что не приходится рассчитывать. Большинству, причем явно подавляющему большинству людей не до этого. Более того, ситуация в современном мире свидетельствует о том, что основная часть населения планеты вовсе не обеспокоена всем тем, о чем упоминалось выше. Отчасти потому, что она не знакома с перечисленными выше проблемами, отчасти из-за того, что не считает необходимым уделять внимание прежде всего имен-

но им. Но все же главным образом из-за того, что иные, нередко сиюминутные, но часто и существенные сложности люди ставят на первое место. И это в общем-то вполне понятно. Однако должного внимания заслуживает вопрос, что с нами может произойти в скором уже будущем. И люди должны всерьез задуматься и осознать ситуацию, в которой планета и населяющее ее человечество находятся сегодня. Конечно, существуют проблемы, которые никого не оставляют равнодушными. В частности, проблема терроризма, бороться с которым сложно, а часто и практически невозможно. Но следует иметь в виду, что экстремизм исламских террористов — это в конце концов лишь часть все тех же проблем, о которых уже шла речь, одно из проявлений все той же грозящей человечеству мировой катастрофы. Терроризм лишь усугубляет угрозу, нависшую над планетой и человечеством.

Если сформулировать только что обозначенную проблему нашего будущего несколько иначе, она будет звучать примерно так: как, куда и почему именно в этом направлении идет человечество? На эти вопросы дают ответы разные науки. Но едва ли не первое слово здесь должно принадлежать истории, точнее, правильно понятому историческому процессу, который, если уж быть абсолютно точным, движет людьми вне зависимости от желания каждого из них, но только в результате совокупности действий всех их. И потому ответ на поставленные вопросы будет полным и основательным лишь в том случае, если попытаться обстоятельно оценить этот процесс. А сделать это наиболее полно и убедительно можно лишь в контексте хотя бы для начала очень краткого изложения основ исторического пути человеческого общества.

Тема эта очень интересна сама по себе, но стократ интереснее и значимее представляется именно контекст, в котором она может и должна быть изложена. Другими словами, важно обратить внимание не только на этапы пути (шаги истории как таковые), но и на динамику движения человечества в разное время, на направляющие его векторы. Очень существенно учесть сопутствующие им обстоятельства, различного рода исторические события, а также идеи и представления о мире людей, живших в тот либо иной исторический период и живущих в наши дни. Только разобравшись во всем этом, можно получить ответ на вопрос о причинах, определявших ход истории. Только в этом контексте реально свершившегося длительного пути человечества следует искать объяснение ситуации, в которой

человечество оказалось сегодня, включая тревожащие сегодняшний мир крайне неясные перспективы дня завтрашнего.

О каком же контексте идет речь? В рамках данного издания он разъяснен достаточно четко: Восток и Запад. О нем шла речь в предисловии. Иными словами, человечество должно понять, какую роль в ходе исторического процесса, всего развития мировой цивилизации играли взаимодействие и противостояние этих двух социополитических структур, принципиально различающихся по ряду важнейших параметров.

Хорошо известно, что первые шаги история делала на Востоке, где возникали древнейшие первичные очаги цивилизации и самые ранние государственные образования. Однако столь же хорошо люди, хоть немного знакомые с историей (речь об элементарном школьном курсе), знают, что сформировавшиеся в VII–VI вв. до н.э. в Греции античные полисы стали фундаментом структуры и культуры Запада. Они со всеми свойственными им неизвестными древневосточным обществам институтами, идеями и идеалами были принципиальной и весьма значимой новацией. Имеются в виду такие институты, как свобода, частное право, демократия, гражданское общество, патронируемая ответственными перед электоратом властями неограниченная частная собственность со всеми сопутствующими ей рыночными связями. Быстрый и потрясающий воображение античный мир с его расцветом экономики и культуры за короткий срок легко выиграл в поединке с традиционным Востоком. Великие ближневосточные империи исчезли с политической сцены, тогда как античность в форме эллинизма и Римского Востока триумфально шествовала в мире. Но не слишком долго.

Ситуация резко изменилась после нашествия восточных полукочевых варваров в первых веках новой эры (Великое переселение народов), длительный период взаимоотношений с которыми в конечном счете стал концом находившейся в состоянии острого внутреннего кризиса Западной Римской империи. Вслед за тем в начале VII в. до европейского Запада докатилась волна исламского завоевания. После этого события пошли в быстром темпе и четко определенном направлении. Запад, сумев отбить атаку мусульман, оставшихся только в районе Пиренеев, обратил основное внимание на переселившихся в Европу варваров и, опираясь на сохранившуюся среди римских колонистов античную традицию, подверг аккультурации их потомков. Осевшие варварские кочевые и полукочевые

воинственные общности создали по первобытно-восточному стандарту примитивные протогосударства, королевства.

Не имея других возможностей и будучи лишенными необходимых для государства административного аппарата и сколько-нибудь развитой инфраструктуры, эти королевства не имели потенций для успешной эволюции. Складывалась феодальная система власти. В этих условиях придавленная, но не погубленная ими античная традиция со свойственной ей высокой культурой сравнительно легко, хотя и не очень быстро, вышла на авансцену истории. Аккультурация и христианизация осевших на землю кочевников сделали свое дело. Возродились и города с самоуправлением античного типа (других городов здесь никогда не было).

Города в союзе с королями сумели значительно ослабить феодалов, после чего их роль начала резко возрастать, результатом чего стало появление в Западной Европе активно возрождавшихся античных стандартов. Что же касается традиционного Востока, то он, спокойно пережив эпоху греко-римской античности, продолжал существовать, следуя давно сложившимся структурным принципам, некогда созданным восточной традицией (примат аппарата власти над подчиненным ему населением, жесткий контроль над подданными и рыночно-частнособственническими отношениями, да и многое другое, связанное с этим). Сосуществование и соперничество Востока и Запада возродились, но на сей раз не только в разных районах ойкумены, как то было во времена эллинизма и Римского Востока, но и внутри самой Западной Европы, где варварским монархиям, продолжавшим оставаться в своей феодальной форме олицетворением Востока, символом **мировой деревни**, противостояли процветавшие протобуржуазные города с их возрождавшейся античной тягой к модернизации, которая снова способствовала превращению Запада в символ **мирового города**.

Эпоха Ренессанса, церковная Реформация и Великие географические открытия в середине II тысячелетия стали открывать новую страницу истории. Предбуржуазные рыночно-частнособственнические связи, олицетворенные предпринимателями городской части Запада, особенно протестантами с их пуританской психологией, способствовали ускорению темпов роста производства и культуры. Новые формы ведения хозяйства, резко усиленные в процессе колонизации мира вне Запада, привели к освоению колоний, расцвету производства, культуры, улучшению уровня жизни и, как следствие,

к неоспоримому доминированию Запада. Более того, Запад, энергично колонизовав страны отстававшего от него Востока, включив в число отсталых восточных структур и территории Нового Света, обрел дополнительные благоприятные условия для реализации своих растущих предбуржуазных потенций. Начались века неслыханного унижения и успешной вестернизации Востока как обширной историко-культурной провинции процветающего Запада.

Это привело к заметным переменам в XIX в., который стал веком триумфа европейской буржуазии, унаследовавшей и многократно резко приумножившей достижения предшествовавших веков, отмеченных экспансией передовой демократической буржуазной Англии и великой революцией во Франции. И хотя кровавое XX столетие сильно ослабило этот натиск, особенно после Второй мировой войны, террора тоталитаризма и деколонизации Востока, эволюция успешно продолжалась. Страны Востока, перенявшие многие достижения науки и производства передового Запада, но сохранившие при этом, как правило, свои традиционные нормы жизни, быстрыми темпами приспосабливались к меняющейся обстановке. Многие из них стремительно набирали темпы экономического и культурного развития. Другие оказались владельцами неисчислимого количества нефтедолларов. Население третьих активно перемещалось в богатые страны Запада, где и ныне быстрыми темпами увеличивается, сохраняя при этом свои восточные традиции.

Такова в самом общем виде динамика отношений в веках пассивного Востока и активного Запада. В итоге пробудившийся Восток на рубеже XX–XXI вв. начал энергично теснить Запад, причем далеко не только в форме терроризма со стороны радикального ислама. Вот это и есть тот контекст, который многое объясняет и по меньшей мере частично отвечает на вопросы, как, куда и почему именно в этом направлении, не думая слишком много о важнейших для планеты и ее будущего проблемах, идет ныне подавляющая часть человечества.

И эта часть — а речь о Востоке, население которого под благотворным воздействием на него позитивных новаций энергичного и активного прото-, пред- и полноценного буржуазного Запада численно вырастало неизмеримо быстрее, нежели западное, — в некотором смысле начинает доминировать. В то время как на Западе рождаемость сокращается, население Востока увеличивается, составляя ныне примерно 85% землян. И этот процесс идет и, скорее всего,

будет идти и дальше по нарастающей. Сказанное означает, что Восток, как некогда предрекал Мао, одолевает Запад. Последний пока по-прежнему является бесспорным лидером во всем, что касается современной техники и технологии. Понятно, что и уход его с тех позиций, которые он занимает в мире, чреват непредсказуемыми по следствиями. Неудивительно поэтому, что проблема «Восток — Запад» сегодня является — среди множества прочих, перечисленных выше, — едва ли не важнейшей для человечества. Поэтому следует считать закономерным тот контекст (**Восток и Запад в мировой истории**), в котором излагается исторический материал в серии из нескольких томов в рамках данного издания. Продолжая вводную часть, переходим к более конкретным проблемам.

Глава первая. ИСТОРИЯ КАК НАУКА

Понятие *история* принадлежит к числу очень емких и полисемантических. Но, учитывая это, начать следует с того, что представляет собой история человечества как наука, как отрасль знания. Важно также показать ее место среди остальных современных научных дисциплин. В том, что это одна из наиболее древних наук и принадлежит к числу вполне почтенных, никто и никогда, насколько известно, не сомневался. В своем раннем и весьма примитивном протонаучном виде она, как и некоторые другие науки, будь то астрономия со всегда сопутствовавшей ей астрологией, математика, позже письмо с грамматическими нормами и ряд иных, уже утративших свое значение предметов (например, риторика), может с полным правом считаться одной из основ. Это дисциплина, которая уважалась уже в самой глубокой древности, что и неудивительно, даже само собой разумеется. Ведь рассказать подрастающему поколению о событиях прошлого, как недавнего, так и более отдаленного, всегда было не только потребностью, но и почетной обязанностью старших в любом коллективе.

Собственно, на таких рассказах, принимавших до изобретения письменности форму мифов, позже и обширного эпоса, воспитывался чуть ли не с рождения каждый в любом из бесчисленных еще первобытных человеческих коллективов. Такие рассказы ложились в основу элементарной культуры, становились основой общепринятых принципов нравственности, создавали систему социальных и духовных ценностей и тесно связанных с ней примитивных религиозных верований и представлений, составлявших фундамент тра-

диции. Конечно, щедро обогащенные искусными выдумками в духе принятых в данной популяции религиозных представлений, менталитета и этических норм, предания старины не могут считаться началом истории, даже в самой ранней ее форме. Скорее в данном случае следует говорить о предыстории. Но именно она, сначала в виде коротких устных повествований, знакомила людей во всех бесчисленных ранних человеческих обществах, начиная с локальных групп охотников и собирателей, с их прошлым. Поэтому именно применительно к глубокой старине мы уже вправе говорить о возникновении истории, вначале еще совсем не как науки.

Позже, с развитием общества, а иногда даже только с возникновением ранних очагов цивилизации и государственности, причем где раньше, а где и много позже, порой сравнительно недавно, к мифологии начинали прибавляться реальные сведения о первых чем-то прославивших себя выдающихся людях, затем о заслуженных и запомнившихся коллективу его предводителях, а потом — опять-таки отнюдь не везде, но лишь там, где общество достигло соответствующего уровня развития, — о древних правителях, обычно обладавших в представлении рассказывавших о них потомков волшебными свойствами. Это тоже еще не была и не есть, если речь идет о современных отсталых этнических группах, история в полном смысле слова. Это опять-таки только предыстория. Об истории можно говорить лишь с того момента, когда появилась письменность и первые письменные тексты, которые повествовали как о современных им событиях, так и о преданиях прошлого, включая запись древних мифов.

Иными словами, история (предыстория) даже в самой ранней своей форме возникает лишь в коллективе людей, владеющих членораздельной речью и имеющих осознанное стремление и к тому же физиологическую возможность рассказать друг другу о чем-то. Людей, что очень важно, как о том подробнее будет идти речь несколько ниже, уже сложившегося современного типа. При этом показательно, что коллектив сапиентных людей, достигших хотя бы элементарного уровня социогенеза и организованных в форме какого-то раннего общества, пусть очень примитивного, но все же не биологического стада, обязательно интересовался своим прошлым, вспоминал предшественников, особенно наиболее заметных среди них, и сочинял рассказы о них.

Обычно такие рассказы причудливо переплетались с повествованиями о существующих уже в сознании сапиентного человека бо-

жественных силах, в качестве которых нередко как раз и выступали умершие достойные люди, обожествленные потомками. Именно так возникали первые наиболее древние мифы, совокупность которых со временем легла в основание как ранних религиозных представлений той либо иной этнической общности, так и в основу памяти о прошлом, т.е. в предысторические повествования о древних предводителях, как-то проявивших себя.

Такого рода специфика возникновения истории впоследствии во многом и на длительное время определила и характер ее как науки. Вполне очевидно, что история возникала как некая совокупность рассказов о чем-то давнем, далеком, но по каким-то причинам заслуживающем внимания. В рассказы такого рода, из которых достаточно часто складывались фундаментальные по объему и подчас необычайно интересные по содержанию мифы, а затем и целые эпические сказания, включалось все, что кто-то знал и помнил.

В их содержании находили место воспоминания много забытых и смутно представляющих некогда слышанное стариков. И все эти повествования со вполне естественным обильным добавлением собственных деталей, оживлявших события давно минувших дней, жадно воспринимались потомками. Вплоть до сегодняшнего дня история, как, впрочем, и некоторые другие отрасли знания, не принадлежит к числу дисциплин, что основаны на точных математических формулах или ставят своей целью с помощью вначале весьма элементарных приборов и на основе долгих многолетних наблюдений изучать явления окружающей нас природы, включая и космос. Собственно, уже в то далекое время, которое имеется в виду, пути разных отраслей знания начали заметно расходиться.

Со временем расхождение стало не только более заметным, но и практически до предела очевидным. В отличие от веками формировавшихся различных точных и естественных, как их обычно именуют, отраслей знания, история, равно как и некоторые близкие к ней социальные дисциплины, была включена в число так называемых гуманитарных наук. Ее следует считать наукой, ставящей своей целью изучение и максимально полное описание всего длительного пути становления и развития человечества, а также всех созданных им разнородных обществ и различных государств. При этом, однако, имеется в виду не только описание, но и некоторый анализ записанного в тексте материала, пусть даже просто оценка приведенного сообщения. Главное для истории как науки — это все же тексты.

Именно тогда, когда возникает письменность и появляется возможность записывать все то, что ранее передавалось от поколения к поколению только устно, и возникает история в собственном смысле этого слова. Это тоже еще далеко не наука. Но это уже протонаука, имевшая вполне равные права с другими протонаучными отраслями знаний древних людей.

Тексты, на которые опирались первые повествования о прошлом, как правило, были вначале очень краткими, в них обычно речь велась лишь о самом главном для тех, кто их писал и читал. Главное же в то далекое время сводилось к стремлению задобрить созданных в сознании людей многочисленных божеств, духов и обожествленных предков с тем, чтобы воспользоваться приписываемым им сверхъестественным могуществом. Позже такого рода тексты стали более разнообразными, что было связано с потребностями обретавших более серьезное значение в жизни ранних обществ разных религиозных центров с обслуживавшими их жрецами и приносимыми богам, духам или предкам жертвами. Эти жертвы, часто выражавшиеся в форме работы на священных полях, были тесно связаны с необходимыми для своевременного жертвоприношения календарными и иными исчислениями. Еще позже появились различного рода бытовые письменные записи, в том числе и неофициального характера. Словом, рядом с устными повествованиями возникали разнообразные письменные, причем только и именно они стали служить материалом для восприятия прошлого как истории. История, таким образом, — зафиксированный в тексте рассказ. Чаще всего имеется в виду рассказ, который в той или иной форме отражает что-то важное для тех, кто создавал такого рода рассказы. И если свести все сказанное к более или менее четкой формулировке, то окажется, что история — это рассказ людей о самих себе либо об окружавшем их мире, это форма самосознания человечества.

Приведенная формулировка многое объясняет. В точных науках формулы и законы строги и незыблемы и лишь время от времени дополняются и уточняются. В науках о природе чаще всего постепенное накопление знаний об определенных явлениях и их постоянная проверка с помощью практических опытов лежат в основе движения вперед. В отличие от них история, как, впрочем, и многие другие гуманитарные дисциплины, на формулах не основана и перепроверкам не поддается. Это иная, описательная наука. Описательность как дефиниция, прилагаемая к ряду гуманитарных дисциплин, в том числе и к истории (нар-

рагив), как раз и означает, что изучающие их специалисты не имеют возможности ни оперировать точными формулами, ни повторять опыты, стремясь уточнить уже сделанные выводы. Соответственно точность и достоверность исторических данных если не всегда, то очень часто могут быть поставлены под сомнение. Отсюда и возможность для различных интерпретаций как исторических событий, так и исторического процесса в целом. Впрочем, это не так уж и плохо, ибо всегда открывает возможность для творческого восприятия и обновленного толкования почти всего того, что имеет отношение к истории.

Однако описательность как принятая в науковедении дефиниция отнюдь не означает, что гуманитарные науки, включая и историю, не заслуживают серьезного внимания и могут быть объектом непрофессионального занятия и тем более сознательного извращения в угоду той либо иной модной или даже насильно сверху кем-то навязанной специалистам некоей социополитической концепции. Не означает она и того (о чем уже вскользь упоминалось), что в описательных науках нет своих очень серьезных, в том числе спорных и нерешенных проблем, различного рода научных гипотез, требующих для своего решения основательной профессиональной подготовки. Все это есть, причем в немалом количестве. О чем-то в этом плане речь специально пойдет в последующих главах. Следует еще раз подчеркнуть, что проблемы и гипотезы, которые имеются в виду, во-первых, далеко не просты и не поддаются легкому решению, а во-вторых, чрезвычайно соблазнительны для использования их кое-кем в своекорыстных целях. Некоторые любители покопаться в неведомом историческом прошлом подчас полагают, что история широко открыта для любого, кому не лень в нее походя заглянуть. В последние десятилетия у многих создалось впечатление, что эта наука всегда готова щедро открыть свои просторы для того, чтобы каждый дилетант мог произвольно перекраивать ее давно уже известные специалистам проблемы и очень трудные для анализа события.

Практика показывает, что вовсе избавиться от назойливых любителей, стремящихся высказать свое суждение по тому либо иному историческому событию или процессу, а то и предложить нечто совершенно невероятное и попытаться перевернуть привычное восприятие фактов, невозможно. Однако многие века существования исторических текстов, да и иных исторических источников, о которых речь чуть далее, дают в руки историка, являющегося специалистом-профессионалом, достаточно средств для того, чтобы отделить подлинного ученого с большими творческими потенциями, помогаю-

щими сказать новое слово в науке, от явного халтурщика-дилетанта, претендующего на его место. И хуже всего в этом смысле обстоит дело, когда не имеющий профессиональной подготовки дилетант не лишен таланта и обладает способностью заговорить читателя, увлечь его своими абсурдными построениями. Здесь практически ничего не поделаешь, ибо всегда найдется издатель, который ухватится за возможность издать нечто необычное, привлекающее внимание простодушного читателя. Очень часто такие труды похожи на исторические, но тем не менее представляют собой откровенную галиматью. И чем больше серьезные профессионалы станут обращать на нее внимание и пытаться ее опровергнуть, тем большую рекламу обретет ее не заслуживающий никакого внимания автор. Поэтому стоит относиться к писаниям дилетантов с максимальным равнодушием, что, к слову, оказывается наиболее действенным и показывает дилетантам их место.

Но вернемся к истории как науке. Существенно заметить, что за долгие века существования различных текстов и их осмысления историками она добилась весомых успехов. Более того, история породила великое множество так называемых вспомогательных исторических дисциплин. Это палеография, эпиграфика, нумизматика, археография, сфрагистика, геральдика, генеалогия, хронология, топонимика, историческая география и др. Возникло и немало близких к ней отраслей обществоведения. Это в первую очередь археология, но также и целый букет наук о человеке и его поведении в самом широком смысле слова. Имеется в виду физическая, экономическая, политическая, этническая, социальная, культурная, философская антропология и ряд других. Все эти отрасли знания тщательно изучают доступные им факты далекого или не очень дальнего прошлого, а в немалой степени и те, которые относятся к недавним, даже современным нам, но сильно отставшим в своем развитии обществам. Как и историки, специалисты во всех этих областях обществознания оперируют главным образом методами, связанными с описанием изучаемого ими материала. Но это отнюдь не исключает более сложных задач, выпадающих на долю всех тех, кто стремится не только изучить, но и глубоко познать историю.

Конечно, все близкие к истории дисциплины, как и сама история, не оперируют четкими формулами и точными законами и даже, как правило, не нуждаются в них. Это не означает, однако, что история вовсе не имеет своей теоретической и даже, если иметь в виду

отдельные ее аспекты, как, например, проблема хронологии, научно-технической базы. Она имеет ее, вырабатывая свои основы. Речь идет в первую очередь о тех основополагающих принципах, которые теснейшим образом связаны с особенностями развития человеческого общества. Главным здесь следует считать закон постоянной эволюции человека и созданного им общества. Если уж на то пошло, то основная функция истории как раз к тому и сводится, чтобы описать, изучить, понять и объективно изложить все те явно существующие закономерности в развитии общества, которые определяют и определяют поныне ход истории, исторический процесс. История стремится к познанию того, что именно и как влияло на этот процесс, ускоряло либо замедляло эволюцию общества. И потому очень важно уметь разобраться в деталях, во всей совокупности множества объективных и субъективных, к тому же весьма противоречивых векторов и дать точный анализ событий и деятельности людей, суметь определить их суть, смысл и историческое значение.

Векторы, определявшие темпы и направление движения множества различных догосударственных и государственных образований, из которых в конечном счете состояло и состоит человеческое общество как нечто единое и целое (разумеется, о государствах можно говорить только с момента их возникновения), всегда были многочисленными, разнонаправленными, разными по силе. Учесть все очень трудно, если вообще возможно. Именно поэтому историк и сегодня не может быть уверен в точности и абсолютной справедливости своего анализа, а сама историческая наука, как о том говорилось, не имеет оснований претендовать и, как правило, не претендует на непререкаемые истины, на аксиомы, лежащие в фундаменте многих других наук. Тем не менее сделать все, что возможно, разобраться в имеющихся материалах и проанализировать максимум их — дело чести историка, который на основе этих данных может воздвигнуть некое здание, имеющее отношение к определенной части истории, к какому-либо из тех больших либо малых коллективов, из которых всегда состояло человечество, или даже к человечеству в целом.

ОСНОВА ИСТОРИИ — ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Определив сущность истории как науки, обратимся теперь к анализу того, что является фундаментом этой отрасли знания. Необ-

ходимо сконцентрировать внимание на том, на что опирается история и чем всегда руководствовались, да и поныне руководствуются специалисты-историки в своей нелегкой работе по восстановлению истории человеческого общества, включая его предысторию, т.е. возникновение человека и формирование общества (в отличие от животного стада или стаи). Речь идет об историческом источнике.

Понятие **источник** не нуждается в особых разъяснениях. В принципе едва ли не каждому ясно, что имеются в виду те данные, которыми оперирует исследователь в своем стремлении изучить историю общества или какой-то части этого общества в некоторый вполне определенный либо малоизвестный период его существования. Однако и с этим понятием, и с самими источниками дело обстоит далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд. Но начнем по порядку.

Исторические источники принято делить на две неравные и весьма разные части. Первая — это письменные источники, повествующие в любом из возможных жанров о событиях последних пяти тысячелетий (первые знаки типа письма, иероглифы и предшествовавшие им пиктограммы, появились примерно пять тысяч лет назад в урбанистических цивилизациях, прежде всего в Шумере и Египте). Вторая — многочисленные неписьменные памятники, которые в состоянии дать порой немалые и очень ценные сведения о прошлом человека и созданного им общества в различное время и в разных уголках планеты. К их числу относятся разнообразные устные предания, начиная с самых древних, не отраженных в текстах мифов и кончая фольклором разного времени, а также памятники материальной культуры, полевые наблюдения антропологов и этнографов, да и многое другое. Разумеется, будучи записанными, все они, кроме разве что памятников материальной культуры, автоматически становятся источниками письменными.

Но вернемся к неписьменным источникам. Когда специалист имеет дело с прошлым, тем более далеким, для него ценен любой источник, особенно если их мало, что часто и бывает. Он старается разобраться в них подробнее, основательнее, обращает внимание на все то, что можно почерпнуть из источников любого типа. Важно все, нужно только уметь воспользоваться предоставляемыми сведениями. Неписьменные источники (их называют памятниками материальной и духовной культуры) дают возможность получить немало сведений об истории эволюции человека как биологического вида,

о формах социальных отношений между сапиентными людьми, о выдававшихся и использовавшихся ими орудиях производства, о бытовой культуре и образе жизни предсапиентных и сапиентных людей. Эти данные бесценны для дописьменного периода существования человека, для знакомства с его древними культурными традициями, формами общественных отношений, ибо никаких других применительно к той отдаленной эпохе в распоряжении исследователя нет и не может быть. Но они также очень важны для изучения тех популяций, которые в силу исторического случая на долгое время оказались в неблагоприятных условиях существования и резко замедлили либо приостановили свою эволюцию, так и не достигнув этапа, когда возникает урбанистическая цивилизация и обычно сопутствующая ей письменность. Памятники духовной культуры — это различного рода устные сведения, среди которых первое место занимают религиозные верования и обряды, мифы и легендарные предания, космологические образы и представления.

Во всем том, что касается различных памятников материальной культуры, особенно дописьменной эпохи, сведения о прошлом добываются археологией. Когда речь идет о духовной культуре того времени, в том числе популяций, которые не имеют письменности вплоть до сегодняшнего дня, они собираются также и усилиями этнографов, фольклористов, многочисленных отрядов современных антропологов. Как бы то ни было, но благодаря усилиям этих исследователей, имеющих дело с источниками, не зафиксированными в письме, историки получают много ценных материалов для изучения истории человека и его общества во всех их различных вариантах. Памятники материальной и духовной культуры дописьменных и незнакомых с письменностью обществ играют очень большую роль, хотя в конечном счете несколько менее значимую и для истории последних 5 тыс. лет, когда появилась письменность, вследствие чего тексты, т.е. письменные источники с сообщаемыми ими сведениями, явно вышли на первое место. К числу наиболее ценных историками, и тем более археологами, материальных памятников относятся руины древних строений, могильники со всем захороненным в них вместе с покойником содержимым и вообще все когда-либо созданное руками человека, включая и предшественников людей современного типа.

Ценность памятников материальной культуры во многом зависит от точности их датировки. Она очень важна именно для этой группы

источников. Но как раз здесь специалистов всегда подстерегают немалые сложности. И хотя существуют испытанные и в определенной степени оправдавшие себя методы относительной и абсолютной хронологии, полностью доверять им опасно. В лучшем случае эти методы, в том числе и претендующий на наибольшую точность радиоуглеродный (в основе его лежит период полураспада древесины, прежде всего древесного угля), указывают лишь весьма приблизительное время существования тех либо иных из числа обнаруженных археологами вещей. К тому же, как правило, имеются в виду преимущественно те изделия, которые существовали сравнительно недавно, в пределах все тех же немногих тысячелетий, когда уже возникла письменность. Датировка более ранних памятников материальной культуры базируется в основном на оценке их древности относительно друг друга. Это, в частности, касается археологических культур палеолита и раннего неолита, причем и в этом случае дело обстоит много сложнее, если речь идет не о достаточно хорошо изученных археологических культурах Европы, а о памятниках иных континентов. Для памятников духовной культуры проблемы хронологии менее важны. Гораздо важнее сама суть сохраняемых в этих памятниках (в наши дни уже почти везде зафиксированных в письменном виде) сведений, уходящих корнями в далекое прошлое, а иногда и в сравнительно недавнее время. Когда мы знакомимся, скажем, с преданиями аборигенов Австралии или иных застывших в своем развитии популяций, хронология, как это ни странно, практически не имеет значения, ибо, коль скоро время застыло и эволюции нет, то нет никакого смысла заниматься вопросом о том, когда те либо иные предания впервые сложились.

Если оставить в стороне проблемы хронологии, с которыми обычно исследователи как-то справляются, то ценность свидетельств материальной культуры, о которых идет речь в первую очередь, когда стоит вопрос о неписьменных памятниках, окажется очень высокой. Дело в том, что их, как правило, невозможно подделать. Что есть — то есть. Конечно, случались попытки ввести специалистов в заблуждение. Можно для примера вспомнить о попытке искусно подделать останки так называемого питльдаунского человека. Но подделки такого рода довольно быстро разоблачались. В основном же аутентичность памятников, о которых идет речь, т.е. принадлежность их именно к той эпохе или той популяции, к которой их относят, вне сомнений. Иное дело — памятники духовной культуры, сведения

о которых получены благодаря изустной традиции и записаны лишь много позже. В этом случае не приходится говорить о строгой достоверности сведений, сообщаемых в записанных рассказах, чаще всего в мифах и легендах, и, естественно, об их аутентичности. Стоит, однако, заметить, что нечто в этом роде имеет отношение и к письменным источникам.

Письменные источники — совершенно особая группа данных, которыми оперируют историки. Это чрезвычайно разнообразная и по многим параметрам различная по своей ценности мозаика из любых текстов, записанных кем-либо и когда-либо. На первый взгляд вполне может показаться, что любые письменные источники априори намного важнее и ценнее всего остального. И в какой-то степени это именно так и есть. Тексты разных эпох, создававшиеся различными людьми в далеких друг от друга регионах и на любых языках (существуют даже и поныне нерасшифрованные тексты, написанные письмом давно не существующих народов) — это основа истории. Все историки с глубокой древности и вплоть до наших дней узнают о том, что было в те века и тысячелетия, именно из таких сочинений. Если говорить об этих многочисленных и важных для историков и истории письменных памятниках, включая и записанные устные предания, то главной проблемой при их использовании являются их *аутентичность* и *достоверность*. Следует отличать аутентичные тексты, т.е. документы, созданные в то время, подчас очень древнее, о котором в них и повествуется. Они наиболее ценны, ибо дают историку полное представление не только о самих событиях, в них зафиксированных, но и о ментальности их авторов, что, впрочем, всегда требует корректировки, если есть стремление быть максимально ближе к истине. Если же специалист имеет дело с текстами, фиксировавшими в письменной форме события или предания, случившиеся задолго до того времени, то эти тексты не аутентичны, что, впрочем, само по себе не решает еще вопроса о достоверности материала, который в них содержится. Такие тексты являются или записью разных устных повествований или воспоминаниями, в которых идет речь о событиях, свершившихся задолго до того времени, когда эти события были записаны.

Вопрос здесь не столько даже в том, насколько первоначальный устный текст отличался от того более позднего его варианта, который был записан. Гораздо важнее уловить разницу в лексике и ментальности тех, кто первым когда-то устно оценивал события, тех,

кто позже воспринимал от них предание, равно как и тех, кто — быть может, намного позже — зафиксировал его в тексте. Еще сложнее оценить письменную версию древнего повествования, если она была к тому же многократно переписана (а ведь первый типографский способ размножения текстов насчитывает всего около тысячи лет). Все это и относится к проблеме достоверности любого письменного источника. К слову, это очень легко проверяется в наши дни. Возьмите мемуары о войне, написанные разными людьми об одних и тех же событиях, — и будет очень не просто разобраться, кто и почему говорит явную неправду. И это при том, что есть корректирующие аутентичные документы, которые тоже, к слову, нужно воспринимать *cum grano salis*, как говаривали древние. Мало того, обратитесь к тому, что на первый взгляд покажется невероятным. Возьмите, к примеру, пачку различных сегодняшних газет — и вы увидите, как по-разному ощущаются в них одни и те же события.

Вообще, вопрос о доверии к письменному источнику очень важен для истории. Но как раз здесь возникают проблемы. Исследователь, знакомящийся с текстами, будь то древние записи на камнях, костях, бамбуке, шелке, папирусе, глиняных табличках, пергаменте, изделиях из металла или на бумаге, редко абсолютно уверен в них. Имеется в виду то, что они (то, что в них записано) полностью заслуживают доверия. Если это небольшие записи бытового и делового характера (обменял то-то на то-то, молился такому-то божееству и принес ему такие-то дары, воевал с теми-то и т.п.), оснований для сомнений мало. Но как только появляются более пространные записи, они, как правило, содержат преимущественно сведения мифологического характера или отчеты о религиозных обрядах, воспевание подвигов древних предков и т.п. Документы такого рода лишь в какой-то части могут считаться заведомо подлинными (были обряды, существовали устные предания, теперь записанные в первую очередь). Во многом же они воспринимаются только как некое свидетельство существования неких преданий, чаще всего мифов и легенд, обожествлявших предков и героев. Жили ли эти предки и герои на самом деле, почти всегда остается неясным.

Одними из наиболее ранних пространных текстов следует считать хроники и летописи, в которых обычно фиксировались годы правления того либо другого правителя и события, происходившие в эти годы. Здесь, как правило, очень много интересного, ценного, обработанного специалистом (хроникеров и летописцев следует отне-

сти к числу первых профессионалов истории как науки, пусть даже преднауки) и заслуживающего доверия материала, но не меньше и того, что доверия не всегда заслуживает или вообще крайне сомнительно. Мы узнаем, что был правитель, правил страной, воевал с врагами, побеждал либо нет, брал пленных, расширял свои владения — все это вполне можно принять. А что помогали ему такие-то боги или что действовал он согласно советам оракулов и предсказаниям, которые обязательно сбывались, — по меньшей мере сомнительно, чаще просто недостоверно. Стоит добавить к сказанному, что в летописях бывает немало отвлеченных суждений и рассказов, точность и достоверность которых совершенно неясна. Либо их следует проверять, изучая другие тексты, если они существуют, и принимая во внимание иную трактовку тех же событий, либо, если других текстов нет, приходится полагаться на выработанную долгими годами работы интуицию исследователя, основанную на хорошем знании изучаемого времени, региона и данной конкретной ситуации.

Еще одно важное обстоятельство, выдвигаемое на передний план современной исторической наукой, — это вскользь упоминавшаяся проблема ментальности авторов той либо иной эпохи, принадлежащих к разным культурным традициям, воспитанных в системе ценностей различных цивилизаций. На современном уровне исследований письменных текстов совершенно ясно, что образ другого, чужого, как правило, в текстах искажался либо воспринимался под определенным углом зрения. Для мусульманского хрониста, например, все остальные были неверные и соответствующим образом именовались и описывались. Примерно то же можно найти в записях христианских, да и многих иных авторов далекого прошлого. На это всегда следует делать скидку, если перед историком стоит задача найти объективную истину. Обычно современная история справляется с такими задачами. Все дело в том, что наука достигла уже высокого уровня, а преданные делу специалисты, как правило, хорошо знают свое дело. Это знание веками приобреталось опытом, т.е. изучением и сопоставлением разных текстов. В современном источниковедении выработано множество хорошо выверенных и в комплексе дающих ценные результаты способов оценки источника и определения степени его достоверности, не говоря уже об аутентичности текста.

Принимается во внимание многое: и обстоятельства обнаружения документа, и наиболее вероятное его происхождение, и содержание

сообщаемых сведений, а также система ценностей и цели предполагаемого автора, связь данного текста с иными, в том числе синхронными по времени, аналогичными по теме и т.п. Источниковеды учитьвают характер написанного, включая даже возможное наличие шифровки либо какой-нибудь тайнописи, характер содержания и последовательность изложения сообщаемых текстом сведений, возможность искажений при неоднократном его переписывании и многое-многое другое. Не остается в стороне, в частности, и оценка степени точности рассказа, особенно если существуют какие-либо другие тексты, позволяющие проверить эту степень. Словом, на сегодняшний день накоплено множество способов, позволяющих оценить ценность, достоверность и аутентичность того либо иного текста. Однако даже в этом случае не всегда эти способы бесспорно срабатывают и приводят специалистов к единогласию.

Хорошо известно, например, что некоторые важные произведения, как, скажем, знаменитое «Слово о полку Игореве», не всеми видными учеными оценивается одинаково. Среди них есть такие, кто приводит серьезные доводы в пользу того, что это сочинение — подделка более позднего времени.

Если попытаться подвести некоторый общий итог, то окажется, что, учитывая опыт и интуицию, историк в любом случае не должен безоговорочно принимать либо отвергать данные текстов, особенно в тех нередких случаях, когда они содержат сомнительные сведения либо дают даже незначительные основания для неуверенности в их аутентичности и достоверности сообщаемых ими данных. Историк обязан во всех такого рода случаях оговариваться и, более того, объяснять мотивы своих колебаний и сомнений, дабы читатель понял, что для этого есть веские основания.

Следует отметить, что наряду с абсолютно достоверными и аутентичными текстами, а также с документами, по поводу аутентичности и достоверности которых есть лишь некоторые основания для сомнений, существуют и откровенные легко разоблачаемые подделки. Специалисты знакомы с текстами, не имеющими никакого отношения к подлинным древним летописно-хроникальным сводам, но повествующими о героическом прошлом того или иного народа и государства не в форме мифа, но именно в стиле хроники либо летописи. Иногда эти тексты включаются в летописи, являясь их своеобразным для них зачином, иногда существуют отдельно. Опять-таки всегда перед историком встает проблема, насколько сообщение заслужива-

ет доверия. Лучше всего знают об этом в нашей стране на примере летописного сообщения о том, как наши предки призвали варягов править страной. До сих пор идут споры относительно достоверности такого сообщения, и конца этим спорам не видно.

Стоит добавить к сказанному, что чуть ли не с самой глубокой древности, во всяком случае в античном мире, стали в обилии появляться нарочито, причем достаточно искусно, изготовленные подделки древних рукописей, будь то сочинения о богах, какие-либо вставки в бессмертные произведения Гомера, история взаимоотношений Ассирии с Персией, некоторые речи Перикла, пьесы Аристофана или Плавта и т.п. Из внушительной по объему книги Е. Черняка¹ явствует, что подделки такого рода уже в древности стали едва ли не спортом. И это при всем том, что авторы подделок в отличие от печально знаменитого Герострата, сжегшего храм богини Артемиды в Эфесе (греческий полис в Малой Азии), дабы прославиться в веках, чего он в конечном счете и добился, славы не жаждали, но, напротив, очень тщательно скрывали свое подлинное имя. Поэтому неудивительно, что вопрос об отношении к источникам встал перед античными историками достаточно рано. Это еще не было ни критикой источников, ни тем более научным источниковедением. Однако это означало, что среди тех, кто занимался историей, издавна существовало подозрительное отношение к некоторым текстам и стремление разоблачить многое из явно недостоверного в них.

Несколько слов о характере текстов типа канонов, которые могут восприниматься и воспринимаются как хотя подчас и не чурающиеся мифов и легенд, но в целом вполне аутентичные и достоверные источники. Сразу следует сказать, что их много, даже очень много. В развитых обществах, быстро эволюционировавших, стали появляться пространные тексты, не имеющие прямого отношения к описанию исторических событий, тем более в хронологическом порядке. Это могли быть — и прежде всего как раз и бывали — имевшие первостепенное значение и чаще всего официально признанные каноны, равно как и близкие к ним многие сочинения религиозно-философского, этического, социополитического и другого характера, вплоть до поэм, эпоса и различных сборников всякого рода рассуждений. Достаточно напомнить о Ветхом Завете, произведениях Платона или Аристотеля, Конфуция и многих иных древнекитай-

---

¹ См.: Черняк Е. Б. Призрачные страницы истории. М., 2000.

ских мудрецов, о древнеиндийских ведах, упанишадах и прочих текстах. Чуть позже возник жанр комментариев к такого рода канонам или другим значительным сочинениям, равно как и к некоторым летописным сводам, и т.п.

В письменных материалах подобного типа, особенно в комментариях, как правило, содержалось в качестве пояснений и аргументов много сообщений из более ранних текстов, но они часто давались в произвольной интерпретации, что придавало им иной смысл. Поэтому комментарии далеко не всегда могут и должны восприниматься в качестве первоисточников, тем более абсолютно достоверных и аутентичных. Конечно, многие из них имели характер обычных пояснений либо давали дополнительные описания исторических событий, позволявшие раскрыть неясный смысл скудной записи древнего текста. Это ставило их как бы между источниками и текстами историографического характера, о которых речь чуть ниже. В связи с этим комментарии нельзя безоговорочно ставить рядом с аутентичными текстами. Тем не менее, изучая их, современный историк всегда должен принимать сказанное в комментариях во внимание, особенно в тех нередких случаях, когда он вынужден решать вопрос о достоверности изучаемого им первоисточника.

Наиболее поздние и сложные по составу произведения, особо важные для историка, — это исторические сочинения, порой многотомные своды, авторы которых широко использовали все то, что они могли узнать из различных устных повествований, рассказов разного рода очевидцев или прочитав. Ценность таких сводов — будь то труды китайца Сыма Цяня, грека Геродота, римлянина Тацита и многих других — в обилии приведенных сведений, часть которых известна из более ранних текстов, а часть неизвестна и либо взята из исчезнувших текстов, либо является записью устных преданий и сообщений, полученных пытливым автором сочинения. Здесь перед историком встает все тот же вопрос: насколько достоверно все то, что содержится в пухлом своде, если принимать во внимание рассказы неких «очевидцев» о людях с песьими головами и т.п. вздоре. И опять-таки единственный выход — перекрестная проверка с помощью других текстов, а если это невозможно, то апелляция к опыту и интуиции.

В случае когда речь идет о более позднем времени — задача историка в работе с письменными документами становится более сложной. Из трудов, не касающихся истории (а таких со временем становится

все больше, причем во всех жанрах), исследователь вправе брать все, что ему кажется важным для понимания изучаемого им общества и интересующей его эпохи. Имея дело с сочинением, касающимся истории, важно принимать во внимание все сказанное, но при этом быть максимально сдержанным, коль скоро идет речь о доверии к тексту и его автору. Это относится к любому жанру, но в особой степени — к мемуарам либо дневникам. В мемуарах и дневниках (а этот жанр возник сравнительно недавно и потому тем более показателен) часто раскрывается то, чего не найдешь в официальных текстах. И это придает им особую ценность, ибо априори предполагается, что автор подобного рода сочинений не станет врать. Напротив, он будет писать то и о том, что ему кажется приближенным к истине. Но в том-то и дело, что истина объективна, а любой автор субъективен, т.е. пишет именно так, как он это воспринял и оценил. Отсюда все тот же завет: никогда нельзя слепо доверять сообщениям письменных памятников.

Резюмируя все сказанное о разных исторических источниках, особенно о письменных текстах, важно понять и принять самое основное: источник — это основа истории, всего историописания. Но прежде чем брать эту основу — даже вполне, казалось бы, аутентичный и достоверный первоисточник, не говоря уже о разных комментариях к нему либо о многотомных сводках, тем более о более поздних по времени жанрах, таких как дневники, мемуары и различные иные тексты субъективного характера, — необходимо подвергнуть ее критике. Критика источников — это едва ли не важнейшая задача исследователя, занимающегося изучением истории. Без этого его произведение не будет заслуживать доверия. Важно также понимать, что критика текстов может быть удовлетворительно выполнена лишь с позиции хорошего знания и детальной, скрупулезной проверки самих этих текстов. Не менее важно напомнить читателю, что это доступно лишь серьезным профессионалам, что историки как научные работники тратят на свою подготовку к плодотворной научной работе не меньше лет и усилий, чем физики или биологи.

ИСТОРИОГРАФИЯ (ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ) И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Завершив рассказ о самом главном в изучении истории, т.е. о его основе, источнике, следует обратиться к анализу тех сочинений, которые на основе такого рода источников писали и пишут специали-

сты. Речь теперь пойдет именно об историописании. В самом общем виде историография — это и есть изучение истории, представляющее собой огромное количество разнообразных научных изданий либо просто сочинений, не претендующих, особенно когда речь идет о трудах, написанных в древности, на научность, но ставящих своей целью рассказать читателю обо всем, что автору удалось узнать об интересующем его прошлом. Эти сочинения весьма неодинаковы. Наиболее древние из них обычно представляют собой весьма обширные общие своды, очень часто для удобства изложения и восприятия разделенные на рубрики и главы. Более поздние могут иметь такой же сводный характер, но есть и другие, прежде всего монографические исследования, посвященные той либо иной проблеме. В современном мире к числу историографических сочинений относят работы самых разных жанров и размеров. Среди них преобладают многочисленные статьи, тематические и иные сборники статей, монографии и различного рода публикации памятников или найденных новых текстов с соответствующими комментариями, но нередко встречаются также большие многотомные сводно-обобщающие труды, мемуары и воспоминания видных деятелей, наконец, учебники для школ и вузов.

Едва ли в этом перечне ни о чем не забыто. Но главное не в том, чтобы полно обозначить и тем более четко охарактеризовать каждый из многочисленных жанров историописания. Много важнее обратить внимание на то, что ни один из этих жанров, даже учебники или сочинения в стиле эссе, не обходится без источника. Пусть это не всегда первоисточник, а подчас лишь пересказ источника каким-либо другим автором, древним либо даже современным, но источник должен быть в основе сочинения. Здесь, однако, как подсказывает опыт, часто случаются различного рода осложнения. Тексты бывают разными, включая и весьма искусно подделанные. Истории известен, например, важный документ, вошедший в обиход под названием «дар Константина», согласно которому император Константин, переехав в Византию и основав Восточную Римскую империю (Византию), будто бы подарил римскому епископу как главе церкви власть над Западной Римской империей. Документ, как то было доказано только в начале эпохи Возрождения, в XV в., был сфабрикован в папской канцелярии в VIII в. Но на протяжении ряда веков ему верили, о чем можно найти свидетельство в «Божественной комедии» Данте.

Бывали и иные случаи, когда в качестве источников для исторических сочинений использовали заведомые фальшивки либо тексты,

вообще к истории не имеющие отношения (вспомним рассуждения о превосходстве германцев-арийцев в гитлеровское время или сегодняшние отечественные брошюры на тему о превосходстве древних русских в те времена, когда их, русских, просто еще не существовало). Но даже если оставить в стороне подделки, далеко не всякий такого рода текст может рассчитывать на доверие к нему, тем более полное. Так, в качестве такого текста может восприниматься и воспоминание какого-нибудь видного деятеля, оставившего заметный след в истории. Однако такой источник типа мемуаров, о чем упоминалось, обычно субъективен и во многом зависит от того, как именно воспринимал события своего времени его автор. Поэтому очень важно иметь в виду необходимость критики и интерпретации такого рода первоисточников, чем давно специально занимается весьма развитая и первостепенная историческая дисциплина, источниковедение.

Историография и источниковедение очень близки друг к другу и в истории всегда идут рядом, рука об руку. Хронологически первой была историография, хотя источниковедение следовало за ней буквально по пятам. Выше шла речь о том, что уже в древности специалисты историки собирали имевшиеся в их распоряжении первоисточники, включая и неизвестные ныне тексты, и на этой базе создавали порой многотомные сочинения типа генеральных сводок. К сожалению, в числе первоисточников, использовавшихся в таких сводках, было немало и фальшивых. Однако к чести мастеров зарождавшегося в то далекое время источниковедения нужно заметить, что некоторые из фальшивок, частично уже упомянутых, разоблачались достаточно быстро. Собственно говоря, этим и было положено начало научному изучению истории.

Здесь стоит сказать несколько слов о начальном этапе историографии и источниковедения, который длился достаточно долго. Ведь обе эти дисциплины стали превращаться в подлинно научные отрасли знания в Европе не ранее рубежа XVIII–XIX вв. До того, а вне Европы и позже они делали лишь первые шаги. Более того, даже формального членения на историографию и источниковедение не существовало. Вместо этого была задача передачи потомкам как можно большего количества сведений о наиболее ранних периодах. Специалисты, которые занимались созданием хроник и летописей, энциклопедий и исторических сводов, были озабочены в первую очередь именно этим и не ставили перед собой зада-

чу критики источников. Они разоблачали фальшивки лишь тогда, когда это имело большой политический смысл, как вопрос о даре Константина, или было слишком заметным. В общем, такой настрой следует всячески приветствовать, ибо именно благодаря ему многое, пусть даже весьма недостоверное, сохранилось и дожило до наших дней. Нет особой беды в том, что в ряде случаев древние авторы сами оказывались жертвой обмана, принимая, например, записанные ранее мифы за подлинную предысторию страны, которой посвящено данное сочинение. В более поздние времена, раньше либо позже, истина выходила на свет и торжествовала. Но при этом в тезаурусе мировой культуры оставались шедевры древних выдумок, подчас очень интересных.

Наиболее характерный в этом смысле случай — ранняя история Британии. Историки этой страны вплоть до XVII в. на протяжении свыше 500 лет опирались на сочинение монаха Жоффруа Монмаутского, жившего в XII в. и написавшего первую хронику Британии. В ней фигурировали легендарный король Артур со своими рыцарями Круглого стола и еще более легендарная с приписывавшимися ей волшебными свойствами чаша Грааль, к которой был причастен сам распятый на кресте Христос. В поисках этой чаши с кровью Христа как раз и принимали участие рыцари короля Артура. За неимением альтернативы такого рода легендарные сказания воспринимались всерьез, что косвенно свидетельствует об уровне критики источников в то время. Этот уровень долгое время был невысок. В лучшем случае в форме своей экзегезы (комментария) критики в разных странах позволяли себе толковать те либо иные строки древних текстов. Правда, случались и иные ситуации, особенно тогда, когда речь заходила о важных религиозных догматах, зафиксированных в наиболее чтимых классических канонах. Это наглядно видно, в частности, на примере ожесточенной борьбы в эпоху раннего христианства вокруг тех либо иных фраз Библии, особенно Евангелий с их идеями о Троице и сущности Христа, Бога Отца и Бога Духа святого. Но при этом, стоит подчеркнуть, споры шли не столько вокруг текста — критики источников как таковой еще практически не было, — сколько вокруг толкования их смысла. Споры были яростными и, как известно, чаще всего заканчивались появлением ряда не признававших друг друга религиозных сект.

Картина такого рода была одинаковой и в Европе, и в славящемся обилием сочинений исторического характера Китае, да и, пусть

в меньшей степени, в некоторых других странах. Это было всеобщей нормой. Мало того, считалось само собой разумеющимся, что авторы сочинений более позднего времени часто вставляли в них полубившиеся или сочтенные значимыми отрывки из более ранних текстов. Это тем важнее, что иногда позже такие тексты терялись и становились знакомыми нам только во фрагментах из более поздних сочинений. И еще. Хорошо известно, что практика использования чужих записей без упоминания имени их авторов, даже если они хорошо известны, в наше время считается плагиатом и резко осуждается. Однако в то далекое время, о котором идет речь, так никто не считал. И, честно говоря, в этом был свой великий смысл. Неважно, кто рассказал об интересном событии, кто именно записал ту либо иную мысль. Неважно даже то, был ли уважаемый первоисточник искусно подделанной фальшивкой. Гораздо важнее было в эпоху, когда сочинения могли дойти до потомков лишь в том случае, если кто-то их время от времени переписывал, целиком или хотя бы частями (а вместе с тем порой и своевольно редактировал), донести эти записи до потомков. А уж на долю потомков выпадало разбираться, где истина, а где выдумки. Но это время пришло сравнительно недавно. Вот весьма характерный пример.

В начале Нового времени, уже после Великих географических открытий, первые по-европейски образованные люди, католические миссионеры, приезжали в дальние страны и изучали там, в Америке либо в Китае, местные языки. Эти первые западные знатоки и в какой-то мере исследователи Востока старались прочесть и понять все то, что было в написанных на восточных языках сочинениях. При этом они считали своим долгом сохранить прочитанные и переведенные ими на европейские языки, чаще всего на латынь, чужие тексты в неизменном виде. О критике текстов речь не шла — при всем том, что эти тексты не имели ничего общего с христианством и учением католической церкви. И этот подход тоже следует считать единственно верным в сложившейся ситуации. Как бы то ни было, но именно таким образом, причем не только в востоковедении, было положено начало долгому пути становления подлинно научной историографии и научного источниковедения. И лишь очень медленно и постепенно ситуация изменялась.

Только примерно с рубежа XVIII–XIX вв. стала энергичными темпами возникать практика жесткой критики первоисточников, как европейских, так и всех других, будь то древнегреческие или древнеки-

тайские, древнеегипетские или ассиро-вавилонские. Эта работа шла не слишком быстро (достаточно напомнить, что древнеегипетские иероглифы были расшифрованы весьма поздно), но в конечном счете дала серьезные результаты, и уже в конце XIX и особенно в XX в. именно критика древних и более поздних источников очень способствовала тому, что в Европе, а позже и вне ее стали появляться многочисленные сочинения различного жанра, посвященные разным векам и проблемам истории различных народов, включая и бесписьменные.

Итак, историография и источниковедение как науки появились сравнительно поздно, уже в Новое время. Первые ее шаги были сделаны еще в XVIII в., в эпоху Просвещения, когда первоисточник и его критика начали более осознанно восприниматься как основа исторических работ всех времен и жанров. С этого момента появились обстоятельные и серьезные в научном смысле труды, излагавшие точку зрения автора на события прошлого, на историю отдельного народа, государства, на образ жизни народов, описывавшие экономические, социальные, культурные, политические события прошлого. Большое внимание стало уделяться истории взаимоотношения народов и государств, а также войнам и их роли в истории человечества.

Разумеется, это не значит, что до того никто не задумывался над тем, что такое история. Но само отношение к истории в древности, как то вытекает из всего сказанного, было несколько иным. Ее не воспринимали тогда как нечто вроде серьезной науки. В эпитафье к данной книге приводится один из наиболее ранних афоризмов на эту тему: для римлян история была учителем жизни. В ней они видели наглядные примеры того, как следует и как не следует поступать, или, иными словами, что такое хорошо и что такое плохо. Правда, имея это в виду, в Риме все же более всего практиковали описания недавних либо вообще современных событий, среди которых мы встречаем такие шедевры, как книга Цезаря о войне с галлами. Но, несмотря на это, главное в истории, с точки зрения римлян, — уметь учиться жить. Историей, главным образом древней, активно интересовались и в Китае, где прошлое тоже воспринималось как образец того, чему нужно или не нужно подражать. Уделяли внимание своему прошлому, пусть в меньшем масштабе, и представители остальных цивилизаций. Но наукой в собственном смысле этого слова история ни в древности, ни в средние века еще не была, что, впрочем, относится и к подавляющему большинству других современных наук.

В разгар Средневековья и в эпоху господства в Европе христианской теологии всю историю там воспринимали как движение от первого пришествия Христа ко второму. Не было еще строгого научного анализа прошлого и в других странах, включая Китай, где изучение истории в Средние века было едва ли не наиболее почитаемым занятием. Как известно, китайцы более других народов мира уважали прошлое и даже благоговели перед ним, что превращало историописание в важнейшее занятие, поощрявшееся государством. И на государственных экзаменах на чин, который придумали именно китайцы, знание истории (именно той истории и именно в том виде, как исторические события были изложены в разных древних сочинениях, пусть с необходимыми комментариями) считалось делом первостепенной важности. Соответственно к критике текстов глубокой древности подобное отношение к прошлому привести не могло.

В общем, легко понять, что история, собственно историописание в древности, а во многих странах, включая Китай, и много позже, не была наукой в строгом смысле этого слова. Она стала превращаться в науку только в связи с теми изменениями отношения к науке в принципе, которые начали становиться нормой в новоевропейскую эпоху. Практически лишь с эпохи Ренессанса, когда идеи античного восприятия мира и новоевропейского гуманизма вышли на передний план, историки в Европе начали более или менее критически воспринимать и соответственно трактовать долгий исторический путь человечества в целом и Европы с античности в первую очередь и главным образом. На передний план в ходе этого процесса пересмотра отношения к истории и превращения историописания и источниковедения в науку вышла идея некоего поступательного движения от менее развитого к более развитому состоянию человечества или, как иногда в то время, да и позже писали, от дикости через варварство к цивилизации. Возникла идея о последовательной смене одних цивилизаций другими. Это был переход к той современной типа научной историографии, которая восходила к эпохе Просвещения, отмеченной славной деятельностью великих французских просветителей, начиная с Вольтера и энциклопедистов. Эстафету деятелей Просвещения подхватил знаменитый немецкий мыслитель Гегель, немало внимания уделявший истории, историографии и, главное, философии истории, о которой речь пойдет дальше. Но для нас существенно, что после Гегеля и историография, и источниковедение все более определенно становились строгой наукой.

Расцвет историографии и источниковедения привел к тому, что появилось немало количество различившихся между собой методологических подходов к истории, отличных друг от друга направлений и научных школ. Одни авторы занимались изучением узких проблем древности, Средневековья либо близкого к ним времени становления европейского капитализма и колониальной зависимости неевропейских стран. Другие стремились соединить все собранные таким образом данные и создать цельную картину истории различных стран Европы либо даже Европы в целом. Третьи изучали разные восточные языки, расшифровывали написанные на них тексты и давали их переводы на европейские языки, а также писали историю неевропейских стран, с тем чтобы всемирная история, до того бывшая по преимуществу историей Европы, начиная, как правило, с античности, становилась действительно всемирной. Четвертые ставили своей целью сводить воедино все накопленные историей сведения, дабы создавать все новые и новые варианты всемирной истории.

По мере роста знаний история быстрыми темпами превращалась в весьма обширную по своим авуарам науку, которая постоянно расширяла свой кругозор и привлекала внимание новых поколений историков ко все новым и новым открывавшимся перед ними проблемам. Проблемы были разнообразными, причем ими интересовались определенные историографические школы, представители которых обычно группировались вокруг того либо иного круга проблем древности, Средневековья, Нового времени и современности, а то и сводя все воедино. На этой основе создавались серьезные труды, начиная с монографических исследований достаточно узкой направленности и кончая широчайшими многотомными сводками.

Завершая рассказ об истории как науке, следует еще раз предостеречь читателя от фальшивых построений псевдоисториков, стремящихся внести свое имя в число великих первооткрывателей за счет грубого искажения хорошо известных фактов. Это искажение может аргументироваться разными способами, например предъявлением неких будто бы принципиально новых астрономическо-календарных и математически выкладок, рассчитанных на то, чтобы поразить ученостью воображение среднего читателя. Или рассуждениями о таинственном влиянии космических и природных сил, которые побуждают именно данные, но не иные народы сниматься с места и в кровавых походах перекраивать карту мира а также ссыл-

ками на сфальсифицированный документ типа протоколов сионских мудрецов. Построения такого рода не для всех неубедительны. Кое-кто с легкостью клюет именно на это. Но сколь значительным ни было бы количество подобного рода сочинений и каким бы талантом ни обладал их автор в умении изложить придуманное, все сказанное, если оно не опирается на надежный источник, не заслуживает серьезного внимания.

История есть история. У нее свои нормы и принципы, свои критерии доверия к подобного рода сочинениям. И в этих своих критериях она, как правило, не ошибается. Другое дело — вопрос о том, как понимать и трактовать реальную историю, опирающуюся на проверенные факты, но перенасыщенную нерешенными проблемами, гипотезами и представлениями о ее смысле и характере. Задача эта не из легких. Существовало в прошлом и в еще большем количестве бытует сегодня великое множество различных попыток понять и объяснить смысл истории, определить ее ход и свойственные ей закономерности, а также роль столь характерных для нее случайностей. Всеми этими проблемами занимается специальная отрасль науки, правда, на сей раз уже не истории. Это теория истории. В данном случае имеется в виду так называемая философия истории, о которой и пойдет речь в следующей главе.

Глава вторая. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

В чем смысл истории? Этим вопросом не могли не задаваться уже авторы даже самых первых хроник, летописей, записей древних сказаний и тем более солидных сводок, наполненных описаниями событий самого разного характера. Почему события в том или ином случае приняли именно такой оборот и привели к данному результату? Что сыграло роль в развитии событий по этому сценарию? Стоит ли кто-нибудь за спиной видных исторических деятелей, принимающих то либо иное решение, и если да, то кто именно? И куда в конечном счете ведет дальнейшее развитие событий, к чему оно может и должно привести, можно ли его предугадать, предсказать?

Эти вопросы так или иначе часто вставляли перед теми, кто интересовался ходом исторических событий. А интересовались этим ходом более других в двух очень разных и весьма отдаленных друг от друга странах, где с древности историописание и вообще интерес к истории, количество исторических трудов были много больше-

ми, чем в остальных. Речь идет о древней Греции и древнем Китае. При этом стоит обратить внимание на то, что, несмотря на сильную несхожесть между Китаем и Грецией, вопросы, поставленные выше, были практически одинаковыми, хотя строго в такой форме они никем обычно не ставились. И ответы были если не совсем одинаковыми, то очень близкими по существу. Главным, что следует выделить из приведенной выше суммы важных для первых авторов исторических сочинений вопросов и имплицитно тесно связанных с ними ответов, было то, что ход истории не случаен. В нем есть какой-то внутренний смысл, и он подчиняется определенной воле неких сил. Но каких именно?

В Китае очень рано, еще на рубеже XI–X вв. до н.э., в ряд судьбоносных для этой страны причин, связанных со сменой одного государства (Шан) другим (Чжоу), был поставлен чрезвычайной важности вопрос о легитимности тех, кто силой низверг власть предшественников. В стране, где в то время цивилизация только-только появилась, подобные прецеденты не имели места, поэтому необходимо было дать убедительное объяснение случившемуся. И оно было дано. Оказывается, власть перешла к чжоусцам по велению божественного Неба, которое выступало в функции судьбоносной инстанции, зорко следившей за событиями на земле, в Поднебесной. Небо обладало высшим правом распоряжаться судьбой Поднебесной, а проявлялось это право в том, что давался мандат на власть добродетельному деятелю, который именно в силу своей высоко оцененной Небом добродетели и получал право стать главой новой династии. Одновременно этот мандат Неба, ранее данный прежней династии во главе с некогда бывшим добродетельным первым ее правителем, отбирался, потому что последний представитель предшествующей династии утратил добродетель и тем самым потерял право на власть.

Самое любопытное в этой незаурядной и интересной интеллектуальной схеме, явно выдающейся по замыслу для столь ранней эпохи, в том, что иероглиф, находившийся в ее центре (мандат — кит. «*мин*»), соответствовал понятию *судьба* и именно так обычно всегда воспринимался древними китайцами. Если мы теперь сопоставим это с тем, как относились к столь же важным историческим событиям древние греки, то сразу же столкнемся с аналогичным отношением к историческому процессу. Судьба, рок, фатум, воля богов — вот то, что определяло ход истории и всегда стояло за спиной всех судьбоносных событий. Соответственно одинаковым было и отношение к предска-

заниям — и греки, и китайцы верили им абсолютно, что видно хотя бы из того, что предсказания, насколько можно судить о них по многочисленным текстам, всегда сбывались. Правда, предсказания давались различными способами. У греков этим занимались специальные гадалы в храмах наиболее почитаемых божеств (дельфийский оракул с его жрицами-пифиями в храме Аполлона), у китайцев гадания производили при дворах правителей обычные чиновники-гадалы. Но не было случая, чтобы предсказание, зафиксированное в текстах, не исполнилось (видимо, такие предсказания просто не фиксировались, так что о них скоро забывали).

Все это неудивительно и, более того, само собой разумеется. У истории есть свой смысл. Иначе быть просто не может. Но смысл этот доступен лишь великим богам (Небу) и проявляется по их воле в форме судьбоносного предсказания или просто судьбы как таковой (рок, фатум, мин). Существенно, что воля богов непостоянна, как и дар судьбы. Однако это непостоянство имело разные причины. В Китае, что очень важно принять во внимание, благосклонность Неба была наградой за добродетель, в Греции с ее множеством богов судьба нередко становилась неким результатом противоборства их противоположных симпатий и пожеланий, что видно уже на примере великих поэм Гомера.

Ветхий Завет иудеев не был и никем не считается сочинением исторического типа. Эта книга гораздо большего значения. Однако и в ней, если внимательно ознакомиться с некоторыми ее частями, немало сказано об исторических событиях и прежде всего об истории самих древних евреев. Если принять во внимание, как понимали древние евреи смысл истории и значение исторических событий, то и здесь картина окажется похожей на то, как воспринимали историю древние греки и китайцы. Родоначальник семитов Авраам (стоит напомнить, что он под именем Ибрагима считается праотцом и арабов, о чем сказано в Коране), будучи готовым принести в жертву великому Богу, всемогущему Яхве, своего первенца и долгожданного сына Исаака от любимой, но долгое время бывшей бездетной пожилой уже жены Сарры, тронул сердце Господа, который, если верить Ветхому Завету, провозгласил иудеев за этот поступок богоизбранным народом. И несмотря на то, что этот народ далеко не всегда шел по указанному Яхве пути, почитая своего Господа должным образом, божеская благосклонность не оставляла его. Можно сказать, что, заручившись ею, иудеи — как то было

и в случае с греками и китайцами — обеспечили себе благоприятную судьбу.

Яхве и покорная его воле судьба не только даровали евреям высокую выживаемость и высочайший интеллект, но и длительное время помогали им выпутываться из сложных жизненных перипетий. С его помощью они сумели освободиться из египетского, а затем, надо полагать (прямо об этом не сказано), и вавилонского плена. По его указанию была обретена своя земля в Палестине, выстроен в его честь храм, и с его, как надо понимать, помощью успешно развита одна из наиболее глубоко насыщенных философскими и культурологическими рассуждениями, позициями и нормами религиозных систем, которая впоследствии получила наименование иудаизма. Понятно, что и отношение к истории у древних евреев было соответственным. События развивались и должны были развиваться так, как того желали Яхве и покорная его воле судьба. И лишь на рубеже нашей эры, в эпоху раздора и разброда среди иудеев, римской оккупации и появления ряда сект, включая протохристианские, ситуация стала иной.

В условиях напряженного ожидания Мессии, который придет и поможет иудеям выпутаться из сложного кризиса, вера во всемогущество Яхве если и не поколебалась, то несколько изменила свою форму. Евреи потеряли родину с Иерусалимом и храмом, разрушенными римлянами, так что дальнейшая их история уже как бы была лишена того смысла, который был прежде. Ни Яхве, ни его воля не были более в состоянии изменить судьбу гонимого народа. Но стоит заметить, что и в диаспоре евреи сумели не без помощи все того же Яхве и послушной его воле благосклонной к ним судьбы, приняв позицию верных заповедям Торы (часть Ветхого Завета) иудеев, сохранить свой народ. И не только людей, разбросанных по всему миру, но и основные их знания, традиции. Более того, им удалось обогатить мир высочайшим интеллектom, что ощущалось всеми на протяжении тысячелетий и хорошо чувствуется сегодня. Но, пожалуй, самым великим вкладом иудеев в историю человечества следует считать, как то ни парадоксально, формирование христианства, вызревавшего в рамках иудеохристианских сект в мрачную эпоху кризиса и гибели еврейского государства и рассеяния евреев по всему миру.

Христианство, став ведущей, единственной религией Запада, сначала в период поздней античности, а затем в Средневековье суще-

ственно изменило взгляд богословов и ученых-философов на историю и характер исторического процесса. И именно их усилиями стала интенсивно развиваться зародившаяся еще в древности философия истории (ее также именуют историософией), уделявшая огромное внимание истории как некоему процессу, чрезвычайно важному для всего человечества.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ИСТОРИОСОФИИ

Поиски смысла истории и уверенность в том, что событиями руководят сверхъестественные силы — это уже в какой-то мере рассуждения, которые можно считать начальным этапом философии истории. Она, развиваясь в общем-то параллельно с историографией и источниковедением, начала становиться наукой лишь в Новое время и прежде всего в Европе. Однако это вовсе не означает, что зачатков историософских рассуждений не было ранее, особенно в тех странах, где истории как таковой уделялось большое внимание. К этим странам относятся в первую очередь древние Греция и Китай.

Что касается Китая, то там уже в VIII–VII вв. до н.э. чиновниками, обязанными делать записи обо всех событиях и речах при дворе сына Неба, как именовался глава правящей династии, был составлен небольшой трактат, в котором рассказывалось о возникновении древнекитайской цивилизации и государственности. Содержание текста сводилось к тому, что мудрые Яо, Шунь и Юй еще в глубокой древности, когда ничего подобного не было, создали совершенное государство, основанное на высоких добродетелях правителей, умело управлявших их подданными, которые, в свою очередь, были полны добродетели, отличались сыновней почтительностью (*сяо*) и потому благоденствовали. Смысл трактата был гораздо существеннее его краткого содержания. Он сводился к тому, что некогда, как следует полагать, был хаос, из которого мудрые правители, находившиеся, как подразумевается, под покровительством Неба, создали на основе внушенной им Небом добродетели некое благоденствующее государство, своего рода «золотой век». Однако через ряд веков (каждый из великих жил по сотне, если не больше, лет) мудрые правители, создавшие такое государство, ушли в прошлое. Потомки основанной ими (точнее, не ими, а последним из них, Юем, ибо до того власть переходила от одного к другому по мудрому выбору правителя) легендарной династии Ся постепенно теряли при-

сущую их великим предшественникам, считая и Юя, добродетель, а вместе с ней и власть, что вело Поднебесную к кризису.

В этот-то критический момент в ход истории вмешалось Небо, которое отобрало мандат у недобродетельного главы династии Ся, отдав его добродетельному главе племени Шан, который стал правителем новой династии. Спустя ряд веков все повторилось, и во главе Поднебесной стал правитель династии Чжоу. И вот теперь (VIII–VII вв. до н.э.) Чжоу оказалась в состоянии кризиса. Кризис, который имелся в виду в трактате, сводился к тому, что правители удельных царств и княжеств вели себя своевольно, не подчиняясь чжоускому сыну Неба. Следовало бы вспомнить о мудрости великих правителей прошлого и вернуться на стезю добродетели. Вот к этой заключительной нехитрой идее сводился основной смысл трактата.

Вполне вероятно, что этот трактат был написан именно для того, чтобы вернуть всевластие терявшему власть в условиях феодального типа усобиц чжоускому сыну Неба. Но получилось несколько иначе. Восприняв сказанное в емком тексте вполне серьезно и даже включив трактат в качестве первой части в конфуцианский канон «Книга исторических преданий» (*Шуцзин*), китайцы хорошо уловили главное: Небо требует согласия и единства в Поднебесной. И это требование Неба было осуществлено в 221 г. до н.э., когда все владения были завоеваны правителем царства Цинь, объявившего себя императором Цинь Ши-хуанди.

С тех пор на протяжении свыше чем двух тысячелетий в Китае господствовало четкое представление о том, что смена династий происходит по воле Неба и что суть этой смены в том, чтобы сохранить завещанное мудрыми предками и основанное на добродетели благоденствие. Иными словами, в моменты острых кризисов, которые рано или поздно, но неизменно настигали Поднебесную империю раз в несколько веков, следовало сделать все для того, чтобы как-то восстановить утраченную норму. Принцип консервативной стабильности стал на тысячелетия основой представлений китайцев об историческом процессе.

Этот процесс выглядит как циклично-линейный. Важно обратить внимание на то, что на долю линейного начала приходилось немного. Оно сводилось лишь к тому, что на смену одной династии приходила новая. Цикл же лежал в основе. Он как бы держал собой всю схему исторического процесса, который привычно воспринимался в Китае как нечто неизменное. Все необходимые перемены

должны были вмещаться в рамки цикла, а историческое развитие, которое никогда и никем не отрицалось, было лишь обогащением генеральных принципов, выработанных великими мудрецами древности с их добродетелями и заботой о людях. Начиная с великого Конфуция (551–479 гг. до н.э.) идеи древних мудрецов были не только возвеличены, но и стали своего рода непревзойденным образцом должного поведения для всех китайцев. Именно Конфуций, а вслед за ним и его alter ego Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.), сделали все, что было в их силах, дабы сформировать модель общества и государства.

Она была основана на гуманности, добродетели, мудрости, справедливости, высоком чувстве долга и глубокого почтения к старшим, а также на постоянном стремлении к знаниям и самоусовершенствованию, к основанной на ритуальном церемониале жесткой социальной дисциплине. И справедливости ради стоит заметить, что, несмотря на спорадические нарушения этой идеальной модели в реальной жизни, очень многое из нее вместе с конфуцианством сохранялось веками. Конфуцианство было мудрой доктриной, игравшей в истории Китая роль основной религии; оно глубоко вошло в жизнь людей и во многом дожило до наших дней, чем, к слову, в немалой степени объясняются успехи Китая сегодня.

В древней Греции отношение к историософским идеям было несколько иным. Во всяком случае, здесь долго не было столь великого и бесспорного для всех авторитета, каким стал для китайцев на два с лишком тысячелетия великий Конфуций с его гуманным и мудрым учением. Здесь было, особенно на первых порах, много мыслителей рангом поменьше (к слову, таких немало было и в Китае, в основном чуть позже Конфуция, что не помешало ему и его учению занять со временем прочное первое место среди других). Каждый из них формулировал свои представления о смысле жизни и значении истории. Гесиод (VIII–VII вв. до н.э.) в поэме «Труды и дни» разделил все прошлые времена на пять частей: золотой, серебряный, медный века, век героев и железный век. Само это членение говорит за себя: поэт воспринимал исторический процесс как нечто линейно-нисходящее, движение от лучшего к худшему. В противоположность ему Демокрит (V–IV вв. до н.э.) видел в историческом процессе движение линейно-восходящее, от дикости к цивилизации. Римлянин Лукреций смотрел примерно так же, рассуждая о движении человечества от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию.

Впрочем, некоторые античные авторы рассматривали историософские проблемы в ином свете. Опираясь на рассуждения великого Аристотеля о различных формах государства, Полибий (II в. до н.э.) в его многотомной сводке «Всеобщая история» писал о том, что после правления царей власть перерождалась в тиранию. Затем она приняла форму господства аристократии, потом демократии и, наконец, охлократии (правление толпы), после чего снова начиналось время царской власти. Здесь перед нами явное стремление видеть исторический процесс в форме цикла. Но стоит заметить, что идея цикла не получила в античном мире серьезной поддержки. Существовали и иные интерпретации исторического процесса. Греческий историк Ктесий (V–IV вв. до н.э.) в «Истории Персии» и римлянин Помпей Трог (I в. до н.э. — I в. н.э.) создали схему смены одной цивилизации другой. При этом в разных вариантах ими были Ассирия, Мидия, Персия, Македония, Рим.

Как видим, античные историки, как и китайские, тоже были знакомы и с линейным, и с циклическим представлениями о ходе истории. Но в отличие от китайцев они отдавали явное предпочтение линейному процессу. Это вполне естественно, если принять во внимание, что Греция не имела столь древней истории, как Китай. Мало того, она никогда не была единым крупным государством со сменяющимися одна другую династиями. Что же касается римлян, то они многое заимствовали у своих предшественников — греков. В общем и целом античные историки не были знакомы и с культом идеализированной древности (этот культ у Лукреция не был столь серьезно обоснован, как в чжоуском Китае). Да и линейность исторического процесса у них была чаще поэтической метафорой, некоей игрой в различные периоды процветания (века золотой, медный, железный — неясно, какой из них для человечества был полезнее, — или разные могущественные государства), чем сколько-нибудь серьезной и обоснованной концепцией. Концепция такого рода появилась на свет только после первых успешных шагов ставшего официальной религией Рима христианства. И первым провозвестником такой концепции был знаменитый раннехристианский богослов Августин Блаженный (IV–V вв. н.э.), автор труда «О граде божьем».

Августин и многие христианские теологи после него на протяжении более чем тысячелетия исходили из основной идеи христианства о рождении и гибели Христа и его страстно ожидаемом втором пришествии. За точку отсчета была избрана условная дата рождения

Мессии (Христа), которой придерживается ныне практически все человечество (при всем том, что у иудеев и мусульман существует свой счет). Второго пришествия следовало терпеливо ждать, особенно в некоторые годы, например в год тысячелетия со дня рождения Христа, когда многие верили, что уже подошел конец света. Идея христианских богословов, которые долгие века европейского Средневековья были едва ли не единственной грамотной и образованной прослойкой населения, и, в частности, смысл сочинения Августина сводились к тому, что вся история, во всяком случае в пределах града земного, который был противопоставлен в этом сочинении граду божьему, — это движение вперед от сотворения мира ко второму пришествию. В результате явно вырисовывался некий единый линейный процесс, отрицавший любое представление о цикличном развитии истории.

ИСТОРИОСОФИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Это был безусловный шаг вперед на фоне как предшествующего античного, так и веками существовавшего китайского понимания исторического процесса. И хотя здесь еще не было историософии в строго научном смысле этого понятия, начало ей было уже положено. Впрочем, это никак не означает, что иных взглядов в средневековом мире не было. Во-первых, в конце Средневековья появились авторы, в произведениях которых находили место идеи, казалось бы, давно уже ушедшего в прошлое циклизма. В трудах Н. Макиавелли (XVI в.), например, можно найти упоминания о том, что чередования подъема и упадка характерны для развития государств. Правда, эти идеи в принципе не противоречили богословской трактовке линейного движения вперед, но они все же добавляли к линейному движению циклы, пусть только в рамках отдельных политических структур. Во-вторых, с появлением ислама и арабо-исламских богословских идей о предопределенности (включая горячий спор между сторонниками этих идей и их противниками, которые настаивали на отсутствии предопределенности как основы существования всего в мире) в этой цивилизации тоже возникает некий интерес к историософскому восприятию мира.

И у Ибн Халдуна (XIV в.) появляется целая теория возникновения и упадка государств, в принципе близкая идеям Макиавелли.

Стоит заметить, что интерес исламских авторов к историософии был спорадическим и не получил значительного развития. В Западной Европе на рубеже Средних веков и Нового времени при наличии некоторого интереса к идеям циклизма (они прослеживаются, например, в трудах Д. Вико, XVII–XVIII вв.) явно преобладала сформулированная еще Августином идея линейно-поступательного движения вперед. Эта идея в сущности стала господствующей, и именно она в своих основных чертах легла в основу складывавшейся в это время научной историософии.

Одним из признанных ее родоначальников был Ж. А. Кондорсе (XVIII в.). Именно он в свое время выдвинул и тщательнее других, весьма основательно разработал основополагающую идею прогресса. При этом Кондорсе сделал главный акцент на разуме, полагая, что именно разум человека, а не божественное начало в любой его форме движет мир вперед, постоянно создавая все то новое, что определяет это движение. Взгляды аристократа Кондорсе, погибшего в годы революционного террора во Франции, оказали немалое воздействие на его современников. Озвученные им и его единомышленниками мысли, а также разработки других авторов того времени, например немецкого философа И. Г. Гердера, положили начало идее единства и человечества, и мировой истории. У него в перечень шедших на смену друг другу стадий развития были последовательно включены древние государства Востока, античность, варварские королевства раннесредневековой Европы, арабы и позднее европейское Средневековье.

Другой и много более известный немецкий философ того же века И. Кант пошел дальше в попытках связать прогрессивный исторический процесс со стремлениями природы, содействующей созданию совершенного общества людей. Здесь может показаться, что эта идея чем-то схожа с волей богов у древних. Однако это не так. Используя термин *природа* и придавая ему смысл некоего провидения, своего рода природных задатков человечества, Кант настойчиво убеждал своих читателей, что он уповает на разум природы. Он считал, что высшая мудрость и цель ее — создать совершенное человеческое общество¹.

XIX в. был временем расцвета подлинно научного отношения к истории. Это касается и историографии, и научного источникове-

¹ См.: Философия истории. Антология. М., 1995.

дения, т.е. критики источников, и философии истории, т.е. поисков смысла и содержания всемирного исторического процесса. Историсофия, о которой теперь идет речь, именно с этого времени обогатилась различными и чаще всего несхожими друг с другом теориями. Такие теории обычно опирались на заметные разные принципы систематизирования эмпирического материала, не говоря уже об исходных идеях и концепциях эволюции человечества. Однако при всем их разнообразии — что очень важно принять во внимание — все теории могут быть сведены к двум основным типам:

- построения, в рамках которых отдается явственное предпочтение делению всей истории на стадияльно общие для всего человечества этапы;
- теории, выдвигающие на передний план несходство эволюции у разных народов или целых регионов.

Обе эти генеральные теоретические конструкции в рамках научной историсофии обычно имеют некоторую общность взглядов. Ни одна из них, как правило, не отрицает того, что история человечества развивается, проходя в своем движении (которое и есть исторический процесс) через определенные этапы эволюции. Сходны они обычно и в том, что движение подобного рода весьма неодинаково, более того, неравноценно в разное время, у разных народов и тем более в различных регионах. Расхождение начинается тогда, когда важно было определить, что следует считать главным и основным, а что вторичным и как бы само собой разумеющимся. Иными словами, вопрос в акцентах, роль которых в данном, да и во многих других аналогичных случаях чрезвычайно велика. А акценты зависят от той исходной концепции, которая была положена в основу систематизации материала и осмысления исторического процесса в целом.

К первому типу историсофских теорий восходило, во всяком случае в прошлом, значительное их большинство, начиная с наиболее древних рассуждений античных греков или китайцев на тему, скажем, о золотом веке и недостижимом совершенстве мудрых правителей далекой древности. И это вполне нормально, естественно. Самые ранние письменные памятники, прежде всего хроники, датировали исторический процесс по годам правления сперва приукрашенных мифологических персон, затем реально существовавших обожествленных либо героизированных правителей, отмеряя тем самым какие-то куски, определенные этапы исторического процесса. Примерно по тому же принципу древние историки и многие из сле-

довавших за ними стали измерять историческое время по правившим в данной стране или регионе династиям. Тем самым как бы сама собой складывалась некая цепочка линейной эволюции, что, впрочем, не мешало восприятию исторического процесса в форме линейно-циклического или циклическо-линейного.

Позже, в период научного освоения исторического прошлого, многие мыслители новоевропейского постренессансного времени стали делить всю историю на крупные части, на некие казавшиеся современникам вполне очевидными поступательные стадии исторического процесса, как, например, дикость, варварство и цивилизация либо древность, Средние века и Новое время. Именно на этой основе закрепившегося в практике новоевропейской историософии восприятия глобального исторического процесса впоследствии, уже в XIX в., возникли глобальные концепции о социально-экономических формациях (речь идет о марксистской теории и порожденном ею истмате).

Теории второго типа возникли тоже очень давно, еще в древности, хотя и, возможно, несколько позже. Но эти конструкции появились на свет как отражение тех важных изменений, которые были принесены так называемым осевым временем¹. Это время, несколько веков до начала новой эры, отличалось тем, что в разных очагах мировой культуры породило практику серьезного индивидуального сводно-обобщающего философско-теоретического анализа, результатом которого и было появление той самой абстрактной историософской рефлексии, которая начала играть заметную роль. В тех же античном мире и Китае появились представления о цивилизации и о варварах, находившихся вне ее и принципиально отличных от тех, кто ее породил и был с ней хорошо знаком. Возникли идеи о несходстве различных обществ и регионов (свободные и свободолюбивые греки античности обычно противопоставляли себя обществу поголовного рабства в деспотической империи персидских Ахеменидов; морально высоко развитые и социально дисциплинированные китайцы воспринимали окружающие их примитивные племена, особенно кочевые, в качестве варваров). Тем самым были заложены первые серьезные представления о принципиальном несходстве исторического процесса у разных народов, живущих на различных континентах, а порой и в соседних регионах.

---

¹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Естественно, что историософские представления второго типа со временем в результате возраставших контактов и вследствие неравномерности эволюции находили себе все большее подтверждение. Следует заметить, что это обстоятельство сильно повлияло на процесс развития историософии, по меньшей мере на Западе. В частности, возникла проблема исторических и неисторических народов, которая нашла свое наиболее весомое отражение во всеобъемлющей философской системе Г. В. Ф. Гегеля. Его историософия достаточно хорошо известна. Это своего рода вершина философии истории, попытка подведения ее итогов, сделанная одним из величайших мыслителей на рубеже XVIII–XIX вв. Суть ее в том, что в основе эволюции всемирной истории лежит некий очень необычный абсолютный дух — альтернатива древним божествам, который, опираясь на разум, стремится к свободе и совершенству. Не все народы посетил этот дух — и они остались неисторическими. Те, где дух проявил себя, развивались, но не бесконечно. В какой-то момент они более не шли вперед, а дух переходил к другим народам, позволяя им подняться на новую ступень развития, опередив всех остальных.

Начало истории уходит в древневосточные страны, затем мировой дух двигался на запад. Всемирная история (точнее, исторический процесс) — это, таким образом, движение и проявление мирового духа во времени. Действовал он активно, помогая всем историческим народам, которые последовательно посещал, добиваться новых и новых успехов во всех сферах жизни. Как известно, Гегель в своих сочинениях первым из крупных философов, да и историков, уделил большое и специальное внимание Востоку, написав о нем целый том. И хотя сам он на Востоке не был, его рассуждения об этом неевропейском мире во многом весьма точны и не потеряли своего значения и ныне. Восток для Гегеля был своего рода символом замедленного развития, причем страны, представлявшие эту часть планеты, он считал по большей части и в некотором смысле справедливо неисторическими.

Стоит заметить, что подобного рода мнение бытовало не только во времена Гегеля, но и значительно раньше, когда европейцы в ходе колонизации обнаружили, что Восток, казавшийся многим из них просто «спящим», на деле по многим очень существенным параметрам разительно отличался от Европы. Это отличие бросалось в глаза на фоне характерного для Запады динамичного развития и посту-

пательного движения стран молодого, еще только зарождавшегося капитализма. Показательно, что даже очевидное величие развитых восточных цивилизаций не поколебало специалистов в их жестких оценках, в делении мира на динамичный Запад и спящий Восток. Гегель же лишь подвел жирную научную черту подо всеми этими достаточными основательными представлениями и оценками.

К. МАРКС И ПОПЫТКА РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИОСОФИИ

Идеи Гегеля во многом вдохновили К. Маркса на деление истории мира на несколько последовательно сменяющих друг друга формаций, или способов производства. Место мирового духа, который у марксистов стал символом идеализма Гегеля, заняло развитие производства, т.е. материальное начало. Кроме того, Маркс видел смысл исторического процесса в росте производительных сил, а также в постоянной борьбе антагонистических классов, жестко разделенных отношением к собственности (имущие и неимущие). И хотя самый основной пункт в его построениях — механизм постоянного роста упомянутых сил — оказался нераскрытым, все остальное весьма логично вписывалось в его стройную схему. Антагонизм, по Марксу, вечно вел к обострению классовой борьбы, завершавшейся на революционных баррикадах, и соответственно к движению от одного этапа истории, социально-экономической формации, которых он насчитывал то ли пять, то ли шесть, — к другому, последующему. Последний из вычлененных им этапов — коммунизм, когда только и начнется настоящая история. Если относиться к этой марксистской идее всерьез, истории как таковой не было, нет и никогда не будет.

Концепция Маркса при всей ее могучей показаться вздорности заслуживает серьезного внимания. Во-первых, потому что это одна детально разработанных идей в мировой историософии. Во-вторых, что намного важнее, ее на протяжении XX в. не раз пытались осуществить на практике, что привело к неисчислимым бедствиям в тех странах, где это пробовали сделать. Существенно добавить к сказанному, что, следуя Гегелю, Маркс если и не говорил впрямую почти ничего о неисторических народах, то во всяком случае считал Восток — а это и в его время и тем более сегодня подавляющая часть человечества — существенно отличным от Запада по им же, Марксом,

выделенным основным параметрам. И хотя отдельного тома и даже специальной серьезной статьи структуре обществ Востока Маркс не посвятил, в своих трудах он вычленил и вполне отчетливо охарактеризовал особый «азиатский» способ производства. Это была, однако, формация, которая никак не вписывалась в его же схему сменяющих друг друга формаций, находясь в своем застывшем виде в стороне от остальных.

Оставив пока ее в стороне и обратив внимание на то, что проблема Востока попала в марксизм, скорее всего, под влиянием построений Гегеля, остановимся на историософии Маркса и марксизма, включая армию так называемых истматчиков. Исторический материализм — это упрощенно вульгаризованное использование идей Маркса в сфере историософии в рамках тех государств (СССР, страны Восточной Европы, Китай, Вьетнам, Северная Корея и даже Куба), где была сделана попытка реализовать его утопическую схему. Суть ее в том, что пять этапов, способов производства, формаций (первобытная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная, коммунистическая) аккуратно следовали или, во всяком случае, должны были следовать друг за другом в масштабах всей истории человечества. Конечно, история стран и народов мира велика и весьма неодинакова. Могли случаться накладки. Какая-то страна перескакивала через этап, какой-то народ не достигал должного этапа. Но все это мелочи. Важен основной путь человечества. А он как раз и сводился к концентрации в жесткой схеме, из которой следовали не менее жесткие и, что много важнее, обильно политые людской кровью следствия. Вооружившись идеей классовой борьбы, угнетенный неимущий класс предпоследнего из этапов, пролетариат, восстанет и бесповоротно низвергнет буржуазию как угнетающий его антагонистический господствующий класс. Для этого нужна революция с диктатурой и беспощадным террором, после чего настанет коммунизм и начнется подлинная история человечества.

Так выглядела в практической интерпретации мирового коммунизма XX столетия эта бесчеловечная схема. Существенно заметить, что два первых этапа в трактовке самого Маркса звучали иначе — «азиатский, античный». Но так как азиатский Восток оказался в стороне от генеральной линии исторического процесса в марксистско-коммунистической его интерпретации, схема обрела привычный для специалистов по истмату облик так называемой *пятичленки*. Как известно, утопия Маркса, как и все предшествующие ей, показала

свою несостоятельность, хотя в отличие от других история не только услужливо отвела для проверки этого грандиозного социального эксперимента почти весь XX в., но и оказалась готовой пожертвовать для этого жизнью сотен миллионов мирных людей. Между тем несостоятельность марксизма в сфере историософии очевидна. Может встать вопрос, почему же влияние этой теории ощущается, особенно в отечественной историографии, и по сей день? Почему даже студенты, родившиеся намного позже того года, когда с утопией в нашей стране было покончено и появилась масса новых книг и учебников, объясняющих причины краха эксперимента, нет-нет да и проникнутся той же кровавой идеей?

Дело вовсе не в том, что они, начитавшись книг прошлых изданий или трудов тех, кто по-прежнему склонен разделять идеи Маркса о классах и классовой борьбе, оказываются марксистами. Проблема гораздо сложнее. Не стоит забывать, что марксизм как идея спокойно умирал вместе с его автором в конце XIX в. Но он возродился в России, где коммунисты нового поколения дали ему новую интерпретацию, суть которой сводилась к тому, что в современном им мире слишком много враждебных пролетариату классов, которые стоило бы уничтожить в кровавом терроре. Останется один воспетый марксизмом пролетариат — и все во всем мире пойдет на лад. И если представить себе, что реально в России этот пролетариат тогда исчислялся считанными процентами, если не долями процента населения страны, то трудно уйти от впечатления, что объективно курс на антагонизм *классов* был не просто логически вытекавшим из идей марксизма лозунгом. Маркс надеялся на что-то вроде легкой революции в буржуазной Западной Европе, где разумный пролетариат, с легкостью справившись со своей буржуазией, в условиях революции быстро и легко построит коммунизм. А так как в Европе все пошло по иному пути, то и неудивительно, что там марксизм умирал вместе в его основателем еще в XIX столетии.

Создается впечатление, что переинтерпретация марксизма для стран с отсутствием сколько-нибудь развитой буржуазии и пролетариата (а только такие и реализовывали новую модификацию идеи Маркса, осуществляя коммунистические эксперименты в XX в.) оказалась чем-то вроде ответа отчаянных экстремистов, использовавших недовольство и кризис в отсталых странах, на вызов со стороны быстро развивающегося западного буржуазно-демократического мира. *Больше того, объективно это было не только ответом на вызов,*

но и явным проявлением чего-то вроде дарвиновского закона о естественном отборе и борьбе за существование в обществе людей, причем в наиболее жестокой и кровавой его модификации.

К проблеме вызова и ответа, как и естественного отбора в борьбе за существование мы специально обратимся чуть далее. Пока же стоит заметить, что понятие *класс*, не столько введенное Марксом, сколько щедро и беспцеремонно использовавшееся им, оказалось опороченным. И если вне марксизма его использовали прежде всего для обозначения различных социальных групп, то в переинтерпретированном истматовском марксизме XX столетия оно оказалось чем-то вроде клейма. *За ним неизбежно стал следовать зловещий идейно-истребительный хвост из антагонизма классов, революций как локомотивов истории и веры в конечную победу утопического коммунизма с ликвидацией «непролетарских» классов (из их числа исключали разве что только «беднейшее крестьянство»)*. Но вернемся к Марксу, возложив вину за все это на большевиков и следовавших за ними коммунистов разных стран в XX в. Обратим внимание на то, что он начинал свою историсофскую схему со слов «азиатский, античный», причем старался напрямую не отождествлять античный способ производства с рабовладельческим, хотя склонялся к тому, что наивысший расцвет рабовладения был именно в античном мире. Однако еще более странно обстоит дело с «азиатским» способом производства.

Если руководствоваться тем местом, которое этот способ занимал в схеме, он был первым, т.е. наиболее примитивным. Но в отечественной историографии его место занял первобытный догосударственный строй. А *азиатский* исчез. Более того, при Сталине за приверженность к этому термину и тому, что Маркс в него вкладывал, историки могли поплатиться жизнью. Только на рубеже 50–60 гг. XX в., после начала десталинизации, ситуация стала меняться. Встает вопрос, почему так получилось. Ведь Маркс для своего времени не так уж плохо знал Восток с его развитыми цивилизациями, а проблемы современного Востока интересовали его настолько, что о них, особенно о Британской Индии, он писал статьи и весьма охотно высказывался в своих трудах. Хорошо поняв, проанализировав сущность *азиатского* способа производства, Маркс не увидел в этом обществе ни излюбленных им классов, ни тем более классовую борьбу. Он нашел здесь лишь противостояние крепкого административного аппарата пестрой массе живущих в полупервобытных общинах

подданных. Стоит добавить к сказанному, что тем самым он оставил в недоумении своих последователей в советском обществоведении относительно того, где же место Востока в его схеме.

Кроме того, «азиатчики», как называли историков, не желавших отказаться от этой идеи Маркса, хорошо поняли, что именно этот способ производства является двойником того *коммунизма*, который будто бы по марксистским чертежам строил Сталин. Это хорошо понимал и сам Сталин. Как бы то ни было, но лишь после его смерти идея Маркса об *азиатском* способе производства оказалась предпочтительнее утверждений Гегеля о народах, находившихся вне истории (к слову, у Гегеля и Маркса это далеко не одни и те же народы). Более того, она помогла едва ли не впервые в мировой историографии четко выделить и противопоставить друг другу Восток и Запад. Это впоследствии сыграло в исторической науке в СССР немаловажную роль и позволило более детально разработать основные принципы жизни как на Востоке (древнем и современном), так и на Западе, начиная с античности. Автор настоящей работы на протяжении ряда десятилетий много внимания уделял этому вопросу в своих монографиях и учебниках. Остановимся пока на сказанном и обратим внимание на то, как складывалась философия истории последние век-полтора вне России и после крушения СССР в нашей стране.

МЫСЛИТЕЛИ ПОСЛЕ ГЕГЕЛЯ И МАРКСА ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Философия истории конца XIX и первой половины XX в. богата новыми идеями и представляет широкий веер историософских концепций, что и неудивительно. Именно в это время изучение истории во всем мире приняло особенно глубокий и серьезный характер, что с наибольшей полнотой проявило себя в XX в. Не затрагивая все теории, остановимся на самых значительных. Историософия XX в. — это большой и серьезный комплекс весьма противоречивых, но, если вести речь о профессионалах, вполне основательных концепций. Они ставили своей целью объяснить природу, смысл и сущность истории, ее основные движущие силы, формы организации различных составляющих ее элементов. Менее всего затрагивались проблемы, касающиеся механизма эволюции и всего исторического процесса. Вообще сама постановка этих проблем и связанные с ней детали

метаистории если не сознательно игнорировались, то обычно в реальности не рассматривались, что следует считать похожим на резко отрицательную реакцию мировой историософии на марксистскую ее интерпретацию и тем более на большевистскую переинтерпретацию. Чаще всего, что было данью времени, затрагивались проблемы, связанные с описанием и сравнением разных и прежде нередко игнорировавшихся цивилизаций, которые теперь энергично включались в мировой научный оборот. Имелись в виду как достаточно развитые древние и недолговечные очаги цивилизации, так и существующие длительное время, вплоть до наших дней. Учитывались особенности эволюции в разные периоды исторического процесса и многое-многое другое. В лице философии истории XX в. мы имеем, таким образом, солидную сумму взглядов, обращенных как в прошлое, так и в настоящее, по меньшей мере частично даже в будущее.

Стоит сразу обратить внимание на то, что созданием какой-либо системы, даже весьма убедительной и привлекательной своей полнотой и объясняющей силой, специалисты почти не занимались отнюдь не только потому, что это достаточно сложная и неблагодарная задача, которая к тому же далеко не каждому под силу. Немалую роль играло и то, что создание ее, требующее немалой подготовительной работы, времени и сил, — это лишь, как показывает практика, весьма условный успех сегодняшнего дня. Мало того, что ее обычно мало кто готов воспринять, она еще и вызывает бурные возражения. Иными словами, всегда необходимо помнить, что сама по себе любая сводящая концы с концами историософская схема в лучшем случае, что чаще всего, сможет послужить удобным оружием в твоих руках, быть только лишь чем-то временно пригодным для создавших ее и использующих ее параметры ученых. Это означает, что любая система как таковая — особенно после впечатляющего мирового опыта с историософией марксизма — не может, не должна диктовать специалистам, как им быть со все возрастающей суммой фактов, с течением времени все решительнее противоречащих ей и не укладывающихся в ее жесткие рамки. Отсюда следует, во-первых, что любая из систем в современной историософии, как, впрочем, и в любой иной отрасли науки, не вечна, но, напротив, подлежит спорадической переделке, а то и замене новой, иногда совершенно от нее отличной. А во-вторых, что системы в той или иной сфере науки бывают разными, иногда и опасными. В частности, это касается и истории.

Имея все это в виду, не приходится удивляться, что новых и сколько-нибудь приемлемых, тем более общезначимых метаисторических схем в историософии постмарксистской эпохи до предела мало. Но это не исключает того, что объективно они нужны. Стоит заметить, что такие фундаментальные концептуальные системы историософии важны и ценны не столько тем, чтобы, опираясь на них, пытаться как-нибудь прогнозировать ведущие в будущее процессы, хотя именно это было бы чрезвычайно полезным и ценным для человечества, но главным образом потому, что позволяют лучше понять прошлое. Понять и соответственно привести многообразие деталей в рамки некоего достаточно убедительного и непротиворечивого комплекса взаимообусловленных и упорядоченных представлений. Ведь известно, что систематизация эмпирического материала, особенно когда его очень много, равно как и попытка собрать воедино основные объясняющие его системы взглядов, не только благо, но и необходимое условие существования любой науки. Без этого просто нет науки, не может ее быть. Еще около века назад итальянский историк Б. Кроче¹ сформулировал мысль о том, что к XX в. явственно обозначилось разделение труда, сложившееся в его время между историками и философами, имея в виду обособление тех, кто занимался философией истории. Суть его взглядов сводилась к тому, что истории только надлежит удостоверять факты, а анализом их как раз и должна заниматься философия.

Видимо, в его тезисе есть некоторое преувеличение. Хотя и можно обнаружить у некоторых из историков склонность к историософии, практика прошлого, включая и времена самого Кроче, убедительно свидетельствует о том, что разделение труда шло скорее среди обществоведов и что историософией чаще занимались не историки, а представители смежных профессий, например социологи. И действительно, в XX в. резко возросший количественно и неизмеримо улучшившийся качественно историософский анализ все дальше уходил от конкретной истории. Это в некоторой степени объяснимо. Тезаурус исторических данных ныне настолько объемён, что знать детали всего мирового исторического процесса и даже истории отдельных стран и народов, древних и современных, не под силу одному исследователю. Да в этом не было и нужды. Конкретную историю хорошо знают и изучают специалисты, давно разделившиеся

---

¹ См.: Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.

на историков, занимающихся разными странами и различными историческими эпохами. А историографии теперь приходится все основательнее углубляться в детали и с помощью научного историко-коведения выявлять достоверность фактов. Задача философов истории стала, таким образом, иной.

Правда, это случилось не сразу. Еще первая половина, да и вся середина XX в. почти целиком прошли под знаком поиска приемлемых генеральных конструкций более историко-культурного, нежели философского, характера. Этот поиск не ограничивался изложением и анализом истории как великого и всеобъемлющего процесса. Специалисты, причем уже не обязательно историки, все чаще и определеннее обращались к тем интересовавшим когда-то еще древних историков вопросам о том, в чем смысл истории и что движет ею. Во-первых, потому что эти вопросы обрели теперь много более глубокую основу. Закономерности и случайности, личность и массы, стадии эволюции и различие цивилизаций, наконец, сам ход истории, резкое ускорение ее шагов, глобальные всемирные проблемы, роль Запада и Востока в истории — вот лишь часть тех проблем, что отчетливо вышли на передний план и особенно интересовали исследователей истории в то время. Во-вторых, из-за того что проблемами самой истории и философии истории стали заниматься и крупнейшие мыслители, как, например, М. Вебер.

Колоссальная заслуга Вебера перед современной философией истории в том, что именно он (во всяком случае более он, нежели Маркс с его трехтомным «Капиталом») убедительно объяснил, как и почему возникал капитализм. Вебер первым обратил внимание на то, какую роль при этом сыграла пуританская протестантская этика, которая способствовала воспитанию в людях, не только и не столько равнявшихся к личной наживе и занимавшихся производством и предпринимательством ради будто бы элементарного стяжательства, сколько остававшихся нравственно безупречными и стремившихся к рентабельности во имя развития производства¹. Мало того, дух капи-

---

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма (любое издание). В специальном труде, посвященном М. Веберу, было обращено внимание на то, что помимо стяжателей, которых клеймил Маркс, среди буржуа были и даже задавали тон те, кто в своей деятельности опирался на этику профессионального долга и чести и был продуктивным, а не паразитическим. См.: Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С. 350–351.

тализма, воспитанный такой протестантской этикой, был тесно связан со стремлением нарождавшегося буржуа угодить Богу и тем снискать шанс на спасение в потустороннем мире. Упомянув о Вебере, который для аргументации своей основной идеи провел анализ многих религий народов мира, важно на его примере увидеть, что наряду с мастерами в области историософии появилась большая группа специалистов-социологов, интересы которых сводились прежде всего к тому, чтобы понять и объяснить события недавнего времени.

Актуальность этого стремления едва ли необходимо аргументировать. Она очевидна. Вопрос лишь в том, как, вслед за Вебером, справлялись другие авторы различных историко-философских теорий со стоявшими перед ними вопросами и как их успехи способствовали решению все более сложных возникавших перед человечеством проблем. Ответ дать совсем не просто. Чтобы стать хорошим аналитиком, в середине XX в. уже мало было быть просто хорошим мыслителем, кое-что знающим об истории, как то было еще вполне естественным во времена Гегеля и Маркса, по меньшей мере для таких гигантов мысли, какими они были. Теперь следовало действительно знать, пусть не досконально, но как можно более широко и всесторонне всю историю, хорошо разбираться в историческом пути если не абсолютно всех, то основных народов и государств, а также во всех причудливых извилях исторического процесса на протяжении тысячелетий.

Кроме того, нужно было немало знать из всего того, что нарабатано в области многих смежных общественных наук — экономики, социологии, антропологии и ряда других. Не приходится говорить о том, что для всего этого требовались выдающиеся способности, которые только и дают возможность философу-аналитику не просто обобщить гигантский конкретный материал, но и выделить в нем самое основное, что максимально непротиворечиво объясняет его. Мало того, концепция должна была быть настолько убедительной, чтобы последующий ход истории хотя бы в общих чертах в большинстве случаев подтверждал ее истинность и разумность. Стоит повторить, что в свое время именно на это претендовал марксизм. И одно время казалось, особенно в XX в., причем во многих странах, крупнейшими из которых были СССР и КНР, что именно учение Маркса лучше всех остальных объясняет ход и смысл истории. Это привело не только к резкому увеличению числа последователей марксизма в мире (их немало и сейчас, пусть с разными оттенками

и непрекращающимися спорами и раздорами), но также и к серьезнейшим политическим переменам в XX в.

Однако уже в середине этого столетия для подавляющего большинства историков, включая многих отечественных, стало абсолютно ясно, что идейный крах марксизма, вызванный явной политической несостоятельностью утопии, привел к тому, что учение Маркса как философия истории, претендовавшая на абсолютную истину, таковой не является. Естественно, что в этих условиях внимание специалистов было переключено полностью или частично на другие варианты современной философии истории. Претендентов было не так уж и много. Но о них стоит сказать. Прежде всего важно напомнить о школе Анналов, недостаток которой был лишь в узости круга интересов основных ее представителей, ограниченных в основном средневековой и новой историей Франции, реже всей Европы. Зато проблемы здесь были разработаны необычайно глубоко, что стало особенно очевидно позже, уже в наши дни. Много шире оказался круг интересов англичанина А. Тойнби с его по меньшей мере 12 пухлыми томами всемирной истории («A Study of History»), изложенной в несколько непривычном стиле.

Необычность работы в том, что это не хронологически изложенная всемирная история, а история многих, в том числе искусственно вычлененных и не вполне достойных такого вычленения, цивилизаций (всего их чуть более 30). К числу цивилизаций Тойнби отнес как высокоразвитые, длительное время просуществовавшие и оставившие глубокий след в истории, так и очень слабо развитые, кратковременные, а то и вовсе едва промелькнувшие и почти ничего в тезаурус мировой цивилизации не внесшие. Основной принцип философии истории Тойнби заключался в том, что все вычлененные им «локальные цивилизации» воспринимались как равноценные перед лицом матери-истории. Он считал, что каждая из них прошла в своем развитии через те же этапы эволюции (возникновение, рост, остановка роста, надлом и распад) или по меньшей мере через часть этих этапов. В результате мировая история у Тойнби представляла в виде ряда параллельно существующих или последовательно сменяющих друг друга почти не взаимодействующих между собой и очень разных общностей. Разных не только по цивилизационно-религиозным параметрам (религии, особенно христианству как основе цивилизации, Тойнби придавал очень большое значение), но и по времени, а также уровню развития.

Речь не о том, что никто до Тойнби не обращал внимания на динамику развития разных цивилизаций. Имеется в виду лишь то важное обстоятельство, что с Тойнби вышла на передний план историсофская система нового типа, в рамках которой не заведомо неисторический Восток противостоял историческому Западу, не цивилизации противопоставлялись варварам, а одни локальные цивилизации — другим, весьма от них отличным, но в принципе им вроде бы равноценным. Равноценность имела в виду именно принципиальная. Иными словами, сколь ни была бы или ни казалась примитивной та либо иная из нескольких десятков вычлененных Тойнби цивилизаций, важны не параметры прогресса, которыми привыкли оперировать специалисты по различению культурного, социального, экономического и технологического развития, но только и исключительно цивилизация как таковая, как историческая данность во всей ее самобытности. Собственно, именно схема Тойнби, во всяком случае она в первую очередь и главным образом, позволила в XX в. найти место всему неисторическому Востоку, столь неугодно чувствовавшему себя в стадийно-формационной схеме Гегеля — Маркса.

Один из последователей Тойнби, У. Мак-Нил, еще в середине XX в. внес коррективы в эту схему¹. Они сводились к тому, что между цивилизациями Востока и Запада всегда существовали тесные контакты, причем именно они способствовали эволюции человечества, в первую очередь Запада. Эта точка зрения была неплохо аргументирована и косвенно подрывала концепцию Тойнби. К. Ясперс не писал томов, посвященных всей истории человечества или великим цивилизациям. Но в своих статьях, опубликованных в середине XX в. и посвященных историсофии, он занял собственную позицию — вычленил упоминавшееся уже осевое время. Суть его сводится к тому, что между VIII и III вв. до н.э. в ряде наиболее передовых цивилизаций (Греция, Индия, Иран, Китай, древние евреи) был практически почти одновременно совершен важный переход от мифологической описательной традиции к много более глубокому и в основном индивидуальному абстрактно-аналитическому философскому мышлению. Термин, предложенный Ясперсом, получил признание в науке. Что же касается датировки периода осевого времени, то она может восприниматься как примерная. Мыслитель

---

¹ См.: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. М., 2004.

попытался поставить в центр своих философских рассуждений проблему единства истории. Такого рода единство Ясперс видел уже в период осевого времени, полагая, что именно в ту далекую эпоху человечество обрело свою структуру, что и заложило основу исторической общности. Как бы оправдываясь, он писал, что история человечества, в котором эта общность должна реально реализоваться, еще только начинается. Человечество идет по этому пути, и хотя полного единства никогда не будет, такое движение соответствует объективной цели мировой истории. Более того, в ходе этого движения история становится чем-то сверхисторическим и как бы растворяется в вечности настоящего.

Не очень ясен смысл построений Ясперса, особенно когда он говорит о настоящем как о вечности во времени. Но стоит обратить внимание на то, что его концепция при всей ее невнятности оптимистична: он полагает, что история будет длиться очень долго и двигаться к лучшему, в идеале — ко всеобщему единению. В целом же необходимо заметить, что историософия середины XX в. — это конец весьма заметного определенного этапа в ее развитии. Заключительная часть того же века и начало нынешнего прошли под знаком принципиально новых подходов к оценке истории и всего связанного с ней.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В НАШИ ДНИ

Чрезвычайно любопытно обратить внимание на то, что по мере приближения конца XX в., т.е. после двух мировых войн и холодной войны, оптимизма у философов истории заметно поубавилось. В наши дни авторы историософских концепций реже используют столь привычное и так часто употреблявшееся еще в недавнем прошлом понятие *прогресс* и связанные с ним представления о ходе истории, об историческом процессе, о диалоге цивилизаций и т.п. Упования утопистов недавних веков, от мыслителей Возрождения через Маркса до того же Ясперса, на усиление роли свободы в жизни людей, прогресса в социальных и особенно экономических отношениях в их судьбах не реализуются. Все возрастающее численно человечество ни прогресса (речь не о науке, технике и технологии), ни свободы, ни улучшения в образе жизни не ощущает, чтобы не сказать много резче. Как раз, напротив, происходит нечто обратное — насилие, войны, религиозная и расовая ненависть, бедность, нищета,

голод, болезни и многое другое, включая последствия бурного развития экономики, расцвета производства разных средств массового уничтожения людей, пренебрежение экологическими нормами и т.п.

Справедливости ради стоит заметить, что мрачное будущее виделось мыслителям, например О. Шпенглеру, и прежде. О необходимости в этой связи критического отношения к истории писал великий пессимист Ф. Ницше: «*Всякое прошлое достойно того, чтобы быть осужденным*»¹. В XX в. подобного рода концепции стали встречаться все чаще, а критика веры в прогресс вести к тому, что порой оживали мрачные средневековые теологические идеи, лишь немного подкрашенные современными понятиями и категориями. Несколько иначе выглядит философия истории в последние десятилетия. Прежде всего сместились многие основные позиции. Развивая идеи школы Анналов, специалисты, включая и отечественных (здесь в первую очередь следует отметить монографии и статьи А. Я. Гуревича), пересмотрели некоторые устоявшиеся представления о подходе к пониманию и оценке исторического факта и ментальности прошлых поколений. Начатый прежде всего с наиболее изученной и сравнительно близкой по времени европейской средневековья, этот новый подход со временем обретал черты поиска истины в истории в совершенно новом ключе. Прежде всего тщательному анализу было подвергнуто все то, что соответствовало привычным схемам феодализма.

Суть новаций сводится к тому, что крестьянство средневековой Европы было не столь уж угнетено и несправно, как то было принято считать еще несколько десятилетий назад. Сохранив примитивно-первобытные нормы обычного права, германские народы, поселившиеся на территории Европы, не просто многое восприняли от римской античной традиции, но сумели, соединив свое и заимствованное, создать общественные структуры, которые ограничивали власть феодала, считавшегося собственником и господином своего владения со всем его населением. Как теперь выясняется в результате тщательного, скрупулезного анализа доступных текстов, отношения между крестьянами и их феодальными властителями отнюдь не были похожи на ту систему крепостного рабства, которая сложилась на рубеже XVI–XVII вв. в России. Тем самым становится более понятной та разница, которая, несмотря на реформы и деятельность Петра

¹ Философия истории. Антология. М., 1995. С. 139.

Великого, отличала Россию от европейского Запада. А ведь именно это постоянно тормозило развитие России и мешало ей сблизиться с энергично развивавшимся Западом.

Кроме того, современная историософия отличается смелым пересмотром многого из того, что прежде считалось само собой разумеющимся. Например, проблемы конца истории. Если веком-полтора ранее Маркс уверенно прогнозировал в скором уже будущем лишь начало подлинной истории человечества (т.е. наступление коммунизма), то американец Ф. Фукуяма развил было прямо противоположную теорию о конце истории. Строго говоря, речь в этой историософской концепции вовсе не шла о скором прекращении существования человечества. Конец истории здесь — нечто вроде метафоры, очень близкой к идее Маркса о ее начале. В работе Фукуямы весьма много было сказано об идеях Гегеля и Маркса, но основной ее пафос сводился к довольно легкомысленному тезису об окончательной победе процветающего либерализма, будто бы заменившего на исходе II тыс. н.э. другие системы власти, в частности долго претендовавший на мировое господство тоталитаризм в обоих его обликах, фашистском и коммунистическом. При этом на первый план выносятся идея, смысл которой в том, что, так как либерализм западного демократического типа после крушения тоталитарных режимов не имеет и более никогда не будет иметь серьезных соперников, именно поэтому и только в таком понимании история приходит к концу. Впрочем, стоит заметить, что вскоре Фукуяма внес в концепцию очень существенные коррективы.

Вопрос о конце истории не так несерьезен, как может показаться на первый взгляд. И дело вовсе не в том, насколько прав или неправ Фукуяма и как долго будут еще существовать и национальные конфликты, и международный терроризм. Выше уже было немало сказано о проблемах, которые стоят ныне перед человечеством и нашей планетой (далее в томах серии будет еще не раз идти речь об этом). И как ни старайся, но обойти проблему ускорения шагов истории и даже возможного близкого ее конца не удастся. Разумеется, здесь могут быть очень разные подходы. И дело лишь в том, кто более прав в своем видении заключительной стадии, как ее сегодня трактуют алармисты, истории человечества. Вопрос о том, что грозит человечеству в будущем, причем достаточно близком, интересует многих. Правда, стремительный взлет и быстрый уход из сферы серьезных наук столь многообещающей футурологии подтвердили, что предсказания в сфере истории, даже

если они, казалось бы, очень тщательно продуманы, трижды проверены и стократ просчитаны, не сбываются и в тех случаях, когда дается широкий веер предполагаемых результатов, что само по себе снижает практически до нуля значимость любых предсказаний. Иными словами, будущее, как всегда, непредсказуемо. Иногда его можно угадать, но это уже не наука. Это сфера интуиции, которая существует как бы параллельно с наукой, давая, впрочем, подчас завидные результаты — можно вспомнить мудрость известного Нострадамуса и повседневную практику армии гадалей, особенно вездесущих цыганок.

Но означает ли все сказанное, что, коль скоро будущее принципиально вообще непредсказуемо, по меньшей мере в рамках современной науки, то ничего не стоят ни мрачные предсказания алармистов, ни философия истории как таковая, в задачу которой входит дать генеральные очертания исторического процесса в целом, имея при этом в виду и далекое прошлое, и тревожное настоящее, и неизвестное будущее? Отнюдь! Знакомство с генеральными тенденциями истории является залогом если и не истинности футурологических расчетов, то, во всяком случае, понимания историософских параметров процесса, ведущего в будущее. В качестве примера можно упомянуть сравнительно недавние расчеты американца С. Хантингтона¹, смысл которых в том, что ход исторического процесса в наши дни неумолимо ведет вовсе не к тому идиллическому единству человечества, которое столь старательно описывал Ясперс. История движется в прямо противоположном направлении, к явному обострению конфликтов между цивилизациями, в частности между цивилизацией Запада и некоторыми из восточных.

Как известно, Хантингтон имел в виду прежде всего мир ислама, и именно это его предсказание буквально через пару десятилетий после того, как оно впервые было высказано, стало весьма зримой реальностью. Этого вполне достаточно для того, чтобы оценить в принципе очень серьезную значимость историософского анализа и использовать результаты этого анализа в вопросе о все том же гипотетическом конце истории или о вполне вероятных катаклизмах, которые в наши дни угрожают планете и человечеству. Затронув оправдавшие себя мрачные предсказания Хантингтона, обратим внимание на то, в каком направлении развиваются те события, что он сравнительно недавно прогнозировал. Речь о взаимоотношениях и, более того, противостоя-

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

нии между Западом и Востоком. Как сложится это противостояние и как впишутся его результаты в весьма мрачные перспективы отношений между Человеком и Природой, покажет будущее. Разумеется, можно вести речь как об оптимистическом, так и о пессимистическом вариантах развития в близком уже будущем.

Оптимизм сквозит в разнообразии нынешнего интереса к истории, будь то работы об исторической памяти, включая столь любимое нашими отечественными современниками мифотворчество, или анализ проблемы коллективного бессознательного и исторического сознания, попытка подчеркнуть резкую разницу в восприятии мира и всего в нем в прошлом и ныне, интерес к бытовой истории повседневности.

Все это имеет свой смысл, хотя и не имеет отношения к историософии. Между тем, на взгляд автора, именно историософские проблемы в наши дни энергично выходят на передний план и буквально требуют к себе очень внимательного отношения. И главное, что в них теперь настоятельно требует своего рассмотрения и взвешенной оценки, — это все та же очень древняя идея смысла истории, но на сей раз во много более глубоком обрамлении. Как автор его понимает, это проблема движущего эволюцией механизма и целеполагания (телеологии) в историческом процессе. Как то ни покажется на первый взгляд многим неожиданным, но такая проблема уже рассматривалась мыслителями не столь уж далекого прошлого. Правда, не применительно к историческому процессу. Обратимся ко всему этому сложному и подчас окрашенному в мистические тона, но тем не менее жизненно важному комплексу проблем.

ЗАКОНЫ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Насколько известно, проблема телеологии в жизни всего сущего и живого на нашей планете более или менее специально и обстоятельно была поставлена И. Кантом в сравнительно малоизвестном его трактате с невнятным и не слишком многообещающим (особенно в переводе на русский) названием «Критика способности суждения». С 61-го параграфа второй части этого трактата, которая названа «Об объективной целесообразности природы», а с него и начинается вторая и основная часть всего трактата, говорится как раз об этом. Смысл всего сказанного в том, что природа телеологична.

И хотя содержание трактата посвящено проблеме суждения и касается вещей и людей, которые их наблюдают, *речь в конечном счете идет о некоей внешней целесообразности в том, что творит природа, а следовательно, и о существовании внешней цели, которая, насколько можно понять, является внешней по отношению ко всему тому, что природой сотворено.*

Если вся организованная материя (т.е. сущее и живое) есть цель и продукт природы, то откуда это? Сам Кант отвергает теологическую дедукцию, т.е. бога и божественную цель в устройении природы» (пар. 68). «В то же время выводить целесообразность природы из первоосновы мироздания как разумного существа — это теизм», — замечает он (пар. 72). Однако, если все же есть нечто, преднамеренно сформированное природой, и можно говорить о ее намерении, то мы вправе вести речь о некоей преднамеренно действующей высшей причине мира, хотя это опытом не доказуемо (пар. 75). Словом, мы не в состоянии вообще исключить целевую каузальность (пар. 78), хотя ничего о ней не знаем. Если что и есть, то это не нечто сверхчувственное, а некое **Нечувственное Нечто**, которое чувствами воспринять невозможно.

Резюмируя очень сложно написанные философские рассуждения великого мыслителя, в итоге мы приходим к тому, что нечто если и не мыслящее, то по меньшей мере целеполагающее существует, ибо иначе действия и явления природы и все видимое нами сотворенное ею не понять и не объяснить. Здесь я должен сознаться, что не эти мысли Канта натолкнули меня на идею о законах вселенской эволюции. Я к ней пришел, еще не прочитав трактата. Но прочтя его, убедился, что моя гипотеза по крайней мере имеет право на существование. Как и великий Кант, я не хотел бы свести дело к банальному теизму и возблагодарить Творца. Но в отличие от него я склонен отнестись с гораздо большим пониманием к реальной — а не мистической — роли телеологии и целеполагающей функции Природы в жизни людей. И здесь снова начну с того, что сошлюсь на авторитеты.

Известно, что по статистике мальчиков всегда рождается больше, нежели девочек, хотя с точки зрения математики и ее теории вероятностей количество сочетаний XX- и XY- хромосом в случае с большими числами должно быть равным. И хотя разница невелика (5–6%), она существует. И одними только рациональными пояснениями (мальчики чаще погибают в детстве и т.п.) ее не объяснить. В свое вре-

мя Дарвин, еще не знакомый с генетикой, объяснял эту разницу тоже с достаточно рационалистических позиций. Он рассматривал половой подбор или отбор как элемент естественного отбора в борьбе за существование и обращал внимание на драчливость и борьбу самцов за самок, особенно наиболее привлекательных. Конечно, эту сторону проблемы, хорошо известную и понятную каждому, можно объяснить опять-таки с помощью процесса мутаций, которые касались на сей раз и в этом плане именно самцов. Но если в случае, скажем, с формированием сапиентов вообще все вроде бы понятно (полезные мутации независимо от пола помогали выживать наиболее приспособленным и укрепляли позиции вида в целом в процессе борьбы за существование), то в случае с самцами не очень ясно.

Если бы речь шла просто о лучших из их числа, то все ясно, лучшие одолевают, это закон природы. Но почему их рождается больше? И если выживают лучшие, кому нужно, чтобы их рождалось больше, чем самок? Кто это решает и как, каким образом? Вот перед нами самки, мало склонные к изменчивости, вот самцы, которые стремятся к обладанию самками, отчего чаще и легче изменяют свой облик, что дает им преимущество и соответственно облегчает допуск к самкам, что ведет к продолжению и улучшению позиций вида в целом. Приняв такое пояснение и учтя, что в ходе борьбы, соперничества самцы чаще гибнут, можно вроде бы с рациональных позиций понять, почему самцов рождается больше. Но кто все-таки это определяет и дает установку? Где это, по Канту, Нечувственное Нечто? Думаю, что это сама наша Природа. Отается нерешаемый вопрос, как она это делает? В поисках ответа я попытался сформулировать целеполагающие установки, которые регулируют механизм вселенских процессов. Вот их сущность.

ЗАКОН ВЫЗОВА И ОТВЕТА

Смысл гипотезы в том, чтобы обнаружить исходный импульс и вызванные им к жизни законы, которые могут быть применены для управления всем тем, что мы знаем о космосе и Вселенной¹,

¹ Дабы быть правильно понятым, необходимо оговориться, что в авторском понимании расширяющаяся Вселенная не являет собой весь неизвестный человечеству космос, ибо она, как принято считать, расширяется и потому должно быть обозначенным то, за счет чего расширяется. Это мы и станем именовать космосом.

о звездах и планетах, о жизни, а также о разумных (сапиентных) людях и их обществе на нашей планете. Гипотеза как таковая не противоречит современной науке, но может привести к приемлемому пониманию генеральных вселенских законов с влияющими исходными их импульсами и, в частности, законов эволюции на нашей планете.

Наука дает немало оснований для такого рода гипотезы в форме ныне всем очень хорошо известной абстрактной и даже несколько мистической идеи о *вызове* и *ответе* на него. Эта нехитрая формула — правда, обычно без должного анализа ее смысла (видимо, считается, что и без пояснений все понятно) — часто используется. Стоит напомнить, что впервые в своем подробном и доказательном виде формула была представлена в труде А. Тойнби «A Study of History». Тойнби не стремился генерализировать этот феномен¹. Автор в отличие от него считает, что *цель в том, чтобы рассматривать вызов в качестве Великого Вселенского Механизма, имеющего дело со всем мыслимым сущим*. В итоге на суд читателя выносятся оригинальное представление о том, как именно и почему возникает и действует этот не божественный, но и не чуждый мистике и, во всяком случае, не очень ясный, даже загадочный механизм.

Если взять за основу теорию неравновесных систем, в сложные детали которой автор не вправе вдаваться, то вызов следует интерпретировать как *сигнал, свидетельствующий о появлении упомянутой системы и о тех параметрах, которые способствуют либо препятствуют ее более или менее устойчивому существованию*. Такой вызов всегда и везде — отчего он и должен считаться генеральным, имеющим отношение ко всему сущему — требует как от космических явлений, от Вселенной, так и от жизни на Земле, включая не только людей, но и их социальные и политические организмы, давать на него ответ. Ответ сводится к степени способности воспринять воздействие со стороны внешней среды.

---

¹ Он писал, что ищет не общий закон, а объяснение роли внешнего влияния на формирование каждой из отобранных им цивилизаций (см. сокращенное изложение его сочинения в русском переводе: *Тойнби А. Дж. Постигжение истории*. М., 1991. С. 113). Стоит добавить, что, рассуждая о вызове, Тойнби выдвигал на передний план прежде всего *вызов со стороны природной среды*, не забывая, впрочем, и о Творце, равно как и о Его антипode. Существенно и то, что вызов рассматривался им как стимул, который реализуется в форме ударов (там же. С. 137), т.е. определенных импульсов, а ответ на вызов — как реализация внутренних потенциалов тех, к кому вызов обращен (там же. С. 108).

В современной науке истоком сущего неоспоримо считается космос, к которому поэтому в первую очередь и следует обратиться. В процессе эволюции космоса все началось, насколько можно судить, с первоначального Большого взрыва, который мы вправе воспринимать как вызов, считая следующее затем развитие — расширение Вселенной — ответом на него. В масштабе Солнечной системы то же самое относится к появлению такой звезды, как Солнце с планетами вокруг него, которые возникают у звезд, насколько известно, не слишком часто. А в неизмеримо более скромных масштабах планеты, где возникла жизнь, вызовы и ответы на них воспринимаются как нечто местное, особое, уникальное, связанное с активностью именно этой планеты. Назовем это нечто просто Природой (с большой буквы), но при этом будем учитывать, что она является интегральной частью и Солнечной системы, и той галактики, в которую эта система наряду с другими входит, и всей нашей Вселенной, и космоса в целом. Впрочем, цельность этого последнего разумом воспринята быть не может. К слову, здесь самое время вскользь заметить, что самые мудрые физики, чьи гениальные головы способны объять непостижимые глубины макро- и микромира с целью создания единой всеохватывающей теории, довольно часто, а иногда и не совсем всуе склонны в ходе своих поисков сослаться на Творца.

Но, как бы то ни было, именно проблема вызова и ответа берется за основу. Это делается потому, что автор, хотя он лишен профессиональной подготовки для того, чтобы углубляться в недра физики и астрофизики, обязан кое-что рассказать о соображениях, толкающих его в сторону космоса. Манипулирование сущностями, столь чуждыми его основной профессии и отдаленными от Земли и жизни людей, причем далеко не только во времени и пространстве, может показаться весьма неоправданным риском. Но сделано все не в том объеме, который мог бы дать повод для упреков. Апелляции к астрофизическим сущностям и процессам до предела элементарны, легко доступны практически любому. А свой результат они дают, отчего гипотеза имеет основания считаться правдоподобной и приемлемой.

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ

Исходный импульс, если это не дело рук Творца, по идее должен был бы быть чем-то ординарным и даже почти универсальным. В противном случае всегда останется место для законного вопроса:

а откуда взялось то, что послужило причиной этого? Потому и понадобилось обратиться к Большому взрыву, который, насколько это признано в науке, является точкой отсчета в истории нашей почетной Вселенной, существующей уже примерно 14 млрд лет. Этот взрыв, как упоминалось, есть основания воспринимать в качестве искомого исходного первоимпульса. Остается лишь подумать, почему и откуда взялся этот импульс.

Ознакомившись с тем, что говорит современная наука о макро- и микромирах с их элементарными частицами, со всеми сложностями формы и поведения этих частиц, а также приняв во внимание упоминание о размере будущей Вселенной в момент взрыва, автор счел себя вправе рискнуть и предложить гипотетическое решение проблемы внешнего импульса. Считается (это невозможно воспринять разумом), будто все началось с трансформации ядра, в котором было сосредоточено все сущее и которое по объему в тот момент оказалось намного, неизмеримо меньшим, чем пылинка¹. Уяснив, что *современная наука о состоянии космоса до взрыва не может пока что сказать ничего определенного*², автор воспринял это как своего рода сигнал. Этот сигнал снял в его представлении проблему Творца (пу не может Он все время без устали трудиться, делая одно и то же безо всяких творческих новаций, да и зачем бы Ему это было нужно?), хотя и оставил так и не решенной проблему того *Нечувственного Нечто*, о котором писал Кант. Тем не менее, сбросив этот груз, автор в определенном смысле — хотя и с неизбежными ограничениями — развязал себе руки. При этом, однако, не будучи от природы фантастом, он не ставил перед собой задачу восполнить не познанное

---

¹ См.: *Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории.* М., 2008. С. 62.

² Вообще, это не вполне так. Именно потому, что точно сказать никто не в состоянии, существуют гипотетические предположения. Одно из них в том, что вселенных вокруг нашей тьма-тьмуца (теория мультивселенной) и что возникающие вместо потухших звезд так называемые черные дыры с до предела сгустившейся в точку материей являют собой их зародыши. Другое прямо исходит из того, что до Большого взрыва уже существовала предшествовавшая нашей *доисторическая* Вселенная, которая была тогда холодной и бескрайней (Грин Б. Указ. соч. С. 234–239). Третья гипотеза прямо наталкивает на вывод о циклической динамике нашей Вселенной (в этом варианте проблема черных дыр может быть оставлена в стороне и объяснена с иных позиций).

наукой чем-то сочиненным им самим. Цель иная: в форме гипотезы представить, *что такое Большой взрыв, если воспринять его как взрыв*. И каковы его космические и земные следствия.

Гипотеза предельно проста и сводится к сопоставлению известных постулатов. Считая Большой взрыв исходным моментом анализа и не слишком интересуясь тем, однократным он был или нет, возможно ли возвратное сжатие расширяющейся Вселенной или она вечно будет расширяться за счет бескрайнего вроде бы космоса (любая гипотеза не противоречит движению к цели), мы столкнемся лишь с одной неясностью. Если принять, что расширение не вечно и когда-то сменится сжатием (решение этой проблемы зависит от выяснения некоторых не поддающихся расчету параметров), то создается впечатление, что перед нами гигантские циклы, смысл которых в эволюционной динамике, в чем-то похожем на перпетуум мобиле, т.е. на вечный двигатель в пределах необъятного космоса. Но противоречит ли это предположению о существовании гипотетически постулируемых законов эволюции?

Ни в коей мере. Вселенная существует давно, и это, независимо от того, будет она только расширяться или расширение сменится сжатием, после чего все начнется сначала, *есть явно выраженная динамика эволюции*. Она в том, что все движется и меняется. Сама Вселенная расширяется, ее температура уменьшается, расстояние между частями — скоплениями галактик, галактиками, звездами — возрастает, у каких-то звезд возникают планетные системы, кое-где образуются черные дыры, происходят и постоянные сдвиги в микромире, который и насыщает макромир Вселенной. Материя каких-то ситуаций переходит в энергию, а энергия — в материю, все это то растекается в чем-то неизмеримом, то возвращается обратно в точку, быть может, чреватую очередным взрывом, причем неведомо где и когда. Сталкиваясь друг с другом, частицы и античастицы аннигилируют, на их место приходят другие такие же. Словом, постоянная динамика налицо. Но на что она нацелена?

Такие рассуждения важны для того, чтобы уловить во Взрыве высший смысл. Он, безусловно, есть. И в самом общем виде объективно может сводиться только к одному: *движение во всех его бесчисленных формах эволюционно*. Эволюция может быть и реверсивной, что, вполне вероятно, как раз и характерно для нашей Вселенной. Но если так, то Большой взрыв означал, что начался наш и, вполне вероятно, не уникальный, а очередной цикл. Был как-то (обрати-

те внимание — не кем-то) запущен механизм и возник глобальный звездно-галактический вызов, направленный всем, к кому он был обращен, в форме неких импульсов. Но есть ли — кроме движения как такового и эволюции как его формы — еще какая-то цель у космического движения в рамках нашей Вселенной?

Это очень сложный и до предела неясный, даже в какой-то мере страшный для людей вопрос. С одной стороны, совершенно понятно, что события на одной далекой планете небольшой Солнечной системы в одной из великого множества галактик Вселенную и тем более космос заинтересовать не могут. А это значит, что жизнь на Земле какой-то целью всего эволюционного движения Вселенной считаться не должна. Но, с другой стороны, трудно отделаться от мысли, что именно жизнь и ее вершина, разум, должны были бы быть если и не такой высшей целью, то по крайней мере ценным (но кем и как?) объективным результатом динамики эволюции, воспринимаемой в форме сложной цепи обусловленных ею реакций со стороны неравновесной системы. И, что самое для нас в данной ситуации важное, как тогда быть с этими вызовами? Зачем все рассуждения о сущем были бы нужны, если к нам, людям, это вовсе не имело бы никакого отношения?

Самое интригующее в описываемой ситуации то, что, несмотря на все вполне законные сомнения, на деле вызовы имеют к нам непосредственное и даже, быть может, первостепенное отношение. Практически это может означать, что вызовы и проистекающие от них импульсы на каждом этапе-инстанции воспринимаются ощущающими их и реагирующими на них реципиентами лишь в форме сигналов, которые свидетельствуют о достигнутых успехах в процессе взаимодействия с внешней средой на этапе, определенном очередным звеном цепи адаптаций. А цепь эта — в случае с жизнью и тем более с социальной структурой разумных существ — отнюдь не бесконечна. *Получив связанную с этим объективную информацию, реципиенты в меру сил и возможностей воспринимают изменившуюся ситуацию и стараются не упустить время и дать свой ответ.*

Если говорить о живых и тем более разумных существах, то те, кто преуспеет в этом и сумеет дать безусловно и стопроцентно адекватный ответ, получают бонусы, которые могут оказаться необычайно ценными, иногда практически бесценными. Остальные, как правило, подавляющее большинство, адекватного ответа на вызов не дают, что свидетельствует об их неудачах в процессе адаптации, и бонусов не получают либо дают ответ не слишком адекватный и получают эти

бонусы в недостаточном количестве. Так, согласно предлагаемой гипотезе, может восприниматься генеральный принцип существования и динамики всего живого и тем более разумного на нашей планете.

ВЕЛИКИЙ БАЛАНС

Коснемся еще одной проблемы. Речь о законе великого баланса. Что касается космоса, то там этот баланс, насколько можно судить, всегда действует. Поэтому приходится принять во внимание, что *в космосе все как-то вроде бы упорядочено*. А держится порядок, видимо, на том, что последствия Большого взрыва, т.е. сама расширяющаяся Вселенная, которую можно считать своего рода неисчислимой суммой неравновесных систем, как-то регулируются. Эволюция, или цепь адаптации активности всех этих систем — будь то галактики, разреженные красные газовые массивы угасающих бывших звезд, черные дыры с невероятно сгущенной материей или сжатые белые карлики, вещество или антивещество, — делает свое дело. Если как-то связать все это воедино, то, не претендуя на эрудицию физика, неизбежно столкнешься с представлением о существовании некоего принципа баланса, призванного регулировать результаты процесса и реагировать на них в тех случаях, когда что-то вроде гармонии заменяется тенденцией к вселенскому хаосу.

Эта важная функция тоже имеет отношение к некоей супер-адаптации, которая призвана *сохранять в каждый данный момент какую-то неизменную сумму всего сущего в разных его формах и проявлениях*. Баланс во всех этих и аналогичных ситуациях должен быть, не может не быть весьма строгим и точным. Материя, как известно, не исчезает. Один из самых важных законов физики уверенно говорит именно об этом, напоминая, что, будто бы исчезнув в одном месте и в данном виде, она появляется в другом месте и в ином виде. Практически — в том, что касается нашей пока еще расширяющейся Вселенной, да и космоса в целом, — это значит, что балансом гарантируется вечный кругооборот переходящего из одной формы в другую и с одного места в иное постоянно функционирующего сущего.

Проявление в космическом мире принципа баланса свидетельствует о его глобальности и строгой необходимости контролировать вечное равновесие сущего в неземном — и земном, как его интегральной части, — мире. Поэтому с высокой степенью вероятности **можно вычлени**ть два закона. *Первый из них, воспринимаемый в качестве исходного,*

это закон вызова и ответа. Второй, с его важной регулирующей функцией, — закон неизменного в некоей неведомой нам сумме баланса.

Реальное существование закона баланса важно. Оба закона действуют совместно и параллельно, а результатом их функционирования можно считать, в частности, появление жизни и разума как высшей формы организации материи. Стоит заметить, что бонусы нигде, никогда и никому не достаются просто так. Неважно, кто их раздает, важно, что они являются объективным вознаграждением за дело. Иными словами, во Вселенной адекватный ответ на вызов высшей категории сумели дать наши Солнце и Земля. А бонусом стали жизнь и разум. Не будем напрасно спорить, насколько частое это явление во Вселенной, скорее оно крайне редкое, если вообще не уникальное. Во всяком случае, обнаруженные пока что другие планеты не слишком похожи на нашу в смысле существования жизни, тем более разума. Это значит, что земную жизнь можно считать не просто адекватным ответом, но чем-то вроде уникально-удачного адекватного ответа на вызов. Особый вопрос — чей это вызов. Оставив в стороне Солнце (но признав его решающую роль) и тем более нашу галактику, в рамках которой наша Солнечная система затеряна как песчинка на большом пляже, примерный ответ сведется к тому, что в данном случае перед нами сигнал всего-навсего лишь нашей планеты и активно действующей от ее имени Природы. Она, оказавшись в силу уникальной случайности, редчайшего благоприятного стечения обстоятельств пригодной для возникновения на ней жизни, может быть воспринята как нечто, ставшее обладателем заветных бонусов в нужном для этого количестве. Мало того, жизнь и тем более разум на нашей планете являются в немалой мере результатом активности закона баланса, призванного регулировать все во Вселенной.

Итак, наша совсем не очень большая звездочка, Солнце, одна из великого множества иных звезд, переполняющих многочисленные галактики, и тем более ее третья планета, Земля, оказались уникальными. Что же касается принципов эволюции, то они, как следует полагать, не изменились. Следует обратить особое внимание и еще на одно обстоятельство крайней важности. Планета Земля, Природа, не только могла, но и должна была взять на себя функцию того, кто — или что — отвечает в наших узких (по сравнению со всем космосом, Вселенной, скоплениями галактик, нашей галактикой и даже всей Солнечной системой) рамках за соблюдение обоих законов. Практически это значит, что жизнь и все живое и разумное на планете при-

званы, если даже не обязаны, реагировать на то, какие вызовы посылает им от имени Вселенной с ее обоими законами теперь уже именно она. **И на то, как она, Природа, если и не живая, то, во всяком случае, не вовсе безжизненная и не безразличная по отношению к тому, что и как происходит на ее поверхности, воспринимает и оценивает активность и должную сбалансированность всего живого, разумного и существующего (не будем об этом забывать, на ней и *благодаря только ей*), нельзя не обращать внимания.** Больше того, именно она, Природа, со всеми ее геоклиматическими и иными возможностями не только способна выполнять целеполагающие функции закона **вызова и ответа**, но и делать это, опираясь на нормы закона **баланса** с его регулирующие-контролирующими функциями.

Глава третья. АНТРОПОГЕНЕЗ И ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ

Понятие *история* емко и полисеманлично. Если в первых главах речь шла об истории как отрасли науки и об изучении этой науки на протяжении тысячелетий, то теперь мы взглянем на проблему в совершенно ином аспекте. История, точнее предыстория, в этой главе будет рассмотрена как своего рода фон, на котором шел медленный, постепенно ускорявшийся процесс генезиса наделенного разумом и сознанием, деятельного и со временем становившегося способным на творчество сапиентного человека (*Homo Sapiens*). В этом смысле предыстория — это все то, что было создано и осознано человекообразными и людьми за те сотни тысяч и даже миллионы лет, что шло формирование человечества.

Здесь нужно уточнить, что имеется в виду. История как процесс становления вообще-то есть не только у людей, она была и до появления их, в период существования предков и предшественников Человека Разумного. Более того, она есть у всего живого и неживого на планете, да и у всей планеты, у Солнечной системы, у галактики, у Вселенной.

С этим не поспоришь. А на этом гигантском фоне история Человека Разумного может вообще затеряться — всего несколько десятков тысячелетий в прошлом и очень неясное будущее. И все-таки ситуация на самом деле совершенно иная. Вся рукотворная жизнь на Земле, все осознанное (не инстинктивное и рефлективное, встречающееся у животных) знание, начиная с элементарных сведений об окружающей среде, с использования орудий и огня, — это сфера

существования человека, частично также и его предков и предшественников. Прежде всего именно это, а в некотором смысле только это и было всегда, является сегодня и будет, пока существует человек, подлинной историей. Словом, история как нечто осязаемое возникает с появлением Человека Разумного и существует в пределах ограниченного размера планеты пространства, причем только в то время, пока существуют и еще будут существовать современного типа люди. Это история людей, созданная ими.

Конечно, можно повторить, до их появления и вне зависимости от их существования была Вселенная со всем ее множеством миров, даже, возможно, другие планеты, населенные гуманоидами нашего типа. Существование обладающих разумными существами и своей историей иных планет возможно, хотя пока ничем не доказано. Однако в любом случае история в пределах нашей планеты останется лишь нашей, достоянием разумных людей, которые в состоянии осознать свою историю как нечто имеющее самое непосредственное отношение к их жизни и деятельности, к окружающим их явлениям. Поэтому история в том смысле, о котором сейчас идет речь, — это именно сфера жизни разумных людей, причем только на протяжении сравнительно — с масштабами Вселенной — очень короткого, едва заметного периода существования гуманоидов на нашей планете.

Итак, есть все основания включить в историю кроме периода существования сапиентных людей лишь то, что непосредственно предшествовало их появлению. При этом следует воспринимать всю историю разных предшественников Человека Разумного как связанную с нами преэволюцию людей. Поэтому начать следует именно с преэволюции, т.е. с того, какие именно виды гоминид предшествовали появлению *Homo Sapiens*¹.

---

¹ Вообще-то встречаются и желающие поспорить, причем их не так уж и мало. Это прежде всего те, кто верит в божественное происхождение Вселенной и всего в мире, включая и человека. Но есть и другие, в том числе авторы изданий, в которых в стиле научной фантастики говорится о нашем происхождении от неких инопланетян. Есть и весьма пространные концепции, авторы которых всерьез рассуждают о некоем Высшем Сознании Космоса, благодаря которому на земле появилось все живое и тем более разумное. Впрочем, почти все рассуждения подобного рода сводятся в конечном счете к вере во Всевышнего, в того самого Творца, о котором многие любят поговорить.

АНТРОПОГЕНЕЗ. НОМО HABILIS И НОМО ERECTUS

Современная наука начинает процесс антропогенеза с появления среди обезьян-приматов представителей нового семейства — гоминид¹. Первые из их числа — австралопитеки — жили в основном в Восточной Африке несколько миллионов лет назад. По меньшей мере часть их, жившая позже других, уже умела ходить на ногах, быть может, опираясь при этом иногда на длинные руки или балансируя ими. Вначале это — умение ходить на двух нижних конечностях — еще никак не сказывалось на объеме мозга и не имело отношения ни к языковой речи, ни к технике или режиму питания. Чуть позже ситуация, видимо, изменилась. Недавно физическими антропологами в Кении и Эфиопии были обнаружены следы обработанных камней, которые датируют 2,6–2,3 млн лет и относят к периоду существования поздних *австралопитеков*. Лишь немного более ранним временем (около 3 млн лет) есть основание датировать начало перехода австралопитеков к хождению на ногах. Широкую известность получила едва ли не наиболее ранняя обнаруженная в неплохом состоянии (сохранилось до 40% скелета) особь из числа поздних австралопитеков. Она обрела среди антропологов собственное имя — Люси, а ее останки были найдены в 1974 г. и датированы 2,3–3 млн лет. Некоторые ученые считают ее даже одним из возможных предков (именно предков, а не просто предшественников) самых ранних человекообразных вида *Номо Habilis* (*человек умелый*).

Эта гипотеза оспаривается другими специалистами, которые считают, что предками человека умелого были австралопитеки типа *зинджантропа*, обнаруженного в Танзании. Зинджантропа, как и большее количество других останков представителей семейства гоминид, включая наиболее ранние существа вида человека умелого, а затем и так называемого *прямоходящего*, или, если обратить внимание на многозначность соответствующего латинского слова, *поднявшегося* (*Номо Erectus* или *Номо Ergaster*), обнаружили и изучили антропологи семьи Лики. Сначала много такого рода находок сделали Мэри и Луис Лики, которые проработали в Олдувае, в районе восточноафриканского рифта (геологического разлома), несколько десятков лет. Именно Л. Лики обнаружил первого зинджантропа,

---

¹ Сравнительно новые данные о сложном процессе антропогенеза см.: История человечества. Изд. ЮНЕСКО. Т. I. М., 2003. — Существенно добавить, что новые данные за последние годы появляются довольно часто.

датированного им 1,75 млн лет. М. Лики нашла ряд других представителей ранних гоминид, включая человека умелого. Позже группа Ричарда Лики нашла в Кении следы человека умелого и человека прямоходящего.

С находок членов семьи Лики, собственно, и началось переосмысление научной общественностью проблем антропогенеза. Ныне наиболее ранние следы существования человека умелого датируют периодом между 2,2 и 1,9 млн лет. Обстоятельное изучение останков различных особей свидетельствует об увеличении по сравнению с австралопитеками объема мозга (775 см^3 — примерно вдвое меньше, чем у человека разумного) при весе тела около 40 кг. Человек умелый отличался расширенным лицевым отделом черепной коробки и приподнятым лбом, имел зубы, которые свидетельствуют об употреблении им не только растительной, но и животной пищи. Все это является свидетельством того, что наука познакомилась с новым, более прогрессивным видом в семействе гоминид. Собственно, именно поэтому он и получил свое гордое наименование *Homo Habilis*, что следует понимать таким образом, что он уже более человек, нежели обезьяна. Гомо хабилис умел обрабатывать гальку и использовать очень примитивные еще каменные орудия (рубила) при добыче пищи. Возможно, им были освоены и орудия из кости и дерева, хотя свидетельств, подтверждающих это, не найдено. Интересно заметить, что места обитания человека умелого были обозначены кругами из больших камней, что может считаться свидетельством существования чего-то вроде жилища. А некоторые особенности строения черепа наталкивают на предположение, что человек умелый мог издавать достаточно осмысленные звуки, отличавшиеся от звуков, издаваемых обезьянами. Эти особенности, и прежде всего умение изготавливать орудия, были первым фундаментальным открытием, отличавшим человека, пусть еще далеко не совершенного, от всех предшествовавших ему гоминид.

Проблема эволюции человека умелого и прихода ему на смену в том же восточноафриканском рифте нового, более прогрессивного вида *Homo Erectus* обычно решается достаточно просто. У специалистов нет серьезных сомнений в том, что новый вид является результатом эволюции первого. Однако вопрос о причинах этой эволюции достаточно сложен и серьезен. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся. Пока же следует обратить внимание на самое основное.

Появление гомо эректус (гомо эргастер) датируется примерно 1,8–1,6 млн лет. В отличие от своего предшественника этот проточе-

ловок прочно встал на ноги и ходил, подняв голову. Мало того, просуществовал он, опять-таки в отличие от гомо хабилис, не менее 1,5 млн лет. К тому же представители этого вида покинули Африку и сумели утвердиться на достаточно большой территории Евразии, где специалисты и находят вот уже свыше века их скелетные останки.

Популяции гомо эректус за длительный период их существования сумели добиться немалых успехов. Они вписались в окружающую их весьма различную по климату и иным природным условиям среду благодаря умению изготавливать каменные орудия с острыми краями. Такие двусторонне оббитые орудия, наиболее древние из обнаруженных пока учеными, датируются 1,2 млн лет. Освоение огня относится примерно ко времени, отстоящему от нас на 1–0,5 млн лет, а применение леваллуазской, как ее именуют археологи, техники раскалывания камня с получением ядра-нуклеуса и сколов с него нужной формы датируется приблизительно 300 тыс. лет. Все это следует считать основным достижением гоминид вида гомо эректус.

История Homo Erectus, точнее, история его изучения достаточно интересна. Первые останки существ этого типа были найдены на Яве в 1891 г. Тогда голландец Э. Дюбуа обнаружил обезьяночеловека, которого назвали питекантропом и датировали его излишне древним временем. В 20-х гг. XX в. в пещере Чжоукоудянь близ Пекина были раскопаны черепа синантропа, сходные с питекантропами. Позже, в середине века аналогичные существа были найдены в Африке (атлантропы), а также в ряде других мест – в Индии, Европе (Испания, Италия, Франция), в Китае близ Нанкина и в Грузии. Но все они, кроме разве что африканского атлантропа, как вскоре выяснилось, были поздними представителями вида, ныне именуемого гомо эректус.

В 1969 г. Л. Лики нашел в Танзании останки более раннего существа этого вида, датируемого 1 млн лет. Затем там же, в долине Олдувай, в Танзании, были обнаружены еще более древние останки гомо эректус. Исследование черепа и других костей всех этих представителей вида гомо эректус показало, что объем их мозга по сравнению с гомо хабилис увеличился, череп стал массивнее, лицевая часть чуть больше. Используемые им орудия были совершеннее (они соответствуют ашельской нижнепалеолитической культуре в археологической периодизации середины прошлого века), а в какой-то момент длительного существования эти гоминиды начали использовать огонь и убежища для жилья, прежде всего пещеры.

Укрошение огня было вторым важнейшим — после начала использования каменных и иных орудий — фундаментальным открытием, которое отделило гоминид *Homo* от предшествовавших им и уже начинавших ходить на ногах поздних австралопитеков. Специалисты обращают внимание на то, что имеющиеся данные позволяют проследить эволюцию рассеявшихся по Евразии популяций нескольких его разновидностей, которые практически на долгие сотни тысяч лет были оторваны друг от друга. Эта оторванность заложила основы некоего несходства между разными популяциями гомо эректус.

Так, яванская популяция (питекантропы, число находок скелетных останков которых за столетие после Дюбуа намного возросло) представителей этого вида, древность которой достигает примерно 700 тыс. лет, не вполне сходна по некоторым особенностям строения черепа и зубов с популяцией китайской (имеются в виду новые находки зубов, челюсти и черепа в Янму и Лантяни на юге и старые находки скелетных останков из пещеры Чжоукоудянь), датируемой примерно тем же временем. Яванская популяция по морфологии чем-то напоминает расовые особенности аборигенов Австралии, что позволяет ставить вопрос по меньшей мере о частичной преемственности более ранних и более поздних популяций различных видов проточеловека в этом регионе. Китайская, в свою очередь, по некоторым признакам (лопаткообразные резцы синантропа) близка к монголоидной популяции современных, прежде всего северных, китайцев. Европейская популяция гомо эректус сближается с неандертальцами.

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ И НЕАНДЕРТАЛОИДЫ

Неандертальцы — очередной этап эволюции ископаемого человека. Имя свое они получили в 1856 г., когда в долине Неандерталь (Германия) были найдены скелетные останки, изучение которых позволило в 1864 г. присвоить людям этого вида наименование *Homo Neanderthalensis*. В конце XIX и на протяжении XX в. на территории Евразии было обнаружено много черепов и иных останков неандертальцев и близких к ним по ряду параметров неандерталоидов, которых в 1916 г. предложили именовать, пренебрегая различиями, палеоантропами. Время их обитания на планете ориентировочно очерчивается, по разным подсчетам, 400–100 или 300–30 тыс. лет до н.э. Вначале, что существенно, неандертальцев строго стави-

ли на определенное место в схеме эволюции гоминид от австралопитеков до сапиентов. Но после обнаружения в 1933 г. в пещерах Палестины скелетных останков людей, одни из которых были неандертальцами, тогда как другие многим напоминали сапиентного человека (их стали именовать пресапиенсами), ситуация заметно усложнилась. Встала проблема двух одновременно и в одном месте существовавших популяций, а вместе с ней и сомнения в том, имеем ли мы дело с двумя разными видами гоминид или с одним видом, но с двумя его подвидами.

Сомнения были связаны с некоторыми элементами культуры неандертальцев (применение охры для покрытия трупов умерших и обычай их захоронения, использование различных подвесок из раковин или просверленных зубов в качестве украшений и амулетов, резьба на некоторых каменных орудиях), которые свидетельствовали о существовании осознанных эмоций, присущих уже в какой-то степени разумным существам. Несколько десятилетий шел спор по этому поводу, пока на рубеже 80–90-х гг. специалисты не пришли к выводу в пользу неандертальцев. Было взято за основу предположение, что мы имеем дело с двумя последовательными подвидами *Homo Sapiens*, первый из которых, появившись на пару сотен тысяч лет ранее, на последнем этапе своего бытия сосуществовал несколько десятков тысячелетий со вторым.

После этого термин *Homo Sapiens*, т.е. Человек Разумный, в физической антропологии стали иногда применять и для обозначения неандертальцев, которых прежде более резко отделяли от сапиентов. Теперь собственно сапиентных людей в отличие от *Homo Sapiens Neanderthalensis* начали иногда называть по-новому и несколько неуклюже, используя довольно странный способ удвоения слов (*Homo Sapiens Sapiens*). Переименование как бы признало факт видового единства неандертальцев и сапиентов, что заметно сблизило друг с другом эти два разных и все же, несмотря на определенную формальную близость, принципиально отличных друг от друга вида семейства гоминид. Но, невзирая на эту близость, переименование представляется недостаточно обоснованным, ибо хорошо известно, что физический облик неандертальцев и сапиентов различался. Различие отчетливо видно на примере обычно необратимой специализации, которая отсекала неандертальцев и неандерталоидов от потенциальной возможности самостоятельно эволюционировать, чтобы со временем превратиться в сапиентных людей. Что же касается той

популяции живших параллельно с неандертальцами в пещерах Палестины и в некоторых других местах людей, близких к сапиентным, то их как раз и нужно, не отвергая некоторого родства с неандертальцами, сближать с сапиентными людьми современного типа.

Это и есть *пресапиенсы* или *прогрессивные* в отличие от большинства специализированных, *неандертальцы*. Пресапиенсы были, насколько можно судить, самыми непосредственными предками сапиентных людей. И когда сложившиеся на их основе сапиентные люди возникли и стали распространяться по планете (это было не менее 40 тысячелетий назад, если даже не больше), то вероятное на протяжении небольшого времени сосуществование их рядом с неандертальцами пришло к концу. В отличие от пресапиенсов, похоже, спокойно сосуществовавших со специализированными своими родственниками, сложившиеся на их основе сапиенты энергично оттесняли специализированных неандертальцев в неудобные места, где последние и вымирали достаточно быстрыми темпами. Частично, однако, параллельно, видимо, шел и процесс метисации. Как бы то ни было, но сосуществованию неандертальцев и неандерталоидов вскоре после появления сапиентных людей пришел конец. Время существования последнего из известных науке неандертальцев равно примерно 35 тыс. лет.

Важен вопрос, как и от какой исходной формы, от какого вида Номо появились неандертальцы и неандерталоиды, объем мозга которых был равен в среднем 1450 см^3 , что вполне сравнимо с объемом мозга сапиентных людей. Впрочем, специфические формы черепа и лицевой части заметно различались. И это и делало их специализированными, т.е. подвидом, который не мог самостоятельно деспециализироваться и дать начало новому виду — Номо Sapiens. Но в связи с этим встает вопрос об исходной форме, породившей близких к неандертальцам и неандерталоидам более продвинутых пресапиенсов и сапиентов. Вопрос этот весьма серьезен, и более того, он стал решаться только сравнительно недавно и несколько иначе, нежели прежде. Речь об успехах генетиков, обнаруживших сравнительно недавно в организме современных людей специфические гены сначала так называемых митохондриальных ДНК (мтДНК), а затем аналогичных генно-хромосомных исследований, вроде бы свидетельствующих о родстве чуть ли не 16–17 млн современных мужчин с Чингис-ханом.

Суть открытия в том, что гены мтДНК передаются только от матери к ее дочерям. А это значит, что анализ таких генов позволяет

раскрыть путь их трансформации на протяжении тысячелетий, быть может, даже сотен тысячелетий, вплоть до Homo Habilis. Генетика, опирающаяся на мтДНК, делает лишь первые шаги. Но она многое обещает. В частности, это касается сложной проблемы происхождения сапиентов. Не углубляясь в подробности (желающие могут ознакомиться с популярной книгой Б. Сайкса «Семь дочерей Евы». М., 2003), важно обратить внимание на то, что условная африканская Ева жила где-то в Африке 100–200 тыс. лет назад. Это был период наибольшего распространения в мире неандертальцев. Именно у ее дочерей и внуков — это и был результат мутации — начали появляться новые свойства, позволяющие быстрее развиваться и большего добиваться. Если принять во внимание, что на каждую такую — удачную — мутацию обычно приходилось неисчислимое количество неудачных, которые вели к вымиранию потомства тех, кто оказался в числе неудачников, то и возникает то, на что следует обратить особое внимание. Это своеобразная прогрессивная линия из сравнительно немногих удачных сдвигов в постепенном процессе формировании гоминид и, в частности, сапиентов.

Примерно так же, насколько можно судить, могло бы теоретически обстоять дело и у мужчин. Но пока что наука в состоянии связать с завоевателем Чингис-ханом лишь 16–17 млн современных мужчин, и вообще речь идет только о том времени, когда мутаций, ведущих к сапиентации, уже давно не было. А коль скоро так, это отнюдь не значит, что линия формирования сапиентов-мужчин тоже восходит к условному Адаму. Скорее всего, это не так. Доказан лишь факт существования мтДНК, не более того, и если дело так, то наиболее интересен с несомненностью вытекающий из этого вывод, что **сапиентное человечество обязано происхождением какой-то одной женщине. Именно эта линия вышла победителем, и ныне ее потомки, от австралийских аборигенов до нобелевских лауреатов, составляют все человечество.**

Отсюда явствует, сколь непростым был процесс, как много в нем от классического принципа проб и ошибок и насколько целенаправленно действовал принцип целеполагания, отмечавшийся Кантом и реализующийся в видоизмененной модификации автором в его концепции. А концепция эта важна для понимания роли целеполагающего допущения в процессе формирования **динамики всемирной истории. Речь о телеологическом стандарте, свойственном Природе.** Именно таким образом и на этой генеральной основе

строгого естественного отбора и борьбы за существование — точно по Дарвину — возникали те виды гоминид, которые со временем развивались в процессе мутаций и метисации. При этом тех, кто проигрывал в борьбе за жизнь, ожидало вымирание в форме чаще всего длительной постепенной стагнации с конечной гибелью последних их потомков. А тех немногих в отдельных случаях и, как получается, единственных счастливицков ожидал сладостный жребий выигрыша и исключительного права в какой-то важный момент, в момент кульминации, взять главный приз и продолжить процесс антропогенеза, о котором только что шла речь.

Вполне возможно, что вымирание неудачников могло идти долго. Более того, в отдельных случаях их представители имели шанс вмешиваться в процесс метисации потомков пары счастливицков, ничему при этом не мешая, но играя определенную роль в процессе расогенеза, о чем чуть далее. Такого рода смешанных видов или разновидностей было намного больше, чем может показаться. Следы существования некоторых из них, причем подчас в причудливой форме, скажем, пигмеоидных, изредка обнаруживаются в разных регионах. Другие промежуточные разновидности пока что еще просто не обнаружены и потому не изучены наукой. Но факт остается фактом и сводится к тому, что, если брать генеральную линию процесса антропогенеза, то на смену австралопитекам шли *Homo Habilis*, их заменяли *Homo Erectus*, затем появились *Homo Neanderthalensis* и *Homo Sapiens*. Бывали ли контакты между представителями этих видов друг с другом? Вне всяких сомнений. К чему они вели? К появлению мутантов и метисов, которые и были шагами к возникновению нового вида или его разновидности. Играло ли это свою позитивную роль? Безусловно, но строго в зависимости от обстоятельств. Более того, нет никаких сомнений и в том, что от более древних видов и их модификаций происходили новые и что в рамках каждого из них, сроки существования которых вначале измерялись миллионами лет, позже лишь сотнями, а что касается сапиентов, только десятками тысячелетий, было великое множество вариантов, отражавшихся, помимо прочего, и в расовом их типе.

Вообще-то этот вопрос остается пока не слишком ясным. Еще мало материала для убедительных выводов и строго доказуемых сложных генеалогических конструкций. Возможно, все именно так и было, но об этом мы в большинстве случаев можем лишь догадываться. Однако и то, что уже известно, вполне весомо и едва ли смо-

жет поколебать выстроенное антропологами и генетиками научное здание. А оно выглядит не только устойчиво, но и достаточно красиво, так как решает, пусть не в окончательной форме, генеральную проблему антропогенеза. Смысл ее в том, что формирование сменявших друг друга видов — не обращая внимания на многочисленные варианты и разновидности, никак не препятствующие приоритету генеральной линии, — не есть просто игра случая. И хотя случай здесь явно присутствует на каждом шагу, ситуация в целом много более сложна, чем может показаться. А если поставить главный вопрос, почему же все было именно так, то ответ на него может быть лишь одним. Он в том, что Природа все же явно имела некую целеполагающую установку, принципы которой были обусловлены предполагаемым кантовским Нечувственным Нечто. На авторский взгляд, о чем упоминалось, это не Творец, но некий Первомеханизм в стиле *перпетуум мобиле*, который управляет движением космоса и законами Вселенной, которая возникла после Большого взрыва из ядрышка, равного первоэлементам микромира.

Об этом — ядрышке и взрыве с последующим расширением необъятной Вселенной — свидетельствует вполне научная современная астрофизика. Вопрос только о Первомеханизме, суть которого эта наука представить себе и тем более предьявить не в состоянии. *Но если, за неимением ничего лучшего, гипотетически представить себе все так, как чуть ранее об этом уже было достаточно подробно рассказано, то при наличии идеи телеологического инкогнито (Нето) с его, тем не менее, оформленными целеполагающими установками, сводящимися к гарантированному вечному движению, как надежной альтернативе энтропии, и гарантируемыми спорадически стимулирующими движение вызовами, и контролирующим это принципом баланса, все окажется на своих местах.* Это достаточно наглядно демонстрируется всем тем, что антропология ныне знает об эволюции гоминид. И если о первых из них известно сравнительно мало, ибо существовали они очень давно, то ситуация с неандертальцами и сапиентами в этом отношении намного яснее. Это уже почти люди или совсем люди, хотя и здесь остается немало неясного. Впрочем, мы еще вернемся к этой проблеме чуть ниже.

Пока же поставим важный вопрос о членораздельной речи. Некоторые физические антропологи, специально занимающиеся изучением скелетных останков и условий жизни различных видов гоминид, склонны считать, что звуки и сопровождавшие их жесты либо

символы возникли очень давно и что система звуков, в чем-то напоминающая речь, существовала издавна. Но действительно ли это так? Специалисты лингвисты полагают, что членораздельная речь в ее наиболее примитивной форме появилась, возможно, лишь около 100 тыс. лет назад, не ранее того. И это еще далеко не все. Предположение, высказываемое лингвистами, отнюдь не означает, что речью владели неандертальцы, особенно специализированные, чья гортань была расположена таким образом, что они, скорее всего, еще просто не могли издавать членораздельные звуки. Если это было действительно так, то речью в этом случае могли владеть только пресapiенсы, эти своего рода двоюродные братья, хотя в то же время и современники поздних неандертальцев, которые, однако, сумели преодолеть за счет очередной удачной мутации важную грань, отделявшую их от живших еще рядом с ними их предшественников. Словом, есть весомые основания считать, что пресapiенсы говорить уже почти умели, во всяком случае функционально могли как-то пытаться что-то сказать. И это очень важно. Но вернемся к неандертальцам и неандерталоидам.

Их число, если говорить об обнаруженных учеными скелетных останках, чрезвычайно велико. Мало того, в своих разных модификациях они встречаются во всем Старом Свете. Существуют весомые предположения, что по меньшей мере часть различных и живших на большом отдалении друг от друга на территории Евразии поздних популяций гомо эректус имела самое прямое отношение к их появлению. Если говорить о собственно неандертальцах, то они, скорее всего, как раз и произошли в процессе серии удачных мутаций и последующих случайных индивидуальных метисаций от тех поздних гомо эректус, которые, скорее всего, не ушли далеко за пределы Африки. В общем-то именно в этом регионе, близ перешейка, соединяющего Африку с Азией, могли появиться 400–300 тыс. лет назад те специализированные неандертальцы, которые, как следует полагать, были начальной модификацией этого вида и, распространившись в основном на территории Южной и Средней Европы, составили со временем некую единую в основных параметрах (в росте, морфологии — при незначительных порой различиях) очень большую популяцию. Она сохранялась, немного изменяясь, на протяжении двух-трех сотен тысячелетий и далее вроде не распространялась, во всяком случае, за пределами Европы неандертальцев европейского типа уже не было. Специалисты полага-

ют, что это редкий, уникальный случай. В то же время в остальных регионах Евразии появились сходные с неандертальцами, но существенно отличные от них представители Homo Neanderthalensis, представленные в разных модификациях. В основном это те, кого следовало бы называть неандерталоидами. Правда, особо стоит вести речь и о пресапиенсах, о которых уже шла речь. Но в чем суть и смысл всех различий? Уже западноазиатские разновидности гомо неандерталензис (от Палестины до Узбекистана) в большинстве своем морфологически не только заметно отличались от привычных европейских неандертальцев формой черепа или ростом, но и имели ряд признаков, сближавших их с сапиентными людьми. Можно предположить, что западноазиатские, к тому же сравнительно поздние неандерталоиды были результатом метисации пресапиенсов и европейских неандертальцев, что станет более убедительным, если вспомнить, что именно в Палестине нашли следы сосуществования европейского типа неандертальцев и прогрессивных неандертальцев, пресапиенсов. Похоже, что именно здесь сложилась отдельная и отличная от европейских специализированных неандертальцев популяция прогрессивных неандертальцев.

Что касается других модификаций, современных европейским и западноазиатским неандертальцам и неандерталоидам в более восточных регионах Евразии, то череп из Дали в Северном Китае (примерной давности около 200 тыс. лет) и фрагмент черепа из Маба на юге Китая (100 тыс. лет) морфологически весьма существенно отличаются от них, ибо имеют как признаки китайской разновидности гомо эректус, так и некоторые черты, сближающие их с неандертальцами. Аналогична ситуация в Юго-Восточной Азии, где неандерталоиды имеют явные признаки яванского питекантропа и черты, напоминающие австралоидов типа австралийских аборигенов. Следовательно, на востоке Евразии в эпоху, когда в Европе жили одни неандертальцы, развивались свои неандерталоиды, в расовом отношении близкие к монголоидам в Китае и к австралоидам в Юго-Восточной Азии. И в Африке есть неандерталоиды, черты которых являют собой смесь архаичного (гомо эректус) и сапиентного современного негроидов. Стоит оговориться, что ни в Китае, ни в Юго-Восточной Азии, ни в Африке в то время еще не существовало сапиентных людей в их полностью сформировавшемся виде. Ближе всех к их появлению на заключительном этапе эпохи неандертальцев были западноевропейские неандерталоиды, возникшие,

возможно, в результате метисации неандертальцев с пресapiенсами в Палестине. Оставив на этом довольно неопределенном предположении все неясности, которые связаны с проблемой формирования видов семейства гоминид до появления *Homo Sapiens*, обратимся теперь непосредственно к ним, к сапиентам, роли которых в истории человечества и посвящена в основном следующая часть главы.

ЧЕЛОВЕК РАЗУМНЫЙ

Человек Разумный — вершина эволюции семейства *Homo*. Как следует полагать, сапиенты возникли в результате эволюции пресapiенсов, а точнее, в результате обретения кем-то, вначале одним из пресapiенсов (условным Адамом), в очередной удачной мутации тех признаков, которые позволили ему стать родоначальником в некотором смысле наиболее совершенного вида семейства *Homo*. И здесь самое время снова поставить более общую проблему теперь уже не о целеполагании как генеральном принципе, а о некоем механизме как орудии, посредством которого принцип движущей силы эволюции реализуется на уровне жизни, живых существ, в том числе наиболее важных для нашей темы высокоорганизованных кандидатов в сапиентных людей. Нет никаких сомнений, что в основе этих движущих сил лежали мутации и метисация. Именно в процессе бесчисленных мутаций идет процесс эволюции. Но если бы только это существовало, ни о каком движении, имеющем целеполагающую установку, не приходилось бы и говорить. Мутация останется мутацией, т.е. некоей ошибкой в новом живом организме при его воспроизведении породившими его представителями того или другого вида. От этого в наиболее необычном случае может лишь появиться новый вид, а количество и бесконечное разнообразие видов возрастет. Но в том-то и дело, что все не так. На самом деле мутация как раз с помощью некоего механизма вполне целенаправленно используется, что и лежит в основе гениального открытия Дарвина.

Смысл дарвинизма не только и даже не столько в том, что все живое — а у Дарвина не было никаких оснований исключать людей из мира живых, хотя прямо об этом он не упоминал, — ведет постоянную борьбу за выживание и что в процессе этой непрестанной борьбы выживают наиболее приспособленные. Смысл намного глубже и сводится к тому, что вот это самое свойство — оказаться наибо-

лее приспособленным — зависит не от воли и способностей особи, а практически почти исключительно от того, как лягут гены в его организме, когда именно с ним произойдет очередная мутация, из которых лишь очень немногие бывают удачными и ведут к обретению тех признаков, которые помогают их обладателям в ходе естественного отбора — по Дарвину — взять верх над остальными. Для всех гоминоид из семейства Номо это как раз и означало внести свой вклад в создание более развитого вида этого семейства. Обезьяны становились протолюдьми, а протолюди — людьми современного типа.

Но кто именно и почему этот вклад вносил? Ведь не по принципу «захотел — и внес» или «постарался — и сумел внести». В свете данных современной науки как раз все наоборот, хотя не хоти, старайся не старайся, но выше головы не прыгнешь. А вот если мутация привела к тому, что гены легли несколько лучше, чем у других, включая и твоих родителей, как то некогда произошло с мтДНК условной Евы, то ты и оказываешься той самой наиболее приспособленной, кто не просто выживает легче и лучше других, но и, передавая свой расклад генов потомкам, создает популяцию, которой в рамках твоего вида или подвида суждено вытеснить из числа живущих всех, кроме твоих потомков. А в числе потомков в ходе разных многократных метисаций окажутся в равной мере все те, у кого в качестве второго родителя был кто-либо из числа не имеющих твоего расклада генов, что теперь уже не повлияет на наличие именно твоего генного порядка у всех твоих потомков обоего пола.

Независимо от того, произошла ли какая-нибудь аналогичная полезная мутация у кого-либо еще, процесс остается таким же. Есть основания полагать, что мутация, ведшая к сапиентации, совершилась в организме женщин. И вполне возможно, что расклад генов в форме мтДНК оказался основой в процессе антропогенеза и что именно рождающий женский организм был способен к наиболее значимой мутации. Это практически ничего не меняет, потому что в последующем все зависело от метисации. Мужчины могли становиться партнерами либо дочерей, внушек, правнушек и т.п. потомков условной Евы, либо других женщин, и **вот от этого уже зависело буквально все**. Дочери Евы, следует полагать, исправно от любого их партнера производили сапиентов, а все остальные особи женского пола были на это неспособны. И коль скоро у мужских особей, рожденных дочерьми Евы, мтДНК не было, то они, видимо, без участия женщин из числа обладательниц мтДНК, породить потомство, наи-

более приспособленное к выживанию, не могли. Автор не настаивает на строгости своей реконструкции. Но, насколько он понимает весь процесс антропогенеза, ситуация была примерно именно такой, по крайней мере до того, как 40–30 тысячелетий назад, — быть может, даже и раньше, около 100 тыс. лет, — женщины, которые имели отношения к сапиентам, потомкам Евы, стали единственными партнерами современных им мужчин.

Итак, зафиксирован бесспорное: удачная мутация вела вперед. Однако это давалось не слишком просто и легко. Каждый раз, поднимаясь на одну ступеньку, обладатели счастливого билета Природы продолжали вести обычную для их современников жизнь, что включало и метисацию, т.е. смешение носительницы прогрессивной мутации с теми, у кого ее не было. Только при такого рода смешении могли возникнуть условия для появления принципиально новых ранних популяций. Иными словами, лишь в ходе метисации мутанта (обладательницы удачной мутации) мог появиться первый представитель нового вида семейства Номо, будь то хабилис, эректус, неандерталец или сапиентный человек, не говоря уже о многочисленных промежуточных звеньях, с которыми наука пока что не знакома. Важно отметить, что обретение метисом женского пола новых признаков вело к тому, что она могла производить потомство, обладающее столь ценными для эволюции Номо признаками. Минувая возможные и неизвестные нам пока что промежуточные этапы, благодаря удачной мутации и последующим метисациям женщины хабилис могли способствовать появлению популяции эректуса, а те особи женского пола — неандертальцев. И как раз в популяции специализированных неандертальцев появилась, как надо полагать, та самая условная Ева из числа пресапиенсов либо уже полноценных сапиенсов. Ее мтДНК стала своеобразным пропуском в число сапиентов тех женщин, которые были ее потомками, равно как и рожденных ими мужчин, приобретавших со временем все признаки сапиентов от своих матерей, кроме разве что все того же мтДНК. Метисация с сапиентными женщинами было не просто редким, но, скорее всего, единственным шансом деспециализироваться и оказаться включенными в популяцию сапиентов. При этом их потомки несли в себе признаки как отца, так и матери, т.е. нечто давно имевшееся и то, что было создано природой заново.

Новая популяция возникала не сразу. Вначале ее носителем становился кто-то один (одна). Затем вступал в силу не очень быстрый процесс метисации. В итоге смешения носительницы счастливого

билета (все той же условной Евы) с кем-либо из живших рядом с ней представителей ее популяции возникали особи нового вида. Они обладали обновленным геномом, несшим все прогрессивные гены родителей-мутантов. Вследствие этого обладатели нового генома, более всех остальных приспособленные к выживанию (в этом и смысл прогрессивности мутации), вытесняли тех, кто отставал от них в развитии, и создавали новую популяцию или новый вид Номо. Иными словами, метисация не сразу, но в конечном счете логично завершала весь процесс, реализуя те благоприятные возможности, которые столь редко предоставляла природа кому-то одному (одной) из той либо иной популяции. Примерно такой процесс на протяжении всей эволюции человека, длившейся миллионы лет, шел достаточно долго, повторяясь и варьируя. И так, несколько десятков тысяч или около сотни тысяч лет назад на смену неандертальцам пришел на планету Человек Разумный, причем именно он, хотя и не сразу, стал тем, кто начал преобразовывать планету, руководствуясь тем разумом, которым наделила его природа

Человек Разумный отличался по анатомическому и физиологическому строению от всех предшественников. Он умел говорить и обладал не столько увеличенным, сколько качественно резко изменившимся мозгом, извилинами и все прочие структуры которого были уже приспособлены для связной и имеющей смысл речи. Более того, они годились и для гораздо более серьезных акций, включая умение мыслить и многое осознать, хорошо рисовать, веря в силу магии, делать некоторые умозаключения и строить ментальные конструкции. Конечно, все это проявило себя в полной мере далеко не сразу. Не следует преувеличивать тот уровень разума, с которым когда-то сформировались на основе африканско-палестинских пресапиенсов сапиентные люди. Этого разума в ту далекую пору им, скорее всего, едва хватало для того, чтобы выжить, укрепиться, возрасти численно и распространиться по планете, создавая все новые и новые популяции и занимая наиболее подходящие для проживания места.

И все же сапиентные люди сравнительно быстро сумели утвердить на планете свое превосходство. Применяя развивавшийся разум и все прочие полезные свойства, которыми их столь щедро одарила природа, они медленно, но неуклонно осваивали окружающие их безграничные просторы. Иная земля, другие условия жизни, популяции неандертальцев и неандерталоидов, которые существовали бок о бок с первыми сапиентными людьми в разных регионах плане-

ты несколько тысячелетий (иногда это могли быть и представители более древних видов, в частности эректусы), требовали от Человека Разумного немалых усилий. Но именно с их усилий и успехов и начиналась история в подлинном смысле этого слова.

Историю следует воспринимать прежде всего как нечто, что имеет и всегда имело отношение только и именно к людям, т.е. к существам, способным — это очень важно подчеркнуть — адекватно осмыслять и передавать другу другу сообщения о каких-либо событиях, но не к предлюдям типа неандертальцев, неандерталоидов и тем более эректусов, о способности которых к артикулированной речи и осмысленной передаче сообщений трудно сказать что-либо определенное. И то обстоятельство, что кто-то из них на протяжении тысячелетий жил рядом с сапиентными людьми, соприкасаясь с ними и в конечном счете оказавшись адаптированным к новой жизни в результате метисации, или был оттеснен в неблагоприятные места обитания, что способствовало их вымиранию, как раз и свидетельствует, причем достаточно убедительно, в пользу того, что сфера истории была не для них.

Что же помогло Человеку Разумному выйти победителем в конкурентной борьбе с различными популяциями более ранних видов семейства Номо, особенно специализированных неандертальцев, которые, судя по находкам археологов, раскапывавших разные стоянки и могильники верхнего и среднего палеолита, вели достаточно активный образ жизни, охотясь даже на крупных животных, например мамонтов, собирая пригодные в пищу растения и корни и время от времени сталкиваясь друг с другом? Не имея прямых данных, но и не слишком греша против истины, можно предположить, что сапиентные популяции использовали свои ментальные и иные возможности прежде всего для того, чтобы достаточно быстро обзавестись более совершенными орудиями, которые, собственно, и представлены на стоянках верхнего палеолита. Эти орудия и оружие в сочетании с ментальным превосходством сапиентных популяций не могли не сыграть своей роли. Как бы то ни было, но контакты между двумя разными видами Номо, нередко оканчивавшиеся гибелью мужчин одной из враждующих сторон и включением женщин в группу победителей, чаще всего (о чем вполне убедительно свидетельствуют многочисленные факты из всей истории человечества, говорящие о взаимодействиях *своих* и *чужих*) завершались победой сапиентных людей. Именно таким путем Человек Разумный стал осваивать

все доступные для него территории Евразии. Но при этом остается в стороне важный вопрос: каким образом осуществлялся механизм расогенеза? Иными словами, как возникли расы сапиентных людей? Вопрос этот заслуживает специального внимания.

ПРОБЛЕМЫ РАСОГЕНЕЗА

Проблема принадлежит к числу достаточно сложных и до сих пор еще науке не вполне ясных. Существует точка зрения, что начало процесса расогенеза следует датировать эпохой, когда представители вида *Homo Erectus*, выйдя из Африки, примерно 500 тыс. лет назад обосновались в восточных регионах Евразии. Дело в том, что некоторые признаки монголоидности (лопаткообразные резцы) были обнаружены при анализе черепов синантропа. Возможно, тогда это были еще очень слабые признаки, а сам процесс расогенеза только начинался. Гораздо более ощутимые свидетельства существования различных расовых типов заметны применительно к более поздней эпохе (250–150 тыс. лет назад), когда в Евразии обитали неандертальцы и неандерталоиды. Сам термин *неандерталоиды* используется в данной работе для того, чтобы обратить внимание не просто на несходство популяций неандертальцев вне Европы с европейскими. Важно подчеркнуть, что это несходство было обусловлено восприятием отдельными представителями популяции неандертальцев, проникших из Европы на восток, местных проторасовых черт, возникших там у потомков *Homo Erectus*, с которыми они вступали в контакт.

Надо полагать, что именно в ходе таких миграций и последующей метисации как раз и возникали свои неандерталоиды в Китае, на Яве, в Западной Азии и даже в Африке. Такое предположение наиболее вероятно, ибо в противном случае пришлось бы предположить, что в каждом из регионов независимо от европейских процессов (имеется в виду появление массивной популяции классических неандертальцев) параллельно протекали собственные аналогичные процессы. Это крайне маловероятно по той простой причине, что одинаковых и даже сходных по типу мутаций в принципе не бывает. Мутация потому и является мутацией, что это нечто непредсказуемое, уникальное и ничем закономерно не обусловленное. Она появляется спонтанно и реализуется только в том случае, если в данной обстановке способствует ускорению эволюции. А так как об-

становка в разных регионах была весьма несходной (климат, окружающая среда и т.п.), то и характер мутаций не мог быть сходным, и одинаковым неандертальским признакам в этих регионах неоткуда было бы взяться.

Сказанное означает, что, хотя процесс расогенеза шел независимо в каждом из крупных регионов Евразии и Африки, появление в эпоху господства европейских неандертальцев неандерталоидов в других регионах было повсюду связано с миграциями и метисацией. То же самое произошло и на следующем, заключительном этапе расообразования, связанном с появлением в Европе сапиентных людей. Часть их, оказавшаяся в Африке (вспомним, что трансформация пресапиенсов в сапиентных людей происходила где-то на рубеже Евразии и Африки, предположительно в районе Палестины), будучи лишенная шерсти, покрывавшей тела их далеких предшественников, постепенно под влиянием жаркой африканской погоды, прочно установившейся вскоре после последнего оледенения, изменила пигментацию и обрела некоторые другие признаки негроидной расы.

Освоившие Европу разумные люди, напротив, обрели свойственную европейцам пигментацию кожи и волос, равно как и некоторые иные внешние расовые черты. В условиях более жаркого климата Западной Азии те, кто расселялся здесь, постепенно стали отличаться от своих европейских собратьев более смуглой кожей, иным цветом волос и некоторыми другими внешними расовыми чертами. Те же из сапиентных популяций, которые проникли далеко на восток и юго-восток Евразии, приобрели монголоидный и южноавстралоидный расовый облик. Нет сомнений, что при этом сыграла свою важную роль метисация с местными неандерталоидами, а быть может, и эректусами, которая не только ускорила крайне медленный процесс расообразования, но и придала всем африканским новопришельцам-сапиентам уже приобретенные до того в том либо ином регионе расовые черты. Важно добавить к сказанному, что приобретенные в результате метисации расовые признаки монголоидной расы были далеко не сразу столь сильными и четко выраженными, как это заметно в наши дни. Расообразование шло тысячелетиями. И на примере именно монголоидов специалисты вправе об этом судить.

Дело в том, что Новый Свет был заселен в итоге дальних миграций отдельных микропопуляций сапиентов. Они в ходе медленного, волнообразного, длившегося, вероятно, тысячелетиями, продвиже-

ния по южной окраине отступавших на север ледников (ныне это великий евразийский степной пояс, тянущийся к северу от Средней Азии и Китая), одна за другой через Берингов перешеек либо по льду проникали в Америку, примерно около 20 тысячелетий назад. А облик их, заметно отличный от современных монголоидов (аборигенов Америки европейцы после Колумба именовали краснокожими), обрел свои особые черты позже. По мере продвижения первооткрывателей Нового Света с севера через экваториальный центр на юг расовый облик различных популяций менялся. На севере жители Америки ныне (чукчи и особенно эскимосы) те же, что и в России. Но несколько иначе выглядят индейцы в более южных районах этого континента и тем более на его крайнем юге. И это обстоятельство, свидетельствующее, к слову, о большой роли окружающей среды и климата не только в процессе расообразования, но и в ходе приспособления к изменившимся условиям жизни, настоятельно побуждает поставить еще одну важную проблему. Речь о взаимодействии человека и природы.

ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ ЕГО СРЕДА НА ЗАРЕ ИСТОРИИ

Природа никогда не была особо ласковой матерью по отношению к созданному ею же семейству гоминид. Это касается и гомо эректус, вышедших из теплой матери-Африки на суровые просторы Евразии с их ледниковыми периодами. Это в какой-то мере относится и к европейским неандертальцам и по меньшей мере к северным неандерталоидам, в суровой борьбе с условиями среды добывавших пищу и обогревавшихся шкурами животных и теплом костров. Но это, пусть уже в несколько меньшей степени, относится и к сапиентам. Появившись на необъятных просторах сперва южных районов Евразии, а затем и в других ее регионах, эти вышедшие опять-таки из теплой Африки или разных благодатных мест близ ее границ представители семейства гоминид явно не были готовы к новой обстановке. Они не могли сразу же уютно устроиться на новых местах с их не слишком привычным для новопоселенцев климатом, иной растительностью (иногда и полным ее отсутствием), а также во многом новым животным миром. Можно смело сказать, что несколько первых тысячелетий сапиентные люди осваивались в районе близкой к Африке Палестины и на соседних с ней землях Междуречья.

И только как следует вооружившись новой техникой (археологи именуют ее верхнепалеолитической), они стали медленно распространяться по планете, одновременно вытесняя из более подходящих для их обитания мест живших там до них человекообразных. Однако трудности не остановили продвижения сапиентных людей по планете, включая Северные приполярные территории и всю Америку. Но после этого со всей силой проявило себя то немаловажное обстоятельство, которое было связано с влиянием на эволюцию этих людей природной среды, в которой они оказались. Освоение континентов, на территории которых со временем расселились популяции людей, расходившиеся все дальше друг от друга и соответственно обретавшие все новые оттенки расового облика и все новые языки, превратило практически всю планету в планету сапиентных людей. И именно поэтому с этого времени и в этом смысле вся последующая история теперь уже почти полностью заселенной Земли стала историей Человека Разумного.

Колебания климата в период существования людей современного типа были менее частыми и суровыми. Природа была к ним явно более милостива, нежели к их предшественникам. Ледниковые периоды уходили в прошлое, а на смену им шло постепенное потепление. Это, безусловно, способствовало много более быстрому, нежели то прежде было возможно, освоению человеком ойкумены (этим термином древние греки обозначали обжитую людьми часть планеты). Разумеется, условия проживания живых существ в разных широтах были различными. И это вело к тому, что прежде всего были освоены Человеком Разумным наиболее благоприятные для него места, где климат позволял долгое время в году, а то и весь год обходиться без утепляющей тело одежды, а круглый год цветущая растительность и обилие животных, как мелких, так и более крупных, решали вопросы пропитания. Однако вполне понятно, что субтропические и близкие к ним климатические зоны не были, по меньшей мере вначале, слишком удобными для жизни человека по той простой причине, что ежедневная борьба с дикими зарослями и ядовитыми или иными вредными и хищными животными требовала много сил. Кроме того, количество населения постепенно росло, число расселявшихся в сторону друг от друга популяций увеличивалось и еды на всех явно не хватало. Это вело к тому, что популяции людей эпохи верхнего палеолита (так именуется археологами исторический период, начавшийся с появления сапиентных людей; ему предшествовали нижний палеолит, т.е. время жизни архантропов типа синантропа

или питекантропа, и средний, когда планету населяли неандертальцы) медленно, но неуклонно двигались в направлении к более суровым в природно-климатическом плане, но нередко неплохо приспособленным для жизни средним широтам.

Климат средних широт, и особенно климат континентальной степной полосы в этих широтах, отличается изменчивостью не только в пределах года (зима — лето), но и в пределах суток (день — ночь). К этому стоит добавить очень часто выпадающие осадки, усугубляющие погодные условия. Для жизни в этих нелегких условиях оказавшимся в них популяциям сапиентных людей приходилось, как то делали и их предшественники, не только пользоваться кострами для обогрева (да и для приготовления пищи), но и охотиться на крупных животных. В числе последних явно преобладали еще не вымершие мамонты, просуществовавшие, насколько можно судить по примерным датировкам, вплоть до эпохи мезолита, т.е. практически до конца палеолита (примерно 15 тыс. лет назад). Из шкур животных выделывали теплую одежду, предохранявшую от ночного и зимнего холода. В итоге жители средних широт приспособились к условиям жизни очень неплохо. Иное дело те из популяций, которые в ходе миграций и поиска новых никем не занятых пригодных для жизни мест оказывались в специфических условиях, например в горных районах с узкими и отделенными друг от друга долинами или в степных массивах северных широт, окруженных суровыми северными лесами, тем более в районе этих лесов или даже еще севернее, в циркумполярной зоне близ Ледовитого океана.

Здесь природа становилась не только сложным препятствием для нормальной жизни, но и неизбежным злом. На борьбу с воздействием неблагоприятной окружающей среды у сравнительно небольшой в данной ситуации популяции — для больших просто не было места — уходило слишком много сил и времени, что отрицательно сказывалось на условиях жизни и тем более на развитии популяции. Из всего сказанного вполне очевидно, что эволюция ранних популяций сапиентных людей очень сильно зависела от той среды и тех климатических условий, в которых каждая из них оседала и к которым так или иначе вынуждена была приспособливаться. Условия жизни сыграли большую роль и в формировании многих достижений сапиентных людей, создание которых было заложено в них природой в ходе той последней мутации, которая способствовала появлению на свет Homo Sapiens. О чем, собственно, идет речь?

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РАННИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НОМО SAPIENS

Очень мало известно (что известно — о том уже было сказано) об особенностях ментального развития неандертальцев, у которых тоже уже существовали некоторые элементы разума. Но о раннем этапе развития сапиентных людей доподлинно известно гораздо больше. Во-первых, потому, что практически до недавнего времени еще существовали отдельные популяции людей современного типа, которые находились на крайне примитивном уровне развития и вполне могли быть во многих отношениях близки к тем ранним представителям сапиентов, о которых идет речь. Во-вторых, хорошо известно то, что было потенциально заложено в физические возможности и ментальность людей, владевших членораздельной речью, разумом, некоторыми эстетическими и интеллектуальными представлениями, а также, что едва ли не главное, хорошей и сознательно применяемой памятью, т.е. свойством постепенно все больше осознавать важнейшие окружающие закономерности и соответственно реагировать на них, причем не инстинктивно в форме безусловного рефлекса, как то свойственно животным, но пропуская свои реакции через сознание, мозг, разум.

Пространство и время. Начнем с того, что первобытные люди (термин *люди* используется только по отношению к сапиентам), как об этом можно судить по косвенным данным, имели уже достаточно осознанное представление о времени и пространстве — едва ли не первых абстрактных категориях, свойственных ранней форме возникающего мышления. Разумеется, речь идет отнюдь не о бесконечности времени и пространства, как чрезвычайно серьезных и поныне мало кому во всей своей полноте и сложности доступных категориях. Имеется в виду восприятие конкретного времени и реально обитаемого пространства, в пределах которых происходили, происходят и всегда будут происходить все события человеческой жизни, включая саму жизнь. Ведь именно пространство и время как таковые определяют многое в жизни каждого живого существа. Но если для представителей животного мира и ранних предлюдей то и другое не воспринимаются как нечто специально осознаваемое, но просто являются условием их существования, то для сапиентных людей все уже обстояло несколько иначе.

В отличие от всех иных живых существ они жили в условиях, когда и конкретное календарное время (день, ночь, весна, лето, осень,

зима), и пространство, особенно та местность, которой практически владела та либо иная локальная группа охотников и собирателей, для всех них кое-что — а чем дальше, тем больше — значили (возможно, сходные ощущения подспудно, не вполне осознанно, но все же существовали у неандертальцев и неандерталоидов, которые отчасти именно за это заслужили от антропологов наименование *Homo Sapiens Neanderthalensis*). При всем различии между временем и пространством не только как физическими константами, но и как конкретными условиями бытия людей, между тем и другим существовала тесная, хотя и не всегда, быть может, вполне осознанная, тем более теоретически осмысленная связь. В частности, заслуживает внимания то обстоятельство, что с древнейших времен люди измеряли расстояние временем (днями) пути, а территорию или путь — временем, необходимым для их преодоления в том либо ином режиме. Например, для территории это часто был медленный круговой обход принадлежавшей данной популяции либо какой-то ее части местности, совпадавший с определенными календарными переменами, а для пути — все те же дни. И стоит специально заметить, что осознанное отношение к времени и пространству, о котором только что упоминалось как о специфике именно людей, проявлялось или по крайней мере могло, должно было проявляться в использовании нужных слов для обозначения и территории, и пути, и времени.

Речь и рассказ. Вообще, появление речи и возможности вербальной коммуникации должны были сыграть в жизни людей первостепенную, во многом решающую роль. И сколь бы ни было мало количество слов, находившихся в употреблении наиболее древних из них (как не велико оно у самых отсталых популяций дикарей, все еще кое-где сохраняющихся в современном мире либо существовавших в недавнем прошлом и зафиксированных в исследованиях антропологов), важны не только сами по себе эти слова. Серьезнее факт знакомства с ними и умение посредством слов высказать какую-то мысль, пусть крайне примитивную. Это было одним из величайших достижений Человека Разумного. С помощью слов, количество которых постоянно увеличивалось и охватывало все новые стороны их повседневного бытия, люди учились осваивать мир и постигать все в нем сущее. С помощью связанной членораздельной речи они начинали все более глубоко ощущать и постигать самих себя, затем свою небольшую часть популяции себе подобных, потом другие части прежде всего своей популяции.

С помощью этой же способности говорить они вступали в контакт и с представителями иных, ушедших в далекий путь популяций, говоривших на ином языке. Не касаясь пока вопроса о том, чем заканчивались столкновения различных популяций, именно посредством речи, разговора люди из отдаленных друг от друга мест могли в случае встречи как-то общаться и, что крайне важно, заимствовать друг у друга ценные достижения. Речь и обмен сообщениями в гораздо большей степени, нежели все прежние возможности, свойственные животным (умение видеть, слышать, обнюхивать, опираться на инстинкт или на безусловные рефлексы), естественно способствовали постепенному развитию памяти у предлюдей. На этой проблеме стоит остановиться подробнее.

Память. Как хорошо известно, память существует не только у человека, но и у едва ли не всего животного мира. Достаточно хоть раз посетить цирк, чтобы убедиться в том, как натренированные звери по звуковому либо фиксированному зрительно сигналу их хозяина мигмом ориентируются в том, что следует сделать. Можно пойти и в более глубокую даль и обратить внимание на то, как в зверином стаде или стае небольших животных какой-то сигнал, чаще всего не ощутимый органами чувств человека, заставляет всех резко изменить их до того спокойный и порой весьма неодинаковый образ действий. Получив сигнал, все действуют заодно. Почему? Потому что сигнал свидетельствует о чем-то важном, чаще всего об опасности, иногда, если речь о крупных и сильных хищниках, — о появлении неподалеку потенциальной пищи в виде стада какой-либо дичи.

Каков механизм всех этих действий? Любой ответит: инстинкт. Инстинкт охоты или бегства в случае опасности вложен в каждого из животных природой. Но что такое инстинкт? Эта все та же память, необходимая для сохранения не столько жизни каждого, сколько вида в целом. Это видовая память. Стоит добавить к сказанному, что видовая память существует не только у животных, млекопитающих и вообще любых высокоорганизованных представителей животного мира, но и у простейших. Примерно полвека назад научную общественность взволновал интересный эксперимент: группу хорошо натренированных земляных червей (они по световому либо звуковому сигналу сразу же направлялись к открывавшейся перед ними кормушке) скормили другой группе червей, не подвергавшихся до того никакому обучению. В результате съевшая своих *ученых* собратьев группа червей стала поддаваться тренировке вдвое

быстрее. Не углубляясь в научные проблемы эксперимента, важно выделить одно: получив нечто в виде полезной информации, новая группа обрела что-то вроде дополнительного знания, обосновавшегося в их организмах в форме чего-то наподобие памяти, инстинктивной памяти.

Иными словами, новая группа червей обрела некое свойство организма, помогавшее ей быстрее сориентироваться, или, выражаясь иначе, обрела нечто, что усилило природный инстинкт. И этого, как выяснилось в ходе опыта, оказалось возможным добиться у тех, у кого не было явственно выраженного головного мозга с соответствующими сложными нервными и иными системами. Уяснив все сказанное и снова вспомнив чудесные качества тренированных собак либо дельфинов, которые умудряются хранить в своей памяти множество разных сигналов, а также приняв во внимание, что и среди обычных животных могут встречаться особи, которые по запаху (а это только инстинкт) помнят своих недоброжелателей и готовы при случае с ними посчитаться, мы снова приходим к выводу: память как явление, тесно связанное с инстинктом, присуща далеко не только людям. Но вот здесь и встает главный вопрос: коль скоро так, то чем же память у людей отличается от памяти у животных? Только объемом? Или еще чем-либо? Обратим вначале внимание на то, как обстояло дело с памятью у предлюдей. Они хорошо знали, как охотиться и добывать пищу, как изготавливать орудия, с помощью которых это можно сделать, о чем свидетельствуют многие предметы, найденные при раскопках стоянок и могильников времен древнего и среднего палеолита. Они умели загонять крупного зверя в яму, обуздывать огонь, от которого все живое бежало куда глаза глядят, превратив его в контролируемый очаг или костер. Знали, храня это в памяти, как приготовить на костре мясо пойманного зверя, дабы пища стала вкуснее и просуществовала в пригодном для потребления виде несколько большее количество времени.

Играл ли при этом главную роль инстинкт? Безусловно, да. Инстинкт голода толкал охотников к охоте. Инстинкт холода толкал их использовать шкуры убитых животных в качестве утепляющей одежды. Но владели ли человекообразные чем-то еще, кроме инстинкта? Несомненно. Они сохраняли в памяти устойчивое и жизненно важное представление о том, что для охоты на крупного зверя нужны специально выделанные орудия. И они готовили эти орудия, равно как и заботились об организации самой охоты (делали заго-

ны, гнали зверя с шумом к обрывистой скале и т.п.). Они помнили о тепле и защитной силе огня и постоянно поддерживали его у входа в свои пещеры. Они мерзли и потому не забывали обработать шкуры убитых ими животных. Нет нужды рассуждать на тему о том, когда и кто именно первым взял в руку палку или камень, кто догадался с помощью одного камня умело обработать другой, придав ему необходимую для точного и успешного удара форму.

Не так уж и важно, кому первому пришла в голову мысль гнать зверя с большим шумом к заранее заготовленной яме-ловушке или к смертельному обрыву, кто начал изготавливать одежды из шкур убитых животных. Нет нужды доискиваться, кто первым не побоялся взять горящую ветку и с ее помощью организовать постоянно горящий костер. Но все это было, безусловно, результатом немалой умственной работы кого-то из того либо другого стада или стаи человекообразных и проходило затем многократную проверку с помощью классического метода проб и ошибок. Ни одному из животных ни прежде, ни в наши дни, даже если иметь в виду дрессированных особей, такое не могло прийти в голову, причем далеко не только потому, что они не являются двуногими и руки у них отсутствуют, хотя это и очень важное обстоятельство. Главное — в ином.

Оно в том, что предлюди прошли в своем развитии через серию мутаций, благодаря которым они не только стали прямоходящими и высвободили свои руки для многих важных дел, но и получили невиданную прежде возможность резко увеличить переработку получаемой извне и применяемой для усиления действия инстинкта полезной информации. Именно для этого был использован возникший в ходе упомянутых мутаций головной мозг, размеры и строение которого позволяли получать такого рода информацию. И не только получать, но и отсеивать самую нужную из нее и откладывать ее в форме определенного вида нового знания, выражаясь современным компьютерным языком, в возникавшую в их мозгу базу данных. Вот это-то знание, медленно накапливаясь, и превращалось в память. Память, которая нужна была постоянно, без которой уже не было пути вперед.

Вывод из всего сказанного абсолютно ясен: если в принципе животный инстинкт путем дрессировки можно резко увеличить, то это означает, что его можно было усилить и самостоятельно, с помощью полученных в результате целенаправленных усилий благоприобретенных знаний. Это было доступно многим животным. Но только те

из их массы, кто сумел стать на две ноги и превратиться в человекообразных, мог наладить регулярное поступление такой информации, для чего необходимо было заполучить в результате мутаций подходящий для этого мозг. Что было потом — очень несложно понять.

Принципиально новый вид сапиентных людей, обладавших по сравнению с предлюдьми еще более развитым мозгом и соответствующими ему нервной, эндокринной, сосудистой и иными важнейшими системами организма современного человека, оказался в состоянии довести практику обогащения природных инстинктов до возможного логического предела. Он овладел новыми необходимыми знаниями, обрел то, что оказалось столь необходимым для успешной эволюции человечества, — своего рода абсолютную память, нашедшую себе надежное укрытие в мозгу и руководящую всеми либо почти всеми его сознательными действиями.

Историческая память. Вообще память — едва ли не самое главное и ценное для людей. Люди без памяти (а такая патология, к сожалению, встречается) — это уже не люди. Поэтому память как основное проявление совершенного разума не в последнюю очередь должна считаться тем, что делает человека человеком в полном смысле этого слова. Но особо следует обратить внимание на более специальную по своей сути и сформировавшуюся позже, но в каком-то смысле самую важную, во всяком случае для нас, историческую память. Она проявлялась вначале в форме рассказов о прошлом, очень быстро превращавшихся в мифы и легенды, в которых, однако, концентрировалось самое основное, что следовало знать о прошлом. Мифы и легенды едва ли не важнейшее из всего, что отличало уже очень древних людей. Более того, вслед за речью, рассказом и обычной повседневной памятью именно историческая память, т.е. умение запомнить и передать рассказанное, — это не самое ли главное для истории людей и для историков, изучающих ее?

На первый взгляд может показаться, что это не так. Или, во всяком случае, что память важна не только и даже не столько для истории, сколько для человека вообще. Можно даже поставить вопрос таким образом, что память — категория прежде всего других наук, например биологии, но никак не гуманитарных, к которым принадлежит история. В какой-то мере это так и есть. Но только до тех пор, пока мы не вникнем в глубину, в суть проблемы. Ведь само понятие *история* в его первоначальном виде (а происходит оно от древнегреческого слова, некогда звучавшего так же, как и сегодня) означало просто

рассказ, краткое обыденное сообщение о чем-то. Впрочем, и поныне такого рода обозначение не утратило своего смысла («Послушай, какая со мной вчера история приключилась...»). Похоже на то, что первым и самым распространенным содержанием понятия *история* было именно некое сообщение, каким люди, близкие, знакомые друг с другом, обмениваются едва ли не постоянно. Причем в отличие от бытового либо какого-нибудь иного диалога, когда целью разговора является выяснение какой-то проблемы или просто спор, в данном случае имеется в виду именно рассказ о чем-то новом, о каком-то событии, которое где-то когда-то произошло и еще не известно тем, кто его слушает. Практически речь идет об обогащении памяти слушающего или слушающих чем-то, до того им еще неизвестным.

Именно в этом суть явления. И в отличие от биологов и близких к ним специалистов нас интересуют не столько механизмы в нервной системе или в веществе головного мозга, которые ответственны за сохранение там на более или менее длительный срок вновь поступившей информации в качестве элемента накопленной в мозгу памяти, сколько именно сам факт. Факт существования у обычного человека памяти, количество которой можно умножить за счет более или менее регулярного поступления некоторого количества новой информации в форме прежде всего и главным образом рассказанного, хотя по меньшей мере отчасти и увиденного, познанного с помощью других органов чувств. Если принять, что о чем-то отдаленном, чего нельзя было увидеть и услышать, по крайней мере в той архаичной древности, о которой сейчас говорится, можно было узнать только из рассказа другого человека, то между памятью и историей, как сообщением о чем-то новом и до того неизвестном, в голове у каждого устанавливается прочная и постоянно функционирующая связь.

РАЗУМ САПИЕНТОВ КАК ЦЕЛЕУСТАНОВКА ПРИРОДЫ

Итак, антропогенез завершился формированием сапиентов. Трудно сказать, насколько быстро, как давно этот процесс привел к исчезновению с поверхности планеты их предшественников, неандертальцев и неандерталоидов. Некоторые расчеты исходят из того, что самые последние особи этого вида могут быть датированы примерно 30 тыс. лет тому назад. Но в любом случае они вымерли, как то было в свое время и с их предшественниками из вида эректус.

Все вроде бы именно так, как и должно быть. Вопрос лишь в том, почему так? Конечно, можно сказать, что так или почти так происходило и с остальными видами всего живого, включая и растения. И на это трудно было бы возразить, учитывая смену геологических эпох, климатические катаклизмы в виде ледниковых периодов, колебания климата и т.п., от чего зависели условия существования вымиравших прежних видов, на смену которым, причем не обязательно сразу, приходили новые. Все так. Однако все не столь гладко. Ведь любому понятно, что перемены, которые имеются в виду, заняли очень многие сотни миллионов лет и потому хронологически должны быть поставлены в иной ряд по сравнению с тем, что касается удивительно краткого, в 2–3 млн лет, процесса антропогенеза. И это не вся разница, даже не самая главная.

Главным следует считать то, что динамика эволюции приматов была гораздо более энергичной, что в условиях нового геологического периода — четвертичного, конечного в эре кайнозоя, — все в смысле геоклиматических условий стало подходящим для ускорения эволюции. А появление гоминид и процесс антропогенеза — результат этого. Нет смысла спорить о том, происходило ли все в том же роде или хотя бы похоже в далеком и более позднем прошлом, вплоть до четвертичного периода, начавшегося 2–2,5 млн лет назад, в некоем соответствии с какими-то целеполагающими расчетами. Скорее всего, нет. Объясню почему. Планета в те далекие эры и геологические периоды была если уже и не в состоянии бурлящего котла, то в условиях поиска и постепенного становления определенного геоклиматического оптимума, который формировался на протяжении многих сотен миллионов лет. И вот наконец наступил сравнительно спокойный четвертичный период и в самой теплой экваториальной части планеты, в Африке, начался интенсивный процесс эволюции приматов и гоминид.

Что принципиально изменилось? Изменился не только темп эволюции. Насколько можно судить, наша планета вступила — такой уж оказалась ее судьба, такой выпал ей жребий — в число тех, позитивные творческие потенции которых оказались далеко не исчерпанными. Кто измерял потенции и кому это было важно — вопрос излишний. Но будем исходить из того, что сама планета или, как мы условились, Природа, была ориентирована гипотетически законами вселенской эволюции, которые предполагали ее поведение в тех явно редких случаях, когда создавались объективные

условия не столько для антропогенеза, сколько для возникновения Разума. Предположим, что Разум может проявляться в разных формах (вспомним Ст. Лема с его мыслящим Океаном). Другое дело, как Разум проявит себя на планете, где ничего нет, кроме Океана. Однако не будем придираться к Лему. Вернемся к нашей планете, на которой, как бы то ни было, но начался, а потом и вскоре завершился антропогенез как логическое продолжение эволюции на ней разных форм жизни, вплоть до очень высоко организованных.

Как известно, завершение процесса совпало с появлением сапиентов, а их главное свойство, Разум, оказался конечной целью процесса эволюции в смысле совершенствования живых существ. Сапиенты были решительно исключены из процесса дальнейшей биологической эволюции. А все их предшественники из числа человекообразных гоминид вымерли в процессе естественного отбора в ходе борьбы за существование.

Создается не лишнее впечатление, что разум объективно воспринимался Природой как завершающий предел — нечто вроде аттестата зрелости, за рамками которого сапиенты сами в состоянии позаботиться о себе. Поэтому они не нуждаются в повседневной опеке, имеющей характер регулярного подстегивания с ее стороны, что и реализовывалось время от времени для всего живого разного рода заметными позитивными мутациями. Исключение сапиентов из числа живого, подверженного радикальным позитивным мутациям (остались лишь те мелкие нарушения типа мутаций, что время от времени, изменяя норму на клеточном уровне, ведут к заболеваниям, особенно, что происходит чаще всего, онкологического характера), свидетельствует именно об этом.

Разумеется, это отнюдь не значит, что с сапиентами Природе не придется далее иметь дело, что их существование на планете обойдется вовсе без ее вмешательства. Но это уже совсем другая проблема, с которой мы еще не раз столкнемся. А пока наиболее важное: были ли сапиенты и разум как их основное свойство целью Природы и если да, то почему, не говоря уже о том, как это можно было реализовать. **Ответа на этот вопрос, если не ссылаться вновь на сомнения Канта и не постулировать гипотезы, просто нет.** Разве что можно принять во внимание, что Разум с большой буквы, присущий в полной мере лишь самым выдающимся представителям человечества, или, если подходить иначе, являющийся его совокупным достоянием, вовсе не так уж заметен всегда и у всех. Более того, кое у кого он представлен в незначительном количестве,

не говоря уже о качестве, и трудно уйти от мысли, что иногда его почти вовсе нет. А это значит, что сапиентность как признак современных людей не есть некий полный комплекс обязательных для всех достоинств и свойств. Скорее это нечто постепенно приобретающееся, в мелочах даже присущее гоминидам вроде шимпанзе, затем фиксировавшееся еще в нижнем палеолите у тех человекообразных, кто умел обуздать огонь (все живое его боится), изготовить орудия из камня, и, чему немало свидетельств, достаточно распространенное среди неандертальцев. Иными словами, разум хотя и справедливо считается присущим всем сапиентам, есть на самом деле нечто дискретное, накапливавшееся частями и со временем.

Тем не менее разум, если его нет, оказывается настолько важным, что лишенный его уже не человек, во всяком случае, с привычной для нас точки зрения. И он справедливо был сочтен Природой гранью, за пределами которой все сапиенты могут считаться самостоятельными, не нуждающимися в ее, Природы, повседневной опеке. Остается только так ли иначе, но решить, хотя бы сколько-нибудь удовлетворительно, главный вопрос. Существует ли телеология Природы, было ли завершение процесса антропогенеза какой-то целеполагающей для нее установкой или же она, ведя этот процесс к концу, действовала наобум, в лучшем случае ориентируясь (но это тоже целеустановка) на методику проб и ошибок. Повторяю, ответа нет и, скорее всего, никогда не будет, если только вас не удовлетворит элементарный теизм с фигурой Творца. Но именно для тех, кого это не удовлетворит, в корпус серии книг включается гипотетический постулат о том, что опекающая планету со всеми ее обитателями Природа хоть и не живая, но и не все безжизненна. Что существуют гипотетически реконструированные вселенские законы эволюции, которыми в пределах планеты с ее обитателями руководствуется именно она. А коль скоро так, то предполагается, что целеустановка существует. И мы время от времени будем напоминать читателю об этом.

Глава четвертая. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Человек Разумный долгое время после возникновения и распространения по всей территории планеты жил, как предполагается, коллективами, которые, похоже, почти не отличались от популяций предлюдей, а возможно, и многих животных. Речь идет о раз-

личных формах микрогрупп, стай и стад, главная сущность которых сводилась к тому, что в рамках этих микропопуляций существовали не то чтобы никак не упорядоченные, но весьма специфические половые связи мужских и женских особей, самцов и самок. Возможно, что чаще всего, как то бывает у приматов и гоминид, при этом старший в группе, как вожак стаи, пользовался преимущественным правом на владение женщинами. Дети обычно лишь знали мать, принадлежали на первых порах только и именно ей, кормившей и более других заботившейся об их благополучии и выращивании. Едва ли, все знали и тем более осознавали смысл отцовства, скорее всего, просто считались частью коллектива, гармонично вписываясь в него по мере взросления.

Иными словами, раннее человеческое общество многими своими корнями восходило к стаду или стае животных. Причем нормы организации сообщества животных, включая хорошо изученные специалистами брачные связи, агрессивные повадки или характер распределения добычи (пищи), естественно, не исчезли сразу же и тем более полностью в обществе сапиентов. Происходило нечто совсем другое: с возникновением общества как такового в результате сложного и длительного процесса социогенеза эти нормы достаточно медленно и постепенно изменялись, трансформировались, частично отходили на задний план, а то и вовсе оказывались табуированными и сохранялись лишь в подсознании. Это, впрочем, не исключало того, что при известных обстоятельствах они могли актуализироваться, превращая тем самым современного человека в грубое животное, а то и в дикого зверя. Но что именно, как и когда влияло на такого рода трансформацию, с чего она начиналась и как протекала, что играло или хотя бы могло сыграть роль решающего импульса в этом жизненно важном для человеческого общества процессе?

Ответы на все эти вопросы могут быть разными. В отечественном обществоведении еще сравнительно недавно, несколько десятилетий назад, опираясь на высказывания Ф. Энгельса, утверждалось, что в основе очеловечения обезьяны лежал труд. Эта трудовая теория, однако, не была подкреплена фактами и потому была отвергнута серьезными исследователями. Могу лишь засвидетельствовать, что идея не умирала долго. Мне как-то даже выпало принимать участие в заседаниях, посвященных столетию этого труда в Дрездене, когда он еще был частью ГДР, и выступать с совсем иными идеями. Прямо скажу, тогда эти идеи большого отклика не вызвали. Но

тем не менее тихая смерть этой трудовой теории была закономерной. Взамен пришло несколько совершенно других, авторы которых были хорошо знакомы с очень сложными проблемами антропо- и социогенеза. Не вдаваясь в споры и не беря на себя труд описывать все гипотезы, остановимся на той из них, которая по ряду весомых причин представляется сегодня по многим параметрам наиболее достоверной.

ПАРАМЕТРЫ И ПРОЦЕСС СОЦИОГЕНЕЗА

Из всех предположений современных антропологов наиболее убедительными выглядят построения одного из весьма уважаемых исследователей XX в. К. Леви-Строса. Он, изучая наиболее отсталые группы индейцев сельвы Амазонки, пришел к выводу, что первоосновой социокультурного процесса, который и привел к становлению общества в противовес стаду, были осознанные сексуальные ограничения и в первую очередь запрет инцеста. Это и породило систему упорядоченных брачных связей, основанную, что очень важно принять во внимание, на генеральном принципе эквивалентного взаимобмена. Обмен женщинами, дочерьми и сестрами, между соседними микрогруппами породил четкие нормы жестко фиксированных брачных связей. Строгие нормы, прежде не существовавшие, в свою очередь, привели к осознанию отношений родства, в результате чего были определены старшинство поколений, брачные классы, родовые связи и основанные на них семейно-клановые, а затем и более крупные этнические общности. Все эти институты, заменив собой прежние популяции, ознаменовали переход к принципиально новым формам общежития и к новым взаимоотношениям, причем не только между мужчинами, женщинами и детьми, но вообще между всеми людьми. Возникло общество, т.е. система четко определенных социальных позиций, существование которых было основано на равноправии сторон и потому легко было воспринято всеми.

Фундаментальный принцип эквивалентного, или реципрокного (от лат. *reciproco* — движение туда и обратно), обязательного обмена, дара и отдара, стал основой основ функционирования такого общества. Изученная современными антропологами, начиная с М. Мосса, обязательность взаимного обмена — не только женщинами, но и пищей, позже даже словами и знаками, символическими предметами и изделиями — способствовала становлению принятых всеми норм

общения и укреплению социальных связей, без которых общество не могло бы выжить. Как реально все происходило или, точнее, могло и должно было происходить?

Ответ на этот вопрос дать нелегко, так как антропологи никогда не сталкивались со столь дремучими группами сапиентных людей, у которых не было бы понятия *род*. Род — это коллектив людей, связанных друг с другом кровнородственными связями, т.е. детей, внуков и более отдаленных прямых потомков одного определенного человека, по женской либо, что чаще, по мужской линии. Связь между собой потомков такого человека (позже, с разрастанием рода, имя предка могло превратиться в тотем, т.е. в представление о происхождении всех кровных родственников от какого-нибудь животного, даже растения или неживого предмета) накладывала на всех жесткие обязательства, главнейшим из которых был запрет на половые связи. Запрет (принятое в науке современное обозначение его — табу) был суров. Нарушение его, как считалось, ведет к смерти.

Очень существенным во всем этом процессе формирования рода с его табу было зарождение в сознании людей представления о необходимости соблюдать все сложившиеся нормы. Представления эти с самого начала были закреплены строжайшими санкциями. Взамен возник простейший принцип брачно-семейных связей между представителями двух или — реже — большего количества близких друг другу родов, принадлежавших обычно к данной, вначале очень небольшой общности, которую мы будем именовать этнической или социоэтнической. В рамках такой общности все ее вначале немногочисленные члены хорошо знали, с кем они могут вступать в брачно-семейные отношения, а с кем это строго запрещено, табуировано.

Создание в пределах социоэтнической общности многочисленных парных семей вело к формированию достаточно сложных систем родства, которые в свое время обстоятельно изучались антропологами. Не вдаваясь в детали этой сложной проблемы, заметим лишь, что в любом случае система работала жестко и очень долго не давала сбоев. Из источников о древнекитайском обществе Чжоу (XI–III вв. до н.э.) известно, что правителям некоторых царств, имевших большие гаремы, вменялось в вину то, что среди женщин гарема встречались такие, родовое имя которых (фамилия, если пользоваться римским и понятным современным термином) было тем же, что и у правителя. Иными словами, табу действовало доста-

точно долго. Из тех же чжоуских источников известно, что в случае когда родовое имя женщины, взятой в гарем, по какой-то причине не было известно, полагалось провести обряд гадания.

В последующем принцип табу, ставший по характеру религиозным запретом, нарушение которого чревато смертью, лег в основу многочисленных, но всегда строго соблюдавшихся заповедей. Они в сумме своей составили фундамент этики, закрепленной в параллельно формировавшейся системе ранних религиозных представлений. Эта система включала в себя тотемизм с табу, анимизм, т.е. одушевление природы, а также фетишизм, т.е. поклонение идолам, считавшимся носителями таинственной силы. Параллельно появились различного рода колдовские акции (магия, мантика), а также культ умерших предков и вообще умерших, плодородия, размножения и др. Со временем на основе самых древних рассказов и впечатлений от природных явлений и сложившейся на базе повествований древних времен мифологии с ее божествами, духами и героями эта система стала развиваться. Еще позже она была дополнена сложными сочинениями о креативных процессах (создание мира, включая человека), обширными повествованиями о великих подвигах (эпос), иногда и о любовных приключениях.

Религиозно-этические представления и связанные с ними строгие нормы повседневного поведения, начиная с рода и табу, были тем цементирующим составом, который безо всякого видимого принуждения побуждал людей вести себя так, как того от них ожидал их коллектив, т.е. то возникавшее и длительное время созревавшее общество, в состав которого они входили. Экспектации коллектива были законом для людей, не мысливших себя вне своего коллектива и не имевших шансов выжить без него. Конечно, глубоко сидевший в натуре людей дух прошлого, включая стремление противостоять сковывавшим человека стереотипам, нет-нет да и прорывался сквозь жесткую сеть строгих запретов. Но общество этого не терпело. Система обязательных норм была неумолима: нарушивший запреты изгонялся из коллектива, что в тех условиях означало для каждого едва ли не верную смерть. Эта-то дисциплинирующая сила строгих санкций как раз и способствовала обузданию в людях восходивших к прошлому звериных инстинктов, заставляя всех в пределах своего коллектива строго держать себя в рамках принятой нормы. Иное дело — чужие. По отношению к ним человек легко и на полном основании мог позволить себе расслабиться. Он был не просто свободен

от сковывавших его запретов, но и как бы имел возможность, даже призван был отпустить на свободу все дремлющие в нем и скованные нормой древнейшие подсознательные инстинкты. Вообще оппозиция *свои* — *чужие*, генетически восходящая к зоопсихологии и свойственная человечеству с момента его формирования, дожила до наших дней и порой активнейшим образом проявляет себя и сегодня.

Впрочем, это никак не исключает того, что уже в древности время от времени возникали и прямо противоположные импульсы, ведущие к практике активного и доброжелательного гостеприимства. Разумеется, это происходило в тех случаях, когда не было сомнений в миролюбивых намерениях чужаков, особенно случайно оказавшихся очень немногих. Иными словами, деление всех на своих и чужих — как то характерно и для мира животных — было очень важным, едва ли не главным на ранних этапах развития общества. Все то, чего нельзя было делать по отношению к своим, оказывалось допустимым по отношению к чужим — таким был жестокий закон бытия. Если угодно, это тоже был элемент вечной борьбы за существование, естественного отбора. И он весьма долгое время проявлял себя, причем не только в те далекие времена, когда побежденных врагов попросту съедали, но и много позже, уже в эпоху появления различных государств с их впечатляющей урбанистической цивилизацией. Пленник-раб — это тот самый чужак, который лишен всех прав человека и как бы отдан на милость победителя, ставшего полным его хозяином и вольного сделать с ним все, что пожелает.

Таким образом, следует считать нормой строгие этические запреты и жесткие правила поведения, сопровождавшиеся очень четко выраженными экспектациями коллектива. Коллектив не прощал по отношению к своим никаких нарушений, тогда как в обращении с чужими существовало едва ли не полное отсутствие такого рода запретов и ограничений. Это не значит, что в макрообществе всегда шла война всех против всех, т.е. что любой коллектив не считал других, включая своих соседей, за людей. Совсем напротив, здесь многое зависело от различных обстоятельств. С одними соседями коллектив имел установившиеся прочные связи и соответственно обязательства, другие были родственными ему, и потому на них обычно распространялись те же или почти те же ограничения, что и по отношению к своим. Третьи были сильной и сплоченной группой, задеть которую было себе дороже — лучше уж жить в мире. Такого рода,

да и некоторые другие соображения не только принимались во внимание, но и были само собой разумеющимися, а все это в совокупности способствовало развитию норм общественного бытия людей. В фундаменте же социозэтических норм лежали связанные с ними и в немалой мере обуславливавшие их силу принципы группового ведения хозяйства. Как правило, ранние люди были организованы в локальные группы охотников и собирателей, пришедшие на смену прежним микропопуляциям.

Обычно они представляли собой сравнительно небольшие коллективы в 20–30, подчас до 50 человек. Это была оптимальная численность группы, имевшей, как правило, закрепленную за ней зону обитания и соответственно пропитания. Система добычи пищи и ее потребления в группе в то время всегда была жестко фиксирована, причем господствовал строгий принцип уравнительности, функционировавший с учетом ролевых функций. Одно дело охотники-добытчики — им всегда лучший кусок, ибо от их силы и активности зависело благосостояние всей группы, и совсем другое — остальные: женщины, старики и дети. Эгалитарность как господствующая и обязательная для всех норма проявляла себя прежде всего в том, что каждый вносил в общий котел группы все то, что был в состоянии добыть, и каждый получал из этого котла то и столько, чего и сколько было ему положено в соответствии с полом, возрастом и выполняемыми в группе ролевыми функциями (полнее всего такая форма отношений практиковалась, тысячелетиями воспроизводясь и почти не изменяясь, в традиционной сельской общине Индии под наименованием системы джаджмани, о чем будет сказано более подробно).

Этот социоэкономический аспект взаимоотношений в группе современные антропологи именуют чаще всего принципом реципрокного, т.е. обязательного, взаимного обмена. Будучи на раннем этапе существования общества универсальным и удобным для всех, в том числе и даже в первую очередь для общества как уже сложившегося коллектива с его нормами и принципами, реципрокный взаимобмен в то же время сыграл решающую роль в процессе саморазвития этого раннего общества. Происходило подобного рода саморазвитие, насколько об этом можно судить по исследованиям антропологов, примерно следующим образом. Люди в коллективе обычно не равны и никогда не были и даже в принципе не могут быть равными по их натуре, способностям, склонностям. В эгалитарной группе не-

равенство подобного рода проявляло себя в том, что лучшие охотники, а речь в первую очередь именно о них, о главных добытчиках группы, всегда отличались от остальных ловкостью, умением, удачей. Они соответственно приносили в группу наибольшее количество желаемой пищи (это очевидно не только при индивидуальной охоте, хотя именно она наглядно демонстрирует превосходство одних и отставание остальных; примерно то же выявляется и в коллективной охоте). Однако эгалитарный принцип потребления снимал эту разницу: все, как упоминалось, потребляли добытую каждым пищу совместно, с учетом лишь упомянутых и строго соблюдавшихся ролевых предпочтений. Это было жестким следствием суровых условий бытия. Без такого характера потребления группа просто не выжила бы и общество не могло бы нормально воспроизводиться.

В то же время генеральный закон реципрокного взаимообмена, лежавший в фундаменте связывавших общество и его локальные группы связей, настоятельно требовал, чтобы дар компенсировался соответствующим ему отдаром. В том случае когда вернуть равный дару в материальном смысле отдар было по разным причинам невозможным, возникала ситуация, сводившаяся к тому, что те, кто вносил в группу наибольшее количество добычи, должны были взамен что-то за это от других членов группы получать. Но что? Что все они, менее способные и удачливые, более слабые и зависевшие от удачливых, могли дать ему, лучшему из них? Только одно — уважение, почтение, благодарность. **Вот это-то и стало ключевым импульсом в процессе развития раннего общества, организованного в небольшие локальные группы охотников и собирателей.** В группе, в обществе в целом появилось то, чего нельзя с легкостью оценить количеством пищи (а пища всегда была высшей ценностью в ранних коллективах людей; она и поныне остается таковой в мире животных), но что стало цениться наравне с пищей, а в социальном плане со временем и выше пищи. Имеется в виду престиж как результат и даже как совокупный итог того уважения и тех благодарностей, которые заслужили лучшие за их весомый вклад в общее дело обеспечения группы.

Обладание престижем всегда небезразлично для его обладателей, даже если они лишены амбиций, что среди чем-либо выдающихся людей встречается достаточно редко. К престижу обычно стремятся, его добиваются, а амбициозные люди — с утроенной энергией. Нет нужды доказывать, сколь выгодно это для общества, для группы.

Борьба за престиж обычно включает великую энергию соревновательности, состязательности, а она, в свою очередь, объективно резко увеличивает количество попадающей в группу добычи. И коль скоро борьба за престиж становится всеобщим импульсом (по меньшей мере для тех, кто в состоянии в нее включиться), а сам престиж — наивысшей и обычно почти единственной всеми признаваемой социальной ценностью, то неудивителен и результат: именно погоня за престижем, включение амбиций, борьба за социальное признание (с учетом того, что она сопровождается все возрастающими щедрыми приношениями соревнующихся в их группу, в общество) способствуют как упрочению фундамента общества, так и ускорению процесса роста его имущественного благосостояния и социального развития.

Что касается роста имущественного благосостояния, то связь его с погоней за престижем очевидна. Но как она, эта погоня, сказывается на социальном развитии? Оказывается, все достаточно просто. Включение престижных амбиций способных и удачливых достаточно быстро привело к появлению и упрочению в обществе естественного для него и господствующего в описываемых условиях принципа меритократии, т.е. выдвижения тех, кто имеет заслуги, престиж. Практически это значило, что лидерами группы имели шансы стать и, как правило, становились обычно, преимущественно, если даже не исключительно, те, кто обладал престижем и именно тем был известен. Стоит заметить, что в обществе собирателей и охотников локальные группы не были прочными социальными ячейками, но, напротив, с легкостью распались чуть ли не каждый год (в лучшем случае существовали несколько лет), после чего воссоздавались в новых вариантах. Это было связано со многими текущими обстоятельствами, но главным образом обусловлено тем, что в рамках данной социоэтнической общности (иногда такую неструктурированную общность неверно именуют племенем; однако от этого наименования есть все основания отказаться, тогда как племенем — после обстоятельного исследования американского антрополога М. Фрида — именовать одну только структурированную общность во главе с вождем) членство в той либо иной локальной группе ничем не было обусловлено и было делом свободного выбора каждого. Но зато как только группа возникла, она нуждалась в вожаке, в лидере. Кто мог и должен был им стать?

И вот здесь-то и срабатывал принцип меритократии. Группа знает тех, кто может стать лидером, и выбирает лидерами именно их,

имеющих престиж. Обязательно выбирает, что существенно подчеркнуть. Разумеется, для этого пока еще не требовались демократические процедуры — хватало жизненного опыта, исторически восходившего ко все тем же стадам животных, тоже никогда не остававшихся без вожака и признававших обычно за вожаков тех, кто выделялся среди прочих теми либо иными достоинствами. Но в отличие от животного стада локальная группа все-таки именно выбирала, а не мирилась с результатом соперничества или столкновения между собой сильных самцов, как то нередко случается в мире животных. Конечно, и у людей в рамках локальных групп могло, видимо, возникнуть соперничество, подчас перераставшее в некое единоборство. Но мне упоминаний об этом в трудах специалистов антропологов не встречалось. Иное дело — столкновение между группами. Хорошо известны сказания о личном противоборстве богатырей с целью определить, чья рать, скажем, должна взять верх над соперником. Однако это случалось позже и в совершенно иных обстоятельствах, хотя генетически вполне может быть связано с тем единоборством в животном стаде, которое было прототипом по отношению к соперничеству лидеров в раннем обществе.

Как бы то ни было, речь идет именно о выборе, даже о свободном выборе небольшого и по сути почти случайно возникшего коллектива. Выбор лидера был нормой существования такого коллектива. Можно даже сказать, что спорадические выборы лидера были чем-то вроде зародыша будущей демократической процедуры в земледельческих и тем более в городских (античных, полисных) общинах. Но в данных условиях это еще отнюдь не демократия, о ней всерьез нет и не может быть речи. В лучшем случае это лишь первобытная протодемократия с ее весьма специфическими процедурами. Дело ведь было не только и не столько в том, чтобы избрать понравившегося, сколько в том, чтобы найти такого лидера, который обеспечил бы выживание группы.

Лидер группы должен был многое знать и уметь, едва ли не за все отвечать и уж во всяком случае находить выход из сложных ситуаций. Но, как отмечают антропологи, едва ли не главная его функция по традиции сводилась к тому, чтобы щедрой рукой раздавать группе все то, что ему удавалось добыть или сделать. В отличие от вожака стада животных, который в основном все лучшее берет себе, опираясь на извечное право силы, лидер локальной группы все лучшее, напротив, отдает. Отдает не зря, но именно потому, что взамен по зако-

ну реципрокного обмена он приобретает особенно высоко ценимые в его положении престиж и авторитет, которые с течением времени становятся в глазах людей все более высокой социальной ценностью. Пожалуй, единственной привилегией, которой он при этом пользовался, оказывалось право на более нежели одну женщину группы.

Касаясь этой деликатной проблемы, существенно отметить, что примитивные представления прошлого века о некоем матриархате, который будто бы предшествовал патриархату в процессе развития человеческого общества, ныне решительно отвергнуты современной наукой. Не матриархат, но естественная парная семья была нормой в наиболее раннем обществе. И вот как раз право иметь вторую (быть может, и третью?) женщину сверх нормы и было единственной привилегией лидера небольшой локальной группы.

Группа обычно мирилась с этим, даже если в результате возникал половой дисбаланс. Едва ли здесь следует пояснять, что право лидера на дополнительных женщин группы не имело ничего общего с насильственным захватом лишних особ женского пола. Как раз, напротив, женщины стремились сблизиться с тем, кто был сильнее, лучше, способнее и значительнее остальных; не понимать этого — значит не знать природу женщин. Мирилась же группа с подобной ситуацией потому, что хороший лидер стоил и ценился всеми очень высоко, а при плохом группа быстро распадалась. Кроме того, любой дисбаланс был делом временным, и молодые оставшиеся без пары люди при первом же подходящем случае обзаводились женщинами, разумеется, теми, кто принадлежал к соответствующему для них брачному классу. К слову, этой жесткой нормой не мог пренебрегать и имевший право на нескольких женщин лидер группы.

Важно добавить к сказанному, что брачно-семейные отношения в рамках обычной парной семьи и менее обычной, но все же встречавшейся семьи полигамной (лидер группы и его женщины) не были в те отдаленные времена обусловлены в любом коллективе чем-либо иным, кроме как принадлежностью каждой особи к определенному брачному классу. Брак был делом сугубо добровольным и очень часто временным. Супруги с легкостью расставались, а дети (имеются в виду малые, не достигшие юношеского возраста) следовали за матерью, которая со своими детьми могла менять не только группу, но и мужа, как и ее бывший муж — жену. Иными словами, привычная парная семья легко создавалась и столь же легко распадалась, но ни женщина, ни мужчина при этом не оставались без пары,

а дети — без заботы о них. Забота о детях, лишившихся почему-либо родителей, была делом родственников и коллектива в целом. Однако эта форма брака и семьи, в каких-то своих параметрах опять-таки восходящая к брачным связям в мире животных, была характерной лишь для раннего общества. На определенном этапе она, как и само общество, изменилась.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФЕНОМЕН ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОТКРЫТИЙ

Локальные группы охотников и собирателей были характерны для эпохи верхнего палеолита, т.е. просуществовали на протяжении 30-40, а то и больше тысячелетий, дожив в своей остаточной форме вплоть до наших дней. Именно в этой своей остаточной форме они и были изучены разными антропологами, всегда обращавшими особое внимание на отставшие в своем развитии современные этнические общности, будь то аборигены Австралии или индейцы Амазонки. Собственно, это и есть первобытная община сапиентных людей. Не злоупотребляя в дальнейшем этим термином, будем, однако, исходить из того, что первобытность, которая имеется при этом в виду, — это эгалитарный примитивизм бытия тех, кого современные антропологи именуют локальными группами охотников и собирателей, это бытие всех древних доземледельческих коллективов. Но проблема примитивной первобытности одним этим отнюдь не исчерпывается. Не стремясь раскрывать все в деталях, стоит обратить внимание на самое основное. А оно, это основное, снова столкнет нас с проблемой эволюционной динамики человечества.

Плейстоцен, о котором мельком было упомянуто, — это в основном длительный ледниковый период, пришедший как раз на период антропогенеза, сопровождавшийся спорадическими потеплениями с таянием льдов в Северном полушарии. Период позднего плейстоцена (начался 100–120 тыс. лет назад) пришелся на время, когда, по разным подсчетам (40–100 тыс. лет назад) появились сапиенты, которые добывали пищу за счет охоты. По современным представлениям, не слишком богатый животный мир того времени, включая мамонтов, бизонов, шерстистых носорогов и прочую в основном крупную живность, быстро вымирал. Считается, что он был уничтожен чрезмерно размножившимися тогда — по сравнению с объектами охоты — первобытными охотниками, которые вынуж-

дены были в зависимости от наступающих либо отступающих льдов мигрировать туда, где оставались животные, и продолжать охоту на них. Это долго шедшее преследование стало особенно заметно в конце последнего ледникового периода, причем существует мнение специалистов, что вымирание животного мира произошло не только вследствие чрезмерной на него охоты, но и в результате изменения климата, а то и как результат комбинации обоих факторов.

Голоцен, сменивший плейстоцен около 12 тыс. лет назад, покончил с материковым оледенением северного полушария, способствовал установлению на планете климатического оптимума. Начали расти леса, появилось немалое количество дичи, охота на которую пришла на смену охоте на крупных животных и, в частности этому способствовало изобретение в эпоху мезолита лука со стрелами как одного из главных орудий охоты. Следствием этих благотворных для сапиентов перемен явилось как распространение их по ойкумене, включая Новый Свет, начавший осваиваться, видимо, несколько ранее голоцена, так и, насколько можно судить, более заметные темпы их воспроизводства. Вслед за этим встал вопрос об изменении форм хозяйства и образа жизни увеличивавшегося в числе человечества.

Судьба некоторых из локальных групп, которые оказывались в исключительно благоприятных для существования условиях, стала подвергаться заметным изменениям, что подчас и способствовало энергичной их эволюции. Это следует иметь в виду хотя бы потому, что в основном именно их усилиями были созданы и реализованы те великие революционные по значению предпосылки, которые обусловили переворот в образе жизни первобытных людей. Речь о так называемой неолитической революции, которую можно считать следующим, после антропо- и социогенеза, большим и важным шагом истории, т.е. принципиально новым этапом всемирного исторического процесса.

Геоклиматические сдвиги, случившиеся, насколько можно судить, и до того в разные моменты долгой истории плейстоцена с его, как утверждает наука, неоднократными ледниковыми периодами, до появления сапиентов не могли играть той роли, какую они сыграли с началом голоцена. Только теперь, когда сапиенты давно уже освоились в тех пределах, что отвела им на первых порах природа, а появление обильной животной и растительной пищи послужило непосредственным и важным условием для быстрого роста их численности, начались перемены. И хотя никаких точных данных для количе-

ственного отражения этого практически нет, косвенные соображения позволяют предположить, что число людей в зонах, где было много растительной и животной пищи, увеличивалось более быстрыми по сравнению с периодом до голоцена темпами. Что это означало и что из всего этого могло проистекать? Что, собственно, могло привести к только что упомянутой неолитической революции?

Неолитическая революции — условный термин, подробнее о содержании которого чуть ниже. Пока же необходимо отметить, что, поскольку конец верхнего палеолита ознаменовался тем, что были истреблены или вымерли крупные животные, на которых прежде могли охотиться люди, а на смену им пришли стада мелких и быстрых, для охоты на которых охотники изобрели такое важное в истории человечества оружие, как лук и стрелы, жизнь стала меняться. Кроме того — и это тоже важнейшее событие в истории мировой культуры — была одомашнена собака. Щенки волка, послужившие при этом основным материалом, были не просто одомашнены, но и приучены охотиться за мелкой дичью, что являлось подспорьем для вооруженного луком и стрелами охотника. Приходящийся на период 15–10 тыс. лет назад отрезок времени специалисты именуют мезолитом (промежуточный каменный век между палеолитом и неолитом). Именно в это время стали широко применяться тонкие и острые орудия из кремня, в том числе и наконечники стрел. Наиболее удачная охота на дичь шла, насколько можно судить, прежде всего в районе ближневосточных предгорий, где к тому же было много зарослей дикорастущих зерновых растений. Но как быстро и в какую сторону шли перемены в те сравнительно немногие тысячи лет мезолита, о которых теперь идет речь?

Археология свидетельствует об увеличении в мезолите количества стоянок, а следовательно, и численности населения. Кроме того, несколько возросла средняя продолжительность жизни. Воздержимся пока от предположений, как могла реагировать природа на эту ситуацию. Но если исходить из того, что, как уже шла речь, целеполагающей ее установкой в принципе было стимулирование движения человечества, то есть некоторый соблазн приписать и ей какую-то роль в том, что сапиенты в новых условиях бытия стали энергично переходить от присваивания пищи к ее производству.

Не настаивая, можно обратить внимание на то, что могло побудить ее объективно содействовать этому. Все дело в том, что дорогие Природе разумные люди вполне могли в поисках пищи — если бы

они продолжали численно столь же быстро расти¹ — уничтожить все живое. Целесообразно было бы найти выход, который решил бы проблему. И выход был найден. Конечно, есть все резоны считать, что это сделали сами люди. Но как знать, не помогла ли им в чем-то и мать-Природа?

Ведь как раз с периода голоцена и мезолита в наиболее благодатных климатических предгорьях, где гармонично сочетались подходящие для этого условия, рядом с лесами стали расти злаковые растения. Видимо, женщины, исстари занимавшиеся собирательством, не обходили их вниманием. Нужен был лишь толчок, который подсказал бы, как от собирания злаковых зерен перейти к их производству. Вполне вероятно, что до этого дошли сами собиравшие злаки женщины. Но если принять во внимание всю серию фундаментальных открытий великой эпохи неолитической революции, о которых чуть далее, то вопрос о каком-то содействии этому со стороны Природы, о своего рода подсказке может оказаться не праздным.

Микролитический мезолит длился недолго, потому что именно в это время был уже известен принцип одомашнения животных. Дело было за немногим. И как только собиравшие пригодные в пищу растения женщины обратили внимание на злаки, зерна которых, упав в землю, на следующий год давали урожай, дело в основном было сделано. Произошла первая в истории человечества по своей экономической и социальной значимости революция, которую ученые, в частности англичанин Г. Чайлд (быть может, не очень удачно), назвали неолитической. Этот революционный поворот в жизни большинства человечества проложил четкую и почти непреодолимую грань между локальными группами охотников и собирателей и пришедшими им на смену общинными коллективами земледельцев, а затем и скотоводов.

Почему выше в скобках было замечено, что название не очень точное? Дело в том, что главным из основных достижений времени перехода, о котором идет речь, была вовсе не новая техника обработки каменных орудий (неолит), как то вытекает из его наименования. Главным был переход от присваивающего хозяйства (охота,

---

¹ Стоит сослаться на известный тезис ученых (имеются в виду Ж. Бюффон, К. Линней и особенно весомо Ч. Дарвин) о том, что потомство одной лишь пары, если этому не препятствовать, способно за сравнительно недолгий срок заполнить всю планету.

рыболовство, собирательство) к производящему, т.е. к земледелию и домашнему скотоводству с оседлым образом жизни. Соответственно нововведением неолита стало превращение бродячих охотников и собирателей в оседлых, строительство деревень-поселков с домами и хозяйственными постройками. Новые условия бытия, сложившиеся далеко не сразу (ведь неолитическая революция, несмотря на провоцирующее наименование, была процессом, занявшим ряд тысячелетий в той ближневосточной зоне, где она впервые протекала), оказались поистине революционной переменной в истории человечества. Именно с этого момента те, кто оказался баловнем судьбы и перешагнул через грань неолита, вышли на некую прямую, дававшую достаточно широкий простор для последующего развития.

Феномен неолитической революции вплотную сталкивает нас с проблемой великих изобретений, фундаментальных открытий в истории человечества, таких как умение изготавливать орудия, пользоваться огнем, изобретение лука и стрел, а также знакомство с земледелием и скотоводством, оседлый образ жизни, изобретение керамики, колеса, металлургии, искусство прядения и ткачества и т.п. Если не считать каменных орудий, огня и лука со стрелами, то все они как раз и входят в комплекс открытий и нововведений эпохи неолита. Более того, именно они не только создали материальную базу революционного поворота в образе жизни, но и предопределили, создали возможность для возникновения урбанистической цивилизации, т.е. культуры городского типа. Когда и каким образом все эти достижения стали достоянием человека, во всяком случае земледельца эпохи неолита и энеолита (термином *энеолит* обычно именуют земледельческие культуры неолита, познакомившиеся с металлургией)?

Проблема эта, как и многие другие, принадлежит к числу тех, которые вызывают споры и не имеют общепризнанных решений. Еще совсем недавно, во всяком случае в нашей стране, многие считали, что великие достижения культуры могли возникать у разных народов в разное время просто по мере развития у них производства и роста соответствующих потребностей. Эта точка зрения хорошо вписывалась в догматы марксизма и потому считалась наиболее уважаемой. Лишь немногие отваживались противостоять ей. Но, как бы то ни было, мировая наука, прежде всего антропология, со временем пришла к выводу, что великие изобретения и фундаментальные открытия уникальны по своему характеру и рождаются

на свет лишь однажды. Появившись же, причем в условиях благоприятного стечения многих разных обстоятельств, нововведения быстро распространялись по ойкумене с помощью механизма культурной диффузии. И тот факт, что большинство из упомянутых фундаментальных открытий пришлось на эпоху неолита и тесно связаны с феноменом неолитической революции, убедительно подтверждает этот тезис, ныне практически уже имеющий основания считаться общепринятым.

Разумеется, это не означает, что усовершенствования вторичного характера — тип телеги или лодки, форма строящихся сооружений, приемы выплавки металлов или хотя бы толькоковки их, тип керамических сосудов и тем более росписи на них, характер ткани и т.п. — не могли идти по-своему в разных местах. Это было уже дело местного населения, руководствовавшегося в зависимости опять-таки от множества разных причин и обстоятельств, прежде всего имея в виду окружающую среду. Естественно, что при этом многое в разных местах могло модернизироваться в соответствии с потребностями и в каждом отдельном случае выглядеть иначе, с весьма серьезными новшествами. Подчас эти нововведения имели даже принципиальный характер. Известно, в частности, как отличались запряженные лошадьми боевые колесницы индоевропейских племен, начиная с митаннийцев и хеттов, от запряженных быками либо онаграми и медленно передвигавшихся шумерских телег с колесами из грубо сколоченных сплошных досок. Однако главное все-таки сделали шумеры. Скорее всего, именно им принадлежит приоритет в великом изобретении, которое сделало возможным создание первой телеги, примитивного сооружения, двигавшегося с помощью колес.

Фундаментальные открытия, заложившие базу для возникновения цивилизации шумеров, объективно создали материальные условия для трансформации коллективов собирателей и охотников в группы земледельцев и скотоводов. Разумеется, это никак не означает, что вчерашние охотники дружными или даже недружными рядами стали сразу же вслед за тем преобразовываться в земледельцев и скотоводов. Как раз, напротив, между теми и другими лежала едва ли не непреодолимая грань. Нужны были долгие тысячелетия, а также подчас многотысячекилометровые миграции и к тому же редко встречающиеся наиболее благоприятнейшие условия бытия для тех счастливых, которым удалось в них оказаться, чтобы процесс пре-

образования находившихся в наиболее выгодных условиях собирателей и охотников привел к тому, что среди них появились пионеры нового образа жизни. Современная антропология и археология уже накопили достаточное количество материалов, которые позволяют гипотетически реконструировать этот нелегкий и длительный процесс.

Суть его сводится к тому, что группы охотников и собирателей из ближневосточных предгорий не только обзавелись луком со стрелами с острыми вкладышами из расщепленного кремня и освоили охоту на мелких животных, а также одомашнили собаку, но и сумели изготовить разного рода гарпуны, копыя и, что едва ли не самое главное, серпы со все теми же мелкими вкладышами из кремня. Стрелы с кремниевыми наконечниками, гарпуны и копыя позволили более эффективно охотиться на зверя и ловить рыбу, а вот серпы дали возможность женщинам, до того в основном выкапывавшим съедобные корни, срезать колосья дикорастущих растений, особенно злаков. Собственно, с этого и началось знакомство человека со свойством растений, особенно злаковых, воспроизводиться в виде колосьев, в которых есть зерна. Собрав и растерев эти зерна, можно было получить вкусную и питательную кашу. Все остальное было уже делом времени и техники. Те коллективы, которые охотились и соответственно перемещались в таких природных зонах, где росли дикорастущие предшественники современных злаковых растений и водились мелкие животные, дикие предшественники овец и коз, затем также свиней и коров, оказались в наиболее выгодных условиях по сравнению с остальными. Именно на их долю и выпало совершить основные открытия неолитической революции в ближневосточных предгорьях Загроса, Анатолии и Палестины.

Орудя своими копьями и луками со стрелами, мужчины убивали животных и оставляли при себе их молодняк, что со временем привело к созданию одомашненного стада. Орудя серпами, женщины собирали зерна и с течением времени убедились в том, что, если зерно падает в разрыхленную почву, оно на следующий год прорастает, давая стебель с колосьями, полными таких же зерен. Это и явилось ключом к открытию тайны земледелия. Имея засеянные зернами поля и стадо одомашненных животных, первые земледельцы неолита, который после этого и именно в результате этих первых открытий и пришел на смену микролитическому мезолиту, более не нуждались в дальних перемещениях вслед за мигрирующими животными.

Они стали селиться возле своих полей, тем более, что их нужно было охранять от набегов диких животных. Так началось строительство деревень с жилищами и хозяйственными постройками, хлевами и амбарами.

Новый оседлый образ жизни с регулярными работами по производству пищи породил и новые потребности человека эпохи неолита. Именно для удовлетворения этих весьма разнообразных потребностей неолитические земледельцы изобрели многие важные вещи, будь то разнообразные хорошо обработанные шлифованные каменные орудия, керамические сосуды для хранения и приготовления пищи, изготовление одежды из растительных волокон и шерсти домашних животных. Каждое из этих фундаментальных открытий далось нелегко. Потребности жизни в новых условиях привели к появлению керамической посуды. Наблюдая за тем, как случайно попавший в костер кусок глины меняет свои свойства, т.е. становится твердым и не пропускает воду, люди смогли научиться изготавливать и обжигать глиняные сосуды различного объема и формы, пригодные для приготовления горячей, в том числе жидкой, пищи и для хранения запасов, включая жидкие, вначале, видимо, прежде всего молоко. Затем пришло умение заготавливать впрок сезонные продукты. Нужно было догадаться, что сделанные из обожженной глины бруски — кирпичи — можно использовать для строительства наиболее прочных и долговечных сооружений.

Новые условия помогли открыть, что переплетенные нити создают возможность получить прочную ткань, из которой можно шить любую одежду, что из шерсти домашних животных можно прясть такого рода нити. Перечисление можно продолжить. Но ясно, что именно благоприятные обстоятельства и интенсивный поиск передовых коллективов создали подходящие условия для трансформации охотников и собирателей в земледельцев и скотоводов. А после этого жизнь в новых условиях поставила перед оседлыми жителями и производителями эпохи неолита новые задачи, которые необходимо было решать и решение которых так или иначе находилось. Словом, трудно уйти от мысли, что люди ощутили великий вызов среды — Природы, на который в ближневосточном регионе, где все это и происходило, был дан адекватный ему ответ. Стоит заметить, что в юго-восточно-азиатском регионе, едва ли не наиболее удаленном в пределах Старого Света от ближневосточного и, пожалуй, самом труднодоступном, шел, насколько можно понять

по имеющимся данным, параллельный процесс. Его можно считать своего рода мини-революцией неолита. Но так как в этом очаге преобразования были скромнее и, главное, не было злаков (вместо них клубни и корнеплоды типа батата и ямса, много менее калорийные и не пригодные для длительного хранения), то и роль этого мини-центра или даже псевдоцентра оказалась несравнимой с той, что сыграл ближневосточный регион, единственный в своем роде на территории Старого Света. Это был, если уж на то пошло, не вполне адекватный ответ на вызов Но, как известно, в конечном счете и этот далекий юго-восточно-азиатский регион заимствовал основные нововведения ближневосточного зернового неолита.

Соответственно и сами люди, теперь оседлые земледельцы и скотоводы, менялись. Давно забыв о своем первобытном прошлом, они легко и вольготно чувствовали себя в новых условиях бытия. Они изменились во многих важных отношениях, далеко не только в сфере производства. Очень важно принять во внимание, что они стали верить в новые божественные силы и связывать свое безбедное существование прежде всего с силами природы и природных стихий, с зависимостью от календарного цикла и вызванных им подчас весьма сложных расчетов. Иной характер обрели у оседлых земледельцев представления о мироздании, культ умерших, а также культ плодородия и размножения. Большинство этих новых представлений начали фиксироваться в форме изображений, а в качестве главного места для размещения сакральных изображений стали служить керамические сосуды, покрывавшиеся затейливой росписью со сложным, но четко фиксированным и наполненным символами орнаментом. Даже обнаруживаемые археологами культуры раннего неолита часто именуются именно по этому бросающемуся в глаза признаку (культуры расписной керамики).

Революционные сдвиги, которые преобразовали за несколько тысячелетий образ жизни и культурные авуары сапиентного человека, прежде охотника и рыболова, присваивавшего дары природы, а ныне оседлого земледельца и скотовода, ведущего производящее хозяйство, имели по меньшей мере три великих следствия, сыгравших неопределимую роль в жизни людей. Первое из них — демографический взрыв, второе — регулярное производство избыточного продукта, третье — новые формы социума. Оседлый образ жизни и обеспечение пищей резко изменили не только условия жизни человека вообще, но и едва ли не прежде всего и главным образом по-

ложение женщин и детей. Если раньше в локальных группах охотников и собирателей женщинам и детям доставались лишь остатки еды, а бродячий образ жизни не очень-то способствовал их выживанию, то теперь все изменилось. Создались благоприятные условия для фертильности женщин и выживания детей. Это и привело к демографическому взрыву, принявшему характер почти что цепной реакции. С каждым очередным поколением численность населения той или иной деревни едва ли не удваивалась, в результате чего по соседству быстрыми темпами возникали все новые и новые поселения земледельцев и скотоводов. А когда все удобные для земледелия места по соседству бывали уже заняты, новые поколения снимались с родных мест и шли далеко в разные стороны в поисках наиболее подходящих территорий для их освоения. Причем эта экспансия уже ни в коей мере не могла беспокоить Природу, ибо люди, ответив на ее вызов, научились сами производить всю потребляемую ими пищу. Зато движение вперед, интенсивная эволюция была налицо, что ее, мать-Природу, могло только порадовать.

Собственно, именно с этого и началось подлинное, можно сказать, упорядоченно-окультуренное освоение ойкумены земледельцами, которые достаточно быстро, всего за одно-два тысячелетия, добрались таким способом, подчас с трудом и приключениями, из ближневосточного центра, где начинался и в основном протекал процесс преобразований, и в Среднюю Азию, и в Индию, и в Китай, и в Европу, и в Африку. Таким образом стали известны основные достижения эпохи неолита по всему Старому Свету.

Что касается Нового Света, то там протекала своя достаточно своеобразная неолитическая революция, в результате которой земледельцы научились выращивать кукурузу и картофель, томаты и какао, одомашнили ламу. Они освоили технику крупномасштабного строительства, но не были знакомы с использованием колеса и потому не изобрели повозок, а также весьма слабо освоили технику обработки и особенно литья металлов. Словом, в результате демографического взрыва, массовых миграций и полноценной диффузии культурных достижений неолитические земледельцы быстрыми темпами освоили ойкумену, вытеснив на обочину жизни и обрекая на вырождение всех тех, кто остался на уровне присваивающего хозяйства. Начался принципиально новый период в истории человечества. Помимо всего прочего он был ознаменован тем, что регулярное производство пищи позволило оседлым земледельцам и скотоводам

создавать избыточный продукт. Практически это означало, что возникла возможность для социального и экономического неравенства, для появления таких прослоек населения, которые могли освободиться от производства пищи и профессионально заниматься иными делами, в первую очередь административным управлением возрастающего и усложняющегося коллектива.

ИЗБЫТОЧНЫЙ ПРОДУКТ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Вторая принципиальная новация — избыточный продукт. Проблема здесь достаточно сложна. Речь идет не столько об абсолютном избытке, сколько о некоем относительном достатке. Дело ведь не в том, может ли коллектив потребить все то, что он произвел и добыл, или он физически не в состоянии сделать это, так что излишки следует выбрасывать или отдавать тем, кому они могут понадобиться. Здесь нечто иное, т.е. излишки по отношению к какой-то принятой в данном обществе и тем более в данном конкретном коллективе норме, по отношению к жизнеобеспечивающему продукту, как его предложил именовать Ю. И. Семенов. Те локальные группы охотников и собирателей, которые еще до неолита случайно попадали в богатые дичью или иными природными дарами условия, могли иметь продукт сверх средней принятой в те времена в их регионах нормы. Они уже тогда были знакомы с избыточным продуктом, что, к слову, явно способствовало именно этим группам опережать в развитии другие и тратить часть своего времени на эксперименты, скажем, с выращиванием дикорастущих злаков и тем более с одомашниванием детенышей некоторых животных. В этом смысле избыток, а не недостаток, нехватку, как порой считали некоторые специалисты прежде, можно считать отцом всех нововведений, изобретений и открытий человечества.

Голодающим не до поисков и открытий. Им бы прожить. Ищут и находят именно те, кто обеспечен достатком. Словом, избыточный продукт, способствовавший экспериментам, лежит в основе всех преобразований и достижений, тем более когда их много, как то было в эпоху неолита, давшую мощный, гигантский толчок развитию производства и тем способствовавшую резкому увеличению опять же все того же избыточного продукта. Это обстоятельство — обеспеченность пищей — в купе с удобными условиями оседлого бытия способ-

ствовали демографическому взрыву и сыграли важную роль и в развитии самого общества неолитических земледельцев.

Это — новая форма социума — было третьим основным следствием изменения образа жизни оседлых земледельцев и, более того, системы упорядоченной социально-семейной организации человеческого общества. Основой новых форм бытия стало оседлое земледельческое хозяйство одной разросшейся семьи, семейно-клановой группы. Термин *клан* обозначает в современной антропологии несколько иное понятие, нежели *род*, хотя семантически и тем более этимологически очень близок к нему. Отличие заключается в том, что в понятие *клан* входит родство не тотемное, т.е. восходящее к незапамятным временам, а вполне конкретное. Снова сошлюсь на чжоуские тексты: когда кто-либо по какой-то причине возвышался и отделялся от своей родни (с которой он был связан общим родовым именем), он мог брать и обычно брал новое имя, причем уже этим новым именем назывались его многочисленные потомки. Или, иначе, клановое родство — родство по эпониму, родоначальнику клана, человеку, взявшему себе новое имя. Клановое имя переходило и на женщин, вступавших в брак с представителем клана. Эти женщины имели свое родовое имя, которое в ранних обществах обязательно принималось во внимание, когда речь шла о браке. Клановое имя, если оно было, такой роли не играло, так как, выйдя замуж, женщина переходила из одного клана в другой. В результате и возникали семейно-клановые, как правило, патрилинейные структуры.

Типичные для неолита такие структуры заместили собой локальные группы охотников и собирателей. Ушли в прошлое непрочные парные семейные ячейки, легко распадавшиеся и складывавшиеся заново в рамках каждой новой локальной группы. На смену им пришла крепкая большая семья из близких родственников, мужских потомков одной пары, их жен и детей. В обычной патриархальной семье, которую возглавлял отец-патриарх вместе с женой или женами, жили его сыновья с их женами и детьми, незамужние дочери до их замужества, а то и нередко прибывавшие к ним случайные аутсайдеры (чужие женщины чаще всего становились женами мужчин семьи и органично вливались в коллектив; мужчины адаптировались, принимая имя клана, в который их приняли). Все они составляли семейно-клановую группу и жили одним общим собственным хозяйством, нередко именуемым антропологами современным

термином *компаунд*. Такого рода группы и их компаунды неплохо изучены на материале Тропической Африки с ее еще весьма отсталым по уровню развития населением. Как правило, на территории компаунда каждая женщина с детьми имела свою хижину (строение с кухней), отдельные хижины были для бессемейных еще мужчин, а среди всех особо выделялся дом отца-патриарха.

Рядом располагались хозяйственные постройки, амбары, хлевы и т.п. Среднее число взрослых в компаунде, по некоторым подсчетам, 17–20 человек. Таким образом, по своему размеру новые семейно-клановые группы земледельцев сопоставимы с локальными группами охотников и рыболовов. В принципе это и были те низовые социальные ячейки, которые в эпоху неолита пришли на смену локальным группам. Но по структуре и ряду других параметров они существенно отличались от прежних. Дело в том, что внутренние связи в семейных группах были неизмеримо крепче тех, что связывали между собой членов рыхлых локальных групп с типичными для них эгалитарными принципами. В этнических общностях нового типа, сложившихся в эпоху неолита в условиях оседлости, люди были соединены друг с другом не по своей воле, а по прихоти судьбы, в зависимости от случайности рождения или по законам брачных связей и адаптации чужаков. Семейно-клановые группы уже не были коллективами людей, различавшихся между собой лишь полом и возрастом, способностями и престижем, как то было нормой прежде. Теперь играли свою важную роль не только и не столько пол, возраст, принадлежность к определенному поколению и брачному классу, сколько твердо фиксированное место каждого члена группы в нерушимой семейной иерархии. Главное и наиболее важное, принципиальное нововведение было в том, что место каждого в семейной группе за каждым намертво закреплялось и пересмотру в рамках данной структуры не подлежало. Менялась же ситуация в структуре только после ее распада, вызывавшегося, как правило, смертью возглавлявшего ее отца-патриарха и обычно следовавшим за этим разделом прежней группы на несколько новых, чаще всего по числу взрослых семейных сыновей умершего. Но это еще далеко не все.

Стоящий во главе семейно-клановой группы отец-патриарх не чета лидеру локальной группы. Его не избирают, а своим положением он обязан не членам своей семейно-клановой ячейки, но исключительно месту в ее иерархии. Иерархия же эта, базирующаяся

на неравенстве пола, возраста и поколений, оформлялась в обществе неолита в систему возрастных рангов, через которые человек (речь прежде всего о мужчине) при благоприятных обстоятельствах проходил на протяжении долгих лет жизни, прежде чем оказывался во главе семейной группы. Соответственно позиция того, кто достиг положения патриарха, была несравнима с выборным статусом лидера локальной группы. Да и функции его стали уже несколько иными. Он не зависел от настроений членов семейно-клановой ячейки и не обязан был демонстрировать перед ними свои качества умелого добытчика и щедрого дарителя. К числу его основных достоинств относились прежде всего умение приумножить богатство группы, хорошо организовав хозяйство, распределив работы и правильно, разумно спланировав все дела, а в случае нужды принять необходимые меры, т.е. прежде всего административно-управленческие функции.

Итак, если оценить все изложенное с точки зрения проблем социогенеза, то перед нами в лице семейно-клановой группы неолитических земледельцев уже предстает общество неравных. Конечно, неравенство еще в своем зачаточном состоянии — по полу и возрасту, способностям и успехам — существовало и прежде, как оно бывает и в стадах или стаях животных. Но то неравенство (речь не о животных, а о людях) скорее и во всяком случае в большей степени было биологическим, природным, но не социальным. В социальном плане общество охотников и собирателей было обществом равных, поэтому оно и именуется антропологами эгалитарным. И только теперь, с неолита (быть может, кое-где и кое-когда и с мезолита), появляется неравенство в его простейшей и наиболее естественной модификации, в виде неравенства социальных рангов, суть которого сводится к тому, что в рамках любого коллектива количество позиций высокого статуса ограничено. Иными словами, в неолитическом обществе возникает социальная пирамида, существование которой с этого момента становится фундаментальной основой структуры общества. И вот здесь-то мы и сталкиваемся вплотную с глубочайшей философской проблемой равенства и неравенства и с тесно связанной с ней проблемой справедливости. Они, эти главные для очень многих проблемы, заслуживают того, чтобы на них специально остановиться.

Начнем с того, что идеи социального равенства и справедливости принадлежат к числу великих и наиболее привлекательных мифов человечества, спорадически резко всплывающих и скрашивающих безрадостное существование его обездоленного большинства. Под-

нимаясь в далеком и не столь уж далеком прошлом на восстания в суровую годину тяжелого кризиса, крестьяне в любой из стран мира обычно выступали именно под лозунгами социального равенства, справедливости, передела имущества и ликвидации условий, создающих неравенство. Лозунг равенства занял почетное место на знамени Великой французской революции, идее равенства — правда, со ссылкой на Бога — примерно в те же годы отдавали должное отцы-основатели американских штатов. Словом, очень многие, а в нашей стране до недавнего времени едва ли не абсолютно все, причем немалое их число и сегодня, вполне искренне и убежденно полагают и полагают, что для счастья человечеству не хватает именно равенства.

Увы, это глубокое заблуждение. И уж кому-кому, как не нам, в первую очередь, казалось бы, следует это понимать. Но, как показывает практика, понимания нет. Даже пройдя через десятилетия горького опыта формально декларируемого равенства с отсутствием собственности и интереса каждого к плодам его труда, труженики эпохи советского социализма не потеряли интереса к идеям уравниловки. Будучи воспитанными в условиях государственного патернализма, который развращал работников, усиливая их беззаботный статус полутружеников-полуиждивенцев, многие и поныне не в состоянии понять, что причина деградации СССР в его лживых идеях, внедрявшихся чуть ли не силой и спекулировавших на святой вере в светлое будущее. А между тем залогом успешного развития человечества всегда было — увы, но это так! — именно неравенство.

Речь не идет о том, что лучше. Нет в данном случае речи и о равенстве как справедливости в смысле права каждого на одинаковые стартовые условия, на свободу выбора жизненного пути. Как раз напротив, равенство стартовых условий и свобода выбора (равенство возможностей, как именуют его антропологи и социологи) имеют полное право на существование, но как раз потому, что предполагают конкуренцию, т.е. неравенство. Имеется в виду неравенство и стартовых возможностей, и последующих успехов, которые зависят как от неравных внутренних потенций, так и от неодинаковых характеров и интересов всех идущих в жизнь и тем более от несходства объективных условий. Важно, в частности, где, в какой семье и когда родился тот либо иной человек, что ему могло дать то общество, в котором он рос, и т.п.

Иными словами, — и это стоит повторить — люди неодинаковы, никогда не были и не будут одинаковыми. А различия их в основном как раз и сводятся к тому, что одни могут в силу как различных объективных и субъективных обстоятельств, так и доставшихся на их долю удачных либо неудачных случайностей достичь в жизни большего или меньшего, чем другие. И вопреки тому, что говорят об этом социальные экстремисты, готовые ради иллюзорного равенства все отнять, сложить в общий котел и поделить поровну между всеми, именно эти различия, что доказывается сегодня историей наиболее развитых стран мира, обеспечивают более или менее успешное развитие человечества в целом. Именно они оказывают позитивное воздействие на то самое преобладающее в мире большинство, которое особыми способностями не отличается и всегда склонно принять близко к сердцу идеи равенства, иногда и передела имущества. Можно сказать и больше: именно благодаря неравенству выигрывают все те, кто волею судьбы попал в число отстающих, слабых и непригодных к достижению зримого и тем более материального успеха в жизни. Разумеется, это происходило и происходит отнюдь не везде и не всегда. Более того, это сколько-нибудь заметно только в современном мире, причем в тех развитых обществах, где уделяется должное внимание оказанию социальной помощи нуждающимся в ней соотечественникам.

Неравенство в этих обществах является не только гарантией успешного существования всех, но и своего рода страховым полисом для явно не успевающего большинства. Имеется в виду не только откровенная благотворительность и поддержание сырых и слабых, что тоже весьма существенно для любого общества. Главное — в создании обществом и государством соответствующих законодательных норм социального обеспечения, при которых не готовое к преуспеванию большинство не остается выброшенным за борт жизни, но находит себе место по силам и получает в случае необходимости соответствующее обеспечение. Создать именно такую систему — важнейшая задача повсюду, включая и сильно страдающую от ее отсутствия нашу современную Россию. Возвращаясь к теоретической стороне проблемы, еще и еще раз следует обратить внимание на то, что появление неравенства в жизни первобытных людей было само по себе, как то ни покажется на первый взгляд парадоксальным, важным шагом вперед в развитии человечества. Это был шаг к новым много более прогрессивным формам самоорганизации формирующегося человеческого общества.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ПРИНЦИП РЕДИСТРИБУЦИИ

Начало неравенства вполне ощутимо уже в тех эгалитарных локальных группах с их пользовавшимися престижем и боровшимися за обладанием им удачливыми охотниками и имевшими скромные, но все же заметные привилегии лидерами. Здесь была вполне очевидна роль престижа и привилегий. Но это нельзя считать именно социальным неравенством в полном смысле слова, можно вести речь лишь о его проблесках. Социальное неравенство как таковое возникает только в обществе земледельцев в виде рангового. Однако при этом, во всяком случае на первый взгляд, как бы исчезает — по меньшей мере в рамках семейно-клановой группы — роль столь желанного для каждого престижа, ибо высший статус здесь с его помощью уже не завоевывается. Но коль скоро это так, то каков теперь механизм реализации социального неравенства, достигаемого уже иным способом, хотя дающегося опять-таки весьма нелегко? Что дает такое неравенство и какую роль играет оно в процессе социогенеза? Почему есть основания утверждать, что именно принимающее определенные формы неравенство утверждает общество и дает ключ к его ускоренному развитию? Каков механизм этого в новых условиях?

Вернемся к семейно-клановой группе земледельцев неолита. В ее рамках руководителю ячейки, отцу-патриарху, не было нужды бороться за постоянную реабилитацию своего высокого статуса. Казалось бы, это должно было сильно снизить значимость элемента соревновательности и ценность престижа, который был призван подчеркивать неравенство, включавшее амбиции способных. Любой патриарх — умный и глупый, заботливый и равнодушный, хороший организатор или безвольный наблюдатель — теперь равно несменяем и, следовательно, пожизненно занимает свой высокий пост. Все это было именно так. Но именно это и породило новый и еще более совершенный, нежели прежде, механизм необходимой для движения соревновательности, не только поддерживавший, но и возносивший преуспевших на еще более высокий уровень, отстаивавший прежнюю ценность престижа и прилагаемых к нему привилегий.

В отличие от лидера локальной группы глава семейного компаунда являлся хозяином немалого имущества, принадлежавшего по-прежнему, как то было принято считать и как то было на самом деле, коллективу в целом и уж во всяком случае созданного и нако-

пленного в результате совокупных усилий всех его членов. Именно благодаря своему положению старшего и ответственного за группу, отец-патриарх приобретал никем в принципе никогда не оспаривавшееся право распоряжаться этим имуществом. Речь идет только и именно о распоряжении, что стоит особо подчеркнуть. Собственность как институт, тем более частная, на этом уровне развития общества еще не существует ни де-юре, ни де-факто. Но как раз поэтому кто-то должен был брать на себя обязанность решать, как использовать достояние коллектива. И естественное право на это оказывалось в руках старшего и отвечавшего за все. Именно от авторитарного решения отца-патриарха (а в рамках семьи демократии меньше, чем в эгалитарной локальной группе) зависело, кому и сколько выделить для текущего потребления, что оставить в качестве запаса, что выделить для экстраординарных трат.

Понятно и естественно, что умный и способный, заботливый и расчетливый патриарх в состоянии распорядиться всем имуществом коллектива лучше, чем глупый и безалаберный. Прибавьте к этому случайности жизни (у одного много детей, особенно сыновей, у другого меньше; в одной семье все работают более ловко и старательно, чем в другой, и т.п.), и результат будет налицо: семейные группы и их хозяйства, их имущество никогда не бывают и в принципе не могут быть равными. Немногие из них всегда выделялись на фоне всех остальных. Так бывало везде, и, если читатель вспомнит, именно этим вечным законом расслоения деревни умело пользовались большевики в годы коллективизации. Но что из этого следует, как это влияло на механизм социогенеза? Каждая деревня в далеком прошлом представляла собой достаточно хорошо организованную социальную общность, общину. В деревенской общине была своя система самоуправления, смысл и задачи которой всем были хорошо известны и понятны. Именно от ее успешного функционирования зависело распределение природных ресурсов между семьями, включая участки земли, угодья и т.п. Проблема ресурсов даже с учетом уже упомянутого демографического взрыва обычно не сводилась к их нехватке. Важным было именно справедливое распределение, т.е. опять-таки момент административного регулирования.

Собственно, именно для этого и возникала общинная система самоуправления. Что она собой представляла и как функционировала? При всей многочисленности конкретных вариантов суть дела сводилась к тому, что существовал выборный орган самоуправле-

ния. Именно на уровне общины элемент выборности, отбора лучших и наиболее достойных, уважаемых, обладавших престижем не только сохранял свое значение, но и обретал новый смысл, более высокую общественную значимость. Ведь от правильности выбора теперь во многом зависело процветание большого коллектива, несопоставимого по едва ли не всем своим параметрам с прежними локальными группами охотников и собирателей. И совершенно естественно, что к выборным должностям членов общинного совета и тем более старейшины (чаще всего вначале была одна должность общинного старейшины) стремились многие, если не все из обладавших реальными возможностями добиться этого. Речь идет, разумеется, прежде всего о тех самых отцах-патриархах, главах семейных групп, в руках которых были административные рычаги управления хозяйством их компаундов.

Почему именно это обстоятельство — обладание административным опытом и рычагами управления хозяйством компаунда — было столь существенным? Конечно, здесь играли свою роль требования к самой должности старейшины: обладание ею требовало определенных знаний, умения, опыта как раз в административно-хозяйственной сфере. Но главное было все же не в этом. Главное сводилось к тому, что в ходе выборов наивысшие шансы на успех обретал тот, кто обладал наибольшим престижем и имел достаточное количество поддерживающих его клиентов. То и другое необходимо было завоевывать в острой конкурентной борьбе. О том, как это происходило, дает представление хорошо изученная антропологами на примере прежде всего папуасской деревни система так называемых престижных щедрых раздач (у североамериканских индейцев нечто подобное известно под наименованием *потлач*).

Механизм этой системы, восходящий к только что описанной глубокой древности, сводится ко все тому же реципрокному дарообмену: посредством щедрых демонстративных раздач в дни семейных или других праздников глава той или иной процветающей семейной группы на правах распорядителя имущества своего коллектива закалывает сразу весь свой скот (у папуасов это обычно 30–40 свиней) и приглашает всю деревню. Отказаться от приглашения невозможно, а жесткий закон эквивалента настоятельно требует от всех присутствовавших на празднике гостей вернуть принятый дар. Но так как сделать это в материальной форме мог не каждый, ибо не в каждом хозяйстве имелось столько свиней, разница возвращалась в фор-

ме престижа и определенных обязательств, создававших клиентельную зависимость, что и обеспечивало поддержку имевшего клиентов патрона на очередных выборах.

По формулировке антрополога М. Фрида, путь от эгалитарного общества к ранговому как раз и есть движение от практики реципрокного обмена к системе, в которой уже обозначены распределительные возможности лидеров групп, т.е. к *редистрибуции* (буквально — перераспределению). Социальные и административно-экономические аспекты такого рода принципиально новой и жизненно важной системы основательно разработал экономантрополог К. Поланьи. Речь о системе централизованного перераспределения того самого избыточного продукта коллектива, о котором уже упоминалось. Пожалуй, стоит снова заметить, что строгой грани между избыточным и необходимым продуктом нигде и никогда не существовало, так что попытка вычленения именно избыточного продукта (сверх необходимого жизнеобеспечивающего) — это теоретическая абстракция, не более того. Однако такого рода абстракция важна для понимания сути проблемы: тот, в чьих руках реально находится перераспределение коллективного продукта, пусть даже только избыточного, не затрагивающего среднестатистическую жизнеобеспечивающую норму, оказывается обладателем социальных, а затем и политических рычагов огромной важности.

Все начинается, как это только что было продемонстрировано, с практики перераспределения накопленного семьей имущества деревенскими богатеями, *бигмэнами*, как они обычно именуется в современной антропологии. Принципиальное отличие таких бигмэнов от обладавших престижем лидеров локальных групп охотников и собирателей как раз и сводится к тому, что они, имея в руках рычаги редистрибуции и обладая немалым количеством продукта, который можно было с выгодой для себя лично раздать всем, завоевывают престиж вроде бы безо всяких видимых усилий. На самом деле это не так.

Просто в новых условиях неолита не качества умелого добытчика и мужественного охотника, но жесткая административная хватка хозяина и дальновидный расчет распорядителя становятся фундаментом для обретения всегда столь желанного престижа. Только те бигмэны, кто добился наибольшего престижа и поддержки имеющих перед ним обязательства клиентов, могут вступить друг с другом в острую конкурентную борьбу в момент выборов руководства общины, причем успех в ходе этой борьбы, как то бывает всегда на более или менее

честных выборах, выпадает на долю того из претендентов, кто в наибольшей степени заручился поддержкой клиентов-избирателей и к тому же известен своими наиболее щедрыми раздачами. При этом как бы автоматически имеется в виду, что обладатель престижа и широкой поддержки является справедливым и достойным человеком, способным и умелым администратором и что именно поэтому его избирают старейшиной или членом общинного совета.

Избрав старейшину общины, общинный коллектив (от имени которого выступают избиратели и прежде всего наиболее уважаемые отцы-патриархи) ожидает от него прежде всего и главным образом щедрых раздач. И старейшина общины, особенно на первых порах, пока его должность еще не институционализировалась, обычно хорошо это понимал. Он обладал правом и обязанностью разумно распорядиться коллективным достоянием общины, складывающимся из регулярных взносов в общинные амбары и склады на совместные ритуальные, страховые и другие нужды. Во всех необходимых случаях именно он широко открывал не только казенные, но и собственные амбары и скотные дворы, дабы щедро угостить всех. Это было не столько его обязанностью, сколько необходимостью. Общинный старейшина должен был постоянно реабилитировать свой высокий престиж, в противном случае он его просто терял. Скуповатый хозяин не мог ни занять столь высокий пост, ни удержаться на нем.

Функции общинных лидеров были достаточно разнообразными. Сюда входило и спорадическое, коль скоро это требовалось, перераспределение земельных участков и угодий, и организация необходимых для нормального существования коллектива общественных работ, и налаживание связей с соседями. В функции лидера входили и организация межобщинного обмена, и решение внутриобщинных споров, и представительство на ритуальных празднествах в более широких масштабах всей данной этнической общности либо какой-то ее солидной части, да и многое-многое другое. Однако главной для него всегда оставалась обязанность редиистрибутора. Именно эта функция, выделяя его из всех, обеспечивала ему высокий социальный статус и, более того, преобразовывала завоеванный им ранее дорогостоящий, но требовавший постоянной реабилитации престиж в нечто более весомое и осязаемое, в авторитет возвышающегося надо всеми руководителя.

Процесс этот происходил медленно и постепенно, хотя и имел при этом характер неотвратимой трансформации, связанной с институционализацией как должности, так и ее основных функций.

Он был естественным и даже как бы само собой разумеющимся. Согласно непреложным древним законам реципрокного дарообмена за свою важную, трудоемкую и общественно необходимую организационно-административную работу старейшина должен был получать от тех, для кого эта работа велась, некий эквивалент. Это понимали все и всегда. Вначале эквивалент выражался, по-видимому, в форме спорадических подарков за услуги по регулированию земельных проблем (перераспределение участков и угодий, разрешение споров и т.п.). Возможно, члены общины в случае надобности принимали безвозмездное участие в строительстве нового большого дома для старейшины и его немалой семьи — ведь строение, предназначенное для главы общины, должно было олицетворять уровень бытия и степень процветания всего общинного коллектива, это тоже был своего рода элемент общественного престижа.

С течением времени все спорадические подарки, подношения, различные виды бесплатной для общинного старейшины помощи становились своего рода общепринятой нормой и обретали облик регулировавшихся обычаем обязательств. Это еще не были односторонние обязательства коллектива перед его руководителем. Глава общины по-прежнему, особенно в случае праздников и экстраординарных ситуаций, настежь раскрывал все двери общинных и своих амбаров и складов. Однако неуклонный процесс институционализации норм централизованной редистрибуции делал свое дело. В процветавшей и время от времени расширявшей свои владения земледельческой общине, которая порой состояла из нескольких соседних деревень, разных взносов, подношений и отработок становилось все больше. При этом глава общины постепенно из обычного редистрибутора становился своего рода хозяином земли, как (по наблюдению антропологов) его начинали именовать в некоторых общинах.

Момент превращения распределителя совместного имущества в его хозяина теоретически очень значим, ибо на практике такого рода трансформация означала преобразование основанного на привычном престиже авторитета руководителя в его власть над теми, кем он призван руководить. В триаде престиж — авторитет — власть именно последний ее член, власть, является вершиной устремлений всех амбициозных личностей, к числу которых всегда относились руководители любого ранга. И первыми в истории вкус такого рода власти почувствовали именно они, старейшины постепенно институционализировавшихся общин. В политологии существует великое множе-

ство определений понятия *власть*. Не вдаваясь в специальные споры, обратим внимание на то, что по классической формуле М. Вебера власть — это возможность лидера осуществлять свою волю вопреки сопротивлению тех, кого это затрагивает, либо при их согласии.

Власть общинного старейшины — это только начало, первый признак власти. Но она тем не менее уже существует и функционирует, а в качестве ее основы выступает в конечном счете все та же система централизованной редистрибуции. Власть эта пока еще основательно ограничена. Она не подкреплена какой-либо силой и держится исключительно на авторитете ее обладателя. Это так называемая власть положения. Но она достигается нелегко и стоит дорого. Главное же в том, что она открывает пути для всех честолюбцев, каждый из которых уже с юности хорошо понимает, что для достижения власти необходимы престиж и авторитет, что авторитет, рождающий власть, имеет в качестве своей основы все тот же престиж, который достигается в принципе разными способами. Здесь мы от алгоритмического изложения привычной нормы переходим к играющим столь важную роль в истории общества элементам случайности. В самом деле, строгая норма диктует, что кандидаты при выборе старейшины — это главным образом умудренные жизненным опытом и далеко не молодые отцы-патриархи. Однако в жизни случалось всякое. Престиж мог при случае заработать и более молодой человек, оказавший какие-либо заметные услуги своей деревне, например, сыгравший главную роль в отражении нападения со стороны соседей.

Возможны были и иные варианты быстрого роста престижа и авторитета у тех, кто хотел и мог стать старейшиной. Выставить свою кандидатуру после смерти отца мог бы, например, сын старейшины, хорошо проявивший себя в сложных обстоятельствах (скажем, в дни тяжелой болезни отца). Практически это означает, что, коль скоро путь проложен, им могли и начинали пользоваться все. Путь этот нелегок, чреват падениями и даже крушениями, но это, как правило, никогда не останавливало честолюбцев из рядов тех, кто всегда считал себя не таким, как другие, и делал все, что в его силах, для того чтобы доказать всем, и себе самому в первую очередь, что он имеет основания считать себя иным, нежели остальные. Вот это и есть, собственно, тот самый механизм, который включает амбиции сильных и способных и позволяет им выделиться.

В земледельческом обществе, о котором идет речь, т.е. в условиях господства общинной структуры (нечто подобное бывало и в обществах кочевых, возникших позже, нежели земледельческие, и размещав-

шихся в степных районах ойкумены, непригодных для земледелия), единственной, во всяком случае вначале, возможностью выделиться было достижение должности общинного лидера, а вместе с ней власти, опирающейся на право централизованной редиистрибуции. При этом амбиции получивших власть честолюбцев могли сыграть огромной важности роль в жизни коллектива, хотя для этого нужны были подходящие объективные условия. Включение амбиций способных честолюбцев и есть наинягляднейшее проявление социального неравенства как мощного двигателя прогресса, да и вообще любой эволюции. В конечном счете именно активность немногих всегда ускоряла движение любого общества, способствовала его развитию. И это неравенство имело постоянную тенденцию к возрастанию, к увеличению своей социальной, да и реальной бытовой значимости.

Глава пятая.

ПОЛИТОГЕНЕЗ И ВЛАСТЬ-СОБСТВЕННОСТЬ

Успехи неолитических земледельцев и скотоводов, быстрыми темпами освоивших ойкумену, достигших немалых успехов в развитии производящего хозяйства и создавших огромное количество оседлых поселений, создали фундамент для последующих этапов эволюции человечества. Ближайшим и принципиально новым из очередных шагов истории стал процесс политогенеза, т.е. возникновения ранних надобщинных структур, вначале племенных и протогосударственных, а затем и более крупных и совершенных. Собственно, именно этот важный шаг ранней истории человечества позволил некоторым из тех, кто сумел выйти за пределы неолитических общин, создать основы урбанистической цивилизации и государственности.

ГЕНЕЗИС ПЕРВИЧНЫХ НАДОБЩИННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР (ФЕНОМЕН УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ)

Иногда историю в подлинном смысле этого слова начинают с того момента, когда в каком-либо из первичных центров урбанистической цивилизации появляется письменность. Нет слов, этот критерий важен, но не решает всего. Более того, письменность появляется лишь в комплексе цивилизации городского типа и является одним

из ее элементов, пусть даже очень существенным. Есть серьезные основания считать первыми шагами истории социогенез и неолитическую революцию, подготовившие этап политогенеза и сделавшие тем самым возможным возникновение протогосударств, а затем и государств с их урбанистической цивилизацией. Но при этом очень важно оговориться, что урбанистическая цивилизация возникает не сразу сама по себе, к тому же далеко не везде. Первоосновой в этом процессе политогенеза поэтому следует считать формирование первичной надобщинной структуры. Вопрос в том, как и почему возникает она. Здесь важно заметить, что вообще-то споры по проблеме генезиса государства, ставшие особо заметными в постсоветской историографии с момента дискредитации обязательного в прошлом для советских обществоведов марксизма с его историческим материализмом (истматом), сильно запутали проблему. Но зато они способствовали тому, что вопрос о политогенезе оказался в числе едва ли не наиболее популярных. Справедливости ради стоит сказать, что и не зараженные истматом политантропологи разных стран сломали немало копий в спорах по поводу того, как и почему возникли первые в истории государства. Не вдаваясь глубоко в сущность этих споров, стоит заметить, что они демонстрируют собой поиск, ведшийся на протяжении ряда веков.

Поиск этот вели как теоретики, включая философов, так и, несколько позже, исследователи-антропологи, старательно изучавшие ранние человеческие общества, находившиеся на различном уровне развития, и сопоставлявшие результаты своих исследований. Теми и другими было предложено немало теорий, начиная с идей возникновения государства в процессе непростого **общественного договора** в стиле Т. Гоббса, Д. Локка или Ж. Ж. Руссо и кончая элементарными построениями о роли войн в этом процессе, как то делал, например, Ф. Оппенгеймер. Что касается войн, то, не снимая этой проблемы вовсе, нужно заметить, что они обычно в догосударственных обществах имели совсем не тот характер, что после возникновения государственных образований. Иными словами, развитая военная функция была не причиной, а следствием сложного процесса политогенеза, тогда как воинственные нападения одних деревень на другие не влекли за собой завоеваний и не несли в себе потенциал для политогенеза. Первичные протогосударственные образования возникали не в результате завоеваний. Что касается общественного договора, то ясно, что это своего рода не лишённая смысла, но явно

теоретическая метафора, за которой, впрочем, скрывается некоторая вполне осязаемая реальность.

В чем же эта реальность? Она в том, что развившиеся и резко увеличившиеся в числе общности, особенно соседние и близкородственные, отпочковавшиеся от единого корня, — хотя это и не обязательно, особенно на более поздних этапах политогенеза, — объективно равно заинтересованы в упорядочении своего существования. Больше того, можно предположить, что и здесь имеет место поиск адекватного ответа на некий очередной вызов, ориентирующий наиболее продвинутую часть в сторону такой самоорганизации, которая по сути близка к метафоре общественного договора. Но сложность в том, что современная наука может располагать лишь материалами антропологов и некоторыми скудными данными древних письменных памятников о том, как реально происходил, точнее и чаще всего о том, как мог происходить процесс первичного политогенеза. С этого нам и придется начать.

Трибализация и первичный политогенез

Вернемся для начала к земледельцам неолита, точнее, к тем из них, кто неплохо устроился и, веками, а то и тысячелетиями оставаясь примерно на одном и том же месте, но резко возрастая численно и соответственно уверенно и без чьего-либо противодействия расширяя при этом зону обитания, без особых проблем продолжал существовать. Во всяком случае, до тех пор, пока его существование не стало вступать в объективные противоречия с соседями, ведшими себя примерно так же (имеется в виду тот ранний этап предполитогенеза, когда ничего похожего на государственность еще нигде не было). Обычно и чаще всего неверно, во всяком случае не оговариваясь, что при этом имеется в виду, такие разросшиеся общности привычно именовали и все еще именуют племенами. Однако некоторые специальные исследования современных антропологов, прежде всего упоминавшегося уже М. Фрида, свидетельствуют о том, что термин *племя* разумно и целесообразно применять и для обозначения уже структурированного коллектива, прошедшего через процесс трибализации, т.е. превращения в племя во главе с вождем.

В этом случае любой иной, неструктурированный, даже большой разросшийся этнически однородный коллектив без вождя племенем именовать не следует. В этом случае есть основание говорить только

о некоей этнической общности. О таких общностях уже шла речь. Но к сказанному стоит добавить, что земледельцы после складывания основ их культурного комплекса начинали, о чем также подробно говорилось как о следствии революционных преобразований неолита, быстрыми темпами увеличиваться в числе. Это значит, что чуть ли не с каждым поколением, т.е. раз в 20–30 лет, избыток населения отпочковывался от первоначального поселения и создавал по соседству новое, дочернее по отношению к нему. Этот процесс, шедший почти что по законам цепной реакции, быстрыми темпами вел к тому, что большие территории, пригодные для земледелия, осваивались родственными по происхождению людьми. Возникало великое множество достаточно крупных и постоянно, хотя и не везде, увеличивавшихся в численности земледельческих этнических общностей.

Каждый из таких больших коллективов, зоны обитания которых обычно ограничивались достаточно четко определенными естественными рамками той или иной равнины, а также соседних и потому сравнительно легко достижимых долин либо предгорий, со временем четко отделялся один от другого некоей вроде невидимой, но отчетливо осязаемой гранью, которая лучше всего определена современными археологами, изучающими историю и образ жизни таких коллективов на основании оставленных ими памятников материальной культуры. Собственно, именно этот критерий и лежит в основе вычленения тех самых археологических культур с их этапами и вариантами, великое множество которых, как сменявших одна другую, так и одновременно сосуществовавших, фиксирует современная археология. Иными словами, археологическая культура, зона распространения которой, включая варианты и модификации, может быть достаточно большой, порой простирающейся на сотни километров, — это и есть то, что антропологи именуют этнической общностью. Итак, этническая общность — это прежде всего большой коллектив людей, связанных между собой, во всяком случае в далекий период их возникновения и формирования, определенными отношениями родства.

О проблеме родственных связей (род, клан, семейно-клановая ячейка) уже говорилось. Стоит напомнить, что род и соответственно родовые связи, т.е. все то, что связывает людей между собой кровным родством по одной определенной линии, чаще всего отцовской, восходит к глубокой древности, имеет тотемистические корни и со-

ответствующее название. Но рядом с родом существуют кланы, принадлежащие к тому либо иному роду. Каждый из них — группа семейно-клановых ячеек. Дочери и сестры из ячеек данного клана выходят замуж за мужчин из семей другого клана, а взамен в этот клан приходят женщины из чужих кланов. В результате любая семейно-клановая группа состоит из представителей двух или нескольких кланов и в то же время родов. Принципиальная же разница в том, что клан в отличие от рода — это разросшаяся, разделившаяся на части семья. Она тоже ведет отсчет по той же отцовской линии, но при этом она в отличие от рода включает в свой состав женщин, жен и матерей из других родов.

Со временем и при благоприятных обстоятельствах несколько разросшихся кланов, коллективов близких родственников (адаптированные чужаки не отделены) становятся той самой этнической общностью, о которой идет речь. Родство каждого в рамках этнической общности исчисляется обычно по нескольким линиям. Это и принадлежность к роду отца, и родственная близость меньшей значимости к роду матери (ее отца), и принадлежность к данному клану и части его, т.е. кланово-семейной группе, в которой ты родился, и родственные связи с клановой группой, где родилась твоя мать. Вот этими-то связями и соединена, причем весьма крепко, обычная этническая общность, каждая из которых может быть разной по размерам, а размеры их зависели отнюдь не только от природных условий, хотя именно этот фактор всегда был первостепенным и определяющим облик общности и ее культуры. Играли свою роль и многие другие факторы, включая степень отдаленности зоны обитания данной общности от транзитных путей и соответственно от активных перемещений иных коллективов и неизбежно сопутствовавших этому метисаций и взаимовлиянию языков и культур. Имело значение наличие или отсутствие по соседству или сравнительно неподалеку иных, одной либо нескольких, этнических общностей и тем более развитых и активно реализующих свои военные возможности племен и протогосударственных образований.

Собственно, от всего этого зависел не только размер данной этнической общности, но и возможность ее более или менее длительного существования. Неудивительно, что средняя продолжительность существования той или иной этнической общности, как большой, так и особенно малой, была не слишком велика, что обычно фиксируется археологами и хорошо заметно на резко

меняющих свой облик за несколько веков, реже тысяч лет, картах археологических культур в любом из регионов. Этнические общности, таким образом, хорошо известны археологам и антропологам и, более того, легко фиксируются и изучаются специалистами и в наши дни, особенно активно на протяжении всего XX в. В частности, этот феномен довольно давно был изучен на примере африканских коллективов Нигерии. Обобщение соответствующих исследований позволило известному французскому социологу Э. Дюркгейму и следовавшим за ним антропологам еще свыше века назад вывести некие важные закономерности, свойственные такого рода общностям.

Суть их сводится к тому, что многократная сегментация многочисленных семейно-клановых групп различных родственных кланов первоначально единого общего происхождения (со всего, предположим, двумя родами, обменивавшимися женщинами) в условиях относительной изоляции, т.е. отсутствия частого и крупномасштабного смешения с другими общностями, ведет к стабилизации некоей большой общности, спаянной единством языка и культуры, включая прежде всего ритуально-обрядовые нормы и легендарно-мифологическую традицию, но также и пищу, одежду, строения и т.п. Вот в рамках этой этнической общности функционирует определенного типа солидарность, изучение которой и было целью социолога. Дюркгейм назвал эту солидарность механической в противовес более развитой органической.

Принцип механической солидарности в том, что она реализуется автоматически, т.е. является чем-то вроде врожденной реакции на любое раздражение извне. Эта этническая солидарность проявляется в момент внешней угрозы, особенно со стороны сильного противника. В таком случае общность мгновенно спланивается в нечто мощное и цельное, а рождающийся при этом консолидирующий ее импульс ведет к тому, что из среды общинных старейшин или молодых воинов выделяется некий харизматический лидер, который способен организовать необходимый отпор врагу. Если после этого проблема снимается (в противном случае общность вообще может быть ликвидирована), исчезает спланивавший ее консолидирующий импульс, а весь сплоченный коллектив распадается на привычные составляющие. Добившийся успеха лидер в лучшем случае обретает престиж и запечатлевается в легендах, а в реальности он просто возвращается в свой общинный коллектив.

Характерным для общности такого типа является принцип убывающей социэтнической солидарности: сила и энергия реакции на внешнее раздражение убывает с увеличением дистанции, как родственной, так и территориальной. Иными словами, за члена своей группы семейно-клановый коллектив выступает с наибольшей энергией, в том числе в случае спора с любым из близких соседей или с родней. С соседями, тем более родственниками, группа выступит вместе в случае конфликта с более отдаленными соседними группами, за всю свою деревню — в случае конфликта с соседней, за соседнюю — в случае ее конфликта с отдаленной. Феномен убывающей солидарности с точки зрения антропологов и социологов как раз и является свидетельством того, что данная этническая общность к структурированию в племя не созрела. Убедительным доказательством именно этого оказывается и распад ее на первоначальные составляющие после ликвидации общей внешней угрозы и исчезновения таким образом консолидирующей общность в целом импульса.

Общности подобного типа в далеком прошлом если и не преобладали, то встречались часто. Но постепенный процесс расширения сфер влияния более крепких ранних протогосударственных образований, увеличения размеров и военной силы ранних, а затем и развитых государств создавал зоны политического напряжения, количество и территория которых возрастали за счет неуклонного сокращения неолитической периферии. И таким образом постепенно все большее количество этнических общностей попадало в сферу воздействия более или менее развитых политических структур. Оказаться же в подобного рода зоне политического напряжения для любой из аморфных этнических структур означало приобрести практически постоянно действующий фактор внешней угрозы и в качестве ответа на него столь же постоянно функционирующий консолидирующий импульс. Вот это-то и было началом процесса трибализации этнического общества. Что же это такое?

Коль скоро спорадический и экстраординарный всеобщий консолидирующий импульс становится постоянно действующим и мобиливающим моментом, призывающим общность перед потенциальной угрозой к активным действиям и прежде всего к внутреннему структурированию, то это и следует рассматривать как своего рода внешний вызов, на который необходимо дать адекватный ответ. Адекватным ответом в сложившейся ситуации может быть только один:

вперед, к структурированию в племя во главе с племенным вождем или в несколько племен, каждое во главе со своим вождем. Иными словами, прежде рыхлая этническая общность в кардинальным образом изменившейся ситуации готова к трансформации, проявляющейся в том, что в ней начинается процесс *трибализации* (возникновения структурированного племени во главе с вождем), который быстро завершается сложением племенного протогосударства.

Термин *племенное протогосударство* был непривычен для теории истмата, согласно которой государство может быть только классовым, но уж никак не племенным. В реальности же первичный политогенез, принимавший облик племенного протогосударства, был, насколько это можно себе представить, первым и наиболее ранним прообразом возникновения государственности. Мало того, есть существенные основания считать такие протогосударства неполноценными по той простой причине, что ни в одном из них функционально не были заложены потенции для заметной социополитической институциональной эволюции. Племя или союз племен, как убедительно свидетельствует история, сами по себе не способны развиваться в сторону более развитой государственности. Особенно это касается кочевников, которые, не имея городов, далее этого уровня развиваться не могли, пока не оседали, чаще всего за счет завоевания земледельческих государств, даже сравнительно слабо развитых типа древнерусской Киевской Руси. Но оставим пока эту проблему и обратимся к следующей по значимости. Как все-таки возникали наиболее древние государства и шел тот процесс политогенеза, который вел именно к этому?

ПОЛИТОГЕНЕЗ В УСЛОВИЯХ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Усилиями современных антропологов интересующая нас проблема в основном уже решена. Специалистами доказано, что ранние, но не племенные государства или протогосударственные образования типа городов-государств возникали в пределах Старого Света (о Новом Свете речь должна идти особо) только в зоне урбанистических цивилизаций в районе речных долин и в результате удачного, скорее даже уникального стечения благоприятствовавших этому обстоятельств. Феномен урбанистической цивилизации, тщательно изученный в свое время Г. Чайлдом, а после него и многими други-

ми исследователями, концентрирует внимание специалистов на тех нововведениях позднего неолита и энеолита, которые способствовали трансформации неолитических культур в ранние цивилизации. Речь шла фактически прежде всего о ближневосточных египетско-месопотамских очагах цивилизации городского типа, хотя сам Чайлд этим не ограничился и коснулся цивилизации Инда и даже Восточного Средиземноморья¹.

Но у нас есть достаточно оснований ограничиться только первыми двумя зонами великих речных долин, причем не только потому, что индская зона была кратковременной и не имевшей предыстории. Важнее то, что египетско-месопотамские очаги вобрали в себя практически все то, что затем легло в фундамент всей мировой культуры (проблема Нового Света снова будет оставлена в стороне). Здесь опять стоит начать с того, что неолитическая революция, протекавшая именно в ближневосточном регионе 12–8 тыс. лет назад, завершилась постепенным расселением избыточного земледельческого населения прежде всего на наиболее благоприятных для земледелия соседних территориях, которыми в конечном счете оказались долины великих рек Нила, Тигра и Евфрата. Спускаясь с предгорий в низовья, в заросшие камышами и кишевшие дикими животными речные долины, первые осваивавшие их земледельцы должны были активно противостоять дикой природе в столь, на беглый взгляд, благодатных для поселения людей землях. Необходимость обустроиться на новых местах, обещавших хорошо налаженную сытную жизнь, гарантированную регулярными разливами рек, породила в новопоселенцах, вооруженных техникой неолита и владевших многими фундаментальными открытиями, огромную энергию преобразователей. Результаты не замедлили сказаться: за весьма немногие тысячелетия долины были преобразованы до неузнаваемости и покрылись полями, славившимися своим плодородием, и поселениями, наиболее значительные из которых были уже украшены крупными строениями, дворцами и храмами, а то и обнесены городскими стенами. Так были заложены основы той самой урбанистической цивилизации, которая послужила материальным фундаментом для возникновения первых надобщинных политических структур городского типа и в то же время развивалась дальше усилиями и во имя интересов уже сложившихся в долинах великих рек ранних городов-государств.

¹ См.: Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.

Появление таких государственных образований принципиально иного по сравнению с племенными протогосударствами типа чуть далее будет достаточно подробно описано. Но для начала несколько слов о том, как конкретно мог выглядеть сложный процесс политогенеза в зоне урбанизма, т.е. возникновения этих надобщинных политических структур, которые появлялись при отсутствии каких-либо эталонов, на которые можно было бы ориентироваться. Специалисты (Р. Кулборн, Р. Карнейро, Э. Сервис и ряд других) обращают внимание на несколько важных факторов, благоприятствовавших этому не слишком быстрому процессу. Первым из них следует назвать фактор природно-климатический, т.е. благоприятные условия среды. Другим был сравнительно высокий уровень техники и технологии, достигнутый прибывавшими в долины передовыми отрядами земледельцев неолита и энергично использовавшийся ими в условиях борьбы за процветание в тех благоприятных условиях среды, в которых они по воле судьбы оказались. Третий и очень важный — насаивание одних волн пришельцев на другие, т.е. постоянное взаимодействие представителей разных этнических общностей (археологических культур), как мирное, так и любое иное. В результате этого насаивания шел процесс взаимообмена достижениями, плодотворной амальгамации, чему призвано было способствовать — и это тоже один из факторов общего процесса — умение воспринимать все полезные нововведения и усовершенствования, которые появлялись извне. Еще важный фактор — определенный демографический оптимум, т.е. достаточно весомая и, к слову, обычная как раз в речных долинах плотность населения. Этот фактор особенно важен потому, что большое количество людей может разделиться на специализированные группы, а демографическое давление способствует интеграции больших коллективов.

Важно принять во внимание и еще по меньшей мере два обстоятельства, которые могли и должны были способствовать процессу самоорганизации крупных коллективов. Во-первых, тот несомненный факт, что уже первые группы мигрантов прибывали на место их будущего постоянного жительства не аморфной толпой, а организованными отрядами либо во главе с давно избранными ими общинными старейшинами, либо с племенными вождями, если они представляли собой структурированное племя, первичное протогосударство. Во-вторых, большие коллективы на местах неизбежно создавали из своих обожествленных покровителей некий примитивный пантеон, в кото-

ром кто-то из божеств достаточно быстро выходил на первое место, причем для всех, ибо в этом, помимо прочего, был залог их, всех собравшихся, единства и силы. Все эти и, быть может, некоторые другие факторы, соединяясь вместе, вели к достижению того решающего импульса, который создавал силовое поле, резко ускорявшее весь процесс. Происходил качественный скачок, возникали и очаг урбанистической цивилизации, и венчающее этот очаг город-государство.

Некоторые специалисты-антропологи считают, что в конкретной исторической действительности все в конечном счете сводилось к, скорее всего, силовому воссоединению соседних поселений одним из наиболее сильных и потому выигрывающих соперничество с соседями общинных старейшин или племенных вождей. В конце концов это тоже вариант общественного договора, и возможно, что примерно так и было в той глубокой древности, к которой относится появление городов-государств, — разумеется, с учетом всего того, что было сказано о сопутствовавших этому некоторым уникальным обстоятельствах и содействовавших процессу факторов. В итоге на смену общине, племени или группе соседних общин и племен, руководители которых традиционно соперничали между собой, приходило небольшое, но имевшее потенциал эволюции государство.

Соперничество между претендентами на власть происходило, скорее всего, не столько силовыми (силы как таковой в их распоряжении еще не было), но традиционными именно для тех обществ методами. Едва ли не решающую роль среди них должны были играть уже упоминавшиеся щедрые демонстративные раздачи или даже, как на то обратил в свое время внимание М. Харрис, нерациональное потребление ценностей, в том числе их поломка или уничтожение. Ломая либо уничтожая в присутствии соперников то, что имеет цену, хозяин гибнущего при этом имущества или пищи тем самым унижал их (обратим внимание на классический принцип: *принятие дара унижает, дарение возвышает*), что давало ему определенные шансы на возвеличение за счет униженных соперников. Возможно и очень вероятно, что при соперничестве, о котором идет речь, немалую роль играли божественные силы: тот, чьи божества-покровители каким-либо образом проявляли себя активнее других, мог иметь соответствующие преимущества. Это важно иметь в виду и даже подчеркнуть, потому что в первых из известных истории шумерских протогосударственных образованиях главы городов-государств типа Ура, Урука, Лагаша, Киша, Уммы и т.п. были одновременно и прави-

телями, и первосвященниками, т.е. разумно, быть может вынужденно сочетая должности правителя и первосвященника, таким образом сосредоточивали в своих руках всю имевшуюся в то время власть, земную и небесную.

СТРУКТУРА УРБАНИЗОВАННОГО ПРОТОГОСУДАРСТВА

То обстоятельство, что социополитическая структура в зоне урбанистической цивилизации возникала при благоприятствовавших этому условиям в конечном счете в результате соперничества честолюбивых общинных лидеров, не должно создавать иллюзий. Государственные образования в принципе никогда не возникают по воле амбициозных честолюбцев, хотя эти последние играют здесь далеко не последнюю роль. Больше того, можно сформулировать некую логическую формулу-вывод: **город-государство как структура**, заменившая общину и вобравшая в себя группу соседних общинных поселений (одно из которых, обретя черты города, становится его столицей и местопребыванием его правителя), есть не что иное, как **естественная, удобная и само собой разумеющаяся форма самоорганизации разросшегося** и вместе с тем — в отличие от племенного протогосударства — **заметно усложнившегося общества в определенных условиях его существования.**

В самом деле, те же самые общины, оказавшиеся в несколько иных условиях существования и, в частности, не контактировавшие, не соприкасавшиеся и потому не мешавшие друг другу, как то обычно бывало на небольшой территории плодородных речных долин, вполне могли длительное время сохраняться в том виде, как они жили раньше. Именно они становились едва ли не первой жертвой раздвигающих территории раннегосударственных образований, которые всегда имели явно выраженную тенденцию к расширению своих пределов за счет войн. До тех же пор, пока они не были инкорпорированы в состав соседнего государства, такие общины и целые этнические общности не искали более надежных форм самоорганизации, ибо были вполне удовлетворены давно имевшимися.

Итак, накануне процесса политогенеза перед нами предстают разные типы общин. Обратим вначале внимание на наиболее важный из этих типов с точки зрения поставленной проблемы. Принципиальное отличие общин в области плодородных и климатически

наиболее благоприятных для жизни людей речных долин от остальных как раз и сводилось к тому, что прежние формы привычной общинно-племенной самоорганизации в новых условиях их больше не удовлетворяли. Но как бы то ни было, а объективный процесс, требовавший новых форм самоорганизации тесно сцепленных друг с другом соседних общинных поселений, высветил тот путь, по которому эти общины должны были пойти. Это был путь формирования государств, а реализовывавшие его в наиболее перспективном варианте удачливые общинные старейшины и племенные вожди, которые становились правителями городов-государств, были в большинстве теми способными честолюбцами, на чью долю выпало помочь самоорганизации усложнившихся коллективов.

Возникновение надобщинной структуры даже в форме городов-государств было качественным скачком в развитии общества. Суть его сводилась к появлению принципиально новой формы существования большого коллектива. Аппарат власти в городах-государствах долины Нила или Двуречья был уже оторван от общинных коллективов и территориально (все они обитали в городском храмовом центре, ставшем столицей), и профессионально. Совершенно вне зависимости от того, насколько этот аппарат — чиновники, жрецы, воины-дружинники, а также обслуживающий его персонал, т.е. профессионалы-ремесленники, слуги и рабы, в основном из числа аутсайдеров, пленных чужаков-рабов, — был по-прежнему связан с земледелием (эта связь, видимо, ограничивалась владением земельным участком, который чаще всего теперь сдавался в аренду в своей деревне, уже не имевшей излишков пашни и потому — в лице по меньшей мере некоторых ее семейных коллективов со сравнительно большим количеством рабочих рук — заинтересованной в аренде), в основном он уже был оторван от участия в производстве пищи.

Существовал этот аппарат власти во главе с правителем, вокруг которого складывался влиятельный клан из его ближайшей родни (она тоже обычно не жила в общинной деревне и соответственно не принимала участия в регулярном производстве пищи), за счет избыточного продукта окружавших город деревенских общин. Те взносы, которые прежде были выражением признательности общинному старейшине за его общественно полезный труд либо вносились в качестве необходимого вклада в страховую и ритуальную общинные фонды, теперь стали регулярными выплатами, все более определенно принимавшими облик налога. Этот налог скапливался в городе,

в храмовых амбарах и складах, и именно за счет его перераспределения, централизованной редистрибуции, существовал и аппарат власти, включая клан правителя, и протогосударство в целом как социополитический организм, требовавший для поддержания своего существования и выполнения всех необходимых функций немалых затрат.

Затраты, которые имеются в виду, были самыми разнообразными. Нужно было вести престижное городское строительство, т.е. возводить храмы, дворцы, городские стены, дороги, ирригационные, погребальные и все прочие сооружения, необходимые для нормального существования разросшегося коллектива и достойные величия данного государственного образования, олицетворяемого теперь прежде всего и главным образом его правителем. Все это делалось преимущественно за счет трудовых повинностей общинного населения, которые пришли на смену прежним внутриобщинным общественным работам. Стоило все это достаточно дорого, а средства всегда были ограниченными. Возникал драматический разрыв между растущими престижными потребностями и ограниченными возможностями небольшого города-государства. Этот разрыв правители стремились ликвидировать за счет неуклонного расширения своих владений и соответственно притока налогов в казну и мобилизации присоединенного к городу-государству чужого населения на общественные работы. Добиться этого в условиях тесно заселенных речных долин можно было прежде всего за счет войн.

Именно с появлением городов-государств возникла и стала быстрыми темпами прогрессировать их военная функция, заметно отеснившая, по меньшей мере на некоторое время, административную, хозяйственно-экономическую, медиативную и некоторые иные функции, доставшиеся аппарату власти государственного образования в наследство от старейшины прежней общины. Собственно, именно гипертрофия роли войны породила представление о том, что возникновению развитого государства предшествовал период так называемой *военной демократии*. Ныне уже доказано, что военная демократия как феномен (например, среди викингов-варягов; к слову, о *демократичности* этих сообществ следовало бы вести речь особо, это скорее полуразбойная вольница) возникла много позже появления на свет первичных протогосударств и была исключительным в своем роде явлением, но отнюдь не общей нормой. Однако это никак не означает, что войны в период появления на свет городов-государств имели мало

значения. Как раз наоборот, военная функция там быстро и практически сразу же стала едва ли не основной.

С помощью войн и за их счет удачливые правители наиболее успешно развивавшихся государств начинали теснить своих соседей и при удобном случае уничтожать их, присоединяя их территории и население. Если присоединенные соседи были этнически родственными, они гармонично вливались в ведущее войны укрупнявшееся государственное образование. И на смену простому городу-государству приходило структурно более сложное, составное, теперь уже состоявшее из двух слоев администрации, центральной и нескольких региональных. Обычно региональные подразделения сложного государства не отличались от центрального, но статус их был заметно ниже, ибо они находились в положении подчиненных центру. Не всегда объединение такого рода в долинах великих рек (о других регионах пока речь не идет) достигалось за счет войн. Подчас, как на то обратил внимание антрополог Р. Адамс, периферийные структуры соединялись с центральной добровольно, за счет установления между ними и центром в лице их правителей патронажно-клиентных связей, механизм возникновения которых был уже охарактеризован. Неясно, насколько это могло быть обычным явлением.

Если присоединявшиеся в результате войн соседние территории были населены этнически чуждыми общностями, ситуация могла складываться по-разному в зависимости прежде всего от разницы в образе жизни и уровне развития хозяйства и культуры. В случае большой разницы присоединяемые могли жить на правах своего рода полуавтономного образования во главе со своими правителями и платить центру определенную дань. Но в рамках речных долин разница обычно быстро исчезала и все части единого целого сливались в общий административный организм.

В завершение темы о городах-государствах важно обратить внимание на то, что верховная власть правителя в нем, во всяком случае на первых порах, возможно, оставалась выборной. Разумеется, правитель, вкусивший сладость власти, теперь уже не спешил с ней расстаться. Напротив, он старался всеми силами ее укрепить, в чем было заинтересовано и общество, ибо авторитарная власть гарантировала стабильность и способствовала укреплению интегрирующих импульсов, усилению городов-государств и расширению их территории. Правитель, как правило, никакому переизбранию не подлежал.

Однако в случае с правителем государства мало было просто не идти на переизбрание. Нужно было обосновать его право не переизбираться. И именно это всюду рано или поздно происходило. Речь о сакрализации власти правителя. В отличие от общинного старейшины, практически мало чем, включая привычный образ жизни и труда, отличавшегося от остальных, правитель города-государства в глазах многочисленных своих подданных стоял очень высоко. Он иначе жил, занимался другими делами и редко контактировал с простыми людьми. К тому же он обычно был первосвященником и воспринимался как некий носитель божественной благодати, как могущественный посредник между миром живых и всеми сверхъестественными силами, включая и умерших вождей.

Насколько известно специалистам, все возникавшие в те времена ранние религиозные системы были связаны с сакрализацией личности и особенно должности вождя. Это вело к тому, что вождь превращался в символ коллектива, а его авторитет и власть становились чем-то вроде сакрального его свойства. Иногда дело доходило до того, что к правителю нельзя было прикоснуться, не следовало есть пищу, до которой он дотронулся. Но рано или поздно правитель уходил из жизни. А так как средняя продолжительность жизни в те далекие времена была сравнительно невелика, не говоря уже о случайностях воинских и иных перипетий, то бывало это достаточно часто. Возникал вопрос, кто должен заменить его. Нужно было, насколько можно понять ситуацию, избирать нового правителя. Правда, пределы выбора с течением времени ограничивались все более узким кругом возможных кандидатов. Это объяснялось несколькими важными обстоятельствами.

Во-первых, обладание вождем сакральной благодатью все определеннее воспринималось как свойство не только его самого, но и близких к нему людей, его ближайших родственников, членов семьи и клана, которые в отличие от простых подданных постоянно и тесно с ним соприкасались и уже хотя бы этим заметно отличались от остальных. Во-вторых, справедливо считалось, что для управления протогосударством нужны были не только и даже уже не столько способности, хотя это всегда имело значение и принималось во внимание, сколько определенные навыки, которые в какой-то степени вырабатывались с детства среди прежде всего тех, кто был причастен к власти, находился в числе ближайших родственников правителя, членов его семьи и клана. В результате, хотя после смерти обладате-

ля должности правителя на нее обычно претендовали сразу несколько кандидатов, наиболее острое соперничество в борьбе за власть возникало обычно между близкими родственниками покойного. Иногда это приводило к жестокой борьбе, которая дестабилизировала неустоявшееся еще государственное образование. Так или иначе, но вопрос с наследованием в конечном счете решался, причем достаточно быстро, ибо для этого существовали необходимые процедуры.

Однако естественное стремление не допустить дестабилизации структуры хотя бы на время заставляло искать кардинальное решение проблемы наследования власти. Проблема эта была решена с помощью так называемого конического клана. Это название антропологи дали пирамидальной структуре родственных связей, суть которой сводилась к тому, что на любом этаже пирамиды, начиная с ее верхушки, т.е. с правителя, от которого идет отсчет поколений потенциальных его наследников, отдельно от всех остальных учитывалась главная линия родства (все остальные считались боковыми или коллатеральными). На практике это проявлялось следующим образом: только один из сыновей правителя — чаще всего, но не обязательно это был старший — становился наследником, остальные после этого отходили на шаг в сторону от главной линии. При этом каждый из них, в свою очередь, становился главой некоторой части все той же пирамиды и тоже передавал свое место (титул и должность) одному из своих сыновей, тогда как остальные оказывались на ступеньку дальше от центральной линии пирамиды.

Таким образом возникала сложная пирамидально-коническая система кланового родства в доме правителя. Если у очередного правителя не было собственного сына, право наследования получал один из его братьев, а то и племянников. Если старший сын-наследник умирал раньше отца, место наследника мог занять другой из сыновей либо внук от старшего сына. В этих случаях, кроме последнего, главная линия чуть изменяла свои очертания, но после этого все вновь выправлялось по тому же принципу конического клана. Рано или поздно, но подобного рода структура появлялась во всех ранних государственных образованиях и способствовала, с одной стороны, институционализации и сакрализации власти правителя, а с другой — стабилизации структуры в целом, в чем были заинтересованы все. Появление принципа наследования должности правителя многое изменило в привычной структуре политической организации. Если раньше в ней едва ли не абсолютно господствовал принцип ме-

ритократии, фундаментом которого были престиж и авторитет способных, удачливых и амбициозных, то теперь на самом вершине структуры место намертво было закреплено за тем, кто имел на него право в силу случайности своего рождения. Практически во главе большого коллектива легко мог встать человек ограниченный, глупый, распущенный, безответственный и т.д., и т.п. Так оно порой и бывало. Это была своего рода плата коллектива за желанную стабильность структуры в целом. Но для того чтобы эта плата не была чересчур тяжелой и, главное, чтобы глупость и безответственность правителя не могли поставить структуру на грань гибели, со временем были выработаны методы, которые успешно этим угрозам противостояли.

Они в самом общем виде сводились к тому, что при неспособном правителе власть брали в свои руки его министры, а если правитель был при этом еще и претенциозен, т.е. мешал своим министрам, то всегда находился какой-либо из близких родственников, кто был готов занять его место. Происходил дворцовый переворот, и мешавший социуму правитель устранялся. Подобного рода перевороты случались и тогда, когда правитель соответствовал своей должности. Иными словами, никакая высшая власть не гарантировала прочность трона ее обладателю. За трон всегда следовало бороться, всегда необходимо было быть начеку. И прочнее других удерживался на троне тот, кто был сильным, умелым и умным, кто не допускал промахов и ошибок, не рождал недовольства своим правлением, кто разумно использовал способности своих помощников, начиная с ближайших советников и министров, и щедро распределял все добытое, полученное и завоеванное среди всех, включая весь свой народ. Такого рода систему трудно проследить на примере самых древних государственных образований, возникавших в речных долинах, ибо для этого слишком мало фактических данных. Но изучение более поздних по времени ранних государственных структур позволяет предположить, что нечто подобное было нормой.

Возникновение и институционализация первичных протогосударственных структур в условиях складывавшейся в речных долинах урбанистической цивилизации объективно обостряли взаимоотношения между теми, кто вырвался в своем развитии вперед, и всеми остальными из числа неолитических общностей земледельцев и скотоводов. Вся сложность ситуации была в том, что, возникнув рядом друг с другом и быстрыми темпами развиваясь, несколько передовых городов-государств не только энергично расширяли сферу сво-

их владений и стремились укрупниться за счет равных им соседей, т.е. соседних аналогичных городов-государств (истории это известно, стоит повторить, на примере прежде всего Шумера и Египта), но и старались включить в сферу своего влияния территории, на которых издревле и в несколько менее благоприятных условиях обитали другие общности неолитических земледельцев, еще не сумевшие трансформироваться в протогосударства или уже сложившиеся племенные протогосударства. Они в отличие от тех городов-государств, что сложились в речных долинах, в наиболее благоприятных условиях зон урбанистических цивилизаций, необычайно разнообразны по типам и образу существования.

К слову, среди них можно найти структуры, свойственные различным коллективам индейцев Америки или аборигенов Тропической Африки в недавнее время, а также древнекитайские (так называемые варварские — жуны, ди и др.) либо скифо-сибирские, встречавшиеся в далеком прошлом и ныне знакомые только специалистам по древней истории. К их числу относятся многие из тех, что возникли у обитавших на периферии Рима древнегерманских и догерманских народов Европы. Особый тип такого рода структур сложился в труднодоступных уголках ойкумены, в частности среди горских народов, где консервативные традиции, почти не видоизменяясь, сохранялись, разве что с небольшими вариациями или даже колебаниями в ту либо другую сторону, на протяжении тысячелетий.

Племенные протогосударственные образования в отдельных случаях, видимо, даже с сильной автономией составлявших их общин, были, насколько можно судить, характерны для периферии арийской Индии. Особый тип племенной протогосударственности являют собой кочевники, разумеется, только в таких случаях, когда те либо иные кочевые этнические общности консолидировались в племенные структуры. Будучи необычайно специфичными в каждом отдельном случае и для каждого различного их типа, они вместе с тем имеют между собой нечто общее. Это общее сводится к сохранению во всех них зримых черт примитивного общинного прошлого, включая более крепкие и дольше сохраняющиеся, а также играющие сравнительно большую роль родовые и клановые связи. Важную роль играли также практика привычного существования в рамках больших семейно-клановых коллективов, принцип выборности вождей, много большая роль меритократии, основанной на личных заслугах каждого, кто имеет престиж и авторитет. Это не слишком

похоже на урбанистические структуры, где большую роль играют знатность рода и близкое клановое родство с правителем, что становится наиболее значимым для верхов в государствах, возникших и развивавшихся в центрах мировой цивилизации. Впрочем, стоит обратить на все эти особенности развития государственности в центрах урбанистической цивилизации специальное внимание.

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

Проблема собственности была основательно запутана и до предела усложнена в марксистской политэкономии, на постулатах которой долгие десятилетия держалось отечественное обществоведение. На самом деле с собственностью все обстоит намного проще, чем это у нас до недавнего времени было принято считать. Частная собственность привычного европейского типа появилась много позже, чем то постулировал истмат с подачи классиков марксизма. Ее не было и тогда, когда возникли государства, причем как в регионах с развитым урбанизмом, так и тем более во всех остальных. О том, как, когда и при каких обстоятельствах, где именно и в какой форме она возникла, речь пойдет ниже. Пока же обратим внимание на то, что в условиях, когда она еще не появилась или уже была известна в принципе, но решительно пресекалась как таковая административными усилиями (с этим последним вариантом все жители нашей страны хорошо знакомы), в качестве ее альтернативы выступали обычно иные формы собственности.

Специалисты еще в прошлом веке активно оперировали такими понятиями, как коллективная, общинная, племенная и даже — в варианте Маркса — верховная собственность. Все эти понятия условны, хотя и дают представление о том, что имеется в виду.

Условность их в том, что обозначаемое ими явление еще не собственность вообще. Собственности пока просто нет. Есть заменяющее ее представление о владении, причем почти всегда не индивидуальном, но коллективном. Иного в те далекие времена и на том уровне бытия и существовать не могло. Понятие о владении возникло как фиксация обычного права на определенную зону или долю ресурсов (леса, реки, пашня, угодья и т.п.), которая некогда была как бы закреплена за кочующей по ней в погоне за зверем локальной группой охотников и собирателей, а позже оказалась в пользовании общины или передавалась ее старейшиной в распоряжение

данной семейно-клановой группы. В основе отношений к ресурсам, о которых идет речь (сюда входит, естественно, и вся добываемая в них и с их помощью пища) и от обладания которыми напрямую зависело само существование коллектива, всегда была именно власть над ними (владение в конечном счете от нее, от власти): «Мы владеем этим, это наше».

Иными словами, субъектом власти над ресурсами мог быть и был только коллектив, что не исключало, естественно, личной собственности каждого на его копье, нож, лук со стрелами, корзину, котел, одежду, позже даже хижину с кухней. А из всего сказанного четко следует, что и экономическое содержание, и юридическая форма такой псевдособственности — это власть. Выше упоминалось, что привычное понятие *власть*, хотя оно и по-разному определяется специалистами, — выглядит иначе и предполагает прежде всего право навязать другим свою волю. Следует, однако, оговориться, что такая трактовка этого понятия справедлива лишь в тех случаях, когда заходит речь о социальном и тем более политическом аспекте власти, тогда как экономический и юридический аспекты того же понятия всегда, вплоть до сегодняшнего дня, воспринимаются (коль скоро речь идет о ресурсах, об имуществе) именно как владение.

Итак, **власть — это одновременно и воля, и владение**. Все аспекты этого полисемантического понятия сливаются воедино в тот момент, когда субъект власти поднимается над коллективом и начинает выступать от его имени. Патриарх семейно-клановой группы и старейшина общины с их правом редиистрибуции — это субъекты прежде всего власти. Однако распоряжаются они имуществом коллектива, его ресурсами. С еще большей очевидностью это относится к вождю племени, к правителю города-государства. Именно власть как высшая воля суверена и право его на редиистрибуцию ресурсов и имущества коллектива — теперь уже большого коллектива, государства — рождает представление о том, что все принадлежит правителю, верховному хозяину. А раз все принадлежит именно ему, во всяком случае прежде всего и главным образом ему, символизирующему собой государство, то именно он и оказывается высшим субъектом владения, в новых условиях преобразующегося в своего рода верховную собственность правителя-суверена.

Верховная власть правителя рождает представление о его верховной собственности; эта его собственность рождается как функция

воли и владения, как функция власти. Власть и верховная собственность ее высшего субъекта нерасчленимы. Перед нами феномен власти-собственности¹. Что это такое? Власть-собственность — это альтернатива развитой, т.е. европейской, частной собственности, будь то античная или буржуазная. При этом в раннем неевропейском случае это не столько собственность, сколько именно власть, так как функции высшего и на первых порах единственного в коллективе собственника опосредованы причастностью к власти, т.е. власть принадлежит не личности, а должности. По наследству здесь передается именно должность с ее правами и привилегиями, но не частное право на владение ресурсами или имуществом вне зависимости от должности. Если кому-либо, кроме наследника, и дается во владение какое-то имущество, то дается оно лишь как дар. Размер этого дара обычно несоизмерим с тем, что получает наследник вместе с высшей должностью правителя, хотя следует учесть, что дар тоже обычно сочетается с какой-либо весьма высокой государственной должностью (министра, советника), дающей право на соучастие в реализации высшей власти правителя.

С течением времени власть-собственность становится прерогативой более широкого круга лиц, которые принимают участие в управлении государством (кому делегируется это право). Но аппарат власти, теперь олицетворяющий собой власть-собственность, едва ли не в большей степени, чем прежде один правитель, символ государства, в любом случае сам не только полностью подчинен правителю, но и является как бы его продолжением, его руками и ногами. Аппарат власти крайне необходим каждому правителю, коль скоро ему приходится управлять разросшимся и намного усложнившимся в административном отношении государством. В свою очередь, разросшийся аппарат власти с многочисленным обслуживающим его персоналом существует за счет все того же избыточного продукта и труда теперь уже большого коллектива. Одновременно с этим централизованная редистрибуция упомянутых продукта и труда становится одной из важнейших функций аппарата власти. Возникает священное право верхов на ренту-налог с населения.

---

¹ Подробнее см.: *Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; он же, Власть-собственность — генеральная структура неантичных и добуржуазных обществ // Восток как предмет экономических исследований. М., 2008.*

Политэкономические исследования А. Смита еще в XVIII в. выявили, разумеется, на европейском материале принципиальную разницу между налогом, который взимается государством с населения на нужды административного управления, и рентой, которую взимает частный собственник за использование принадлежащих ему ресурсов, прежде всего земли. В XIX в. Маркс был одним из тех, кто обратил внимание на то обстоятельство, что на Востоке, т.е. вне Европы или стран, созданных по европейской модели, таких как США, нет такой разницы, что в условиях «азиатского» способа производства рента и налог совпадают. Совпадают потому, что субъект собственности и субъект власти сливаются в одном лице, в лице правителя как суверена и верховного собственника с обслуживающим его аппаратом администрации. Рента-налог и есть политэкономическое выражение феномена власти-собственности.

Появление института власти-собственности, связанного с централизованной редистрибуцией избыточного продукта и труда в форме ренты-налога, было важным и в известной мере завершающим этапом на длительном пути институционализации надобщинных политических структур различного типа (речь не идет об античном мире). Оно многое изменило в привычных отношениях, в том числе на уровне деревенской общины. Прежняя свободная община окончательно ушла в прошлое. На смену ей пришла соседская община, вынужденная делиться своими некогда исконными правами на землю и прочие угодья и ресурсы со всеми теми, кто в силу их причастности к власти на любом уровне мог претендовать на долю ее имущества, продукта и труда. Тем самым возникал, а затем прочно и надолго закреплялся хорошо знакомый специалистам неантичный небуржуазный (незападный) феномен перекрывающих друг друга владельческих прав. Сущность его в том, что одна и та же земля (а точнее, право на ее продукты) принадлежит и обрабатывающему ее земледельцу, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий пашню и угодья старейшина, и знатному лицу либо чиновнику в функции регионального администратора, и верховному собственнику в лице центрального аппарата власти.

Здесь важно заметить, что такого рода множественность прав на землю и ее продукт, которая выглядит столь нелепой в условиях развитых правовых государств европейского типа, начиная с античности, где всегда было четко известно, что, кому и на каких правах принадлежит, никого никогда не смущала в обществах неевропей-

ского типа. Это и понятно: коль скоро земля не является частной собственностью, а частной собственности как института не существует, то в принципе совершенно естественно, что каждый получает свою часть продукта в строгом соответствии с той долей владения ею и вообще власти, которой каждый снизу доверху реально располагает.

В то же время важно обратить внимание на то, что в множественности прав на землю и на продукт с нее уже таились зародыши трансформации описываемой структуры, которая сводилась к приватизации, т.е. к рождению частной собственности, которой пока еще нигде в мире (включая еще не появившуюся античность) не было. Эта трансформация и некоторые другие сопутствовавшие ей важные перемены знаменовали собой очередной этап развития социополитической структуры, что было связано с постепенным перерастанием усложнившегося уже не простого, а составного государства, развивавшегося в регионах урбанистической цивилизации, т.е. этап государственного образования более сложного типа — раннее государство.

РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО

В условиях совершенствующейся урбанистической цивилизации и активной внутренней и внешней политики наиболее сильных и удачливых городов-государств некоторые из них достаточно быстро из простых трансформировались в более крупные составные, с региональными подразделениями (в прошлом нередко бывшими городами-государствами) на окраинах. Далее шел процесс постепенного появления еще более крупных и развитых политических структур, которые в современной политологии принято именовать ранними государствами. Трансформация протекала плавно и была связана не столько с кардинальными структурными изменениями, хотя они и были, сколько именно с постепенным ростом и развитием социополитического организма в целом.

Понемногу ослабевали столь привычные для общины или племени родовые и семейно-клановые связи. Они не исчезали, напротив, кое-где даже, особенно в верхах, укреплялись, становясь своего рода признаком и свойством правящих слоев, родовой знати. Однако на более низком уровне ослабевали и во всяком случае заметно утрачивали свое исключительное значение, сохраняясь лишь в сравнительно узких пределах семьи и близких родственников.

Для этого были свои объективные причины. Для верхов именно степень родства играла важную роль, ибо предполагала определенную близость к клану правителя или к другим влиятельным знатым кланам. А это вело к причастности к аппарату власти, что давало основания претендовать на соответствующие ранг и титул, должность и привилегии. В то же время на уровне крестьянских низов — даже если кое-кто из простого народа мог проследить генеалогическое родство по боковой линии с каким-либо знатым кланом — эти связи уже не играли практически никакой роли. Не приходится говорить и о том, что родовые имена и родовые связи далекого прошлого на этом уровне вовсе теряли свой смысл и потому вообще исчезали. И древность тотемического рода, и знатность аристократического клана сохраняли свое значение и, более того, тщательно блюлись только и именно на уровне правящих верхов. Ситуация усложнялась за счет процессов естественного смешения населения, происходивших в пределах бурно развивающегося, расширяющего свои границы и аннексирующего чужие государственные либо племенные структуры раннего государства. Захваченные в войнах пленники обычно становились бесправными рабами и переходили в ведение аппарата власти (храмовые рабы, рабы-слуги, рабыни в гаремах). Присоединенные территории с их этнически близким или вовсе чуждым данной общности основным ее населением более или менее органично, пусть даже не сразу, вливались в расширявшийся коллектив своих. За этот счет территориальное соседство являло собой более актуальный тип связи, чем привычная общинно-клановая.

И в правящих верхах трансформировавшейся политической структуры происходили определенные изменения. Борьба родственных кланов за власть и влияние резко обостряла взаимные и обычно вполне обоснованные подозрения правителей и влиятельных сановников, что влекло за собой естественные попытки опереться в политической борьбе на поддержку преданных лично тебе аутсайдеров из числа чужаков, в том числе вчерашних рабов, проявивших способности и оказавших хозяину немалые услуги. Эта ставка на аутсайдеров приводила в конечном счете к тому, что наиболее удачливые из их числа выдвигались на высший уровень власти и основывали собственные влиятельные знатные кланы. Клановая структура на уровне правящих верхов благодаря этому сохранялась в прежнем виде, но личный состав кланов постепенно и во все большей степени

менялся, не говоря уже о том, что он регулярно пополнялся за счет правящих кланов аннексированных территорий.

Результатом описываемого процесса, характерного именно для периода перерастания городов-государств в ранние государства, была заметная социальная и политическая поляризация на низы и верхи. При этом низы увеличивались в числе, объективно способствуя увеличению объема избыточного продукта и труда, за счет которого могли существовать правящие верхи. Верхи же в новых условиях усложняющегося и увеличивающегося в размерах административно-политического образования все более очевидно и вынужденно структурировались в сложную иерархическую пирамиду власти с ее разными уровнями — обычно не менее чем тремя (высший столичный, средние региональные и низшие, стоящие рядом с низами и непосредственно ими руководящие). При этом на высшем уровне власти была уже отчетливо заметна ее специализация.

Появлялись многочисленные разряды жрецов и военачальников, чиновники различных категорий, особые дворцовые управители, руководители ремесленных и хозяйственных служб и подразделений и т.п. На региональном (в Египте, например, на храмовом) уровне специализация была слабее, но тоже существовала. И лишь на низшем уровне, как правило, власть чаще всего еще представляла перед тружениками в единственном числе. Это был уполномоченный администратор, ведавший сбором налогов и отправлением трудовых повинностей, исполнявший свои обязанности в тесном контакте с руководством общины (если она была), которое тоже уже порой воспринимало себя в качестве получиновников.

Для раннего государства характерно повышенное внимание к строительству разных монументальных сооружений, как религиозно-сакрального, так и любого иного характера, будь то пышные храмы и дворцы, величественные гробницы, крепостные стены, каналы и дамбы, хорошие дороги и т.п. Подобное строительство всегда стоило дорого, даже имея в виду бесплатный труд призываемых на отработку крестьян. Ведь крестьян нужно было содержать и кормить.

Примитивные представления о том, что всегда и везде строительные работы были каторжным трудом для эксплуатируемых, наивны и несостоятельны. Такое, разумеется, случалось, как это было, например, во времена императора Цинь Ши-хуана в Китае в конце III в. до н.э. Но это было крайностью, которая, к слову, явилась одной из причин, погубивших империю Цинь. Нормой было нечто иное,

и общественные отработки обычно рассматривались как важное государственное и общественное, т.е. общее, дело, имеющее к тому же часто и ритуальный смысл. О ритуальной стороне дела стоит сказать особо, так как именно период перехода от городов-протогосударств к раннему государству был чаще всего тем самым «осевым временем», когда на смену ранним образным и конкретным мифологическим представлениям приходили более развитые абстрактные формы дискурсивного мышления. Рождались зрелые религиозные представления, и закладывались основы известных человечеству великих религий.

Система богов и служивших им жрецов, сакральных ритуалов и торжественных обрядов, богатство церковной утвари, да и сами величественные храмы стоили дорого, но на возведение их никогда не жалели ни средств, ни усилий. И правильно делали, ибо религиозная духовная основа создавала развитую формализованную этическую норму, без которой возрастающее этнически гетерогенное население было бы пестрой разболтанной толпой противостоящих друг другу группировок. Все это имело дисциплинирующий, регулирующий и контролирующий смысл, а также играло важную интегрирующую роль, не говоря уже об экзистенциальном смысле религии, о компенсирующей ее функции. Религия всегда была и во многом остается и ныне духовной основой существования людей и фундаментом их душевного комфорта.

Можно сказать, что процесс самоорганизации общества, породивший государственную форму его существования, на определенном этапе развития этого государства усиливает и укрепляет свои базовые позиции за счет религии. Религия в этом смысле (речь не о ранних религиозных представлениях, которые существовали с незапамятных времен у всех людей, начиная едва ли не с пресapiенсов, но о развитых религиозных системах со структурированной и сакрально санкционированной этической нормой) **тоже была формой самоорганизации нуждающегося в этом общества.** Именно развитая религия и санкционированная ею строгая моральная норма большого этнически гетерогенного коллектива шла на смену раннерелигиозным представлениям рода и составлявших его семейно-клановых групп. И дело отнюдь не только в примитивности тотемизма, анимизма, фетишизма, магии и иных форм религиозной активности в прошлом, тем более что все они, пусть в несколько преобразованном виде, продолжали бытовать и позже. Развитой

гетерогенной общности, уже не столь сильно, как прежде, спаянной семейно-клановыми и общинными связями, нужны были цементирующие ее обручи.

Государство было одним из них, но раннее государство еще не держалось на силе, как это стало позже, в эпоху развитых государств и тем более империй. Оно по-прежнему держалось в основном на традициях, включая институты власти-собственности и централизованной редистрибуции. И именно для укрепления этих традиций, которые по мере разрастания структуры и увеличения степени ее гетерогенности остро нуждались в новых крепких, желательных даже намертво сковывающих социум обручах, нужна была развитая религиозная система. И она везде или почти везде (речь о регионах, где возникли ранние государства) появилась на свет.

От того, в каком виде она появилась и насколько эффективно справлялась с теми заданиями, которые должна была выполнять, зависела дальнейшая судьба обществ и государств, о которых теперь ведется речь. Пока же важно заметить, что обращением внимания на религиозные проблемы, равно как и усложнением административной системы с параллельным изменением статуса и сферы распространения клановых связей или увеличением объемов монументального и всякого иного строительства, трансформация структуры в период раннего государства не ограничилась.

Едва ли не наиважнейшим процессом, который так или иначе — где раньше, а где позже — проявил себя именно в период существования раннего государства, был процесс приватизации. Приватизации, которая имела в качестве главного импульса, способствовавшего ее появлению на свет, резкое увеличение престижного потребления правящих верхов. А оно и приватизация привели к появлению в ранних государствах — задолго до первых античных структур — рынка и частной собственности.

ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ, ПРИВАТИЗАЦИЯ И РЫНОК

Престижное потребление исторически восходит к престижу и привилегиям, возникшим еще в глубокой древности. За престижем и привилегиями, которые сосредоточивались на верхах любого коллектива, а затем и государственной структуры, неизбежно следовала тенденция к улучшению стандарта потребления. Уже у об-

щинного старейшины дом обычно был лучше, чем у остальных, а его жены выделялись своими нарядами среди прочих. Вождь племени и правитель города-государства в зоне первичной урбанистической цивилизации стояли много выше их подданных в социополитическом плане. Но они также всегда отличались от остальных оружием, одеждой, украшениями, опять-таки жильем (пусть это был простой вигвам), разряженными женами, качеством принимаемой — подчас и табуированной для простых смертных — пищи, не говоря уже о прочих атрибутах типа разукрашенного кресла возле вигвама со стоящими рядом слугами с опахалами или телохранителями с оружием, а тем более трона в зале храма или дворца со многими знаками власти и т.п.

Позже, по мере институционализации структуры и тем более трансформации ее в раннегосударственную, статус, а за ним и стандарт привычного существования правителя стал еще более выделяться своей роскошью на фоне социальных низов. Однако параллельно с этим изменялся и стандарт существования становившегося со временем все многочисленнее и разнообразнее окружения, всего аппарата власти строго в полном соответствии со степенью близости к правителю и его клану. Имели значение должность или титул, а также реальные рычаги власти и ступенька на иерархической лестнице администрации. Как бы то ни было, но все причастные к власти по мере сил подражали правителю, используя свои немалые возможности, в первую очередь долю избыточного продукта и труда населения. Этому же в какой-то мере способствовал и сам правитель, который был обязан — вспомним великую традицию реципрокного дара — время от времени в качестве награды за службу делать щедрые подарки своим советникам и сановникам, помощникам, военачальникам, влиятельным жрецам, а также приближенным слугам, служителям гарема и т.д., и т.п.

В результате аппарат власти и даже некоторые из приближенных к правителю его высокопоставленных слуг или евнухов обрели немалое имущество, строили свои богатые дома, а то и дворцы, обзаводились красивыми одеждами и разнообразными вещами, заботились о гробницах и украшениях. Все это необходимо было как-то доставать. Но доля избыточного продукта и труда, приходившаяся на каждого из тех, кто хотел бы украсить свой быт и выглядеть соответственно рангу, не всегда была для этого достаточной. Кроме того, она подчас состояла более из простого продукта крестьянских

хозяйств, нежели из изысканных изделий, поэтому возникала объективная потребность в обмене того, что имеется, на то, что хочется обрести. Собственно, именно с этого и берет свое начало приватизация как генеральный процесс в созревшем для этого обществе и государстве.

Вообще-то обмен как институт существовал и был хорошо известен человечеству с глубокой древности. Но в те отдаленные времена обмен чаще всего был либо мелким и малозначимым (например, кто-либо менял свой нож на рубаху), либо, что играло много более существенную роль, коллективным и общезначимым (община меняла излишки зерна или скота на рыбу или соль). Корни такого обмена уходили и еще дальше, во времена преобладания локальных групп охотников и собирателей. Естественно, обмен существовал и развивался после появления первых государственных образований различного характера, причем он опять-таки был и на индивидуальном уровне (в мелких масштабах, без участия посредников), и на государственном, где осуществлялся усилиями специальных профессионалов-торговцев, действовавших, однако, не от своего имени, а в качестве чиновников (в Шумере их именовали тамкарами).

Словом, торговля как таковая издревле функционировала, имела даже своих профессионалов, оперировавших порой не только товарами, но и их условным эквивалентом, прототипом денег (это бывали и раковины, особенно каури, и кусочки металла, и некоторые иные редкости и ценности, даже скот). Но она в глубокой и даже раннегосударственной древности никогда не была частной.

Еще не существовало торговцев-посредников, которые действовали бы на свой страх и риск. Приватизация начиналась, помимо всего прочего, с того, что менял свой привычный характер древний обмен, а на смену ему приходили частная торговля и рынок, обращение товаров и денег. Первотолчком были, как следует полагать, агрессивные войны, грабеж и дань с покоренных. В процветавшем за этот счет раннем государстве притекавшие извне продукты, вещи и раритеты оседали в руках военачальников и чиновников. Правитель щедрой рукой жаловал добычу своим приближенным. Воины, возвращаясь из похода, с легкостью избавлялись от трофеев, уступая их тому, кто больше даст. Возникал некий рынок товаров, на который одни приходили, чтобы продать, а другие — чтобы приобрести. Этот рынок, раз возникнув, становился своеобразным полем притяжения для всех. Чиновники начинали использовать свое служебное

положение для приобретения частных выгод (те же тамкары, например, могли параллельно совершать обмен для себя лично), служители казенных амбаров и храмовых складов научились обрабатывать отчетные документы таким образом, чтобы часть продуктов и изделий можно было реализовать на стороне.

Больше того, процесс коснулся и представителей непривилегированных низов. Ремесленники в городах (а это были всегда наиболее квалифицированные специалисты) наряду с выполнением казенных заказов начинали делать изделия для продажи. Крестьяне, до того практически жившие в условиях натурального хозяйства, получали возможность в случае крайней нужды (свадьба, похороны и т.п.) отвезти какую-то часть земледельческих продуктов на рынок, чтобы приобрести необходимые товары. В результате этого глобального процесса возникал многоликий и постоянно функционирующий рынок. Появлялись первые постоянно обслуживавшие его торговые пути, возникали транзитная торговля и обслуживавшие ее потребности профессиональные торговцы, вроде осваивавших Средиземноморье финикийцев, а также и торговые города типа древнеассирийского Ашшура, позже ставшего столицей Ассирии. Регулярный и профессионально налаженный обмен товарами, фиксируемый историками уже на рубеже III–II тыс. до н.э., становился все более необходимым для дальнейшего развития общества. Нужды рынка со временем стал эффективно обслуживать всеобщий эквивалент — деньги.

Разумеется, этот рынок, по меньшей мере вначале, в момент своего возникновения, служил прежде всего для удовлетворения нужд престижного потребления аппарата власти. Именно представители правящих верхов пользовались его услугами наиболее активно, приобретая те товары и рабочую силу тех умельцев-профессионалов, которые были им нужны в данное время (построить дом, выделать изысканную вещь, соорудить богатый выезд, изготовить нарядные одежды и т.п.). Именно их заказы стимулировали развитие рынка в первую очередь и главным образом. И именно они, верхи, тем самым давали мощный толчок дальнейшему развитию процесса приватизации.

Наряду с прежним общинно-государственным сектором хозяйства, в рамках которого население производило продукты и вещи, строило дома и храмы, дамбы и каналы, дороги и гробницы, а аппарат власти строго следил за всем этим, направлял, контролировал и перераспределял, появился сектор частный, в котором все выглядело иначе. Люди работали за свой интерес, сами либо через появившихся

на рынке торговцев, бывших уже частными посредниками, а не чиновниками (впрочем, иногда обе ипостаси, видимо, могли совпадать в одном лице, по меньшей мере на первых порах).

Со временем уже почти все из них в отдельности меняли то, что у них было в избытке, на то, в чем они испытывали недостаток. Таким образом, все желающие в строгой зависимости от степени их достатка, зажиточности, богатства могли иметь все то, что предлагал им рынок. За этот счет еще большее развитие получало престижное потребление верхов, ибо именно в их руках прежде всего и в наибольшем количестве скапливались продукты и предметы, которые можно было, реализовав на рынке, обратить в желанную роскошь каждодневного образа жизни. Стоит заметить, что свою рыночную ценность в новых условиях обрели и люди, пока еще только захваченные в плен бесправные чужеземцы, становившиеся рабами, которых можно было продать и купить (до того рабы обычно считались коллективным достоянием и от имени коллектива использовались в храмовых и дворцовых хозяйствах либо в услужении власть имущих).

Позже всего и с наибольшим трудом предметом купли-продажи становится земля. Это связано не только с тем, что земля оставалась важнейшим средством производства, так что лишиться ее значило потерять возможность регулярно воспроизводить условия повседневного существования семейно-клановой группы, но также и с тем, что она традиционно считалась прежде всего коллективным владением общины. Группа, обрабатывавшая свой участок и пользовавшаяся необходимыми угодьями, собственником всего этого не была. Земля была условием ее производства, но не результатом, не продуктом или изделием, которые можно было продать на рынке. Отдельные участки общинной земли подчас все-таки отчуждались, об этом имеются данные в источниках. Но делалось это крайне редко и лишь при исключительных обстоятельствах. Существовали сложные процедуры типа *усыновления*, позволявшие обойти жесткую норму, запрещающую торговлю землей. Даже сам правитель, если он хотел приобрести кусок земли в той либо иной общине, во всяком случае, в ближневосточной древности, фиксировал свой успех в специальной записи.

Иное дело — сдача лишней земли в той же общине в аренду малоимущим. В тех общинах и тогда, когда регулярные переделы семейных участков прекращались либо осуществлялись редко, такое встречалось, а со временем становилось даже общепринятой нормой. Постепенно, особенно в случае прекращения земельных перераспре-

делений, начинала практиковаться и купля-продажа земли внутри общины, на что обычно община смотрела сквозь пальцы, поскольку земля оставалась внутри нее. Однако важно подчеркнуть, что этим обычно не злоупотребляли, не говоря уже о том, что внутриобщинная купля-продажа тоже обставлялась многими формальностями и ограничениями, дабы не создавать лишнего соблазна. Общинная земля в традиционном обществе, как правило, никогда не становилась полной и безраздельной собственностью ее обладателей. Она всегда в той или иной мере оставалась общинной, т.е. принадлежавшей коллективу.

В этом было кровно заинтересовано и государство, аппарат власти. Причины такой заинтересованности легко понять: поступления из общин были основным источником избыточного продукта, за счет которого существовало государство и управлявшие им верхи. Если допустить куплю-продажу общинной земли, то скупившие ее богатые частные собственники станут использовать ее продукты прежде всего для собственного обогащения, а лишившиеся земли общинники так или иначе повиснут тяжелым грузом на все той же администрации, которая обязана будет изыскивать средства для их содержания. Иными словами, частные собственники получают то, что по сложившейся норме принадлежит казне, т.е. аппарату власти, государству.

Эта нехитрая раскладка была хорошо известна уже давным-давно существовавшим и отлично понимавшим механизм общинно-государственного хозяйства правящим верхам. И именно поэтому государство и частный собственник во всех ранних и тем более хоть сколько-нибудь развитых государствах Востока — а речь пока только и именно о них, других в ту эпоху, о которой идет речь, еще не возникло — после начала процесса приватизации становятся антагонистами. Против частных собственников и тем более наглых стяжателей выступает официальное законодательство, начиная с законов старовавилонского царя Хаммурапи, и обычная практика административного давления на частных собственников, что особенно хорошо видно в чжоуском Китае, особенно после реформ легиста Шан Яна в царстве Цинь.

* * *

Становление общества и государства в истории шло достаточно широким фронтом и отличалось многообразием. Изложенное выше не претендует на строгую точность в описании процесса во всех тех

обществах, которые возникали в глубокой доантичной древности в различных регионах ойкумены. Главная цель вводной части работы сводится к тому, чтобы описать основные нормативные принципы, которые играли ведущую и определяющую роль в формировании основ социальной структуры и ранних политических образований в ту древнейшую пору истории человечества, когда ничего подобного еще не было и все новации были первыми в своем роде. Далее автор ставит своей целью уделить преимущественное внимание тому, как конкретно выглядели те наиболее ранние социальные и политические образования, которые в условиях уже описанных общих нормативных принципов складывались в том либо ином регионе ойкумены. Разумеется, речь пойдет прежде всего о представленных письменными источниками упомянутом уже доантичном мире глубокой древности, характерном прежде всего и главным образом для тех мест, которые в силу природных условий оказались наиболее благоприятными для поселения там неолитических земледельцев. Изложение будет начато, как то обычно делают, с истории Египта и древнейших государств Двуречья.

Древний Восток

Процесс неолитической революции, занявший несколько тысячелетий, протекал в основном в районе ближневосточных предгорий, в Анатолии, Загросе и в Палестине. Именно здесь в обилии росли дикорастущие злаки, которые сыграли свою роль в том, чтобы собиратели, преимущественно женщины, начали культивировать падающие в несколько разрыхленную землю зерна, которые на следующий год вырастали в спелые многочисленные колосья, с которых можно собирать урожай. В этих же предгорьях в обильных зарослях кустарника водились различные мелкие животные, которые могли служить мясной пищей для собирателей злаков. И, как следует полагать, не раз бывали случаи, когда молодняк либо просто не способных самостоятельно существовать детенышей тех животных, на которых успешно охотились мужчины, приносили домой в качестве уже не столько добычи, сколько забавы для детишек. Молодняк постепенно привыкал к жизни с людьми, что опять-таки не могло не натолкнуть на мысль о том, что съедобных животных, к тому же способных давать молоко, стоит приручить, как то было сделано в свое время с собакой, помогавшей охотнику в поисках добычи. Эти первые и важнейшие достижения неолитической революции, которые были фундаментальными открытиями в истории человечества и достаточно быстро оказались доступными всем тем, чей уровень развития был уже подготовлен для заимствования очевидно полезных новаций, тоже сыграли свою роль. Она сводилась к тому, что одно за другим все новые и новые поколения обитавших в районе неудобных для полевого хозяйства предгорий спускались с привычных мест обитания в поисках наиболее удобных для ведения продуктивного хозяйства условий. Такие условия были прежде всего там, где рядом с большим количеством воды лежали влажные и естественно орошаемые земли, наиболее подходящие для полеводства, и где неподалеку были широкие выгоны для выпаса скота.

Логично и вполне естественно, что такого рода местами были долины больших время от времени разливающихся рек, которые были расположены не слишком далеко от предгорий, бывших уже описанными только что центрами одомашнивания растений и животных. Речь идет о долине Нила, а также о Тигре и Евфрате, текущих рядом и именующихся обычно сводным термином Двуречье (видимо, нет необходимости говорить о том, что побережье моря с его соленой водой и бурными волнами не было для этого достаточно подходящим). Собственно, так оно и было. И если оставить в стороне мелкие речушки и небольшие озера, которые не могли удовлетворить все возраставший спрос на подходящие уголья и условия для оседлой жизни все растущего числа неолитических земледельцев, то нет ничего удивительного в том, что в центре внимания оказались наибольшие и наиболее удобные. Именно упоминавшиеся долины Нила и Двуречья были первыми обширными территориями, где возникли крупные многочисленные поселения мигрировавших сюда с разных мест предгорий людей. Нет ничего удивительного и в том, что после появления переселенцев и их достаточно быстрого увеличения в числе именно здесь стали создаваться первые достаточно заметные надобщинные структуры, давшие в начало процессу интенсивного политогенеза в зонах урбанистической цивилизации.

Именно отсюда и брали свое начало, насколько это известно современной науке, первые наиболее примитивные государственные образования, которые, впрочем, развивались более или менее быстро в зависимости от условий, складывавшихся в сфере обитания живших в плодородных долинах людей.

Глава шестая. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ И МЕСОПОТАМИЯ

Первыми известными науке очагами урбанистической государственности стали Шумер, находившийся в устье двух сближавшихся рек, Тигра и Евфрата, и долина Нила. Это разные государственные образования, отстоящие довольно далеко друг от друга. Да и населяли их различные этнические общности, говорившие на разных языках. Однако между ними было и немало общего, будь то храмовые формы древнейшей администрации на местах, большая роль жречества, иероглифическая письменность и многое другое, включая по меньшей мере частичную общность происхождения

авуаров их материальной культуры. Дело в том, что находки следов археологических культур развитого неолита и особенно останков одомашненных растений и животных в долинах Нила, Тигра и Евфрата недвусмысленно указывают на общность их происхождения именно из района тех ближневосточных предгорий, о которых только что шла речь. И хотя район предгорий, который имеется в виду, достаточно велик, именно он был той общей прародиной, которая сближала жителей долины Нила с шумерами, хотя язык и этнические корни шумеров настолько неясны и своеобразны, что о происхождении шумерского населения наука до сих пор не в состоянии сказать что-либо определенное.

Видимо, есть все основания предположить, что длительный путь первопоселенцев как в долину Нила, так и в очень отдаленный от предгорий район устья Тигра и Евфрата (Шумер) не только занял немало времени, что вполне естественно, но и сопровождался метисацией неолитических земледельцев с местным или появившимся отдельно донеолитическим либо субнеолитическим (знакомым лишь с частью достижений неолита, например, только со скотоводством) населением иных этнических общностей. На облике и языке населения долины Нила эта метисация, похоже, сказалась сравнительно мало, что можно объяснить большей близостью долины к исходным предгорьям¹. Что же касается устья Тигра и Евфрата, то путь туда был долог, так что ситуация вполне могла быть иной.

Впрочем, первоначальное своеобразие языка шумеров никак не помешало тому, что продолжавшийся приток новопоселенцев из числа субнеолитического населения скотоводов-семитов более южных районов довольно быстро, за несколько веков, привел к тому, что специфика шумерского очага цивилизации уступила место многое заимствовавшему у них семитам. В итоге уже на рубеже III–II тыс. до н.э. место Шумера заняла населенная в основном семитами Вавилония. Семиты оказали некоторое воздействие и на население долины Нила, которое, будучи связано культурными истоками с ближневосточными предгорьями, тоже отличалось самобытностью, хотя и было родственным семитам, ибо в большинстве своем говорило на языке, который принадлежал к группе афразийских, или семитско-хамитских, языков.

---

¹ У меня нет сомнений в северном происхождении основ древнеегипетской цивилизации. Но для специалистов это остается пока проблемой. См., в частности, *Прусаков Д. Б. Древний Египет. Почва цивилизации. М., 2010.*

В заключение предварительного очерка существенно обратить внимание на то, что, хотя в процессе практически одновременного генезиса обоих очагов древнейшей государственности лидировали, похоже, шумеры, стоит начать — ради полноты картины и последовательности изложения — все же с Египта.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Египет, по выражению древнегреческого историка Геродота, — это дар Нила. И действительно, спускавшиеся, как надо полагать, с севера вдоль в основном ближнего к побережью Африки правого берега реки земледельцы развитого неолита с благодарностью воспринимали те благоприятные возможности, которые предоставляла им эта река. Ее регулярные разливы, оставлявшие после себя слой плодородного ила, дававший ежегодные богатые урожаи, поистине небесный дар. Это обстоятельство — при том, что первопоселенцам приходилось вести немалую тяжелую работу по расчистке берегов реки от камыша и прочих зарослей и по уничтожению хищных и иных животных, обитавших там (назовем хотя бы змей и крокодилов), — очень важно. Оно способствовало быстрому и сравнительно не слишком сложному освоению плодородной долины вплоть до южных нильских порогов. Более того, оно вело к объединению разрозненных поселений сперва в небольшие региональные центры типа городов-государств (позже их стали именовать греческим термином «номы»). Затем, причем весьма рано, они были воссоединены в общем и первом в истории столь крупном, хотя и внутренне еще очень слабом государственном образовании, которое сложилось в долине Нила.

Очень раннее возникновение большого по размерам государства было связано с тем, что централизованная администрация требовалась для регулирования всех основных работ в зависимости от поведения реки. При этом важно иметь в виду необходимость вести тщательный календарный подсчет и следить за организацией труда населения, очень рано лишившегося привычной для того времени общинной организации (если согласиться с правдоподобной гипотезой, что прежде, до возникновения государственности, она все же существовала). Существенно и то, что вынужденное в целях координации совместных усилий подчинение всего населения новому начальству вызвало к жизни характерный для древнеегипетского общества институт жрецов-чиновников. Именно они со своими

писцами-помощниками и обслуживавшими храмы многими представителями других специальностей, включая ремесленников, жили в храмовых центрах номов. Эти служащие храмов составляли, видимо, основную часть возникшей всеегипетской государственной структуры, возглавлявшейся правителем-фараоном и его помощниками, обитавшими в основном в северной части реки, неподалеку от ее дельты. В той части страны всегда был ее центр, там он находится и сегодня. Там же высятся гигантские гробницы-пирамиды, созданные первыми из наиболее выдающихся фараонов.

Хотя древние египтяне не только очень рано овладели иероглифической письменностью, но и оставили немало документов, свидетельствующих о структуре их общества и характере государственности, история их страны не была бы известна в сколько-нибудь существенных деталях, если бы не греческий жрец Манефон, живший в эллинистическом Египте в конце IV в. до н.э. и составивший тогда двухтомное сочинение на эту тему. Именно Манефон дал принятую ныне периодизацию этой истории, выделив эпохи Древнего, Среднего и Нового царств. Ныне к этой периодизации добавлены начальный (Раннее царство) и заключительный (Позднее). Обратим внимание на каждый из этих периодов древнеегипетской истории.

Раннее царство — время, когда номы, т.е. города-государства Верхнего и Нижнего Египта, были объединены под властью первого фараона I династии Мины, Менеса (или, по другой версии, Нармера). Оно датируется рубежом IV—III тыс. до н.э. Это был период правления первых двух династий, когда закладывались основы земледельческого хозяйства и аппарата власти в центре страны и на местах, о чем свидетельствуют надписи с упоминанием различных ведомств и должностей. Именно с этого времени для успешного земледелия египтяне начали строить длинные поперечные по отношению к течению реки массивные земляные валы, которые позволяли задерживать на длительный срок наполненные плодородным илом воды регулярно разливавшегося Нила. Это способствовало длительному сохранению на обширной прибрежной территории насыщенного влагой ила, что позволяло не только бросать зерна в ил и выпускать скот, который втапывал их, но и спокойно дожидаться созревания колосьев тогда, когда влага уже испарялась, а воды Нила уходили обратно к руслу успокоившейся реки. Если принять во внимание, что подобного рода земледельческие работы были не слишком сложными и требовали лишь регулярной заботы о земляных валах,

то не приходится удивляться тому, почему Египет всегда славился своими урожаями зерна и веками, если даже не тысячелетиями, считался житницей, которая была в состоянии прокормить не только себя, но и немалое количество соседних народов.

Освоение нильского побережья и обилие пищи способствовали быстрому росту населения, что, в свою очередь, вело к расселению молодежи на соседних не освоенных еще землях долины. Рисунки корабликов с новопоселенцами, едущими осваивать новые земли, весьма характерны для той древнейшей эпохи. Есть все основания считать, что к концу IV тыс. до н.э. уже значительная часть территории долины Нила была освоена, а в отдельных наиболее плотно заселенных местах появлялись центры урбанистической цивилизации. Это те самые номы, главным строением в которых были внушительные храмовые сооружения в честь того либо иного из божеств, особо почитаемых окрестным населением. Обычно храмовые центры становились и административными. Число их, по поздним подсчетам, равнялось примерно 40 (20 в долине и еще 20 в районе Дельты, широко раскинувшей свои обильные водой и илом рукава). Вскоре после их оформления возникло соперничество правителей Верхнего (долинного) Египта Менеса с правителем номов Дельты. На рубеже IV–III тыс. до н.э. Менес вышел победителем и короновал себя двумя коронами, объединив тем самым всю долину Нила под своей властью.

Древнее царство. В древнейших иероглифических текстах есть данные и о разных внутривосточных распрях, характерных для той далекой эпохи. Эти распри привели к быстрому крушению династии Менеса и к началу периода истории страны, названного Древним царством, которое просуществовало несколько столетий (XXVIII–XXIII вв. до н.э.), и отмеченного укреплением власти центра и окончательным объединением страны со столицей в городе Мемфисе¹ на стыке Верхнего и Нижнего Египта. На период приходится время существования 3–6 династий, время расцвета сил и могущества древнеегипетских правителей, олицетворенное великими пирамидами. Феномен пирамид заслуживает особого внимания, причем не только потому, что это одно из чудес. Главное в том,

---

¹ Все древнеегипетские топонимы, и прежде всего названия городов, взяты из сочинения Манефона и потому, как и термин *ном*, имеют греческое звучание.

что эти сооружения — великий символ не просто раннего государства, но государства исключительного по своему типу и для своего времени (первая половина III тыс. до н.э.).

В Египте Древнего царства отсутствовала частная собственность и соответственно развитые товарно-денежные отношения, рынок и торговля. Это было время расцвета столь характерных для Востока институтов власти-собственности и централизованной реди-стрибуции. Вся страна была разделена на царские, номово-храмовые и крупные наследственные владения знати, в основном из числа родственников правителей. Работали в этих хозяйствах земледельцы, собранные в рабочие отряды. Они трудились в сельском хозяйстве, на транспорте, занимались ремеслом под присмотром чиновников, ответственных перед храмовым и любым иным начальством. В рисунках и рельефных изображениях на гробницах показаны такие группы работников с надсмотрщиком, в руках которого была палка или кнут, а из надписей можно узнать о том, что за свой труд такая-то группа получила столько-то корзин сушеной рыбы, лепешек или емкостей пива. Столь раннее и полное превращение полноправных работников, видимо, вчерашних общинников, в неполноправных подданных подчеркивает не только всевластие государственного аппарата, но и обожествленный статус верховного правителя, считавшегося сыном бога Солнца, фараона (буквально — егип. «*per-oh*», т.е. «большой дом»).

Символом его величия была пирамида. Несколько таких пирамид, созданные все теми же рабочими отрядами земледельцев, видимо, в свободное от сельскохозяйственных работ время, хорошо известны. Уже во времена античных греков они считались едва ли не первым из выделявшихся ими семи чудес света. Справедливости ради необходимо заметить, что этого свободного времени было достаточно много и что большое количество произведенного продукта доставалось самим производителям. Нельзя не сказать и о том, что та привилегированная часть населения, что жила в номовых центрах и храмах, тоже не ела свой хлеб зря. Здесь следует упомянуть в первую очередь квалифицированных ремесленников, особенно каменотесов и каменщиков, активно участвовавших в создании пирамид и иных гробниц, а также писцов, ведших огромную канцелярскую работу. Среди высоко ценившихся ремесленников были ткачи, кузнецы и особенно ювелиры, чья продукция высоко ценилась всеми. Но наиболее видное положение в обществе занимали жрецы,

наблюдавшие за календарем и служившие многочисленным богам, в честь которых создавались храмы, приносились жертвы и чье наличие воспринималось всеми как великое благо, защищающее жителей долины Нила от всевозможных бед. Все старательно и умело делали свое дело.

Особо следует сказать о египетских богах. Их было много, но наибольшим почтением пользовались боги Солнца — сперва Атум, затем Амон, Ра и ряд других, в чью честь создавалось немалое количество храмов и чьим сыном считался сам фараон. Были знакомы египтяне и с представлениями о загробном царстве, и с различными мифами, затрагивающими основы миропорядка. Одним из наиболее известных был миф об умирающем и воскресающем Осирисе, который символизировал бесконечное течение самой жизни, а также о его верной жене богине Исиде. Существовало и множество других божеств, частично изображавшихся в виде монстров с частями тела разных почитаемых животных (бог мудрости Тот с головой птицы ибиса, богиня Бастет с головой кошки и др.). С глубокой древности почитались и священные животные, которым особо поклонялись. Это был в первую очередь бык Апис, в честь которого создали специальный храм, где очередного Аписа холили и лелеяли. Священными считались жук скарабей, сокол и даже змея.

В стране существовал развитый заупокойный культ. Всех египтян хоронили вместе с вещами, которые могли бы им понадобиться на том свете. Зажиточные египтяне бальзамировали тела своих близких, видя в этом некоторый залог их будущего процветания, а может быть, и надежды на возрождение. При этом, несмотря на высокую стоимость работ по созданию гробниц, не говоря уже о пирамидах, их было построено много. Создается впечатление, что для каждого власть имущего это было главной целью его жизни. А привычные нормы централизованной редистрибуции совокупного общественного продукта воздавали каждому по его труду, разумеется, в соответствии с общепризнанной в то время в стране его социально-административной значимостью.

Расцвет Древнего царства пришелся на годы правления фараонов 3 и 4-й династий, тех самых, имена которых навечно связаны с построенными в годы их правления гигантскими пирамидами — Хеопса (Хуфу), Хефрена, Снофру и некоторых других. Это известно. Но как они, эти всевластные фараоны, сумели за короткий срок так изменить недавнее еще полупервобытное общество с господство-

вавшей в нем общиной (другой примитивной догосударственной социальной формы антропология не фиксирует)? Попытаемся поразмыслить.

Общины нет. Во всяком случае, нет зримых ее следов и никаких сведений о ее возможном существовании. Вместо нее, как представляется, всеохватывающая разветвленная трехуровневая (фараон с министрами, номарх с его жрецами, надсмотрщик с плетью при отряде работающих, *слуг царя*) система администрации. Нет смысла искать, как это получилось. Но важно оценить. Перед нами, если верить тому, что предстает в источниках, мгновенная по тем далеким временам трансформация первобытной общины в жесткую систему власти с ярко выраженной централизованной редистрибуцией. Очень похоже на то, что это общество, утратившее главное свое преимущество — равенство и полноправность всех *своих*.

Здесь чувствуется явная опасность перегнуть палку и преувеличить степень зависимости населения от власти. Во-первых, потому, что скудость сведений, включая настенные изображения, вполне может быть интерпретирована иначе. Не исключено, что дорогостоящие надписи и рисунки в гробницах — едва ли не основной источник — относится лишь к некоторой части работников, скажем, в храмовом хозяйстве, где работал чиновник, которому принадлежит гробница. Во-вторых, из-за того, что легко принять сотни тысяч работавших на строительстве пирамид за рабов, как то подчас и делалось в прошлом. Но на самом деле все могло быть иначе. Рядом с немногими работными отрядами с надсмотрщиками над ними, которые фиксировались в гробнице для того, чтобы показать социально-административную значимость погребенного в ней чиновника, могло быть множество других или даже тех же, изображенных с надсмотрщиками, кто, отработав свое на храмовом поле, переключился на собственное. Там он уже не был подневольным, а жил себе всласть рядом со своими соседями по деревне (общинной деревне, по крайней мере в прошлом).

А что касается строительства гробниц, то важно учесть социопсихологический стандарт, который диктовал упорядоченному обществу, организованному в большое и сильное государство, не только высоко ценить эту упорядоченность, но и обоготворять его символ, фараона, сына Солнца, главного божества Египта. Да и работали египтяне на сооружении пирамиды обычно по очереди, не слишком истощаясь и не очень торопясь. И пирамид в конечном счете оказалось не слишком много — жизнь подсказала государству, что все

хорошо в меру. Тем не менее древнеегипетское государство с его работниками и пирамидами по сей день в немалой степени остается если и не загадкой, то чем-то совсем не вполне ясным. Просуществовало же оно полтысячелетия, после чего не выдержало. Конец этого периода был ознаменован усилением значения аристократических владений, часть которых получила, как о том свидетельствуют соответствующие надписи, иммунитет.

Закончилось Древнее царство *Первым переходным периодом*, когда централизованная власть ослабла и наступило время самовластия правителей номов, номархов. Структура власти-собственности в это время существенно модифицировалась, утратив главное свое преимущество — централизованную редиистрибуцию. Практически это означало, что номы превратились на довольно длительный срок, около двух веков (7–10-я ослабленные династии), в нечто вроде феодальных княжеств, что я именую системой децентрализованной редиистрибуции. Для страны в целом такой переход означал ослабление структуры, отчего и исчезли пирамиды, более уже никогда не создававшиеся. Но для каждого из номов, вполне вероятно, ничего заметного не произошло. Не исключено, что уровень жизни не только не ухудшился, но и улучшился, ибо сократились общественные работы (правда, вместо пирамид номархи строили более пышные и богатые гробницы для себя), а номы едва ли продолжали выплачивать фараону столь же весомую долю продукта, что прежде.

Среднее царство (XXI–XVIII вв. до н.э., 11–12-я династии) со столицей в Фивах и при наивысшем взлете централизации в годы правления фараонов 12-й династии Аменемхетов и Сенусертов восстановило утраченную норму, символом чего стало назначение сановников фараона на посты номархов в провинциях-номах, а также усиление роли чиновной бюрократии и армии. Вместо пирамид было построено гигантское водохранилище в районе Фаюма, Меридово озеро, со сложной системой дамб, плотин, каналов и шлюзов. Этот искусственный резервуар помогал сохранять избыток вод Нила в щедрые разливами годы, с тем чтобы использовать его в годы засушливые. Можно сказать, что для своего времени это было вершиной инженерного искусства и в смысле практической пользы стоило много больше всех пирамид. Хотя, если честно, отнюдь не все следует измерять практической полезностью.

В период Среднего царства произошли важные перемены в системе организации хозяйства. Прежние государственные царские, жре-

ческие и вельможные хозяйства постепенно переходили от использования труда организованных в отряды работников, трудившихся, что называется, из-под палки, к более выгодной обеим сторонам, хозяевам и работникам, системе аренды. При этой системе население страны, именовавшееся по-прежнему сводным термином «слуги царя», работало уже на своих наделах, выплачивая при этом владельцу земли, в том числе и в казну номов и фараона, ренту-налог. Однако все мужчины из числа «слуг царя» продолжали отправлять различного рода обязательные трудовые повинности. Сохранялась, как правило, и наследственная принадлежность работника к той либо иной профессии, что особенно четко проявлялось в городской, несельскохозяйственной сфере деятельности. Вместе с тем число различных профессий увеличивалось, особенно в городах, роль которых, включая и численность населения, заметно возрастала, чему в немалой мере способствовало некоторое развитие товарно-денежных отношений и появление зачатков частной собственности. Ремесленников различных специальностей стало много больше, причем на общем безликом фоне «слуг царя» в городах появились и зажиточные слои населения, в том числе те же ремесленники и торговцы. Успешные походы на юг в Нубию и на север в Ливию и Азию приносили богатую добычу. Они знакомили страну с драгоценностями и полезными материалами (слоновая кость, золото и медь, благовония, ливанский кедр), а также обеспечивали храмы и рождавшийся в стране рынок рабами. И хотя денег как таковых в Египте в ту пору еще не было, существовали мерилы ценностей — зерно, одежда, металлы (медь, серебро, золото).

Перемены произошли и в социальной структуре. В плане социально-производственном Среднее царство было временем заметных перемен. Рынок и оборот ценностей в качестве эквивалента способствовали формированию частной собственности и появлению городов с ремесленниками, среди которых выделялись золотых дел мастера и каменотесы. Складывались зажиточные домовые хозяйства, а работа на власть у многих сочеталась с работой на рынок. Что касается земледельцев, то работные отряды с надсмотрщиками как-то исчезли из настенной росписи, но зато появилась прослойка безземельных арендаторов, что косвенно свидетельствует о закреплении за крестьянами их участков, которые, видимо, можно было, пусть не с легкостью, отчуждать. Горожане в немалой своей части стали чем-то вроде среднего класса. В текстах встречаются упоминания

нения об их «домах», тогда как прежде термин «дом» использовался только по отношению к богатым хозяйствам аристократов, администраторов, жрецов и приближенных фараона. Воинов начали считать представителями почетной профессии, они все чаще участвовали в войнах, до того в Египте почти не ведшихся, и приносили с собой немалые трофеи, включая и рабов, которых обычно дарили храмам или продавали в услужение в знатные дома. В быту простого народа частновладельческих рабов практически не было, хотя бы потому, что их было мало и стоили они очень дорого. Порабощение самих египтян официально не допускалось.

Вообще, период правления Аменемхетов и Сенусертов характеризуется усилением власти центра и укреплением на местах, как уже было упомянуто, сменяемого служилого чиновничества во главе с правителями-номархами. Этот новый слой управителей несколько потеснил наследственную знать и захвативших слишком большую власть жрецов.

Закончилось Среднее царство, как и Древнее, очередным, *Вторым переходным периодом* (XVIII–XVII вв. до н.э., краткие 13–14-я династии), сопровождавшимся нашествием гиксосов. 15–16 гиксосские династии оккупировали северную часть страны. Именно эти пришельцы познакомили египтян с боевыми колесницами и запряженными в них одомашненными лошадьми, но период их правления считается временем несчастий. Гиксосы усугубили ситуацию ослабления и упадка страны. Сочинения этого времени («Речение Ипувера», «Пророчество Неферти») красочно описывали, как варвары «все крушат», Нил «иссыхает», даже «женщины не беременеют». Владычество пришельцев, обосновавшихся на севере, было непрочным. Основная часть страны вскоре оказалась под властью 17-й фиванской династии, успешно, хотя и долго, воевавшей с гиксосами, пока Яхмос I не изгнал их, основав новую, 18-ю династию.

Новое царство (XVI–XI вв. до н.э., 18–20-я династии) — период расцвета и высочайших достижений страны. Расцвет Египта связан с именами преемников Яхмоса Тутмосов и в еще большей степени Рамсесов. В стране увеличилось внимание к составу и размерам армии (по некоторым сведениям, в нее брали теперь каждого десятого юношу, тогда как до того редко попадали в армию больше, чем каждый сотый), которая была основой успешной завоевательной политики. Тутмос I, Тутмос II и царица Хатшепсут вели активную внешнюю политику и богато отстраивали Египет. Но особенно преуспел

в этом пасынок царицы Тутмос III. Ему пришлось долго ждать своего часа, но он успел взять реванш, подчинив Сирию, Палестину и Финикию.

Особенными воинскими успехами и удачными реформами прославился Рамсес II Великий. Именно он превратил Дельту в процветающий и плодоносящий район Египта и выстроил здесь свою новую столицу. Усилиями этих правителей прежде практически замкнутая в долине Нила страна превратилась в огромную империю, захватившую значительную часть Западной Азии и Нубию. Как и во времена Среднего царства, политический процесс теперь шел в сторону укрепления власти центра.

Прежде преобладавшие хозяйства удельной знати практически исчезли. Зато усилиями централизованной администрации по всей стране осуществлялись интенсивные ирригационные работы, позволявшие наделять землей численно все возрастающее население. Постепенно развивалась система рыночных связей, включая земельную аренду и более развитую торговлю. Мерилом ценности стало серебро (но еще не монета). Место зажиточных «слуг царя» занял слой немху, в который включались преуспевшие земледельцы, ремесленники, торговцы и даже, видимо, мелкие чиновники. Рабы по-прежнему были дорогостоящей роскошью в знатных домах и храмовых хозяйствах, при всем том, что приток их в результате успешных войн резко увеличился. Появилось, хотя и не получило распространения, ограничивавшееся обычно пятью годами кабальное рабство должников.

Начальный период Нового царства был отмечен, помимо прочего, усилением значения храмов, жрецы которых по-прежнему стояли во главе администрации на местах, в номах. Аменхотеп III сконцентрировал внимание на прославлении великих побед своих предшественников и для этого щедро строил храмы в честь бога Амона-Ра, следствием чего стало резкое усиление корпорации жрецов этого влиятельнейшего в стране божества (имя фараона от его имени). Это входило в противоречие с политикой централизации и вызвало радикальную реформу фараона Аменхотепа IV (1372–1354; по другим версиям, 1367–1350 или 1364–1347 гг. до н.э.). Взяв новое имя Эхнатон (угодный Атому) и начав строительство новой столицы Ахетатон, он не воевал, но немало сделал для укрепления власти фараона и, главное, для ослабления власти жречества. Решившись на крутой поворот, он объявил главным и чуть ли не единственным божеством в стране заново созданного им бога солнечного диска Атона, в честь которого

взял себе новое имя и построил новую столицу Ахетатон. Преобразования происходили во всех сферах, чему немало помогли новации в сфере иконографии и искусства. Достаточно упомянуть о широко известном изображении его жены красавицы Нефертити.

Но главной целью была попытка уничтожить культы могущественных богов Амона и Ра и тем ослабить жреческую верхушку. Эхнатон многое сделал для осуществления своих замыслов, однако его ранняя смерть (возможно, ему помогли умереть) не только пресекла начатые преобразования, как религиозные, так и политические, но и привела к тому, что само имя реформатора было проклято, а его столица снесена с лица земли¹.

Однако реформы фараона-еретика, каким Эхнатон стал в древнеегипетской истории, интересны и поучительны.

Он многое успел сделать. Впервые в истории человечества он считал за благо административным усилием заместить многобожие монотеизмом. Такое сделать энергичным наскоком очень трудно, почти невозможно. Единственный, кто с этим справился, — пророк Мухаммед, имевший дело с весьма отсталым обществом бедуинов, да еще и в кризисный момент существования немногих в тогдашней Аравии торговых городов типа Мекки. Эхнатон попытался и, быть может, был недалек от успеха. Старых богов запретил, жрецов укротил, новую столицу за кратчайший срок выстроил, культ Атона распространил, новую эстетику (момент важный, связанный с идеологией и воздействием на сознание зрителей) внедрил. Если ему чего-либо не хватило, так только времени. Рано умер, коль скоро ему в этом не помогли. И сразу все рухнуло. Народ, не успев поверить и привыкнуть, отшатнулся. Жрецы набросились на еретика. Преемник его Тутанхатон вынужден был сменить имя, стал Тутанхамоном и тоже очень рано умер. Не исключено, что при его жизни (он, как считается, вступил на престол 10-летним) имя отца, его го-

---

¹ Стоит обратить внимание на то, что в годы реформ Эхнатона в Египте проживали, насколько об этом можно судить по данным библейского Ветхого Завета, бежавшие туда от голода древние евреи. Оседание их в Египте привело со временем к обострению отношений потомков Авраама с местным населением, в результате чего пребывание евреев в Египте стало невыносимым (плен египетский, рабство египетское — так это позже стало именоваться). Как известно из тех же ветхозаветных преданий, евреи были выведены из Египта Моисеем. А монотеизм иудеев, возможно, был в какой-то степени навеян реформами Эхнатона.

род и даже храм с изображением Атона еще существовали. Но после смерти Нефертити (она не была его матерью) и фараона город снесли с лица земли, как и изображения Атона. И все вернулось, как говорится, на круги своя.

Впрочем, несмотря на это, многие из реформ Эхнатона остались жить и были подкреплены преобразованиями фараонов последующих 19–20-й династий, носивших имя Рамсес. А началось все с великого Рамсеса II (1289–1224), процарствовавшего около двух третей XIII в. до н.э. Свою успешную военную карьеру юный фараон начал с рискованной экспедиции против хеттов, когда он чуть не угодил в плен близ города Кадеша и спасся лишь благодаря счастливой случайности (основные воинские силы египтян неожиданно быстро поспели и сумели спасти окруженный хеттами авангард). После мирного договора с хеттами военные успехи Рамсеса II были уже неоспоримы. А его преобразовательская деятельность, включая строительство новой столицы и иных городов, а также различного рода масштабных сооружений, привела к расцвету страны. Это был самый знаменитый из древнеегипетских правителей. Он, построив новую столицу и, создав огромную империю, положил начало новому этапу в истории древнейшего государства. В Египет текли большие богатства, города и храмы пышно строились и украшались. Значение фараона было столь велико, что после смерти его преемники из 19–20-й династий именовались его именем. Их обычно именуют Рамессидами и многого о них не говорят, так как при них начался период упадка Египта. Рамессиды пытались поддерживать достигнутое Рамсесом величие Египта, но со временем страна стала приходить в упадок. Позднее царство практически покончило с былым могуществом страны, а затем и с независимостью древнеегипетского государства.

Точка была поставлена после того, как власть перешла к фиванскому жрецу Херихору. Начался *Третий переходный период*, ознаменовавший конец независимого государства.

Позднее царство отсчитывается с рубежа XI–X вв. до н.э. (это чаще всего кратковременные 22–30-я династии, в основном иноземного происхождения). Сначала власть взяли северные полукучевые ливийцы, потом (25-я) с юга появились эфиопы, затем снова ливийская саисская династия Псамметиха, после чего власть взяли персы. Затем настал срок местных египетских 28–30-й династий. А после похода Александра его сподвижник Птоломей и преемники послед-

него надолго, вплоть до времен царствования знаменитой Клеопатры на рубеже новой эры, управляли эллинистическим Египтом. Соответственно и сама страна в этом тысячелетии менялась и в конечном счете изменилась достаточно сильно.

Стоит заметить, что северное побережье страны и особенно район рядом с выстроенной Александром величественной Александрии, превратившейся в столицу эллинистического Египта, стало сразу же активно осваиваться сначала финикийцами, а затем, причем в гораздо больше степени, мигрантами из Греции. Впрочем, греки начали проникать в эту часть Египта раньше, еще до Александра. А в эпоху эллинизма и при власти греческой династии Птолемеев страна превратилась в одну из важных частей эллинизованного сподвижниками Александра Ближнего Востока. Социальная структура Египта Позднего царства сильно трансформировалась. Страна с VII в. до н.э. вступила в развитый железный век. Изменилась техника сельского хозяйства, увеличились посевы некоторых новых заимствованных злаков. Эллинизм привел к расцвету в стране, особенно в городах, развитого рынка и товарно-денежных отношений, во многом бравших за образец античный стандарт.

Александрия стала в гораздо большей степени греческим городом, чем египетским. Греческие эллинистические формы хозяйства распространились по всей стране, включая не только в значительной степени эллинизованные города, но и провинцию-хору. В сельской местности расцвели залог и продажа земли, а также ростовщичество, что было тяжелым бичом для беднейшей части земледельцев, именовавшихся теперь греческим термином *лаой*. Потесненные в своем всевластии, но не утратившие окончательно былого могущества жрецы и их номовые храмы, как и государственное хозяйство, экономически процветали, продавая в другие части эллинистического мира избыточное зерно, которое по-прежнему щедро произрастало на плодородных землях нильской долины. Однако продажа некоторых продуктов, как, например, растительного масла, была государственной монополией, отдававшейся на откуп богатым предпринимателям-откупщикам.

Рабов в Египте, как и на всем эллинизованном Востоке, было немного. На рубеже нашей эры — во время правления знаменитой царицы Клеопатры — Египет стал частью Римской империи, а затем вошел в состав христианизированной Византии. Соответственно изменились и некоторые формы административного управления

страной, в том числе и ее номами. Египет стал страной, населенной в основном христианами.

ДРЕВНИЙ ШУМЕР

Как и берега Нила, дельта Тигра и Евфрата, будучи плодородным и очень удобным для расселения первых земледельцев районом, потребовала от первых пришельцев немалых усилий для приведения ее в плодоносящую долину. На это ушло несколько веков, так что лишь к IV тыс. до н.э. территория Шумера была в основном освоена земледельцами. Освоение дельты двух рек в силу несходных условий шло несколько иначе, чем то было в долине Нила. Как правило, каждая небольшая долина, отделенная от соседей притоками либо болотами, ощущала некоторую независимость от соседей, что достаточно рано выразилось в форме организации самостоятельных урбанистических структур, городов-государств.

Ранние протогосударства Шумера возникли, как и древнеегипетские номы, на рубеже IV–III тыс. до н.э. в форме именно такого типа небольших городов-государств (Ур, Урук, Лагаш, Киш, Умма и др.) с центрами в виде храмов того либо иного божества. Правители этих городов были, как правило, одновременно первосвященниками храмов. Однако это не привело к теократии, ибо храмы были не только и не столько религиозными, сколько административными центрами. В храмовый комплекс, который, собственно, весь и был городом, окруженным сельской периферией из группы общин, плативших городу налоги и выполнявших необходимые трудовые повинности, входили помимо жрецов писцы (канцелярия с неплохо налаженным учетом), склады и казна, рабы и слуги, воины и торговцы-тамкары, мастерские с различными ремесленниками и пр. Все они размещались в соответствующих их статусу помещениях, работали каждый на своем месте и находились на казенном обслуживании. Храм имел свою землю, частично сдававшуюся в аренду его низшим служащим либо общинникам, на доходы с которой он с его персоналом в основном и существовал.

Шумерские города-государства и особенно их храмово-административные комплексы не были еще знакомы с частной собственностью и рыночными товарно-денежными связями и существовали на основе генеральных принципов власти-собственности и централизованной редиистрибуции. Периферийные общины были

связаны с центром, городом-храмом, взаимовыгодными реципрокными отношениями (взносы из периферии были платой за защиту и духовный комфорт, за сохранение всеми желанной стабильности, гарантируемой крепкой властью правителя). Часть полученной из общин продукции торговцы-тамкары по поручению администрации выменивали у соседей на то, чего городу и храму с его обитателями недоставало. Между соседними городами-государствами Шумера шло ожесточенное соперничество за лидерство, причем сильнейшие правители обычно принимали титул лугалья. В начале III тыс. до н.э. на передний план вышел Киш, его вскоре сменил Урук, правителем которого стал Гильгамеш, сумевший подчинить себе ряд соседних центров и превратившийся со временем в легендарного эпического героя. В середине этого тысячелетия сильнейшим стал Ур, а вслед за ним — Лагаш. Некоторые источники утверждают, что в Лагаше произошел переворот и к власти пришел узурпатор Уруинимгина, который будто бы провел ряд реформ в интересах широких слоев населения. Однако усиление Лагаша было недолгим и вскоре в Шумере возвысилась Умма. В это время, примерно в XXIV в. до н.э., с запада к Шумеру подошли семитские племена.

Язык и иероглифическая письменность шумеров не дают определенных свидетельств о родстве их с какими-либо известными этническими общностями, что вносит немалый элемент интриги в предположения об их происхождении. Иное дело семиты. Все они были выходцами из Аравии. Распространяясь к северу от пустыни, семиты группа за группой оседали на землях плодородных речных долин и, учась у местного населения, быстро становились земледельцами, сохраняя заодно и свой пыл воинственных кочевников пустыни. Это благотворное для семитов сочетание способствовало их активному распространению в районе Месопотамии вплоть до Шумера. Легенды повествуют о некоем Саргоне, которого будто бы младенцем выловили в реке в корзине и воспитали чужие люди, после чего юноша поступил на службу к правителю Киша и сделал быструю карьеру. Выкроив себе город-государство неподалеку от Киша, Саргон провозгласил себя *лугалем* Аккада и, свергнув с престола правителя Уммы Лугальзагеси, объединил под своей властью Шумер и Аккад. В результате на смену городам-государствам Шумера пришло более крупное раннее централизованное государство с армией, насчитывавшей, по некоторым данным, 5400 воинов.

С такой армией, состоявшей в основном из лучников, Саргон Аккадский не только превратил бывшие города-государства в территориальные подразделения Аккада (прежние правители, *энси*, при нем стали чиновниками), но и подчинил себе соседний Элам и ряд других территорий. Он правил объединенным в раннее государство Шумером довольно долго (2316–2261). Рост государственного хозяйства и приток дани извне способствовали процветанию нового государства, в котором воинам и некоторым другим слоям населения щедро выдавались земельные наделы. Немало было и рабов, в основном за счет пленников. Как и в древнеегипетском государстве на ранних этапах его развития, рабы работали в основном в храмовых хозяйствах, бывших теперь частями государственного.

Государство Саргона просуществовало после него не слишком долго и начало приходить в упадок уже при его внуке Нарамсине (Нарам-Суэне, 2236–2200), чья внешняя политика отличалась небольшой активностью. Результаты его успешной деятельности были, тем не менее, сведены на нет его преемником.

Именно в это время сложившееся рядом с Шумером (видимо, в ходе естественной при таком соседстве трибализации) племя кутиев завоевало его, сохранив, впрочем, при этом власть потомков некоторых лугалей, в частности лагашского Гудеа, платившего им дань. На рубеже XXII–XXI вв. до н.э. власть кутиев пала, а на смену их владычеству пришло новое «царство Шумера и Аккада», во главе которого встали правители из так называемой 3-й династии Ура. Правители этой династии около века, между концом XXII и началом XX в. до н.э., принимали меры по восстановлению разрушившегося при кутиях земледелия, прежде всего ирригационной системы. Опубликованный при основателе династии Ур-Намму свод законодательных предписаний, а также ряд частноправовых судебных решений должны были способствовать, казалось бы, движению общества вперед. Было объявлено о создании единого «царства Шумера и Аккада». Однако движения вперед не получилось.

Главным нововведением правителей 3-й династии Ура стал масштабный эксперимент, суть которого свелась к превращению прежних храмовых и государственных хозяйств в псевдолатифундиальную систему, весьма сходную с системой работавших из-под палки отрядов в раннем древнеегипетском обществе. Эта система практически воплотилась в виде обработки больших полей отрядами зависимых работников (*гурушей*) и работниц (*нгеме*), живших в услови-

ях казарменного быта, получавших казенные пайки и, естественно, не заинтересованных в плодах своего труда. Впрочем, основная часть населения, включая ремесленников, даже служащих и воинов, быть может, также была вовлечена в такого же типа систему хозяйства, которая достаточно быстро, как и следовало ожидать, доказала экономическую неэффективность. Собственно, именно этот эксперимент и привел к краху «царство Шумера и Аккада», которое вначале было достаточно крепким и имело хорошо организованную профессиональную армию. Стоит вскользь заметить, что эксперимент вызвал к жизни, помимо прочего, море табличек с клинописью, заменившей собой шумерские иероглифы. Таблички были необходимыми документами текущей отчетности при ведении подобного рода крупномасштабного казенного псевдолатифундиального хозяйства. Их изучение дало специалистам весьма многое для характеристики общества, о котором идет речь.

Эксперимент правителей 3-й династии Ура сыграл отрицательную роль. Шумер оказался не в состоянии выдержать его тяжелые последствия. В итоге на смену первичному очагу цивилизации Шумера пришли в разных районах Двуречья, включая и территорию дельты Тигра и Евфрата, вторичные очаги. В центральной и восточной части бассейна Тигра и Евфрата вскоре после гибели «царства Шумера и Аккада» появилось в XX–XIX вв. до н.э. несколько небольших государственных образований (Иссин, Эшнунна, Ларса), населенных семитскими аморейскими племенами. Но уже в XVIII в. до н.э. эти государства исчезли либо были оттеснены на задний план соседним с ними усилившимся Старовавилонским царством.

СТАРОВАВИЛОНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЗАКОНЫ ХАММУРАПИ

Это государство со столицей в расположенном на берегу Евфрата Вавилоне, одном из крупнейших и известнейших городов и культурных центров древности, просуществовало с XIX по XVI в. до н.э., когда оно было завоевано касситами и надолго сошло с политической сцены. За почти три века Вавилония, будучи одной из наиболее развитых стран своего времени, добилась немало. Ее правители, начиная с известного Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), сумели создать весьма развитое централизованное государство, основой которого был классический принцип власти-собственности и централизован-

ной редистрибуции. Это государство уже обладало детально разработанным, активно и эффективно функционировавшим аппаратом бюрократической администрации, многочисленными профессионалами в различных сферах деятельности и, что особенно важно отметить, умело созданной и хорошо продуманной системой правовых отношений, закрепленной в знаменитых законах Хаммурапи.

Законы Хаммурапи не были первыми в истории государств Двуречья. Но они были наиболее полными и совершенными в своем роде. Обнаруженный в Сузах археологами обелиск с изображением Хаммурапи в молитвенной позе рядом с божеством-покровителем Шамашем, на котором вытеснившей шумерские иероглифы мелкой клинописью были выбиты 282 статьи законов, знакомит с обществом времен Хаммурапи лучше любых других документов. Из этих текстов явствует, что социальная структура государства делилась в правовом отношении на три различные категории: **полноправных**, к числу которых относились прежде всего коренные жители страны, хотя иногда, возможно, также и возвысившиеся на службе иные лица; **неполноправных** (мушкенумов), которых представляли прежде всего потомки чужестранцев и пленников, в первом поколении обычно бывших рабами, а также, видимо, разорившиеся и лишившиеся прежнего высокого статуса общинники; и **бесправных** (рабов). При этом уместно заметить, что статус раба в Вавилонии, да и на всем Востоке, как правило, не был наследственным. Рабы имели право на семью и определенное имущество, а потомки их чаще всего становились в ряды неполноправных типа тех же старовавилонских мушкенумов.

Централизованная администрация Вавилонии не была заинтересована в имущественном расслоении общества, о чем свидетельствуют зафиксированные в законах ограничение ростовщичества (не более 20–30% годовых) и меры, направленные на обуздание appetитов арендодателей и ростовщиков в неурожайные годы. Законы регламентировали условия найма и размер платы за наемный труд, условия аренды или залога имущества. Особо оговаривались наказания за скупку краденого. Многие статьи касались проблемы отношений между должниками и кредиторами. Как и в случае с арендодателями и ростовщиками, закон был на стороне отдававшихся в рабство за долги. Срок долгового рабства не должен был превышать трех лет, а за дурное обращение с кабальным работником кредитор подлежал наказанию.

В стране существовал большой фонд государственно-храмовой земли (30–40%), которая давалась в виде жалованья государственным служащим и обрабатывалась обычно на правах аренды лишеными своей земли мушкенумами либо рабами. Община, судя по текстам, служила особым объектом забот власти. Отчуждение общинного надела не поощрялось и практически затруднялось, как и на всем Востоке, рядом традиционных норм. Однако под разными предложениями (например, в форме усыновления) оно иногда все же становилось возможным. Именно это обстоятельство, скорее всего, имелось в виду, когда шла речь о статусе лишившегося своей земли, особенно если это был воин.

В статьях законов, посвященных воинам, о благополучии которых государство заботилось с особым тщанием, было сказано, что община должна выкупать своих попавших в плен членов, а казна обязана содействовать этому. Похоже на то, что в войны с охотой шли бессемейные молодые общинники, не особенно дорожившие своей землей и хозяйством и порой с легкостью отдававшие то и другое в чужие руки. Поэтому неудивительно, что закон требовал от общины заботиться о сохранении за воинами их наделов.

Законы Хаммурапи защищали и поощряли торговлю, в том числе и развитый экспорт. Занимались ею по-прежнему главным образом известные еще в Шумере государственные чиновники-тамкары, хотя не исключено, что в ней принимали участие и работавшие на свой страх и риск торговцы из числа разбогатевших частных собственников, интересы которых также, пусть не всегда последовательно, охранялись законом. Особо стоит сказать о том, что в законах Хаммурапи оговорены права женщин. Браки заключались на основе брачных договоров. При разводе жена сохраняла право на свое приданое. Все судебные функции в стране осуществлял царский суд через посредство чиновников-судей. Более мелкие дела решались в общинах.

Характеризуя право как таковое и проблему правоспособности населения, впервые в мировой практике разработанную именно в законах Хаммурапи, следует обратить внимание на главное. Во-первых, это приоритет принципа талиона: око за око, зуб за зуб. Если строитель построил дом, а он рухнул и погиб сын хозяина дома, наказывается сын строителя. При всей кажущейся на первый взгляд нелепости этого принципа, не говоря уже о его отнюдь не обязательной практической осуществимости (например, что делать, если у строителя нет сына), он имел свой смысл и сильно облегчал практику су-

дебных дел. Во-вторых, это явно повышенное внимание по отношению к коренному населению страны.

За один и тот же проступок полноправные наказывались легче, чем мушкенумы, а мушкенумы легче, чем рабы. Этот принцип различной правоспособности был важен потому, что традиционно местное общинное население всегда имело определенные преимущества перед чужаками, и государство не могло с этим не считаться. Вот почему, хотя некоторые мушкенумы могли в социальном плане стоять намного выше среднего общинника и занимать достаточно заметные должности в администрации (возможно, иногда это касалось и рабов), сам принцип был неколебим.

Старовавилонское царство в какой-то мере наследовало все то, чего достигли в свое время шумеры и семиты со времен Аккада. Однако, заимствовав многое из культурных достижений первичного очага цивилизации Двуречья с его храмами и божествами, основными принципами организации общества и государства, в Вавилоне пошли намного дальше. Создав развитое государство, уже хорошо знакомое с рыночным хозяйством, частной собственностью, товарно-денежными отношениями, детальным правовым регулированием и строго фиксированной системой санкций и наказаний, вавилоняне, чья весьма налаженная жизнь была прервана нашествием кочевых племен и разорением страны, многое сделали для успешного роста и процветания других древневосточных государств. На территории Двуречья это была прежде всего Ассирия. Ее существование как бы заполнило тот цивилизационный вакуум, который был создан касситами, познакомившими эту страну, как то было с гиксосами в Египте, с боевыми колесницами. Однако царство касситов (его обычно именуют Среднеавилонским, XVI–XII вв. до н.э.) более ничем существенным не отличалось. Иное дело — Ассирия.

АССИРИЯ

Это государство складывалось в западной части Двуречья, вдоль торговых путей, соединявших Вавилон с Западной Азией и Средиземноморьем, где издревле существовали свои очаги высокой урбанистической культуры. По меньшей мере со времен Рамсеса II здесь ощущалось также сильное влияние Египта с его развивавшейся экономикой и усиливавшимися внешними связями. Неудивительно, что в этом районе процветали с начала II тыс. до н.э. центры тран-

зитной торговли. Одним из наиболее заметных среди них был расположенный на берегу Тигра Ашшур, будущая столица Ассирии. Правитель Ашшура в XVI в. до н.э. сумел присоединить к богатевшему и усиливавшемуся благодаря торговле городу ряд соседних территорий. И хотя вскоре после этого Ашшур сам был на некоторое время присоединен к процветающей Вавилонии, вторжение касситов в том же веке резко изменило политическую ситуацию. До Ашшура касситы не дошли. Правда, процветающее в то время севернее Ашшура государство Митанни не позволило ему обрести полную самостоятельность. Но после гибели этого государства в XIV в. до н.э., а затем и падения государства хеттов Ассирия, выступившая в качестве наследника значительной части обоих этих государств, вскоре превратилась в могущественную империю.

Ее правитель Тиглатпаласар I (1115–1077 гг. до н.э.) в ходе нескольких успешных походов раздвинул границы государства от Египта до Вавилона. После него нашествие с юга кочевников-арамеев привело Ассирию на некоторое время в состояние упадка. Но на рубеже XI–X вв. до н.э. наступил период ее расцвета. Первые правители Новоассирийского царства, как его применительно к этому времени обычно именуют, и особенно Салманасар III (858–824 гг. до н.э.) продолжили политику расширения границ империи. Многие из покоренных соседних государств превратились в ее данников либо были присоединены к ней. Военная добыча и награбленные сокровища рекой текли в процветающий Ашшур. При Тиглатпаласаре III (745–727 гг. до н.э.), именовавшем себя пышным титулом «царь царей», к Ассирии были присоединены Вавилон (он находился в составе Ассирии около столетия) и Дамаск. Территориально разросшуюся империю населяли многие этнические общности. Жителей окраин, особенно склонных к неповиновению, массами перемещали на новые места (из Вавилонии были уведены в плен около 120 тыс. халдеев, а число перемещенных из Сирии превышало 70 тыс. человек).

Одновременно фактически ликвидировались прежние даннические отношения, а вместо покоренных государств создавались провинции. Главами новых провинций, возникавших в результате таких переселений, с которыми до того древневосточный мир еще не был знаком, назначались близкие к царю царей сановники. Основной силой империи стала ее армия, набиравшаяся с помощью системы рекрутов. 120 тыс. воинов входили в подразделения по 10, 50, 100 и 1000 человек. Ассирийская армия была очень хорошо вооружена

(оружейники в этой стране славились своими изделиями), имела заменившую боевые колесницы кавалерию, а также немалый вспомогательный состав, включая саперов, разведчиков, переводчиков, писцов, жрецов и музыкантов. С помощью этой силы ассирийские цари царей покорили ряд соседних государств, в том числе Урарту. А при Ассаргадоне (681–669 гг. до н.э.) был даже завоеван, правда, очень ненадолго, лишь на несколько лет, и Египет.

Вершины своего могущества ассирийская империя достигла в середине VII в. до н.э. при Ашшурбанипале (669–631 гг. до н.э.), когда была богато отстроена новая столица Ниневия с ее дворцами, храмами и огромной, едва ли не первой в своем роде библиотекой. В ней хранилось около 20 тыс. табличек с клинописными текстами¹. Что касается социально-правовых норм, то население Ассирии по вавилонскому стандарту делилось на полноправных коренных ассирийцев, неполноправных из числа жителей присоединенных к стране завоеванных государств, а также рабов. Существовали и различия в системе наказаний и штрафов по отношению к представителям каждого из этих слоев населения. Неполноправные обычно получали наделы в системе государственно-храмовых хозяйств, а рабы, как и в других странах Востока, имели право на семью и хозяйство, равно как и на изменение социального статуса в последующих поколениях. Тем не менее их статус внешне строго регламентировался: женщины-рабыни, например, не имели права носить такие же платки, что и полноправные ассирийки. Стоит заметить, что ассирийская семья традиционно отличалась строгим отцовским правом, приниженностью женщин и зачастую многоженством.

Как и в Старовавилонском царстве, в Ассирии существовали развитые товарно-денежные отношения, торговля и рынок, ростовщичество, залог и долговое рабство. Традиционные со времен Ашшура доходы от транзитной торговли, объем которой со временем значительно вырос, способствовали расцвету государственного, да и частного-собственнического хозяйства. Терпимо относясь к богатым собственникам, ассирийское государство, тем не менее, всегда ограничивало их права и возможности и взимало с них в казну немалые налоги.

---

¹ Благодаря этим текстам, написанным аккадской клинописью (стоит заметить, что разговорным языком в стране был в ту пору арамейский), ученые много узнали о ближневосточной древности. Более того, сама отрасль науки, связанная с изучением клинописи, ныне именуется ассириологией.

НОВОВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

Вавилон был в состоянии упадка достаточно долгое время. Господство касситов, вторжения со стороны Элама и Ассирии, затем нашествие арамеев отразились на состоянии царства. Кочевники-арамеи, оказавшие огромное воздействие на процветающую Ассирию, волной накатились и на Вавилонию. Именно после этого арамейский язык в качестве главного разговорного распространился практически во всем Двуречье. Вавилон как государство стал именоваться халдейским (халдеи были частью арамеев). С конца VII в. до н.э. Ассирия, находившаяся в состоянии упадка, уступила место именно халдейскому Вавилону. Нельзя сказать, чтобы это была совсем новая Вавилония, но все же различия между Вавилоном времен Хаммурапи и халдейским Вавилоном уже при Навуходоносоре II (605–562 гг. до н.э.), в борьбе за ассирийское наследство одолевшим соперников, Мидию и Египет, были достаточно существенными, причем далеко не только в языке.

Вавилон Навуходоносора — это уже гигантский город, средоточие мировой торговли и культуры. Как известно, подчинив Сирию и Палестину, Навуходоносор вывез из Иудеи несколько тысяч наиболее образованных евреев, служителей разрушенного им Иерусалимского храма, или лиц, близких к нему (вавилонский плен иудеев). И если учесть, что в Вавилоне проживало и множество представителей других народов, причем прежде всего из числа зажиточных торговцев или образованных специалистов в различных сферах жизни, то оценка этого города как мирового центра едва ли может быть поставлена под сомнение. Это можно подтвердить и ссылками на библейские образы, например, на рассказы о «вавилонском столпотворении», о многочисленных говорящих на разных языках людях, которые не могли понимать друг друга и потому с большим трудом строили доминировавшую над городом 91-метровую «вавилонскую башню». Речь о семиэтажном ступенчатом зиккурате в честь бога-покровителя города Мардука, о знаменитых висячих садах царицы Семирамиды и т.п. Стоит также напомнить о еще одном великолепном архитектурном сооружении — воротах богини Иштар, которые ныне заново отстроены и являют собой одну из важных достопримечательностей Ирака.

Очень сложной была социальная структура огромного города, да и всего царства. Высокий уровень развития торговли и частно-

предпринимательской деятельности наложил на нее заметный отпечаток. Юридически общество делилось на четыре слоя. Первый — полноправные коренные жители страны; второй — неполноправные иноплеменники с разных концов мира, которые существовали, как иудеи, в качестве временных поселенцев либо занимались торговыми делами, а то и отправляли различного рода должности, были чиновниками и воинами; третий — неполноправные земледельцы, оказавшиеся вне своих общин и вынужденные обрабатывать чужие земли, преимущественно государственно-храмовые, на правах аренды; четвертый — рабы. Здесь необходимо сделать важную оговорку. Специальные исследования показывают, что этот низший слой не был бесправным и тем более лишенным имущества, которое в античном мире обычно считалось принадлежащим хозяину раба. Некоторые рабы в Вавилоне не только имели свое имущество, но и активно занимались от своего имени торговлей и предпринимательством, выплачивая своим хозяевам за право заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью определенный оброк типа античного пекулия.

Практика залога и долгового рабства, процветавшая тысячелетием раньше, во времена Хаммурапи, сошла на нет и была заменена наемным трудом. Более того — и это, насколько известно, встречалось только в Вавилоне — неимущие или малоимущие из числа представителей различных слоев общества в случае нужды нередко объединялись в трудовые бригады, некое подобие профессиональных союзов, которые диктовали свои условия найма. Ко всему сказанному следует добавить, что в Вавилоне существовали и крупные торгово-ростовщические объединения, мощные в финансовом отношении дома. Они вели транзитные торговые операции и занимались банковской деятельностью, финансируя различные коммерческие операции. Разумеется, за пределами мегаполиса продолжали господствовать обычные для древневосточных обществ элементы традиционной структуры с ее общинами и царско-храмовыми хозяйствами. Но в условиях развитых торговых и частнопредпринимательских отношений, которые были свойственны достигшему расцвета Новоавилонскому царству, власть-собственность и традиционная практика централизованной редиистрибуции несколько трансформировались.

Суть изменений сводилась к тому, что лежавшая в основе редиистрибуции система общинных и государственно-храмовых хозяйств не была уже, видимо, абсолютно господствующей в привычной

для Востока форме. Похоже, что и общинники, и тем более храмовые хозяйства были втянуты в рыночный оборот. Причем крупные хозяйства, принадлежавшие государству и храмам, обретали, выражаясь современными терминами, свое юридическое лицо и становились чем-то вроде самостоятельных фирм, плативших в казну налоги. Трудно сказать, к чему такого рода развитие могло бы привести при каких-либо иных обстоятельствах. Но история рассудила так, что халдейский Вавилон в качестве мирового центра просуществовал очень недолго.

После смерти Навуходоносора в стране началась ожесточенная борьба за власть, победителем в которой в 556 г. до н.э. стал Набонид. Он провел ряд реформ, ставивших своей целью ослабить влияние вавилонского жречества. Подобно древнеегипетскому Эхнатону, Набонид решил заменить культ Мардука культом ассирийского божества луны Сина. Связанная с этими не столько религиозными, сколько социополитическими реформами ожесточенная борьба сильно ослабила Вавилон и сделала его легкой добычей персов. Когда в 539 г. до н.э. к городу подошел Кир II Великий, он, обойдя мощные укрепления и осушив некоторую часть русла реки, с легкостью взял столицу. Завоевав Вавилон, а вместе с ним и все царство халдеев, Кир отнесся к городу с большим почтением — не тронул его и, более того, сохранил его структуру, статус, даже привилегии. Кир освободил иноплеменников, в частности, вернул домой иудеев, восстановил погранные Набонидом старые культы богов и даже сохранил жизнь самому Набониду, сделав его правителем одной из отдаленных областей персидской империи.

Падение Вавилона надолго сохранилось в памяти народов, причем опять-таки благодаря ветхозаветным текстам Библии. Библейские предания повествуют о пире Валтасара (сын Набонида, он возглавлял оборону города), во время которого на стене зала будто бы появились божественные знаки, а точнее, три слова: *мене, текел, фарес*, предвещавшие падение города. Не обратив должного внимания на предупреждение свыше, разгульный Валтасар тем самым предопределил крах Нововавилонского царства и собственную гибель. Падение Вавилона в ветхозаветной интерпретации обрело характер некоего великого символа, своего рода предупреждения потомкам, призыва не повторять всех тех достижений или ошибок, которые и повлекли за собой гибель царства. Вавилон как крупный центр древней цивилизации с его особым лицом не потерял, во вся-

ком случае заметно, своего значения и после завоевания его персами. Однако, став частью персидской империи Ахеменидов, он постепенно превращался в обычный большой город с великими традициями, но более не блистал необычным расцветом. Сначала, правда, он долго оставался богатейшей из сатрапий империи, уплачивая ежегодно в казну Ахеменидов только в качестве налогов около 1000 талантов (30 т) серебра. Но время постепенно брало свое, и век от века город хирел, сохранялась лишь память о великом прошлом. Правда, далеко не сразу. Еще при парфянских правителях на рубеже нашей эры он играл важную роль в торговых связях Востока с Римом.

НЕКОТОРЫЕ ИТоговые сопоставления И ЗАМЕЧАНИЯ

Итак, если иметь в виду прежде всего Египет и Шумер, перед нами два самых ранних первичных очага урбанистической цивилизации. Строго говоря, этими двумя количеством их и ограничивается, ибо все остальные аналогичные очаги (проблемы Нового Света мы пока оставим в стороне), как в районе Двуречья, где все так или иначе шло от Шумера, так и вне его, в Индии или в Китае, при всем своеобразии этих центров абсолютно стерильными не были. Что-то от более ранних египетского и шумерского во всех них можно найти, о чем в свое время и пойдет речь. Пока же еще раз обратим внимание на некоторую общность и существенные различия между Египтом и Шумером (в некотором смысле и всем Двуречьем).

Древнеегипетский и шумерский варианты эволюции ранней цивилизации имели нечто общее в формах организации аппарата администрации и во всем том, что было связано с присущими всему Востоку генеральными принципами власти-собственности и централизованной редистрибуции. Сходными были зависимость от ирригации, слияние на первых порах функций правителей и жрецов храмов, а также некоторые элементы культуры, будь то многобожие или эпические сказания (египетская легенда об Осирисе и Исиде во многом перекликается с аналогичным шумерским преданием о богине Иштар и оживленном ею Думмузи). Иероглифическая письменность здесь и там выступает как наиболее ранняя форма письма. Если говорить о различиях, то древний Египет заметно отличался от ранних культурных центров Месопотамии своей замкнутостью, некоторой замедленностью развития и полной зависимостью от по-

ведения реки. Эти обстоятельства сыграли, видимо, немалую роль в том, что в Египте с первых шагов цивилизации и государственности бесследно исчезла земледельческая община со всеми ее традициями коллективного землепользования.

Дело в том, что, особенно на первых порах, когда земледельческое хозяйство в условиях регулярных разливов Нила начинало налаживаться, усилий общины было бы явно недостаточно для организации необходимых масштабных работ. Это можно было осуществить только объединенными силами многих соседних поселений, да к тому же лишь под руководством региональных центров, жрецов-чиновников и административного аппарата. Неудивительно поэтому, что с первых шагов древнеегипетской государственности отдельные обособленные друг от друга общины, как следует предположить, исчезли. Их вынужденно заменила масштабная казарменно-командная система, которая, правда, со временем становилась менее жесткой, пока не исчезла вовсе. Все необходимые ирригационные сооружения были созданы, принципы ирригационного земледелия вдоль всей реки освоены, что позволило системе рабочих отрядов во главе с надсмотрщиками с плетью уйти в прошлое. На смену этой системе пришла иная, основанная на мелкокрестьянских наделах, аренде храмовой земли или владений знати.

В Шумере же община всегда была крепкой и такой же осталась после крушения этого государственного образования. Попытка правителей 3-й династии Ура ввести нечто подобное казарменной системе раннего Египта не только провалилась, но и сыграла немаловажную роль в крушении «царства Шумера и Аккада» и ускорении темпов эволюции, чему в немалой степени способствовали накатывавшие с юга на Месопотамию спорадические волны семитов. На смену Шумеру пришло Старовавилонское царство с его строго фиксированными административно-законодательными нормами, которых, похоже, долгое время в отдаленном от остального мира Египте с его этнически однородным населением (без всяких неполноправных типа мушкенумов и при минимальном количестве рабов) не было. Именно с периода правления Хаммурапи стало очевидным, что в Двуречье, со всех сторон открытом для взаимовлияний, исторический процесс шел более быстрыми темпами, нежели то было в Египте.

Ускоренные темпы трансформации общества и государства в Двуречье еще более заметны в эпоху господства Ассирии, добившейся огромных успехов в результате завоевательных войн и став-

шей одной из первых в истории процветающих во многих отношениях империй. Стоит напомнить об ассирийской письменности с библиотекой клинописных табличек в Ниневии и о транзитной торговле как одной из основ процветания этого государства. А вершины своей государство и общество древней Месопотамии достигли в Нововавилонском царстве с многонациональным Вавилоном халдеев, сумевших превратить этот мегаполис в величайший древневосточный город, подлинный центр мира. Необходимо обратить особое внимание на расцвет торговли и финансово-экономической деятельности в это время, а также на развитие культуры, прежде всего в самом Вавилоне с его многочисленными воспетыми еще в древности памятниками архитектуры.

Говоря о замкнутом в узкой долине Египте и широко распахнутом миру Двуречье с его вполне естественными многочисленными и разносторонними связями, нельзя не обратить внимание на то, что существенные различия между ними отразились и на исторических судьбах Египта и Месопотамии. В Египте они замедляли ход экономического развития и правового мышления. Там очень поздно появились деньги и сколько-нибудь развитая торговля, а о текстах, регулирующих правовые нормы, практически вообще трудно что-либо сказать, хотя и встречаются упоминания о том, что в период Нового царства такого рода сводки все-таки существовали. Иная ситуация была в Месопотамии, где торговцы-тамкары как особая группа профессионалов существовала уже в Шумере, где в Старовавилонское время Хаммурапи издал весьма совершенный в своем роде кодекс законов. Неудивительно, что это способствовало и расцвету Ассирии, во многом обязанной своей древней транзитной торговле, и тем более развитию великого Вавилона.

Глава седьмая.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ И ИМПЕРИЯ ПЕРСОВ

Первые протоурбанистические центры в этом регионе (Чатал-Хююк в Анатолии или Иерихон в Палестине) возникли очень давно, чуть ли не в VIII тыс. до н.э., что было тесно связано с неолитической революцией и расцветом неолита. Но дальнейшее развитие этих центров мировой культуры, расположенных вдалеке от плодородных речных долин, шло медленными темпами и потому фундаментом процветающей цивилизации они не стали. Только в начале

II тыс. до н.э., точнее, с рубежа первой и второй трети этого тысячелетия, с быстрым развитием в Малой Азии государств митаннийцев и хеттов и транзитной торговли, сильно оживившей районы Сирии и Палестины, ситуация решительным образом начала меняться. Перемены коснулись всех районов Западной Азии, так что далеко не случайно в эти прежде не слишком привлекательные места стали направлять свои войска даже египетские фараоны. Начнем с митаннийцев и хеттов.

МИТАННИ И ХЕТТЫ

Эти две крупные и весьма быстрыми темпами развивавшиеся этнические общности, частично родственные друг другу, сложились в районе горных хребтов и долин Анатолии на смешанной древней хурритско-хаттской и сравнительно новой индоевропейской основе. Исторически чуть более ранняя из них, митаннийская, с XVII в. до н.э. прославилась в основном благодаря одомашниванию лошадей и созданию запряженных ими боевых колесниц. Боевые колесницы с тонкими и крепкими колесами на спицах стали очень важным средством ведения военных действий многих народов, включая одолевших Египет гиксосов и ликвидировавших Старовавилонское царство касситов. В некотором смысле такого рода колесницы, достигшие Греции, Индии и Китая, играли роль танков в современных (или, точнее, вчерашних, периода XX в.) войнах.

Внутренняя организация общности митаннийцев, которая быстрыми темпами превращалась в государственное образование, была типичной для той эпохи ближневосточной структурой с ее царско-храмовыми хозяйствами. Помимо этих хозяйств существовали полноправные общинники, объединявшиеся обычно в рамках деревенских коллективов в семейно-клановые структуры *димту*, а также имевшие некоторые права и свое хозяйство рабы. Земля считалась коллективным владением *димту* и всей общины и потому, как правило, частному отчуждению не подлежала. Однако шедший в митаннийском обществе процесс приватизации способствовал появлению весьма специфической, но свойственной, к слову, отнюдь не только митаннийцам процедуры усыновления, о которой вскользь уже упоминалось.

Суть ее была в том, что разбогатевшие торговцы или ростовщики, часто не имевшие своей земли (а владение землей было де-

лом престижа), могли купить у общины право на усыновление их кем-то из ее членов. Эта формальность давала основание стать обладателем земельного участка, пусть даже только в качестве неотчуждаемого владения. Что касается торговли, товарно-денежных отношений и ростовщичества, то они были хорошо знакомы митаннийцам, особенно в поздний период существования их государства. Именно торговые и военные достижения митаннийцев, в том числе войско на упомянутых уже боевых колесницах, обеспечили государству Митанни в XVI–XV вв. до н.э. успех в борьбе с Ассирией. Однако в XV–XIV вв. до н.э. митаннийцы вначале потерпели поражение от Египта, а затем попали под власть хеттов.

Государство хеттов, складываясь параллельно с митаннийским в результате инфильтрации индоевропейцев в населенные хатти и хурритами (с некоторой семитско-аморейской примесью) земли, расширяло свою территорию, захватив основную часть Анатолии и Сирии и достигая порой Вавилона. Как и митаннийцы, хетты вели активную торговлю с государствами Двуречья и воевали на запряженных лошадьми боевых колесницах. В период так называемого Древнего царства (до 1500 г. до н.э.) правители хеттов сумели добиться наследственной передачи власти, что укрепило централизованную администрацию в царстве. С упадком Митанни Новохеттское царство начиная с 1400 г. до н.э. достигало успеха за успехом. Походы царя Суппилулиумы привели к крушению государства Митанни, завоеванию северной части Сирии и столкновению с Египтом, а в годы правления его сына Мурсили II хетты достигли Эгейского моря. Только столкновение в XIII в. до н.э. с Рамсесом II при Кадеше положило конец хеттской экспансии, а в начале XII в. до н.э. коалиция так называемых народов моря уничтожила их государство.

Хеттское общество, как и митаннийское, развивалось под сильным влиянием более древних и развитых государств Двуречья. Оттуда к хеттам пришли клинопись и практика законодательных предписаний, из которых можно многое почерпнуть об организации их жизни. Власть в стране хеттов была жестко централизована, а обожествленного правителя страны именовали пышным титулом «Солнце». Родовая знать, чиновники и воины получали из казны служебные земельные наделы. Общество было хорошо знакомо с системой царско-храмовых хозяйств, в которых работало немало казенных ремесленников. В стране существовало развитое земледелие с ирригационными системами, за состоянием которых внимательно

следили специально назначавшиеся чиновники. Общинники делились на разряды, причем в зависимости от принадлежности к тому или иному из них они облагались налогами и повинностями либо освобождались от них. Немногочисленные рабы имели хозяйство и, что было характерно для древневосточных обществ, обладали практической возможностью со временем и особенно в следующих поколениях изменить свой социальный статус.

Большое внимание, как и митанийцы, хетты уделяли коневодству и изготовлению боевых колесниц. Но главным, самым значительным, даже великим вкладом этого народа в мировую культуру следует считать металлургию железа. В области детальной разработки железоделания хетты не имели себе равных. Более того, есть весомые основания считать, что металлургия железа была изобретением именно хеттов и что из их государства в конце II тыс. до н.э. искусство выплавки железа, положившее начало железному веку, распространилось сперва в Месопотамии и среди соседей-индоевропейцев, в частности греков, а затем и по всей Евразии (несколько позже оно стало хорошо известным и в Африке).

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Находящиеся на стыке Африки и Евразии плодородные земли Западной Азии (Восточное Средиземноморье) издревле являлись стратегически выгодными и во многих отношениях удобными территориями. Стоит напомнить, что именно через эти земли человекообразные когда-то проникли в Евразию, что именно здесь шел важный процесс становления сапиентных людей, что неподалеку от этих земель протекала неолитическая революция. Все это заложило своего рода фундамент для взаимовыгодных контактов, в частности для транзитной торговли, соединявшей через территорию Восточного Средиземноморья различные древние очаги цивилизации, начиная с Египта и Шумера. И далеко не случайно именно в этом регионе в VIII–IV тыс. до н.э. возникали древнейшие поселения земледельцев, часть которых позже превратилась в крупные торговые центры (Иерихон, Библ, Угарит, Эбла, Алалах и др.).

Населенный преимущественно семитами этот регион, со временем заимствовавший египетскую иероглифику и вавилонско-ассирийскую клинопись, всегда вел активную транзитную торговлю, которая и способствовала его выживанию. Со II тыс. до н.э. он

стал источником собственных высоко ценившихся ресурсов, таких как ароматные благовония, смолы, фрукты и вина. Но наиболее значительным из всех них был знаменитый ливанский кедр. Несколько слов о важнейших государственных образованиях Восточного Средиземноморья.

Сирия. Северная часть Восточного Средиземноморья, практически почти не соприкасавшаяся с побережьем и будучи тесно связанной с граничившими с ней территориями индоевропейцев на севере и семитских государств на востоке, Сирия играла важную роль в транзитной торговле. Ее города-государства, включая Дамасский оазис, были населены семитами и мигрировавшими с севера хурритами. В первой половине II тыс. до н.э. здесь в силу сложившегося рода деятельности были уже сильно развиты не только торговые, но и товарно-денежные отношения, кредитно-долговые связи и ростовщичество. Давление на Сирию в середине этого тысячелетия то со стороны митанийцев, то из Египта, особенно в годы правления Рамсеса II, привело к ее ослаблению и частичной потере независимости. На рубеже II–I тыс. до н.э. правители Дамасского царства, возникшего после нашествия арамеев, вели войны то с государством Израиль, то с Ассирией, которой сирийские правители вынуждены были подчиниться. Стоит заметить в заключение, что именно в Сирии приведенный арамеями одомашненный верблюд стал играть важную роль в торговых связях.

Финикия. Значительную часть средиземноморского побережья занимали земли Финикии. Финикийские кораблестроители и моряки рано стали обеспечивать морскую часть западноазиатско-средиземноморской торговли. Расположенные в основном в хорошо укрепленных прибрежных районах, по большей части на территории современного Ливана (Библ, Тир, Сидон и др.), финикийские города-государства всегда покровительствовали частнопредпринимательской деятельности, а также активной колонизации побережья Средиземного моря, в результате чего Финикия оказалась весьма отличной по внутренней структуре от всех остальных древневосточных обществ. В какой-то мере она была на грани трансформации этой структуры в античную. Но все-таки такого рода трансформации в то далекое время (III и начало II тыс. до н.э.) не произошло, хотя стоит подчеркнуть некоторые сходные с античными полисами черты: это заметная роль самоуправления в городах с выбором должностных лиц, слабость власти правителя и немалая значимость богатства

отдельных предпринимателей, не говоря уже о преимущественном развитии мореплавания и о колонизации далеких территорий.

Финикийцы вели в основном мирную торговлю, избегая войн и подчиняясь той из крупных держав, которая оказывалась сильнее других. Но это подчинение чаще всего было полуформальным, не затрагивало устоявшейся структуры Финикии и сводилось в основном к выплате дани, что устраивало обе стороны. Практики порабощения собственного населения в Финикии не было. Зато чужих, особенно в ходе своих дальних морских путешествий, финикийцы охотно брали в плен и превращали в рабов-гребцов (очень тяжелый, каторжный по сути труд, выдержать который даже самые сильные могли лишь несколько лет). Для отчетно-финансовых торговых нужд финикийцы усовершенствовали клинопись, превратив ее в алфавитное письмо, первое в своем роде в истории. Этот финикийский алфавит, в котором вначале — по египетскому стандарту — преобладали согласные, со временем был усовершенствован и лег затем в основу едва ли не всех существующих ныне алфавитных систем письменности.

Палестина. Наибольший интерес из всех стран и народов Восточного Средиземноморья, южная часть которого издревле получила наименование Ханаана и считалась одной из наиболее процветающих древневосточных земель, представляет Палестина. Особо стоит говорить о ее населении, среди которого наибольшую роль с древности играли евреи. Однако начать следует не с них. Более ранними жителями Палестины были ханаанейцы, а также амореи и иные семитские племена, вытесненные из Месопотамии касситами и хурритами еще в середине II тыс. до н.э. Через Палестину проникли в Египет гиксосы, а изгнание их из Египта привело к временному подчинению этой страны египтянами. В частности, Палестину пересек в свое время Рамсес II, чуть было не угодивший в плен к хеттам при Кадеше. В конце II тыс. до н.э. в Ханаане появились так называемые *народы моря*, двигавшиеся с севера вдоль побережья различные племена, среди которых, как полагают некоторые специалисты, были и греки-ахейцы, разрушившие Трою и воевавшие с хеттами. Часть этих племен, и прежде всего филистимляне (возможно, это были пеласги), осели на побережье Палестины, дав этой территории свое имя и познакомив местное население с металлургией железа. И вот в этот момент в Палестине появились евреи.

Библейские предания, откуда известна как вся легендарная, так и более-менее реальная и безусловно заслуживающая внимания исто-

рия древних евреев, упоминают о том, что еще при своем великом праотце Аврааме предки этой этнической общности пересекли Евфрат и стали, выпасая свой скот, понемногу продвигаться через пустынные аравийские земли на запад. В ходе этого продвижения сложилась основа еврейского народа, его 12 колен (по числу сыновей внука Авраама Иакова). Именно при Иакове, как о том красочно повествует Ветхий Завет, евреи в голодные годы прибыли в Египет. Некоторые маститые востоковеды, как, например, Б. А. Тураев, полагали, что сообщения египетских текстов о прибытии в XIV в. до н.э. в долину Нила какого-то семитского племени («в их земле был голод», «они не знали, как прожить») косвенно подтверждают ветхозаветное предание. Как бы то ни было, но, проведя в Египте век-полтора и подвергаясь все большим преследованиям, евреи вслед за своим пророком Моисеем покинули Египет, а покровительствовавший им бог Яхве, согласно Ветхому Завету, активно содействовал им в этом.

Здесь стоит обратить особое внимание на то, что Библия настойчиво напоминает о том, что Яхве евреи считали единственным богом, а себя — избранным народом Яхве. Правда, вовсе не исключено, что легенды об Аврааме и его взаимоотношениях с Яхве, которому он был готов принести в жертву своего единственного сына Исаака и который за это благословил евреев и выделил их среди других народов, более позднего происхождения. Но плен египетский следует считать вполне реальным событием. Не вдаваясь в рассуждения о личности Моисея и приписываемых ему чудесах, особенно важных для спасения евреев в момент их бегства из Египта (манна небесная, вода из скалы, да и многое другое), можно, вспомнив о реформах Эхнатона, предположить, что они сыграли свою роль в становлении монотеизма иудеев.

Но для нас важнее иное: прибыв в Палестину (землю обетованную, будто бы обещанную им самим Яхве), иудеи разгромили и уничтожили живших там филистимлян и ханаанейцев, возможно, потом и ассимилировали часть их. Как бы то ни было, но в результате Палестина оказалась местом, где возникло первое еврейское государство, которое при третьем его правителе, великом и мудром Соломоне (первым был Саул, вторым поразивший пращой великана Голиафа Давид), выстроило в своей столице величественный Иерусалимский храм Яхве. Вскоре после Соломона государство евреев распалось на более значительную по многим параметрам Иудею с центром в Иерусалиме и расположенный к северу от нее Израиль.

Иерусалимский храм и все группировавшиеся вокруг него интеллектуалы иудаизма, жрецы и пророки всегда активно влияли на жизнь евреев. Налоги и повинности были связаны прежде всего с храмом и шли на его благосостояние, тогда как цари постепенно теряли свою реальную власть. Иудеи были, пожалуй, едва ли не первым из народов мира, у которых великая религиозная идея заслонила собой все остальное. Это тот самый случай, когда общество, достигнув определенного уровня развития и воодушевленное охватившей всех идеей, стало консолидироваться вокруг религиозных вождей, что, впрочем, не привело его к теократическому режиму. А Иерусалимский храм стал святыней, равно как и почти столь же свято почитавшиеся иудеями знаменитые десять заповедей, которые, согласно преданию, были сформулированы самим пророком Моисеем, имевшим контакты с Яхве. Ко всему этому необходимо добавить, что великая религиозная идея с монотеизмом в ее основе весьма способствовала сплочению всех евреев, концентрации их повседневного внимания на том, что было связано с Яхве и Иерусалимским храмом.

Храм этот со временем стал не просто религиозным центром, каких было великое множество в ближневосточной древности. Он оказался своего рода хранилищем исторической памяти евреев, местом сосредоточения их чаяний и надежд. Разумеется, иудаизм не заставлял всех евреев заниматься только религиозными делами. Но лучшие, наиболее одаренные и интеллектуально пригодные для хранения и развития ветхозаветных преданий всегда были рядом с храмом, а то и посвящали ему себя всецело. Соответственно эволюция всех остальных сторон жизни общества и еврейской государственности, в частности, шла значительно более медленными темпами и даже не играла столь существенной роли в жизни иудеев, как их храм. Важно также учесть, что в обоих еврейских государствах (существенно заметить, что Израиль в 722 г. до н.э. был завоеван Ассирией и перестал существовать как самостоятельное государство), расположенных на очень небольшой территории благодатной Палестины, было сравнительно немного условий для успешной сельскохозяйственной деятельности. Это обстоятельство наравне с удобным географическим положением Палестины сыграло свою роль в том, что среди иудеев преимущественно развивались торговля и сопутствующие ей товарно-денежные отношения.

Расцвет их вел к появлению кредитных отношений и долговой кабалы, которая вызывала резкие протесты населения. Пафос обли-

чений многих иудейских пророков, активно действовавших в храме и вносивших немалый вклад в оформление иудаизма как религии, был во многом направлен именно против закабаления соотечественников, что привело к ряду реформ (в Иудее в VII в. до н.э. долговое рабство было ограничено шестью годами). Казалось бы, древние евреи понемногу находили оптимальные рамки для своего существования. Однако это длилось не слишком долго.

Иудея, продолжавшая самостоятельно существовать, была небольшим и сравнительно слабым государством. Она не могла долго противостоять крупным соседним державам. Вскоре внешнеполитические события повернулись таким образом, что Иудея была завоевана сначала Египтом, а затем Нововавилонским царством. Правитель этого царства Навуходоносор разрушил храм и в 586 г. до н.э., увел в Вавилон несколько тысяч жрецов и иных интеллектуалов. Правда, вавилонский плен в отличие от египетского, оставившего в ветхозаветных преданиях немало горьких сетований по поводу жизни евреев в Египте, особенно в последние годы перед их уходом из этой страны, длился недолго, около полувека. Завоевавший Вавилон персидский царь Кир II Великий вернул пленников в Иерусалим и разрешил иудеям заново отстроить храм. Период Второго Иерусалимского храма, длившийся около полутысячелетия, был временем дальнейшей консолидации евреев и расцвета иудаизма как развитой монотеистической религии. Но в последовавший вскоре после строительства нового храма период эллинизации и тем более романизации римскими полководцами ближневосточных территорий Иудея оказалась не в состоянии отстоять свое самобытное существование.

Попытки евреев как-то укрепить свои позиции привели к их конфликту с Римом, завершившимся римско-иудейскими войнами, разрушением храма и изгнанием подавляющего большинства иудеев из Палестины. С этого, собственно, и началась иная, принципиально новая жизнь евреев диаспоры, «рассеявшихся», как их теперь именуют. Лишенные храма, они перешли к синагогальной организации, а все знатоки Торы (начальной части Ветхого Завета) и более позднего комментария к нему, Талмуда, стали главами религиозных общин. Из их числа выбирались раввины и иные функционеры иудаизма, в том числе учителя-меламеды, которые сохраняли историческую память, обучая подрастающее поколение основам иудаизма.

ДРЕВНИЕ ПЕРСЫ. МАЗДЕИЗМ И ЗОРОАСТРИЗМ

Иранцы принадлежали, как и митаннийцы и хетты, к одной из ветвей индоевропейской семьи народов. Эта семья, откуда вышли еще почти все европейские общности, начиная с древних греков, а также индийцы, да и многие иные народы, принадлежит к числу крупнейших и внесших огромный вклад в историю человечества. Что касается иранской ветви индоевропейцев, первоначально близкородственной индийской, о чем еще будет идти речь (пока стоит иметь в виду, что оба народа именовали себя, в отличие от остальных индоевропейцев, *ариями*; корень *ар* был в наименовании индоариев, а равноценный ему *ир* — у иранцев), то со временем, как о том свидетельствуют некоторые факты, иранцы не только отделились от индийцев, но и стали враждебными им. Факты, которые имеются в виду, не слишком многочисленны, но зато первостепенно важны. Речь идет прежде всего о наименовании двух основных классов божеств. У индоариев термином *дева* именовали благие божества, термином *асура* вредоносные, а у иранцев, наоборот, *ахура* — это почитаемые боги, включая главного из них, Ахура-Мазду, а *дэва* — злокозненные демоны. Разойдясь в разные стороны, индоарии оказались на юге и осели в долине Ганга, тогда как иранцы расселились в менее пригодных для земледелия степных и гористых пространствах средней Евразии и на долгие времена остались кочевниками, разделившись на большое количество разных этнических общностей. Из числа наиболее известных кочевников иранского происхождения стоит упомянуть, например, скифов.

Очень сложна и неясна проблема происхождения собственно иранской общности, т.е. той, что под именем персов стала в свое время наиболее исторически значимой частью иранцев. Однако новейшие исследования дают основание предположить, что по меньшей мере часть этой общности еще во II тыс. до н.э. откочевала в район восточнотуркестанских песков с их небольшими оазисами, а также, быть может, и в монгольские степи. Именно здесь, прежде всего в Восточном Туркестане, часть кочевников, скорее всего, осела, создав государственное образование так называемых тохаров. О тохарах известно крайне мало. Но то, что известно, свидетельствует об их весьма значимой роли в последующей эволюции иранцев, не говоря уже о вполне вероятных контактах с шанско-чжоуским Китаем, о чем пойдет речь в свое время. Ниша, занятая на некотором

время северо-восточной ветвью древних иранцев, способствовала становлению иранской религии и, как следствие этого, всей будущей цивилизации средневековых персов. Дело в том, что в основе древнеиранской дуалистической религии, маздеизма, лежало противостояние сил огня и света, олицетворенных великим божеством Ахура-Маздой, силам тьмы и холода, связанным с великим демоном Ангро-Майнью.

Происхождение столь жесткого противостояния, уникального в своем роде, специалисты связывают с укладом жизни тех иранцев, которые некогда жили в условиях сурового континентального климата с его контрастом между днем и ночью, летом и зимой. Разница между мраком и светом, теплом и холодом была настолько постоянной и ощутимой, что легко вписалась в картину, согласно которой, по представлениям иранцев, после раскола с родственными им индоариями между ними пролегла глубокая пропасть. Одно противостояние, дополненное другим, усиливало акцент на непримиримости борьбы противоположных природных и божественных сил. Отсюда и берет свое начало дуалистический маздеизм (от имени почитаемого благодетельного божества Ахура-Мазды), принципы которого впоследствии были подробно зафиксированы в священной книге иранцев Авесте, прежде всего в ее древнейшей части, в молитвах и гимнах Ясны и особенно в песнопениях Гат.

Не вполне ясно, насколько широко распространился и как долго существовал первоначальный маздеизм среди многочисленных и порой весьма далеких друг от друга древних ираноязычных общностей и их государственных образований. Но хорошо известно, что великий древнеиранский пророк Зороастр, живший где-то между XI и VII (скорее всего в VIII–VII) вв. до н.э., реформировал его. Нельзя сказать, что эта реформа коренным образом изменила маздеизм. Даже напротив, основная идея древнеиранской религии с ее противопоставлением богов демонам осталась, как и сохранились имена глав сил Света и Тьмы. Но нечто очень существенное Зороастром было внесено, не говоря уже о том, что после его реформы система раннерелигиозных представлений иранцев, пусть далеко не всех, из модификации политеизма превратилась в четко структурированную и развитую дуалистическую религию.

Главной идеей и основной заслугой пророка Зороастра было не только и не столько усиление противостояния между силами Света и Мрака, сколько придание этому противостоянию этической

значимости. Добро и Зло вышли на первый план и были усилены вечной борьбой между Истиной и Ложью. Была создана божественная шестерка эманаций Ахура-Мазды, Амеша Спента (благомыслие, истина, божественная власть, благочестие, целостность как полнота благосостояния и бессмертие), соответственно связанная с шестью первосубстанциями: скотом, огнем, металлом, землей, растительностью и водой, которые были объявлены почитаемыми и чистыми стихиями. Этика, примат нравственности стали основой учения Зороастра. Он восхвалял доброжелательность, мир, дружбу, взаимопомощь, честность и верность, осуждал воровство, злословие, преступления. Именно Зороастр предложил ввести пятикратную ежедневную молитву, при которой взгляд молящегося должен быть устремлен на огонь, как бы сжигающий силы зла. Молитвы должны были сопровождаться восхвалением Ахура-Мазды и проклятиями в адрес Ангро-Майнью.

Возможно первым в истории человечества, если верить Авесте, Зороастр поставил проблему души — после смерти она перебирается в иной мир по узкому мосту Чинват, на котором верный помощник Ахура-Мазды Митра судит каждого по его делам. При этом на весах правосудия взвешивались мысли, слова и дела. Если побеждало добро, душа отправлялась на небо, если зло, она продолжала двигаться вдоль моста, сужавшегося до размеров острия клинка. При этом злобные дэвы в образе отвратительных старух сбрасывали ее в преисподнюю. Что же касается тела покойника, то оно предавалось огню, дабы не осквернить ни одну из чистых стихий (со временем огнепоклонники, как именовали зороастрийцев, отказались и от этого; начали строить каменные башни, где на вымощенные камнем площадки, дабы не осквернять землю, располагали умерших, тела которых пожирали хищные грифы, после чего кости сбрасывали в опять-таки вымощенный камнем ассуарий внутри башни).

Парадоксы древнеиранской религии, будь то первоначальный маздеизм или реформированный зороастризм, в том, что оба ее варианта, судя по косвенным данным, распространялись медленно и далеко не сразу стали фундаментом культурной традиции хотя бы какой-то заметной части иранцев. Это вполне очевидно из всего того, что известно о ранней политической истории персов. Еще раз обратим внимание на то, что об этом периоде их истории известно очень мало, но то немногое, чем располагают специалисты, лишь в очень небольшой степени имеет отношение к религии. Сведения о религии

можно почерпнуть лишь из Авесты, текст которой датируется гораздо более поздним временем, а содержание не дает оснований для выводов о том, какие именно ранние этнические общности и когда придерживались верований, связанных с дореформенным маздеизмом, а какие и когда уже были знакомы с зороастризмом.

Существует представление, что протоиранские общности, очень рано проникшие далеко на северо-восток Евразии, где, скорее всего, и сформировался маздеизм, уже во второй половине II тыс. до н.э. начали мигрировать на запад и юго-запад. Вероятно, там могли существовать в то время многие родственные им протоиранцы. Не исключено, что западные группы протоиранцев приняли маздеизм как религию у мигрантов и что жрецы западноиранских общностей, маги, стали проповедовать именно ее. Хотя может быть, что они знали маздеизм и без того. Как бы то ни было, но иранцы уже в то далекое время представляли собой вполне сформировавшееся общество, состоявшее, как то было и у индоариев с их тремя основными варнами, из трех групп типа каст — жрецов, воинов и земледельцев. Иранские жрецы именовались магами. Не очень ясно, какие именно раннерелигиозные представления лежали в основе их верований.

Не исключено, что они в общем и целом были сходны с теми, что столь хорошо известны из ранней истории индоариев, с которыми до поры до времени, как уже упоминалось, иранцы были очень близки. И вполне вероятно, что после разрыва с индоариями маги стали проповедовать маздеизм. Можно предположить, что знакомство с зороастризмом восточной ветви протоиранцев произошло позже. Но как бы то ни было, факт остается фактом: древние иранские маги задолго до того, как возникли первые государственные образования персов, были уже маздеистами, но еще не зороастрийцами. В этом отношении древние иранцы напоминают иудеев, где сплотившаяся народ религия тоже была первичной, тогда как сколько-нибудь заметные государственные образования — вторичными.

МИДИЯ И ПЕРСИЯ

Первым из сколько-нибудь заметных государств, созданных иранцами, была Мидия. В VII в. до н.э. западноиранские племена, до того находившиеся под властью Ассирии, воссоединились, по сведениям Геродота, под руководством некоего Дейока. Его преемники, ведя борьбу с Ассирией и иными соседними странами и народами, суме-

ли создать крупное по тем временам государственное образование. И хотя это образование вначале было еще очень рыхлым, а племенная знать с большим трудом привыкала к потере своей независимости, государство Дейоки, получившее наименование Мидии, достаточно быстрыми темпами укреплялось. Была отстроена столица Экбатаны, окруженная мощными стенами. Дворец царя внутри нее был, в свою очередь, защищен цитаделью. При царе Киаксаре (624–585 гг. до н.э.) Мидия сумела разгромить Ассирию и покорить немалое количество иных стран и народов, включая Урарту и часть скифов. Она смогла раздвинуть свои пределы вплоть до малоазийской Лидии.

Под власть Мидии попали и располагавшиеся на ее юго-восточных границах этнически родственные мидянам персы, которые, однако, сохранили, как, впрочем, и некоторые другие покоренные страны, определенную самостоятельность, оказавшись в положении местничества. Военные успехи Мидии способствовали развитию этого государства. Боевая добыча и дань с покоренных народов стекались в столицу страны и укрепляли позиции ее правителей. Жрецы-маги в этой благоприятной для них обстановке, скорее всего, развивали основы маздеизма и прежде всего культ Ахура-Мазды, считавшегося покровителем праведного правления царей, энергично расширявших свои пределы и развивавших государство. Однако точных данных на этот счет нет. Выгодная для Мидии и ее правителей политическая конъюнктура изменилась при сыне Киаксара Астиаге (585–550 гг. до н.э.), который столкнулся с недовольством региональной племенной знати, чье обогащение в ходе многочисленных успешных войн способствовало ее усилению. Среди этих недовольных видную роль играли персы.

Персы как часть единой ираноязычной общности были этнически, видимо, наиболее близки мидянам. Более того, есть некоторые основания полагать, что они находились в Мидии, во всяком случае по сравнению со всеми остальными, в привилегированном положении. Еще во второй половине VII в. до н.э. выделился и усилил свое влияние правитель персов Кир I, потомок Ахеменида, которого все персы всегда почитали как своего родоначальника. По некоторым данным, Кир признавал даже авторитет Ассирии, с которой мидяне в то время вели борьбу. Сын Кира Камбиз продолжал политику отца, но взял курс на сближение с правящим домом Мидии, женившись на дочери Астиага. Сын Камбиза Кир II оказался, таким образом, внуком могущественного правителя Мидии, что сыграло важную

роль в судьбах дома Ахеменидов и всех подданных мидийских и персидских правителей.

Похоже на то, что персы были более отсталым народом по сравнению с мидянами. Их общины состояли из традиционных для постнеолитических структур семейно-клановых ячеек, а между этими ячейками существовали крепкие традиционные родовые и родоплеменные связи. Эти связи помогли царю персов Киру укрепить внутреннюю структуру своего регионального государственного союза персидских племен. Собравшись с силами и выбрав удобный момент, Кир начал свою завоевательную политику, за короткий срок принесшую ему мировую славу и превратившую его в величайшего из правителей своего времени.

ДЕРЖАВА АХЕМЕНИДОВ. ЗАВОЕВАНИЯ КИРА II ВЕЛИКОГО И РЕФОРМЫ ДАРИЯ I

Объявив себя в 558 г. до н.э. царем персов и создав таким образом независимое государство со столицей в г. Пасаргады, Кир энергично укреплял созданное им государство. Трудно сказать, что помешало мидийскому Астиагу подавить в зародыше претензии молодого царя и поставить провинциальное наместничество персов на место. Возможно, здесь сыграло свою роль ослабление его могущества под давлением племенной знати. Быть может, на нерешительность царя Мидии повлияла родственная близость с Киrom, женатым на его дочери. Не исключено, что Астиаг просто не ожидал от Кира II столь радикальных решений вскоре после принятия им царского титула. Но как бы то ни было, события развивались быстро. В 553 г. до н.э. Кир начал войну с Мидией, которая завершилась через три года ее гибелью. Затем воинственный царь присоединил Элам и разбил армию знаменитого лидийского царя Креза, того самого, кто чуть ли не первым стал чеканить золотую монету и прославился своим несметным богатством. После присоединения к Персии Лидии, а затем практически всей Малой Азии (кроме разве что населенного греческими колонистами ее западного средиземноморского побережья) и немалой части Средней Азии Кир направил свою армию к Вавилону.

Осада Вавилона привела к быстрой победе благодаря военной хитрости. В 538 г. до н.э. Вавилон пал, а вместе с ним Киру подчинились и многие зависевшие от него небольшие владения. Победитель обо-

шелся с покоренным Вавилоном весьма почитательно, ничуть не помешав его обширным связям и не уменьшив его роли в мировой торговле. Вернув на родину из вавилонского плена иудеев и разрешив им восстановить Иерусалимский храм, Кир приступил к подготовке к войне с Египтом. Держава Ахеменидов (такое название получила империя Кира II Великого после всех его побед) стала самой обширной и могущественной в мире. Египет оставался по существу последним из крупных государств, который еще не был покорен персами. Готовясь к войне с ним и заботясь о том, чтобы обезопасить свои северные границы, Кир выступил против воинственных массагетов и в 530 г. до н.э. погиб в одном из сражений.

Война с Египтом выпала на долю его сына Камбиза II. В огромную армию Камбиза были включены представители едва ли не всех подчиненных персами стран и народов. В его распоряжении находился также и финикийский флот. Египетские войска не сумели должным образом противостоять этому натиску. В 525 г. до н.э. Египет был покорен, а Камбиз стал основателем 27-й династии его фараонов. После этого он начал готовиться к походу на Эфиопию, но тут до него дошли слухи, будто престол в Персии захватил его младший брат Бардия. Приказав немедленно казнить Бардию, Камбиз быстро изменил планы и отправился домой, но по дороге неожиданно умер. В этой критической ситуации в Персии, по некоторым данным, захватил власть маг Гаумата, выдавший себя за будто бы избежавшего казни Бардию.

Традиционная версия о первом из известных истории самозванцев ныне подвергается сомнению. Некоторые авторы считают, что к власти пришел все-таки Бардия. Но как бы то ни было, несколько месяцев после Камбиза державой Ахеменидов управлял то ли Бардия, то ли Гаумата-Лжебардия, который, к слову, успел провести за это время ряд реформ, направленных на укрепление власти центра и ослабление влиятельной знати. Однако после этого он был убит в результате заговора, а к власти пришел представитель младшей ветви правящего дома Ахеменидов Дарий, который стал создателем великой империи. Немногочисленный этнос воинственных персов не смог бы слишком долго удержать под своей властью огромную разноплеменную державу, если бы не мастерски проведенные Дарием I реформы. Как то ни странно прозвучит, но эти реформы имели чисто светский, социополитический характер. Ни маздеизм, ни тем более зороастризм, ставший уже в средневековом Иране национальной ре-

лигией, не были заметным фактором в процессе формирования всей сложной структуры гигантской империи Ахеменидов.

Правда, из некоторых надписей, да и из самого факта существования жрецов-магов, игравших заметную роль в жизни персов (вспомним все того же Гаумату), можно заключить, что с маздеизмом и с культом Ахура-Мазды персы были все-таки знакомы. Но роль религии и тем более зороастризма в жизни всей империи Ахеменидов была по сравнению с более ранними государствами того же региона, начиная с Шумера, ничтожной. Это своего рода парадокс, но тем не менее факт, который нельзя не учитывать. Вообще империя Ахеменидов и при Кире Великом, и при реформаторе Дарии, и после его реформ мало чем напоминала — с точки зрения наличия храмов и роли жрецов, не говоря уже о культе божеств — привычные для древних ближневосточных обществ стандарты. Косвенным свидетельством некоторого знакомства с зороастризмом может служить изображение в гробнице Дария шести его помощников, которых подчас отождествляют с Амеша Спента. Правда, это не слишком убедительно. Что же касается маздеизма и храмов с культом огня, не получившим слишком важного значения в жизни империи, то все это (видимо, вместе с жрецами-магами) персы переняли у мидийцев. А календарь был заимствован ими у вавилонян.

Со временем, однако, храмов огня в империи становилось больше. Когда Александр покончил с империей персов, он «погасил много огней». Впрочем, со спецификой погребения зороастрийцев с пожиранием трупов грифами Александр, согласно иранским текстам, встретился только в Бактрии. Это было нечто новое и для персов. А упомянуть об этом стоит именно потому, что явно помимо них где-то в какой-то форме уже при Кире и Дарии существовала развитая и уникальная в своем роде реформированная Зороастром дуалистическая религия, которой после эпохи Ахеменидов, да и то не сразу, суждено было сыграть важную роль в истории многих народов, но прежде всего самих персов. Однако обратимся к сути реформ Дария и к тому, что стала представлять собой после них империя Ахеменидов. Главный смысл всей реформаторской деятельности нового царя царей, как он себя именовал, сводился к обеспечению господства персов, *кара* (термин, означавший одновременно народ и воинов, что отражает ранний этап развития общества, особенно полукочевого, каким и были персы). Из числа кара формировался весь командный состав армии и ядро административного аппарата империи.

Для облегчения управления Дарий, учитывая опыт ассирийцев, разделил державу Ахеменидов на сатрапии, оставив во главе каждой из них местного правителя. Но при этом он создал пять военных округов, зоны которых не совпадали с границами сатрапий. И если в пределах своих владений вся полнота гражданской власти находилась в руках сатрапов, включая сбор податей, чеканку медной и даже серебряной монеты, то в том, что касалось военной силы, они, за исключением личной охраны, не имели никаких прав. Вся военная сила была сосредоточена в руках подчинявшихся царю царей начальников военных округов. Разграничение гражданской и военной власти усилило державу Ахеменидов, обеспечивая и регулярное поступление налогов в казну империи, и исполнение везде, где это было необходимо, повинностей.

Из заново отстроенной новой столицы Сузы во все стороны империи были проложены стратегически важные дороги с почтовыми станциями, складами и всем необходимым для того, чтобы распоряжения из центра и доклады с мест шли по назначению максимально быстро. А для упрощения канцелярско-деловой переписки Дарий перевел ее на арамейский язык, распространенная лексика которого удачно соответствовала переведенной на алфавитную основу по усовершенствованному финикийскому образцу старой ближневосточной клинописи. Одно лишь столичное казначейство имело право чеканить золотую монету дарик, которая получила хождение не только в державе персов, но и среди греков. Во главе аппарата власти в центре стояли приближенные к царю знатные персы. 10 тыс. их считались привилегированным корпусом армии Ахеменидов, а первая тысяча, в которую входили представители знати, была элитой, своего рода гвардейцами правителя. Начальник этой тысячи, хазарапат, считался самым значительным и высокопоставленным сановником империи, оком государя и его ушами.

Персидские воины с большими полномочиями назначались и в сатрапии в качестве помощников местных сатрапов. Они строго контролировали положение дел в подведомственной им стране и имели право исполнять судебные и иные важные функции. Не приходится говорить, что все персы получали в тех территориях, где они несли службу, солидные владения, обеспечивавшие им немалые доходы. Часть их, как, впрочем, и иных заслуженных помощников правителя, имела при этом налоговый иммунитет. С этим явлением мы встречаемся едва ли не впервые в истории, во всяком случае в столь крупных масштабах.

В империи Ахеменидов с их вышеозначенной и весьма специфической ситуацией с религией не было больших храмов в честь великих божеств, тем более с влиятельными жрецами. В сатрапиях, в том числе таких как Египет или Вавилония, все было иначе. Но в собственно персидских землях дело обстояло именно так. О статусе уже упоминавшихся магов трудно сказать в этом смысле что-либо определенное. Несомненно одно: сплоченной и влиятельной, опиравшейся на богатые храмы корпорацией они не были. И земли, которые во многих сатрапиях по традиции в немалом количестве принадлежали храмам, в самой Персии все считались царскими, т.е. государственными, и обрабатывались специальными работниками, отбывавшими трудовую повинность. Часть их сдавалась в аренду всем желающим. Рабов в империи было немного, и статус их не слишком отличался от обычных грузеников.

Внутренняя торговля и вообще связи в рамках гигантской империи Ахеменидов были хорошо развиты, чему в немалой мере способствовали как налаженная система монетного обращения, так и сеть выстроенных Дарием дорог. Не стоит забывать и о том, что фактически в подчинении империи находилась Финикия с ее огромным флотом, что вместе с египетским флотом превращало государство Ахеменидов в большую морскую державу. К этому стоит добавить, что в окраинных районах империи, нередко населенных сравнительно отсталыми народами, и особенно там, где ее границы были малоосвоенными и малолюдными, создавались своего рода военные гарнизоны или просто военные поселения. В них жили, нередко обрабатывая выделенные им участки земли, представители разных населявших империю народов, нанимавшихся на службу к персидскому царю.

Сложности возникали в империи в западной части Малой Азии. Здесь было много греческих колоний с высокоразвитыми ремесленным производством и античной культурой. Города Милет и Эфес, да и многие другие, резко отличались по своему стандарту от иных населенных пунктов империи, что создавало напряженность в отношениях греков с персами. Уже с начала V в. до н.э. время от времени греки выступали против персидского владычества. И хотя материковая Греция была не в состоянии оказать серьезную военную помощь своим малоазийским колониям, эти выступления изрядно потрепали нервы Дарию и его преемникам, явившись своего рода прологом будущих знаменитых греко-персидских войн, вскоре приведших

к завоеваниям Александра Македонского и положивших конец империи. Впрочем, о греко-персидских войнах и Александре речь пойдет в свое время. Пока же следует в заключение сказать несколько слов о Западной Азии и империи персов в целом.

ЗАПАДНАЯ АЗИЯ И ПЕРСЫ В ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИИ

Регион, о котором идет речь, сыграл огромную роль в развитии тех основ урбанистической цивилизации и государственности, первые очаги которых были созданы примерно тысячелетием, если даже не двумя, раньше в Египте и Шумере. Расцвет ряда семитских и индоевропейских народов, многое впитавших из культуры более ранних центров древневосточной государственности и цивилизации, был важным этапом в истории Востока. Заимствовав из достижений египтян, шумеров и первых семитских государств типа Старовавилонского царства все то, что было ими достигнуто, народы Западной Азии, будь то митаннийцы или хетты, иудеи или финикийцы, сделали большой шаг вперед по пути исторического прогресса. Они сумели добиться успехов в выделке изделий из железа, одомашнили скаковую лошадь и сумели запрячь ее в прочную боевую колесницу, что резко увеличило воинскую мощь боевых отрядов и подчас целых народов вроде гиксосов, касситов, индоариев. Они создали большой морской флот, позволивший наладить не только обширную транзитную торговлю, но и регулярную связь между метрополиями и колониями, чему положили начало, как известно, финикийцы и что сыграло затем огромную роль в истории раннегреческих государственных образований.

Столкновения народов Малой Азии друг с другом и с такими возникшими в результате расцвета транзитной торговли и иных благоприятствовавших этому обстоятельствам крупными державами, как Ассирия, дали толчок появлению больших государств, империй, претендовавших на объединение всех освоенных разными народами ближневосточных территорий. Не сразу и далеко не всем из кандидатов в империи удалось реализовать свои шансы. В ряде случаев, как, например, в Египте времен Тутмосов или Рамсесов, расширение границ долины Нила было кратковременным и не сыграло значительной роли в судьбах как самого Египта, так и соседних с ним стран. Не слишком многого достигла и Вавилония, хотя ей порой

и удавались воинственные набеги вплоть до средиземноморского побережья, о чем свидетельствует судьба Иерусалимского храма и плененных ею иудеев. Но зато имперские амбиции Ассирии оказались весьма результативными, чему явно способствовала хорошо организованная огромная армия и умелая политика, в частности перемещение огромных масс завоеванных народов на новые места.

Однако все эти первые попытки создания крупных империй резко отходят на второй и третий план при внимательном анализе тех достижений, которых добились персы. Собственно, только и именно с появления державы Ахеменидов есть основания говорить о великой империи как принципиально новой гигантской супергосударственной структуре с соответствующими ей формами и институтами.

В целом эпоха империй, в становление которой внесли свой немалый вклад вначале Египет, Ассирия и Вавилония, а затем более всего персы, была новым и очень важным этапом в истории древневосточных государств. Этап этот был естественным результатом постепенного укрепления внутрисоциальной структуры ведущих древневосточных стран, а также развития торговых и культурных связей между ними, распространения тех языков и форм письменности, которые надежно закрепляли эти связи.

Быть может, мы вправе даже сделать предположение, что имперская структура как форма объединения и сближения друг с другом различных народов была не только элементом прогресса, но и значительным шагом вперед во всей истории человечества. И как знать, какие результаты могло бы дать дальнейшее объединение сил и потенциальных возможностей ближневосточных народов, включенных в империю, которая к тому же управлялась, во всяком случае во времена Дария I, весьма разумным образом, если бы не те самые случайности, которыми всегда был столь обильно насыщен исторический процесс. В данном случае речь идет о феномене античности и тех греко-персидских войнах, которые привели к концу постепенно слабевшую и разлагавшуюся (в немалой степени именно из-за длительного противостояния между греками и персами) империю Ахеменидов.

Ведь в тех случаях, когда империя — наподобие, скажем, китайской — сталкивалась со случайностями несколько иного рода, которые не могли уничтожить основное ее цивилизационное ядро, ситуация складывалась иначе. Более того, она вела к принципиально иным результатам в будущем, причем далеком будущем, измерявшемся тысячелетиями. Однако так бывало далеко не всегда. Большая часть

древних империй исчезла почти бесследно. Что было — то было. И всему тому, что было, всегда есть свое объяснение. В нашем случае это объяснение станет абсолютно убедительным, как только мы вплотную подойдем к истории античного мира.

Глава восьмая. ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Ближневосточная древность достаточно явственно отличалась от древней истории одновременно с ней развивавшихся Индии и Китая. Проблема генезиса очагов цивилизации в Индии сложна и неясна. Сложность в том, что индский очаг достаточно поздний и потому не сравним с обоими ближневосточными. Мало того, запутанность и неясность проблемы усугубляется тем, что загадка происхождения шумеров остается, а их собственные смутные представления о восточных корнях (остров Дильмун, ныне Бахрейн в Персидском заливе) сталкивают нас как раз с индской цивилизацией, активно связанной с шумерами через посредство того же Дильмуна. Казалось бы — вот он, корень проблемы. Все вроде ясно. Но на самом деле все не так.

Связи индской цивилизации с шумерами и находки индских печатей на Бахрейне, как и при раскопках шумерских городищ, твердо фиксируют дату — конец III тыс. до н.э. Раньше XXIII в. до н.э. об индском очаге цивилизации данных нет. А шумеры имели свой очаг на много столетий раньше. Возникает естественное предположение, что шумеры не сами пришли с востока, но, напротив, принесли на восток основы своей цивилизации и государственности. Но оно сомнительно и большинством специалистов не принимается, так как разница между обоими очагами слишком очевидна. Эта не слишком понятная ситуация, объясняемая лишь параллельной и отдельной, даже явно изолированной эволюцией шумерского и индского очагов, несомненна, что приходится учитывать. Встает проблема уже не о корнях шумеров, а о корнях индской цивилизации. А она не решается, во всяком случае с легкостью. Есть некоторые данные о неолитических поселениях в долине Инда, но они достаточно невняты. Что можно утверждать, так это лишь то, что очаг цивилизации в этой долине возник поздно и сразу в очень развитой форме, что настойчиво побуждает ставить вопрос не столько о даже неясности, сколько о весьма возможной вторичности этого очага по сравнению с двумя заведомо и доподлинно первичными, египетским и шумерским.

На такой вывод наталкивает не только облик неолита и цивилизации долины Инда, но и время возникновения очага цивилизации, облик этого очага и все то, что касается ближневосточной неолитической революции, влияние которой шло в районах к северу от Двуречья на восток, через Элам в среднюю часть долины Инда, медленно и долго¹. Здесь явно сыграли свою роль расстояния и природные условия, высокие и обширные горные преграды, которые отделяют Ближний Восток от Индии. Нельзя забывать о том, что весь Ближний Восток, если взглянуть на карту мира, особенно физическую, — это очень небольшой район долин великих рек, пустынь и невысоких нагорий (Анатолийского, Иранского). При этом уже восточная часть Иранского нагорья с примыкающим к ней с севера Гиндукушем труднопроходима и малопригодна для жизни.

Тем не менее трудности преодолевались, о чем, в частности, свидетельствует освоение части долины Инда земледельцами и горожанами Хараппы и Мохенджодаро, о которых сейчас пойдет речь. Но стоит принять во внимание, что далее к востоку от Хараппы, которая была, видимо, связана еще с шумерами и, вполне возможно, обязана своим появлением, как и исчезновением, именно этим связям, лежали никому в ближневосточном регионе не известные земли, своего рода *terra incognita*. Это значит, что иного — не ближневосточного зернового земледельческого — неолита долина Инда, скорее всего, не знала. И что именно потому очаг цивилизации в этой речной долине сильно запоздал по сравнению с египетским и шумерским и, похоже, был все-таки многим обязан шумерам. Что же касается северных и восточных частей современной Индии, долины Ганга как их сердцевины, то этот район был освоен еще позже. В сущности, только Александр Македонский в IV в. до н.э. первым из представителей цивилизации к западу от Индии с трудом дошел до ее границ и остановился, не имея уже сил идти дальше.

Неудивительно, что Индия была до того времени — если оставить в стороне изолированные от основной территории Индии Хараппу и Мохенджодаро — практически незнакома как с ближневосточной, так с античной цивилизациями. В лучшем случае она была с ними

---

¹ Важно заметить, что стандартный набор одомашненных злаков и пород скота в долине Инда был ближневосточным и что давался этот набор нелегко и не каждому очагу неолита или цивилизации в отдельности, но распространялся по Евразии в процессе миграций и культурной диффузии.

связана лишь крайне слабо, в форме единичных случайных взаимных проникновений. Неудивительно поэтому и то, что, переходя к рассказу об Индии, мы как бы окунаемся в совершенно иной мир, связанный с ближневосточной цивилизацией лишь частично, своим происхождением. Обратимся после всего сказанного к истории древней Индии.

ИНДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Этот анклав с его для того времени (XXIII–XVIII вв. до н.э.) развитым очагом урбанистической цивилизации виделся специалистам вначале не слишком большим, но со временем оказался много более внушительным, доходящим до океанского побережья. Он всем своим обликом свидетельствовал о бурном, но очень кратком (это важное его отличие от двух первичных очагов ближневосточной урбанистической цивилизации) периоде существования и развитых морских связях. Им он был, судя по всему, многим, если даже не всем, обязан. Они, связи, в ту пору могли быть только с Шумером, через Дильмун, стоявший на пути через Персидский залив к устью Тигра и Евфрата. Наличие морских связей подтверждают верфи, обнаруженные как в Хараппе, так и в других городках анклава, как в приморском Лотхале. В отдельных случаях верфи были связаны с рекой специально прорытыми каналами.

Городские территории имели различные строения, включая укрепленные цитадели, здания храмово-административного предназначения, площади, бассейны, систему оттоков сточных вод (канализация), крупные зернохранилища, ремесленные мастерские, различного рода скульптурные поделки из камня и металла, а также прямоугольные печати с изображениями и надписями. Письменность — около 400 знаков типа иероглифов — не расшифрована.

Специфика хараппского очага цивилизации в том, что он, судя по ряду показателей, держался на внешней торговле, скорее всего с Шумером. Об этом, повторим снова, свидетельствуют печати, которыми закреплялись емкости с товарами, а также наличие верфей, каналов и вообще повышенное внимание к речному и, далее, к каботажному плаванию. И хотя хараппский очаг индской цивилизации вроде бы имел определенные тенденции к расширению, через несколько веков все стало меняться. Торговля, насколько можно догадываться, приходила в упадок, а вместе с ней теряла опору и вся

структура слабо развитого урбанистического общества. Города ветшали. На прежних широких и приходивших в явный упадок мощеных площадях возводились скромные явно крестьянского типа хижины.

Не вполне ясно, что привело индский очаг цивилизации к медленному, но полному исчезновению. Следов насильственной ее ликвидации нет. Конечно, могли сыграть какую-то роль неблагоприятные условия существования. Но, скорее всего, причину следует искать в крушении Шумера. С приходом на его место Старовавилонского царства торговля этого государства, как следует предположить, была переориентирована на более близкие западные районы, а связи с Индом постепенно слабели. Как бы то ни было, но медленное угасание урбанистической культуры в индских городах, о чем свидетельствуют ветшание старых строений и варваризация культуры, удивительным образом совпадает по времени с гибелью Шумера.

ИНДОАРИИ В ДОЛИНЕ ГАНГА. ВЕДЫ, БРАХМАНЫ, ВАРНЫ И КАСТЫ

Примерно в середине II тыс. до н.э., через несколько веков после исчезновения очага цивилизации в долине Инда (сегодня эта территория в основном относится к Пакистану и потому все то, что произошло с Хараппой и Мохенджодаро, может считаться частью именно ее истории), на севере Индостана, в долине Ганга появились индоарии. В отличие от своих хараппских предшественников в долине Инда, этнически связанных, как следует полагать, не только с дравидами и мунда, но и с шумерами, это были племена совершенно иного происхождения. Они пришли с севера, причем, скорее всего, в результате медленной миграции, быть может, нескольких ее волн, и принесли с собой многое из достигнутого индоевропейцами. Индоарии были хорошо знакомы с боевыми колесницами, металлургией, развитым земледелием, скотоводством, ремеслом. Мало того, они отличались необычайно высоким уровнем духовной культуры.

Собственно, именно эта культура на века определила характер и весь общий облик индийской цивилизации, сохранившейся в своем основном виде вплоть до наших дней. Правда, не будучи знакомы в отличие от их предшественников из долины Инда хотя бы с зачатками письменности, арии на протяжении многих веков, быть может, даже тысячелетия с лишком передавали все основные достижения

их духовной культуры изустно. Но это ничуть не помешало тому, что очень высокая культура, принесенная ими с собой и в немалой мере бывшая частью цивилизационных достижений всей гигантской индоевропейской общности, не только не исчезала, но, напротив, постоянно укреплялась и углубленно разрабатывалась. Этому способствовала вся структура общества и тесно связанные с ней ценностные ориентации.

Что касается первоначальной структуры, то она чем-то напоминала древнеиранскую (о близости индоариев с иранцами уже шла речь), но была значительно более развитой и, главное, очень четко выдвигала на передний план долгое время по сути единственных носителей культуры — жрецов-брахманов. Если об иранских магах мало что известно, то жрецы-брахманы, напротив, занимали в жизни индийских ариев наиболее почетное место. Как и древние иранцы, индоарии делились на три основных сословия, получивших наименование *варн*. Представители всех трех варн считались дважды рожденными и принадлежали к общности благородных (именно этот смысл вкладывался в понятие *арий*), что находило свое выражение в обряде инициации¹. Но при этом к первой и главной из варн относились именно жрецы-брахманы, которые были наследственными хранителями высоко ценившейся религиозно-духовной культуры, знатоками вед. Веды, т.е. устные тексты, состоявшие из мантр, гимнов и заклинаний, в которых содержалась веками накопленная и высоко ценившаяся ариями мудрость, а также многочисленные связанные с ними комментарии и толкования (прежде всего упанишады) были основой мудрости брахманов. Различного рода эпические сказания типа Махабхараты и Рамаяны, частично сложившиеся уже позже, тоже, как и веды с упанишадами, считались настолько важными, что вся древнеиндийская культура складывалась под их влиянием. Иногда весь период между серединой II и серединой I тыс. до н.э. именуют ведическим или временем господства брахманизма.

Сущность учения вед (главная из них Ригведа), упанишад и всех других священных текстов и разных комментариев, обычно выучивавшихся наизусть и затем передававшихся из поколения в поколение учеными брахманами их ученикам из той же варны, сводилась к попыткам осознания и объяснения мира. Жрецы из варны брахманов

---

¹ Обряд второго рождения сводился к надеванию на шею подростка шнура, цвет и материал которого соответствовали варне.

стремились понять, что такое жизнь и что такое смерть, в чем смысл земного и неземного существования, как возник мир и что находится вне его. Не вдаваясь слишком глубоко в сущность их мудрых поисков и оставляя в стороне многочисленных богов, которым они поклонялись и приносили жертвы, важно обратить внимание на самое главное. А оно сводилось к тому, что земное существование — это лишь некая скромная видимость, своего рода профанация, унылая бесконечная цепь сменяющих друг друга жизни и смерти. При этом смена происходит в форме постоянной реинкарнации, т.е. перерождений, в которых главную роль играет карма, сумма этических достижений каждого.

Именно карма определяет, кем ты родишься в следующей жизни. Но кем бы ты ни родился, ты все равно рано или поздно умрешь и, возродившись заново, так и не сможешь выскочить из вечного колеса бесконечной сансары. И только очень немногим выдающимся людям, прежде всего самим жрецам-брахманам, которые должны предпринять для этого героические усилия и посвятить немалую долю своей жизни аскезе (*tapas*), может посчастливиться вырваться из колеса сансары и уйти на небо, где господствует Высшая Абсолютная Реальность, владеющий всеми душами Брахман. Только эта безликая могущественная сила, Брахман, посредством мистической эманации через присущие ему лучи-Атманы доходит до индивидуальной души каждого в профаническом мире земного существования и таким образом управляет миром.

Уяснив суть религиозной доктрины древних индийцев, легко понять, что варна брахманов была не только первой и главной, но и исключительной в своем роде. Лишь ее представители имели шанс вырваться из круга сансары и оказаться вне его, в мире Абсолютной Реальности, рядом с Великим Брахманом. Второй была варна кшатриев, чиновников и воинов, фактических предводителей, а позже и правителей всех индоариев, создавших в обширной долине Ганга несколько протогосударственных структур. Кшатрии воевали и управляли осевшими в долине Ганга ариями. Из них выдвигались раджи (цари). Более того, фактическая власть была именно в их руках, но это не позволяло стать варне в целом выше первой, жрецов-брахманов, всегда пользовавшихся в складывавшихся позже государственных образованиях разными привилегиями.

Третья варна дважды рожденных — вайшья — это весь остальной народ, земледельцы, скотоводы, ремесленники. Их усилиями созда-

вались материальные ценности, строились города, за их счет содержались брахманы и кшатрии.

После появления индоариев и укрепления их в основной части долины Ганга сложилась и четвертая варна — шудры. В нее входили все не принадлежавшие к числу благородных и дважды рожденных. Как правило, представителями варны шудр были не слишком многочисленные аборигенные общности (дравиды, мунда), которые отличались от ариев не только этническим происхождением, но и темным цветом кожи. На первых порах низшая варна шудр была в положении изгоев, иногда зависимых, если даже не рабов. Но по мере развития древнеиндийского общества шудры и вайшья понемногу сближались между собой в рамках общей массы не пользовавшихся привилегиями управляемых, т.е. производителей, подчиненных управителям, кшатриям и брахманам.

Социальная структура складывавшегося в долине Ганга нового общества во многом зависела от принадлежности к той или иной варне. Но мало этого. Первоначальное варновое деление со временем не только не исчезло, но, напротив, укрепилось и резко умножилось благодаря появлению каст (*джати*), которые примерно на рубеже новой эры практически полностью вытеснили старые варны. Здесь очень важно обратить внимание на то, что социальные перегородки, отделявшие одни группы, точнее, даже слои-страты населения древней Индии от других, продолжали не просто сохраняться, но и в определенной мере усиливаться, а также умножаться. Во всех, как правило, вначале достаточно небольших государственных образованиях составлявшие их деревни-общины, позже также и города с жившими в них ремесленниками разных специальностей, торговцами и иными группами населения сохранялась первоначальная структура замкнутых каст. Ни в деревне, ни в городе не только не шел естественный в таких случаях процесс интеграции населения при непереносимом социальном контакте и перемешивании жителей, что было обычной нормой для многих других древневосточных обществ, но, напротив, со временем воздвигались все новые и новые перегородки, разделявшие одни группы людей от других.

Появление каст было своего рода альтернативой варнам. На смену четырем прежним стратам пришли сначала десятки, а затем и многие сотни новых. Увеличение количества профессий, присоединение новых территорий и многие другие причины вызвали к жизни систему, имитировавшую столь привычные древние вар-

ны. Суть новой кастовой системы сводилась к тому, что люди одного статуса, вначале обычно только в данной местности, к тому же, как правило, связанные друг с другом общностью занятий, иногда и принадлежностью к нескольким давно связанным между собой брачно-родственными отношениями семейно-клановым структурам, сближались, образуя свою закрытую для посторонних страту. Главной и самой важной особенностью этой страты была строгая эндогамность, что и превращало ее в замкнутую касту. Со временем каста обрала различные совместными обрядами, нормами жизни, включая обязательную взаимопомощь, а также отличными от всех иных элементами одежды или знаками на теле и прочими мелкими, но всегда очень существенными особенностями, позволявшими каждому в Индии отличать члена своей касты от всех остальных.

Так сложилась в древнеиндийском обществе уникальная строго иерархическая (каждая каста имела свое четко определенное место в иерархии многих сотен других каст) и очень дробная вертикальная социальная структура, заменившая систему деления на любые иные более привычные для историков социально-сословные группы. Те, кто по каким-либо причинам оказывался вне сложившейся системы каст, рано или поздно образовывали новую касту, место которой было ниже остальных. Существовали в самом низу общества и касты неприкасаемых, жившие обычно на окраинах поселений, занимавшиеся грязными и ритуально нечистыми работами и потому не смевшие осквернить своим прикосновением представителей привилегированных каст, особенно брахманов, едва ли не каждый из которых имел неписаное, но и не оспаривавшееся никем право убить осквернившего его. Стоит отметить, что статус представителей этих каст был ниже положения кабальных и иных рабов, ибо каждый из таких рабов имел право на отношение к себе в соответствии с его принадлежностью к той либо иной из каст. Неприкасаемые же были ниже всех каст.

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ОБЩИНА

Социальная и политическая история Индии, равно как и особенности социальной структуры внутри древнеиндийской деревни-общины, слабо представлены в источниках, подавляющее большинство которых в силу упоминавшейся уже общепризнанной системы ценностей не только до появления письменности, но и по-

сле этого уделяли львиную долю внимания религии и религиозно-философским теориям, о которых еще будет сказано более подробно. Поэтому достаточно сложно сказать, в каких условиях жили земледельцы и на каких основах функционировала община. Впрочем, учитывая практическую неизменность внутриобщинных норм, сложившихся с возникновением кастовой системы, можно предположительно судить об этих основах, используя данные более позднего времени, когда они были детально изучены английскими исследователями.

Индийская община ныне заслуженно привлекает внимание тех, кто изучает общинный быт крестьян постпервобытной эпохи. И едва ли не главная причина этого — ее консервативность. Начнем с того, что в рамках индийской общины обычно объединялись несколько соседних деревень, причем во главе объединения стояли старейшины, панчаят. Как правило, земельные угодья общины находились в пользовании составлявших ее семей земледельцев, которые принадлежали чаще всего к разным кастам. Обычно полноправными были представители одной господствовавшей в общине касты, прибиравшей всю землю к рукам, а другие оставались в положении арендаторов или батраков. Но это не значит, что землевладельцы не обрабатывали свой участок, быть может, за исключением брахманов тех каст, которым не следовало заниматься физическим трудом. То же касается и других необходимых совместных работ (очищение территории от быстро растущих джунглей, строительство дорог, храмов, каналов, защита деревни и ее имущества и т.п.).

Словом, главным было членение на касты, и потому внутри деревни обычно не было равенства. Неравным был кастовый статус ее членов, различались своими размерами семейные группы, различными по размеру были и земельные участки. Все это приводило к тому, что верхушка общины, которая часто была и кастовой верхушкой, могла позволить себе не переутруждаться на сельскохозяйственных работах и сдавать свои участки или часть их в аренду. Кроме полноправных и всех прочих общинников, богатых и бедных, в каждой общине были неполноправные работники, наемные или купленные (если речь шла о рабах). Они не имели земли и принимали участие в работах по обслуживанию многообразных потребностей общины. В каждой общине могли быть свои ювелиры, кузнецы, горшечники, плотники, цирюльники, прачки и т.п., вплоть до упоминавшихся уже неприкасаемых, исполнявших функции золотарей, мусорщиков, кожемяк и др.

Важной особенностью индийской общины была специфическая и восходившая к реципрокному обмену глубокой древности система расплаты за услуги. Получившая впоследствии в Индии наименование *джаджмани*, эта оригинальная система сводилась к тому, что все члены общины имели право на получение от каждого из обслуживавших их той суммы услуг, которая соответствовала значимости касты каждого из них. В обмен на это предоставлявшие услуги члены общины получали от нее только то, что им было положено по их статусу (неприкасаемые, рабы) или по соглашению (если это были наемные работники). Таким образом, в обмене услугами не было места эквиваленту: именно престиж, каста заказчика определяли количество и качество услуг, оказывавшихся ему и всей его семье.

Эти специфические особенности индийской общины не слишком, однако, влияли на ее внутреннюю стабильность. Каждый привычно получал то, что соответствовало его статусу (касте), а все вместе члены общинной деревни ощущали себя достаточно сплоченным и гармонично устроенным социальным организмом. Они вместе справляли религиозные праздники, и, главное, никто из них никогда не сетовал на неравенство. Ведь это неравенство было заложено великим законом кармической сансары: ты рожден тем, кем должен был родиться. Твоя каста соответствует той карме, которую ты и твои предки-предшественники обрели. В будущем все может сложиться иначе, причем многое зависит от тебя самого, т.е. от того, насколько ты будешь соблюдать законы религиозной этики и тем улучшать свою карму.

Завершая тему о традиционной индийской общине, как правило, многокастовой и в миниатюре олицетворявшей все общество, важно обратить внимание на замкнутость и самодостаточность этого крайне специфического социально-производственного образования. Община сама обслуживала все свои нехитрые нужды и платила за это государственным чиновникам шестую долю своего ежегодного дохода. Практически она более ничем не была обязана государству и во многом именно вследствие такого рода замкнутости оказывалась практически безразличной к тому, что творилось за ее пределами. Ей было все равно, какой правитель придет завтра и как изменится политическая обстановка в стране. Ей было важно лишь сохранение высоко ценимой ею консервативной стабильности и неизменность того *status quo*, при котором она была обязана внешнему миру лишь сравнительно незначительной долей своего дохода. Соответственно

такой структуре не слишком уютно чувствовали себя древнеиндийские государства. Обратимся к их краткой характеристике.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Первые наиболее ранние государственные и племенные образования возникли в Индии, видимо, на рубеже II–I тыс. до н.э. К числу самых древних из них относятся так называемые ганы и сангхи, которые являли собой племенные сообщества с выборными предводителями. Есть сведения, что в начальный период формирования племенных и тем более протогосударственных структур четкие различия в функциях между кшатриями и народом (вайшья) еще не окончательно сложились, во всяком случае в том смысле, что, кроме сражавшихся на боевых колесницах профессионалов-кшатриев, в военных действиях в качестве сопровождавшей колесницы пехоты принимали участие и представители народного ополчения.

Вскоре на смену ранним протогосударствам пришли более развитые, которые представляли собой уже вполне сложившиеся структурированные общности во главе с наследственными вождями, раджами. Правда, рядом с этими раджами продолжал существовать влиятельный совет знати, паришад. Важно принять во внимание то, что функции варн, особенно кшатриев, к этому времени уже оформились. Ушло в прошлое народное ополчение, а армия стала комплектоваться из профессионалов-кшатриев. Процесс последующего развития естественно вел к столкновениям между протогосударствами и к возникновению более крупных и сложных по внутренней структуре ранних государств, соперничество между которыми опять-таки вело к усилению некоторых из них за счет остальных. В середине I тыс. до н.э. в долине Ганга самыми сильными государствами были Кошала и Магадха, а в IV в. до н.э. место сильнейшего заняло государство Нандов. Обилие войн имело заметные последствия, особенно в том, что касается воинов-кшатриев. Существенно обратить внимание на то немаловажное обстоятельство, что, если первые раджи складывавшихся в долине Ганга государств были, как правило, из числа наиболее заметных и удачливых представителей варны кшатриев, то в дальнейшем ситуация в этом отношении менялась. И дело здесь было вовсе не в том, что варна кшатриев потеряла свое значение и влияние. Важно учесть нечто иное.

Исторический процесс всегда предполагает непредвиденные случайности. Вспомним, как создал свою крупную державу в Шуме-

ре никому вроде бы вначале не ведомый и даже неизвестно откуда взявшийся Саргон Аккадский. Нечто подобное могло происходить и в древней Индии, где количество кшатриев хотя бы в результате непрерывных войн понемногу уменьшалось, а сформировавшаяся уже замкнутая структура деревенских общин, которые по традиции в войнах более не участвовали, увеличению числа воинов не способствовала. В итоге терявшая свое былое могущество варна кшатриев, похоже, все чаще оказывалась не в состоянии дать должный отпор захватчикам, что проявилось уже в середине I тыс. до н.э. Известно, в частности, что держава Нандов была основана выходцем из варны шудр. Характерно, что после кратковременного периода господства ее заменила держава Маурьев, во главе которой тоже был не представитель ариев, а выходец из варны шудр Чандрагупта. Согласно преданию, он был в контакте с Александром Македонским, а после смерти великого завоевателя стал зятем Селевка, принадлежавшего к числу тех немногих преемников Александра, диадохов, кто поделил созданную им великую империю.

Держава Маурьев достаточно долго (во всяком случае, по индийским меркам) была крупнейшим политическим образованием в северной Индии, просуществовав около полутора столетий, с 317 до середины 80-х гг. II в. до н.э. И поскольку Селевк послал к Чандрагупте своего посла, грека Мегасфена, сообщения о внутреннем строе созданной Маурьями державы, составленные этим послом, позволяют более полно представить себе ее внутреннюю структуру и политический строй. Впрочем, знакомству с державой Маурьев способствует и то немаловажное обстоятельство, что от периода правления внука Чандрагупты Ашоки (268–231 гг. до н.э.) остались письменные источники, эдикты самого Ашоки и некоторые иные (правда, немногочисленные) тексты¹. В эпоху Маурьев в Индии уже существовала алфавитная письменность, санскрит. И написанные на нем источники сообщают данные о державе Маурьев. Если начать с эдиктов (высе-

---

¹ К числу таких текстов иногда относят Архашастру — трактат, в котором очень подробно, подчас с неправдоподобными деталями, описывается государство Маурьев. Авторство трактата по традиции приписывается брахману Каутилье, который будто бы был одним из помощников Чандрагупты. Современные исследователи сомневаются в авторстве Каутильи и склонны датировать трактат более поздним временем, началом новой эры, не говоря уже о сомнениях по поводу того, насколько соответствуют его данные применительно к периоду существования державы Маурьев.

ченые на камне, они обычно ограничивались краткими сообщениями об этических достоинствах Ашоки и призывами следовать им), то важно отметить места их обнаружения. Они встречаются чуть ли не на всей территории Индостана, вплоть до южных пределов Декана. Создается впечатление, что держава Маурьев была гигантской империей.

На деле все обстояло иначе. Походы в безлюдные либо малонаселенные примитивными этническими общностями далекие от долины Ганга регионы не мешали Ашоке или его полководцам поставить очередной каменный обелиск с непонятными местному населению знаками. Но на самом деле государство Маурьев ограничивалось все той же долиной и к тому же явно не было империей. Возможно, это государство имело более или менее развитый центральный аппарат администрации и существовавшие в определенной зависимости от него провинции, которыми управляли либо наместники Ашоки, либо местные раджи, как наследственные, так и выборные (если в качестве зависимых провинций выступали ганы и сангхи).

Есть сведения, что Ашока уделял внимание организации судопроизводства и кодификации некоторых норм права. В основе права лежало понятие дхармы, т.е. долга, правил кармической этики. В число этих правил Ашока включал религиозную терпимость. Многие данные свидетельствуют о том, что сам Ашока не был ревностным последователем устоявшегося в Индии с глубокой древности брахманизма, но к концу жизни все более склонялся к поддержке только-только набиравшего силы буддизма. О причинах этого пойдет речь чуть ниже.

Пока же стоит заметить, что держава Ашоки была внутренне непрочной и вскоре после его смерти развалилась. Вслед за ней быстро рассыпалось и выступившее в качестве ее преемника государство Шунгов. А затем наступило время правления пришлых иноземцев. Сначала долина Ганга испытала вторжение с запада гандхарских греко-бактрийцев, затем северо-восточных юэчжей (кушанов), закрепившихся на севере страны на несколько веков. Кушанское царство мало известно исследователям. Источников почти нет. Специалисты знают главным образом лишь то, что при могущественном правителе Канишке, который, как и Ашока, покровительствовал буддизму, на севере Индии был проведен знаменитый IV буддийский собор, на котором приобрел свои отчетливые очертания буддизм Махаяны («Широкий путь к спасению»).

Буддизм Махаяны, который был явно более склонен к возвышению роли этической нормы (он признавал существование бодисатв, призванных помогать людям искать путь к спасению, а также делил загробный мир на рай и ад, что свидетельствовало о его небезразличии к понятиям «добро» и «зло»), отныне твердо противостоял чуть более раннему южному буддизму Хинаяны («Узкий путь к спасению»), который весьма спокойно отдавал явственное предпочтение в обретении спасения и тем более нирваны только монахам и игнорировал вклад мирян. Впоследствии именно махаянистский буддизм преобладал в Китае и странах, тяготеющих к китайско-конфуцианской цивилизации. Что же касается Кушанского царства, то оно пало примерно в середине II в. н.э. После этого Индия вступила в полосу длительной политической дезинтеграции, пока в IV в. не появилось государство Гуптов, структурно пытавшееся подражать Маурьям.

В отдельных источниках, причем не только индийских, сохранились сведения о торговых связях Индии с некоторыми странами к западу от нее. Из этих и иных данных явствует, что в городах долины Ганга производились различные высококачественные товары — шерстяные и хлопчатобумажные ткани, изделия из железа, ювелирные изделия. Высокое мастерство древнеиндийских ремесленников находило свое проявление в умелой выделке изделий из слоновой кости, использовавшихся в качестве украшений и раритетов. Выделялись своим качеством разнообразные монеты, в основном копировавшие эллинистические образцы. Появлялись пусть немногие, но заметные монументальные сооружения из камня, что в первую очередь имело отношение к возведению различных храмовых построек и буддийских монастырей.

Существовала развитая торговля. Но в отличие от ближневосточной она, как правило, не была транзитной. Обычно за индийскими товарами приезжали торговцы из эллинистического Египта, порой даже из Рима (об этом, в частности, упоминал Плиний Старший). Лишь в первые века нашей эры индийцы, освоившие кораблестроение и попытавшиеся наладить морское судоходство, стали поддерживать торговые связи с некоторыми находившимися к востоку от Индии близлежащими странами южных морей, в частности с Индонезией. Вполне вероятно, что эти торговые пути были связаны с религиозными интересами и соответствующим направлением в сторону Юго-Восточной Азии буддийских (хинаянистских) и раннеиндуистских миссионеров и прочих мигрантов.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Здесь самое время подробнее остановиться на том, какую роль в политике и всей жизни древнеиндийского общества играла религия. Частично об этом уже было сказано в начале главы, когда шла речь об основных ценностях в цивилизации Индии. Но сказанного явно недостаточно для того, чтобы представить всю оригинальность этой цивилизации, основные черты которой сохранились до наших дней. Поэтому еще раз обратимся к религии.

Вся социальная структура общества с ее варнами и заменившими их на рубеже нашей эры многими сотнями каст, а также с кастовыми особенностями деревенских общин и городских корпораций-*шрени* была теснейшим образом связана с религиозными нормами. Имеются в виду религиозные представления и институты пришедших в долину Ганга индоариев. Более того, вся духовная культура древнеиндийского общества, ее социальные, политические и иные институты были не просто связаны с глубочайшими основополагающими религиозно-философскими идеями, но и оказывались ориентированными таким образом, чтобы способствовать углублению и развитию именно этих идей. И это было не просто исступленное стремление отдать себя богам. Напротив, боги существовали как бы сами по себе и контактировать с ними более тесным образом было делом почитаемых всеми жрецов-брахманов, количество которых в обществе имело явную тенденцию к росту. А генеральная сущность идей сводилась к величайшей из них, к карме и кармической этике, соблюдение которой могло способствовать улучшению жизненного стандарта каждого индийца после смерти, в его будущем перерождении.

Уже говорилось о том, что желать лучшей доли не приходилось разве что брахманам, которые могли к концу жизни уйти от мира, стать отшельниками, накопить запас тапаса и тем самым попробовать вырваться из вечного круга сансары с ее профаническим бытием и оказаться в мире Абсолютной Реальности рядом с Великим Брахманом. Остальное и численно абсолютно преобладающее население, включая высокопоставленных кшатриев, вайшьев, все возраставших численно шудр, а после трансформации варн в касты подавляющее большинство средних и низших по стратиграфической иерархии каст, могло надеяться только на улучшение кармы и удачу в очеред-

ном повороте вечного круга сансары. Эта уникальная постановка вопроса, причем не столько о жизни и смерти, как то может показаться на первый взгляд, сколько о социальном статусе, о довольстве или неудовлетворенности реальной жизнью, рождала в сложном и увеличивавшемся обществе серьезные проблемы, которые в других обществах нередко вызывали социальные взрывы.

Суть дела в том, что удачно скроенная идея кармы и тесно связанных с ней варн и каст вела к тому, что в отличие от других обществ не только в древней, но практически во всей истории Индии, кроме разве что последних веков, не было социальных бунтов, тем более гражданских войн. За что и с кем воевать? Чего требовать от жизни, если во всем виноват ты сам со своей кармой? Что заслужил — то и имеешь. Это понимали абсолютно все, включая неприкасаемых. И все терпеливо несли свой крест, надеясь в награду улучшить карму и свою долю в будущем.

Согласимся, что для стабильности общества и устойчивости политической системы такого рода религиозно-цивилизационные ценности были подарком судьбы. Казалось бы, политическая структура в таком обществе могла и должна была быть сильной и нерушимой. На деле, однако, было иначе. Причем, как то ни покажется парадоксальным, именно из-за этих самых религиозно-цивилизационных почитавшихся практически всеми ценностей. Почему же? В чем смысл парадокса?

Вдумаемся в ситуацию. Уже на заре истории деление общества на варны, столь логичное для своего времени, ослабило прежде всего военную мощь индийских государств. Выбывавшиеся в ходе военных столкновений из рядов живых, к тому же, надо полагать, чаще всего в юном возрасте, воины-кшатрии физически не успевали восстанавливать профессиональное войско. Отсюда, видимо, помимо прочего, типичные для древнеиндийской политической реальности слабость и кратковременность существования государств и приход на смену арийским правителям иноземцев, т.е. представителей варны шудр. Само по себе, если не считать унижительность самой ситуации для правителей, это было бы еще терпимым. В конце концов не все ли равно, кем тебя считают, если в твоих руках власть. Однако в том-то и дело, что не все равно. Духовно-религиозные ценности — не пустая бумага с некими правилами, которые можно и не соблюдать, с которыми могущественные государи вполне могут не считаться. Это нечто много более важное, нежели то может показаться в наши дни. И тот, кто при-

надлежал к варне шудр, не мог быть довольным своим положением. И хотя в реальности эта ситуация смягчалась, а придворные брахманы помогали правителю как бы перестать чувствовать — да и быть в глазах подданных — шудрой, некоторая горечь не могла не оставаться. Правитель из числа шудр в варно-кастовой Индии не мог вовсе забыть о том, что он не дважды рожденный арий, особенно будучи окруженным свитой из брахманов и кшатриев, которые имели полное право считать себя находящимися на неизмеримо более высоком уровне шкалы признанных в стране социополитических ценностей, чем вышедшие из числа многочисленных чужеземцев-шудр невесть откуда явившиеся новые правители.

Ситуация осложнялась еще и тем, что кшатрии тоже не были довольны — и уменьшением численности своей варны, и безоговорочным верховенством варны брахманов, монополизировавших право общаться с богами и разрабатывать религиозно-философские идеи, свято чтимые всем населением. В отличие от членов варны брахманов, которые могли, устроившись у ног учителя (так переводится слово «упанишад»), годами знакомиться со всей великой мудростью вед, упанишад и иных священных текстов брахманизма, кшатрии не имели на это права. Будучи раджами, военачальниками и высшими чиновниками, они практически не имели доступа к интеллектуальным ценностям. В результате в обществе возникала внутренняя напряженность, грозившая политическими конфликтами. Но выше только что шла речь, что кармическая этика снимала любую такого рода напряженность. Так как же нужно все это понимать? В чем все же смысл парадокса ситуации?

Разумеется, выступить прямо против идеи кармы кшатрии не могли, не смели и помыслить. Но они могли пойти иным путем, а именно попытаться выработать и предложить обществу иную религию, многое взявшую от всем известных основ брахманизма, прежде всего идею кармы и стремление освободиться от круговорота сансары, и в то же время противостоящую ему. Именно это и было сделано. В результате появились не только различные религиозно-философские школы и направления вроде веданты, санкхьи либо йоги, но и высокоразвитые полнокровные религиозные системы, такие, как буддизм и его двойник джайнизм, которые вместе бросили вызов уже исчерпывавшему себя брахманизму.

Легенды о происхождении буддизма связывают возникновение этой религии с прозрением Сиддхарты Гаутамы, юного сына раджи.

Проведя бурную и беспечную юность во дворце, юноша как-то встретил на своем пути умершего, больного, изможденного старика и погруженного в нелегкие раздумья аскета. Эти четыре встречи, согласно преданию, перевернули образ мыслей и жизни беспечного принца. Узнав, что в мире господствуют несчастья, что им правит страдание, он, облачившись в грубые одежды, ушел из дома и стал искать истину. Однажды, сидя под деревом Бодхи, Сиддхарта испытал озарение и познал главное: миром правит страдание, причина страданий — сама жизнь с ее неудовлетворенными страстями и желаниями. От этой полной страданиями жизни с ее страстями можно уйти, лишь погрузившись в некое новое состояние вечного бытия, в нирвану, причем существует путь, пусть долгий и нелегкий, следуя которому можно достичь нирваны. Познав эти четыре великие истины, Гаутама стал Буддой, т.е. Просветленным. Скоро он оказался окруженным учениками, поверившими в его идеи и принявшими путь отшельника-монаха.

Связав себя строгими заповедями и ограничив во всем, группы таких монахов собирались на период дождей в небольших уединенных местах, где обменивались благочестивыми размышлениями и создавали общины нищих бхикшу, вначале большую часть времени странствующих, лишенных всякой собственности и всех мирских привязанностей. Позже центром пребывания бхикшу стали специально строившиеся ими большие монастыри, где существовала своя иерархия, был строгий устав и где монахи проводили почти всю жизнь, сочиняя и изучая священные сутры и ища путь к спасению.

Легенды обычно не жалеют красок. Традиция считает, что буддизм возник где-то в VI–V вв. до н.э. Однако похоже на то, что это произошло чуть позже, незадолго до правления Ашоки, который активно покровительствовал буддизму. Именно он во многом содействовал его распространению и процветанию, причем делал это, скорее всего, потому, что в этой новой и явно противопоставленной брахманизму с его варнами и кастами религии он справедливо увидел доктрину, не признающую ни варн, ни каст. Все равны и каждый может найти путь в нирвану. И второй великий покровитель буддизма Канишка, скорее всего, по той же причине (он тоже был для его индийских подданных шудрой) активно поддержал IV буддийский собор и содействовал видному теоретику буддизма Нагарджуне в организации учения, создав новый его вариант — Махаяну.

Аналогичным образом, видимо, обстояло дело с джайнизмом, основание которого приписывается кшатрию Махавире Джине и да-

тируется легендарными преданиями примерно тем же временем, что и Просветление Будды. Сходство джайнизма с буддизмом в том, что эта религия тоже отрицала варны и касты. Некоторое различие — в отношении к карме. Если для буддиста карма оставалась важнейшим регулятором этической нормы, то джайны, признавая факт ее существования и, более того, чуть ли не обожествляя саму идею кармы, доводя ее тем самым в своей практике до абсурда¹, стремились избавиться от нее, считая ее частью всего материального. А важность освобождения от всего материального была в том, что только после этого джайн мог рассчитывать достичь конечного этапа спасения, мокши (своеобразный эквивалент буддийской нирваны).

Судьбы буддизма и джайнизма при всем сходстве причин, которые способствовали появлению на свет обеих религий, оказались весьма разными. Джайнизм с его слишком усложненной теорией не способствовал обретению большого числа последователей, он остался в истории Индии и дожил до наших дней в качестве своего рода небольшой секты. Это, впрочем, не мешало и не мешает по сей день оказывать немалое уважение его наиболее почтенным представителям, дигамбарам, которые в борьбе с материальным началом не только ходят абсолютно голыми, но и освобождаются от волос, которые тщательно выщипывают добровольно сопровождающие их почитатели. Буддизм в обоих его вариантах, напротив, стал одной из наиболее массовых мировых религий. Однако в самой Индии он не прижился, будучи сравнительно мирно, хотя и далеко не сразу, вытеснен из страны, население которой, ставшее после трансформации брахманизма индуистами, предпочло сохранить систему каст.

Трансформация брахманизма в индуизм с его тремя основными (Брахма, Шива и Вишну) и великим множеством остальных богов, которым служили в посвященных им храмах потомки тех самых жрецов-брахманов, что прежде занимались изучением вед и упанишад, сыграла в истории Индии намного более важную роль, чем происходившие в то же время политические события. Это хорошо вид-

---

¹ Все джайны были строгими вегетарианцами, а наиболее почитаемые из них заботились о том, чтобы им в рот не попала мошка или еще какое-либо живое существо. Иногда перед ними их почитатели подметали тропинку, чтобы они невзначай не раздавили кого-либо из живых существ. Идея ахимсы, т.е. боязнь причинить вред кому-либо живому, столь свойственная индуизму, пришла именно от джайнов.

но хотя бы из того количества текстов, которые были посвящены тому и другому. История Индии в этом смысле — это история религий, история религиозно-философских идей, но не политическая или тем более экономическая или социальная история. И рутинные политические события, и особенно крайне замедленными темпами эволюционировавшие (во всяком случае, до вторжения мусульманских завоевателей) экономические либо социальные процессы мало интересовали тех, кто имел отношение к тому, чтобы как-то запечатлеть историю страны. В тандеме «религия и политика» в Индии религия занимала бесспорное первое место.

СПЕЦИФИКА ИСТОРИИ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Собственно, все вышесказанное уже достаточно полно характеризует эту специфику. Остается разве что подвести итоги и как бы расставить все по своим местам. Что наиболее характерно для древнеиндийского общества, его традиционной культуры и норм повседневного существования? И что из этого свойственного именно древней Индии отличает ее, подчас очень значительно, от древних стран Ближневосточного региона, о которых уже достаточно подробно было сказано выше?

Первое, что бросается в глаза, — это оригинальная социальная структура. Казалось бы, все аналогично: есть правители, жрецы, чиновники, простой народ, включая земледельцев, скотоводов и ремесленников, а также неполноправные, зависимые, рабы. Все вроде бы те же самые элементы обычной социальной структуры, вполне возможно, что в той же пропорции, и совершенно ясно, что в основном с теми же функциями. Но на самом деле все не так, в лучшем случае не вполне так, как в ближневосточной древности. Правители не чувствуют себя безусловно легитимной вершиной власти, государства и общества. Жрецы практически не принимают участия в хозяйственной жизни страны и не претендуют на место в политической жизни. Бывали сравнительно редкие исключения вроде легендарного Каутильи, автора Артхашастры. Но и он, занимаясь, как о том свидетельствует содержание его трактата, экономикой и политикой и находясь к тому же едва ли не на высочайшем месте в системе социополитической иерархической шкалы, оставался при этом прежде всего брахманом.

Народ не принимал участия в войнах и был настолько замкнут в рамках своих крупных по размеру общинных структур, что практически не только мало зависел от власти, но и, что гораздо хуже для нее, относился безразлично к тому, кто именно сегодня стоит у власти. Кто стоит — тому и дают его законную шестую долю дохода. И все. На этом в основном взаимоотношения между народом и властью, т.е. кшатриями, кончаются. Высокий статус чиновника и воина (кшатрия, затем других) становится более чем сомнительным при таком раскладе. Кшатрии мало того, что не способны одни защитить государство, они к тому же постепенно уменьшаются в числе и, что намного хуже, теряют свое прежде весьма высокое место в обществе, которое в странах ближневосточной древности всегда было более чем завидным. Их место понемногу занимают выходцы из других варн и каст, включая удачливых завоевателей, чужеземцев-шудр. И хотя все кшатрии и частично занявшие их позиции чужеземцы, вплоть до раджпутов, а затем и мусульман, т.е. правители, знать и чиновники, в материальном отношении вполне устроены, в сфере духовного комфорта они с точки зрения коренного индустского населения не то чтобы нелегитимны, но не вполне свои или даже вовсе не свои.

Иное дело — жрецы-брахманы. В отличие от правителей, знати и чиновников они не просто считались священными хранителями духовных ценностей именно своей, индоарийской цивилизации. Все брахманы, как варна, а затем совокупность десятков высших каст, глубоко почитались за их выдающиеся знания и умение совершать необходимые людям религиозные обряды. Обряды эти в соответствии с восходящей к глубокой древности традицией, щедро оплачивались, не говоря уже о том, что многие из брахманов жили в рамках тех же деревенских общин, пользуясь всегда там исключительными правами и привилегиями. И разве что самые низы, неприкасаемые и рабы, занимались тем же, что и повсюду. Но здесь существенно заметить, что доля вроде бы имеющих некоторые права и не являющихся ничьей собственностью неприкасаемых едва ли не хуже, а то и намного хуже доли обычных рабов, имеющих, как то и принято было на всем Востоке, свой дом, семью, хозяйство и даже некоторые социально-правовые перспективы.

К сказанному стоит добавить, что и выходцы из брахманских каст в случае их непригодности для постижения глубокой мудрости либо наличия черт характера, способствовавших растраниванию

их имущества до такой степени, что они переходили в положение кабальных должников, могли оказаться рядом с рабами. Но при этом — снова нечто удивительное! — хозяин обязан был обращаться с таким кабальным работником не как с рабом, а как с брахманом.

Наконец, обратим внимание на неизменную и со временем все укреплявшуюся, практически нерушимую (хотя и численно со временем постоянно возрастающую) варно-кастовую систему, которая одна только и способна была всех поставить на свои места. В пределах четырех древних варн чужеземца-шудру, даже если он был могущественным правителем Индии, формально, несмотря на смягчающие обстоятельства и различные манипуляции, никак нельзя было поставить выше трех варн дважды рожденных ариев. В системе же из многих сотен каст потомки бывших высокопоставленных чужеземцев-шудр, если они оставались в числе влиятельной знати или корпуса чиновников, могли, видимо, обрести в рамках стратиграфической шкалы более высокое место, хотя все это было делом далеко не простым. Шкала была не то чтобы незыблемой, но все же необычайно прочной — за каждое место из многих ее сотен, если какая-либо каста имела основание и пыталась подняться выше, приходилось долго и жестоко бороться. Как правило, каждая новая каста, составлявшаяся из изгоев из разных каст, внебрачных детей либо представителей вновь присоединенных к Индии южных варварских племен и т.п., оказывалась на нижней ступени шкалы.

Результаты этой специфики социополитической структуры были очень неоднозначными. С одной стороны, они вели к ослаблению политической стабильности и к легкости смены высшей власти в стране. Но это обстоятельство никак не сказывалось, по крайней мере до появления в Индии мусульманских правителей, на существовании основной массы населения и на тех традициях, которые завоевателям приходилось принимать как давно сложившуюся и нерушимую данность. С другой стороны, слабость политической структуры никак не влияла на цивилизационные основы, заложенные ариями в глубокой древности. Священная корова оставалась священной при любых правителях. Брахманы оставались брахманами, варны и касты — варнами и кастами. В письменных памятниках, начиная с эдиктов Ашоки, не было принято уделять сколько-нибудь значительное внимание изменениям в политической верхушке. Гораздо больше говорилось в них обо всем том, что имело отношение к духовно-интеллектуальным ценностям, кармической этике, к древ-

ним богам, легендарным героям и сложным религиозно-философским проблемам. Именно они превалировали в абсолютном большинстве древнеиндийских сочинений, начиная с вед и упанишад или многочисленных комментариев к священным текстам и кончая многими индуистскими пуранами и буддийскими джатаками.

Более того, отношение к профанической жизни с ее колесом сансары у индийцев было весьма необычным: конечно, это твоя жизнь и хорошая карма заслуживает того, чтобы постараться и обрести ее, но чего в конечном счете стоит вся быстротекущая жизнь перед лицом столь почитаемой с древности цивилизационной традицией жизнью вне сансары, рядом с богами, в пределах Абсолютной Реальности с ее столь манящей Внефеноменальной Вечностью? Ценность есть ценность, причем преклонение перед ней определяет многое. В Индии практически не было хроник или летописей — кому нужна память обо всех прошлых правителях? Очень мало было и трактатов, касающихся тех либо иных сторон текущей жизни. Артхашастра с ее не всегда заслуживающими доверия рассуждениями и повествованиями, законы Ману с явным акцентом в сторону религиозно-моральных норм — вот едва ли не все. О документах хозяйственной отчетности, которые преобладали с глубокой древности в ближневосточных государствах, и говорить не приходится. Иногда их отсутствие связывают с использованием непрочных материалов вроде пальмовых листьев. Как знать... Но, скорее всего, есть веские основания предположить, что такого рода документов вообще не было или они были крайне редки.

Словом, жизнь древнеиндийского общества, — если судить о ней на основании того, что достоверно известно, — это жизнь коллективов людей, мало заинтересованных в том, чтобы их потомки знали что-либо о текущих проблемах либо политических событиях. Стократ важнее было им знать о том, что связано с кармической этикой, вечным колесом сансары, попытками освободиться от перерождений и уйти во Внефеноменальную Вечность, а также с древними божествами, созданными ими варнами, с разными религиями и их священными текстами. Неудивительно, что эта система отношений к окружающему страну миру привела в конечном счете к сравнительно легкому завоеванию Индии мусульманами, что создало немало проблем. Впрочем, эти проблемы были, если так уместно выразиться, обоюдными. Они существовали и у оказывавшего пассивное сопротивление завоевателям оставшегося индуистами большин-

ства населения Индии, и у завоевавших ее и всегда представлявших меньшинство ее новых правителей, никак не умевших приспособиться к столь необычной для ислама и исламских завоеваний ситуации.

Глава девятая. ДРЕВНИЙ КИТАЙ

Древнекитайский очаг цивилизации, как и древнеиндийский, является вторичным и возник сравнительно поздно. Как о том уже шла речь, находка синантропа и останков некоторых иных представителей первобытного человека, равно как и ведущая роль Центральной и Восточной Азии в сложении монголоидного расового типа, могут свидетельствовать лишь о том, что здесь шел процесс сложения специфического в расовом отношении Homo Sapiens, но не более того. Что же касается неолитической революции, следов которой на территории Восточной Азии, как, впрочем, и в Индии, не обнаружено, и тем более возникновения первичного очага цивилизации, то на этот счет данных нет. Более того, есть основания считать, что идея доместикации животных и растений, равно как и некоторые другие важные особенности неолитической культуры и соответствующего ей оседлого образа жизни, в том числе керамика с росписью, появились в Китае в VI–V тыс. до н.э. с северо-запада в результате миграции и культурной диффузии.

Древнейшие следы наиболее ранней на территории Северного Китая неолитической культуры Яншао свидетельствуют о медленном созревании и распространении ее вариантов в бассейне Хуанхэ на протяжении двух-трех тысячелетий, а также о заметных отличиях неолитических земледельцев Яншао от родственных им более западных вариантов культур расписной керамики Евразии (были одомашнены не рогатый скот, не пшеница и ячмень, диких предшественников которых в этом регионе не было, но свинья и чумиза). Однако важный этноотличительный признак — роспись на керамике — был до мелочей схож с геометрической (хотя подчас и в виде рисунков людей, животных, монстров, мирового дерева) росписью на аналогичной керамике в странах, расположенных далеко к западу от Китая.

Преемниками яншаосцев были земледельцы культуры Луншань. Они вытеснили своих предшественников на рубеже III–II тыс. до н.э. и принесли с собой в бассейн Хуанхэ одомашненный рогатый скот и новые злаки, включая ближневосточные ячмень и пшеницу,

а также, что следует считать едва ли не самым важным, гончарный круг. С появлением круга расписная керамика исчезла, ибо на смену ей пришла гораздо более дешевая и лишенная орнамента посуда, выделявшаяся деревенским ремесленником на круге. Вместе с этими новшествами луншаньцы принесли мелкие металлические предметы, часто из метеоритного железа.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК И ЦИВИЛИЗАЦИЯ ШАН-ИНЬ

Период Луншань был в Китае недолгим. Уже на рубеже первой и второй трети II тыс. до н.э. в средней части бассейна Хуанхэ появились стоянки с ранней бронзой и некоторыми признаками государственности (Эрлитоу и Эрлиган). Во второй трети того же тысячелетия бронзовый век прочно занял свои позиции. Были найдены следы бронзолитейных мастерских с сосудами, что свидетельствует как о заимствованиях (прежде всего речь о высококачественной бронзолитейной металлургии), так и об энергичном процессе усвоения традиций (орнамент и форма сосудов напоминали яншаоские, но имели и новые элементы, в частности, драконообразную маску *тао-те*).

Самое интересное, с чем столкнулись китайские археологи, был датированный последней третью II тыс. до н.э. развитый бронзовый век (фаза Аньян-Сяотунь). Здесь были обнаружены царские погребения со многими десятками сопогребенных жен, слуг и помощников умершего, а также с большим количеством разнообразного высококачественного инвентаря из бронзы, камня, кости, дерева и т.п. Венцом же находок в этих глубоких гробницах были боевые колесницы с великолепными колесами с 20–30 спицами и четверками лошадей с хорошо продуманной и искусно сделанной сбруей. Ни колеса, ни одомашненной лошади, ни сбруи луншаньцы не знали. Отсюда вывод: колесницы — типично индоевропейские — попали в Аньян издалека, как, впрочем, и многие другие поделки из инвентаря царских гробниц. И еще одно открытие чрезвычайной важности: археологи обнаружили огромный архив с большим количеством (около 150 тыс.) надписей на лопаточных костях рогатого скота или панцирях черепах, из которых ныне расшифровано примерно 15%, что следует считать вполне репрезентативным результатом.

Выяснено, что аньянцы знали примерно тысячу различных идеограмм, предшественников китайских иероглифов (до того таких зна-

ков насельники китайского неолита не знали). Эти надписи являли собой записи с просьбами к умершим предкам правителей шанцев, как именовали жителей Аньяна в то время. Просьбы были разными, но в основном практично-бытового характера: будет ли урожай, пойдет ли дождь, выздоровеет ли правитель-*ван*, разрешится ли благополучно от бремени его жена, стоит ли идти войной на племя такое-то или приносить в жертву пленников в честь предка такого-то. Разумеется, встречались и иные просьбы. Но гораздо интереснее заметить то, что не встречается: нет упоминаний о богах и жертвах им, нет мифологии и эпических сказаний о прошлом, и — это, пожалуй, самое главное, — нет даже намека на прошлое, хотя бы недавнее. Характеризуя шанские записи, невольно приходишь к выводу о некоей исторической амнезии, поразившей составителей текстов. И это тем более странно, что повсюду в мире — и там, где не были знакомы с письмом, и тем более у тех, кто знал письменность, — наиболее ранние тексты посвящены богам и их деяниям, легендарной предыстории, героическому эпосу и мифологии. И у всех были божества, посвященные им храмы и особенно жрецы, обслуживавшие их.

Ничего этого у шанцев не было на протяжении почти трех столетий, которые этот имевший вполне развитую письменность народ прожил в районе Аньяна, сражаясь на колесницах со своими неолитическими соседями. Так продолжалось до тех пор, пока эти соседи, быстро развивавшиеся под влиянием Шан (вспомним процесс трибализации), не сформировали свои племена во главе с воинственными вождями, которые и одолели шанцев. Сделала это коалиция племен во главе с чжоусцами в 1027 г. до н.э.

КИТАЙ В ПЕРИОД ЗАПАДНОГО ЧЖОУ (XI–VIII вв. до н.э.)

Завоевав Шан (чжоусцы именовали его Инь, откуда двойственное имя), правители чжоусцев не сразу поняли, что им делать. Как известно из разных письменных источников исторического характера, которые чжоусцы в отличие от шанцев в обилии создавали и высоко ценили, незадолго до падения Шан чжоуский вождь Цзи Ли женился на аристократке из дома Шан и провозгласил наследником сына этой женщины. Этот юноша, Чан, многое получил от матери и был, видимо, в то время единственным из чжоусцев грамотным и образованным человеком. Впоследствии он стал образцом высокой культу-

ры и великих знаний, к которым в чжоуском Китае относились с высочайшим почтением.

Став во главе чжоусцев, живших в западу от Шан, Чан, просидевший на троне около полувека, на протяжении десятилетий сколачивал коалицию соседних племен. В конце жизни он демонстративно принял титул ван, что было явным вызовом шанцам. Существует версия, будто Чан просидел несколько лет в шанской тюрьме, где занимался формированием принципов гадания по тысячелистнику, противопоставленных шанскому гаданию по надписям на костях и панцирях черепах и ставшего со временем основой канона «Ицзин»¹. Затем его выкупили, подарив шанскому вану нескольких лошадей и красавиц. Чан вскоре умер, а уничтожил Шан его сын У-ван, который присвоил отцу титул Вэнь-ван (Просвещенный). Разгромив шанцев с помощью созданной отцом коалиции, У-ван не знал, как себя вести после победы. Власть над шанцами он отдал сыну бывшего правителя Шан, а сообщение о победе принес жившим на небе предкам шанских правителей — тем самым верхним ди (*шан-ди*), которым шанцы посылали свои гадательные надписи с просьбами. Больше У-вану не к кому было обратиться, ибо у варварского только что возникшего племени Чжоу на небе еще не было своих предков, как не было их и ни у кого другого в Китае.

Похоже на то, что состояние стресса способствовало быстрой кончине У-вана, сын которого Чэн-ван оказался слишком мал для того, чтобы управлять возникшим большим государством из Чжоу, Шан и союзников чжоусцев. Тогда на передний план вышел другой сын Вэнь-вана — знаменитый Чжоу-гун, который стал регентом при малолетнем племяннике и успешно решил все стоявшие перед чжоусцами задачи, за что впоследствии удостоился таких же великих почестей, как и его отец Вэнь-ван. Первое, что сделал Чжоу-гун, было расчленение поднявших мятеж шанцев на части и переселение их,

---

¹ «Ицзин», превратившийся со временем в один из наиболее почитаемых конфуцианских канонов, представляет собой гадательную книгу, основу которой составляют комбинации длинных и прерванных посредине линий, 8 трехграмм и 64 гексаграмм, каждая из которых состоит соответственно из трех или шести рядов, считаемых снизу вверх. Сопровождаемая краткими комментариями, та либо иная комбинация, выпавшая в результате обряда гадания, имеет глубокий смысл, иногда с элементом загадки, чем в какой-то мере напоминает изречения жриц-пифий Дельфийского оракула в Греции.

как то делали ассирийцы, на новые места. Часть шанцев строила восточную столицу в центре бассейна Хуанхэ (сами чжоусцы обитали на западе). Второй, а по значению самой главной задачей Чжоугуна была легитимизация власти чжоусцев. С помощью грамотеев-интеллектуалов из шанцев была создана идеологема небесного мандата. Суть ее элементарна, но значение неоценимо. Если шанцы посылали свои просьбы на Небо к душам почивших предков их правителя, то почему бы не представить дело таким образом, что сакральным объектом является именно Небо, где проживают упомянутые души (шан-ди, т.е. ди, обитающие наверху). Эти души в новой трактовке составили некий сверхъестественный комплекс *Шанди*, равный Небу и поэтому не принадлежащий шанцам, а являющийся общей собственностью. Так в начале Чжоу появились понятия о Поднебесной и сыне Неба, причем последний, как считалось, назначался Небом для управления Поднебесной.

Оставался важный вопрос, кто мог и должен был быть сыном Неба. И вот здесь вышло на передний план самое главное, что сделал Чжоу-гун, — этизация сакрального. Поднебесная должна управляться не тем, кто ее захватил силой, но тем, кто проявил наибольшие добродетели, в данном случае всем хорошо известный великий чжоуский Вэнь-ван. А для того чтобы легитимизация права Вэнь-вана и его потомков не была кем-то поставлена под сомнение, была выдумана (вот здесь была использована историческая амнезия иньских текстов!) теория о том, что прежде, до шанцев, будто бы существовала еще одна династия, Ся, самому первому правителю которой Небо дало Поднебесную за его выдающиеся добродетели. Когда же последние правители ся утратили эту добродетель-дэ (стоит обратить внимание на то, что знаков ся и дэ среди шанских идеограмм нет, это заново выдуманные знаки со специально вложенным в них новым смыслом), Небо сменило свой мандат, отняв его у Ся и вручив добродетельному первому правителю Шан. В конце Шан правители вновь утеряли дэ, которой был преисполнен Вэнь-ван. Так что все оказалось в норме, все так и должно было быть. Именно так хотело и хочет Небо. Идеологема небесного мандата с принципом этического детерминанта не могла быть оспорена ни силой (где же тогда дэ?), ни как-либо иначе. Она сохраняла легитимное право Чжоу на власть в Поднебесной надолго и фактически при любых обстоятельствах. В немалой мере именно поэтому династия Чжоу просуществовала около 800 лет, до III в. до н.э.

И, наконец, третье великое дело, свершенное тем же Чжоу-гуном, сводилось к организации управления огромной территорией, попавшей в его руки. Территория не была освоена. Не было ни дорог, ни городов, ни какой-либо инфраструктуры. Поэтому неудивительно, что Чжоу-гун был вынужден разделить страну на 70–80 частей-уделов и отправить в каждый из них кого-либо из своих родственников (их набралось около полусотни) и союзников (они оставались на своих местах и лишь числились среди владельцев уделов).

Вначале эти высокопоставленные чжоусцы (о посылке отдельных из них существуют документальные данные¹), на новых местах были кем-то вроде комендантов в пустынном пространстве. Они сильно зависели от шести армий в старой чжоуской столице на западе, Цзунчжоу (родовые земли чжоусцев) и восьми так называемых иньских армий в заново отстроенной иными новой столице Чэнчжоу. Все 14 армий были готовы прийти на помощь вновь созданным уделам, которые нередко беспокоили варварские полукочевые племена *жуны* и *ди*, свободнo мигрировавшие по территории бассейна Хуанхэ.

Позже ситуация заметно изменилась. За век-полтора периода Западного Чжоу (со столицей на западе) большинство уделов окрепло, тесно сплелось с обитавшим вокруг местным населением и активно боролось с соседями, часть которых была уничтожена. Количество уделов уменьшалось (это не мешало созданию новых теми же жунами и ди, но они, как правило, были слабыми и быстро теряли свою независимость, присоединяясь к ближнему сильному соседу), и за этот счет оставшиеся увеличивались и крепили. Уже в середине IX в. до н.э. властный чжоуский правитель Ли-ван не сумел сам справиться с противостоявшим ему сильным вассалом Э-хоу (владельцы уделов за эти годы успели получить феодального типа титулы *гун*, *хоу*, *бо*, *цзы*, *нань*), потерял много солдат и, хотя с помощью других вассалов в конечном счете уничтожил Э-хоу, стал объектом недовольства в столице. Против него созрел заговор, в результате чего самовластный Ли-ван должен был покинуть дворец, а вместо него 14 лет правили приближенные. Этот период вошел в историю чжоуского Китая как период совместного правления, *гун-хэ* (современный термин «республика»).

---

¹ В основном это были надписи на внутренней поверхности бронзовых сосудов, которые содержали записи типа «Дарю тебе то-то и то-то, посылаю туда-то ведать людьми из таких-то и таких-то этнических общностей».

После смерти Ли-вана правил его сын Сюань-ван. Он провел ряд важных реформ, но так и не сумел укрепить власть сына Неба. Правители уделов чувствовали себя все более вольно и независимо, благо число их становилось все меньше, а территории и население все больше. Сюань-ван нравом был в отца и управлял крепкой рукой, но центр власти быстрыми темпами терял силу. Точку в этом процессе поставил сын Сюань-вана Ю-ван. Взяв красавицу жену из жунов, Ю-ван пообещал ей, наложнице, что именно ее малолетний сын станет наследником вместо старшего сына от первой жены. Однако отец жены, правитель удела, решил по-своему: он призвал все тех же жунов, которые уничтожили столицу Ю-вана и всю его семью, кроме старшего сына. После этого правители наиболее значительных уделов перевезли юношу Пин-вана в новую восточную столицу, вокруг которой был создан небольшой домен, принадлежавший сыну Неба. От прежних восьми иньских армий в этом маленьком домене не осталось и следа.

Если и были у сына Неба солдаты, то едва ли более одной армии. С этого момента, с переселения (770 г. до н.э.), и завершился период Западного Чжоу.

ЭПОХА ВОСТОЧНОГО ЧЖОУ. ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ (VIII–V вв. до н.э.)

Пин-ван просидел на троне предков около полувека и вначале даже пытался вмешиваться в междоусобицы других уделов, превратившихся в настоящие царства, каким было, например, царство Цзинь, расположенное к северо-западу от домена, вдоль Хуанхэ, здесь текшей с севера на юг. На той стороне реки, где прежде была старая столица Чжоу, теперь по воле вана расположилось полуварварское (чжоусцев, бежавших на восток, в нем осталось мало) большое царство Цинь. На крайнем востоке, у устья Хуанхэ, находилось еще одно крупное царство — Ци. А далеко на юге располагалось очень большое полуварварское царство Чу, всегда с вызовом относившееся к сыну Неба (правитель его первым самовольно присвоил себе титул «ван»).

Все остальные средние по размеру царства, которых оставалось около десятка, находились между Цзинь на западе и Ци на востоке и считались внутренними, Чжунго (этим термином сегодня обозначается слово «Китай»). Период китайской истории с 722 г. до н.э. и до смерти Конфуция (551–479 гг. до н.э.) получил название от ле-

тописи «Чуньцю» («Весны и осени»), которая была отредактирована философом в конце его жизни. Период Чуньцю — один из самых интересных в истории Китая, ибо именно в это время страна превратилась в феодальное общество, отвечающее едва ли не всем признакам именно такого политического состояния (речь не идет о формации). Летопись «Чуньцю» велась в царстве Лу, в уделе, пожалованном некогда Чжоу-гуну. Именно здесь в захудалой ветви знатного аристократического рода родился Конфуций, который создал известный нам вариант летописи. Со временем появилось несколько подробных комментариев к этой хронике, причем в двух из них, «Цзо-чжуань» и «Го юй», подробно сказано о том, как выглядел древнекитайский феодализм. Расчлененная на независимые от вана царства и княжества страна оказалась децентрализованной и охваченной постоянными междоусобными войнами. Хотя между ваном и *чжухоу* (это сводный термин «князья») формально продолжали существовать вассально-сеньориальные связи, фактически ни один из правителей с ваном не считался, а некоторые из них временами даже воевали с ним.

В рамках царств с середины VII в. до н.э. князья без ведома вана (прежде это была его прерогатива) начали жаловать земли родственникам в качестве субуделов, наследственных вотчин. В результате вотчинники, *цины*, которые были весьма влиятельны и обычно наследственно занимали в своих царствах должности министров либо командующих армиями, активно соперничали друг с другом, что заметно ослабляло власть чжухоу. В итоге чжоуский Китай постепенно разваливался, пока одно из сильнейших царств, восточное Ци, не взяло на себя функции *ба*, гегемона, носителя реальной политической власти. Циский Хуань-гун вместе со своим министром Гуань Чжуном сумел навести порядок в стране, прекращая войны и создавая коалиции для наказания непокорных. Хуань-гун фактически руководил страной около 40 лет и хотел сам стать ваном. Однако Гуань Чжун под различными предложениями не советовал ему делать шаги в этом направлении, ибо хорошо сознавал, что чжухоу охотнее поддержат слабого вана, чем сильного *ба*, который занял бы его место. К тому же реально добиться желаемого Хуань-гун просто не мог, ибо какого-либо механизма для изменения мандата Неба мудрый Чжоу-гун вполне осознанно не предусмотрел.

Тем временем в крупнейшем из царств, Цзинь, шла ожесточенная борьба между правителями и владельцами подаренного им некогда субудела (такая же борьба, правда, быстро завершившаяся, шла

в царстве Чжэн). Вскоре правители царств поняли, что не стоит создавать лишние субуделы даже для любимых сыновей, ибо это ведет к усилению цинов и ослаблению правителя. В результате количество цинов в каждом из царств стабилизировалось и обычно колебалось между тремя и шестью. Во многих царствах сыновья правителей бежали из дома, боясь быть уничтоженными братьями, отцом или мачехой в жестокой борьбе за трон. Следствием постоянных политических интриг была гибель (в лучшем случае изгнание) потенциальных соперников.

Наследником вана, любого из чжухоу или цина, был сын по его выбору. На выбор влияли многие обстоятельства и не в последнюю очередь интриги в гареме. Но что было делать остальным сыновьям? Одни из них смиренно ждали своей участи, другие включались в интриги и борьбу. Бежавшие от гибели соперники, как правило, не сидели сложа руки и подчас, заручившись поддержкой на стороне, захватывали трон, безжалостно расправляясь с тем, кто его занимал.

Самым любопытным в этой жестокой борьбе было то, что параллельно с политическими интригами, ловушками и убийствами правителей, в том числе и отцов, в чжоуском Китае создавался культ предков, разрабатывались сложные церемонии и ритуальные обряды, в основе которых лежал именно этот культ, единственно хорошо знакомый древним китайцам со времен Шан. Поучениями часто занимались сами ваны, которые разъясняли приезжавшим к ним юным отпрыскам чжухоу и цинов, как нужно себя вести в соответствии с нормами древних ритуалов. Создавалась парадоксальная картина: с одной стороны, аристократов учили нормам ритуального церемониала, а с другой — они при удобном случае пренебрегали этими нормами, завоевывая трон и платя за это любой ценой, в том числе жизнью — своей или близких родственников, которых они по нормам обрядового церемониала должны были почитать. Эта картина была вполне приемлемой в рамках древнекитайской традиции.

В войнах, которые непрерывно сопровождали феодальные придворные интриги, обычно очень большую роль играли *дафу*, эти своеобразные древнекитайские рыцари, прежде всего те сыновья вана, ба, чжухоу и цинов, которым не достались должности их отцов. Дафу воспитывались в аристократических семьях, где их учили как искусству войны (это было главным их занятием), так и церемониальным обрядам и ритуалам, включая, естественно, все тот же культ предков. Каждый из дафу обычно получал в свое распоряже-

ние боевую колесницу и воевал с ее помощью, имея небольшой экипаж в виде возницы и копыеносца, располагавшегося справа по ходу колесницы. Войн было много, но они в это время, как правило, не завершались аннексиями (за этим, помимо прочего, строго следили ба). К слову, после смерти циского Хуань-гуна наследственными ба в чжоуском Китае стали правители сильнейшего из царств, Цзинь, которые успешно сохраняли в раздираемом на части Китае некую видимость порядка.

Раздел страны на уделы пришел к своему кульминационному пункту на рубеже VII–VI вв. до н.э. Войны не прекращались, все больше страдали от них простые рекруты-латники, сопровождавшие в войнах колесницы и часто жаловавшиеся, как о том сказано в книге песен «Шицзин», на то, что их поля не возделаны, а старики голодают. Все очевиднее становилось, что разрушительная феодальная система с ее междоусобицами ведет страну к гибели. Это видели и простые люди, особенно горожане *го-жэнь*, которые достаточно часто играли существенную роль в поддержке того либо иного претендента на престол и потому обретали политическую силу. Это лучше других видели и приближенные чжоуского вана, давно уже не имевшего возможности влиять на события. Более того, губительность политической раздробленности осознавали цзиньские ба, на долю которых выпадало гасить постоянные ссоры феодальной знати, да и многие из чжухоу. Вставал вопрос: что же делать? Решить проблему помогла выработанная ванскими историографами очередная мудрая идеологема.

Суть ее изложена в главах Книги документов «Шуцзин». Первый слой этой книги, детально описавший успехи чжоусцев в свержении Шан, был одним из ранних и весьма успешных проявлений внимания чжоусцев, в отличие от шанцев, к истории, причем протекавшей на глазах историографов и потому столь впечатляющей. Главное же в книге — ее второй слой. Историографы вана хорошо сознавали свою задачу. Им нужно было в деталях описать то, что в самых общих чертах говорилось о Ся и Шан в главах первого слоя, когда создавалась идеологема небесного мандата. И не просто описать, но умело интерпретировать события, которые могли и должны были бы, как предполагалось, происходить в далеком прошлом. Правда, в отличие от тех, кто писал главы первого слоя, задача нынешних историографов была намного сложнее. У них не было никаких конкретных данных о предшанском прошлом. Был социальный заказ и возможность сочинить квазиисторические события, назвав имевших к ним отношение вы-

дающихся мудрецов древности. Историческая амнезия шанцев открывала широкий простор для подобного рода сочинений. Поэтому неудивительно, что работа была выполнена с блеском. Была создана красивая легенда о Яо, Шуне и Юе, с рассказа о деятельности которых начинается текст «Шуцзина».

Некогда жил мудрый Яо, который сумел благодаря своим необычайным достоинствам объединить всех людей и создать Поднебесную, обеспечив ей все необходимые условия для нормального существования. Потом Яо выбрал своим преемником Шуня, проявлявшего редкостное умение управляться с семьей, далеко не благополучной. Став правителем Поднебесной, Шунь сумел создать стройную систему управления ею. С одной стороны, его подданными (вассалами) были удельные князья, обязанные отчитываться в своей деятельности и получать за то поощрения либо наказания, а с другой — была создана стройная централизованная территориально-бюрократическая форма управления. Было учреждено 12 провинций во главе с наместниками, которым — это важно! — приказали внимательно относиться к людям и не забывать выдвигать умных и способных. Шуня у власти сменил легендарный Юй, усмиривший водные потоки и сыгравший роль культурного героя. И именно от Юя, через его сына пошла династия Ся.

По необходимости краткое изложение идеологемы о трех великих мудрецах древности, о которой уже упоминалось в вводной части тома, заслуживает серьезного внимания. Суть глав «Шуцзина» сводится к тому, что Поднебесной нужна централизация, ибо она устала от беспорядка. Следует обеспечить Порядок и Гармонию, которые некогда были созданы Яо, Шунем и Юем. При этом система управления должна зиждиться не на господстве знатных, а на привлечении умных и способных, ибо только это обеспечит расцвет Поднебесной. Необходимые имена мудрецов, якобы еще в глубокой древности осознавших эту великую истину, историографы чжоуского дома могли взять и явно брали из чужих архивов или племенных преданий. А все изложенное, взятое вместе, призвано было способствовать дефеодализации социально-политической системы чжоуского Китая.

Есть все основания полагать, что эта вторая великая и мудрая идеологема сыграла в истории древнего Китая не меньшую роль, чем первая, о небесном мандате. Во всяком случае, она способствовала определенной социально-этической ориентации общества. Это

оказалось возможным и сравнительно несложным именно потому, что в чжоуском Китае, как и в шанском, не было развитой религиозной системы. Ее-то место и заняли идеологемы, в центре которых стояли поиски оптимального социально-политического устройства и безукоризненного этического стандарта. То и другое с особой силой проявилось и в деятельности великого Конфуция, чье учение как по сути, так и по его значению следует считать третьей и едва ли не важнейшей в истории древнего Китая идеологемой, сыгравшей подлинно революционную роль в жизни страны и народа, позволившей Поднебесной, к слову, и сегодня добиваться столь весомых успехов в ее впечатляющей трансформации.

КОНФУЦИЙ И ЕГО УЧЕНИЕ

Конец периода Чуньцю, совпавший с годами жизни мудреца, был отмечен важными переменами. Страна вступила в железный век, что повлекло за собой развитие сельского хозяйства и городов, включая ремесла и торговлю. В городах появилась частная собственность и богатые простолюдины, устанавливались рыночные связи. Только пахотную землю нельзя было продавать, ибо за этим следила община, которая разрешала передавать землю лишь односельчанам. На фоне этих перемен, сочетавшихся с идеологическим воздействием на общество и явной тенденцией к междуусобицам, в которых погрязла элита, появился новый и очень важный для последующего развития Китая социальный слой *ши*. Вначале его представителями являлись выходцы из среды знати, в первую очередь дафу, далеко не все из сыновей которых могли получить отцовскую должность и боевую колесницу с четверкой лошадей. Позже этот слой пополнялся также и за счет успешно делавших карьеру воинов и знатоков грамоты и ритуала (вспомним о завете выдвигать умных и способных — ему в Китае всегда следовали).

Конфуций был одним из *ши*. Рано лишившись родителей, он старательно изучал древние предания и тексты. Уважая традиции и прежде всего культ предков (сыновней почтительности — сяо), он, так и не сумев получить крайне желаемую им солидную должность хоть в каком-либо из царств, стал частным учителем, первым в истории Китая. Конфуций почти не оставил после себя письменных текстов, хотя он, согласно преданию, редактировал кое-какие из них, ставшие впоследствии по этой причине каноническими. Но все самое важное

из того, чему он учил, было тщательно собрано и записано его учениками после его смерти в трактате «Луньюй». В чем же суть конфуцианства, как оно предстает в этом трактате?

Прежде всего необходимо еще раз напомнить, что в Китае в отличие от Индии главной целью мироустроительных функций и устремлений каждой отдельной личности был не потусторонний мир, но обычная жизнь на земле. При этом ни богов, ни жрецов, ни мифологии или эпоса по-прежнему не было. Были суеверия среди простого народа, но Конфуций, как и прочие аристократы и интеллектуалы, относился к ним скептически. На вопрос о смерти Учитель как-то ответил, что мы еще не знаем, что такое жизнь, что же говорить о смерти? Что же было в центре его внимания и чему он учил?

Высоко чтя идеологемы, определявшие нормы жизни Поднебесной, он поставил своей целью оставить в прошлом все зло, шедшее от феодальных распрей правящей элиты, к которой он в целом был равнодушен. Видя, что феодализму приходит конец, Учитель поставил своей целью возродить умело и сознательно идеализованную им древнюю норму, которая, к слову, существовала в стране — пусть больше на словах, чем на деле, — параллельно с интригами и убийствами, о чем уже упоминалось. Нужно было воссоздать лучшее из забытых норм и приучить весь народ соблюдать разработанный веками ритуал и церемонии. Еще важнее было десакрализовать все эти нормы и превратить их в обязательный этический стандарт для всех.

Именно к этому и сводится суть учения Конфуция. Воспринимая Небо как высшего судью и суверена, но в то же время понимая, что творится вокруг, он хорошо осознавал, что Небо не реагирует на это, хотя должно было бы видеть, какие ничтожества управляют Поднебесной от его имени. Отсюда он сделал разумный вывод, что о Небе много говорить не стоит, а главное — это *Дао*, великий путь истины и постоянного усовершенствования. Только тот, кто, руководствуясь любовью к людям и заботой о них (*жэнь* — человечность), был полон чувства внутреннего осознанного долга и соблюдал обязанности старшего и умного по отношению к младшим и неразумным (*и* — долг, обязательство), мог считаться благородным человеком, *цзюнь-цзы*. Конфуций подчеркивал, что таких было очень мало. Он вполне разумно не спешил раздавать высокие звания, ибо считал, что редко кто действительно мог взять на себя очень нелегкую задачу вести народ вперед по верному пути, *Дао*.

Дао в доктрине Конфуция едва ли не основа основ. «Когда в Поднебесной господствует Дао, будьте на виду; если нет Дао — скройтесь! Когда в царстве есть Дао, стыдно быть презренным и нищим, если его нет — стыдно быть богатым и знатным» («Луньюй», V, 12). Создавая теорию Дао, Конфуций стремился подчеркнуть активную роль каждого в преобразовании жизни, как своей собственной, так и общей. Разумеется, не все зависит от людей. Но если созданы хоть малейшие для того условия — не теряйте времени! Старательно и много работайте! Не ленитесь, ибо все достигается лишь упорным трудом! Учитесь! Совершенствуйтесь! Соревнуйтесь друг с другом! Достигайте все большего и лучшего!

Важную роль Конфуций отводил понятию *ли* (ритуал, норма, обрядовый церемониал). Он хорошо понимал значимость этического стандарта как основы некоей системы всеми осознанной и нерушимой организации. Закрепленные ритуалом благородные традиции *сяо*, человечности — *жэнь*, долга — *и*, обрядов — *ли*, учения и старания, вечного самоусовершенствования и постоянной соревновательности обретали эффект автоматизма, становились элементами традиции, создававшей им на добротной основе заветов древних мудрецов. Это пусть не сразу, но в итоге принимало форму устойчивых стереотипов и обеспечивало социальную дисциплину, порядок и гармонию.

Смысл идей Учителя сводился также к тому, чтобы укрепить уже возникавшую в Поднебесной новую грань — между народом и теми, кто им управляет. Управлять же должны те самые умные и способные, которыми Конфуций хотел видеть своих учеников и равных им людей. И основой системы управления должны быть те принципы, которые он развивал: забота о людях, знание их нужд, умение завоевывать их доверие и вести их за собой, не стремиться к низменной и ничтожной личной выгоде. Конечно, все люди ненавидят бедность и стремятся к богатству. Но мудрый должен руководить их стремлениями, умерять их пыл и вести дело к тому, чтобы приучать людей довольствоваться тем, что есть, не мешая им в то же время стараться приумножить свое достояние. В «Луньюе» сказано: «Цзюнь-цзы заботится о долге, *сяо-жэнь* — о выгоде (IV, 16); цзюнь-цзы выискивает в людях хорошее и не обращает внимания на дурное, *сяо-жэнь* поступает наоборот (XII, 16); цзюнь-цзы полон величавого достоинства и не заносчив, *сяо-жэнь* заносчив и не имеет достоинства (XIII, 26); цзюнь-цзы познается не в мелочах, но в великих свершениях, *сяо-жэнь* неспособен на великие свершения, но искусен в мелочах (XV, 33)».

Вполне очевидно, что речь идет не столько о простом народе, сколько о появившихся в конце жизни Конфуция в условиях оживления товарно-денежных отношений нуворишах, ведших себя порой беспардонно. Смысл идеи в том, что человек вправе стать богатым, но главное не в богатстве, а в умении вести себя достойно и соответствовать церемониальной норме, этическому стандарту, подчиняться общепринятой социальной дисциплине и т.п. Цзюнь-цзы и сяо-жэнь в учении Конфуция не просто антиподы. Это два типа представителей завтрашнего дня, которых прозорливый Учитель уже хорошо видел и умело оценил. Понятно, что его ученики и последователи, а за ними и все конфуцианцы считали долгом тратить силы на то, чтобы возвеличивать благородных цзюнь-цзы, противопоставляя им сяо-жэнь. И стоит заметить, что это направление главного удара сыграло свою роль в истории китайской цивилизации. Любой разбогатевший торговец стремился, не жалея затрат, хоть немного приблизиться к статусу благородного цзюнь-цзы, воспитать своего сына в этом духе и в конечном счете внести свой вклад в обогащение китайской культуры и созданного ею Порядка и Гармонии.

ДЕФЕОДАЛИЗАЦИЯ КИТАЯ В ПЕРИОД ЧЖАНЬГО (V–III вв. до н.э.)

Конфуцианство, укрепленное такими последователями Конфуция, как Мэн-цзы, который в IV–III вв. до н.э. резко выступал за права простых людей и считал возможным даже свержение с престола недостойных правителей, стало широко распространяться в чжоуском Китае. Однако бескомпромиссность Учителя, помешавшая ему самому занять высокую должность, к которой он всю жизнь, изредка посматривая на Небо, стремился, не позволяла и его ученикам добиваться на практике того, чему он учил. Они вынуждены были следовать примеру Учителя и обычно ограничивались тем, что заводили себе учеников, попутно приводя в порядок основные канонические тексты конфуцианства. Это сказалось на характере общества, которое складывалось в период Чжаньго. Фактически, несмотря на огромный престиж Конфуция и явный пиетет по отношению к его ученикам и последователям, включая и строптивного Мэн-цзы, главы государств побаивались сторонников Учителя. Но не все сводилось только к этому.

Дело в том, что боровшиеся друг с другом за власть правители царств, опиравшиеся преимущественно на силу, справедливо опасались

лись, что ставка на защиту интересов народа ограничит их в возможностях и военных нуждах. Войн в период Чжаньго (его не зря именуют «Сражающиеся царства») было, пожалуй, не менее, чем прежде. Однако резко изменился их характер. Отошли в прошлое рыцарско-феодалные сражения с колесницами дафу в качестве главного оружия и пехотинцами-латниками в качестве вспомогательной силы. На смену им пришли сражения с участием десятков и сотен тысяч именно пехотинцев-латников, содержание которых стоило дорого. И налоги для этого требовались немалые. А конфуцианцы всегда выступали против увеличения поборов с народа. Кроме того, если в период Чуныцю гегемоны-ба строго следили за тем, чтобы сильные государства не теснили слабых, то теперь правители, не будучи скованными феодальными склоками и междоусобными войнами внутри царств и превратившись во властителей независимых централизованных государств, были свободны в своих агрессивных устремлениях. Потеснить противника и отхватить у него кусок территории — вот ради чего правители в период Чжаньго шли на рискованные авантюры. У них была лишь одна цель — выиграть в борьбе с равными им соперниками.

Чжухоу имели большие армии и умелых генералов, которые заменили прежних цингов и дафу и выдвигались за заслуги, в том числе из рядов проявивших себя ши. Вообще ши вышли на передний план, и за их счет теперь правители пополняли свой административно-бюрократический аппарат. В отличие от феодального новый аппарат власти состоял из тех, кто по своим данным мог управлять и кого нанимали и увольняли как обычного чиновника. Естественно, что чиновники оказывались главами формировавшихся территориально-административных структур, состоявших не из уделов, а из уездов, хотя вначале некоторые из уездов были похожи на кормления. Важно главное: владетельные аристократы ушли в прошлое, немногие остались в числе приближенных и советников правителей и были приравнены к соперничавшим с ними выходцам из ши, иногда приходившим из других царств. Словом, с феодализмом в древнем Китае практически было покончено.

МОИЗМ И ЛЕГИЗМ

Во вновь сложившихся условиях наряду с конфуцианством появились представители соперничавших с ним учений, которые выдвигали свои варианты управления Поднебесной. Самой ранней

из них стала школа Мо-цзы, родившегося в год смерти Конфуция и учившегося у одного из его учеников. Многое взяв у Конфуция, Мо, однако, решительно разошелся с ним в главном — в отношении к культу предков и сяо. Мо хотел создать общество равных, считал, что все должны любить всех и заботиться обо всех — тогда люди станут дружными и будут помогать друг другу. Мо утверждал: в обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, незачем заниматься развлечениями и музыкой (т.е. изысканными и доступными немногим занятиями), достаточно простой пищи, скромной одежды, небольшого жилища и элементарной могилы с простым гробом, без дорогостоящих траурных церемоний.

Пафос Мо в условиях общества, в котором место уходящей в прошлое аристократии занимали пронырливые и жадные нувориши сяо-жэнь, можно понять. Куда как вернее было бы отнять все у уходящих богачей и поделить среди бедных. Идея эта была достаточно новой. Протосоциалистические по духу и впервые в истории сформулированные именно Мо устремления его призваны были изменить привычные представления. Однако люди отнеслись к его идеям равнодушно (свои всегда ближе, да и традиция за это), а попытки заинтересовать правителей, для чего Мо выстроил впечатляющую чиновно-административную лестницу с соответствующим обеспечением управителей всех уровней и с обязательными доносами по начальству, совершенно явно выглядели грандиозной утопией и потому никого не заинтересовали.

Мо искренне хотел создать хорошее и разумное общество равных лишь с существованием управителей, кто должен был быть, изысканно выражаясь, равнее других, дабы государство могло существовать. Кроме того, он был активным противником войн, которые во множестве велись в его время, а также стремился к разумной власти и хорошему порядку, для чего поощрял доносы. Но в отличие от Конфуция он презирал традиции, и именно традиции жестоко отомстили ему. Конфуций с помощью традиций совершил революцию, а Мо, отвергнув традиции, остался ни с чем. Оценивая его, великий даос Чжуан-цзы впоследствии заметил, что Мо не любил людей и в этом все дело. Это может показаться несправедливым, ведь Мо старался не для себя. Однако едва ли не все великие тираны, и особенно социал-утопического типа, могут сказать то же. Важны не побудительные мотивы, но трезвая реальность. Сегодня это всем очевидно. Тогда это блестяще оценил один Чжуан-цзы...

В отличие от Мо сторонники школы фа, легисты, представленные несколькими направлениями, имели успех у правителей государств периода Чжаньго. Шэнь Бу-хай (400–337 гг. до н.э.), министр царства Хань, считал главным искусство умелого управления. Он утверждал, что глава государства должен быть тщателен в словах и нетороплив в делах. Он обязан обдумывать каждое слово и контролировать свои чувства. В управлении он должен опираться на многих хорошо подобранных помощников, но ни одному не должен доверять абсолютно. Правитель — ось, помощники — спицы. Глава государства не может быть не мудр, но ему не стоит демонстрировать мудрость на каждом шагу. Кроме того, он должен управлять, следуя принципу *увэй*, неделения, т.е. все видеть, слышать, знать и к тому же уметь организовать дело таким образом, дабы процесс шел в нужном направлении как бы сам собой, лишь при минимальной корректировке следящего за ним правителя. Разумеется, при всем этом необходим повседневный и строгий контроль и умелый подбор кадров.

Теория Шэнь Бу-хая — это больше идеальная конструкция, нежели реальная попытка сломать существующую машину администрации для замены ее новой. Но многие из его рекомендаций позже были учтены. Достаточно напомнить о системе конкурса, впоследствии даже хорошо продуманных экзаменов при подборке чиновников. Много большую роль в истории Китая и всей китайской цивилизации сыграл жесткий легизм вэйского Шан Яна (390–338 гг. до н.э.), благодаря которому отсталое царство Цинь выиграло борьбу за объединение Поднебесной. Шан Ян был одним из родственников правителя царства Вэй и прибыл в Цинь по просьбе его правителя Сяо-гуна, мечтавшего реформировать и усилить свое огромное, но малонаселенное полуварварское царство. Суть реформ Шан Ян, как она запечатлена в написанном им трактате и еще лучше проявила себя в осуществленных им радикальных преобразованиях, которые описал историк Сыма Цянь, сводилась к главной идее: народом следует управлять прежде всего с помощью кнута.

Конкретно же реформы вначале свелись к тому, чтобы с семей, где более одного взрослого мужчины, брать удвоенный налог, дабы семьи расселялись и осваивали напрасно пустующие земли. Был также издан закон, приглашавший в Цинь на весьма льготных условиях переселенцев из других царств, где людей было слишком много. Основная суть новаций Шан Ян была в том, что средством управления народом должны стать законы, т.е. приказы начальства. Невыполнение их (а суть их чиновники были обязаны доводить до всех)

влекло за собой наказание, причем принцип сводился к тому, чтобы за небольшие проступки следовали строгие наказания — тогда серьезных преступлений не будет, а люди будут бояться. Поведение народа должно быть строго отрегулировано, а усилия сконцентрированы на главном, т.е. на развитии земледелия и на успехах в военном деле. Народ должен быть атомизирован: на смену крупным семейно-клановым группам должны прийти мелкие семейные ячейки, во главе пятков и десятков из которых ставились ответственные. В рамках таких ячеек — бао-цзя (они иногда восстанавливались в Китае в разные времена) существовала круговая порука, все отвечали за каждого. За успехи в военном деле воины получали награды.

Последние выражались прежде всего в созданной Шан Яном (и ныне заимствованной во всем мире) системе социально-административных рангов, которых насчитывалось довольно много, обычно 18–20. Низшие ранги давались в деревне (родился, женился, родил ребенка, стал отцом семейства, главой *бао-цзя* или общины — идут ранги, обычно до 8-го), остальные — чиновникам и воинам за службу и заслуги. Эти высокие ранги были связаны с оплачиваемой должностью, а высшие из них сопровождались даже пожалованием служебного кормления. Вэйский Ян, получивший за свои заслуги один из высших рангов и уезд-кормление Шан, очень не любил «паразитов», в число которых он включал соперничавших с ним ученых-ши, прежде всего конфуцианцев, но главным образом разного рода богачей, особенно частных собственников из числа простолюдинов (хотя он не привечал и аристократов, которых лишал наград, если у них не было воинских заслуг). Частный собственник, особенно богатый, — заведомый враг государства, ибо кладет себе в карман то, что должно идти в казну. Всем богатым Шан Ян обычно предлагал купить ранг за очень большую цену, причем эти предложения принимались: человек терял свое богатство, шедшее в казну, но обретал столь высоко ценившийся в Цинь престиж. Шан Ян также держал в строгости аппарат власти и поощрял доносы. Он считал в отличие от конфуцианцев, что в аппарате нужны не умные и способные, а исполнительные и законопослушные. Народ Шан Ян откровенно считал быдлом, причем едва ли не самым любимым его изречением был красноречивый и не столь уж далекий от истины лозунг «Слабый народ — сильное государство».

Легизм Шан Яна был предельно циничен, да и сам он как реформатор был жестоким циником. Но, взяв в руки кнут и умело его ис-

пользуя, он сумел достаточно быстро превратить полуварварское царство Цинь в зажиточное, развитое, хорошо организованное, в военном отношении едва ли не сильнейшее в Поднебесной. Правда, сам Шан Ян плохо кончил, ибо был казнен сменившим Сяо-гуна наследником, с которым у него были нелады (за демонстративный отказ следовать законам Шан Яна воспитателю нового правителя был в свое время в наказание отрезан нос). Но у правителей усилившегося Цинь хватило ума не отменять законы Шан Яна и строго следовать принципу легистского кнута. И этот курс себя оправдал, дав возможность царству Цинь объединить Поднебесную, превратив ее в империю.

Логично и естественно, что другие правители оценили очевидный эффект легистских реформ, предпочтя их защищавшей народ конфуцианской этике. Беда их была, однако, в том, что другого Шан Яна никто из них найти не сумел. Нельзя также забывать, что легистский кнут хорошо работал в отсталом полуварварском государстве, но едва ли мог рассчитывать на свободу действий в тех царствах, где конфуцианство пустило глубокие корни и люди не привыкли к неоправданным жестокостям. Стоит снова напомнить о гневных инвективах Мэн-цзы, объехавшего до реформ Шан Яна многие царства Чжунго и везде попрекавшего правителей за дурное отношение к народу.

ЦЗОУ ЯНЬ И ЧЖУАН-ЦЗЫ. ФИЛОСОФСКИЙ ДАОСИЗМ

Вплоть до рубежа IV–III вв. до н.э. Китай по-прежнему не был знаком ни с мифологией, ни с героическим эпосом, ни со свойственными религиозным учениям мистикой или метафизикой, особенно в сфере космогонических конструкций. Все основные идеологемы, церемониальный ритуал и даже направление реформ Шан Яна равно преследовали одну и ту же цель: создать в Поднебесной условия для достижения вполне земных, хотя и весьма разных целей. Но, сделав немалый шаг в эту сторону, быстро развивавшееся древнекитайское общество столкнулось в конечном счете с явно выраженным интересом к проблемам мироздания и с потребностью как-то удовлетворить этот свой не очень заметный прежде интерес к ним.

Спрос рождает предложение. В середине периода Чжаньго в комментарии к «Чуньцю» «Цзо-чжуань» появилось упоминание о шести первосубстанциях — лю-фу: земля, вода, огонь, металл, дерево, зер-

но. Откуда это пришло в Китай? Вспомним, что в иранской Авесте, в рассказе о реформах Зороастра, есть почти та же шестерка (земля, вода, огонь, металл, дерево, скот). Но в полукочевом иранском обществе скот был важной субстанцией, чего не было в чжоуском Китае. Не исключено, что именно поэтому комментаторы вначале скот заменили на зерно, а потом резонно решили, что дерево и зерно суть единая субстанция — растения. И вот в «Цзо-чжуань» появилось понятие *у-син*, пять первоэлементов (первая пятерка как иранских, так и чжоуских субстанций). Полное сходство пятерок кажется неслучайным. Но сходство идет дальше. Иранский дуализм стоит, как известно, на противостоянии сил Добра и Света силам Зла и Тьмы. В комментариях к «Чуньцю» мы тоже встречаем упоминание об *инь* и *ян*¹, причем в древних китайских словарях твердо сказано, что это не философские понятия, а соответственно северный темный и светлый южный склоны горы. Смысл этого упоминания в контексте неясен. Все проясняется в другом китайском произведении.

В 74-й главе труда Сыма Цяня подробно рассказано о философе Цзоу Яне (350–270 гг. до н.э.), который отличался глубокомысленными речами и необычными идеями. Его сочинения общим объемом в 100 тыс. оказались, однако, утраченными. Известно лишь, что он «доходил до самых истоков жизни, когда Небо и Земля еще не появились и царил глубокий мрак». Он был знаком «с заморскими землями, которых люди не могли видеть», и утверждал, что «с того времени как Небо и Земля раскрылись и разделились, пять добродетелей — да в постоянном кругообороте... что Чжунго — лишь 81-я часть Поднебесной». Но самое, пожалуй, главное в том, что Цзоу Янь «глубоко задумывался о подъеме и упадке сил ян и инь, вник в превратности всех перемен».

Перед нами необычайно важный текст. Из него явствует, что в Китае на рубеже IV–III вв. до н.э. появился мыслитель, который вопреки принятой норме ударился в глубокую мистику и стал

¹ Выше упоминалось о системе гаданий со стеблями тысячелистника, ставшей позже основой «Ицзина». Ссылка на ирано-зороастрийские конструкции в этом контексте не случайна. Само появление дуализма в стране, уже знакомой с гаданиями по системе противостоящих друг другу символов (длинной и прерванной посередине линий), положенных в основу гаданий с триграммами и гексаграммами «Ицзина», должно было быть чем-то обусловлено. Не исключено, что линии «Ицзина» (инь и ян) имели отношение к китайскому пониманию зороастрийских сил Тьмы и Света.

строить разные метафизическо-космогонические конструкции. Он бывал там, где никто из китайцев не был, и видел то, чего они не видели. Он уверенно рассуждал о том, что было время, когда Небо и Земля еще не появились и царил мрак, что Чжунго лишь 81-я часть Поднебесной. Откуда он мог взять эти идеи, которые были хорошо известны мыслителям Индии, много писавшим о космогонии и рассуждавшим о девяти континентах-двипа, каждый из которых тоже состоит из девяти частей? И очень существенно, что Цзоу Янь все-речь рассуждал о проблемах космогенеза, к которым все китайские мыслители до него были абсолютно безразличны, что он говорил об у-син, силах ян и инь, что вписывается в ирано-зороастрийские конструкции.

Феномен Цзоу Яня остается загадкой, как, впрочем, и многое из того, что связано с философией древнекитайских даосов, начиная с современника Цзоу Яня Чжуан-цзы (369–286 гг. до н.э.). Речь идет о проблеме происхождения новых для Китая конструкций, включая и мифологию, впервые в китайских текстах ярко представленную в «Чжуан-цзы». Вообще сочинение Чжуан-цзы принадлежит едва ли не к самым интересным в древнем Китае. Это почти художественная литература, ибо в ней можно найти не только глубокие философские метафизические конструкции, абсолютно чуждые любому из существовавших до того китайских текстов, но и огромное число интересных притч, анекдотов, мифических образов и приключений, коротких эссе на отвлеченные темы и т.п. Перед нами сборник весьма разноречивых, написанных в различном жанре и неодинаковым стилем рассказов, большинство которых единодушно приписывается исследователями кисти самого Чжуан-цзы, человека оригинальных мыслей и такого же поведения (когда ему предложили стать чиновником, он решительно отказался).

Метафизика и космогония Чжуан-цзы исходит из того, что весь мир создан из первозданного Хаоса, что его создание связано с Великим Дао (даосским Дао), неким Высшим Абсолютом, чуждым феноменальному миру и недоступным органам чувств. Эманацией Дао является дэ. Дао везде и нигде, оно пронизывает собой все и лежит в основе процесса космогенеза. В «Чжуан-цзы» сказано: «Вначале было не-сущее, без содержания и названия. Из него возникло Единое. Единое существовало, но не имело формы. Оно породило все вещи, назовем это дэ». Далее говорится, что бесформенное вызвало членение, возникли вещи и существа. Каждое из них обрело

свою натуру, причем совершенствование ее приближает к дэ, а это способствует возвращению к первоначалу, к всеобъемлющей пустоте небытия. Еще важная идея: «Небо, Земля и Я существуем вместе. Все сущее вместе со мной — единое целое. Если это единое целое, что же остается на долю Слова? ...Единое и Слово — это два; два и еще одно — три... От небытия к бытию достигаем трех».

Оба отрывка крайне сложно сформулированы, и никто не поверит в то, что они рождены на пустом месте, в стране, где до того никто никогда не интересовался подобными изысканиями. Да и не нужно верить. В книге «Древнеиндийская философия» (М., 1972) есть очень близкие по характеру, но гораздо более полно и тщательно разработанные построения Ригведы и упанишад о Великом Брахмане-Абсолюте, о сущем и не-сущем, о том, что было вначале, о зарождении Единого и о связи его с Мыслью, Словом (если угодно — с Логосом), а также о первозданной пустоте. Прибавьте к этому рассуждения Чжуан-цзы о жизни и смерти. На эту тему до него в Китае всерьез никто не рассуждал, стоит вспомнить Конфуция. В «Чжуан-цзы» сказано: «Жизнь следует за смертью, смерть — начало жизни... Рождение человека — это скопление ци [...] скомбинируются ци — появляется жизнь, рассеются они — приходит смерть. Если жизнь и смерть чередуются, чего же горевать?» Другой пассаж. Чжуан-цзы приходит к умирающему другу и вместо сочувственных слов раздражается следующей сентенцией: «Как величествен процесс трансформации! Интересно, что из тебя теперь получится... Превратишься в печень крысы или в лапку насекомого?»

Стоит вспомнить древнеиндийскую идею о карме и колесе сансары, чтобы увидеть истоки подобных идей. Только в Индии жизнь — это комплекс частиц-дхарм, смерть — распад его, а новая жизнь — новый комплекс теперь уже других дхарм. У Чжуан-цзы же просто китайский эквивалент дхармы, т.е. ци. Термин *ци* (буквально воздух) в построениях даосов, затем и других философов приобрел несколько иной смысл (жизненная, энергетическая сила). Весь мир оказался пронизанным циркулирующей первосубстанцией ци. Борьба за сохранение этих ци в организме со временем стала считаться особенно важной, ибо именно это, согласно даосской философии, может обеспечить долгую, если даже не вечную, жизнь. Но что особенно интересно, кроме ци в текстах даосов появляются «тончайшие ци» (цзин-ци), наличие которых создает духовную жизнь людей и вообще всего одушевленного в мире.

Снова вернувшись к упанишадам, выясняем, что, как сказано в Чхандохье (VI, 7–8), пища, благодаря которой все существует, состоит из трех частей. Грубая идет в испражнения, средняя усваивается телом и кормит именно его, а тонкая становится — у человека — его дыханием, мыслями и словами. В другом варианте та же идея дана в чуть ином контексте: тонкое — то, что делает соль солью, комара комаром, а тигра тигром, т.е. основа самости всего и духовности человека или, как сказано в одном из самых известных древнеиндийских изречений, — *тат твам аси*.

Итак, философский даосизм в своих основных новаторских идеях — будь они высказаны предтечей даосизма Цзоу Янем или Чжуан-цзы — явно несвободен от заимствований извне, причем из одного и того же двусоставного первоисточника, индо-иранской мысли. Если мы обратим внимание на чуть более поздний и наиболее известный трактат даосской философии «Дао-дэ цзин», приписываемый Лао-цзы (буквально «старому мудрецу»), то убедимся в этом в еще большей степени. Емкие афоризмы этого великого по глубине и сложности конструкции трактата впечатляют. Написан он, видимо, позже «Чжуан-цзы», хотя есть варианты текста, позволяющие высказывать по этому поводу различные суждения. Важнее, однако, то, что философская часть «Дао-дэ цзина» во многом повторяет суждения Чжуан-цзы, хотя содержит и немало других идей, чаще всего парадоксального характера.

В «Чжуан-цзы» говорится, что Лао-цзы был старшим современником Конфуция и высокомерно поучал его. Это явно выдумка Чжуан-цзы, ибо имени Лао ни в одном тексте до его книги нет. Но дело не только в этом. Проблема в том, что Чжуан-цзы (как и Цзоу Янь) выступил с идеями, о которых в Китае никто никогда не слыхивал. Но если идеи Цзоу Яня были хоть и кардинально важными, но легко понятными, то рассуждения Чжуан-цзы даже самым образованным китайцам вначале, видимо, были непонятны. Понадобилась опора, некий фундамент, уходящий корнями в старину, ибо в Китае только древняя традиция, даже давно забытая, ценилась. Вот он и был выдуман, этот некий никому не ведомый загадочный Старик, который, поработав некоторое время в чжоуском архиве, не захотел жить в Китае (такое, стоит заметить, ни с кем и никогда не случилось, просто быть не могло, ибо Китай — это и есть вся Поднебесная, а вне ее одни варвары) и ушел, оставив на пограничной заставе по просьбе ее смотрителя свой гениальный трактат, состоящий всего из восьми с лишком десятков небольших параграфов.

Не следует, однако, воспринимать все сказанное как свидетельство одних лишь бездумных механических заимствований. Дело в том, что китайские даосы умело перемежали чужие новации хорошо известными рассказами и примерами из чжоуской и даже дочжоуской истории, что способствовало не только усвоению, но и китаизации новаций, особенно когда при передаче чужой лексики и терминов использовались хорошо знакомые китайские эквиваленты.

СИНТЕЗ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИДЕЙ В КОНЦЕ ЧЖОУ

Все древнекитайские идеологи и реформаторы уживались достаточно мирно. Многие из них даже сотрудничали, особенно когда близ столицы богатого царства Ци был создан научный городок Цзися, где все они могли жить на полном и очень неплохом обеспечении. Там побывали и Цзоу Янь, и Мэн-цзы, и Чжуан-цзы, и многие другие мыслители чуть меньшего калибра. Жили они свободно, делали и говорили что хотели. Кое-что из сказанного ими, надо полагать, наиболее значимое, собиралось и впоследствии вошло в специальную энциклопедию «Гуань-цзы», названную в честь знаменитого циского министра Гуань Чжуна и составленную в IV–III вв. до н.э., частично и позже. В составлении текста принимали участие и конфуцианцы, и легисты умеренного толка, и даосы, да и многие другие философы. Были и иные труды аналогичного характера, как, например, «Люйши чуньцю», составленная теми учеными, которые жили на правах гостей-приживалов у богатого купца Люй Бу-вэя, чьим именем это сочинение и было названо. В нем, как и в «Гуань-цзы», тоже отражены идеи представителей разных школ.

Но наибольший вклад в процесс синтеза древнекитайской мысли внес в конце Чжаньго конфуцианец Сюнь-цзы. Как мыслитель, он сильно отличался от своего старшего современника Мэн-цзы, который считал, что человек по натуре добр и только тяжелая жизнь портит его. В противоположность Мэн-цзы Сюнь-цзы исходил из того, что человек изначально полон скверны и лишь воспитание делает его вполне приличным. Впрочем, не это было самым главным расхождением во взглядах бескомпромиссного Мэн-цзы и готового к компромиссу Сюнь-цзы. Гораздо важнее, что Сюнь-цзы, видя, что конфуцианство в конце Чжоу теряет свой престиж, стал искать выход. И нашел его, чем спас и конфуцианство, и вместе с ним всю великую китайскую цивилизацию.

В трактате «Сюнь-цзы» сказано, что в юности, как-то посетив царство Цинь, этот практичный реформатор обнаружил много такого, что заслуживает внимания и может найти применение даже в конфуцианстве — при условии, если пойти на некоторый компромисс. В частности, это касалось строгой социальной дисциплины людей, приученных законами Шан Яна к соблюдению порядка. Конечно, конфуцианцы стремились к дисциплине и порядку, основанному на этических традициях, заложенных Учителем. Но Сюнь-цзы понял, что если к конфуцианскому прянику не добавить немного от легистского кнута, учение Конфуция может уйти в небытие. И он пошел на подлог.

В своем трактате он вывел Конфуция совсем не таким, каким он был. Больше того, скорее всего, именно благодаря Сюнь-цзы появилась в «Цзо-чжуань» версия о том, что в 500 г. до н.э. Конфуций велел чуть ли не изрубить на куски скоморохов, которые будто бы не по правилам плясали во время встречи безвластного в те годы луского правителя с всевластным правителем царства Ци, причем на циской земле, где лусцы были весьма приниженными гостями, скромно просившими вернуть им захваченные прежде земли. Сюнь-цзы придумал также историю о некоем шао-чжэне Мао, который будто бы смущал молодежь недозволенными речами, за что был казнен опять-таки по велению Конфуция. Но ведь Сюнь-цзы знал, что Конфуций никогда не имел власти казнить кого-либо, тем более за не те слова или пляски, что в текстах времен Конфуция нет имени шао-чжэна Мао. Так в чем же дело?

Все объясняется просто. Сюнь-цзы нужно было сделать Конфуция в глазах его современников иным, чем он был на самом деле. Нужно было, чтобы великий Учитель взял в руки плетку, дабы придать его учению твердость. И он, не колеблясь, сделал то, без чего развиваться и рассчитывать на успех учение великого Учителя в конце Чжоу не могло¹.

Сюнь-цзы своим подлогом не только спас конфуцианство как пригодное для управления империей учение, но и обеспечил ему, — правда, здесь сыграл свою решающую роль и ход истории —

---

¹ Неудивительно, что два лучших ученика Сюнь-цзы, которыми мог бы гордиться любой из мудрецов периода Чжаньго, теоретик Хань Фэй-цзы и Ли Сы, главный министр Цинь Ши-хуана, фактический автор жесткой структуры империи Цинь, оказались не конфуцианцами, а легистами.

успех в будущем. И все же, несмотря на эту великую заслугу перед учением, которому он в отличие от его учеников был предан до конца, извративший сущность облика Учителя Сюнь-цзы дорого за это заплатил: его трактат в отличие, скажем, от «Мэн-цзы» не оказался в числе конфуцианского канона. И это вполне справедливо.

ИМПЕРИЯ ЦИНЬ И ПРИЧИНЫ ЕЕ ПАДЕНИЯ

Царство Цинь в 221 г. до н.э. объединило Поднебесную, основав первую в китайской истории империю, правитель которой объявил себя Первым священным императором — Цинь Ши-хуанди. Но стоит вспомнить, что Цинь отличалось от большинства завоеванных им царств, где конфуцианство пользовалось влиянием и потому не было готово принять жесткий легизм Шан Яна. Однако ни Цинь Ши-хуанди, ни его главного министра Ли Сы это не смущало. За 13–14 лет существования империи Цинь с помощью легистского кнута было сделано немало. Вся страна была поделена на 36 областей во главе с губернаторами (когда встал вопрос, не дать ли родственникам уделы, как то было в начале Чжоу, Ли Сы резко отреагировал на это решительным отказом, ибо хорошо понимал, что это повело бы к рождению деструктивных тенденций). Области были поделены на уезды, те — на волости и другие административные образования. Главы шести центральных ведомств (военное, судебное, финансовое, обрядов, двора и охраны императора) и сотрудники всесильного цензора, а также чиновники на местах обладали административными рангами, соответствовавшими их должностям.

Император распорядился, чтобы все население империи сдало оружие, и переселил около 120 тыс. богатых и знатных семей со всех концов страны в свою столицу, что лишило правящую элиту бывших царств связи с их прежними подданными. Все прежде действовавшие законодательные нормы были отменены, а взамен введены шанъяновские, включавшие суровые наказания за мелкие проступки. Была введена унифицированная система мер и весов, новый стиль написания иероглифов, сохранившийся в основном до наших дней. Все крестьяне были наделены землей, налоги и повинности на первых порах были умеренными, ремесла и торговля имели возможности для развития, а наиболее богатые из торговцев и ремесленников получили право выступать в функции откупщиков, облегчая тем самым государству задачу налаживания производства железа, вина, добычи соли и т.п.

Государство контролировало цены на важнейшие продукты, в первую очередь на зерно. Была создана сеть государственных предприятий и мастерских, куда в порядке отбывания трудовой повинности отбирались на определенный срок лучшие мастеровые, работавшие для нужд казны и государственных хранилищ. На строительстве дорог, которым император уделял особое внимание, в рудниках, при сооружении новой столицы и гробницы для императора использовались в порядке отбывания трудовой повинности крестьяне, иногда и рабы-преступники, т.е. каторжане. Миллионы крестьян и каторжан мобилизовывались для сооружения Великой стены, созданной в кратчайший срок и стоившей многих сотен тысяч жизней.

В целом жесткая легистская система давала немалый экономический эффект. В стране господствовал безусловный и твердой рукой введенный порядок. Но вот столь желанной конфуцианцами и ожидавшейся населением гармонии не было. Не привыкший к столь тяжелому, да еще из-под палки каждодневному труду, народ стонал. Оппоненты императора, особенно из числа конфуцианцев, открыто негодовали, обвиняя его в бесчеловечности. В ответ Цинь Ши-хуанди приказал в 213 г. до н. э. сжечь все древние книги (кроме безвредных, вроде пособий по медицине или математике) и казнить, закопав живьем, 460 наиболее рьяных своих противников. Это усилило ненависть к тирану. На него совершались и готовились покушения, и он привык не спать дважды подряд в одном и том же дворце. Как бы оправдываясь, император любил ставить от своего имени каменные стелы, в которых с помощью привычной для большинства китайцев конфуцианской лексики убеждал людей в том, что он заботится об их благе. Но это не помогало. Страна находилась на грани кризиса, когда в 210 г. до н.э. император неожиданно умер во время одной из своих поездок.

КРУШЕНИЕ ЦИНЬ И ДИНАСТИЯ ХАНЬ

Неожиданная смерть тирана вызвала волну восстаний. Слабый преемник и высшие чины империи, Ли Сы и евнух Чжао Гао, не смогли справиться с каждым днем обострявшейся ситуацией и вскоре погибли. В 207 г. до н.э. империя рухнула. Начались междоусобные войны предводителей различных отрядов, из которых победителем вышел крестьянский вожак Лю Бан, основавший новую династию Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н.э.). Стоит заметить, что крестьяне,

за счет которых существовала правящая элита и в Чжоу, и после возникновения империи, обычно находились под патронажем власти, заботившейся о том, чтобы у каждого пахаря было свое поле и он исправно платил налоги. Это было генеральным принципом китайской системы землепользования при всем том, что временами ее формы изменялись. Обычно в Китае господствовала находившаяся под патронажем власти система наделов, но в моменты кризисов наделы порой собирались в руках деревенских богатеев, сильных домов. Впрочем, это бывало, как правило, кратковременным явлением. Власти всегда оказывались очень этим озабочены. И немудрено, потому что в такого рода условиях за кризисами следовали социальные взрывы и крестьянские волнения. Так случилось и на сей раз.

Лю Бан получил разрушенную войной страну, система управления которой оказалась нежизнеспособной. Едва ли он мог проанализировать ситуацию. Это сделали за него позже более образованные наблюдатели, которые, как Цзя И, считали виновным в падении империи Цинь Ши-хуанди с его самоуверенностью, жестокостью и нежеланием учитывать мнения оппонентов. В такой ситуации недовольство народа было неизбежным, а любой повод для обострения недовольства — роковым для династии.

Лю Бан следовал идеям, высказанным в свое время Сюнь-цзы (хотя прямо на него он не ссылался). Суть идей сводилась к компромиссу между вчерашним легизмом, на чьих институтах держалась империя, и конфуцианством, которое одно только могло придать жесткому порядку легизма элементы столь желанной людьми гармонии. Все жестокости, особенно суровые наказания, были отменены. В стране была объявлена широкая амнистия. Каждый крестьянин получил земельный надел. Налоги и повинности стали умеренными. Не имея возможности пока что опереться на иную административную структуру и потому не очень спеша с реформами, Лю Бан не упускал случая, чтобы ввести в систему управления элементы конфуцианской гармонии, которая не была чужда и ему самому, выходя из Восточного Китая, далекого от царства Цинь.

Преемники Лю Бана, особенно его сын Вэнь-ди (179–157 гг. до н.э.), стали активно использовать в управлении империей новое поколение сторонников Конфуция. Конфуцианцы, которым впервые пришлось наконец прийти к власти, показали себя с лучшей стороны. Следуя идеям Сюнь-цзы, но опять-таки стараясь не ссылаться на него, они разумно приняли все те необходимые способы

управления империей, которые были введены легистами и оправдали себя, добавив к ним все то, чему когда-то учил Учитель. Это резко изменило характер общества, отношения в нем стали более сдержанными и подчеркнута весьма благосклонными по отношению к простым людям. Вэнь-ди выделял неимущих, вдов и сирот, бедных и одиноких, особо людей старше 80 лет, и награждал либо щедро одаривал их по случаю всякого государственного торжества (специальными указами им жаловали шелк, рис, мясо — самое ценное из того, чем владели китайцы). Вэнь-ди уменьшал налоги и вообще дошел до того, что просил своих придворных быть умеренными в пище и одежде и не устраивать для него пышных похорон.

Процесс плодотворного синтеза конфуцианства и легизма пришелся на годы правления внука Вэнь-ди знаменитого ханьского У-ди, просидевшего на троне свыше полувека (140—87 гг. до н.э.). Именно при нем империя достигла кульминации своего развития. Знаменитая экспедиция Чжан Цяня на запад в поисках союзника против усилившегося на северных границах Китая племенного государства сюнну привела к тому, что был открыт Великий шелковый путь. Параллельно были достигнуты успехи в войнах с соседями на севере и на юге. Был также издан знаменитый указ, принуждавший аристократов, получивших при Лю Бане уделы, делить свое имущество между всеми наследниками, включая и женских, что быстро покончило с существованием уделов в империи. Но, пожалуй, самое главное, что было создано при У-ди, — это официальное ханьское конфуцианство, синтетическое учение не без элементов эклектики. В него вошло все наиболее ценное и полезное для страны и народа из того, что создали китайские мыслители в Чжоу.

Создатель этого учения, Дун Чжун-шу, четвертый и последний из выдающихся конфуцианцев древности, закрепил окончательный фундамент той цивилизации, которая просуществовала в империи свыше двух тысячелетий. Именно она является в очень значительной степени основой успехов всего современного китайско-конфуцианского мира. И хотя споры между конфуцианцами и легистами еще продолжались, это было уже последним этапом синтеза. По окончании хорошо известной дискуссии о соли и железе, т.е. о проблеме государственных монополий, обогащенное за счет легизма и иных учений и ставшее за этот счет вполне жизнеспособным учение Конфуция выступило главной доктриной империи. На рубеже нашей эры был создан наиболее полный компендиум конфуци-

анства — трактат «Лицзи». В нем было собрано и подробно описано все то, чему учил Конфуций и что составляет самое главное в конфуцианстве, которое к этому времени стало выполнять в не имевшем до того развитой религиозной системы Китае роль господствующей религии.

Несколько слов о древнекитайской деревне. В эпоху Чжоу, когда частная собственность еще не была сильно распространена, проблема расслоения общины практически еще не стояла. А вот с возникновением империи ситуация изменилась. Появились частные собственники и в городе, и в деревне. Но если в городе они были уже заметными, то в деревне едва пробивались, что, впрочем, не мешало тому, что уже на рубеже новой эры появились так называемые сильные дома, которые в годы кризиса становились достаточно сильными и задавали тон в наполненной арендаторами и батраками обедневшей деревне. Но, поскольку китайская деревенская община всегда была сильной и опиралась на традиции совместного землепользования под патронажем администрации, чего никогда не было в индийской самоуправляющейся многокастовой общине, то неудивительно, что власть обычно вмешивалась в такую ситуацию. Стоит вспомнить в связи с этим попытку императора Ван Мана исправить дело за счет ликвидации неравенства и восстановления утопической системы *цзин-тянь*.

* * *

Что наиболее характерно для древнекитайской мысли? Явный уклон в этику. Начиная с трогательного культа предков и идеологии о мандате Неба, вручаемом добродетельному правителю и отнимаемом у недобродетельного, практически вся эта мысль проникнута приоритетом нравственного начала. И это начало превалировало на протяжении долгих веков, несмотря на то что в Поднебесной в огромном количестве случались и дела безнравственные. О примате кармической и кастовой этики можно, даже должно говорить и применительно к Индии. Но там она обуславливалась религиями и всегда была религиозной. В древнекитайском обществе, где влияние религии почти не ощущалось или играло незначительную роль, этика мощным потоком вышла на передний план и в конечном счете стала основой основ всей конфуцианской цивилизации, дожившей до наших дней и спонтанно влияющей на события в современном Китае.

В Индии мораль всегда была религиозной, обусловленной влиянием той либо иной религии. В Китае религия, если ее влияние хоть сколько-нибудь ощущалось, всегда была глубоко моральной. Этическая норма обязательно выходила на передний план вне зависимости от того, как реально в тот либо иной момент истории складывалась жизнь. Китай не раз бывал завоеван варварами, не признававшими норм морали. Но время шло, варвары ассимилировались, их потомки становились китайцами и воспринимали в качестве основы жизни китайскую, прежде всего и главным образом конфуцианскую, мораль.

Глава десятая. ДРЕВНЕВОСТОЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

На Востоке родилась мировая цивилизация. Ее первые урбанистические очаги появились в Египте и Шумере, затем возникло несколько вторичных. Каким был сложный процесс эволюции ее достаточно многочисленных государств и обществ, включая небольшие отдельно существовавшие города, а также племенные кочевые структуры, едва достигнувшие уровня протогосударств? Что можно и нужно сказать об эволюции всех этих ранних очагов древней культуры? Какие общие характерные черты и признаки объединяют их и что служит важным отличием одних от других? Ответы на все эти и связанные с ними вопросы важны для того, чтобы уяснить общую картину развития и, в частности, роль именно древневосточного мира в сложном процессе взаимодействия и противоборства Востока и Запада в истории человечества.

СОЦИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СТРУКТУРА

Что касается основ ведения хозяйства и тесно связанных с ними форм социально-производственной структуры, то в этом плане — при всем заметном многообразии конкретных модификаций, будь то Египет с его высокой степенью централизации или Индия с ее исключительно прочной практически автономно существующей общиной — обращает на себя внимание принципиальное сходство. На ранних стадиях развития древних очагов цивилизации это сходство проявляло себя в том, что в условиях отсутствия частной собственности на передний план в странах традиционного Востока

езде выходили институты власти-собственности и — за редкими исключениями — централизованной редистрибуции. Неважно, как это выглядело конкретно и какой принимало облик. В земледельческих странах в зоне плодородных речных долин или в узких горных ущельях, в отдельных изолированно стоявших городах на транзитных торговых путях или в скотоводческих племенах, едва вступивших на путь трибализации, принципы были если и не одинаковыми, то в своей основе сходными.

Сходство, о котором идет речь, фиксируется в главном и основном: труженики, особенно земледельцы, активно заняты в процессе производства. Они обрабатывают поля, пасут скот, строят жилища и создают многие другие сооружения в свободное от многочисленных сельскохозяйственных и домашних работ и забот время. В кочевых племенных структурах в их задачу входят прежде всего поиски и разумное использование кочевий для скота в разные сезоны года. За всеми этими вполне рутинными работами следят, как правило, уже стоящие над производителями управители, будь то главы семейно-клановых коллективов, руководители общин или вожди племен и государств.

Все вышесказанное означает, что до начала процесса приватизации на Востоке существовала лишь одна общая для всех форма ведения хозяйства — общинно-государственная. Это та самая форма, которая бросается в глаза при первом взгляде на Восток едва ли не в любую эпоху. Именно она была достаточно адекватно оценена в свое время Гегелем и Марксом. А сущность ее сводится в самых общих чертах к тому, что все коллективы производителей относятся к ресурсам и средствам ведения хозяйства как к своим, т.е. реально владеют ими, тогда как распоряжаются от имени коллективов их общин достоянием возвысившиеся над ними руководители, от главы семейно-клановой группы до правителя. Разумеется, можно обнаружить немало различных модификаций того, как все это конкретно осуществлялось на практике в различных природных и иных условиях. Бывают ситуации вроде той, что характерна для индийской общины, в рамках которой высококастовые землевладельцы выступают в форме посредников, используя труд батраков или сдавая землю низкокастовым арендаторам. Нечто в том же роде встречалось и в древнекитайской деревне с ее так называемыми — уже в Цинь и Хань — «сильными» домами. Да и вообще с момента появления частной собственности как распространенного института

богатые собственники могли играть во всей системе социально-производственных отношений аналогичную роль по отношению к их служащим, помощникам, батракам или слугам.

Случалось и так, что выполнение казенно-государственных повинностей, выступавшее в ряде государств в отдельные периоды на первый план или осознанно подчеркивавшееся в документах и в реформах, свидетельствовало о крепости того либо иного государства или о стремлении укрепить его. С этих позиций можно расценивать рабочие отряды в период Древнего царства в Египте или эксперименты в Шумере в годы правления третьей династии Ура. Примерно таковы и следствия сыгравших немалую роль в истории Китая реформ Шан Яна, выразившиеся, в частности, в практике регулирования жизни китайской деревни с помощью организации в ней системы круговой поруки бао-цзя, в рамках которой десять или пять хозяйств были обязаны отвечать друг за друга перед требовавшей налоги и отработки казной. Но в тех же регионах в другие времена обходились без этого, как всегда жила без какого-либо вмешательства извне традиционная индийская община.

Все это так. Но стоит сразу же заметить, что низкий социальный статус частных собственников, включая зажиточных земледельцев, на Востоке, в том числе и в индийской общине никогда не создавал условий для превращения их в крупномасштабных и социально значимых эксплуататоров большого количества бедных и неимущих. Да и вообще власть имущие, к числу которых упомянутые частные собственники, как правило, не относились (в Индии и тем более в индийской общине с ее брахманами было не вполне так), не были заинтересованы в этом. Это легко понять, так как в тех случаях, если и когда условия нормального существования частной собственности выходили за приемлемые рамки, позиции власти ослабевали. Соответственно авуары и возможности централизованной редиистрибуции, за счет которой пополнялась казна и существовали государства, заметно уменьшались. И как раз там или тогда, где и когда — как то было в индийской общине или в древнекитайской деревне с ее сильными домами в определенные моменты кризисов — нечто в этом роде становилось часто или постоянно встречающимся, власть, а вместе с ней и государство как институт слабели, а то и рушились.

Индийское государство было обычно слабым в немалой мере и, помимо всего прочего, из-за этого. В феодальном чжоуском и в им-

перском Китае ситуация была другой. Там крепкое государство держалось именно на том, что каждый усилившийся частный собственник либо хорошо делился с властью (скажем, покупал за большие деньги очередной не полагавшийся ему без того ранг, что повышало его статус и особенно престиж), либо получал от следившей за этим власти по рукам, причем весьма сильно. Итог вполне понятен. Если государство было заинтересовано в том, чтобы оставаться сильным, оно не допускало ослабления земледельца, что было характерным не только для Китая, но и для всего Ближнего Востока, о чем достаточно ясно говорят законы старовавилонского Хаммурапи. И если в многокастовой Индии в силу иначе складывавшихся обстоятельств порой было не так, то там нормой оказывалось слабое государство, которое с завидной легкостью становилось добычей врага. Но в любом случае все это модификации единой общей для всех структуры.

Материальным выражением такой структуры, общинно-государственной формы ведения хозяйства была всегда и везде выплата коллективами производителей в казну определенной доли труда и продукта. Не так важно, как мы ее назовем, рентой-налогом, по А. Смиту, или как-то иначе, но смысл отношений до предела понятен. Теоретически можно именовать эту долю избыточной, не забывая, однако, об условности понятия «избыточный». Но гораздо важнее то, что при отсутствии в обществе развитой буржуазной частной собственности с характерной для нее рентой собственника господствующей формой взимания избыточного продукта было именно то, что А. Смит назвал рентой-налогом. Имеется в виду слияние налога как законного дохода государства для выполнения им его общезначимых функций и той ренты, которую в данном случае то же государство взимало с подданных в качестве верховного собственника, т.е. субъекта власти-собственности.

Эта рента-налог и была тем совокупным доходом причастных к системе администрации власть имущих, за счет которого верхи существовали. В зависимости от титула, ранга, должности, родственной близости к правителю и некоторых иных обстоятельств каждый из них получал из государственной казны то, что ему полагалось, причем это и было централизованной редистрибуцией, точнее, его долей в такой редистрибуции. За этот же счет помимо власть имущих существовали также многочисленные слуги и рабы, мастера-ремесленники и торговые агенты, наконец, просто домочадцы и приживалы в домах власть имущих (опять-таки строго в зависимости

от должности, ранга и прочих позиций их хозяина). А если толика этого совокупного продукта — неважно, в какой форме, денежной или другой — перепадает, как то было в Индии (речь пока идет, следует оговориться, только о восточной древности), не имевшим отношения к власти посредникам, от них-то власть и избавлялась довольно решительно. Разве что в Индии, где у брахманов и вообще у лиц высокой касты были соответствующие привилегии, дало обстояло иначе, за что это государство и расплачивалось.

Не следует считать такого рода перераспределение совокупного общественного дохода чем-то вроде беззастенчивой эксплуатации трудящихся. И не только потому, что будто бы здесь не наличествует явно неэквивалентный обмен деятельностью. Он вполне может быть действительно неэквивалентным. Но кто посчитает и экономически-математически выведет справедливый эквивалент? Напрасно на это надеяться, и незачем делать соответствующий акцент. В конце концов существование упорядоченного сообщества стоит того, чтобы за него в случае надобности и переплатить. Все равно придется переплачивать, если ослабленное общество рухнет и тем более погибнет. Поэтому считать стоит иначе и в любом случае понимать, что перед нами объективно разумный результат исторически сложившегося и крайне важного для существования разросшегося коллектива обмена деятельностью. Низы трудились, верхи управляли — на этом держалась вся долгими тысячелетиями росшая и в процессе проб и ошибок выработывавшаяся единая в принципе для всего традиционного Востока структура древних цивилизованных восточных обществ.

Каждый из многочисленных социальных слоев, каждая из категорий подданных делали свое дело и были необходимы для нормального функционирования социополитического организма в целом. Конечно, при этом верхи порой получали, быть может, чересчур много за свой общественно необходимый труд, т.е. буквально купались в роскоши. Но нельзя не учесть, что для этого общество должно было быть достаточно богатым. Чтобы обеспечить их этой роскошью, между прочим, нужны были и успешные войны, и умелые политические акции все тех же власть имущих, которые, таким образом, не зря ели свой хлеб. Практически это значит, что правящие верхи обычно пользовались роскошью все-таки в соответствии с количеством и, главное, качеством своего труда. А отсюда следует, что говорить об эксплуатации и даже неэквивалентном использовании общественного достояния нет оснований.

Нет, стоит повторить, прежде всего потому, что неведома норма, которую следовало бы считать эквивалентом. Нет нормативного регламента, отчетливо регулировавшего такого рода норму. А рассуждать исходя из постулата о справедливости и равенстве — хотя это и свойственно отсталой мировой деревне — просто непродуктивно хотя бы потому, что постулаты подобного рода не могут считаться разумными именно с точки зрения существования такого государства и общества, о котором сейчас идет речь. Как бы то ни было, но для нас важен сам факт: та самая общинно-государственная форма хозяйства, сложившаяся в неолитических обществах задолго до появления государства как аппарата власти во главе с правителем, была в государствах традиционного Востока с завидной легкостью приспособлена к тем обществам, которые начали регулярно производить избыточный продукт, обретший облик ренты-налога. Именно в таком виде этот продукт потреблялся правящими верхами, выполнявшими функции администраторов (или в первую очередь ими). А коль скоро общество нуждалось в аппарате управления, то нельзя не прийти к выводу, что именно этот аппарат следует считать вполне оправданно сложившейся ранней формой государственности. И в этом смысле государство как социополитический институт — форма самоорганизации каждого находящегося на грани выхода за пределы первобытности более или менее значительного, растущего и усложняющегося, прошедшего через этап первичной трибализации готового к последующим этапам политогенеза общества.

Подобного рода формула отнюдь не означает, что любая этническая общность, достигнув сколько-нибудь заметного размера, сразу же и автоматически трансформировалась в государство. Как показали специальные исследования антропологов и того же Дюркгейма, крупная этническая общность может при определенных обстоятельствах достаточно долго оставаться неструктурированной и существовать в форме некоего союза родственных общинных коллективов. Для этого очень важным фактором следует считать отсутствие постоянных контактов с какими-либо более развитыми структурированными племенами и соответственно безопасные для данной общности условия существования. Такая ситуация характерна, в частности, для живущих в не слишком благоприятных условиях кочевых скотоводческих коллективов, но встречается и у земледельцев, опять-таки обитающих на не очень завидных землях.

Но коль скоро речь идет о тех, кто живет в более благоприятных условиях, и в силу этого общность часто контактирует с развитыми соседними коллективами, в нем обычно, насколько можно судить по данным антропологии, достаточно быстро происходит процесс структурирования, и на смену вроде бы безликой общности в результате трибализации приходит племя во главе с вождем. Нечто в этом же роде происходит с небольшими урбанистическими структурами, которые стоят на транзитных торговых путях и потому достаточно рано обретают облик и функции занятого преимущественно посреднической торговлей города-государства, который представляет собой вариант протогосударственной структуры. Не приходится говорить о том, что в большинстве случаев, коль скоро речь идет о крупных древневосточных обществах, все они, тем не менее, на сравнительно раннем этапе своего существования, порой и в результате нашествий и войн, оформлялись в виде первичного либо вторичного протогосударства, а то и, как в Египте, очень рано обретали более продвинутую форму раннего государства.

По мере последующей эволюции облик того либо иного древневосточного государственного образования мог существенно изменяться. При этом основные принципы его социально-производственной структуры оставались неизменными. Они не менялись, во всяком случае сколько-нибудь существенно, и тогда, когда в них на определенном этапе эволюции (это касается прежде всего земледельцев и центров торговли) начинался процесс приватизации, приводивший к развитию рынка и товарно-денежных отношений. Процесс приватизации, протекавший во всех ранних государствах Востока, заметно усложнял привычную структуру, хотя в принципе и не колебал ее. Изменения вели к тому, что после появления товарно-денежных отношений и рыночного обмена новый тип отношений частной собственности (наемный труд, земельная аренда, работа на рынок ремесленников и торговцев, прежде исполнявших только государственный заказ, наконец, ростовщичество и долговая кабала) способствовал появлению наряду с общинно-государственной новой формы ведения хозяйства.

Появление частнособственнического хозяйства — сначала в городах, где быстрее и чаще появлялись рынки и развивались товарно-денежные отношения, а затем и повсюду — заставлял власть имущих приступать к строгому регулированию этой новой формы. Разумеется, сам факт появления частной собственности был санкциониро-

ван. Но практически везде это делалось со строгими ограничениями, в сильно урезанном виде, без прав и гарантий, и уж в любом случае безо всяких надежд на самостоятельное развитие при отсутствии бдительного надзора со стороны государственных чиновников. В результате частные собственники на Востоке, даже будучи очень богатыми, никогда не были полностью свободными в своих действиях и, более того, всегда были зависимы от власти. А уж о том, чтобы регулярно обращать свои доходы в капитал, приносящий проценты, да еще при заботливой поддержке власти, нигде на Востоке не было и речи. **Потому там не возникала и не могла возникнуть собственная буржуазия.**

Из легализации частной собственности наибольшую выгоду извлекали опять-таки социополитические верхи, связанные с аппаратом управления. Именно они путем угроз и повседневного контроля принуждали заметно богатевших простолюдинов отдавать им часть своих доходов. А если эти доходы оказывались настолько крупными, что из-за них теряла свои привычные поступления казна, принимались соответствующие более строгие меры. В тех случаях, когда вследствие разорения земледельцев, становившихся из-за уступки их наделов богатым соседям арендаторами, государство не получало полной нормы налогов (арендаторы налогов не платили, а богачи от них откупались взятками), эти меры были особенно жесткими. Аппарат власти не останавливался перед тем, чтобы обрушиться на собственников с репрессиями и даже конфисковать чересчур крупные состояния, благо в предлоге для этого в условиях отсутствия прав и гарантий не было необходимости.

В итоге новая — **командно-регулируемая рыночно-частнособственническая** — форма ведения хозяйства, т.е. ограниченная, оскопленная частная собственность и рынок, занимала свое скромное второстепенное и зависимое от власти имущих место в общей системе народного хозяйства. Ни собственность, ни рынок на Востоке никогда не были в полном понимании этого слова свободными. Мало того, не имея прав и гарантий и нередко находясь в состоянии серьезного конфликта с окружающим их населением, справедливо видевшим в богатых простолюдинах главным образом стяжателей, частные собственники сильно зависели от властей как своего рода гаранта самого их существования. В случаях обострения социальных кризисов, ослабления власти и в моменты восстаний недовольные частные собственники, как и нерадивые чиновники, оказывались в первую очередь под ударами восставших. Именно их дома и хо-

зайства грабили и жгли особенно охотно. Поэтому, как то ни будет выглядеть парадоксальным, частные собственники были объективно заинтересованы в процветании той самой власти, которая жестко их контролировала и беззастенчиво грабила, но зато при этом охраняла от ярости народной.

Таким образом, несмотря на появление в обществе богатых частных собственников, укрепившееся задолго до того государство, которое привыкло привольно существовать за счет централизованной редиистрибуции совокупного общественного продукта, не давало простора для реализации потенций частного предпринимательства. Частные собственники не только ограничивались в правах и привилегиях, но чаще всего становились своего рода дойной коровой для представителей власти. В этих условиях сохранялась давно уже сложившаяся структура, в рамках которой аппарат власти был ведущей и абсолютно господствующей силой, а частный собственник с точки зрения реализации своих немалых потенций оказывался практически оскопленным.

Итак, есть все основания обратить специальное внимание на то, что частнособственническое хозяйство и рынок на традиционном Востоке были с самого своего появления лишены внутренних потенций для эволюции. Соответственно на Востоке частные собственники, сколь бы богатыми и влиятельными они ни были, всегда оставались послушными подданными государства и находились обычно в социальном слое простолюдинов, статус которого всегда был ниже статуса людей государственных, даже простых воинов, имевших за службу скромный служебный надел или право на налог с определенной территории. Эта ситуация вплотную сталкивает нас с проблемой социальных слоев на традиционном Востоке.

Известно, что Маркс, этот ревностный апологет идеи классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, не видел на Востоке (включая современный ему) не только европейского типа частной собственности, но и классов. Во всяком случае, он ни разу ни в одном из десятков своих томов об этом не упомянул, хотя о Востоке вспоминал и писал не так уж редко. Он отмечал на Востоке лишь два социальных слоя: производителей (община) и управителей (государство в лице аппарата власти). На деле слоев было больше, но главными являлись именно те, о которых он упоминал. Можно выделить три социальные группы, каждая из нескольких разрядов. Это управители (правитель и его окружение, министры и чиновники

ки, жрецы и воины), производители и труженики (крестьяне, ремесленники, мастера-строители, торговцы), а также слуги (домашняя услуга власть имущих, включая поваров, лакеев, псарей, конюших, садовников и т.п.; слуги-помощники при исполнении хозяином его должности, включая лично преданных и способных рабов, а также рабы в домах простолюдинов, обычно являвшиеся младшими членами семейно-кланового коллектива).

Особо можно вести речь о рабах-преступниках, использовавшихся на тяжелых работах, — обычно это те же простолюдины, но иногда и выходцы из провинившихся власть имущих либо нерадивые слуги, осужденные за преступления. Иными словами, это все тот же — третий и самый низший — слой рабов и слуг. Среди этих трех основных социальных слоев не было места для частных собственников и вообще для богатых простолюдинов. Все они, как правило, включались в те группы, откуда произошли. Если это разбогатевший крестьянин, сдающий земли в аренду и наживающийся на этом, он остается крестьянином и должен платить увеличенные налоги (хотя на деле, откупаясь взятками, не всегда это делал). Если зажиточный горожанин, ремесленник или торговец, а то и отпущенный хозяином на оброк расторопный слуга или раб, он и остается среди соответственно ремесленников, торговцев и слуг (рабов). Только в последнем случае налоги платит как бы от имени своего хозяина, который формально несет за него ответственность и получает оброк, как то бывало, в частности, в халдейском Нововавилонском царстве. Если это брахман в индийской общине, который сдает свою землю в аренду, то он и остается брахманом, числится брахманом.

Таким образом, частных собственников как особого социального слоя на традиционном Востоке никогда не было, ибо не было легитимной частной собственности как структурообразующего института. Существовали частные собственники как группа имущих, у которых всегда было что взять. Впрочем, к этому стоит добавить, что и все остальные социальные слои на традиционном Востоке были бесправными перед лицом всемогущего аппарата власти. И именно для компенсации этого явно нарушавшего баланс стабильности обстоятельства на Востоке со временем получили особое развитие социальные корпорации.

Речь о крепко спаянных семейно-клановых коллективах и выросших кланах, о деревенской общине с ее веками сложившимися формами самоуправления, о землячествах и цехах в городах, о кастах

и религиозных сектах, о различного рода тайных и иных замкнутых обществах. Все эти корпорации, надежно связанные внутренней дисциплиной и патронажно-клиентными отношениями, выступали перед внешним миром как нечто цельное и единое, действующее по классическому принципу «один за всех и все за одного». Созданные для защиты от произвола внешних сил, включая и аппарат власти, социальные корпорации на Востоке гармонично вписались в генеральную структуру и даже оказались полезны государству. Почему же? Ответ удивительно прост.

Тот же аппарат власти предпочитал, например, не вникать во внутренние дела корпораций, оставляя руководство ими, включая и медиативные функции в случае незначительных проступков, на долю глав корпораций. Эти главы, в свою очередь, служили неким гарантом выполнения членами корпораций их функций, включая и важнейшие из них — налоги, воинскую и трудовую повинности и т.п. Спецификой корпораций было объединение в их рамках богатых и бедных, знатных и простолюдинов, производителей и по меньшей мере некоторых из власть имущих. Кроме того, в итоге создавалось представление об общих корпоративных интересах — тех самых, влияние которых столь заметно и даже благотворно на Востоке подчас и сегодня. Даже в современной высокоразвитой Японии еще недавно организация фирм и производства была такова, что люди поступали на работу обычно лишь раз в жизни и за свою верность фирме ею, почти независимо от проявленных ими способностей и полученной от них фирмой пользы, очень неплохо вознаграждались.

Все эти веками складывавшиеся и вслед за тем отработывавшиеся самой жизнью формы самоорганизации восточных обществ не только смягчали произвол деспотической власти, но и создавали выгодный и власти, и народу устойчивый баланс сил. Неудивительно поэтому, что выше всего на традиционном Востоке всегда ценилась консервативная стабильность. Как правило, никто никогда не был заинтересован в ее нарушении. Всех: и власть имущих, и рядовых производителей, и нашедших свое место рядом с хозяином его слуг и рабов, и даже разбогатевших частных собственников, всегда обеспокоенных судьбой своего дела и имущества, — устраивал образ жизни, который они вели. И более всего все они боялись перемен, ибо перемены, как свидетельствовал опыт, всегда не только влекли за собой нестабильность и элементы деструкции, чего в любом случае следовало избегать, но и бывали чреватые серьезными катаклизмами.

Перемен следовало и во всяком случае можно было ожидать от неконтролируемого и непредсказуемого рынка, от стихии частнособственнических отношений, что не в последнюю очередь играло свою роль в жестком контроле власти за рынком и собственниками. Разумеется, сказанное не означает, что восточное общество вовсе избегало новаций и необходимых в каждом отдельном случае реформ. Новое приходило и находило свое место, общество развивалось и даже совершенствовалось за этот счет. Но, во-первых, все новое обычно воспринималось медленно и крайне неохотно, лишь после многократной и тщательной проверки его самой жизнью, ибо оно должно было быть не только совместимым с существующим порядком вещей, но и служить его упрочению. А во-вторых, новации именно вследствие жестких предъявлявшихся к ним требований внедрялись не только весьма избирательно и крайне медленно, но и редко, к тому же в незначительных размерах. Это и служило одной из основ консервативной стабильности традиционного Востока.

ИМПЕРИИ ВОСТОКА: СИСТЕМА ПРИНУЖДЕНИЯ

Обратимся теперь к характеристике более поздних древневосточных государственных образований. Вслед за ранним государством и на смену ему в результате естественной трансформации приходило развитое государство. Оно, как затем и сменявшая его империя, коль скоро она возникала, было закономерным итогом всего длительного процесса политогенеза. При этом принципиальное отличие крупных и развитых государственных образований заключалось в возникновении системы принуждения, обращенной теперь уже не только против иноплеменников, но и по отношению к собственному населению, а также в появлении институционализированного закона. Эти нововведения являлись производными от тех важных перемен, которые были связаны с приватизацией, развитием частной собственности, товарно-денежных отношений, рынка и частнособственнического сектора в хозяйстве. Очень важно обратить внимание на то, что появление даже строго контролируемых рыночно-частнособственнических отношений в непривычных к ним древневосточных обществах с их до того предельно развитой институционализированной административно-распределительной

структурой было отнюдь не случайным. Больше того, это было неизбежностью, даже закономерностью на определенном этапе развития традиционного восточного государства.

Дело в том, что сложное и постоянно усложнявшееся по мере своего роста и развития раннегосударственное образование древневосточного типа оказывалось с течением времени все менее управляемым. Возрастал административный аппарат, становившийся все более тяжелым бременем для общества, но и он по мере развития социально-производственной структуры и хозяйственных связей был не в состоянии следить за всем и, главное, обеспечивать бесперебойное функционирование быстрыми темпами возраставшего и структурно все более усложнявшегося государства. И вот здесь-то снова должен был сказать свое веское слово генеральный принцип самоорганизации общества, причем на этот раз он обычно проявлял себя именно в том, что возникал уже описанный новый для традиционного Востока контролируемый рыночно-частнособственнический сектор хозяйства, практически не нуждавшийся в управлении со стороны аппарата власти.

Сам аппарат власти, привыкший к своему всесилию и к исключительному, монопольному праву на использование всего избыточного продукта общества, отнюдь этому не способствовал и ни в коем случае в этом не был заинтересован. Совсем напротив, традиционное восточное государство, внутренняя суть которого всегда сводилась к тому, что Гегель и Маркс именовали восточным деспотизмом, т.е. к праву всевластия над приниженным и готовым беспрекословно повиноваться обществом, всячески препятствовало появлению слоя экономически независимых от него частных собственников. И в этом полном подчинении всех власти был глубокий смысл, ибо собственники существовали, о чем шла речь, за счет перераспределения в их пользу некоторой части избыточного продукта, до того принадлежавшего аппарату власти. Иными словами, собственники хорошо, чтобы не сказать богато, жили за счет государства, не занимая при этом в нем никаких административных позиций. И аппарат власти (вспомним о феномене власти-собственности) был готов, если бы мог, просто ликвидировать их, смести с лица земли, уничтожить как таковых.

Этого, однако, он сделать не мог, не говоря уже о том, что это было бы губительным для развивавшегося крупного государства. Единственное, что было в его силах, — это лишить частную собствен-

ность всех прав и гарантий и поставить ее под строгий контроль власти, что обычно и делалось. В результате именно этого возникавший на определенном этапе развития восточных государств частнособственнический сектор экономики, жизненно, как и обслуживавший его рынок, уже просто необходимый (подобно кровеносной системе в организме развитых животных или человека) для сколько-нибудь нормального функционирования усложненного и продолжавшего структурно усложняться общества, был лишен потенций для последующего саморазвития.

Это сыграло решающую роль в истории Востока. Возможности для нормального функционирования структуры были обеспечены, но само развитие ее стало приторможенным — государство и аппарат власти отказались предоставить частному собственнику соответствующие его экономическим возможностям место и гарантии в социополитической жизни общества. Собственно, с этого момента Восток и стал Востоком в своем полном и завершенном виде. Это касается всех развитых государств древнего, средневекового, да и колониального, а по меньшей мере частично и современного Востока.

Теперь несколько слов об империях. Что прежде всего и наиболее резко отличало империи Востока? Если принять во внимание, что число их в каждый данный момент истории исчислялось единицами, нельзя не учитывать того, что все они становились развитыми и крупными за счет многочисленных их соседей, порой и крупных государств. А это означало, что все империи были этнически гетерогенными, т.е. имели в своем составе (уже не в качестве пленников-рабов!) немалое количество иноплеменных общностей, которые еще сравнительно недавно, как правило, были самостоятельными государственными образованиями, включая сюда и различные структурированные племена. Иногда отдельные иноплеменные группы, чей уровень развития был сравнительно низким, которые жили в труднодоступных районах, вели специфическое хозяйство и сильно отличались своим образом жизни, оставались на правах автономных окраин того или иного расширившего свои пределы большого агрессивного государства и даже имели своих прежних правителей. Однако и в этом случае все они считались подданными верховного повелителя империи («царя царей») и находились под бдительным надзором его административного аппарата.

Практически это означало, что империя нуждалась в определенной силе и методах принуждения для удержания разноплеменных

подданных в строгом повиновении. Для того чтобы подданные хорошо знали и понимали, что им можно и чего нельзя, писались различного рода административные предписания, создавались строгие государственные регламенты, в отдельных случаях, хотя далеко не везде, выражавшиеся в форме свода законов. Объективная нужда в строгих регламентах, законодательных предписаниях и в административных мерах принуждения в рамках развитого государства с большим количеством разноплеменного населения, к тому же находившегося на различных ступенях развития, вполне очевидна. В империях (вспомним Ассирию, переселявшую завоеванное население чуть ли не сотнями тысяч) было немало рабов-чужестранцев из числа пленных, количество которых временами резко увеличивалось. Правда, часть их сравнительно быстро ассимилировалась, в худшем случае оставаясь неполноправными типа старовавилонских мушкенумов, хорошо известных из законов Хаммурапи. В стране, уже знакомой с товарно-денежными отношениями, арендой и наемным трудом, появлялись и кабальные рабы либо рабы-преступники из числа соотечественников. Кроме того, встречались, если судить по все тому же судебнику Хаммурапи, многочисленные и весьма разнообразные правонарушения, за которые полагалось то или иное наказание, порой вплоть до казни. Все это требовало институционализации судебной и пенитенциарной функций государственной администрации.

Вообще-то медиативные и даже пенитенциарные функции возникли очень давно. Их осуществляли по мере надобности еще выборные лидеры локальных групп, которые призваны были пресекать и гасить все возникавшие в группе конфликты и наказывать виновных. Аналогичные медиативные функции были у отцов-патриархов в рамках семейно-клановых групп, у старейшин общины и тем более у правителей протогосударств (включая племена) и ранних государственных образований. В ряде случаев, как у древних евреев, судьи были даже авторитетами, выступавшими в качестве своего рода заместителей формально пока еще отсутствовавших правителей. Но в любом случае медиация в обществах подобного типа была чаще всего функцией личностного характера, восходившей к престижу и авторитету их обладателя. Существовали нормы обычного права, веками складывавшиеся порядки, которых все твердо придерживались и нарушение которых всегда и всеми осуждалось и соответственно подлежало наказанию со стороны коллектива. Все эти нормы одна за другой со временем входили в формализованную эти-

ческую систему, обычно санкционированную, подчас даже и освященную господствующей в данном социуме и государстве религией. Иными словами, имеются в виду сравнительно небольшие отклонения от признанного образа жизни, которые подлежали наказанию, не нуждавшемуся в том, чтобы его осуществляли принудительно. Так бывало и в ранних государствах. Вспомним легенды о мудром Соломоне и его суде.

В более развитом обществе, особенно в империи, ситуация оказалась много сложнее. И именно для того чтобы эффективно разрешать многочисленные споры на всех уровнях общества, равно как и для того чтобы подданные всемогущей империи безоговорочно подчинялись слову высшего своего повелителя, возник безликий закон. Но этот закон никогда не имел ничего общего с частным правом Рима или вообще с законодательством во имя граждан, что было нормой в Европе со времен античности. Закон на Востоке всегда был лишь нормативным регламентом, определявшим обязанности подданных, и кодексом наказаний для тех из них, кто нарушал нормы регламента. На Востоке с характерной для него командно-административно-распределительной структурой, **принимавший облик закона правительственный регламент, который санкционировал насилие по отношению к своему населению, был псевдонимом всеислия власти деспотического государства.** Это не значит, что все империи были деспотиями и символом произвола в полном смысле этих понятий. Случалось по-разному. Но ни о свободе, ни о правах и гарантиях для какой-либо прослойки управляемого населения речи просто не могло быть. Все были подчинены всеильному правителю.

ТЕМПЫ ЭВОЛЮЦИИ

В такого рода условиях правящая верхушка управителей не только чувствовала себя весьма комфортно, но и надежно гарантировала руководимому ею обществу достаточно прочную внутривластическую стабильность. Такого рода гарантией служили два важнейших фактора. Первым из них, о чем уже шла речь, было умелое искусственное ослабление частного собственника. Трудно сказать, как это происходило в небольших городах-государствах, существовавших за счет транзитной торговли. Но на примере одного из древнейших центров подобного типа, города Ашшура, есть все основания считать,

что и там богатые торговцы были подчинены правителю и его аппарату администрации. Правда, это не препятствовало развитию транзитной торговли. Однако не приходится сомневаться, что и здесь население окружавших город общин обслуживало не интересы торговцев, но прежде всего потребности аппарата власти.

Вторым важнейшим фактором внутривластной стабильности было столь частое в древневосточных обществах соединение административной и религиозной власти. Сакрализованные правители очень часто совмещали свою власть с должностью верховного жреца, а их дворцы были одновременно и храмами местных высокопочитаемых божеств. Иными словами, потребность в духовном комфорте и естественное стремление населения оградить себя от неблагоприятных случайностей мощным щитом божественного покровительства способствовали тому, что носитель высшей власти не просто обретал сакральную силу, но и становился всемогущим посредником между народом и богами. Если прибавить к этому обуздание непричастных к власти богатых частных собственников, то желанная любому обществу консервативная стабильность оказывалась надежно защищенной.

Стремление к консервативной стабильности и заведомо отрицательное отношение к едва ли не любым переменам и нововведениям характерны для всех ранних древневосточных обществ и для большинства из них на более поздних этапах существования. И дело здесь отнюдь не только в нежелании новаций. Причины проще и в то же время глубже: любое потрясение внутри общества ослабляет его и делает желанной добычей для каждого возможного противника. Но даже там, где вторжения крайне маловероятны и практически очень редки в силу географического положения, как, например, в Египте, нестабильность ведет к ощутимым внутренним потрясениям. Практически это проявляется в ослаблении власти центра и укреплении автономии региональных администраторов. Достаточно вспомнить долгую историю все того же Египта с его мрачными переходными периодами между эпохами процветающих династий. Уроки подобного рода демонстрируют Индия и Китай. Как хорошо известно из истории династии Чжоу, особенно периода Чуньцю, иногда нестабильность тянется веками и вырождается в феодально-го типа раздробленность с соответствующими ей междоусобицами, интригами и постоянными внутривластными конфликтами на уровне практически независимых царств.

Учитывая все сказанное, нельзя не обратить внимания на то, что приоритет консервативной стабильности считался везде само собой разумеющимся. Однако за это приходилось расплачиваться. Более всего сохранение стабильности сказывалось на темпах эволюции, которые зависели от многих причин, подчас случайностей. Но вместе с тем нет сомнений в том, что настойчивое стремление к сохранению неизменного порядка вещей всегда вносило свой весомый вклад в эволюционный процесс. В Египте случайность (тесная связь всего уклада жизни общества с рекой и ее регулярными разливами) сыграла важную роль в резком убыстрении темпов эволюции на первых порах, что и привело к созданию огромного единого государства уже на рубеже IV–III тыс. до н.э., когда нигде ничего подобного еще не было. Однако сразу же после этого естественная тяга к замедленным темпам эволюции взяла свое. И последующие два тысячелетия страна развивалась крайне медленно. Однако нельзя сказать, что это негативно отразилось на истории страны и образе жизни ее населения. Так было во многом лишь потому, что на протяжении III и значительной части II тыс. до н.э. Египет никто не беспокоил. Вокруг не было таких обществ и государств, которым это было бы под силу. Как только ситуация в этом смысле изменилась, начались нашествия. Первыми появились хорошо вооруженные гиксосы.

В других государствах, например в Шумере, ситуация складывалась иначе. Здесь медленные на первых порах (что естественно везде, если не иметь в виду факторы случайного характера, как упомянутый уже своенравный характер Нила) темпы эволюции, да еще и сопровождаемые едва ли не постоянной внутривнутриполитической нестабильностью, войнами и междоусобицами, быстро привели к гибели страны и к замене ее новыми государственными образованиями, во многом возросшими на ее традициях. Не отягощая изложение иными примерами (а число их велико), стоит заметить, что соответствующие высоко ценимым идеалам консервативной стабильности медленные темпы эволюции, которые, казалось бы, защищали страну от случайностей и гарантировали сохранение сложившихся норм жизни, к которым люди привыкли и изменения которых не желали, на деле вели к ослаблению внутренней структуры этой страны. Рано или поздно, но в немалой степени именно из-за своих замедленных темпов развития такая страна превращалась в лакомый кусок для воинственных соседей.

Но значит ли это, что отказ от привычных норм бытия и стремление к радикальным реформам, которые меняли темпы эволюции

и должны были бы соответственно укрепить внутреннюю стабильность того либо иного общества, приводили вопреки установившимся предрассудкам к позитивному итогу? Определенно утверждать такое нельзя. Иногда так могло случиться. Например, серьезные перемены в ведении хозяйства и всем образе жизни, связанные с одомашниванием лошадей и изобретением боевых колесниц, сильно помогли митаннийцам и хеттам (а хетты вдобавок ко всему были еще, о чем шла речь, и первооткрывателями железного века). Такого рода помощь находила выражение в том, что слабые и едва заметные среди множества других страны с их неразвитыми очагами цивилизации превращались в весьма сильные государства. Но это не было обязательной нормой. В иных условиях случалось совсем другое, как то можно видеть на примере радикальных преобразований в формах ведения хозяйства в период правления 3-й династии Ура в Шумере на рубеже III и II тыс. до н.э. Ведь именно этот провалившийся грандиозный социально-экономический эксперимент, чем-то очень напоминающий советские колхозы, привел Шумер к гибели.

Завершая проблематику, связанную с вопросом о роли темпов эволюции в древневосточной истории, необходимо заметить, что в принципе темпы, о которых идет речь, имели объективную установку на ускорение. Вне зависимости от того, насколько это соответствовало или не соответствовало субъективным пожеланиям и привычным симпатиям людей, по мере появления на политической карте древневосточных очагов цивилизаций все новых и новых народов, вступавших на путь урбанизации или хотя бы довольствовавшихся возникновением племенных протогосударств, ситуация изменялась. Это проявлялось, в частности, в том, что все большее количество воинственных соседей начинали понимать, что благоприятные условия существования они смогут обрести лишь в том случае, если потеснят тех, кто расцвел и безмятежно существовал в удобных и во многих отношениях притягательных местах.

Лучше всего это видно на примере Египта времен Позднего царства, когда иноземные правители и династии сменяли друг друга, тогда как у самих египтян уже не было сил отстоять свое государство от захватчиков. Можно сослаться и на другие примеры. Но все они говорят об одном: по мере заселения ближневосточного региона все новыми и новыми народами и появления в этом регионе все большего числа различных новых государственных образований, ситуация не могла оставаться прежней. Начиналась все более жесткая борьба

за место под солнцем. Но прежде чем перейти к описанию обстоятельств, которые могли кому-то сопутствовать в этой жестокой борьбе, обратим внимание на еще одну очень важную и сыгравшую свою роль в истории особенность древневосточного мира. Имеется в виду специфика региональных очагов цивилизации и географические различия между этими очагами, включая достаточно заметное территориальное отделение некоторых из них от основной части древневосточных государств и обществ.

ИНДИЯ И КИТАЙ КАК ОСОБЫЕ РЕГИОНЫ

Два гигантских массива, Индия и Китай, волею судеб оказались достаточно заметно отграничены труднопроходимыми дорогами от ближневосточного региона, где в долине великих рек возникли и развивались самые ранние очаги урбанистической цивилизации. Это весьма существенное обстоятельство, сыгравшее, в частности, роковую роль в истории анклава Хараппы, который медленно прекращал свое существование после разрыва, как следует полагать, регулярных контактов с пришедшим в упадок Шумером, нельзя недооценивать. Оно свидетельствует о том, что темпы эволюции и сами условия существования урбанистической цивилизации в долине Инда сильно уступали тем, что были в ближневосточном регионе с его удобными для постоянных регулярных контактов территориями. Как то уже было показано, реальное освоение индийского субконтинента началось лишь во второй половине II тыс. до н.э., причем шло оно с севера и было связано с инфильтрацией туда еще недавно ведущих полукочевой, т.е. достаточно мобильный, образ жизни индоариев. Это освоение шло крайне замедленными темпами.

Замедленность эволюции была обусловлена как сравнительной замкнутостью Индии и, в частности, бассейна Ганга, так и, видимо, спецификой социополитической структуры (варны, касты) и системы духовных ценностей поселившихся в долине этой реки мигрантов. Выше немало было сказано о характерном для индоариев приоритете жрецов-брахманов, ориентировавших всю духовную жизнь населения на поиски избавления от сложностей кармического мира сансары. Индия в середине II — середине I тыс. до н.э. с ее спецификой в сфере материальной и духовной культуры не была даже в потенции грозным соперником какого-либо из отдаленных от нее естественными преградами ближневосточного государства. Впервые она

столкнулась с ближневосточным миром лишь в момент завоеваний Александра. И это обстоятельство дает основание оставить ее в стороне при анализе всех сложностей взаимоотношений между странами древнего Ближнего Востока, а также между древневосточными государствами и античным миром.

Ситуация в Китае в некотором отношении была сходна с индийской. Открытые лишь с севера территории долины Хуанхэ были доступны преимущественно кочевым и полукочевым этническим общностям либо племенным протогосударствам, которые осваивали Великую степь сравнительно поздно и достаточно медленно. Там долгое время не было ни одного более или менее крупного и тем более агрессивного государственного образования, способного угрожать населению страны. Соответственно и китайцы менее всего представляли собой какую-либо угрозу не только для ближневосточного региона, но даже и для соседнего индийского субконтинента, контакты с которым тоже едва ли могли осуществляться иначе, как в форме миграций случайного характера вдоль все той же Великой степи. Но если говорить о специфике системы ценностей, Китай почти ничем не напоминал Индию. Напротив, он был ее антиподом, ибо считал главным в жизни людей их материальное процветание, а к потустороннему миру и к его естественной вершине, Небу, относился лишь с должным почтением, но не более того. Что же касается ожесточенных внутренних войн и постоянных конфликтов с полуварварским окружением, то в этом плане Китай на протяжении примерно того же исторического периода (середина II — середина I тыс. до н.э.) ничем не напоминал Индию.

Выводы, которые необходимо сделать из самого общего анализа специфики обоих великих азиатских массивов, Индии и Китая, совершенно очевидны. Суть их сводится к тому, что оба в будущем столь великих государства и обе столь специфичные мировые цивилизации на первых порах своего существования не так сильно отставали в своем развитии от обществ и государств ближневосточной древности, как не слишком быстро шли вперед. И это вполне естественно: ни у того, ни у другого из великих субконтинентов Азии не было причин обращать внимание на внешний по отношению к каждому из них мир. Более того, оба они — и особенно Китай — вообще очень мало знали (если знали что-либо) об этом внешнем мире.

Для Китая весь мир был Поднебесной, а под Небом жили только китайцы, да еще досаждавшие им и пока что не воспринявшие китайскую культуру варварские полукочевые племена либо кочевни-

ки несколько более отдаленных северных территорий. Для Индии даже эти сведения и такое восприятие мира было заведомо третьестепенным в принципе, ибо все основное внимание население страны, жившее главным образом в замкнутых общинах, под влиянием жрецов-брахманов с созданной ими системой ценностей, уделяло проблеме взаимоотношений с внефеноменальным миром. Каждый прежде всего заботился о своем месте в кармическом круге колеса сансары, определявшего характер реинкарнации всего живого, и потому мало думал о сегодняшних профанических проблемах мира земного, включая, естественно, практически все связанное с политикой и историей. Разумеется, это не исключало того, что в повседневной своей профанической, как ее принято именовать, жизни люди старательно делали то, что должны были. И качество их продукции всегда считалось высоким и соответственно ценилось всеми. Но это не препятствовало концентрации внимания на чем-то неизмеримо более ценном, на высшем и вневременном.

Отсюда с неотвратимой ясностью вытекает, что Индия и Китай жили собственной жизнью и являли собой своеобразные замкнутые миры, расширявшиеся в основном за счет неосвоенных территорий к югу от долин Ганга и Хуанхэ, где в середине II тыс. до н.э. возникли первые очаги цивилизации. И оба субконтинента крайне слабо общались друг с другом, не говоря уже о том, что вплоть до завоеваний Александра ни один из них практически не соприкасался с народами и государствами ближневосточной древности. Это очень важно подчеркнуть, имея в виду как генеральный смысл концепции всего данного издания, так и, более конкретно, проблему очень не просто складывавшихся взаимоотношений древневосточного мира с миром античности, т.е. Востока и Запада. Приняв во внимание это существеннейшее обстоятельство, снова возвратимся к проблемам ближневосточной древности.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Речь теперь пойдет о том, почему высокоразвитые ближневосточные империи, в которых давно была отлажена определенная внутренняя структура, казалось бы, полностью себя оправдывавшая и по меньшей мере в ряде случаев (Ассирия, халдейский Вавилон,

персидская империя Ахеменидов) демонстрировавшая немалые достижения, особенно в последнее тысячелетие существования ближневосточной древности, т.е. до завоеваний Александра, показали свою несостоятельность? Имеется в виду не их неспособность к дальнейшему существованию в том же или примерно в том же ритме (эта способность в принципе доказана историей, по меньшей мере вплоть до эпохи колониализма), а то важное обстоятельство, что другая структура — имеется в виду античность — оказалась намного эффективнее и динамичнее.

Оставив вопрос о принципах и потенциях античности пока в стороне, обратим вначале внимание на то, что соперником принципиально новой социополитической структуры античности следует считать лишь ту наиболее развитую и шедшую впереди остального Востока его часть, которая была ограничена ближневосточными территориями и прежде всего долинами тех великих рек, где ранее всего появились очаги урбанистической цивилизации. Ни Индия, ни Китай к этому региону и соответственно к противостоянию античности, завоеваниям Александра отношения не имели. Конечно, во многом это объясняется их территориальной отдаленностью и труднодоступностью. Но важно другое. Перед нами столкновение двух достойных соперников, каждый из которых имел в ходе этого столкновения свои несомненные преимущества. Ближний Восток с его благодатными цветущими долинами казался родиной цивилизации и государственности, что само говорит о многом. Античность смело бросила ему вызов и по крайней мере на первых порах легко его одолела.

Таким образом, наша генеральная тема «Восток и Запад», обязывающая уделять преимущественное внимание взаимодействию и противостоянию этих двух не столько географических регионов, сколько глобальных историко-культурных явлений в судьбах человечества, вполне определенно сужается и ограничивается описанием и анализом событий, имевших отношение к весьма отдаленной древности, в ближневосточном регионе, периферийной западной частью которого была и Греция. Это очевидно и едва ли нуждается в дальнейшей аргументации. Но что из этого следует?

Прежде всего имеется в виду твердо фиксируемая и вполне явственная тенденция к ускорению темпов развития стран и народов ближневосточной древности по мере приближения их к заключительному этапу опять-таки именно их древней истории. Эта история оказалась долгой, можно сказать, чересчур длительной, что привело

регион к некоему логическому концу, озаменованному экспансией ислама. Об исламе речь не раз еще будет идти. Пока же важно заметить, что уже задолго до конца доисламской ближневосточной древности темпы, во многом благодаря контактам с античностью, изменились. Происходило резкое ускорение процесса эволюции.

Чем дальше, тем все большее количество сильных и весьма развитых государств, каждое из которых обладало несомненными потенциями для выхода на авансцену истории, начинали появляться на Ближнем Востоке и достаточно весомо заявлять о себе и своих намерениях. Новоассирийская держава за короткие два-три века (с IX по VII до н.э.) сумела не просто потеснить соседей, но и превратиться в великую империю, первую в своем роде на древнем Ближнем Востоке. В первой половине VII в. до н.э. «царь царей» Асархаддон, а затем его преемник Ашшурбанапал добились неслыханного до того расширения своих владений, которые включали Египет, с одной стороны, и Вавилон — с другой. Иными словами, большая и наиболее процветающая до того часть ближневосточного региона от Средиземного моря до Персидского залива едва ли не впервые оказалась под властью правителей единой империи. Правда, эта империя, несмотря на суровые меры (массовые перемещения покоренного населения), просто не успевала уделить достаточного внимания внутривосточным проблемам. Конечно, величие ее олицетворялось богато отстроенной столицей Ниневией с ее первой в истории огромной и богатой библиотекой. Но этого было недостаточно. Необходимы были серьезные реформы, которые могли бы стабилизировать ситуацию, снять внутреннее напряжение и обеспечить господство ассирийских правителей. Этого они не сумели или просто не успели сделать, что и послужило главной причиной краха империи.

Преемником Ассирии в определенной степени стал халдейский Вавилон. Объединившись с Мидией, вавилонский правитель Набопалассар сумел в 612 г. до н.э. захватить и разграбить Ниневию, что стало началом гибели ассирийской державы. Сын Набопалассара Навуходоносор несколько десятилетий после этого успешно отхватывал кусок за куском распадавшейся ассирийской империи. И хотя это давалось ему нелегко, он овладел большей частью ее, доведя границы Вавилонии до Египта. Его преемник Набонид успешно воевал с Мидией, расширял свои владения за счет пустынной Аравии, но большего добиться просто не успел. Времени на даль-

нейшее расширение и тем более укрепление вавилонской державы у него не было. Превращению этой державы во всемогущую империю хотя бы типа ассирийской помешали персы.

Персидская империя Ахеменидов была наиболее удачливой из всех. Ее основатель Кир II Великий расширил границы своей державы до Египта, после чего Египет был завоеван сыном Кира Камбизом. А когда практически все сколько-нибудь заметные и проявившие себя государства ближневосточной древности оказались под властью персов, очередной «царь царей» Дарий I провел серию очень разумных и успешных реформ. Именно эти реформы позволили империи Ахеменидов закрепить за собой власть во всем ближневосточном регионе на долгие два столетия.

Резюмируя, скажем, что объективно ускорявшиеся темпы политической истории ближневосточной древности в конце ее существования сопровождались позитивными переменами. Империи накапливали опыт, как бы учась друг у друга. И если ассирийские правители не считали нужным провести в империи серию разумных реформ, которые могли бы обеспечить внутреннюю стабильность политического новообразования, а вавилонские правители просто не успели завершить завоевания, так что у них не было времени всерьез подумать о реформах, то персы добились полного успеха. Они сумели создать единую и внутренне прочную ближневосточную империю, состоявшую из 13 государств-сатрапий, каждое из которых, получив умеренную дозу автономии, стало в то же время частью единого целого.

Таким образом, ближневосточная древность достигла зенита своего длительного развития, будучи объединенной наконец в социополитический организм, в империю. Если не принимать во внимание процессов, протекавших параллельно только что описанному в Индии и Китае, развитие которых шло самостоятельно и к ближневосточной древности в общем-то не имело прямого отношения, то станет очевидным, что древневосточный мир олицетворял именно Ближний Восток. И вот с этим-то Востоком на рубеже VI–V вв. до н.э. столкнулись древние греки.

Античность

Древний Восток территориально был невелик. Если оставить в стороне два гигантских массива, Индию и Китай, которые как геополитически, так и в культурно-историческом плане были очень слабо связаны с остальной частью ойкумены, то на его долю придется не так уж и много. Взглянув на карту, легко увидеть, сколь незначительным было пространство, освоенное очагами урбанистической или хотя бы тяготевшей к ним трибализованной культуры. Речь идет в основном о землях, отделяющих Египет от Шумера, прежде всего о сравнительно слабо заселенных территориях Малой Азии и иранского нагорья, не говоря уже о вовсе малообитаемой северной степной и тем более лесной полосе и о южных пустынях Аравии. Собственно, вне этих территорий можно найти лишь очень небольшие и весьма отсталые анклав, имевшие некоторые связи с тем либо иным расположенным сравнительно неподалеку государством. Иными словами, под весьма условным термином «Древний Восток» следует воспринимать в первую очередь и главным образом очень небольшую часть Евразии и расположенный в долине африканского Нила Египет. Прибавив к этому Индию и Китай, мы заметно увеличим ойкумену. Но при этом придется принять во внимание, что вплоть до завоеваний Александра Македонского контактов с Индией у расположенной к западу от нее части Евразии практически не было. А Индия или иранские племена (о доплеменных этнических общностях речи нет), в свою очередь, очень слабо контактировали в те времена с Китаем.

Правда, несмотря на свою скромность, контакты такого рода сыграли немаловажную роль в системе культурной диффузии, которая, как то хорошо известно, имела большое значение для развития человеческого общества. Важность ее в том, что она позволяла ознакомить труднодоступные территории и населяющие их народы с некоторыми из тех достижений мировой цивилизации, которые были к тому времени известны в различных ее очагах. О том, какую роль

индо-иранские идеи, видимо, сыграли в истории китайской мысли, только что шла речь. Похоже на то, что есть определенные основания говорить и о связях индийских философских идей с древнегреческими. Но здесь они в любом случае оставили меньший след. Как бы то ни было, однако контакты сравнительно высокоразвитых центров древневосточных культур с более отдаленными и труднодоступными окраинными анклавами ойкумены существовали. В одних случаях это хорошо видно невооруженным глазом и легко прослеживается, в других требует доказательств, в третьих находится лишь на уровне предположений. Но при всем том связи все же были.

Завершив рассказ о древневосточных обществах, обратим теперь внимание на ту часть ойкумены, которая с определенного момента истории стала резко противостоять всей традиционной восточной структуре, чьи весьма высокоразвитые центры урбанистической цивилизации раскинулись к этому времени на широкой территории южной части Азии и Северо-Восточной Африки, от Египта до Китая.

Глава одиннадцатая. РАННИЕ ОЧАГИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГРЕЦИИ: КРИТ И МИКЕНЫ, АХЕЙЦЫ

С самого начала важно оговориться, что Греция — очень небольшая территория, расположенная на не слишком благоприятных и отнюдь не богатых ресурсами островных и полуостровных землях Юго-Восточной Европы. К тому же она, во всяком случае на первых порах, ничем вроде бы не выделялась на фоне ее издревле процветавших и весьма высокоразвитых ближневосточных соседей.

Специалистам хорошо известно, что древнейший очаг цивилизации, который был обнаружен и изучен археологом А. Эвансом на острове Крит, в то далекое время, когда он возник и обрел более или менее развитый облик (рубеж III—II тыс. до н.э.), очень мало чем, если вообще чем-то, отличался от соседних с ним территорий. Имеются в виду земли, где издревле существовали города-государства Малой Азии либо Восточного Средиземноморья, а также более обширные древневосточные государства, в первую очередь Египет. Это следует считать вполне естественным. Более того, Крит, как и иные небольшие острова Эгейского моря, расположенные неподалеку от дельты Нила, Малой Азии и восточного побережья Средиземного моря, должны были быть так либо иначе затронуты влиянием разви-

тых восточных цивилизаций. Есть неоспоримые свидетельства того, что Крит и Кикладский архипелаг к тому времени, о котором идет речь, находились в зоне активного мореплавания финикийцев, а также были тесно связаны торговыми интересами с Египтом и Сирией. Побочным результатом такого рода активности и следует считать возникновение очагов цивилизации в южной части Эгейского моря и, в частности, на Крите, самом большом из островов этого региона.

Результаты раскопок на Крите позволяют сделать вывод, что население острова занималось возделыванием и выращиванием традиционных для Греции сельскохозяйственных культур (ячмень, виноград, оливки). Оно было хорошо знакомо с различными видами ремесла, включая те, что требуют от мастера немалых профессиональных навыков (керамика, изготовленная на гончарном круге и покрытая высокохудожественной росписью, скульптурные изделия из камня в виде головы быка, фаянсовые статуэтки, ювелирные изделия и т.п.). Но выше всего на острове были развиты архитектура и строительство огромных дворцовых зданий, наиболее значительным среди которых являлся дворец в Кноссе.

КНОССКИЙ ДВОРЕЦ ЦАРЯ МИНОСА И КИКЛАДЫ

Этот дворец, хорошо известный по древнегреческим мифам о критском лабиринте и живущем там священном монстре Минотавре (существе с телом человека и головой быка), в жертву которому приносились люди¹, оказался реально существовавшим весьма специфическим сооружением. Это был гигантский комплекс тесно связанных друг с другом больших зданий и находившихся между ними многочисленных пристроек с необычайно сложной внутренней планировкой. В принципе здание было типичным для древневосточных сооружений дворцово-храмового типа, обычно занимавших центральное место в городе и бывших одновременно и местожительством правителя (он же часто являлся и верховным жрецом главного божества), и храмом в честь бога, и центром хозяйственно-производственной деятельности округа. Здесь обычно находились

¹ Как известно из красочного мифа, победить быка сумел греческий герой Тесей, прибывший на остров с материка и сумевший с помощью критянки Ариадны, вручившей ему клубок из прочной веревки, не только не запутаться в лабиринте, но и уничтожить ужасное чудовище.

мастерские, амбары, кладовые и прочие сооружения, включая и жилые помещения.

Кносский дворец — как он предстает перед нами после тщательных раскопок в виде фундамента, остатков многочисленных перегородок и различных сохранившихся сооружений — необычайно сложен по своей архитектуре. Он действительно напоминает нечто вроде лабиринта из примерно 300 помещений различного предназначения (речь только о первом этаже; можно предположить, что их было два или три). Несмотря на кажущуюся хаотичность внутренней планировки, он был, видимо, с архитектурной точки зрения неплохо продуман. Во всяком случае, создается впечатление, что все помещения, включая те, что располагались внизу и во внутренней части, имели достаточное освещение (имеется в виду нечто вроде световых колодцев), необходимую вентиляцию, а также водопровод и своего рода канализацию, т.е. систему стоков.

Многие стены помещений были богато разукрашены настенной росписью с изображением различных животных и растений, иногда и людей, в том числе женщин, одетых в красивые пышные одежды. Иногда изображаются различного рода события — шествия, празднества, процессии. Восхищает богатая цветовая гамма и сам стиль изображений, многие из которых были, видимо, тесно связаны с ритуальными обрядами (люди кружатся в пляске или несут на вытянутых руках сосуды с жертвенными дарами и возлияниями в честь богов). Интересны сюжеты, отражающие нечто вроде игр с быками. Похоже на то, что внутренняя часть дворцового комплекса, т.е. вымощенный большими гипсовыми плитами двор, как раз и была тем местом, где находилось обоготворенное животное — тот самый бык, который позже обрел в греческих мифах облик человекообразного монстра¹. Трудно сказать, был ли культ быка на Крите заимствован из Египта, где издревле почитали это священное животное. Но нет сомнений, что бык воспринимался в качестве божества и считался — наряду с символом плодородия, великой богиней со змеями в руках, — главным божеством.

Стоит обратить внимание на то, что на Крите, как и в других древневосточных прото- и ранних государственных структурах, богатые

---

¹ На некоторых минойских печатях были обнаружены изображения быка в виде человека с бычьей головой, что вполне согласуется с данными уже упоминавшегося греческого мифа.

ресурсы дворца были и всеми воспринимались прежде всего как дары покровительствовавшим островитянам божествам и обслуживавшему их персоналу, которые в совокупности обеспечивали населению Крита столь необходимый всем и всегда духовный комфорт. Кроме главного (Кносского) дворца на острове были раскопаны фундаменты еще нескольких более мелких дворцовых зданий. Возможно, первоначально это были центры независимых протогосударственных образований. Позже они, скорее всего, превратились в региональные подразделения единого сложного города-государства, столь типичного для древневосточных обществ, в частности для раннешумерского. Дворцы соединялись друг с другом специально проложенными дорогами со своеобразными заставами, сторожевыми постами. В гавани Комо был расположен главный морской порт острова.

Вокруг дворцовых зданий, этого символа раннего очага урбанистической цивилизации, располагались общинные поселения земледельцев, обычно из нескольких десятков домов и дворов с различного рода хозяйственными помещениями — прессами для изготовления виноградного вина и оливкового масла, мастерскими для выделки кирпича, в основном необожженного, кузницами и гончарнями. Среди обычных строений выделялось центральное (возможно, дом старейшины с общинными амбарами и складами), а также расположенная рядом с ним площадь для собраний. Судя по всему, общинники обязаны были платить аппарату власти определенные налоги (скот, зерно, масло, вино и иные продукты) и исполнять необходимые трудовые повинности. Нет сомнений в том, что именно их руками мостились дороги, строились дворцы, гавани и прочие сооружения.

На Крите были обнаружены начертанные на глиняных табличках и вырезанные на печатях надписи в стиле египетских иероглифов. Это так называемое линейное письмо А, наиболее раннее из найденных в Греции форм письменности. Письмо пока не расшифровано, хотя есть веские основания полагать, что небольшие надписи с этими знаками — всего в дворцовых архивах их обнаружено несколько тысяч — были типичными для ближневосточной древности документами хозяйственной отчетности, которую вели наиболее ранние из возникших в урбанистических центрах с государственно-храмовыми комплексами чиновники-писцы.

Ни частной собственности, ни индивидуальных рыночных связей на острове не существовало. Все операции, связанные с редистри-

буцией избыточного продукта населения, были, насколько можно судить, сконцентрированы в руках существовавшего в дворцово-храмовых центрах аппарата управления. Государство осуществляло и торговые связи с соседями, обменивая излишки производимых на острове продуктов, включая часть изделий, произведенных дворцовыми ремесленниками, на различные привозные редкости, в основном предметы роскоши — золото, слоновую кость, дорогие ткани и т.п.

Расцвет очага минойской цивилизации (название идет от имени легендарного царя Миноса, правившего на острове; не исключено, что имя было наименованием династии) приходится на XVI–XV вв. до н.э. Это так называемый позднеминойский период, когда на острове развилось кораблестроение и стали расширяться регулярные морские связи с другими островами и полуостровами Греции, а также с хеттами, Египтом и Сирией. Загадка позднеминойского периода во многом связана с проблемой не только расцвета, но и неожиданной гибели всего критского очага цивилизации. На остров, как считают специалисты, обрушилась некая катастрофа, скорее всего, разрушительной силы землетрясение или извержение вулкана на одном из близлежащих островов. В результате все строения были разрушены, поля и обихожная поколениями инфраструктура уничтожены, а население в большей своей части погибло либо покинуло Крит. Впрочем, сразу же вслед за катастрофой остров стал осваиваться заново, причем новыми поселенцами.

Уцелевшие от катастрофы здания, включая Кносский дворец, были отстроены, но жили в нем теперь другие люди, мигрировавшие с севера греки-ахейцы. Заметное различие между старыми и новыми обитателями острова бросается в глаза прежде всего на примере двух важных нововведений. Во-первых, это появление в погребениях того времени, о котором идет речь, предметов вооружения, что было нетипичным для более ранних погребений, ибо на острове не строили оборонительных сооружений и не содержали сколько-нибудь значительного войска по той простой причине, что у него не было оснований бояться вражеского нашествия. А во-вторых, это появление в записях, найденных в отстроенном Кноссе, новой письменности, линейного письма Б, расшифрованного и представляющего собой один из ранних вариантов греческого — ахейского — письма. Похоже на то, что упадок и гибель критского очага урбанистической цивилизации ближневосточного типа были связаны не только с ослабившей

остров катастрофой, но и с последовавшим вслед за тем нашествием с севера.

Группа небольших островов, располагавшихся к северу от Крита и образывавших нечто вроде круга, откуда и пошло их название (Киклады — Круговые), была в те времена населена, насколько можно судить, выходцами из Малой Азии, которые занимались мореходством и по времени появления на островах ранних очагов цивилизации и государственности, видимо, несколько уступали критянам. Крупных дворцово-храмовых комплексов на этих небольших островах не было, но существовали заметные по размеру поселения с построенными из камня домами, украшенными росписью. Поселки городского типа, о которых идет речь, были укреплены мощными оборонительными сооружениями, в частности стенами с потайными ходами. Похоже на то что критяне в позднеминойский период своего существования совершали набеги на Киклады, для чего и понадобились укрепления. Очень может быть, что после катастрофы и вынужденной миграции населения Крита немалая их часть переселилась как раз на острова Кикладского архипелага. Об этом наглядно свидетельствует осязаемое влияние позднеминойской культуры. Это влияние прослеживается в архитектуре поздних кикладских зданий, в керамических изделиях, даже в обнаружении нескольких текстов с надписями на критском письме А.

Образ жизни кикладских островитян был в основных чертах схож с критско-минойским. Земледельцы выращивали ячмень, бобовые, были хорошо знакомы с виноградарством и производством оливкового масла, ремесленники умело владели керамическим и ювелирным делом, активно торговали с соседними ближневосточными государствами и материковой Грецией. Стоит, однако, заметить, что острова не были объединены под властью какого-либо правителя и, более того, здесь, возможно, еще не было заметно возвысившегося над остальными вождя. Отсутствие сооружений типа храмов, не говоря уже о крупных дворцово-храмовых комплексах, наталкивает на мысль, что перед нами острова, жители которых еще не подошли к созданию своего очага урбанистической цивилизации и соответствующего ему государства во главе с правителем-первосвященником. Население Кикладского архипелага, находившееся под сильным культурным влиянием критян, а затем и принявшее — пусть не на всех островах — бежавших к ним после извержения вулкана на одном из кикладских островов Фера (Санторин) критян, по всей видимости,

так и не сумело в период своего раннего доахейского существования достичь уровня сколько-нибудь заметного очага цивилизации и государственности. Оно, похоже, шло по пути трибализации, но так и не достигло на этом пути заметных результатов.

МИКЕНЫ

Микенский очаг древнегреческой цивилизации сложнее критско-минойского. По происхождению он связан как с раннеиндоевропейским населением Балкан, в частности материковой Греции (это прежде всего пеласги, быть может, дальние родственники населявших в то далекое время большую часть Европы кельтов), так и с ахейцами, более поздней волной мигрировавших из Малой Азии на запад индоевропейцев. Начало нового этапа истории Греции, о котором теперь в основном и пойдет речь, датируется рубежом III–II тыс. до н.э., что синхронно с возникновением очага цивилизации на Крите. В сравнительно недавнем прошлом специалисты объединяли развитие материковой Греции и Крита в этот период в рамках крито-микенской ранней цивилизации. Ныне очевидно, что это сближение не вполне справедливо, ибо микенский очаг цивилизации возник тогда, когда критский уже заканчивал свое существование. Вообще вплоть до появления ахейцев, постепенно продвигавшихся с севера на юг, основное население Греции еще не было знакомо с цивилизацией и государственностью. Лишь в южной части Пелопоннеса (имеется в виду район Лерны на юге Аργοлиды) археологами были обнаружены строения типа цитадели и следы выдавленных на глине печатей этого раннеэлладского периода. То и другое может косвенно свидетельствовать о процессе трибализации местного населения юга материковой Греции под влиянием только-только возникавшего в конце III тыс. до н.э. на Крите раннего очага цивилизации, о котором уже шла речь.

Уровня сколько-нибудь заметной цивилизации и государственности пеласги, однако, достичь так и не успели. Только с оккупацией греками-ахейцами в начале II тыс. до н.э. всей территории материка и вытеснением пеласгов, частично ассимилированных ими, довольно значительно меняется весь облик Эллады, как позже стали именовать занятые ахейцами земли сами греки. С их появлением начинается так называемый среднеэлладский период, с которого, собственно, как считается, и берет начало микенский очаг древнегреческой цивилизации.

лизации. Ахейцы принесли с собой немалые культурные достижения, свойственные индоевропейской общности той эпохи (XX–XVII вв. до н.э.). Это были в первую очередь столь важные для развития многих отраслей хозяйства колесо и гончарный круг (это изобретения одного плана, ибо гончарный круг есть не что иное, как то же колесо, положенное на землю и снабженное дополнительными устройствами для его вращения). Важно напомнить, что, хотя само колесо было изобретено в Шумере задолго до формирования индоевропейской языковой семьи, тонкие колеса на спицах были одними из наиболее существенных нововведений, даже открытий, именно индоевропейцев. Митаннийцы и хетты не только освоили производство таких колес, но и создали на этой основе повозку, в которую были впряжены одомашненные ими лошади. Боевые колесницы, возникшие в результате этих очень важных нововведений, с тех пор быстро и широко распространялись мигрировавшими в различных направлениях индоевропейскими народами, включая и греков-ахейцев.

Среднеэгейское время было периодом как медленного освоения уже достигнутого пеласгами уровня развития во многих различных отраслях, так и энергичного движения вперед. Кое в чем, например в строительстве, ахейцы отставали от пеласгов, особенно южных, связанных с очагом цивилизации на Крите. Однако вскоре это малозначительное отставание было преодолено. Ахейцы научились строить большие дома-дворцы, достаточно явственно свидетельствовавшие о том, что не оконченный пеласгами этап трибализации был ими не только продолжен, но и завершен. В домах-дворцах с алтарями в честь богов и многочисленными пристройками, включая мастерские и склады, явно жили уже вожди племен, на которые, как следует полагать, разделилась первоначально единая этническая общность греков-ахейцев.

Специалисты, опираясь на источники, выделяют три группы племен: ионийцев, живших в основном в Аттике и сыгравших свою роль в последующем возникновении Афин, ахейцев, обосновавшихся в основном на юге, в Пелопоннесе, и эолийцев, расселившихся к западу от ионийцев, в Фессалии и других районах Средней Греции. При этом пелопоннесские ахейцы, которые географически расположились рядом с Критом и Кикладами, развивались наиболее быстрыми темпами. Ими и были созданы первый в материковой Греции очаг цивилизации и протогосударство Микены. Как то хорошо известно, именно из Крита в пору наивысшего его расцвета Микены, оказавшиеся едва ли не первым урбанистическим центром в матери-

ковой части Греции, стали заимствовать очень многое. К числу таких заимствований следует отнести практику сооружения крупных архитектурно-строительных комплексов, в первую очередь дворцов-храмов с пристройками, оборудованных системами водопровода и канализации, некоторые культы и обряды, фрески на стенах, виды одежды и, наконец, письмо. Однако многое из того, что стало характерным именно для микенского очага цивилизации, было новым.

В первую очередь это касается так называемых шахтных захоронений, обнаруженных в XIX в. знаменитым археологом-самоучкой Г. Шлиманом — тем самым, что раскапывал Трою. Гробницы, о которых идет речь, явно были царскими захоронениями. В них Шлиман нашел множество драгоценных вещей — изделия из золота и серебра, слоновой кости, в том числе знаки царского достоинства, богато выделанное оружие, украшения, посуду и т.п. На некоторых из этих драгоценностей выгравированы сцены войны или охоты, причем профессионализм мастеров позволяет предположить, что к выделке этих изделий приложили руку умелые критские ювелиры — возможно, из числа тех беглецов, которым удалось покинуть остров после постигшей его беды. В отличие от Крита, территория которого была ограничена размерами острова, ахейские Микены (город находился в восточной части Пелопоннеса) быстро распространяли свое влияние на соседние территории, где в XV—XIII вв. до н.э. возникали все новые центры микенского очага урбанистической цивилизации и довольно развитой государственности. По существу, едва ли не вся территория Греции, включая и многочисленные острова, была за этот небольшой срок охвачена влиянием высокой культуры Микен.

Структура и внешний облик среднеэлладских Микен и многих иных протогосударственных образований той эпохи в принципе мало отличались от критских, откуда немало полезного заимствовали захватившие остров греки-ахейцы. Центром городских поселений были такие же, как в свое время на Крите, дворцово-храмовые комплексы — разумеется, каждый в своем стиле, с собственным архитектурным обликом. Едва ли не все города или их центральные строения были обнесены мощными оборонительными сооружениями, ибо отношения между жителями Микен и расположенных неподалеку от них государств были часто далеко не дружественными. Каждый из этих городов-государств, будь то Тиринф, Пилос или даже более отдаленные от Микен Афины и Фивы, представлял собой уже в то далекое время хорошо укрепленную цитадель, стены которой

были выложены чаще всего из крупных камней. Во многих дворцовых сооружениях — опять-таки в отличие от Крита — тон, видимо, задавали уже не почитаемые божества вроде Минотавра, обслуживание нужд которого затмевало в Кноссе все остальное, а вполне светские интересы. Об этом свидетельствуют прежде всего центральные залы-мегароны, в которых размещались и принимали своих приближенных высокопоставленные правители. Иногда, вполне возможно, окруженные мощными стенами центральные строения вообще были именно дворцовыми, а не храмовыми сооружениями. Как и на Крите в позднее время существования восстановленного ахейцами Кносского дворца, в различных пристройках дворцовых комплексов находились кладовые, мастерские и архивы с глиняными табличками, исписанными линейным письмом Б.

Все основные центры микенской Греции были связаны между собой сетью хороших дорог. Что касается захоронений, особенно царских, то тип их в среднеэлладское время несколько изменился. В Микенах это были большие толосы — насыпные курганы с внутренней камерой, куда и помещали умерших вместе с драгоценными вещами. Сооружение дорог, гробниц, городских дворцовых комплексов и храмовых сооружений было, естественно, результатом труда многих поколений греков-ахейцев и ассимилированных ими потомков пеласгов. Речь идет в основном о тех, кто жил в общинах, расположенных вокруг городских цитаделей, и платил налоги либо исполнял трудовые повинности в рамках все той же восточной системы централизованной редиистрибуции, которая была естественной и единственной формой организации социально-экономических отношений в обществах, еще не знакомых с частной собственностью. Кроме полноправных земледельцев-общинников в системе дворцово-храмового хозяйства использовались и неполноправные слои населения, в основном из числа чужаков-пленников, как то было всегда свойственно восточным структурам.

Расшифрованные записи табличек с письменами типа Б свидетельствуют о том, что таких работников в дворцово-храмовых комплексах было немало. По некоторым подсчетам, в Пилосе, где был обнаружен большой архив таких надписей, численность подобного рода слуг и иных работников, как мужчин, так и женщин, даже детей (в текстах указывается род работ и количество выплачиваемого за это довольствия; иногда речь идет о праве этих лиц на аренду земли), достигало многих сотен, быть может, 1,5-2 тыс. Конечно, это немалое количество. Но нет сомнений, что основную тяжесть тру-

довых повинностей, не говоря уже о налоговых поступлениях, несли полноправные общинники, численно абсолютно преобладавшие среди населения всех городов-государств среднеэлладского времени микенской Греции. В тех же пиловских записях подробно говорится о том, какие поселения что именно, сколько и когда должны были вносить в дворцовую казну, амбары и склады, а также о том, кто из мастеров-ремесленников сколько и за какую плату должен был работать. Плату за свой труд получали и различного рода администраторы, следившие за организацией всех работ и поступлением всего положенного.

Как в дворцово-храмовых центрах древневосточных протогосударств, например в Шумере, все земли делились на общинные и дворцово-храмовые. В отдельных случаях дворцовые писцы следили за распределением и общинных земель, хотя едва ли это было нормой. Но что касается земли государственной, казенной, то контроль за ее использованием целиком ложился на все тех же писцов-администраторов. Как и в древневосточных протогосударствах, эти земли либо давались служащим-чиновникам, воинам и жрецам в качестве платы в виде больших наделов на правах служебного, т.е. условного, держания (обычно владельцы сдавали их в аренду), либо небольшими участками предоставлялись тем, прежде всего из числа неполноправных, кто своей земли не имел или кому его участка в общинной деревне не хватало.

Общество, незнакомое с частной собственностью, основано на принципе власти-собственности, столь характерном для всего Востока. Когда нет свободного рынка и частных собственников, все управление находится в руках аппарата власти, о чем уже говорилось при знакомстве с древневосточными странами. В микенской Греции — как четко видно при знакомстве с материалами пиловского архива — существовал именно такого рода аппарат. Кроме занимавших низкие позиции многочисленных писцов-администраторов (басилеев) в самом центре в него входили чиновники-администраторы более высокого ранга, в частности коретеры, управители 16 округов, отвечавшие за управление этими округами и в первую очередь за поступление налогов и выполнение повинностей. В округах коретерам помогали их помощники-басилеи. В число высокопоставленных администраторов входили также военачальники и жрецы. А возглавлял всю административную структуру и аппарат власти правитель-ванака, высшая персона и главный субъект в системе

власти-собственности. Эта высшая власть делала его и его аппарат администрации абсолютным собственником, точнее — распределителем (редистрибутором) всего достояния весьма большого и достаточно сложно организованного коллектива.

Период позднеэлладской микенской Греции (XIII в. до н.э.) — время ее постепенного ослабления. Вызвано оно было рядом причин, но в первую очередь, похоже, междоусобными войнами, попытками ахейцев освоить обширные территории Малой Азии, об одной из которых свидетельствует знаменитая и воспетая в мифах и гомеровском эпосе Троянская война, а также колонизацией островов Эгейского моря и даже более далеких, таких как Родос или Кипр. Все это стоило немалых и подчас непосильных затрат. То же самое следует сказать о попытках ахейцев освоить побережье Малой Азии на востоке, а также Сицилии и побережья юга Италии на западе. Все эти войны и дальние экспедиции, в том числе и вполне вероятное участие ахейцев в знаменитом продвижении с севера на юг по побережью восточного Средиземноморья выше уже упоминавшихся и не очень ясных по их этническому составу так называемых «народов моря», в конечном счете дали не слишком много результатов.

О гомеровской Трое скажем особо. Но что касается войн, то они не могли на том уровне развития общества, который был типичен для времени, о котором идет речь, проходить легко и безнаказанно. Напротив, эти войны ослабляли втянутые в них небольшие государства, из которых и состояла микенская Греция. Если оставить в стороне мифы и великий эпос, а обратиться к реальности и данным археологии, вполне очевидно, что междоусобные войны приносили серьезные разрушения. В частности, были до основания разрушены Фивы. Конечно, опираясь на гомеровский эпос, можно предположить, что ахейцы объединялись в борьбе с внешним врагом. Однако проблема Трои до сих пор окончательно не выяснена и имеет больше отношения к красочной античной мифологии, нежели к неоспоримой реальности.

ГИБЕЛЬ МИКЕНСКОЙ ГРЕЦИИ. ДОРИЙЦЫ И «ТЕМНЫЕ ВЕКА»

Считается, что главной причиной крушения всей ранней ахейской цивилизации были не столько междоусобные войны, внутреннее ослабление протогосударств и истощавшие силы небольших

государственных образований попытки колонизации чужих земель, а также связанные с этим войны, сколько нашествие чужаков с севера. Этими чужаками была новая волна переселявшихся на запад полукочевых индоевропейцев, уровень развития которых был намного ниже вкисившей многие блага цивилизации микенской Греции. Собственно говоря, новая волна индоевропейцев, о которых идет речь, не слишком отличалась от ахейцев в этническом плане. Похоже на то, что это была родственная ахейцам этническая общность, оставшаяся до поры до времени там, откуда в свое время пришли в Грецию сами ахейцы. Только именовалась эта общность воинственных первобытных чужаков иначе. Это были греки-дорийцы, которых закономерно воспринимали в микенской Греции как варваров, если даже не дикарей.

И в самом деле, вторгнувшиеся с севера пришельцы вели себя как жаждущие крови дикари. В научных кругах существуют разногласия по поводу того, что пришельцами были только и именно греки-дорийцы. Некоторые ученые полагают, что это были не дорийцы или что дорийцы прибыли с юга, морским путем, тогда как среди северных пришельцев, ведших, вполне вероятно, полукочевой образ жизни, преобладали иные народы, прежде всего фракийцы. В любом случае, однако, это было нашествие кочевников либо полукочевников, а с социокультурной точки зрения — варваров, уничтоживших цивилизацию, причем среди этих варваров дорийцы занимали, пожалуй, все-таки главное место. Они уничтожали все на своем пути. На рубеже XIII—XII вв. до н.э. был сожжен знаменитый дворец в Пилосе, очень сильно пострадали дворцово-храмовые центры других государств. По свидетельству специалистов, столь полное и быстрое исчезновение всей микенской цивилизации было связано с тем, что дорийцы не могли, да и не желали воспользоваться достижениями столь непривычного и такого далекого от их уровня жизни цивилизационного стандарта. Им привычнее было уничтожать, жечь и грабить чужаков, что они с удовлетворением и делали.

Естественно, это привело всю микенскую Грецию в состояние полной разрухи и вызвало массовую миграцию уцелевшего населения. Те, кто не успел и не сумел уйти, вынуждены были остаться, но лишились при этом всех основ своей привычной жизни. На протяжении жизни немногих поколений исчезло все, что напоминало о прошлом величии Микен. Была ликвидирована, вырвана с корнем та веками создававшаяся культурная среда, столь естественная

для ахейцев, особенно на последнем этапе их существования. Вместо этого пришло запустение и одичание. Эти бедствия и несчастья обрушились не только на материковую Грецию, но и на ее соседей, связанных с микенцами общими интересами, включая колонии ахейцев и даже, возможно, те очень древние ближневосточные страны и города-государства, которые оказались на пути воинственных «народов моря». Словом, в этой наиболее передовой для того времени части Европы произошел крутой поворот назад. В истории Греции наступил период так называемых «темных веков».

Этот термин появился потому, что история Греции от XI в. до середины VIII в. до н.э. почти неизвестна. Письменность исчезла вместе со всей дворцовой культурой и более не использовалась, а археология дает очень мало материала для ответа на вопрос, какое именно общество пришло на смену микенскому. Из того, что известно о периоде древнегреческой истории, начавшемся после гибели цивилизации Микен, вырисовывается примерно следующая картина. Общество сильно изменилось. Значительная часть населения — надо полагать, прежде всего наиболее зажиточные его слои и умелые профессионалы, мастера своего дела, которые, собственно, и несли на своих плечах всю тяжесть высокой культуры и многообразных достижений достаточно уже развитого урбанизма, — мигрировала, за счет чего были освоены греками Малая Азия и многочисленные острова Эгейского моря. Те, кто остался на пепелище, были либо физически уничтожены, либо подавлены духовно и морально обескровлены нашествием варваров.

Несколько поколений людей, переживших довольно долго длившийся кошмар гибели весьма развитой и находившейся, казалось бы, в расцвете своих потенций цивилизации, уходили из жизни в обстановке мрачного запустения и варварского насилия, что не могло не сказаться на духовном облике и материальной культуре тех, кто приходил им на смену. Разумеется, потомки завоевателей и завоеванных, постепенно сливавшиеся в некую новую народность, получившую наименование греков-дорийцев, забыли не все из того, что было раньше. Нельзя не учитывать и того, что воинственные пришельцы принесли с собой освоенное хеттами железоделание, что сохранились такие важные производственные достижения, как выделка керамики на гончарном круге (правда, уже без вычурных рисунков прошлого, но с гораздо более примитивной росписью в геометрическом стиле) и все еще достаточно развитое кораблестроение.

Можно предположить, что немало и других хозяйственных традиций, которые оставались в памяти, применялись на практике в жизни греков периода «темных веков». Но самое основное, т.е. вся дворцовая цивилизация с ее государственно-храмовым урбанизмом, а также тесно связанная с ней письменность, ушло в прошлое. На смену городам пришли убогие поселения деревенского типа. Роскошные гробницы правителей исчезли, а вместо них начали абсолютно преобладать скромные захоронения. Столь характерная для урбанистической цивилизации и складывавшейся с немалым трудом государственности социальная и имущественная дифференциация общества на протяжении ряда веков почти исчезла, в лучшем случае была едва заметной. Ремесло и торговля пребывали в упадке. Натуральное хозяйство явно господствовало, зато получило немалое развитие столь свойственное кочевникам и полукочевникам развитое скотоводство.

Главное, что следует сказать о «темных веках», — это деградация. Страну резко отбросило назад. Развитая цивилизация с восточного типа городами-государствами и господствовавшей централизованной редистрибуцией уступила место полупервобытному существованию людей. Между тем, несмотря на все сказанное, остается немало неясностей. Ведь недаром введен в науку сам крайне неопределенный термин — «темные века». Темнота их в том и заключается, что многое остается неясным, причем давно и долго, вплоть до сегодняшнего дня. Если исчезла государственность и, разумеется, не было никакой частной собственности, если находились в явном упадке ремесло и торговля, то кто выделял многочисленные орудия и оружие из железа, ставшие обыденной вещью в это время? И еще серьезнее: кем и каким образом осуществлялось кораблестроение и для чего использовались корабли?

Конечно, мы вправе предположить, что без кораблей и кораблестроения столь обильная островами Греция просто не могла уже существовать. Можно считать также, что строительством кораблей и морскими коммуникациями занимались те мигранты, которые осели как раз на островах либо в Малой Азии и в силу этого оказались несколько в стороне от упадка и деградации, господствовавших в материковой Греции. Но, как бы то ни было, корабли создавались и существовали, пересекали немалые морские пространства и как-то сообщались с материковой частью страны. Что они везли? Кто был связан с мореплаванием и, как следует полагать, с внешней

торговлей, если вся материковая Греция оказалась в плену варварства и полупервобытности? Ответов на эти вопросы нет. Но есть и другая сторона этого явления. Речь о так называемой «гомеровской» Греции, об историческом периоде (XI–IX вв. до н.э.), который, как известно, удивительнейшим образом совпадает со все теми же «темными веками».

ГОМЕР И ЕГО ЭПОС. К ПРОБЛЕМЕ «ТЕМНЫХ ВЕКОВ»

История великих эпических поэм, приписываемых Гомеру, настолько важна и интересна, сыграла столь большую роль в традициях культуры всего человечества, что нет ничего удивительного в том, как много внимания уделили ей специалисты. Это, если угодно, целая самостоятельная отрасль знания, причем отрасль, расположившаяся как бы на стыке литературоведения и истории. И вот здесь и выявляется важность изучения поэм — имеются в виду, понятно, знаменитые «Илиада» и «Одиссея» — для некоего прояснения ситуации с «темными веками». Личность самого Гомера полулегендарна, причем не только годы и место его жизни (за право считаться родиной поэта давно уже соперничали между собой несколько известных городов Греции — как считается ныне, наиболее вероятным местом создания поэм и соответственно жизни их автора был один из малоазийских городов, где проживало немалое количество потомков тех, кто в свое время бежал от дорийцев), но и века, когда были созданы поэмы, остаются неизвестными. Речь, разумеется, об устных их вариантах, ибо записаны они были намного позже.

В настоящее время считается более или менее общепринятым, что это был VIII в. до н.э., т.е. период, когда «темные века» уже уходили в прошлое. Но ведь вся суть проблемы как раз и сводится к тому, что поэмы написаны об этом самом прошлом. Но о каком именно прошлом могли быть написаны в конце столь мрачного периода древнегреческой истории поэмы, в которых блистательно воссоздана пусть наполненная мифами, богами и героями, но явно реальная жизнь? Где была эта жизнь в реальности «темных веков», которые, очевидно, не были в состоянии породить столь красочную, богато насыщенную живописными деталями и нешуточными страстями высокоразвитых в этическом и культурном плане людей, какими были едва ли не все основные герои обеих великих поэм? И как вообще

могло случиться, что в конце мрачного периода, когда все светлое и возвышенное, что восходило своими корнями к предшествовавшей цивилизации, было, как следовало бы предположить, давно забыто, появились эти непревзойденные шедевры мировой культуры?

Собственно говоря, здесь перед нами встает несколько вопросов. Прежде всего, можно ли считать материковую полупервобытную Грецию основной из тех территорий, которые были в период «темных веков» заселены потомками дорийцев и немногочисленных смешавшихся с ними ахейцев, забывших о славном своем прошлом? А может быть, в указанный период существовали как бы две Греции, одна из которых была целиком погружена в мрак прозябания, а другая (малоазиатская и островная) избежала этой участи? Но тогда почему специалисты не замечают и во всяком случае не подчеркивают это важное обстоятельство? Если же «темные века» были фактом для всей территории, населенной греками (со временем дорийцы обосновались и на островах, и на малоазийском побережье), а разница между материковой и остальной частью не была достаточно существенной, то были ли «темные века» столь уж мрачными? А быть может, на периферии, т.е. вне материковой Греции, где ахейцев было, не исключено, больше, чем дорийцев, а агрессия варваров значительно меньшей по своей значимости, сохранялись и в немалой степени даже развивались по меньшей мере духовные, культурные достижения прошлого, обогащавшиеся к тому же за счет контактов с древними соседними восточными цивилизациями?

Попробуем именно с этих позиций оценить и проанализировать то, что связано с Гомером и его поэмами. Давно уже было обращено внимание на то, что в поэмы Гомера могли быть включены эпизоды и целые повествования, которые создавались его более ранними предшественниками, сказителями-аэдами, а также и на то, что сами великие эпические сказания многослойны. В них наряду с описанием реалий «темных веков» есть явные свидетельства того, что имеет отношение к более ранней микенской эпохе. Достаточно напомнить, что главный герой «Илиады» вождь осаждавших Трои греков Агамемнон был царем Микен. Еще существеннее, что представленный в поэмах многочисленный пантеон богов (Зевс, Афина, Гера, Аполлон, Посейдон, Афродита, Артемида и т.п.) не был и не мог быть порождением скудной фантазии примитивных варваров. Эти боги могли быть жителями Олимпа только в представлениях людей развитой цивилизации. И известно, что в памятниках эпохи Микен, равно

как и в пиловских надписях, можно найти имена и изображения многих из этих богов с довольно характерными для них атрибутами.

Разумеется, только в эпических устных сказаниях аэдов, включая в первую очередь самого Гомера, деятельность всех упомянутых и других богов и постоянное их активное вмешательство в жизнь тесно связанных с ними героев из числа предводителей осаждавших Трои греков могли оказаться так причудливо разукрашенными и столь значительными для судеб осаждавших и осажденных. При этом очень важен сам факт: поэмы апеллируют к славному прошлому микенской эпохи. В то же время основная часть обеих поэм насыщена свидетельствами того, что греки, воевавшие в Трое или путешествовавшие вместе с Одиссеем после этого, были хорошо знакомы и с реалиями «темных веков». Пред нами причудливое, если не нарочитое, художественное смешение разных эпох и соответствующих им культур. Более того, трудно уйти от впечатления, что только и именно столь необычно сложная амальгама и вселила в обе поэмы присущий им дух неукротимой мятежности и величайшего достоинства греков уже вроде бы совершенно новой, античной эпохи. Как это могло получиться, даже если согласиться с тем, что сочинены обе поэмы были сравнительно поздно, в VIII в. н.э., когда «темные века» уходили в прошлое, а новая антично-полисная Греция уже заявляла о себе?

Вспомним еще раз, что археология практически не дает свидетельств о существовании царей и знати в полуварварской и полупервобытной, еще совершенно не знакомой с государственностью дорийской Греции. Это видно и на примере отсутствия среди находок крупных строений и заметно отличных от других захоронений тех, кого можно было бы считать вождями или царями. А в поэмах только они являются героями. Именно они со своими отрядами воевали под Троей. Правда, из текста поэм не очень ясно, кем были эти цари у себя дома, ибо в эпосе, за исключением эпизода, касающегося возвращения Одиссея на свой остров Итаку, речь идет лишь о событиях вне Греции, будь то осада Трои или странствия Одиссея. Но обратим внимание на только что упомянутый эпизод. Из него явствует, что на своем маленьком острове Итака Одиссей не был единственным басилеем, ибо рядом с ним было немало равных ему по статусу женихов, домогавшихся руки его верной жены Пенелопы, не устававшей многие годы ждать его возвращения. Специалисты отмечают также, что дом Одиссея был мал и грубо отделан, что в нем не было

даже кухни, а рядом с ним располагалась навозная куча. И хотя в хозяйстве Одиссея было несколько стад, которые пасли десятки его рабов, а его жене прислуживали выполнявшие домашние дела рабыни, о его владениях на острове и о считавшихся его подданными земледельцах просто не упоминается.

Разумеется, «темные века», т.е. период в два-три века, о котором в науке столь мало достоверных данных, не может оцениваться на основании данных эпических поэм, пусть даже и совершеннейших в своем роде. Но дело все-таки не в этом. Оно в том, что развитие в эти века не стояло на месте. Напротив, как о том пойдет речь в следующей главе, оно привело к радикальным и исключительным в своем роде переменам в жизни древних греков. И вообще в жизни человечества. Учитывая сказанное, вполне можно предположить, что описанные в поэмах царьки-басилеи вроде Одиссея были на самом деле не столько большими и тем более всесильными правителями, как то обычно воспринимается при чтении, сколько просто богатыми и знатными. Быть может, старейшинами или вождями, но не исключено, что и вообще еще никем, просто выдвинувшимися в кризисной ситуации. Да и сама эта ситуация вполне могла быть задним числом приукрашена, в том числе и с социополитической точки зрения. Поэма почти всех героев битвы изображает царьками, а важнейших из них вроде Агамемнона широко признанными предводителями. Если же учесть художественное обрамление поэм и неизбежную упомянутую уже амальгамацию времен и культур, то греки-воины из «Илиады» — сотни близких друг к другу и знающих друг друга царьков — сходны с совсем иным стандартом.

Они напоминают что-то вроде той нигерийской разросшейся, но не структурировавшейся описанной антропологами полупервобытной общности с ее механической солидарностью, которая привычно сориентировала всех их объединиться против неожиданно объявившегося, хотя и вроде бы далеко от Греции, за морем расположившегося, но достаточно сильного врага. Перед нами просто выдающиеся воины и их предводители, почитаемые в своей округе люди из единой и сплоченной принципом механической солидарности этнической общности, еще не успевшей даже трибализоваться и структурироваться, стать племенами с признанными племенными вождями. Но так как в глазах аэдов, включая Гомера, греки уже давно, с критско-микенских времен, были на совсем другом уровне эволюции, то сама историческая правда, осмыслявшаяся ими сквозь призму реалий вос-

точной цивилизационно-урбанистической политической традиции, но со своими богами и в своем, уже иначе, на иной основе складывавшемся предполисном греческом мире, требовала художественной коррекции. И она была сделана, что и превратило гомеровские поэмы в бессмертные мировые шедевры наивысшего класса.

Вернемся, однако, к самим поэмам. В них перед нами предстают люди, жившие в условиях ранней стадии политогенеза, без иерархии и чинопочитания, тем более без преклонения перед правителями, культа которых нет. Это было — если говорить именно об этапах социополитической эволюции — время, когда шел процесс трансформации общинных старейшин в родоплеменных вождей. Можно считать и иначе: в поэмах прошлая жизнь микенской Греции в некоторых своих основных позициях (проблемы, связанные с организацией общества и управлением государствами) была перенесена без должных для этого оснований в «темные века», когда все было много примитивнее, чем прежде. Это, к слову, видно отнюдь не только на примере Одиссея. Под стать ему и другие герои «Илиады», включая брата микенского Агамемнона спартанского царя Менелая (обратим внимание, брат оказался в Спарте — это явно художественный прием, не более того), чья жена красавица Елена была похищена троянским царевичем Парисом. Это тот самый Парис, который снискал расположение богини Афродиты потому, что вручил ей яблоко раздора, из-за чего будто бы, согласно преданию, и началась Троянская война, рассорившая людей и богов (точнее, богинь, претендовавших на первенство).

Снова взглянем на греков-воинов. С одной стороны, это герои, знатные и достаточно, по тем меркам, богатые люди, ведущие за собой отряды бойцов и имевшие корабли, на которых они прибыли в Малую Азию (стоит заметить, что в «Илиаде» объединенное против малоазийской Трои греческое войско именуется ахейским). С другой — это правители-басилеи, о реальных владениях которых не упоминается. В частности, ни у одного из этих героев-басилеев нет своей столицы, о которой было бы рассказано в поэме. Конечно, поэма не об их владениях, а о войне в Трое. Но когда в «Одиссее» зашла речь о владениях ее главного героя, они на поверку оказались весьма ограниченными.

Так были ли в реалиях дорийских «темных веков» подобного рода богатые и знатные басилеи? Вот этой проблеме, покинув героев гомеровского эпоса, стоит уделить серьезное внимание. Вспомним, что следов сколько-нибудь развитого и организованного общества

вне деревенских общин и соответствующих этому обществу государственных образований в Греции времен «темных веков» не обнаружено, что исчезла письменность, не нужная обществу, в котором нет дворцово-храмовых хозяйств и ведущих учет писцов. Нет вообще следов существования государственного аппарата. Но остались, как то видно из гомеровских поэм, басилеи.

В микенскую эпоху это был, насколько можно судить, самый многочисленный слой низших чиновников аппарата власти, заправлявших делами на местах и отвечавших за состояние дел в той или иной местности перед наместниками-управителями округов. Когда вся система микенской цивилизации и государственности рухнула, а дворцово-храмовые хозяйства и аппарат власти были ликвидированы, басилеи вполне могли остаться в качестве наиболее заметных персон в деревне-общине либо в более крупной общине, состоявшей из нескольких деревень. Но не более того. Как известно из эпоса, басилеи сами не чурались грубой крестьянской работы. Как сказано там об Одиссее, он гордился своим умением пахать и косить. «Царская» дочь Навсикая из все той же поэмы вместе со своими служанками стирает белье. В чем же было тогда отличие этих басилеев от всего остального ахейско-дорийского либо дорийско-ахейского населения сменивших процветавшие Микены «темных веков»?

Конечно, прежде всего в том, что они уже не были низшим звеном хорошо (по древневосточному стандарту) организованного аппарата власти и всего государственного хозяйства. Они стали независимыми. Но при этом те, кто уцелел и остался на своих местах (если речь об ахейцах), либо те, кто занял эти места (если говорить о постепенно ассимилировавшихся с уцелевшими ахейцами и приспособившимися к иным условиям жизни пришельцах-дорийцах), не заняли мест правящей прежде верхушки управителей. Ее больше просто не было. Однако они сохранили свой прежний выделявший их из среды остальных общинников более высокий статус. Могли сохранить и даже при случае прирастить свое имущество, например, за счет стад — с полукочевыми дорийцами число домашних животных в Греции увеличилось, о чем наглядно свидетельствуют упоминания о многих стадах Одиссея как о его главном богатстве на острове Итака. Они могли иметь и даже увеличить количество рабов, что в условиях нашествий и крушения устоявшегося порядка следует считать естественной нормой. Словом, есть весомые основания считать, что прослойка басилеев в период «темных веков» пре-

вратилась в социальный слой имущественно богатых и пользовавшихся если не властью, то престижем в округе.

Этот статус неизбежно вновь вел к постепенному появлению в дорийской Греции слоя знати. Вот это и сыграло, видимо, свою роль в том, что богатые и знатные басилеи, оставаясь в реалиях предполисной Греции, выступили главными действующими лицами в поэмах Гомера, где были причудливо перемешаны реалии разных эпох. Важно сказать и еще об одном обстоятельстве. Ликвидация более прогрессивных государственных форм организации общества вызвала к жизни и открыла дорогу другим, родовым, более древним и привычным. И дело не только в том, что эти связи были характерными для этнической общности варваров-дорийцев, понятия не имевших о городах-государствах и вообще о государственности. Просто, как говорится, свято место пустым не бывает. И коль скоро государства в Греции не осталось даже в его примитивной форме племенного во главе с вождями и тем более урбанистического протогосударства, то формой организации общества неизбежно должны были стать роды с их подразделениями, те самые филы и фратрии, которые со временем, несколько трансформировавшись, начали играть столь значительную роль в социальной и политической структуре возникавшего на базе таких общин древнегреческого полиса.

Оставив пока вопрос о полисе, о котором пойдет речь в следующей главе, обратим внимание на общину. В общинной деревне периода «темных веков» или «гомеровской» Греции существовал обычай делить землю на наделы-клеры, достававшиеся каждому домохозяину по жребию. Мало того, в деревенской отчасти еще родовой общине существовали люди богатые, имевшие много клеров (поликлерой), равно как и лишившиеся своего клера (аклерой), которые, будучи вынуждены по той либо иной причине отдать свой надел соседу, превращались в батраков-фетов. Вот здесь, насколько можно судить, и таится основа всего развития Греции в период «темных веков». Басилеи, похоже, были главными среди тех поликлерой. Богатство и знатность, а также связанные с тем и другим жреческие функции в рамках родовых культов при этом тесно переплетались, что, конечно, способствовало превращению басилеев, прежних низших чиновников микенского времени (из их числа, скорее всего, избирались и старейшины общин), в слой общинной верхушки.

Басилеи, видимо, становились во главе военных экспедиций, коль скоро в этом бывала необходимость. Они могли соперничать

друг с другом в борьбе за власть. Но стоит заметить, что все высшие должности замещались с помощью столь характерной для ранних догосударственных обществ процедуры выборов. О передаче статуса (речь не об имуществе, а о власти) по наследству речи не было. Стоит в этой связи снова вспомнить о положении на острове Итака, где женихи домогались руки жены Одиссея Пенелопы, ссылаясь на то, что он много лет уже не дает о себе знать, и явно надеясь на приобретение вместе с Пенелопой всего имущества и всей власти, которыми обладал на Итаке Одиссей. Но учтите, ведь у Одиссея и Пенелопы был сын Телемах, взрослый юноша, который, по нашим понятиям, должен был быть беспорным наследником имущества и статуса отца. Он, как известно, сыграл во всей истории важную роль, когда помог прибывшему домой отцу расправиться с женихами. Но наследником он явно не считался. Для этого, похоже, если принять во внимание норму, следовало быть избранным (в данном случае, видимо, всем взрослым мужским населением острова).

Завершая рассказ о «темных веках» и гомеровской Греции, стоит обратить пристальное внимание не столько на то, что этот период в истории древнегреческого общества был шагом назад, сколько на то, что он выявил совершенно новые потенции в обществе. На передний план выдвигаются свободные от гнета деспотической власти земледельцы-общинники, от воли которых зависело, кто — пусть пока что только из числа наиболее богатых и знатных, т.е. пользующихся наибольшим престижем, — будет ими руководить. Такое бывало практически во всех обществах, стоявших на ранней стадии политогенеза, когда общинные старейшины превращались в вождей и правителей. Но везде — это было нормой — выборы как важная процедура, равно как и роль избирателей, достаточно быстро уходили в прошлое. В дорийской Греции случилось иначе. И именно это важное обстоятельство изменило весь процесс политогенеза и вызвало к жизни не деспотическую власть правителя, как то было практически всегда и везде, кроме античного мира, а власть народа, демократию.

Глава двенадцатая. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС. АФИНЫ И СПАРТА

Демократия как главная характеристика античного мира и свобода как наивысшая осознанная именно в античности социальная ценность вышли на передний план в древнегреческом обществе,

как это ясно из материала предшествующей главы, далеко не сразу. Развитие очага цивилизации и государственности здесь началось со стандартных для всего человечества форм и типов, о которых достаточно подробно было сказано в главах, посвященных общим проблемам раннего исторического процесса. Этот стандарт стал нормой для древневосточных обществ. Здесь существенно заметить, что ничего исключительного не следует видеть в том, что очаг цивилизации на Крите был ослаблен и по сути погиб в результате катаклизмов, а пришедший ему на смену микенский (ахейский) был разрушен в ходе нашествия варваров, хотя ни в одной из множества древневосточных цивилизаций такого не было. В принципе катаклизмы можно было бы как-то пережить, а нашествие варваров вполне могло бы завершиться их постепенной аккультурацией с воссозданием того общества, которое было прежде и социополитический генотип которого не мог исчезнуть бесследно в памяти людей и в сопутствующих ей принципах социальной структуры и политических институтах.

Однако в архаической Греции начиная с XIII–X вв. до н.э. все было не так. Возник загадочный феномен «темных веков». Он отнюдь не сводился к тому, что варвары, вынужденно включенные в процесс некоей аккультурации, вызванный их оседанием в зоне недавнего существования заметного очага цивилизации и контактами с носителями этой цивилизации, греками-ахейцами, почему-то не желали воссоздавать бывший прежде общепризнанным, со всеми его вариантами-модификациями, стандарт. Этот стандарт, казалось бы, являл собой единственно возможную для того уровня развития социополитическую структуру, основанную на власти-собственности и принципе централизованной редистрибуции. Но в силу ряда причин, фактически не поддающихся убедительному толкованию, произошла не столько даже элементарная, хотя и не слишком часто встречающаяся в процессе исторического развития бифуркация, сколько уникальная и практически неповторимая новация. Новация, которую есть все основания считать социополитической мутацией.

СТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА

Дорийцы и уцелевшие ахейцы, имевшие возможность выбрать хорошо всем известный и общий для всего тогдашнего мира путь постепенного и далеко не простого воссоздания утраченного, не сделали этого, предпочтя поступить иначе. Как именно — это в общем-то

хорошо известно. Существенно вскользь заметить, что попытки такого рода нельзя считать вовсе отсутствовавшими. Многие из тиранов и царьков ранней античности, о чем пойдет речь далее, пытались избрать этот путь, но история не предоставила им такой возможности. Точнее, было уже поздно. Греки сполна вкусили преимущества возникшей у них полисной демократии. И нет ничего удивительного. Почему?

Именно потому, что на смену очагам цивилизации и государственности по восточному классическому стандарту пришел древнегреческий полис. Но что это такое — полис? Как считают специалисты, само формирование полисов было во многом связано с экономическим развитием Греции в VIII–VI вв. до н.э. Железный век, который начался с появления на полуострове дорийцев, сыграл, по их мнению, важную роль в ускорении процесса восстановления всей разрушенной теми же дорийцами экономики страны и прежде всего ее сельского хозяйства. Быть может, этот фактор действительно следует принять во внимание. Но не более. Главное возражение очевидно: почему железный век, наступивший (коль скоро мы связываем его именно с дорийцами) где-то в XIII–XII вв. до н.э., начал проявлять свои позитивные потенции почти полутысячелетие спустя? Нет слов, темпы эволюции в древности были замедленными. Но половина тысячелетия — это, пожалуй, чересчур даже для той эпохи.

Оставим поэтому этот фактор в стороне и обратимся к другим особенностям эпохи ранней архаики, т.е. тех же «темных веков». Судя по многим косвенным данным, Греция в это время лишилась своих городов, бывших государственно-храмовыми центрами, и разбилась на огромное количество небольших деревенских общин, в основном не имевших отношения к достижениям цивилизации недавнего прошлого. Возможно, в ряде случаев процесс политогенеза, начинавшийся как бы заново, вновь приводил к возникновению небольших родоплеменных структур во главе с имеющими престиж и обладающими немалым имуществом вождями из числа все тех же басилеев. Но так как образца развитой урбанистической культуры неподалеку от греков не было, процесс трибализации в любом случае мог идти лишь крайне замедленными темпами. А это замедление вызвало к жизни силы, энергично ему противостоявшие.

Составленные из этнически разных компонентов новые сообщества общинного типа с сильным влиянием внутриобщинных родо-

вых и семейно-клановых связей требовали от руководства немалых усилий, но не способствовали успешному завершению процесса консолидации. В стране не возникало сколько-нибудь значительных по размерам привычных для Востока первичных племенных протогосударств и тем более сложных урбанизованных городов-государств. Напротив, шел — за редкими и крайне своеобразными исключениями вроде Спарты — противоположный процесс разъединения. Ведь это только на первый поверхностный взгляд может показаться, что античный древнегреческий полис не слишком отличался от восточного города-государства. На самом деле между ними — пропасть. В чем ее основной смысл?

Сначала несколько слов о предполисной Греции. Казалось бы, все шло так, что можно было бы делать упомянутый неосновательный вывод о сходстве. Каждая община или же небольшое объединение соседних и родственных общин стояли за себя и в качестве весомой основы своей идентичности со временем стали создавать храмы в честь того или иного из древнегреческих божеств — Зевса, Аполлона, Афины и т.п. Эти храмовые различия не всегда считались вполне естественными, как то обычно бывало в древневосточных странах, в Египте или в государствах Двуречья. Порой они даже вызывали междоусобные конфликты, приводившие к разрушению соседних храмов, как то было в Аргосе уже в конце «темных веков», в середине VIII в. до н.э. Однако, несмотря на такие конфликты, древнегреческие полисы были связаны в единый и цельный мир эллинов, строго противопоставленный окружающим греков варварам примерно так же, как египтяне и особенно зримо шумеры не смешивались со своими соседями, воспринимавшимися чаще всего в качестве не просто чужаков, но и варваров. Возникало и некое не то чтобы содружество, но сообщество, скрепленное общими для всех полисов основополагающими нормами жизни и морали, общим языком, принципами организации общества (пусть с несходными вариантами), а также богами, героями, мифами и многими иными религиозно-цивилизационными представлениями и культурными ценностями.

Но так продолжалось недолго или, точнее, выглядело обычным только на первый взгляд. И дело не столько в том, что конец «темных веков» был ознаменован ускорением экономического развития Греции. Верно, что в это время греки добились немалых успехов и в сельском хозяйстве, и в ремесле, и в торговле, и в традиционном кораблестроении. Даже не в том, что расцветали заново возникавшие

в ряде общинных и протогосударственных структур молодые города, что они были связаны друг с другом дорогами, что в каждом появлялась рыночная площадь (она располагалась в центре, именовалась термином «агора» и использовалась не только для торговли, но прежде всего для общих собраний населения полисов). Верно, что многие из городов, находившихся поблизости от моря, имея удобные гавани, строили верфи, на которых сооружались корабли. Но весь этот экономический подъем не вел к естественной в таких условиях интеграции. На смену предполисам (псевдогородам-государствам) здесь не приходили ни ранние, ни тем более развитые государства. Было или могло быть похоже на то, что греки по каким-то причинам предпочли иной вариант развития, который в чем-то напоминал финикийский с его особо отстоявшимися друг от друга несколькими городами-государствами типа Тира или Сидона.

Вообще-то такое сходство может считаться вполне естественным в условиях, когда на протяжении ряда столетий греки времен «темных веков» (речь прежде всего о материковой и островной Греции; с малоазийской ее частью дело, видимо, обстояло несколько иначе) контактировали прежде всего и главным образом с финикийцами. Как бы то ни было, но пример финикийцев был заразительным, что особенно видно, коль скоро речь заходит о так называемой Великой греческой колонизации. Здесь мы уже вплотную сталкиваемся со спецификой большинства формировавшихся полисов. Каждый из них не столько стремился найти возможности для развития в процессе сближения с соседями или освоения новых земель там, в самой Греции, где они еще имелись. Напротив, он не столько был вынужден, сколько стремился время от времени выводить какую-то часть своего избыточного населения, прежде всего подрастающую молодежь, неимущих либо малоимущих, а также потерпевших поражение в междоусобной борьбе или просто авантюристов, искателей приключений, в заново создаваемые по финикийскому образцу колонии.

Наибольшего размаха этот процесс, начавшийся в конце периода «темных веков», достиг в VIII–VI вв. до н.э. Он стал как бы символом новой Греции, заметно усиливавшей свои позиции и улучшавшей условия для расширения торговли и экономического процветания за счет колонизации в основном пустовавших земель в бассейнах прежде всего Средиземного и Черного морей. Этот процесс оказался настолько удобным, выгодным и решающим многие пробле-

мы, что к нему примкнули и малоазийские города, особенно такие как Милет, который, по некоторым данным, вывел около сотни колоний.

Что представляли собой поселения на новых местах? Как правило, по всем основным параметрам они копировали материнский поселок, греческую метрополию. Везде, где создавались новые колонии, — в Сицилии (Сиракузы), Южной Италии, Франции, Испании или в Анатолии и иных районах Причерноморья, в Северной Африке, включая Египет, — греческие поселения строились по заранее обдуманному плану. Еще до отъезда назначались должностные лица, возглавлявшие переселенцев. На долю колонистов выпадало прежде всего соорудить поселение, создать его основные сооружения, будь то центральная площадь, главный храм, портовый район либо жилые кварталы. За пределами поселения городского типа располагались земледельческие угодья, чаще всего распределявшиеся по жребию между колонистами. В задачу колонистов входило установить связи с ближайшими соседями из числа местного населения и наладить с ними регулярный обмен товарами и продуктами. Этот обмен должен был проходить в широких масштабах, с тем чтобы колония стала посредником в транзитной торговле между ее соседями и той метрополией, откуда родом были ее жители.

Колонизация далеких от материка территорий была взаимно выгодной, ибо приносила элементы уже сложившейся высокой греческой культуры народам, находившимся на более раннем уровне развития, и в то же время позволяла в результате обмена снабжать материковую и островную часть страны с ее скудными землями притоком продукции извне. За каких-нибудь два-три века Великая колонизация, как ее иногда именуют, принесла Греции буквально неисчислимы экономические и политические выгоды, чем была окончательно упрочена находившаяся в процессе становления новая структура каждой из прежних общин, быстрыми темпами обретавших классические черты полиса. И вот теперь, когда завершилась трансформация древнегреческого предполиса в полис, самое время не просто приостановиться, но сделать достаточно резкую остановку в процессе рассказа о трансформации и обратить пристальное внимание на ее суть. Ведь в конечном счете именно в этом весь смысл того перелома в историческом процессе, который сыграл столь значимую роль в судьбах человечества, обусловив не столько принципиальную разницу между Востоком и Западом, сколько

создание комплекса тех взаимосвязанных и взаимообусловленных преимуществ, которые на века и тысячелетия определили приоритет передового Запада.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ПРИЗНАКИ ПОЛИСА

Итак, обратимся к структуре полисной Греции и уделим теперь самое пристальное внимание тому, что являл собой тот самый древнегреческий полис, основы которого были заложены в неясный для специалистов период «темных веков», а облик которого вполне прояснился в конце этого периода и, в частности в ходе колонизации. Снова вспомним, что *основной базой полисной структуры были небольшие и весьма заметно изолированные друг от друга коллективы общинников, живших в одном или, быть может, нескольких соседних поселениях деревенского типа и имевших как находившиеся в коллективном владении угодья, так и земельные наделы-клеры, достававшиеся всем полноправным и свободным членам общины, чаще всего по жребью* (как то было и в колониях). Эти общины — опять-таки за редкими исключениями вроде Спарты — не были коллективами равных. Были среди их членов поликлерой и аклерой, т.е. богатые, пользовавшиеся у всех престижем старшие, знать, базилеи, и бедные, лишенные земли арендаторы либо батраки-феты. Разумеется, при этом основной контингент составляли владевшие своими клерами середняки. Были в общине и рабы, причем работали они в основном в хозяйствах знати, базилеев.

Базилеи были обязаны немалую часть своего дохода тратить на хорошее военное снаряжение, включая боевого коня, и в случае войны идти в первых рядах сражающихся; подчас именно в результате их поединков решался исход битвы. Остальные мужчины общины были вооруженными пехотинцами. Впрочем, сила греческих солдат-гоплитов заключалась не столько в их снаряжении и вооружении, сколько в изобретенном ими новом военном строе, фаланге, своеобразном вытянутом вширь прямоугольнике тесно идущих рядом друг с другом ошетинившихся копьями пехотинцев, перед мощью которых вынуждены бывали порой отступать и всадники, и даже боевые колесницы. Базилеи, как упоминалось, были и первосвященниками, главными жрецами в храме местных богов. В этой их функции они молились богам, прося помощи в процветании своей общины, и за то получали немало даров и опять-таки престиж.

Они же нередко избирались главами родоплеменных групп и в этом своем высоком статусе тоже имели много прав и привилегий. Выступая в функции местных судей, они разбирали судебные тяжбы.

Постепенно термин «басилеи» уходил в прошлое, а в реальности все те, кто выделялся среди остальных и выполнял основные руководящие функции в общине, трансформировавшейся в полис, становились своего рода аристократией. Богатство и знатность во все большей степени, нежели перечисленные важные функции, выступали едва ли не главной их характеристикой. Но именно это и начало вскоре мешать им, лишая их прежней спокойной жизни людей, опирающихся на свой высокий престиж и уверенных в своем превосходстве. Граждане общины (*неизвестно, когда именно появился сам термин, но тем не менее идея гражданства, статус свободного гражданина вскоре утвердились как главная социополитическая ценность в полисах*) не желали мириться с тем, что основные статусные роли достаются ничем не примечательным наследникам аристократов. Встал вопрос о гражданском обществе, сущность которого в античном мире свелась не столько к появлению, сколько к практически абсолютному господству в Элладе гражданского общества.

Это значило, что, не касаясь даже общества равных в Спарте, в полисах Греции всюду одержала верх столь характерная для эгалитарной первобытности идея полного господства всех полноправных граждан как равноправных членов общины-полиса, никто из которых не должен чувствовать себя хоть в чем-то зависимым от аристократов, до того так либо иначе, но всегда воспринимавшихся в качестве старших. Но почему восходивший к первобытности эгалитаризм, пусть очень сильно, как увидим из последующего изложения, модифицированный эгалитаризм одержал верх и вышел на передний план? Собственно, именно здесь, в этом пункте, и стал реализовываться тот новый путь развития общества, та бифуркация, а вернее сказать, необычная, но закономерная мутация, тот великий выбор, который был поставлен историей перед древними греками.

Это был, на мой взгляд, адекватный ответ античных греков на тот поистине великий вызов, который встал — был поставлен Природой — перед человечеством. Почему вызов оказался нужным? *Если следовать идее целесообразности, о которой выше столь подробно как об одной из важных авторских гипотез, характерных для всей генеральной концепции исторического процесса как важнейшей для планеты части вселенской эволюции, было уже сказано, многое*

прояснится. Взглянем на ситуацию в мире глазами внешней силы, Природы, которая, как условились (это условие — необходимый элемент гипотезы), не живая, но и не вовсе безжизненна и в этом смысле не мертва, т.е. не бесчувственна. Традиционный Восток застыл в состоянии консервативной стабильности и превратил это состояние в принцип своего существования. А это значит, что движение почти остановилось, эволюция не ощущалась, угроза энтропии нависла над всем живым, от имени которого все определеннее выступало развитое сапиентное человечество, достигшее, как ему тогда явно казалось, вершины в процессе социо- и политогенеза. Или, говоря проще, Восток, не говоря о гораздо более примитивной части первобытного и полупервобытного человечества, остановился в своем развитии, не хотел идти дальше.

Природа от имени закона баланса должна была, если следовать логике ее целеполагающего существования, выразить свою озабоченность. И она, эта озабоченность, была выражена в форме очередного посланного всему человечеству вызова. Кто от имени сапиентного населения планеты мог в такой обстановке легче и лучше всего дать адекватный ответ на такой вызов? На мой взгляд, в этом нет сомнений. Традиционный Восток с его принципами жизни сделать это был просто не в состоянии, более отсталые группы сапиентов просто не могли бы этого сделать именно по причине своей отсталости. И только там, где процесс эволюции находился в состоянии неопределенной динамики, как нельзя больше и лучше приспособленной, помимо прочего, для восприятия внешнего импульса, был готов действовать, насколько это было в его силах и соответствовало его потенциям, в соответствии с тем, что объективно и являло собой адекватный ответ на вызов. **Обратим внимание на то, как все только что упомянутые объективные возможности и силы вместе с вполне соответствовавшими им субъективными чувствами, озабоченностями и настроениями оказались пригодными для адекватного ответа.**

Не буду настаивать, что именно так все и было. Но именно такой ход событий легко вписывается в гипотезу о вечных законах вселенского эволюционного движения и потому предлагаемое объяснение хода событий (точнее, причинно-следственные каузальные нормы, объясняющие всю динамику исторического процесса) заслуживает понимания. Но вернемся к античному полису. Он проявил свою необычность — в некотором смысле, если угодно, строптивость — в том,

что гражданское общество, которое оказалось его фундаментом, должно было выработать свою систему институтов, ничем не похожую на восточную, даже, напротив, прямо ей противоположную. Древние греки уже на начальном этапе полисного существования отказались покорно следовать привычному восточно-критско-микенскому стандарту и стать подданными могущественных правителей, опиравшихся на мощь аппарата власти и на генеральные принципы власти-собственности и централизованной редистрибуции. Воспользовавшись длительным состоянием кризиса или, иначе, будучи вынужденными искать новый путь для упорядочения своего существования в условиях ранней фазы политогенеза, они умело использовали то обстоятельство, что после дорийского завоевания для воссоздания восточного типа структур в Греции не было благоприятных условий. Перед ними была свобода выбора, своего рода карт бланш. И независимо от того, принимать гипотезу об эволюции или отвергать ее, греки периода «темных веков» нашли в момент завершения этого периода выгодную и весьма удобную для себя альтернативу. Они создали систему полисов. Мало того, энергичные и динамичные греки сумели увеличить число оправдывающих свое существование полисов за счет колонизации. Так что же такое полис, как мы его видим уже после периода «темных веков», когда греки сделали много шагов вперед в своем развитии, причем не только экономическом, но и культурном (они усовершенствовали заимствованную у финикийцев систему письменности, оснастив алфавит нужным количеством гласных и тем самым приспособив его к широкому применению не только в официальных документах, но и в быту, для развития литературы и своей становившейся со временем все более величественной и разнообразной в своих великолепных формах культуры)?

Практически все полисы, пусть не всегда все в одинаковой форме (стоит снова сослаться на специфику Спарты, о чем речь чуть ниже), были прежде всего, хотя и не без исключений, коллективами свободных и полноправных граждан. И хотя рядом со свободными и полноправными обычно жили и неполноправные, не имеющие прав на клер чужаки-метеки, прибывшие в данный полис и осевшие в нем, они не теряли свободы. Что же касается несвободных, т.е. пленников-рабов, то их доля была, по меньшей мере на первых порах, не слишком большой и значимой, особенно после того как первые великие реформаторы, усовершенствовавшие структуру классического полиса, решительно выступили против возникшей было

традиционной восточной практики кабального рабства собственных граждан и отменили ее. Рабами отныне могли быть лишь чужаки, в основном из числа пленников. Они жили в домах своих хозяев, которые могли обращаться с ними достаточно сурово. Положение античных рабов было более тяжелым, чем в восточных обществах. Однако и в античном мире существовала достаточно широкая практика отпуска рабов на волю. Вольноотпущенники, как и метеки, обычно обретали статус свободных неполноправных.

Одной из наиболее важных отличительных черт полиса было создание системы жестких и строго обязательных для исполнения правовых принципов. Основанные в ранний предполисный период на нормах обычного права, эти принципы обретали форму ратифицированных гражданским обществом законов и, более того, были сильно модифицированы с учетом требования времени и структуры уже сложившегося полиса. Есть данные о строгих законах Ликурга в Спарте, о законах Драконта и реформах Солона в Афинах, а также и о некоторых других аналогичных реформах, призванных прежде всего ограничить произвол и злоупотребление богатых и знатных. Для всех этих новых законов была характерна та строгость нормы, которой никогда не существовало на Востоке. Восток был знаком с законодательством, будь то законы Хаммурапи в Вавилонии или суровые и жестокие требования аппарата власти по отношению к бесправным подданным в практике легистов в Китае, особенно в царстве Цинь времен реформ Шан Яна. Но там под словом «закон» обычно имелась в виду именно какая-либо система государственных регламентов, установленных для подданных, нарушивших строгие правила жизни.

Только в античном мире закон был нерушимой и подчеркнута уважаемой и обязательной для всех без исключения системой кодифицированного права с тщательно разработанной и соблюдаемой процедурой, т.е. чем-то, что было создано для защиты прав и законных привилегий граждан, прежде всего свободных полноправных членов полиса. Благодаря таким законам были ограничены произвол и злоупотребление сильных, знатных и богатых и положено начало ослаблению полисной аристократии, что активно способствовало становлению демократии как основной системы правления в полисах. Здесь снова стоит заметить, что если на Востоке тоже иногда использовалась процедура выборов или даже играли свою роль спорадические вмешательства народа в лице прежде всего горожан

в тех нередких случаях, когда шла борьба за власть между претендентами на нее и от позиции населения кое-что зависело, то к демократии в подлинном смысле этого слова такие случаи не имели отношения. Иное дело — энергично развивающаяся и постепенно системно институционализирующаяся власть большинства народа (демоса) в полисах. Это было невиданным до того нововведением и на многие века, как и понятие охраняемой правом личной свободы граждан, стало одной из самых важных характерных черт, едва ли не главным признаком античного полиса.

Именно с этого на рубеже VII–VI вв. до н.э. в Греции появляется демократия, развитие которой означало конец всесилию потомков басилеев, всей богатой аристократии, эвпатридов. Не то чтобы ее представители вовсе и тем более сразу лишились всякой власти, влияния, престижа, особенно богатства, обладание которым всегда ценилось в полисах и даже играло важную роль при разделении общества на разные социальные слои. Но тем не менее время их беспорядочного господства прошло. Они не только должны были считаться с мнением демоса, но и, более того, уступали ему одну позицию за другой, подчас под давлением избранных демосом вождей или сумевших захватить власть в полисе так называемых тиранов.

Как считают специалисты, в условиях энергичного развития экономики страны соответственно росли мощь и влияние производительных слоев населения, которые обеспечивали этот рост, — общинных земледельцев, ремесленников, торговцев. Именно они были внутренней энергией, движущей силой роста городов, приходивших на смену деревенским общинам в большинстве процветавших полисов. На этом фоне знать с ее богатствами превращалась в консервативную силу, мешавшую развитию. Это весьма способствовало снижению ее социополитической роли и соответственно укреплению полисной демократии. Говоря о ранних греческих полисах, существенно также обратить внимание на то, что в колониях, число которых едва ли не превышало количество греческих полисов (быть может, временами и в несколько раз), процесс демократизации шел еще более быстрыми темпами. Это происходило во многом благодаря тому, что античные греки были достаточно свободны от древних традиций, да и количество аристократов-эвпатридов среди них было намного меньше, нежели в материнских общинах.

В заключение раздела, касающегося общей характеристики и пусть не всех, но основных признаков древнегреческого полиса,

важно сказать о том, что выход на передний план низших социальных слоев полиса, его граждан и подчас не имевших статуса полноправных граждан было очень важной новацией. Усилиями всех их активно развивалось производство, бывшее основой процветания, что, в свою очередь вызвало к жизни новые формы самоуправления. Выше уже не раз говорилось о том, что государство (в случае с древнегреческими полисами вернее говорить о протогосударственных образованиях) есть форма самоорганизации общества, находящегося на той либо иной стадии развития и принявшего тот либо иной конкретный облик. В случае с древнегреческими полисами, точнее, с типичной для большинства их специфической формой политогенеза система управления обществом, т.е. государственные институты, складывалась таким образом, чтобы обеспечить приоритет граждан, а среди них — массы полноправных, демоса.

Новые законы везде гарантировали полное право частной собственности граждан на их имущество и землю. Более того, они содействовали реализации этого права, вводя строгие законы о рыночном хозяйстве, содействии торговым операциям, в том числе транзитной торговле с колониями либо с другими странами. *Главное место в системе законодательной власти везде занимало народное собрание, имевшее право выбирать на недолгий срок (обычно на год) администраторов-магистратов*, сосредоточивавших в своих руках всю нехитрую в небольшом коллективе систему исполнительной власти. В то же время некоторые не подлежащие прежде выбору органы управления знати, как, например, совет старейшин, отходили на задний план.

УВЕЛИЧЕНИЕ РАЗМЕРОВ ПОЛИСОВ (СИНОЙКИЗМ). РАННЯЯ ТИРАНИЯ

Параллельно с возникновением полисов вместо примитивных, в основном дорийских, общин (как раз этот сложный и до конца неясный процесс и следует считать социополитической мутацией, единственной в своем роде и потому неповторимой) или чуть позже, в VII–VI вв. до н.э., шло слияние мелких полисов в несколько более крупные государственные образования. Обозначаемый термином «синойкизм», этот процесс отражал давно назревшие важные перемены в облике понемногу укреплявшихся полисов. Соединение соседних общин друг с другом было в новых условиях сформировавшейся

и резко отличной от традиционно-восточной социополитической структуры благом для развития древнегреческого полиса. Возникали, правда, различными путями и с разным результатом такие большие сложные вторичные государственные образования, как Спарта и Афины, Коринф и Фивы, малоазийский Милет да и многие другие. В них наряду с большим городским центром вроде Афин или Коринфа существовала — как то случилось много раньше в Шумере, откуда и иллюзия сходства, — тяготеющая к центру и поддерживавшая его, зависящая от него теперь уже обширная и многочисленная, в основном общинно-деревенская, периферия.

В ходе синойкизма сближались друг с другом соседние в недавнем прошлом поселения, имевшие обычно своих почитаемых богов и крепко державшиеся за родовые и семейно-клановые связи. Связи, о которых идет речь, постепенно теряли свою значимость, а термины (речь в первую очередь о филах) понемногу начинали использоваться для обозначения не родовых, но территориальных подразделений. Кроме того, в процессе синойкизма могла шире и энергичнее распространяться достигшая высокого уровня древнегреческая культура, будь то мифология или эпос, алфавит или литературные произведения, идеи ранних древнегреческих, в основном малоазийских, милетских, философов, а также высокое искусство архитектуры с ее величественными и богато отделанными колоннами (дорический, ионийский, коринфский ордера) и скульптура.

Эта высокая культура заметно отличалась от того, что подарил миру процветавший в те же века Восток. Отличие в основном сводилось к культу свободной личности, ее силы и здоровья (вспомним про Олимпийские игры, воспитывавшие и воспевавшие физическую культуру). Обратим внимание на то, что и боги изображались как крепкие, здоровые и красивые люди, что жизнерадостность как состояние тела и души преобладала практически во всех сферах культуры и искусства. Все это не следует считать спецификой либо случайностью. Это закономерный результат нового типа общества, призванного уважать человека. Это общество не было рабовладельческим, как его привыкли именовать в нашей стране с легкой руки вульгаризаторов марксизма, долгие годы абсолютно господствовавших в отечественной историографии во главе со специалистами по «историческому материализму». Это общество, хотя в нем были и рабы, причем нередко бесправные, было античным, и именно в качестве такового оно легло в основу западноевропей-

ской цивилизации и государственности, а со временем, в постренессансную эпоху, оказалось фундаментом европейского развитого буржуазного рыночного хозяйства, капитализма.

Как же развивались древнегреческие полисы после сложных процессов колонизации, демократизации и синойкизма? Как то ни покажется странным, но итогом всех этих, казалось бы, весьма прогрессивных и открывавших дорогу свободе и демократии процессов стала в ряде случаев тирания, пусть даже чаще всего кратковременная. В чем же было дело? И что такое эта ранняя древнегреческая тирания, в чем ее исторический смысл? Начнем с того, что само слово *тиран* не имело в то время столь ощутимого ныне негативного смысла, оно характеризовало человека, который сумел стать у власти в полисе в результате благоприятного стечения событий или в ходе некоего переворота в правящей верхушке. Но самое интересное в институте ранней тирании во многих древнегреческих полисах (Аргос, Коринф, Самос, Афины и др.) то, что власть тирана была направлена против консервативной знати, древнегреческих эвпатридов.

В Аргосе правитель Фидон (он не был тираном в полном смысле слова, ибо имел некоторые основания считать себя царем) сумел в первой половине VII в. до н.э. объединить вокруг Аргоса многие города Арголиды на севере Пелопоннеса, включая древние Микены и Тиринф. Выступив против Спарты, расположенной на юге Пелопоннеса, Фидон сумел разбить ее войско, применив едва ли не первым фалангу. В западной части полуострова он поставил под свой контроль святилище Зевса в Олимпии и руководил Олимпийскими играми. Явно стремясь к закреплению за собой всей полноты власти, Фидон вступил в острый конфликт с очень не желавшей этого коринфской аристократией. Только смерть Фидона при попытке захватить власть в Коринфе положила конец этой широкомасштабной экспансии, после чего его держава распалась. Впрочем, вариант с тиранией Фидона был единственным, исключительным в своем роде. Другие тираны к завоеваниям, как правило, не стремились. Во второй половине VII в. до н.э. тираны Кимпсел и Периандр изгнали из Коринфа, богатого и владевшего колониями в Сицилии (Сиракузы), всех аристократов, конфисковав их земли и раздав их нищим. В Коринфе были построены новые гавани и иные общественные здания, выведены новые колонии. Наряду с советом старейшин был организован совет земледельцев.

Спустя столетие самосский тиран Поликрет, опираясь на торговцев и ремесленников, изгнал из Самоса многих знатных людей и осуществил несколько серьезных общественных проектов (земляной мол в море длиной с треть километра, туннельный водопровод длиной свыше километра, городской храм), дабы дать работу неимущим гражданам. В VII–VI вв. до н.э. в городе Сикионе, расположенном неподалеку от Коринфа, обосновалась на некоторое время династия тиранов, наиболее известным из которых был Клисфен. Он, как и другие, активно преследовал старую дорийскую знать, оскорбительно переименовав три филы, к которым многие из коринфских аристократов принадлежали. И хотя радикальных реформ Клисфен не проводил, его политика, направленная против родовой знати, отвечала интересам демоса. Наибольших успехов и наилучших результатов в борьбе с аристократами добились афинские тираны Писистрат и его сыновья. Но об этом подробнее пойдет речь в разделе об Афинах.

СПАРТА

Исторически первая из сильнейших древнегреческих полисов — Спарта, та самая, по отношению к которой уже было сделано несколько оговорок. Оговорки, как это было вполне очевидно, связаны с тем, что развитие полиса спартиатов пошло по весьма оригинальному и оказавшемуся тупиковым с точки зрения простора для эволюции пути. Специфика этого пути, на мой взгляд, отражала своего рода поиск, первую, раннюю и потому несовершенную попытку дать адекватный ответ на вызов. Впрочем, рассмотрим проблему специально. Она заслуживает этого хотя бы потому, что в истории античной Греции Спарта, несмотря на свою застойную консервативность, обернувшуюся для нее очевидным тупиком, сыграла очень существенную роль и потому по праву занимает одно из важнейших мест среди древнегреческих полисов. Группа поселков, даже не вполне город, которая стала со временем центром обитания большинства полноправных граждан-спартиатов (спартанцев), возникла очень рано, вскоре после завоевания материковой Греции дорийцами, т.е. на рубеже X–IX вв. до н.э., на крайнем юге Пелопоннеса. Дорийцы, осевшие здесь, были, как представляется, из числа наиболее агрессивных и воинственных. Ограниченные в своем дальнейшем продвижении на юг морем, они пошли войной на соседей, в основном, следует полагать, из побежденных ахейцев.

Заняв территорию в Лаконии, которая получила наименование Лакедемон, дорийцы-спартиаты подчинили себе большую часть чуждого им соседнего населения, превратив его в невольников-илотов. Существует предположение, что часть ахейцев добровольно влилась в общину дорийцев-спартиатов, ибо есть сведения, что в последующем один из двух басилеев-царей спартанцев считал свою династию по происхождению дорийской, а другой — ахейской. Но это немаловажное обстоятельство, если оно не объясняется какими-либо неизвестными нам причинами, никак не помешало тому, что новая община спартиатов, в которой, видимо, абсолютно преобладали дорийцы, была весьма жестко отделена от всех иноплеменников. Не все они стали илотами. Та часть их, которая добровольно признала владычество спартиатов и проживала в некотором отдалении от столицы, получила статус перизков, т.е. свободных, но неполноправных, нечто вроде более поздних метеков. Разница между илотами и перизками была очень большой, причем она еще возросла после серии Мессенских войн (VIII–VII вв. до н.э.). В ходе этих войн спартиаты завоевали Мессению, заставили часть ее населения мигрировать на запад, в основном в Италию, и превратили большинство оставшихся в илотов, дав статус перизков лишь немногим жителям приморских поселений.

Именно в это время, где-то на рубеже VII–VI вв. до н.э., вся наиболее плодородная земля Лаконии и Мессении была поделена на 9 тыс. примерно равных наделов-клеров, которые были распределены между спартиатами. Обрабатывали эти земли прикрепленные к ним илоты, обязанные выплачивать хозяевам земли, по одним данным, почти половину, а по другим — примерно шестую или седьмую часть произведенного продукта. Что касается перизков, то они имели наделы-клеры (по некоторым данным, около 30 тыс., причем их тоже обрабатывали илоты), а также занимались ремеслами и торговлей. За перизками в отличие от спартиатов и тем более илотов признавалось право на частную собственность. Это важное обстоятельство существенно подчеркнуть, потому что спартиаты такое рода право, распространенное к этому времени по всей Греции, по отношению к самим себе принципиально отвергали. С этого, собственно, и начинается заметная оригинальность и очень далеко зашедшая специфика образа жизни Спарты и спартиатов. Начнем с того, что размеры спартанских клеров были постоянными, их нельзя было изменять, дробить при передаче по наследству и тем более продавать.

На доходы со своих клеров все семьи спартиатов безбедно, но и безо всяких излишеств, по-спартански, существовали, никогда при этом не вмешиваясь в хозяйственные дела подвластных им илотов, которые могли свободно распоряжаться оставшейся им долей доходов, вплоть до продажи их части.

Стоит заметить, что клеры спартиатов, как и работавшие на них илоты, не принадлежали, строго говоря, именно им. Они считались общими, государственными, тогда как сами спартиаты — членами «общины равных». Говоря об илотах, необходимо повторить, что их не следует считать рабами. Это были бесправные — что стоит особо подчеркнуть, коль скоро идет речь об античной Греции, где закон, право и беспристрастный суд, включая суд присяжных, играли столь большую роль, — беззащитные крестьяне-невольники, оказавшиеся в весьма необычной ситуации. Чем-то они напоминают русских крепостных. Их хозяева почти не знали своих илотов и уж во всяком случае не должны считаться какими-то злостными эксплуататорами или садистами. Они, однако, просто не считали илотов за людей. Учитывая же, что илотов было в несколько раз больше, чем спартиатов (вообще, по некоторым данным, члены «общины равных» составляли лишь около 10% населения этого очень крупного полиса), и резонно опасаясь возможных конфликтных ситуаций, спартиаты время от времени устраивали так называемые *криптии*.

Смысл этих варварских акций сводился к тому, что спартиаты как полноправные граждане и хозяева большой страны, воины по основным параметрам их бытия (илоты и периэки по определению не были воинами и не имели оружия, не умели им пользоваться) ставили своей целью держать остальных жителей Спарты в страхе. И как раз с этой целью, а также ради воспитания подрастающего поколения воинов-спартанцев (а все они, ничем другим не занимаясь и не интересуясь, были прежде всего воинами, причем смелыми и мужественными, готовыми умереть за свою страну) юношей из спартанских семей посылали нападать на поселения илотов и убивать более сильных и заметных из них. Юношей, о которых идет речь (слабых и хилых младенцев, как о том говорят предания, по приговору старших сбрасывали со скалы или оставляли умирать возле обрыва сразу же после их рождения), обычно забирали из семей примерно в семилетнем возрасте. Они воспитывались в *агелах*, т.е. специальных воинских школах-лагерях, где их жестоко муштровали, сурово наказывая за мелкие провинности и воспитывая

в них выносливость, жесткость и неприхотливость, умение довольствоваться крайне скудными условиями жизни, четко подчиняться приказам и выполнять их, предпочитать молчание и говорить лишь в крайнем случае, причем лаконично. Юноши редко мылись, носили поношенную одежду. В 16 лет их проводили через нечто вроде древнего обряда инициации: у алтаря богини Артемиды их жестоко бичевали, требуя при этом молчать. Атлетическая подготовка была вменена и в обязанность девушек, по меньшей мере до замужества. Существует легенда, что все эти особенности спартанского образа жизни были сформулированы в знаменитых законах Ликурга в начале VIII в. до н.э., которые и установили на века строгую структуру Спарты. Не вступая в дискуссию с Плутархом, описавшим эти законы, и приняв во внимание сомнения современных исследователей по поводу личности законодателя, обратим внимание на то, что было реальностью в жизни Спарты в результате неоспоримой сути «законов Ликурга». Главным из них был закон против всякой роскоши и богатства, требование строгого равенства в образе и уровне жизни спартиатов, жесткий регламент во всем, включая повседневное поведение, пищу, одежду, жилище, вплоть до заключения браков (спартиаты могли жениться только на спартиатках). Граждане Спарты не должны были заниматься ремеслами и тем более торговать — только война и подготовка к ней в форме спартанского воспитания подрастающего поколения, о котором уже упомянуто, были их делом.

Даже деньги в стране были фактически запрещены. Вместо них использовались тяжелые железные круги-колеса, *оболы*. Запрещен был и ввоз чужеземных изделий, особенно предметов роскоши, из других мест. На обязательных ежемесячных совместных трапезах — *сисситиях* — все взрослые мужчины как бы сближались и в то же время подвергались негласной проверке. Вообще, власти активно вмешивались во все мелочи жизни членов «общины равных». Они, в частности, следили за тем, чтобы каждый спартанец до 40 лет обзаводился женой и в семьях рождались дети (если их не было, жена имела право на развод, даже на любовника). Что же представлял собой аппарат власти в столь необычно организованном обществе?

Формально во главе спартиатов стояли два царя, принадлежавшие к двум династиям и передававшие свой статус по наследству. Слово «статус» здесь неслучайно, ибо базилеи реальной царской властью не обладали. Это были скорее военачальники, обычно вед-

шие за собой воинов-спартиатов. Руководила же «общинной равных» *герусия*, т.е. совет старейших. Члены герусии избирались народным собранием, *апеллой*, т.е. всеми взрослыми спартиатами. Правом избираться пользовались только старшие и потому наиболее уважаемые сограждане, достигшие 60 лет. Избранные находились в герусии пожизненно, причем к 28 избранным добавлялись оба царя. Цари и герусия (30 человек) обычно представляли на утверждение народного собрания какие-либо новые решения и законы, причем народное собрание чаще всего без обсуждения одобряло криками эти решения. Только в редких и особо важных случаях происходило своеобразное голосование: собравшиеся расходились направо и налево, причем на глаз определялось, на чьей стороне большинство.

Позже к народному собранию, герусии и царям в системе органов власти была добавлена еще одна важная инстанция — пятеро *эфоров*, надзирателей, призванных осуществлять верховное наблюдение и повседневный контроль над всей «общинной равных». Со временем именно эта пятерка, члены которой обычно избирались на год из граждан старше 30 лет, вышла на передний план, обладая наибольшими властью и влиянием в Спарте. Эфоры в некотором смысле стали даже выше царей. Именно они созывали заседания герусии или народное собрание, иногда кто-либо из них сопровождал царей в воинских экспедициях. Эфоры стали ведать внешними сношениями и финансами Спарты, а также осуществлять судебные функции.

Спартанцы, о чем упоминалось, много и успешно воевали. Именно им, в частности, приписывается изобретение или, во всяком случае, усовершенствование фаланги — сплоченного строя хорошо вооруженных и защищенных щитами латников-гоплитов, готовых умереть в бою, но не сдать врагу. Вообще, силу и мощь этого своеобразного полиса ни в коем случае не следует недооценивать, как и его кажущуюся порой парадоксальной живучесть. Известно, что в VI в. до н.э. под влиянием Спарты был чуть ли не весь Пелопоннес, включая большие и известные полисы типа Коринфа. Позже на этой основе сложился знаменитый Пелопоннесский союз, активно и успешно соперничавший с Атикой во главе с Афинами.

Пытаясь оценить социополитическую суть образования общины равных, которое если и не было создано Ликургом, то следовало приписываемым ему заветам, трудно удержаться от того, чтобы не увидеть здесь что-то вроде реализации предомленных в несколько неожиданном ракурсе примитивно-эгалитарных, даже

протосоциалистических идей. Конечно, ни одна попытка создать общество равных не исходила из того, чтобы сделать такого рода общество многослойным и создать равных только на верхнем слое, чтобы они жили за счет труда других. Тем не менее, если абстрагироваться от этого важного обстоятельства, сама по себе организация жизни высшей общины равных впечатляет. В реальности ведь это один из вариантов системы социалистических, даже коммунистических идей или, если говорить жестче, коммунистической казармы. И не то самое скверное, что для существования такой казармы нужна была эксплуатация труда других, а то, что сама организация общества, основанного на соблюдении распределения общего имущества и типично-казарменного образа жизни, выглядит сегодня очень уж неприглядно.

Хотя самих спартанцев такое общество, возможно, вполне устраивало. Устраивало, в частности, потому, что, несмотря на все ограничения, к которым они, впрочем, с детства привыкали, спартанцы были свободными и полноправными гражданами своего государственного образования, чем они, как и граждане других полисов, всегда гордились, за что готовы были отдать жизнь. Объективно нельзя не упомянуть одного: в сфере экономики и культуры подобного рода крайне консервативное и тщательно закрытое от внешнего мира общество в перспективе не имело шансов на успех в развитии, особенно в сфере культуры. Это общество в принципе по своей структуре и сложившейся системе ценностей не было способно к продуктивной эволюции. Спартанцы, следует отдать им должное, прославились своими войнами и победами, но они не дали миру ни одного великого мастера или деятеля культуры и искусства, не создали ничего из тех высочайших вершин цивилизации, обязанных своим появлением на свет свободному духу свободной личности, коими так славна была античная Греция.

АФИНЫ

Совсем иное дело — Афины, о которых можно и следовало бы говорить много и долго, подчас с восхищением и даже преклонением. Этот полис в форме первичного протогосударства сложился несколько позже спартанского, в VIII–VII вв. до н.э. Да и создание его происходило в других условиях, в процессе постепенной трансформации общинного коллектива побежденных ахейцев (дорийцы

в Аттике почти не осели, зато туда бежали многие из ахейцев Пелопоннеса), издревле управлявшихся басилеями и советами старейшин. Мало сведений о том, что было в Аттике в период темных веков. Но в начале следующего архаического периода Афины являли собой достаточно быстро складывавшийся полис, почти все полноправное свободное население которого состояло вначале из представителей четырех фил, каждая из которых делилась на три фратрии.

В социальном плане население возникавшего полиса делилось, как и везде в античной Греции, на верхи и низы. В Афинах это были аристократы-эвпатриды и простолюдины-геоморы, или демос. В процессе синойкизма к выгодно расположенным — в нескольких километрах от моря и к тому же в центре плодородной долины — Афинам присоединилось некоторое количество соседних полисов, в результате чего этот город сравнительно рано превратился в центр большого вторичного и сложного протогосударства. Культ богини-покровительницы этого города стал признанным практически во всей Аттике, если даже не во всей средней части Греции. Многие представители знатных семейно-клановых групп из других поселений со временем переселились в этот город, подчас вместе со святилищами своих богов, например бога моря Посейдона, покровительницы земледелия Деметры.

Басилеи достаточно быстро исчезли из политической жизни Афин, а их место заняла коллегия из ежегодно избиравшихся из среды эвпатридов девяти *архонтов* и совет старейшин, *ареопаг*, регулярно пополнявшийся в основном за счет бывших архонтов.

Выход в системе управления на передний план знатных и богатых вызывал недовольство большинства населения Афин. Важно принять во внимание, что именно в этот период древнегреческой истории шел быстрый и нарастающий процесс экономического развития, причем Афины явственно лидировали в нем. К этому развитию имели отношение и некоторые из эвпатридов, активно занявшиеся прибыльной морской торговлей и недовольные консервативными порядками, на страже которых стояло большинство представителей знати. Несложно представить, что недовольство большинства, демоса, к которому примыкали некоторые эвпатриды, а также многие из тех, кто не был гражданином Афин, но поселился в этом городе (метеки), имело серьезные последствия.

Волнения привели к тому, что в 621 г. до н.э. архонт Драконт (Дракон) выступил с серией строгих законодательных мер (драконы

законы), ставивших целью узаконить и к тому же жесткими мерами всячески охранять частную собственность, ликвидировать древний обычай кровной мести, а также ограничить произвол суда, находившегося в руках эвпатридов. Эти и некоторые другие новые правила, частично восходившие к обычному праву, но в большей своей части просто отражавшие интересы демоса, увеличивавшего свое влияние в полисе, несколько облегчили положение большинства, но не решили целиком его проблемы. В частности, по-прежнему действовала вызывавшая недовольство жестокая норма порабощения обедневших сородичей за долги. Собственно, именно против этой нормы выступил крупнейший из законодателей Афин архонт Солон. Его реформы 594 г. до н.э. затронули едва ли не все стороны жизни полиса и способствовали быстро и прогрессивному его развитию.

Прежде всего Солон ликвидировал кабальное рабство афинских граждан и объявил, что все проданные за долги в рабство в другие места афиняне должны быть возвращены. Он ограничил ссудный процент. Было также закреплено право наследования за семьей (прежде имущество умершего становилось собственностью его фило) и право завещания, что весьма укрепило институт частной собственности, сделало его основой экономической жизни полиса. Другие законы способствовали расцвету собственности и всей экономики Афин. В частности, был установлен земельный максимум, что больно ударило по аппетитам эвпатридов. Поощрялся вывоз приносившего большие доходы оливкового масла и был запрещен экспорт зерна, которого во все возраставшем численно полисе то и дело не хватало. Введение новой единой системы мер и весов благоприятствовало развитию ремесла и торговли. Солон активно боролся против разных дорогостоящих излишеств, особенно связанных с погребением и жертвами. Но едва ли не наиболее существенным были политические реформы законодателя.

Солон разделил всех граждан полиса на четыре разряда по имущественному признаку, что должно было ослабить роль родов-филов, в которых традиционно заправляли эвпатриды. В первый разряд (пятисотники) входили те, кто имел доход в 500 *медимнов* (52 л) зерна, во второй — обладатели дохода в 300 *медимнов* (их называли всадниками, ибо считалось, что они в состоянии содержать боевого коня и воевать в полном вооружении всадника), в третий — те, кто имел 200 *медимнов* (*зевгиты*), а в четвертый — остальные (*феты*). Представители первых двух разрядов служили в коннице и могли из-

бираться на высшие должности, зевгиты составляли тяжеловооруженную пехоту, гоплитов, т.е. основу боевых сил Афин. Феты были легковооруженными воинами. Каждый из четырех разрядов входил в свою заново созданную Солоном филу. Все четыре филы избирали по 100 представителей в учрежденный законодателем совет четырехсот, который был органом, готовившим дела для рассмотрения их в народном собрании.

Совет четырехсот и увеличение роли народного собрания несколько урезали прежние права ареопага, где были представлены лишь эвпатриды. Но этим реформы не ограничились. Солон создал новую коллегия судей, *гелиею*, в состав которой могли избираться все граждане. Гелиея, эта своеобразная предтеча суда присяжных, имела право судить провинившихся и проверять отчеты всех должностных лиц и поэтому вскоре стала одним из самых важных и демократичных учреждений в Афинах. Были созданы и некоторые другие органы власти, которые ведали казначейскими и полицейскими делами. И хотя многое еще оставалось сделать, можно с полной уверенностью констатировать, что именно Солон заложил основы афинской демократии в той ее весьма развитой форме, которая прежде не была известна всему остальному миру.

После отставки Солона его реформы стали вызывать недовольство социальных верхов, что, в свою очередь, рождало политическую активность демоса. Вообще, напряженность в Афинах постепенно возрастала, несмотря на выведение ряда колоний, которые были призваны способствовать разрядке. Политическая борьба завершилась в 560 г. до н.э., когда одна из соперничавших группировок во главе с Писистратом захватила власть в полисе. Выступив в качестве одного из тех представителей ранней греческой тирании, о которых уже упоминалось, Писистрат, а затем наследовавшие ему сыновья провели ряд важных реформ, направленных в основном против знати и в защиту демоса. У политических противников афинского тирана отбирались земли, которые раздавались неимущим. Для бедняков был организован государственный льготный кредит. Немало было достигнуто и в сфере внешней политики: поощряя кораблестроение, Писистрат увеличил военно-морское могущество Афин, утвердился на ряде островов Эгейского моря и даже захватил один город близ Геллеспонта в Анатолии.

Много сделал Писистрат для расцвета Афин как города. Именно он построил водопровод, соорудил храмы в честь Афины и Зевса, ак-

тивно поощрял ремесла и торговлю, укреплял созданные афинские колонии в Причерноморье. Именно при этом правителе Афин впервые был записан эпос Гомера в той канонической форме, с которой весь мир ныне так хорошо знаком.

Преемники Писистрата продолжали его политику, но многого сделать не сумели. Более того, стремясь ужесточить режим, дабы добиться желаемого, они тем самым восстановили против себя афинский демос. Внешнеполитические достижения Писистрата и его преемников были сведены на нет усилившейся персидской державой Ахеменидов. Все это привело к ликвидации тирании Писистратидов. Однако попытка эвпатридов захватить власть и вернуть себе былое могущество не удалась.

Напротив, эстафету полезных для развития полиса демократических реформ подхватил в начале VI в. до н.э. представитель знатного рода Клисфен. Выступив против системы старых родовых фил, за которую держались аристократы, он разделил Афины на 30 территориальных округов, с тем чтобы три округа из разных мест полиса составили новую филу, которых стало теперь десять. Тем самым прежние роды оказались включенными в разные филы, а каждая территориальная фила состояла из представителей разных родов. Новые филы не только комплектовались из трех разных округов, но и сами делились на многие мелкие территориальные единицы демы, обладавшие определенным самоуправлением. Клисфен включил в новые филы и немалое число тех, кто ранее не был гражданином Афин. Включение в филы метеков и вольноотпущенников из числа бывших рабов окончательно разрушило прежнюю родовую структуру старого полиса. Многих из тех, кому не хватало земли, реформатор переместил на захваченные им земли соседних полисов, что способствовало увеличению числа латников-зевгитов или гоплитов, основы войска Афин.

В соответствии с новым территориально-административным членением совет четырехсот был преобразован в совет пятисот, *буле* (по 50 представителей от каждой новой филы). Клисфен создал новую важную коллегия стратегов, куда своих представителей делегировала каждая фила. Эти 10 стратегов в основном занимались военными делами, но со временем стали играть весьма заметную роль и в политике. И наконец, именно Клисфен придумал оригинальную форму избавления Афин от чрезмерно активных деятелей, которые, по мнению их сограждан, могли принести вред полису. Речь о си-

стеме остракизма, специального голосования в народном собрании, в ходе которого каждый мог написать на черепке имя нежелательного ему деятеля. Тот, кто получал 6 тыс. таких черепков, изгонялся из Афин на 10 лет. В последующее время остракизм сыграл важную роль в политической борьбе, с особой силой проявившейся в Афинах в V в. до н.э.

Законы Клисфена завершили длительный этап реформ, сыгравших, как известно, неопределимо важную роль в истории афинской демократии. Благодаря им Афины стали образцом демократического полиса, стандарты которого широко использовались при реформировании многих других полисов Греции. Разумеется, не все полисы были и могли стать такими как Афины, не говоря уже о Спарте. И хотя некоторые из них подчас напоминали не только демократические Афины, но и консервативную Спарту (таких было намного меньше), существовали некие общие принципы, которые специалисты считают — исключая обычно Спарту и немногие структуры, чем-то на нее похожие, — общими для всей античной Греции, в том числе для ее многочисленных колоний. Скажем в заключение несколько слов об этом общем.

Классический древнегреческий полис в том виде и с теми институтами, которые он приобрел в основном в VI в. до н.э. и сохранил позже, — это поселение типа первичного города-государства с территорией в несколько десятков квадратных километров и населением 5–10 тыс. человек, включая всех тех не имеющих прав гражданства, что в нем обитали. Конечно, на этом фоне резко выделялись крупные государственные образования типа Афин или Спарты с населением не менее 150 тыс. Но это немногие, хотя и очень важные для изучения истории древнегреческого полиса, исключения. Главным общим для всех полисов признаком было наличие центра, обычно города, иногда весьма значительного. В городском центре с его храмами и иными заметными строениями проживало обычно большинство населения полиса. Там жили ремесленники, размещался рынок, на котором производились торговые сделки, там же происходили спортивные состязания, игровые и зрелищные мероприятия.

Главным критерием полноправного гражданина полиса было владение земельным участком вне города, обрабатывавшимся им самим и его семьей. Рабов было немного, и в земледелии они практически обычно не использовались. Те из граждан, кто по какой-то причине лишился участка, чаще всего занимался ремеслом и торговлей.

Однако администрация полиса заботилась о том, чтобы вернуть неимущим гражданам клер, для чего подчас велись войны, но чаще всего создавались новые колонии. Иногда для этого использовался и общинный резерв, общественные земли (лат. *ager publicus*), куда кроме небольшого количества пахотной земли, входило немало иных угодий: леса, поймы рек, болота и т.п. В полисах существовала практика *литургии*. Это нечто вроде полудобровольного налога, накладывавшегося на богатых, которые должны были тратить часть своих доходов на общественные нужды, будь то строительство корабля или устройство праздника. В каждом из полисов важную роль играло народное собрание, хотя полномочия его бывали разными. Роль администрации играли выборные на небольшой срок, чаще всего на год, должностные лица, причем переизбрание их на второй срок допускалось крайне редко.

Право на участие в решении дел своего полиса имели все его граждане, именно в этом был смысл демократии. Выше всего граждане, да и те метеки, кто не был в их числе, ценили свою личную свободу, которая предоставляла им широкий выбор дозволенных законом и бывших под его покровительством действий. Правда, эта свобода, если говорить о полной свободе гражданина данного полиса, обычно была ограничена пребыванием в своем полисе. В чужом он оказывался неполноправным метеком. И хотя полностью свободы действий и вообще личной свободы он не лишался, многие из элементов демократической нормы были здесь не для него. Кроме того, были рабы, о чем еще не раз пойдет речь. Они, как и спартанские илоты, не только не были гражданами, но вообще часто не считались за людей. Но эта весьма прискорбная ситуация была характерна для всей истории человечества и для всех его регионов и этносоциальных общностей, стран, народов и государств довольно долго. Как то ни покажется странным, но рабство не препятствовало процветанию и культуре прав и свободы ни в античной демократии, ни в годы великих преобразований в формировавшихся в конце XVIII в. США. Покончили с рабством ранее других те из европейских стран, вначале небольших, у кого хватило на это желания, условий и сил.

Несколько слов о культурных связях Греции периода «темных веков» и начала расцвета полисной структуры. Эти связи во многом зависели от развития процесса колонизации и рано сложившейся ориентации эллинов на внешнюю, в основном морскую, торговлю.

Будучи довольно отсталыми в культурном плане, по меньшей мере на первых порах и особенно по сравнению с соседними с ними высокоразвитыми цивилизациями Востока, древние греки этого исторического периода весьма многое заимствовали у соседей, с которыми они были тесно связаны. Связи эти были широкими и разнообразными, что способствовало обретению немалого количества полезных новаций в сфере производства и культуры. Так познакомились эллины с тем, чего достигли Египет и Вавилон (особенно в том, что касается астрономии, астрологии, математики), а также финикийцы, искусные в кораблестроении и изобретшие алфавит, или лидийцы, которые принесли в древний мир искусство чеканки монеты.

Эти и некоторые другие заимствования, в том числе и в сфере религиозно-философских идей (не исключено, что даже из далекой Индии), способствовали быстрому расцвету высокоразвитой древнегреческой цивилизации. И эта цивилизация, столь восприимчивая к полезным новшествам, оказалась способной не только успешно использовать веками накопленные достижения иных цивилизаций, но и заложить основы своей, принципиально новой по сравнению с ними. О важнейших особенностях этой цивилизации в сфере социополитической структуры, открывавшей огромные возможности для самовыражения индивида, выше уже шла речь. Об этом же будет сказано и в последующих главах, где пойдет речь и об успехах эллинов в развитии культуры, искусства (особенно скульптуры и театра), философской мысли, о достижениях в сфере архитектуры и градостроительства и т.п.

Глава тринадцатая. ЭЛЛАДА В V–IV вв. до н.э.

Античная Греция — Эллада — достигла пика своего развития именно в V–IV вв. до н.э. Проявилось это в различных сферах — и в области экономики, и в сфере культуры, и в особенностях политической борьбы, и в успехах демократии, и, наконец, в военном деле. И хотя военные столкновения были разными, включая и нередкие междоусобные войны между полисами и их союзами, коалициями (в этом последнем случае чаще всего в качестве основных соперников и противников выступали все те же Афины и Спарта), главными были Греко-персидские войны. Именно на их фоне в немалой степени протекала жизнь как соперничавших между собой полисов, так

и всей Эллады в целом. Это вынуждает начать изложение с краткой характеристики именно войн греческих полисов с могущественной империей Ахеменидов, границы которой в начале V в. до н.э. вплотную подошли, во всяком случае в Малой Азии, к греческому миру.

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

В Спарте в это время достиг немалых успехов созданный спартиатами Пелопоннесский союз, противостоявший Афинам. Афины в противовес ему сумели создать крепкий Делосский военно-морской союз из соседних с ними полисов. Это были уже не обычные ранние государства восточного типа с общим правителем и хорошо налаженным послушным центру аппаратом администрации. Эти союзы скорее были чем-то вроде своеобразных федераций с немалой долей автономии (а в Пелопоннесском союзе даже с правом свободного выхода из него). И все вроде бы шло к тому, чтобы именно эти два крупных союза столкнулись между собой в борьбе за гегемонию. Однако судьба решила иначе. Политическая ситуация в Греции с начала V в. до н.э. резко обострилась в результате давно назревавшей войны с могущественнейшей империей Ахеменидов.

Дарий I, урегулировав дела в империи, сразу же начал продвигать свои войска к средиземноморским берегам Малой Азии, где издревле жили греки и существовало великое множество полисов, среди которых особо выделялся Милет. Ужесточение персидской политики по отношению к этим городам после превращения Лидии в персидскую сатрапию привело к недовольству привольно живших под ненавязчивым покровительством Лидии греков. Именно с восстания Милета и ряда соседних с ним городов и начались греко-персидские войны.

Под патронажем Лидии (до середины VI в. до н.э.) греческие города, в основном находившиеся под властью местных тиранов, имели практически полную внутреннюю автономию. Они признавали зависимость лишь в форме уплаты необременительных налогов. При персах тирания (тираны стали чуть ли не назначаться новой властью) обрела типично восточные формы, что категорически не устраивало свободолюбивых греков. Серьезные трения завершились на рубеже VI–V вв. до н.э. антиперсидскими выступлениями малоазийских полисов против империи Ахеменидов. Это движение, несмотря на некоторую поддержку со стороны Балканской Греции,

прежде всего Афин, не имело успеха. В 493 г. до н.э. Милет был разрушен персами и долго после этого не восстанавливался (уцелевшие жители города мигрировали в Сицилию).

Гибель Милета вызвала бурю возмущения в Элладе, где в это время на передний план выдвинулся известный политический деятель Фемистокл, который написал пьесу на эту затронувшую всех тему. Тем временем персидские войска, преодолев проливы, переправились через Дарданеллы и направились на север Балканской Греции. Им не было оказано серьезного сопротивления. Корпус персидских войск во главе с зятем Дария полководцем Мардонием, преодолев Геллеспонт, быстро продвигался в глубь Греции. В 492 г. до н.э. этот корпус был уже близок к еще одному серьезному успеху. И лишь неудача с поддерживавшим армию флотом (флот был создан персами при поддержке соперников греков — финикийцев), который был уничтожен морской бурей, заставила Мардония повернуть обратно. Однако персов это не остановило. В 490 г. до н.э. они предприняли новый поход.

Объединенная армия греческих полисов, возглавленная умелым стратегом Мильтиадом, нанесла им сокрушительное поражение при Марафоне. В этой битве, по данным древнегреческого историка Геродота, свыше 6,5 тыс. персидских воинов, встретившись с греческой фалангой, были уничтожены, тогда как греки потеряли менее 200 человек¹. Для персов и, в частности, для Дария поражение, тем более с таким разгромным результатом, было необычным. Он не мог не ответить. Но не успел. В 480 г. до н.э., при его сыне Ксерксе, были возобновлены военные действия. На сей раз огромная персидская сухопутная армия была усилена флотом, и возглавлял ее сам правитель. Однако большого успеха персы не добились. Правда, они сумели переправиться, используя понтонный мост через Геллеспонт. Предание повествует, что первый из построенных мостов был разрушен волнами, после чего разгневанный Ксеркс приказал высечь море плетью и казнить строителей. Был возведен новый мост, по которому персидская армия благополучно пе-

---

¹ Это тот самый случай, когда с вестью о победе был послан в Афины гонец, пробежавший без остановки около 42 км и умерший сразу же после того, как он достиг Афин и сообщил жителям полиса о радостном событии. Отсюда берет начало практика забега на марафонскую дистанцию, сохранившаяся до наших дней.

ресекала пролив и прошла всю северную часть Эллады (македонцы не оказали им сопротивления).

При переходе в среднюю часть страны в узком Фермопильском ущелье их армия натолкнулась на героическое сопротивление греков. Немногочисленный отряд спартанского царя Леонида, умело используя выгодную позицию, несколько дней успешно отражал натиск огромной армии, пока один из местных жителей, польстившись на персидское золото, не провел иноземцев окольными путями через горы. Персы обошли воинов Леонида. Большинство окруженного отряда греков по приказу командира отступило, но оставшиеся спартанцы (всего их, по преданию, было 300 человек), которые не привыкли отступать, вместе со своим царем героически погибли в последней неравной схватке. Прорвавшиеся в Аттику персы разрушили Афины, большинство жителей которых успели сесть на корабли и отбыть на прилегающие острова. Казалось, персы достигли своего. Но решающим было морское сражение, где флот и воины греков были сильнее. В знаменитом морском сражении при острове Саламин быстроходные и ведомые опытными моряками греческие корабли одержали решительную победу над персидским флотом. Крупные и с трудом маневрировавшие в узком проливе корабли персов попали в ловушку и, наталкиваясь друг на друга, гибли один за другим. Поражение в Саламинской битве сильно деморализовало персов. Ксеркс приказал большей части армии возвращаться. Оставшийся в Аттике корпус во главе с Мардонием сумел в 479 г. до н.э. еще раз захватить и разграбить Афины, но вскоре после этого в битве при Платеях был уничтожен греками. Погиб и Мардоний.

На этом наиболее активный и опасный для Эллады этап Греко-персидских войн был завершен. Более того, греки перешли в наступление и перенесли бои на территорию Малой Азии. Успехам в этих боях во многом способствовало объединение ряда полисов средней части Балканской Греции и близлежащих островов вокруг Афин и создание на этой основе упомянутого уже Делосского, или Первого Афинского, морского союза. Афиняне и их союзники в 470-х гг. до н.э. энергично потеснили персов из Северной Греции и освободили ряд захваченных ими островов и часть территории Малой Азии, включая зону стратегически важных проливов, Геллеспонта и Босфора. В 460-х гг. до н.э. греческие войска потерпели неудачу при попытках захватить остров Кипр. Затем последовало еще несколько успешных и неудачных сражений, завершившихся в конечном сче-

те заключением с персами в 449 г. до н.э. так называемого Каллиева мира (по имени представителя греков Каллия). По условиям мира персы обязались отвести свои войска от западного побережья Малой Азии на значительное расстояние, на три дня пути. И хотя на этом противостоянии державы Ахеменидов и свободолюбивой Эллады не прекратилось, Каллиев мир был в сущности концом войн.

АРХЭ И РАСЦВЕТ АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. ПЕЛОПОННЕССКИЙ СОЮЗ

Особо следует сказать о том, как развивались события в самой Греции и какой была внутривосточная ситуация в стране в целом и в Афинах в частности в годы Греко-персидских войн и тем более после их окончания. Войны сыграли определенную позитивную роль в деле некоторого сплочения, пусть недолговременного, всех греческих полисов, в том числе и враждовавших друг с другом, прежде всего Афин и Спарты. Полисы Эллады совместно сражались с персами, воспринимавшимися во всей Греции в качестве если не варваров, то, во всяком случае, врагов свободы и сторонников рабства (вспомним тезис о поголовном рабстве на Востоке — греки видели нечто в этом роде в империи Ахеменидов). Однако это сплочение, способствовавшее победам, внутренне не было обусловлено чем-либо существенным, так что неудивительно, что оно оказалось не слишком прочным.

Еще в 478 г. до н.э. был создан общегреческий союз, главной силой в котором в те годы была Спарта. Этот союз сыграл едва ли не решающую роль в победе над персами. Но после окончания войны надобность в нем отпала, а на смену ему пришли два других союза. Первым из них был все тот же Делосский или, иначе, Афинский, морской союз, созданный еще на рубеже 480—470 гг. до н.э. знатным афинянином Аристидом. Этот союз объединял в основном ионийские полисы, включая множество островов. Он не случайно именовался морским. Афины с их огромным флотом в морских сражениях Греко-персидских войн доказали это. В Делосский союз вошло около 200 городов, а вся возглавленная Афинами морская держава со временем получила еще одно наименование — Архэ.

Нельзя сказать, чтобы Архэ была политически устойчивым объединением. Входящие в союз полисы явно тяготились опекой Афин, ощущая к тому же на себе тяжелую руку афинян, требовавших от них

немалых финансовых затрат. Известно несколько попыток отделения от союза или восстаний его членов против Афин. Но все они, как правило, подавлялись силой. Архэ оставалась ведущей силой в Греции вплоть до своего поражения в Пелопоннесской войне в конце V в. до н.э. И это обстоятельство сыграло немалую роль в триумфе афинской демократии именно в то незабываемое время, в V в. до н.э. Триумф, о котором идет речь, связан прежде всего с именем одного из величайших политических деятелей Архэ — Перикла.

Почему на долю Перикла выпало защищать интересы афинской демократии? Дело в том, что по мере завершения войн в Архэ, и прежде всего в самих Афинах, стали проявляться те внутренние противоречия, которые издревле были характерны для многих полисов.

Речь о том, что практика острого социополитического противостояния продолжала существовать. Более того, по мере естественного роста населения она обострялась, что сказывалось прежде всего на положении наименее зажиточной части граждан, составлявшей внушительную часть населения полисов, в том числе и процветавших Афин. Правители Афин отчасти, особенно в годы Греко-персидских войн, снимали напряженность за счет роста армии и флота с соответствующим увеличением фороса (взносов) с членов Афинского морского союза. Практиковалось также наделение афинских граждан землями (клерами) на территории ближайших соседей — союзников Афин. Все это вызывало недовольство, а то и сопротивление союзников по Архэ. И хотя сопротивление энергично подавлялось афинянами, проблемы Архэ становились все более сложными.

Тем не менее афиняне продолжали политику решения своих острых финансовых и земельных проблем за счет союзников. До поры до времени она была вполне успешной, что вело к накоплению в казне Афин некоторого количества средств, позволявших не только сводить концы с концами, но и вести престижное строительство. Именно с этого времени в городе одно за другим стали вырастать такие величественные архитектурные сооружения и целые комплексы, как Парфенон или Акрополь, составившие славу и гордость афинян. И неограниченный вклад в расцвет Афин как могущественного и процветающего политического и культурного центра, а также в развитие афинской демократии внес Перикл (495–429 гг. до н.э.), один из наиболее известных и почитаемых граждан этого полиса.

Все началось с того, что выразитель интересов афинского демоса Эфиальт в 462 г. до н.э. провел через народное собрание закон

об ограничении прав аристократического ареопага. Последователь Фемистокла Эфиальт, по выражению Платона, «опоил демос умеренной свободой». Вскоре Эфиальт был убит одним из его политических противников, а на смену ему в качестве вождя демоса пришел Перикл, выходец из знатного рода афинских эвпатридов, воспитанник знаменитого философа Анаксагора. Будучи в 443 г. до н.э. избранным на должность *стратега*, он непрерывно занимал эту выборную руководящую должность 15 лет, что было уникальным явлением в истории города. Естественно, что именно он фактически возглавлял коллегию из 10 стратегов. Мало того, он надолго стал символом процветания своего полиса.

Перикл решительно выступил за дальнейшую демократизацию Афин.

Именно по его инициативе были проведены реформы, позволившие неимущим гражданам принимать активное участие в работе важнейших органов самоуправления, в частности, в гелиее, суде присяжных, и в совете пятисот (за каждое заседание его участникам стали платить). Даже для оплаты посещения театра малоимущим гражданам начали выплачивать денежное пособие, пусть и небольшое. Расходы на все это отчасти перекладывались на союзников Афин по Архэ. Другим источником финансирования были упоминавшиеся уже литургии, т.е. те полудобровольно-полупринудительные взносы, которые должны были вносить богатые афинские граждане, строившие за свой счет новые корабли или оплачивавшие какие-либо иные проекты.

Одновременно по инициативе Перикла был принят закон, весьма строго ограничивший число граждан Афин: только те, у кого отец и мать были гражданами, имели право стать ими. Как известно, со временем этот закон больно ударил по самому Периклу, женившемуся на известной малоазийской гетере Аспазии. Его сын от Аспазии не имел в силу только что упомянутого закона права считаться гражданином Афин. Перикл лишь с огромным трудом сумел в конечном счете добиться для сына исключения из правила.

Дабы это решение не привело к резкому обострению внутриполитических противоречий, Перикл, следуя традиции, выступил инициатором создания ряда новых колоний для неимущих афинян. Кроме того, под его руководством было совершено несколько успешных военных экспедиций. В основном они были направлены против недовольных афинянами их союзников, многие из которых жили на окружавших Афины островах. Но некоторые экспедиции были

более далекими, что относится, в частности, к южной Италии, где до этого практически полностью господствовал Коринф, и к Причерноморью. Перикл неоднократно выступал перед афинянами со страстными политическими речами в защиту прав обездоленного большинства граждан, что способствовало его популярности среди населения, оказывавшего ему доверие. Именно на поддержку этого большинства афинян он опирался в своей активной и плодотворной деятельности. Однако длилась эта успешная деятельность не слишком долго.

Противостояние Афинам в древнегреческом мире во второй половине V в. до н.э. все возрастало. А во главе противников Афин и Архэ стояла сильная в военном отношении Спарта, сумевшая создать из своих союзников крепкий и боеспособный Пелопоннеский союз. Этот союз был вызван к жизни важными политическими обстоятельствами. Во-первых, усиливалась напряженность во взаимоотношениях Афин со Спартой. Оба могущественных полиса находились в состоянии мира, которое было подкреплено договором в середине V в. до н.э. Однако отношения между ними не были дружественными. И речь не только о естественном соперничестве. Свою роль сыграла и поддержка афинянами всех тех близких к Спарте полисов, где верх брали демократические силы. В то же время там, где существовали прочные олигархические режимы, была очевидной тяга в сторону Спарты, что усиливало этот могущественный полис.

Во-вторых, походы Перикла нанесли ущерб Коринфу в Италии, где у него было много колоний. Коринф был после Спарты наиболее сильным и в экономическом отношении самым процветающим полисом южного региона Эллады. Ощущая общие антиафинские интересы, подавляющее большинство пелопоннеских полисов, и прежде всего Коринф, стали объединяться вокруг Спарты. Это объединение складывалось постепенно, но уже в середине V в. до н.э., когда между Афинами и Спартой был заключен мирный договор, одной из важных его статей было разделение сфер влияния: Афины и Спарта взаимно обязались не принимать в свой союз тех, кто входит в другой союз. Военные успехи Архэ, особенно в период правления Перикла, обострили отношения между союзами. Особенно энергично действовал в этом направлении Коринф. Небольшие инциденты, связанные с попытками некоторых афинских союзников покинуть Архэ, были использованы Коринфом на рубеже 440–430-х гг. до н.э. как предлог для усиления давления на Спарту. Коринф пригрозил, что выйдет

из Пелопоннесского союза, если Спарта не решится на войну с Архэ. В войне, длившейся немало лет, Спарта выступила под лозунгом борьбы против гегемонии Афин в Элладе и сумела привлечь в качестве союзников ряд древнегреческих полисов.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА (431–404 гг. до н.э.)

Обычно эту длительную и изнурительную, особенно для Афин, войну делят на две части. Первой считается Архидамова война (431–421 гг. до н.э.), названная так по имени спартанского царя Архидама, начавшего ее. В Аттику сначала вторглись союзники Спарты фиванцы, а затем и основная армия Спарты, которая быстро подошла к стенам Афин. Правда, Перикл, который предусмотрел такую возможность, переместил все население страны за стены, переправил скот и имущество граждан Аттики на близлежащие острова и разрешил спартанцам в гневе крушить дома, рубить виноградники и, как писал об этом греческий историк Фукидид, пытаться «выманить афинскую армию из-за стен». Афиняне же отправили свой флот к Пелопоннесу, разграбив там побережье и опустошив ряд городов. В итоге Архидам отступил, но ежегодно организовывал новые походы. Взять Афины он не мог, но держать их в страхе у него получалось.

Что касается Афин, то всю стратегию войны Перикл разумно предусмотрел. И неизвестно, как развивалась бы далее Архидамова война, если бы не страшная эпидемия в перенаселенном беженцами городе. Страдания озлобили население, включая воинов-гоплитов и даже привилегированных всадников (их погибло от болезни около 5 тыс. из общего количества афинских воинов примерно 33 тыс.). Перикл был отстранен от должности стратега, обвинен в разных злоупотреблениях и приговорен к большому штрафу. И хотя в 429 г. до н.э. афиняне, как бы опомнившись, вновь избрали Перикла стратегом, он вскоре после этого умер.

В Афинах началась борьба за власть. Между тем война продолжалась в том же стиле, в каком и была начата: спартанцы действовали на суше в Аттике, а афиняне предпочитали морские экспедиции, добившись определенного успеха в 426–425 гг. до н.э. Было совершено несколько удачных походов, включая нападение на Сицилию. Тем не менее Архидамова война завершилась успешным сражением 422 г. до н.э., в котором победу одержали спартанцы. Архэ оказалась накануне развала. Чтобы избежать этого, афиняне предложили мир.

Никиев мир (по имени главы делегации афинян) 421 г. до н.э. восстановил существовавшее до войны статус кво, включая возврат захваченных территорий и обмен пленными. Но, не решив ни одной из разделявших Спарту и Афины проблем, этот мир обернулся на деле лишь весьма недолговечным перемирием.

Вскоре, уже в 415 г. до н.э., Пелопоннесская война возобновилась. На сей раз первыми начали воевать восстановившие свою армию и флот и укрепившие свои позиции в Архэ Афины. Племянник Перикла Алкивиад организовал поход хорошо вооруженного афинского флота в Сицилию. Добившись некоторых успехов, афиняне встретили затем в Сицилии ожесточенное сопротивление. А когда на помощь осажденным сицилианцам прибыли войска из Спарты, дело обернулось для Афин совсем плохо. В решающих сражениях в 413 г. и флот и армия Афин были разбиты. Ко всему сказанному стоит добавить, что обвиненный в святотатстве Алкивиад вынужден был бежать в Спарту, став ее активным сторонником. Инициатива в ведении войны перешла к Спарте, которая не преминула этим воспользоваться. Прежде всего спартанцы и их союзники укрепились в Аттике поблизости от Афин, где ими была создана своего рода военная база, довольно крупная для того времени. Тяжелое положение Афин привело к тому, что кое-кто, и в первую очередь афинские рабы, последовали примеру Алкивиада и бежали на эту базу и тем самым становились на сторону Пелопоннесского союза. И хотя афиняне, напрягая усилия, довольно быстро построили новый флот (150 триер) вместо погибшего близ сицилийских Сиракуз, это не привело Архэ к успеху.

Свалив все на демократические порядки, пришедшие в 411 г. до н.э. к власти в городе сторонники олигархии (было создано так называемое правительство «тридцати тиранов», т.е. тирания тридцати, как этот краткий период вошел в историю) отменили ряд принятых при Перикле казенных трат. Это коснулось прежде всего денежных пособий, выплачивавшихся по инициативе Перикла малообеспеченным гражданам. Тираны сделали еще ряд шагов, направленных на ограничение демократии и усиление власти олигархов. Однако вскоре многие из этих решений, принятых под нажимом противников политики Перикла, были отменены в результате очередных военных поражений и восстания недовольных. Алкивиад тем временем бежал из Спарты в Персию и, покаявшись, не только избежал грозившего в Афинах суда, но и, обещая помощь со стороны Персии,

был избран стратегом. Став во главе флота, он нанес спартанцам ряд поражений. Казалось бы, чаша весов вновь качнулась в пользу Афин и Архэ. Но Персия решила поддержать все-таки Спарту и Пелопоннесский союз, оказав им помощь в строительстве флота.

В итоге в 408 г. до н.э. афиняне потерпели поражение в морском бою у мыса Нотия. Карьера стратега Алкивиада, пытавшегося вести переговоры с персами, на этом закончилась. В 405 г. до н.э. Афины потерпели еще одно тяжелое поражение в морском сражении в проливе Геллеспонт и были осаждены спартанским войском. Вскоре в осажденном городе начались голод и болезни. Через несколько месяцев осады Афины в 404 г. до н.э. вынуждены были подписать со Спартой мирное соглашение. Оно зафиксировало победу Спарты и поражение Афин. По условиям мирного договора Афины как город сохраняли свой статус, но Архэ была распущена. Афинянам запрещалось иметь военный флот, а охранявшие город укрепления должны были быть скрыты. За Афинами сохранялись их владения в Аттике и на острове Саламин, а власть в городе снова была передана 30 олигархам.

Главным следствием этого весьма невыгодного, но все же щадящего Афины мирного соглашения (Спарте было нежелательно чрезмерное усиление Коринфа и Фив за счет близких к ним, но далеких от самой Спарты Афин) стал очередной натиск на сложившийся в полисе демократический строй. Но судьба была милостива к городу. Вскоре после капитуляции среди 30 тиранов, стоявших во главе города, начались раздоры, что позволило изгнанным было из Афин различным демократическим деятелям вернуться. Это привело к тому, что уже к 402 г. до н.э. в Афинах была полностью восстановлена демократия. Правда, эта афинская демократия после тяжелых людских и финансово-экономических потерь, вызванных длительной междоусобной войной, была уже далеко не столь процветающей, как прежде. Но было сохранено главное: Афины — пусть без Архэ — остались Афинами.

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Пелопоннесская война, длившаяся свыше четверти века, изменила все древнегреческое общество. И дело не только в том, что ряд ведущих полисов, таких как Афины, многое в ходе этой войны потеряли. Все потерянное они восстановили довольно быстро. Главное

в том, что война оказала огромное воздействие на структуру полисов, на всю веками складывавшуюся систему отношений в них. Перемены, которые последовали за вынужденной капитуляцией Афин и развалом Архэ на рубеже V и IV вв. до н.э., были весьма серьезными, хотя и не совсем неожиданными. Суть изменений выразилась в структурных сдвигах в экономике, социальных и внутривнутриполитических отношениях. Этот процесс шел медленно, и тенденция к переменам наметилась еще применительно к V в. до н.э. Но война задержала его, что косвенно повлияло на достаточно резкое и очень зримое течение его после окончания войны.

Война требовала огромных расходов, чаще всего в денежной форме, что привело к резкому увеличению денежного обращения. Активно разрабатывались серебряные рудники, в торговле и при иных финансовых операциях использовались также и золотые монеты, в том числе малоазийского (из Лидии) и персидского происхождения. В деньги нередко обращали сделанные из драгоценных металлов сокровища богатых храмов, захваченных в качестве военной добычи. Наличные деньги начали цениться гораздо больше, чем прежде. И для этого были свои причины. Во-первых, они удобны в обороте, а во-вторых, гораздо менее объемны и заметны, нежели все иные ценности, включая и землю. Что касается земли, то именно клеры, прежде обязательно бывшие неотчуждаемой собственностью и неотъемлемой принадлежностью граждан каждого полиса, стали отчуждаться в той либо иной форме. Землю, чего не было ранее, начали покупать и продавать, отдавать в аренду или в заклад. И это тоже более чем понятно.

Многие тысячи, десятки тысяч граждан-воинов погибли в сражениях, их семьи остались без мужской силы, которая очень нужна при работе на земле. Дома и хозяйства других семей были разорены или разрушены. Неудивительно, что наиболее пострадавшие от войны вынуждены были оставить землю и уйти в город. Эта практика, пусть и по-прежнему не одобряемая, а то и преследуемая нормами полисов, пробивала себе право на существование вопреки всем запретам. Нормативные запреты столкнулись с суровыми фактами жизни: граждане-землевладельцы, оказавшись на грани нищеты, должны были отдавать часть своего клера, если даже не целиком всю свою землю, за деньги. Более того, новая обстановка сыграла роль и в том, что, пойдя на сделки с землей и даже переместившись в город, занявшись на полученные деньги ремеслами либо торговлей, граждане

полиса теперь уже не теряли своего высокого статуса, как то чаще всего бывало прежде. Но при этом приобретшие клер либо часть его, а также взявшие земли граждан в аренду или заклад богатые метеки или рабы, в том числе вольноотпущенники, не становились в силу этого полноправными гражданами, хотя и каким-то образом повышали свой статус.

Вовлечение земли, пусть даже не очень частое и ограниченное нормами обычного права, в торгово-денежный либо денежно-кредитный оборот, вело к расширению товарооборота, к увеличению роли денег и привозных товаров в жизни греческих полисов, особенно развитых городских центров. Для генезиса протокапитализма это нормальный и естественный ход процесса. На этом фоне происходило расслоение людей по экономическому критерию (богатые и бедные). *Это имело едва ли не большее, я бы сказал, много большее значение, нежели прежнее деление жителей полиса на демос и эпатридов, или на граждан и всех остальных.* В социальной и экономической структуре полисов наметилась серьезная перемена. Отныне не только и даже не столько привычное деление на разряды граждан полиса, не говоря уже обо всех остальных, играло роль в уровне социального статуса тех, кто живет в полисе. Деньги и богатство все больше определяли этот статус. Конечно, богатые были и прежде, но тогда чаще всего они были из числа богатых граждан-землевладельцев. Теперь же, когда земля перестала играть прежде столь значительную, даже в некотором смысле решающую, роль в определении статуса того, кто живет в полисе, это могли быть просто богачи. Неудивительно, что земля становилась ценным товаром и что некоторые богатые граждане-землевладельцы принимали это во внимание и подчас продавали часть своего клера.

Приток обездоленных в города был наиболее заметен в сильнее других пострадавших от войн Афинах. Сюда возвращались и те, кого ранее расселяли, а теперь изгоняли прежние союзники Афин по Архэ. Правда, это не очень сильно подорвало экономику полиса, которая не только очень быстрыми темпами восстанавливалась, но и вновь начинала процветать, особенно благодаря развитию внешней торговли. Многочисленные богачи взяли в свои руки эту торговлю. Уместно отметить, что перемещение разорившихся граждан в города (это было, к слову, не только в Афинах, но и в других городах, например, в Коринфе) создало новую проблему. Речь о привозном зерне и ценах на хлеб, на чем стремились, вполне понятно, цогреть

руки богачи-спекулянты. Дело дошло до того, что приняты были законодательные меры о контроле за ценами на хлеб.

Увеличение числа нищих граждан заставило правительство Афин вновь усилить внимание к колонизации земель и созданию там для обездоленных граждан новых поселений, а также принять закон о выдаче бедным пособий. Но и это еще далеко не все. Продолжавшиеся в Греции войны требовали солдат. И если прежде, в частности в годы Пелопоннесской войны, воевали преимущественно, даже исключительно, граждане, то теперь появилась большая группа людей как из числа разорившихся граждан, так и остальных малоимущих и неимущих жителей полисов, которые были готовы делать эту работу за деньги. Таким образом, возникла практика наемничества, причем профессионалы-наемники, воевавшие за деньги, вскоре доказали свое преимущество перед не подготовленными к войне обычными призванными воевать сельскими жителями. А так как денег в большом полисе появилось много, то становилось весьма выгодным приобретать наемников (существовали даже своего рода рынки, где можно было договориться об этом с желающими) и с их помощью побеждать врага и обретаť в качестве военной добычи средства для расплаты с нанятыми для этого профессионалами войны.

Наконец, появление в полисах большой массы денег вело к увеличению количества рабов, использовавшихся как в сельском хозяйстве и ремесле, так и в тяжелом труде на галерах либо в рудниках. С увеличением числа рабов социальная напряженность возрастала. Рабы, в том числе и из побежденных граждан иных полисов, т.е. самих греков (хотя и не они были основной массой пленных рабов), были своего рода горючим материалом. Их недовольство своим положением проявлялось всюду достаточно часто, так что даже появились серьезные рекомендации, как, например, призывы известного философа Платона, который всерьез уговаривал хозяев не приобретать рабов из одной страны, т.е. земляков, но использовать в хозяйстве невольников из разных стран, говорящих на разных языках, дабы им было труднее сговориться.

Социальная напряженность в восстановивших довоенный уровень экономического развития и даже превзошедших его Афинах в IV в. до н.э. нарастала. К недовольству обездоленных и крайне ошутимому росту экономических и социальных проблем прибавлялось усиливавшееся расслоение в обществе. И это было расслоение уже не столько между гражданами и всеми остальными, но прежде

всего между разбогатевшими и бедняками, лишенными практически всего. Количество последних возрастало, что вызывало среди них не просто недовольство своим положением и желание возвратиться к прежним порядкам, но и воинственные лозунги, призывавшие население полисов к новому переделу земель и кассации всех долгов. И хотя в Афинах вновь была восстановлена введенная еще Периклом практика подкармливания бедняков, а также стала более ощутимой литургия со стороны богачей, недовольство обездоленных все время давало о себе знать. В других полисах, в том числе и в Спарте, шел аналогичный процесс. Община равных там постепенно умирала, уступая место разбогатевшим и обедневшим, которых до того в этом своеобразном государстве, во всяком случае среди самих спартиатов, просто не было. Персидское золото и богатая добыча в ходе войны сыграли при этом важную роль. Прежние законы, очень строго регулировавшие имущественное положение граждан, были в 400 г. до н.э. отменены. И сразу же среди спартиатов наметилось расслоение на имущих, малоимущих и неимущих. И хотя этот процесс шел в Спарте много медленнее, чем в других полисах, не говоря уже об Афинах, он тоже вел к недовольству обездоленных и даже к не без труда подавлявшимся попыткам политического переворота.

В результате в Греции, как писал о том Платон, едва ли не в каждом полисе возникло два враждебных лагеря — бедняков и богачей. Это отмеченное великим мыслителем немаловажное обстоятельство не могло не повлиять на всю его идеологию. Платон, о чем хорошо известно из его произведений, воспевал небольшие полисы, создавал утопические формы управления ими и явно сочувствовал уходившим в прошлое идеалам, особенно идеям равенства в древней Спарте.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И НОВЫЕ СОЮЗЫ

Изменения в сфере экономических и социальных отношений были лишь частью тех новаций, которые стали характерными для древнегреческого общества, включая италийские, малоазийские и иные колонии, в IV в. до н.э. Другой важной частью перемен было усиление внутривнутриполитических распрей между полисами. На смену старым союзам приходили новые, которые возникали на различных основах. Об этом важно сказать, характеризуя перемены после Пелопоннесской войны.

Гегемония Спарты, проявившаяся в результатах войны, после ее окончания быстро утрачивала свое значение. Этому способствовали внутренние процессы, о которых вкратце было уже упомянуто, а также ухудшение отношений с Персией, где спартиаты принимали участие в качестве наемников во внутривосточных конфликтах, и раздоры между спартиатами и их бывшими союзниками, в первую очередь Коринфом и Фивами. Фивы, вышедшие из войны со сравнительно небольшими потерями, сумели организовать крепкий Беотийский союз, который после войны встал в некоторую оппозицию к Спарте и тяготел к Афинам. Попытки Спарты силой вернуть Беотию и одновременно приструнить Коринф не увенчались успехом, особенно после гибели спартанского флота в 394 г. до н.э. в сражении с персами. Правда, мир персов со Спартой (386 г. до н.э.), резко усиливший позиции и влияние Персии в Малой Азии, предоставил было некоторые преимущества Спарте в Балканской Греции. Но воспользоваться этими преимуществами в полной мере спартацы не сумели. Исторический период могущества Спарты подходил к концу. И здесь сыграла свою важную роль Беотия.

В истории Беотийского союза были свои периоды успехов и неудач, в значительной мере связанных с попытками Спарты вернуть свое бывшее могущество. Но уже в 70-х гг. IV в. до н.э. Беотийский союз, разгромив спартанское войско в битве близ Лектры, оформился в один из наиболее сильных и влиятельных альянсов в Элладе с централизованным руководством, которое располагалось все в тех же Фивах. Союзником Фив оказался и Коринф. Вскоре борьба со Спартой бывших ее союзников завершилась решительным выходом из Пелопоннесского союза почти всех входивших в него полисов и восстанием против Спарты в Мессении, илоты которой отделились от спартацев. И хотя в битвах со Спартой Беотия тоже была сильно ослаблена, противоборство в конечном счете оказалось роковым именно для Спарты.

Этим воспользовались Афины, которые уже в 394 г. до н.э., после первых неудач Спарты и начала развала Пелопоннесского союза, дезавуировали мирный договор, восстановили свою защитную стену и все прочие укрепления, а также приступили к строительству флота. Все это способствовало экономическому расцвету Афин, которые с помощью возрожденного флота держали под своим фактическим контролем все основные торговые пути восточной части Эллады. Малоазийский полис Византий, находившийся еще в первом деся-

тилетию IV в. до н.э. под властью Спарты, стал одной из афинских баз на материке, реально осуществлявших этот контроль, включая 10-процентные таможенные сборы. Афиняне сумели восстановить свое влияние и в ряде других островных и малоазийских полисов, что позволило им восстановить Афинский морской союз (379–355 гг. до н.э.). Правда, это уже не была Архэ с бесцеремонным господством Афин. Второй Афинский морской союз был уже чем-то вроде конфедерации полисов, вполне добровольно вошедших в эту организацию и сохранявших полный суверенитет, особенно в том, что касалось их внутренних дел. Афиняне уже не могли без спроса расселять в землях своих союзников лишнее население. Да и место обязательного взноса-фороса заняли добровольные выплаты союзников.

Однако этот союз стал безусловным достижением Афин и свидетельством практически полного возрождения города после Пелопоннесской войны. Но просуществовал он недолго. Причиной гибели союза было то внутреннее социальное напряжение в Афинах, о котором уже шла речь. Оно провоцировало руководство Афин на непродуманные действия, в том числе и в отношениях с союзниками. В результате так называемая Союзническая война (357–355 гг. до н.э.) положила конец второму союзу. Распад его больно ударил по Афинам. Однако годы существования союза (окончательно и формально он был ликвидирован в 338 г. до н.э.) не прошли бесследно для Афин, которые окрепли и многого добились за это время. Во всяком случае на фоне ослабления соперника Афин Спарты это не было воспринято афинянами с тревогой.

Обратим еще некоторое внимание на роль тех союзов, о которых только что шла речь. Это были объединения полисов, для которых вхождение в могущественный союз было более предпочтительным, нежели просто самостоятельное существование. Причины этого вроде бы вполне очевидны: защищаться от сильных врагов легче, будучи членом большого объединения. Правда, в силу различных обстоятельств объединения были непрочными и недолговечными. Но что это реально означало для Эллады? Она переживала все упомянутые процессы достаточно болезненно. Специалисты часто пишут, что древнегреческий полис в IV в. до н.э. находился в состоянии кризиса.

Не вступая в спор, можно сказать иначе: несколько примитивная структура демократического полиса изменилась. Полис как нечто новое, открывшее в свое время дорогу к иной, нежели существовавшая

в мире до него, форме организации общества и очень раннего по всем основным параметрам государства, явственно вступал в более развитую форму существования. И общество, и государство в эллинском мире становились много сложнее и в чем-то на первый взгляд (имущественное расслоение и неравенство социальных групп) сближались с тем, что имело место в ранних обществах и государствах Востока. Однако эту близость не следует преувеличивать. Больше того, на самом деле ее следует считать иллюзией. Древнегреческий полис по-прежнему шел вперед своим уникальным путем. Путь этот, как о том свидетельствуют главным образом те тенденции внутриполитического развития, которые проявились сперва в виде Архэ и Пелопоннесского союза, а затем в союзах IV в. до н.э., только внешне, на поверхностный взгляд, мог действительно чем-то напоминать эволюцию государственных образований Востока от примитивных к более крупным и развитым. Однако это был иной путь.

В нем не было главного, на чем держались развитые древневосточные государства и тем более империи, а именно крепкого централизованного аппарата власти во главе с наследственным правителем, реализовывавшим свои немалые возможности, основываясь на принципе власти-собственности и редистрибуции. Без этого эллинские союзы полисов были, во всяком случае на первый взгляд, слабыми и непрочными. Однако не все определяется кажущейся немалой силой бюрократией. Конечно, саму тенденцию их появления и возрождения нельзя игнорировать, но совсем другое дело — союзы. И их не следует недооценивать. Они со всей очевидностью свидетельствовали о том, что для дальнейшего существования эллинского полиса как самодовлеющего и самодостаточного социального и политического организма уже не оставалось простора. Этот полис должен был быть чем-то заменен.

Уже с начала IV в. до н.э. в разных древнегреческих полисах, включая и далекие колонии, возникает и понемногу развивается идея панэллинизма. Сущность ее была выражена многими выдающимися деятелями и мыслителями этого времени. Сицилиец Горгий в 392 г. до н.э. призывал эллинов к единству, к объединению, к борьбе не друг с другом, но только против варваров. Знаменитый публицист Исократ в речи, произнесенной в 380 г. до н.э. в Афинах и впоследствии опубликованной в памфлете «Панегирик», поддержал идею о согласии между эллинами и направлении усилий на борьбу с Востоком. В своем очередном памфлете «Филипп» Исократ уже

обратился к Филиппу II Македонскому, не постеснявшись призвать македонского монарха к выполнению разработанной им программы объединения эллинов. В «Киропедии» Ксенофонта, посвященной описанию деяний персидского царя Кира II Великого, явственно проглядывает все та же идея сочетания сильной власти единого правителя с панэллинизмом и идеей единства Эллады.

Идеологи, о которых идет речь, призывали самодостаточные и привыкшие к самостоятельности многочисленные и к тому же враждующие друг с другом полисы к включению в нечто единое. Это единое мыслилось по-разному, но порой не исключало и создания авторитарной монархии, пусть даже весьма отличной от древневосточной и по многим параметрам близкой грекам. Сторонники панэллинизма видели именно в этом вроде бы противоестественном для многих полисов союзе спасение запутавшейся в противоречиях и пребывающей в состоянии внутреннего напряжения Эллады. Иными словами, то что многие считают по ряду внешних признаков кризисом, на деле было отчаянным призывом к радикальному изменению взаимоотношений в мире древнегреческих полисов. И этот призыв не остался неуслышанным. Филипп II Македонский и его сын, великий Александр, оказались подготовленными к тому, что сладкий плод в виде эллинского конгломерата полисов уже созрел и готов пасть к ногам завоевателя. Хорошо известно, что именно так и произошло. Но подробнее об Александре Македонском и эллинизме как некоей новой форме существования общества и государства, причем далеко не только в Элладе, речь пойдет в следующей главе. Пока же обратимся к еще одному важному вопросу — к культуре Эллады.

ВЕЛИКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭЛЛИНОВ

Без упоминания об этих достижениях повествование было бы неполным. Древнегреческая культура в самых разных ее проявлениях, от высокого интеллекта мыслителей до выдающихся достижений в области спорта, от театра до скульптуры, от мифологии до народных празднеств, была не только эталоном для подражания, но и во многом просто начальным этапом всемирной культуры, в том числе и современной. Стоит начать с того, что греческие боги были уникальными. Живя на Олимпе, одной из наиболее высоких и почитаемых горных вершин Эллады, все они во главе с их предводителем

Зевсом разительно отличались от многочисленных и до удивления сходных друг с другом древневосточных божеств. Олимпийцы были не столько привычными для почти всего Востока небожителями, сколько кем-то вроде волшебных покровителей, обладающих чудодейственной силой и в то же время бывших достаточно близко к людям, почти рядом с ними. Они не чурались частых взаимоотношений с людьми, особенно выдающимися: с храбрыми воителями, известными красавицами и т.п., пусть даже всегда с оттенком высокого покровительства.

Институт героев, т.е. детей богов от земных женщин (такого рода мифологические персонажи были известны и на Востоке), вписанный в эту близость богов и людей, привел к появлению и расцвету чудесной неповторимой древнегреческой мифологии, равной которой по ее высоким художественным достоинствам, да и просто по интересным приключениям, трудно найти еще где-либо.

Из поэм Гомера все греки хорошо знали как о богах Олимпа со всеми их взаимными привязанностями и интригами, столь непосредственно влиявшими на жизнь людей, так и о том, что мифологические герои были, по сути, реальными людьми, хотя и чаще всего при этом наделенными высочайшими достоинствами. Боги, герои и мифы с глубокой древности воспитывали в людях не только уважение к славному прошлому и любовь к волшебным повествованиям, но и, что гораздо существеннее, высокий уровень эстетического восприятия литературы и искусства. В литературе господствовал жанр поэмы и пьесы. Пьесы, комедии и трагедии ставились в театрах, число которых было огромным (остатки древних помещений в форме обширного амфитеатра с ярусами сохранились в неплохом виде порой до наших дней), а посещение считалось необходимым буквально для всех. Вспомним, что Перикл шел даже на то, чтобы давать специальные пособия беднякам, дабы те имели возможность посещать театр.

Особо следует выделить древнегреческую трагедию, которая воспевала высокие чувства и никогда не останавливалась перед демонстрацией острых человеческих страстей или описанием поступков людей в экстремальной ситуации. Великие трагики Эврипид, Софокл, Эсхил и ряд других в своих известных и ставящихся в современных театрах вплоть до наших дней пьесах опирались чаще всего на древние мифы. Но главное было не в том, чтобы напомнить содержание мифа и воспеть его героев. Суть и величие трагедии было

в возвышении человека как личности, способной на самостоятельные решения в зависимости от обстоятельств. Пьеса Софокла о царе Эдипе, которому было предсказано, что он убьет отца и затем женится на матери, — страшный прообраз современного художественного детектива. Но детектива с той, однако, разницей, что главное в этой трагедии не сюжет, а образ самого Эдипа, человека, не сломившегося после страшных ударов предсказанной ему богами судьбы, но нашедшего в себе силы бросить ей вызов. Слепив себя в наказание за все, в чем он вынужденно оказался виновен, Эдип уходит, старый и больной, из дома и странствует, ища и все же достигая нравственного освобождения, очищения от всего случившегося с ним.

В «Медее» Эврипида другой миф — о женщине, помогшей полюбившемуся ей герою Ясону добыть золотое руно, но затем обманутой возлюбленным. В гнев Медея убивает своих малолетних детей от Ясона. Перед нами в обеих трагедиях не просто жалкая жертва хитроумной игры божеств или обезумевшая от горя мстительная женщина. Нет, перед нами великие люди, обуреваемые болью, раскаянием, любовью, гневом и иными страстями. Это люди с необычайно богатым внутренним миром, с высоким чувством собственного достоинства. Греческая трагедия, не знавшая себе равных ни в древности, ни в Средние века, могла появиться только в таком обществе, где именно свобода и достоинство человека — высшая социальная и духовная ценность.

Комедия — совершенно иной жанр. В лучших комедиях Аристофана, как и в современной юмористике и тем более в сатире, всегда есть политический подтекст, иногда весьма небезобидный. Не будучи равными трагедиям с их глубокими философскими проблемами, комедии развлекали зрителя, обращая в то же время их внимание на пороки и недостатки общества, на иногда явно и сознательно утрируемые ситуации. В комедии «Лисистрата» в шутовском тоне рассказано, например, о заговоре женщин, которые решили отказать своим мужьям в супружеских удовольствиях, если те не перестанут воевать.

С греческим театром были теснейшим образом связаны музыка и хор. Хоровое пение под музыку сопровождало действие едва ли не любой пьесы и, как следует полагать, создавало определенное настроение. Это настроение позволяло лучше уловить характер действия и образ действующих лиц, не говоря уже о тех божественных силах, которые часто стояли за рамками пьесы, особенно трагедии, и тоже нуждались в музыкально-песенной характеристике.

Особо стоит сказать о театре как архитектурном сооружении. Речь не только об амфитеатре, предназначенном для многих сотен, а то и тысяч зрителей и всегда сооружавшемся в подходящем для этого месте, под открытым небом, в форме кругов-сидений, уходящих вниз, к сцене амфитеатра. Важно обратить внимание на сложное устройство самой сцены, где всегда было место и для оркестра, и для хора. Трудно сказать, сыграло ли искусство театральной архитектуры свою роль в расцвете архитектуры как таковой. Но если даже предположить, что храмовое строительство развивалось независимо от театрального, и то и другое были немалым достижением архитектурной мысли и практики Эллады. Храмы и театры были едва ли не во всех значительных греческих полисах, кроме разве что тех немногих, которые в своем отношении к жизни ориентировались на спартанскую модель. Или просто были слишком малы, чтобы осилить монументальную стройку. Однако в некоторых полисах, и прежде всего в Афинах, архитектура как таковая достигла гораздо больших высот.

Еще на раннем этапе существования полисов получила развитие городская архитектура, ставившая целью рационально освоить все необходимое для города и пригородов пространство. Основы этой архитектуры, созданные в малоазийском Милете, предусматривали четкую планировку городского центра со всеми необходимыми общественными зданиями, включая храмы, торговые помещения, порты, склады и т.п. Этот принцип так или иначе со временем стал соблюдаться везде, даже в старых городах, которые, как это было во все тех же Афинах, со временем перестраивались и обогащались великолепными строениями и целыми комплексами окруженных колоннадой зданий в центре. В богатых и наиболее крупных городских центрах архитектура не просто процветала, но и постоянно обогащалась строившими здания архитекторами, создававшими то новый ордер для колоннады, то иной фронтон или новые пропорции для сооружения в целом. При этом храмовому зодчеству справедливо по-прежнему отдавалось предпочтение, особенно когда велось строительство наиболее важных сооружений общегреческого значения, будь то храм Зевса в Олимпии, храм Аполлона в Дельфах или храм богини Афины в Афинах.

Если говорить об изящных искусствах, то среди них бесспорным вниманием и преимуществом пользовалась скульптура. Гениальный скульптор Фидий в Афинах и многие другие его коллеги в иных полисах создавали великолепные статуи богов и богинь, известных

из мифологии героев, многие из которых, пусть подчас лишь во фрагментах, дожили до наших дней, будучи обнаружены при археологических раскопках либо в результате случайных находок. Античные эллинские статуи служат украшением многих современных музеев, представлены в бесчисленных каталогах и хорошо известны всем тем, кто интересуется древностью либо историей искусства.

Несколько слов о спорте. К нему античные греки всегда относились очень серьезно, а здания гимнасии, где наряду с обучением некоторым наукам можно было свободно тренироваться, едва ли не всегда существовали среди прочих строений общественного назначения в центре почти каждого полиса. Этому способствовали и Олимпийские игры, где хорошо натренированные юноши раз в четыре года собирались со всей Эллады для участия в соревнованиях.

Наряду с театром и пьесами, музыкой и хоровым пением, архитектурой и скульптурой, поэмами и публицистикой, воспитанием и спортом очень важную роль в античной культуре играли серьезные философские трактаты, научные знания. Архимед из сицилийских Сиракуз или философ Пифагор из Самоса известны своими математическими расчетами, медик Гиппократ — вкладом в основы медицины и, что весьма немаловажно, медицинской этики («не навреди!»). Философы Фалес, Анаксимандр и многие другие заложили основы древнегреческой философии. Эти основы были впоследствии углублены и развиты величайшими из греческих мыслителей афинянами Сократом, Платоном и Аристотелем.

Мудрость Сократа (470–399 гг. до н.э.), поражавшего своих современников устными афоризмами типа «Я знаю, что я ничего не знаю», как известно, не была оценена современниками, приговорившими его к смерти за то, что своими речами он будто бы смущал молодежь. Однако эта мудрость была высоко почитаема его последователями. Платон, считавший себя учеником Сократа, написал ряд серьезных трактатов как философского, так и социально-политического характера. Ему принадлежит великая мысль о том, что высшим прообразом всего в мире, каждой реальной вещи, является божественная идея, айдос. Стремление к познанию вечной и неизменной идеи лежит в основе духовного развития людей. Платон вместе с учениками создал Академию, т.е. место и форму обмена научными знаниями и постижения глубоких истин.

Одним из учеников Платона был Аристотель (384–322 гг. до н.э.), взгляды которого со временем отошли от позиций учителя («Платон

мне друг, но истина дороже»). Занимаясь многими науками точного, естественного и гуманитарного цикла, Аристотель был первым своего рода великим ученым-энциклопедистом. Основой мира он считал материю, воспринимая ее, однако, как пассивное начало. Божественный первотолчок извне одухотворял все материальное, придавая присущую именно ему форму, которая тем самым оказывалась организующей и оформляющей пассивную материю. Вместе с учениками Аристотель основал Лицей, в котором немалое место уделялось разработке политических проблем. Аристотель выделял в эллинском обществе различные формы государственного устройства, одни из которых он одобрял, другие считал своего рода неизбежным злом.

Но, пожалуй, самым заметным вкладом Аристотеля в античную историю было то, что он на протяжении ряда лет жил в Македонии, куда был приглашен в качестве воспитателя наследника Филиппа II знаменитого Александра. Не очень ясно, что именно Аристотель считал главным в своей должности воспитателя, но вполне понятно, что дух античного мира он ценил выше всего и старался, достаточно успешно, внедрить его в своего воспитанника. Это, безусловно, сыграло свою роль в том, каким стал Александр и как он стремился управлять созданной им империей после побед в Азии. Победы, о которых идет речь, явились логическим завершением эволюции античной дохристианской Греции. Тому, как выглядел этот процесс, какими были основные его параметры и, главное, как это сказалось на развитии самой античной Греции и завоеванного Александром Македонским Ближнего Востока, посвящена следующая глава.

Глава четырнадцатая. АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

Территория на Балканах, к северу от греческих полисов, населенная в основном фракийцами и иллирийцами, с ранних пор подвергалась влиянию развитой греческой культуры. Восприняв у греков письменность, это население в результате процесса трибализации в VI–V вв. до н.э. обрело собственную государственность. Активно и сознательно заимствуя у греков все то, что они могли дать, македонцы, как стали именоваться жители молодого государства, в сфере политической жизни долго сохраняли древние традиции. Вождь, превратившийся в наследственного монарха по ближневосточному стандарту, имел огромную власть, особенно в годы войн, а выбор на-

следника, которым становился обычно сын умершего царя, на первых порах обычно утверждался собранием воинов.

Но уже на рубеже V–IV вв. до н.э. Македония развивалась, следуя эллинским стандартам. В ней строились города, дороги, порты, а в сфере внешней политики страна часто, хотя и не всегда (в годы Греко-персидских войн Македония предпочитала оставаться нейтральной), ориентировалась на ближайший и сильнейший из греческих полисов, на Афины.

Середина IV в. до н.э. стала периодом политического подъема страны. Явное ослабление полисной Греции в результате междоусобных войн, непрочность позиций демократов и крушение режимов так называемой «младшей тирании» в ряде полисов было очевидным. К сказанному стоит добавить, что призывы панэллинистического характера во второй половине IV в. до н.э. подкреплялись авторитетными рассуждениями Платона и Аристотеля, этих величайших философов античной древности.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Филипп II Македонский, добившийся единоличной власти в своей стране, подчинив и народ, и знать, провел в Македонии ряд важных реформ. В первую очередь они коснулись военной сферы. Филипп заимствовал и развил опыт Спарты и создал так называемую македонскую фалангу, отличавшуюся большой глубиной (до 16 рядов) с постепенным удлинением копий воинов задних рядов и с мобильной конницей на флангах. Реформы Филиппа затронули также сферу финансов, включая интенсификацию разработки месторождений золота и железных руд. Не осталось без внимания развитие городов, ремесла и торговли. Все это заметно усилило Македонию и помогло Филиппу активно вмешиваться во внутренние распри греческих полисов (в частности, для этого он объявил себя защитником храма Аполлона в Дельфах).

Успехи Филиппа и первые его победы в Элладе принесли ему авторитет и признание в одних полисах и вызвали тревогу и опасения в других, прежде всего в Афинах. Несмотря на это, Филипп заключил с Афинами выгодный мир и продолжил укрепление своего влияния в Греции. Встал вопрос о фактическом подчинении всей Греции могущественному царю. И хотя многое взявшая у греков Македония была не чета ахеменидской Персии и не грозила грекам порабощением, они довольно резко разделились в своем отношении к Филиппу. Одни видели в нем некую надежду на укрепление погрязшей в раз-

дорах Эллады, другие, во главе со знаменитым афинским оратором и политическим деятелем Демосфеном, резонно опасались потери не только независимости, но и демократических свобод, которые были главной и высшей ценностью античной Греции.

Сторонники Демосфена, прославившегося своими страстными выступлениями против Филиппа (филиппиками), сумели создать сильную коалицию и в решительном сражении близ Византия заставили Македонию отступить. Это отступление воодушевило многие полисы, присоединившиеся к коалиции, но в сражении при Херонее в 338 г. до н.э. Филипп взял реванш.

На конгрессе в Коринфе в 337 г. до н.э. был заключен мир, сутью которого стало создание панэллинского союза во главе с Македонией и — главное — решение направить энергию Филиппа против персов. Уже в следующем году Филипп II переправил армию в греческую Малую Азию и начал готовиться к походу, но вскоре, в 336 г. до н.э., был убит на свадьбе своей дочери. Во главе Македонии и всего созданного Филиппом общеэллинского союза встал его сын и воспитанник Аристотеля Александр. Подавив волнения, возникшие в связи с внезапной смертью отца в Македонии и Греции, даже среди северных соседей Македонии, во Фракии и Иллирии, Александр весной 334 г. до н.э. выступил против персов. Считается, что его армия была небольшой — 30 тыс. пехоты, около 5 тыс. конников, да еще несколько тысяч воинов из числа войск союзников-греков и наемников. Численно она действительно намного уступала персидской, причем стоит учесть, что в распоряжении персов был большой финикийский флот, так что соотношение боевых кораблей было примерно в пропорции 3:1. Однако боевая македонская фаланга и столь свойственная Александру энергичная тактика боя с внезапным использованием различных видов войска давали македонцам и грекам немало преимуществ. Кроме того, мы не вправе не принимать во внимание военный талант, даже гений великого полководца, каким себя проявил в этой кампании против могущественнейшего противника сам Александр.

ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА

Свои блестящие способности тонкого стратега и умелого тактика Александр проявил с самого начала кампании. Это сказалось уже в первых сражениях на континенте. В мае 334 г. до н.э. при Грани-

ке персы были разбиты, а Македонский отправился берегом Малой Азии на юг, громко декларируя в населенных греками малоазийских городах, что он несет им свободу. Все это обеспечило ту легкость, с какой Александр освободил от присутствия персов значительную часть греческой Малой Азии и вышел к Сирии. В решающей битве при Иссе осенью 333 г. до н.э. в трудной для разворота войск узкой долине между морем и горными хребтами македоняне буквально разгромили армию Дария III, который позорно бежал, оставив солдат и обоз с матерью, женой и детьми. Продвигаясь еще далее на юг и встретив сопротивление со стороны финикийских городов, союзников Дария, Александр после нескольких месяцев осады взял Тир и Газу и вышел к Египту, где был чуть ли не радостно встречен давно тяготевшими властью персов египтянами. Здесь в 332–331 гг. до н.э., дав войскам зимний отдых, Александр заложил свой первый город на Востоке, знаменитую Александрию, которая вскоре стала не только символом античного влияния, крупнейшим средиземноморским культурным центром, но и столицей Египта.

Пройдя через Палестину и разгромленную им Финикию к берегам Евфрата, переправившись через Евфрат и Тигр, Александр 1 октября 331 г. до н.э. в битве при Гавгамелах дал Дарию, вновь собравшему огромное войско, генеральное сражение, длившееся почти целый день. В итоге Дарий, оставив обоз с казной, вновь позорно бежал, на сей раз в Мидию. Александр же направился в Вавилон и Сузы, которыми овладел практически без боя, после чего захватил столицу персов Персеполь, который был безжалостно разграблен. Дворец царя был сожжен, а армия Александра, преследуя Дария, направилась в Мидию. При ее приближении Дарий бежал на север, в Бактрию, где был убит местным сатрапом Бессом. Тело Дария Александр с почестями отправил в Персеполь для захоронения, а сам законно стал воспринимать себя преемником поверженного деспота. Стоит заметить, что на протяжении всей кампании в армии Дария находились греческие наемники, издревле служившие персидским царям. Вначале Александр расправлялся с ними очень сурово, но последних из них, после гибели Дария добровольно сдавшихся, он отпустил домой и даже частично взял в свою армию, уже очень уставшую и заметно уменьшившуюся за нелегкие годы походов.

Последующие почти три года Александр провел в горных долинах и на широких просторах Центральной Азии, дойдя до Самарканда. Ведя борьбу то с Бессом, пытавшимся объявить себя преемником

убитого им Дария, то с Согдианой и создав в этом регионе ряд своих опорных центров, тоже получивших наименование Александрия, македонский полководец сумел одержать еще ряд трудных побед. Конницу сдавшихся ему на милость местных правителей он включил в состав своей армии. Такие действия вызвали недовольство, принявшее форму заговоров. Жестоко расправившись с заговорщиками, в основном из числа приближенных к нему македонских аристократов, Александр произвел некоторые перемены в руководстве войском.

Будучи прельщен явно фантастическими рассказами о несметных богатствах Индии, по соседству с которой он оказался, решил было на поход в эту страну. Он направился на юг через сложные горные проходы Афганистана, но, вступив в пределы западной части Индии и одержав там ряд побед над местными правителями, в частности над войском царя Пора, вскоре обнаружил, что Индия совсем не то, что о ней рассказывали. К тому же его уставшая армия в сложных и непривычных для нее условиях индийского климата роптала. И Александр принял решение возвращаться. Обратный путь через пустыни Аравии был очень труден. Александр с остатками армии в 324 г. до н.э. прибыл в Сузы, чем и завершился его длившийся почти 10 лет поход в восточные земли.

ИТОГИ ПОХОДА И ЦЕЛИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Итоги похода очевидны: благодаря военному гению Александра с учетом удачно для него сложившихся обстоятельств и умело использованных в его целях и интересах случайностей завоеватель сумел добиться своей основной цели. Он уничтожил могущественную персидскую империю, столь длительное время угрожавшую существованию свободолюбивой античной Греции. Более того, он стал властелином огромной территории Ближнего Востока, на которой тысячелетиями шел процесс появления и постепенной эволюции древнейших очагов мировой цивилизации. Вопрос теперь был в том, как совместить вроде бы несовместимое, т.е. как создать на объединенной Александром территории нечто единое, исповедующее одинаковые для всех основные принципы социополитического существования, нормы повседневного бытия, включая производство, торговлю, отношения между социальными слоями и — что очень немаловажно — права каждого отдельного человека. Иными слова-

ми, как сделать из великой и огромной Азии нечто, что по основным своим параметрам напоминало бы столь близкую Александру и его сподвижникам, союзникам и войску античную систему отношений.

Едва ли Александр был уверен в том, что это в принципе возможно. Но он хотел попытаться. Вообще, у него были большие планы. В свои 32–33 года он чувствовал себя отнюдь не на вершине возможностей, а в положении человека, который еще многое может сделать. Он интересовался дальними странами, включая Карфаген, и морскими путями, готовился к новым грандиозным походам. Как знать, чего он сумел бы добиться, если бы не горькая ирония судьбы: отважно прошедший сквозь десятилетие битв и не пострадавший сколько-нибудь серьезно ни в одной из них, Александр, вроде бы спокойно вернувшийся и даже несколько отдохнувший от похода, вскоре после прибытия в Сузы умер от болезни типа лихорадки¹. Правда, до этого он успел немало сделать из того, что привело к серьезным переменам в судьбах как греческой античности, так и всего Ближнего Востока.

Что же именно успел сделать Александр за тот короткий срок, который он успел прожить после окончания похода и завоеваний? Прежде всего следует сказать о главном. Проявив государственную мудрость, Александр не стал с ходу ломать привычные традиции и веками устоявшийся образ жизни завоеванных им многочисленных народов. Он поставил задачу сочетать на завоеванном им Востоке азиатские нормы бытия с привычной для Запада античностью. Символизировала это стремление торжественная церемония вступления в брак 10 тыс. лучших его воинов, а также приближенных со знатными местными девушками (оставшимися, стоит обратить внимание, без своих потенциальных женихов, павших в битвах с войском Александра). Церемония была проведена в Сузах вскоре после возвращения туда армии завоевателя. Разумеется, каждой из вновь созданных таким образом пар Александр сделал богатые свадебные подарки.

Кроме того, он щедро наградил всех остальных ветеранов похода и отпустил их домой. Создав новую армию из местных жителей, согласившихся пойти к нему на службу, включая персидских юношей, с подростковых лет специально готовившихся им для несения служ-

---

¹ Неясно, что это за болезнь. Но для ослабленного походом человека она оказалась смертельной.

бы в македонском войске, Александр обеспечил себе тылы. Перейдя к реформам, завоеватель назначил новых руководителей персидских сатрапий, приставив к ним наблюдателей из числа своих доверенных лиц. Не прибегая к ломке устоявшихся норм и кардинальным преобразованиям, Александр постепенно вводил принципиально новую античную норму отношений. И прежде всего это касалось городов. В созданных им новых городских центрах, которые уже без него строились, как есть основания полагать, не без ориентации на типичный стандарт греческого полиса (по некоторым данным, их появилось около 70, включая примерно дюжину наиболее значительных, получивших почетное название Александрий), и многочисленных, вначале полувоенных поселений-катэкиях, поселялись приглашенные поселенцы из Греции и Македонии. Все новые города и катэкии быстрыми темпами становились центрами эллинского влияния на Ближнем Востоке и заселялись прибывавшими европейцами, в основном именно греками и македонцами.

Это следует считать вполне естественным, даже само собой разумеющимся процессом, чем-то вроде продолжения давней практики колонизации. Правда, на сей раз не на пустующих землях неподалеку от местного, по преимуществу кочевого населения, а в гуще хорошо заселенного ближневосточного региона. Из своих скудных земель, постоянно выселявших излишек населения в различные колонии, по призыву Александра и его преемников, разделивших между собой все завоеванные территории империи Ахеменидов, массы греков и македонцев перебирались на богатый Восток, славившийся своей многовековой культурой и к тому же предоставлявший новопоселенцам широкие и разносторонние возможности. Новые города и катэкии, естественно, становились своеобразным вариантом прежних колоний. Правда, вариантом с немалой спецификой, обязанной своим появлением влиянием того же Востока. На территории восточных держав, цельность которых в той или иной степени была сохранена Александром, они не могли беспрепятственно, как то бывало ранее на никем не занятых территориях прежних колоний, копировать греческие полисы.

В новых условиях их города являли собой гражданские общины, сохранявшие некоторую автономию и, конечно, ряд важных прав и привилегий, свойственных полисам. Практически новые города и катэкии были эллинскими по привычным нормам жизни и всей своей внутривластительской и социально-экономической структуре. Однако

они не имели той политической самостоятельности, которой обладали полисы, а их права и свободы были несколько урезаны вследствие размещения в городах, особенно больших, гарнизонов и многочисленных чиновников с немалыми полномочиями, которые от имени новой власти осуществляли над населением свой более или менее строгий контроль. Но при всем том эти города все же оставались подчеркнуто чуждыми анклавами в местной восточной среде.

Собственно, к этому и сводилась новая политика, начатая Александром и продолженная верными его сподвижниками. Именно на чуждый местным странам и населявшим их восточным народам сильный элемент античной структуры и рассчитывал завоеватель, когда в своих мечтах — насколько можно догадываться — видел некие плоды плодотворного синтеза Запада и Востока. На такие многочисленные эллинские анклавы с их античными традициями он, похоже, возлагал свои надежды, мечтая не только и не столько о всемирной империи, но прежде всего о том, чтобы эта империя в конечном счете стала если и не целиком эллинской, то хотя бы эллинистической, т.е. несшей в себе важнейшие достижения передовой по меркам того времени античности. И хотя сам Александр умер примерно через год после возвращения в Сузы, практически в самом начале осуществления всех этих грандиозных преобразований, процесс создания новых городов и поселений начался несколько раньше. Начало ему было положено по мере продвижения на восток (вспомним, как и когда была основана египетская Александрия), но, главное, строительство городов античного типа активно продолжалось после его смерти.

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Об этом очень важно не забывать. Эллыны и их союзники не могли не понимать, что их сила была как раз в их городах-полисах, появление которых со всеми их нормами бытия, сопутствовавшими им аксессуарами, особенно инфраструктурными, очевидно выделяло античную структуру мирового города на фоне всего окружавшего их мира. Как им было видно, это различие касалось и ближневосточных городских центров типа Суз, Персеполя или Вавилона. Сознавая это, вновь прибывавшие поселенцы активно способствовали реализации замыслов Александра даже тогда, когда созданная им держава развалилась на несколько частей. Но именно этот развал на части, судя по всему, предопределил неудачу эллинов на Ближ-

нем Востоке. Во главе каждой из новых держав встали ближайшие сподвижники Александра, диадохи, продолжавшие политику Македонского. Однако для того чтобы обеспечить прочную основу своей власти на чужих землях Востока, диадохи не только щедро раздавали земли прибывавшим в их владения новопоселенцам с Запада, надевая их поселенцев на значительный срок налоговым иммунитетом, но и должны были весьма позаботиться об укреплении их власти. А для этого опоры на одни только эллинские города было явно недостаточно.

Разработанные ими меры помогали мигрантам укрепиться в городах и катэкиях и установить в них нормы античного образа жизни. Но не только за пределами этих городов, а порой и в них самих ради этого создавались элементы чисто восточной бюрократической инфраструктуры, которая явно с трудом уживалась рядом с полисной демократией, опиравшейся на лишенное бюрократических основ гражданское общество. В результате во всех вновь возникших государствах, будь то Египет Птолемеев либо государство Селевкидов (Месопотамия с Вавилоном, Иран, Афганистан и часть Средней Азии) или некоторые другие, правители которых разделили державу Александра в ходе столкновений, подчас и войн, сложилась примерно одинаковая и чуждая полису социополитическая ситуация.

Каждая из стран оказалась практически поделенной на две неравные части: на эллинистические или, во всяком случае, заметно эллинизированные города и крупные поселения и на мало связанную с ними периферию, получившую от греков наименование «хора». В городах жили представители придворной и служилой знати, располагался заметный аппарат централизованной администрации. Но основную часть населения по античному стандарту составляли зажиточные частные собственники не восточного, а именно западного типа, т.е. граждане, которые на первых порах не только не подавлялись, но, наоборот, активно поддерживались властью. Даже всех жителей этих центров независимо от их происхождения (а новые эллинского типа городские поселения начали быстро осваиваться и наиболее активными мигрантами из восточных стран, будь то евреи, армяне, сирийцы, персы и многие-многие другие), вскоре стали именовать эллинами.

Этот в прошлом сугубо этнический термин совсем не случайно превратился в социальный. Официальным языком городов,

как и всех агентов окружавших их рынков, был греческий, а все жители и даже посетители этих городов или поселков, попадая в них хотя бы на время, как бы окунались в привычную для античных греков политическую, социальную и экономическую среду. Тем самым они поневоле включались в общий ритм жизни, становясь действительно как бы эллинами, пусть даже только на не слишком долгое время. Что же касается периферии покоренного Востока, хоры, с ее очень немногими городами восточного типа и, как правило, небольшими, но довольно многочисленными деревнями-общинами, то она, численно во много раз преобладавшая, жила своей привычной жизнью с ее замедленными темпами и тягой к консервативной стабильности. Разумеется, однако, что в каждой из завоеванных Александром стран была своя жизнь и соответственно эллинизация их имела некоторые свои особенности.

Вначале Александр, даже не предполагавший расчленения своей державы, думал сделать ее столицей огромный Вавилон с его гигантской ролью в жизни всего Востока и издревле многочисленным разноплеменным населением. Эллинизация Вавилона, мегаполиса, по своей исторически сложившейся структуре наиболее близкого к эллинам, могла бы послужить образцом для всех остальных восточных городских центров. Но после распада империи Александра эта идея ушла в прошлое. Вавилон стал столицей государства Селевкидов, одного из крупнейших владений диадохов, основную часть которого составила древняя Месопотамия. А другое крупнейшее владение расчлененной империи, Египет Птолемеев, обрел в качестве столицы эллинизованную, фактически даже просто эллинскую Александрию, столь выгодно расположенную на берегу Средиземного моря.

Эллинистический Египет наиболее полно сумел воплотить идею эллинизма. Уже первые его правители из рода Птолемеев форсировали заселение нижней части Нила, включая Дельту и все окрестности Александрии, многочисленными греческими колонистами, по меньшей мере часть которых получала землю — клеры — на условиях военной службы, как то было принято в древнегреческих полисах. Выходцы из греческих полисов заняли также важнейшие позиции в системе администрации. Администрация была разветвленной и весьма деятельной. Она тщательно заботилась, как то было принято в Египте, о сохранении в порядке оросительных систем, обеспечивавших хорошие урожаи. Она же практически доходила до каждого

из египтян, рекомендуя ему, что сеять (явный приоритет отдавался пшенице, немалая часть которой шла на экспорт, поощрялись масличные культуры, виноградарство), как увеличить поголовье скота, и взамен получая от него положенные налоги. Ремесла оставались в основном традиционными, хотя Александрия превратилась в центр производства до того малознакомой в Египте стеклянной посуды. Большое развитие получила торговля как с Европой, так и с Индией через Красное море.

Основная часть земли в Египте, как то повелось с незапамятных времен, считалась царской, и именно ее использованием ведали, как всегда, чиновники аппарата администрации. Работавшие на ней крестьяне именовались *лаой*, царскими земледельцами. Существовали и крупные частные землевладения, земли которых обычно обрабатывались на правах аренды теми же лаой. Земледельцы-лаой жили в деревнях, а старосты деревень назначались чиновниками. Сбором податей по традиции ведали писцы. Часть ремесленных мастерских тоже считались царскими и управлялись чиновниками. Рудники обычно обслуживались осужденными и наказанными. В дела религии и храмов центральная власть, как правило, не вмешивалась, а жрецов даже поддерживала, но административной власти у служителей культа почти не осталось, хотя и имелись по-прежнему храмовые земли, сдававшиеся в аренду, за счет которой частично жили жрецы и существовали храмы.

Птолеми вели активную внешнюю политику и время от времени присоединяли к Египту соседние страны, то Сирию и Финикию, то часть державы Селевкидов. Для торговли и ведения военных действий Птолеми построили хороший флот, корабли египтян подчас отличались большими размерами. Со II в. до н.э. птолемеевский Египет вступил в полосу длительного кризиса, сопровождавшегося борьбой за власть, в которую со времен Цезаря все чаще вмешивались римляне. Именно они в итоге положили конец независимому Египту, превратив его в свою провинцию.

Царство Селевкидов. Селевк получил во владение Месопотамию и сумел расширить свое царство за счет Северной Сирии, части Малой и Средней Азии, включая Бактрию и Парфию. Однако после его смерти территория его огромного царства постепенно сокращалась. Организация внутривластной жизни, особенно на периферии, напоминала египетскую (верховная собственность царя на земли, большой административный аппарат, богатые землевладельцы

и лаой). На периферии государства Селевкидов существовала — в отличие от Египта — община, корни которой уходили в глубокую древность. Было, надо полагать, и общинное самоуправление, что никак не мешало тому, что деревни-общины со всей их землей либо находились под властью чиновника аппарата централизованной администрации, либо оказывались частью больших владений знати.

В городах (есть данные, что Селевк создал 33 новых города) и поселках-катэких вне пределов хоры жили военные колонисты и переселенцы из Греции и Македонии, отчасти и из других стран. Здесь многое было сохранено от древнегреческой структуры полисов. Отчасти эта эллинизация затронула и некоторые древние восточные города, особенно финикийские. Экономическое процветание царства в значительной мере обеспечивалось его месопотамскими городами во главе с Вавилоном, имевшим особый статус. Но он во многом зависел от политических событий. Царство Селевкидов в пору своего расцвета состояло, по некоторым данным, из 70–72 небольших сатрапий подчас объединявшихся в более крупные административные единицы, наместничества. Наместники имели очень большое влияние, но и сатрапы в пределах своих сатрапий, в отличие от того, что было при Ахеменидах, имели как гражданскую, так и военную власть. Только финансы всегда находились в ведении центра. Основу армии царства — это стоит подчеркнуть особо — составляли греко-македонские войска из катэкий либо городских полисов. Военные колонисты, которые имеются в виду, получали немалый участок земли, за что и обязаны были служить в армии.

Держава Селевкидов, как упоминалось, понемногу уменьшалась. В первой половине III в. до н.э. добился независимости малоазиатский Пергам, который стал союзником Рима. В середине III в. до н.э. от царства отпали Парфия и большая Бактрия, а к концу II в. до н.э. его территория практически ограничивалась одной лишь Сирией, пока и та не стала в 63 г. до н.э. провинцией Рима.

Расположенная в среднеазиатских землях Бактрия, в которой тоже было большое количество греческих городских поселений (страна тысячи городов, как ее иногда именовали), создала свое Греко-бактрийское царство с пестрым в этническом и конфессиональном плане населением. Царство вело активную политику и во II в. до н.э. завоевало даже часть Северной Индии. Как и во всех эллинистических государствах, в городах жили «эллины», а терри-

тория хоры была населена во многих отношениях отличным от них местным населением. Бактрия вела торговлю с соседями и оказывала на них, в частности на Индию, определенное культурное влияние. Имеется в виду прежде всего знаменитая гандхарская скульптура с заметно выраженными чертами древнегреческой. Она сыграла едва ли не решающую роль в возникновении традиционной скульптуры буддизма, особенно буддизма Махаяны. В середине II в. до н.э. Бактрия подверглась нашествию восточного племени тохаров и вскоре распалась.

Парфия просуществовала намного дольше. Хотя она представляла собой в некотором смысле случайный конгломерат из северных кочевых племен, в основном иранского происхождения, заинтересованных прежде всего в войнах и грабежах, а также южных торговых городов, прилегавших к Месопотамии и активно ведших обогащавшую их торговлю, которой войны только мешали, правители этой страны умели установить определенный баланс интересов. Опираясь на сильное войско, в основном из конницы кочевников, парфянские цари из династии Аршакидов успешно укрепляли свое государство. Уже во времена основателя правящей династии Аршака и тем более в годы правления его преемников Парфия стала теснить царство Селевкидов на юге, в Месопотамии. Митридат I и Митридат II, да и многие другие правители после них вели небезуспешные войны не только с близкими соседями, но и с Римом, что практически привело к тому, что под власть Парфии оказалась немалая часть ослабшей и рушившейся державы Селевкидов. Словом, в результате войн территория страны возрастала.

Внутренняя структура Парфии была достаточно сложной. Она имела общие для всех эллинистических государств элементы греческой полисной структуры, особенно в южных районах, в Месопотамии. Однако немалую часть населения Парфии составляли персы. Более того, порой парфянские правители давали понять, что считают себя в какой-то мере наследниками великой державы Ахеменидов. Как бы то ни было, но в промежутках между войнами торговля, которую вели месопотамские эллинистические города, включая и Вавилон, обогащала и усиливала Парфию. Все это способствовало тому, что Парфия как одно из многих эллинистических государств (правда, пожалуй, в наименьшей степени по сравнению с другими эллинизованными) просуществовала свыше четырех веков, успешно отражая натиск римских полководцев и тех племен, которые заво-

евали соседнюю с ней Бактрию. При всем том, однако, со временем могущество страны слабело. В I–II вв. н.э. римское влияние, активно поддерживавшее эллинистический юг Парфии, постепенно, но явно усиливалось, а внутренние династийные распри и борьба с соседями в свою очередь, вели к упадку центральной власти и в конечном счете к гибели царства в результате восстания правителя части Парфии, Парсы. Последний пришел к власти и основал теперь населенное преимущественно персами иранское государство Сасанидов.

Особо стоит сказать о Палестине. Непосредственно этот регион был затронут влиянием эллинизма сравнительно слабо. Как пишут специалисты, община иудеев во главе с иерусалимскими первосвященниками, оказавшись вначале под властью египетских Птолемеев, а с 200 г. до н.э. став частью державы Селевкидов, имела некую автономию. В обилии существовавшие вокруг нее эллинистические центры, где было немало еврейских ремесленников и торговцев, конечно, способствовали некоторой эллинизации Палестины, но сама община была в достаточной мере замкнутой и закрытой от внешнего влияния. Да и высшие власти официально предоставили общине и ее руководителям некоторые привилегии и льготы. Правда, при Антиохе IV, в 167 г. до н.э. была сделана попытка силой заставить иудеев отказаться от едва ли не всех основных норм и запретов, диктовавшихся их религией (соблюдение субботы, обрезание, пищевые запреты и ограничения, жертвы Яхве в Иерусалимском храме, который был даже объявлен храмом Зевса). Эти запреты вызвали сильное сопротивление, породившее так называемую Маккавейскую войну.

Повстанцев поддержал Рим. Антиох IV вскоре умер, держава Селевкидов стала распадаться, а предводители восставших, Хасмонеи, стали царями Иудеи и, воспользовавшись ситуацией, начали расширять свои владения, что вело к эллинизации Палестины и к недовольству правоверных иудеев. Иудеи тем не менее вынуждены были сблизиться с эллинами (в частности, это привело к переводу Ветхого Завета на греческий язык под названием Септуагинта). Позднее, как подданные Римской империи, евреи, особенно при царе Ироде (37–4 гг. до н.э.), вынуждены были в еще большей степени сблизиться с античной культурой.

Во время правления Ирода, склонного к эллинизму, при храме существовала мощная иудейская оппозиция его политике. Различного рода религиозные секты: саддукеи, zeloty, фарисеи и особенно

есеев — разрабатывали в изменившихся условиях существования новую религиозную политику. Фарисеи со временем стали основными носителями идей иудаизма. А на долю ессеев выпала великая историческая роль. Именно эта секта, общины которой жили в районе Мертвого моря в начале нашей эры и отличались не только благочестием, но и аскетизмом, стремлением к созданию некоей новой религиозной общины с обобществлением имущества и некоторыми другими элементами социальной утопии, заложила основы новой великой религии — христианства.

Отвергая священников Иерусалимского храма за их нечестие, ессеи проповедовали праведность, культ царства добра и света и именовали себя общиной бедных и избранниками Бога. Именно среди ессеев-кумранитов (Кумран — район их пребывания близ Мертвого моря) возникла идея Нового Завета как нового договора между Богом и его последователями. В соответствии с этими идеями кумраниты ждали Мессию (греческий перевод этого термина — Христос). Собственно, именно эта секта и считается ныне первоначальным ядром возникшего вскоре христианства, которое практически сразу же после своего появления вышло за пределы Палестины, где его сторонники не были признаны, и со временем стало вселенской религией.

ЭЛЛИНИЗМ КАК ПОПЫТКА СИНТЕЗА ЗАПАДА И ВОСТОКА

Вернемся, однако, к проблеме эллинизации Востока. Не вдаваясь глубоко в историю и политические события в каждом из эллинистических государств, обратим внимание на то, что представляла собой политика эллинизации Востока, затянувшаяся примерно на три века. Эта политика в конечном счете завершилась — особенно после превращения эллинизованного Востока и западных частей бывшей державы Александра в римские провинции — романизацией и вслед за тем христианизацией Ближнего Востока. Интерес к этой проблеме далеко не случаен, а сама она заслуживает более чем серьезного внимания. Дело в том, что и эллинизация, и последовавшая за ней романизация, равно как и напластовывавшаяся на нее в эпоху господства на Ближнем Востоке Византии христианизация были тремя следовавшими одна за другой попытками синтеза античного Запада и традиционного классического Востока (Индию и Китай в этом смысле

к «классике» можно по ряду причин не относить). И немалое количество авторов, когда-либо интересовавшихся этой в общем-то бьющей в глаза проблемой, достаточно уверенно говорили именно о синтезе. Но заслуживает внимания сама суть проблемы: был ли синтез? Или то, что кажется им, было чем-то другим?

Сразу же стоит ответить, что синтеза как такового, во всяком случае в его общепризнанном философском понимании (имеется в виду классическая формулировка Гегеля: тезис, антитезис, синтез), конечно, не было. Не было ни в процессе эллинизации (ограничимся пока этим первым этапом, первой попыткой), ни в конечном итоге (если брать все три этапа, все попытки). Лучшее доказательство этого — та легкость, с какой ислам в VII в. поставил точку над всеми тремя этапами-попытками. Но если это не синтез, то почему не он? И что же было вместо него? Разберемся в этом основательнее. Выше уже шла речь о колоссальном росте влияния античных институтов и норм, о появлении на огромной территории Ближнего Востока, Малой, Передней и даже Средней Азии многочисленных основанных главным образом переселенцами из Греции и Македонии городов и поселков античного типа. Эти поселения с немалой долей автономии, хотя и с не слишком обычными для античности отсутствием выборности власти и наличием аппарата централизованной администрации, были чем-то принципиально новым для древневосточного стандарта. Но не стоит преувеличивать.

Все дело в том, что, несмотря на эти города и поселки, на эллинистическом Востоке численно и территориально явственно преобладала провинция, хора. Для ее жителей контакт с эллинизированной властью был лишь спорадическим и минимальным, тогда как господство привычных норм жизни, собственной многими веками складывавшейся религии и цивилизации продолжало оставаться безусловным. Правда, они постоянно имели дело с приближенными к эллинам низшими чиновниками, контролировавшими деятельность населения, взимавшими с него налоги и принуждавшими исполнять нужные власти повинности. Но это было, как правило, привычным делом для всей древневосточной традиции и потому опять-таки никак не способствовало приобщению жителей хоры к нормам античности, которые, к слову, ни контроля чиновников, ни обязательных налогов и повинностей не знали.

В то же время «эллины», т.е. разноплеменное население городов и поселков-катэкий, временами, естественно, сталкиваясь с населе-

нием хоры, а подчас, быть может, и проводя там некоторое время, не только не теряли своего городского (полисного, пусть даже с некоторыми непривычными для античной Греции особенностями) статуса, но, напротив, резко противопоставляли этот высокий статус жителям хоры, даже если это были их соплеменники. Те же провинциалы, которые по какой-либо причине оседали в городе, поневоле рано или поздно становились чуждыми своим деревням и провинциям, оказываясь, как упоминалось, своего рода «эллинами».

Характерно, что все население эллинизованного Востока было в той либо иной степени знакомо с греческим языком, чаще всего в несколько упрощенной, но зато очень широко распространенной его форме (*койнэ*). Койнэ знали, видимо, и жители хоры, ибо в рамках страны все-таки требовалось умение общаться на официальном языке. Однако это знание едва ли было широко распространено в деревнях, где большинство населения вполне могло обходиться без него, пользуясь своим родным языком. В какой-то мере сказанное касается и общекультурных традиций.

А коль скоро так, то получается, что тезис (хора) и вполне четко, даже с немалой силой, длительное время противопоставивший ему антитезис (античность) никоим образом не сливались воедино в некий гармоничный синтез. Нормой было нечто иное, некое мирное сосуществование «эллинов» в городах и поселках-катакциях и хоры вне их. Такого рода сосуществование, которое можно воспринимать как взаимовыгодный симбиоз, не мешало ни одной, ни другой стороне. Все это означает, что говорить о синтезе как процессе слияния двух различных сущностей или качеств в нечто единое общее не приходится. Можно говорить о некотором сближении восточных норм и образа жизни с античными. Быть может, такого рода вынужденное сближение шло на пользу обеим сторонам, что вполне вероятно, хотя еще и требует особого анализа. Но даже если так, то подобного рода явление в науке принято именовать никак не синтезом. Скорее следует говорить, как о том только что упоминалось, о симбиозе, т.е. некоем взаимовыгодном сосуществовании упомянутых сущностей либо качеств. И этим вся проблема в конечном счете решается.

Собственно, именно в этом пункте рассуждений мы и подходим к главному, итоговому выводу. Синтеза нет; есть нечто вроде симбиоза. Но что это означало для феномена эллинизации Востока? Это означало, что при нарушении сложившихся отношений симбиоз — в отличие от синтеза как принципиально нового качества

или новой сущности, у которых пути назад нет, ибо это нечто самоценное и уже состоявшееся как феномен, — может достаточно легко исчезнуть. В реальной действительности эллинизованного Востока это было именно так. Правда, перемены произошли не сразу после того, как на смену древнегреческой античности пришла несколько иная, но в чем-то даже более близкая к древневосточным монархиям Римская империя, завоевавшая примерно на рубеже нашей эры все тот же эллинизованный сподвижниками и последователями Александра Ближний Восток.

Романизация Востока, во многом облегченная именно благодаря длившейся ряд веков его эллинизации, а затем сменившая ее, была новым напластованием несколько модернизованных античных традиций Запада в ближневосточном регионе. Она внесла не слишком много изменений в давно уже сложившуюся здесь смешанную структуру. То же самое следует сказать о третьем этапе воздействия античных традиций в их снова и на сей раз более существенно модернизированной форме, т.е. о византизации некоторой части того же региона (другая его часть к этому времени уже перестала быть эллинистической — речь о Парфии и сменившем ее в III в. персидском государстве Сасанидов). В рамках византизации к древнегреческой и римской античности было добавлено христианство, ставшее основной религией Запада.

Этот третий этап напластования западной традиции в принципе не изменил ситуацию разделения Ближнего Востока на большую хору (сам термин исчез) и малую часть причастного к западному стандарту городского населения. Правда, христианство как религия охватывало практически все, что могло бы, возможно, со временем оказать свое решающее воздействие. Однако этого не случилось. Во-первых, потому, что само христианство в начальную пору его существования не было единым, но, напротив, отличалось довольно ожесточенной борьбой разных течений и сект. А во-вторых, из-за того, что сама Византия в немалой степени подверглась процессу ориентализации под воздействием окружавших ее восточных монархий, уже к тому времени в основном освободившихся от наследия эллинизма и романизации. Это обстоятельство сильно ослабляло ту часть Востока, которая находилась под господством Византии. Неудивительно, что натиск воинственного ислама сравнительно легко покончил с остатками эллинизма, римского влияния и даже христианства, которое осталось существовать, да и то в форме небольших общин,

лишь в некоторых районах (Сирия, Египет, Эфиопия, Армения, Грузия).

ГРЕЦИЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Распад державы Александра сказался и на обострении политической борьбы в западной части его державы. Хотя там никакого процесса эллинизации не происходило, тем не менее эллинизация завоеванного Востока не могла не сказаться на судьбах Греции, откуда шла интенсивная миграция и уезжали многие десятки и сотни тысяч наиболее энергичных и активных людей, мечтавших разбогатеть или, во всяком случае, хорошо устроиться на Востоке, в создававшихся для них и их усилиями новых восточных городах и поселках-катэкиях. К этому существенно добавить нашествие на Балканы кельтских племен с севера и привычно не прекращавшиеся внутренние войны, не говоря уже о постоянных попытках македонян (центр нового государства был именно там) подчинить себе все еще претендовавшие на самостоятельность и свободу античные полисы Греции. Постепенно приходившие в упадок греческие полисы безуспешно отстаивали свою независимость, но македонские цари были сильнее. Особо существовал на северо-западе Греции небольшой Эпир, который был практически самостоятельным эллинистическим государством.

Со времен Филиппа V Македонского (221–179 гг. до н.э.) начались войны греков с Римом, которые тяжело отразились прежде всего и главным образом опять-таки на Греции. После прекращения этих войн ситуация в Балканской Греции постепенно еще более ухудшалась. Временами, в попытках преодолеть упадок, греки пытались объединиться. Так создавались новые союзы старых полисов — Этолийский, Ахейский, в которых наряду с древнегреческими античными институтами и стремлением к автономному существованию полисов, членом союза, была тенденция к единению, которая не имела, однако, достаточной силы для того, чтобы союзы превратились в единое государство. Ремесла же и торговля Греции на фоне новых восточных центров, как, например, египетская Александрия, постепенно утрачивали свое значение.

Пожалуй, наиболее болезненно протекал процесс разложения привычных традиционных норм в Спарте. Община равных давно ушла в прошлое. Среди спартиатов активно шел процесс расслоения,

появилось немалое количество золотых и серебряных монет, которых прежде в этой среде не знали. Более того, стали продаваться и покупаться клеры, которые раньше считались собственностью государства, тогда как семьи спартиатов лишь владели ими, кормясь за счет труда илотов на этих участках земли. Сократилось всего до 700, если верить Плутарху, и число спартиатов. Попытка реформ царя Агиса в середине III в. до н.э., стремившегося перераспределить землю и кассировать долги, потерпела провал. Правда, один из его преемников, Клеомен, двумя десятилетиями спустя, одержав победу над ахейцами, сумел провести эти реформы. Число граждан за счет перизков было увеличено до 4 тыс. Но очередное поражение спартиатов, нанесенное македонянами, изменило ситуацию. В Спарте появились тираны, причем один из них, продолжая неудавшиеся реформы, пошел на радикальные меры. Опираясь на наемников, он конфисковал имущество богатых спартиатов и решился на освобождение илотов. Но вскоре пришел черед распоряжаться греческими делами представителям Рима.

Римляне не очень старались подчинить себе все еще помнившие о независимости и стремившиеся к ней греческие полисы. Более того, в 196 г. до н.э. римский полководец Фламиний, одержавший верх над македонским Филиппом V, торжественно подтвердил свободу Греции. Но сложные перипетии, связанные с уничтожением Римом Македонии как государства и восстанием в Греции против римлян в середине II в. до н.э., привели к более жестким мерам. Так, римляне буквально стерли с лица земли могущественный Коринф и позаботились о том, чтобы демократия в полисах была обуздана — насколько это возможно — олигархами. С этого времени роль Балканской Греции в истории постепенно уходит в прошлое. Правда, остаются некоторые наследники античной демократии.

Едва ли не самым процветающим центром с III в. до н.э. стал остров Родос, славившийся своим Родосским колоссом (статуя бога Гелиоса), который в древности считался одним из семи чудес света. Выгодное географическое расположение острова, равно как и его владения в Малой Азии, способствовали процветанию Родоса, флот которого был одним из сильнейших во всем Средиземноморье.

После ослабления Египта Птолемеев в середине III в. до н.э. именно он обеспечивал свободу мореплавания. Однако и процветание Родоса было не слишком долгим, не говоря уже о том, что и там с середины II в. до н.э. власть перешла к олигархам. Родос некоторое время пытался быть лояльным по отношению к Риму, что продлило его существо-

вание. Впрочем, ненадолго. После того как его земли в Малой Азии стали провинцией Римской империи, историческая роль Родоса резко снизилась. На некоторое время на смену Родосу пришел небольшой остров Делос, на котором с благословения римлян с середины II в. до н.э. проживали афиняне. Политическим, торговым и культурным центром острова был известный всей Греции храм Аполлона. Делос славился транзитными торговыми оборотами и связями с пиратами, что ряд десятилетий обеспечивало его процветание. Но в конечном счете именно пиратами он и был разграблен в первой трети I в. до н.э., после чего роль наиболее процветающего пункта транзитной торговли перешла к другим, в частности к Египту.

Итак, Балканская Греция, родина античного полиса, в период эллинизма постепенно приходила в упадок. В меньшей степени это касалось так называемой Великой Греции, т.е. тех многочисленных колоний греков, которые на протяжении ряда веков размещались преимущественно на территориях Южной Италии и Причерноморья, отчасти западного побережья Малой Азии. В Италии наиболее крупным государством стала со временем Сицилия с центром в Сиракузах, в Малой Азии — царство Пергам, в северном Причерноморье — ряд городов (Ольвия, Херсонес) и Боспорское царство. История каждой из этих частей Великой Греции различна. С разными противниками они сталкивались, неодинаковыми были последствия этих столкновений. Но в итоге все западные и по меньшей мере часть восточных территорий Великой Греции примерно на рубеже нашей эры стали либо частью Рима (это касается прежде всего Италии), либо оказались в сфере его влияния.

КУЛЬТУРА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Завоевания Александра способствовали активному распространению греческой культуры. Достаточно заметить, что едва ли не главным ее центром стала египетская Александрия, насыщенная мудростью и изысканным изяществом греческой традиции и прославившаяся своей библиотекой с музеем. В Александрии работали многие мыслители, начиная с Архимеда и Эвклида. И хотя о синтезе эллинской и восточной культурных традиций всерьез говорить не приходится, по меньшей мере в восточных эллинизованных землях, включая ту же Александрию, ощущалось влияние древневосточных религий и цивилизаций, будь то египетская, месопотамская

или иранская. В самой Греции, прежде всего Балканской, продолжали процветать Афины как признанный центр мировой культуры. Функционировала основанная Платоном академия. Обогащались все новыми течениями мысли древние философские школы и возникали новые, как, например, основанная Зеноном школа стоиков, прославлявших творческое начало в человеке, или школа сторонников Эпикура, который призывал людей искать удовольствие в жизни, а также философия киников, учивших довольствоваться тем, что есть. Великий вклад в историографию внес Полибий (201–120 гг. до н.э.), хотя этот вклад был осуществлен после того, как сам Полибий в качестве одного из тысячи заложников побежденных римлянами ахейцев оказался в Риме, где и написал 40 томов своей «Всеобщей истории», прославлявшей уже Рим.

Урбанизация, сыгравшая столь значительную роль на эллинизованном Востоке, способствовала если не расцвету, то процветанию греческой архитектуры, искусства градостроительства, а также скульптуры. Из великих произведений архитектуры стоит назвать Александрийский маяк, Пергамский алтарь и мавзолей некоего Мавзола, правителя Карики (небольшая область на юго-западе Малой Азии). Из скульптурных шедевров — знаменитую Венеру Милосскую с отсутствующими руками, мраморную группу Лаокоона, созданную на Родосе, изображение Медеи, убивающей своих детей, и др. Завершая рассказ об эллинистической культуре, необходимо сказать несколько слов об идее мессианизма, которая была на рубеже нашей эры широко распространена. Она, к слову, коснулась не только ессеев, но и, пожалуй, всех иудеев, запутавшихся в противоречиях и горячо споривших друг с другом. Впрочем, нечто в том же роде было и в ряде других соседних стран — в Египте, Сирии, Малой Азии. Это легко понятно и объяснимо: слишком уж много радикальных перемен происходило за короткий исторический срок, причем эти перемены коснулись слишком многих. Люди разных стран, представители многих народов контактировали друг с другом и объективно жаждали некоей духовной общности. Идея мессианизма в немалой мере способствовала тому, что христианство пусть не сразу, но в конечном счете стало великой религией всего грандиозного и внутренне готового именно к этому, к единой общей развитой религии, римско-византийского культурного ареала. Но произошло это далеко не сразу.

Глава пятнадцатая. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РИМА. ЦАРИ И РЕСПУБЛИКА

Если на Востоке с рубежа IV—III тыс. до н.э. существовали развитые очаги урбанистической цивилизации, то на территории Европы лишь во II тыс. до н.э. появились первые подобного рода очаги. Правда, эти очаги, в первую очередь Критский, энергично развивались, сменяя друг друга и быстрыми темпами достигая совершенства. Это касается и Балканской Греции, и ее колоний. Созданный греками античный мир за короткий исторический срок не только догнал, но и во многих отношениях обогнал классический древний Восток. Однако существенно заметить, что далее Сицилии, Италии, южной части Балкан и Причерноморья влияние античной Греции не распространялось. Не были затронуты цивилизацией земли средней и тем более северной части Европы. Вплоть до I тыс. до н.э. никаких очагов цивилизации в этой части субконтинента не было. Что же представляла собой она в то время? Как правило, в районах к северу от античного мира были поселения эпохи развитого неолита, в которых обитали соответствующие ему этнические общности. Исключением можно считать разве что этрусков, но и их очаг цивилизации не выходил за пределы Средней Италии.

Наименее развитой была в то время восточная часть субконтинента, где обитали воинствующие степняки, значительная часть которых принадлежала к числу индоевропейцев. Среди населявших эти земли кочевых этнических общностей и племенных протогосударств следует упомянуть скифов и киммерийцев, знакомых с лошадьми и повозками (не колесницами!), знавших конскую сбрую и умевших ездить верхом. На востоке Европы жили также земледельческие этнические общности иллирийцев, славян и германцев (в том числе в Скандинавии). В те же времена в западной части субконтинента, в Испании, жили иберы, а средняя полоса Европы, вплоть до Дуная, и северо-запад ее (Англия с Ирландией) были заселены кельтами.

Кельты принадлежали к числу индоевропейцев и играли, пожалуй, наиболее значительную роль среди прочих этнических обществ. Они жили общинами и, по некоторым данным, были знакомы, подобно древним индийцам, с делением на социальные слои типа каст. Имеются в виду жрецы-друиды (люди дубов, т.е. лесов, или волхвы), воины и простые земледельцы. Отличие от Индии было, одна-

ко, весьма заметным. Сущность его сводилась к слабости и нечеткости членения: отделялись от всех остальных только жрецы-друиды, нередко стоявшие близко к вождям, тогда как воины-дружинники и простые земледельцы составляли единую массу и воевали обычно вместе. Похоже на то, что наиболее воинственными были в начале I тыс. до н.э. северные (английские) кельты, которые не раз вторгались на территорию континента и со временем осели во Франции, где стали известны под именем галлов.

Теснее всего была заселена разными народами Италия, располагавшаяся наиболее близко к греческим колониям. Среди них стоит отметить существование богатых колоний в ее южной части, в первую очередь в весьма развитой во всех отношениях Сицилии, тесно связанной с Коринфом. Центром Сицилии был известный полис Сиракузы — тот самый, где в III в. до н.э. жил великий Архимед. Сиракузы и иные греческие колонии оказывали большое влияние на соседние этнические общности и, видимо, активно способствовали их трибализации. Можно предположить, что жившие на севере Апеннинского полуострова этнические общности лигуров и венетов и в еще большей степени населявшие среднюю часть Италии латины, умбры, самниты-сабины (сабиняне) и другие немало заимствовали у проживавших в Сицилии греков. Но особенно это относится, как следует полагать, к этрускам.

Этруски — весьма загадочный народ. Не вполне ясно его происхождение. Заметно отлична от соседей его культура, довольно развитая и уже в начале I тыс. до н.э. знакомая с письменностью, близкой к греческой, но до сих пор окончательно не расшифрованной. Существуют предположения, что предки этрусков были как-то связаны с хеттами и даже, если верить Геродоту, с предками лидийцев. В любом случае в лице этого загадочного народа мы имеем дело с мигрантами из индоевропейской Малой Азии. Этруски были знакомы с ранней формой урбанистической цивилизации и государственности, которые, видимо, могут считаться результатом древних контактов с малоазийским очагом цивилизации и в еще большей степени следствием общения с греками и, возможно, с финикийцами. Как бы то ни было, но у этрусков были города, и есть сведения, что примерно с VI в. до н.э. их государство или протогосударство являло собой конфедерацию из 12 городов.

Каждый город при этом имел определенную административную самостоятельность, его центральная часть была огорожена стенами

и обильно обстроена храмами и домами на каменном фундаменте. Все города (их было, возможно, более 12), которые можно считать своего рода городами-государствами, сначала возглавлялись царями, причем царская должность была не наследственной, а выборной. Каждый из правителей управлял с учетом мнения приближенных (видимо, это был реликт народных собраний древности) и имел свое войско из пехотинцев, а также всадников из представителей знати. Похоже на то, что примерно одновременно с римлянами приходившие уже к этому времени в упадок этрусские города-государства превращались в нечто вроде республик. С пленниками в Этрурии обращались жестоко, принося их в жертву своим богам, часть которых была по именам сходна с эллинскими. Иногда жертва приносилась в форме сражения пленных друг с другом до смерти всех их или в виде травли их дикими зверями, что напоминает более поздние гладиаторские бои в Риме. Кроме армии этруски обладали морским флотом, вели торговлю и не брезговали пиратством.

У них были достаточно развитые религиозные представления, и они, похоже, имели нечто вроде общего совместного для всех городов ритуального центра. Все это, равно как и письменность, да и многие следы материальной культуры этрусков, включая развитое кораблестроение с соответствующими торговыми связями, убедительно свидетельствует о немалой роли культурного влияния извне на формирование Этрурии. Но важно обратить внимание и на огромную роль Этрурии в культурном развитии многочисленных этнических общностей Средней Италии. Италики заимствовали у этрусков многие элементы культуры, начиная с боевых колесниц и кончая письмом, близким к римской латыни. Некоторое время под влиянием этрусков были на первых порах и древние римляне.

ОСНОВАНИЕ РИМА. ВЛАСТЬ ЦАРЕЙ

Римляне как этнос появились в Средней Италии сравнительно поздно, когда Этрурия достигла своего расцвета (географически она располагалась в основном на территории нынешней итальянской провинции Тосканы; тусками называли этрусков еще древние римляне). Расцвет сопровождался распространением культурного влияния, а подчас и прямой экспансией этрусков на север и юг от Тосканы, в том числе и в район будущего города Рима. Трудно сказать, сколь большое влияние оказали этруски на римлян и их культуру.

Но ряд данных позволяет полагать, что это влияние было достаточно заметным. Впрочем, более конкретно о нем мало что известно. Поэтому обратимся к легендарным преданиям, в которых, видимо, отражены реальные события.

Легенды повествуют о том, что район, где позже возник Рим, был освоен давно, но постоянное поселение неподалеку от Рима появилось будто бы благодаря высадившемуся на италийский берег Энею, этому знаменитому беженцу из павшей под ударами греков Трои и герою впоследствии написанной Вергилием поэмы «Энеида». Потомки Энея стали царями основанного им поселения и долго правили им. Но в 14-м поколении правителей из-за отсутствия у царя мужского потомства возникла проблема наследования власти. Дочь правителя Нумитора, свергнутого с престола его братом Амулием, была вынуждена стать весталкой, не имевшей права на брак. Однако от бога Марса она будто бы родила близнецов Ромула и Рема. Брат не имевшего сыновей правителя сверг его и, преследуя внуков, бросил их в корзине в Тибр. Но младенцев спасла волчица, выкормившая их своим молоком. Потом их подобрал и воспитал пастух. Выросшие мальчики покинули царство их деда, уничтожив его убийцу, и основали новое на холмах у реки Тибр. В ссоре Рем был убит Ромулом, который и стал правителем города, получившего его имя. Было это, согласно преданию, в 753 г. до н.э.

Далее легендарные предания сообщают, что, поскольку у первых римлян не хватало женщин (некоторые предания пытаются объяснить этот странный факт тем, что в Рим отовсюду сбегались недовольные либо изгнанники из иных городов, надо полагать, прежде всего этрусских), они похитили живших по соседству девушек из племени сабинян. Возникла была война, но по инициативе девушек, ставших женами римлян, все закончилось примирением и, как итог, объединением первых римлян и сабинян. Управляли Римом цари из римлян или сабинян, а то и представители иных этносов, в том числе и, насколько известно, этрусков. Все эти цари, вполне возможно, избравшиеся, вели со своими соседями успешные войны и постепенно увеличивали территорию и влияние Рима. Уже первые из них, начиная с Нумы Помпилия, провели в своем государстве ряд необходимых реформ, вели большое строительство, благоустраивали город.

Если отвлечься от деталей легенд, то в них окажется немало правдивых сведений, достаточно убедительно подкрепленных археологией. В частности, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что рай-

он Рима принадлежал латинам и сабинам (сабинянам), которые со временем объединились. Первое поселение на Палатинском холме у берегов Тибра датируется X в. до н.э., объединение латинов с соседями — VIII–VII вв. до н.э. Есть основания полагать, что деяния некоторых из первых царей и приписываемые им преобразования, что относится, в частности, к Нуме Помпилию, реально отражают ранние этапы процесса становления великого города. Похоже, вначале правители выбирались, откуда и сведения о том, что они были выходцами из разных этносов. Позже, возможно, власть правителя стала наследственной. В частности, это, видимо, относится к трем последним царям (всего их было семь), которые были, насколько известно, этрусками. Специалисты считают этих троих реальными историческими личностями.

Население города первоначально, чуть ли не со времен Ромула, состояло из трех триб, т.е. разных этнических общностей (латинов, сабинян и этрусков). Каждая триба делилась на 10 частей-курий, объединений воинов. Каждая из 30 курий, в свою очередь, состояла из 10 родов-кланов. Каждая из этих 300 клановых групп являла собой родственные коллективы, которые обычно территориально размещались в расположенных неподалеку друг от друга общинах. Каждая из общин, как следует предположить, состояла из носивших одно имя (*familia*) больших патриархальных семей. При этом роль главы семьи (*pater familias*) была очень большой. Эта структура напоминает описанную выше раннюю форму социально-семейных отношений эпохи неолита, что не должно вызывать удивления, так как этнические общности, составившие население Рима, принадлежали к ранним по типу и близким к тому, что было, видимо, характерным и для европейского, в том числе италийского, неолита. Однако Рим и его население испытали на себе сильное влияние греческой античной культуры и социополитической структуры, что отличало их от неолита.

Это влияние нашло свое отражение в том, что после первых нескольких царей городом стал управлять выборный сенат из 300 старейшин, представлявших все роды (клановые группы) и, видимо, избиравшихся в каждом из них. Сенат на куриатных комициях (собраниях представителей курий), в свою очередь, выбирал царя, который был также верховным военным вождем и жрецом. Все члены триб, курий и родов-кланов считались по греко-античному стандарту полноправными гражданами, т.е. составляли привилегированную

часть населения города. Впоследствии потомки этой части населения (*populus romanus*) начали именоваться патрициями. Что же касается новопоселенцев, будь то пленники или мигранты из иных мест, прежде подчас включавшиеся в существующую уже этноплеменную структуру, то они оказались со временем вне *populus romanus* и стали именоваться плебеями, т.е. не имеющими прав гражданина чужаками, за счет которых город разрастался (*plebs* — наполнять).

Между патрициями и плебеями существовала немалая разница не только в гражданских правах, но и в праве владеть землей, где возможности плебеев, живших тоже большими патриархальными семьями, были заметно ущемлены. Это привело к тому, что многие из них, подобно метекам в Элладе, оказались вынужденными жить вне окружавших Рим деревенских поселений и заниматься ремеслами и торговлей. Кроме того, в отношениях между патрициями и плебеями (как, впрочем, и в отношениях внутри общности патрициев и общности плебеев) существовали патронажно-клиентные связи. Они сводились к тому, что бедные клиенты (опять можно вспомнить нормы классического Востока) зависели от своего богатого покровителя и составляли послушную ему группу, а в случае войны — нечто вроде дружины. Но как бы то ни было, важно всегда иметь в виду, что основная грань, делившая патрициев и плебеев, была не имущественной (бывали как разбогатевшие на торговых операциях плебеи, так и обедневшие патриции), а социальной и политической. Только патриции на первых порах, причем довольно долго, были гражданами, и только они имели право владеть землей, а также быть жрецами в храмах, особенно в храме Юпитера в Капитолии.

Как видно, гражданское общество царского Рима напоминало греческий полис. Позже, однако, римская структура понемногу менялась за счет борьбы патрициев с плебеями. Рим постепенно разрастался. Город обогащался новыми престижными строениями, в том числе цирком-стадионом для состязаний в честь богов, храмами, мостами, мощеными улицами и площадями. Внешняя периферия за городскими стенами также постоянно расширялась. Все новые и новые земли присоединялись к ней, причем основная часть вновь обретенных территорий считалась общественным достоянием (*ager publicus*), т.е. принадлежностью коллектива граждан, и потому долго не передавалась нуждавшимся в земле и все увеличивавшимся в числе плебеям. Это создавало в обществе определенное напряжение, что сыграло свою роль в реформах, которые приписываются предпо-

следнему римскому царю Сервию Туллию (578–533 гг. до н.э.), который, как считается, ввел новую территориально-имущественную систему деления Рима.

Вместо первоначальных трех триб и 30 курий, значение которых давно было утрачено, Сервий Туллий, как то делали и древнегреческие реформаторы, особенно афинские архонты начиная с Солона, ввел деление на четыре трибы. Эти трибы теперь были лишь территориальными округами, включавшими в себя живших в них патрициев и плебеев, что частично вроде бы уравнивало все группы населения. Однако вместе с тем реформа разделила жителей Рима по имущественному признаку на шесть разрядов в зависимости от богатства той или иной семьи (1-й — 100 тыс. монет, ассов; 2-й — 75 тыс.; 3-й — 50; 4-й — 25; 5-й — 11 500; 6-й — <11 500). При этом каждый разряд выставлял определенное количество центурий (сотен) воинов: 1-й — 80 центурий тяжеловооруженных солдат и 18 центурий всадников; 2-й, 3-й и 4-й — по 20–22 центурии, 5-й — 30 центурий, а 6-й — только одну. Вооружение всех 193 центурий зависело от разряда тех, кто их выставлял. Мало того, на основе нового членения было создано новое народное собрание, центуриатные комиции, которые состояли теперь из представителей всех 193 центурий, каждый из которых имел только один голос. Очевидно, что это повышало вес наиболее богатых. Все решения нового народного собрания должны были иметь силу закона, но вступали в действие лишь после утверждения их сенатом.

Реформы, которые были, возможно, результатом длительного процесса и осуществлялись не одним Сервием Туллием, сыграли позитивную роль в развитии Рима. Они признали за плебеями определенные права, что было явным шагом вперед по пути развития Рима — как в свое время и Афин — в сторону демократических норм. Но они вызвали недовольство со стороны ревнителей старых традиций, прежде всего влиятельных сенаторов из числа патрицианской верхушки. Созрел первый из хорошо известных истории Рима придворных заговоров, в результате которого Сервий Туллий был убит. Его сменил последний из царей, управлявших Римом, Тарквиний Гордый (533–509 гг. до н.э.), который продолжил политику реформ и против которого в 510 г. до н.э. снова выступили римские патриции. Царь с семьей был вынужден бежать к правителю одного из этрусских городов, и тот осадил Рим. Но, по преданию, город спас отважный юноша Муций, проникший в лагерь противника и на гла-

зах изумленных врагов хладнокровно положивший свою правую руку в очаг. Он держал руку, пока она не обуглилась. Изумленные мужеством юноши враги отпустили его и сняли осаду с города. А юноша с тех пор под именем Муций Сцевола (Левша) стал национальным героем римлян.

РЕСПУБЛИКА В РИМЕ

Термин «республика» (*res publica*) буквально означает «общее дело, общественное дело, дело народа» и имеет глубокий смысл. Он в том, что народ вправе сам распоряжаться тем, как должна быть организована власть. При этом огромную роль начинают играть не просто выборы, но и принятые имеющими право выбора законы, которые определяют нормы существования общества и ограничивают права выборной администрации, магистратов. В Риме после изгнания последнего царя встал вопрос, как это все должно выглядеть. И следует сказать, что многое в своих новых нормах римляне заимствовали у древних греков. Поэтому ранняя Римская республика была близка к тому, что представляли собой крупные древнегреческие полисы. Патриции, т.е. полноправные римские граждане, присвоили поначалу именно себе все права римского народа, тогда как пришлые плебеи и их потомки таких прав не имели. Конечно, кое-какие права, особенно после реформ Сервия Туллия, они получили — могли участвовать в войнах и соответственно в центуриатных комициях (народные собрания воинов всех центурий) и даже, видимо, иногда арендовать земли из фонда *ager publicus*. Но права на брак с патрициями они не имели.

Эти ограничения легли в основу противостояния плебеев и патрициев, под знаком которого, как то было и в греческих полисах с их противоборством демоса и аристократов, прошло несколько первых столетий существования Римской республики. Однако и после реформ Сервия Туллия обстановка в Риме долго еще складывалась не в пользу плебеев. Во главе республики стоял сенат, комплектовавшийся из бывших магистратов, т.е. выборных должностных лиц. А магистратами тот же сенат выбирал, как правило, патрициев. Самыми высокими должностными лицами с наибольшими полномочиями считались ежегодно выбиравшиеся центуриатными комициями (вспомним, что в этих комициях преобладали богатые патриции) два консула, которым помогали избираемые ими и утверждаемые

комициями квесторы, ведавшие финансами государства. Несколько меньшую роль играли преторы, ведавшие охраной порядка. Работала вся избиравшаяся магистратура (администрация) под началом и контролем сената, который после изгнания царей и провозглашения республики долгие века считался высшей властью в Риме. Важно также учесть, что в чрезвычайных ситуациях сенат имел право избирать сроком на полгода диктатора, который обладал высшей властью и имел фактически неограниченные полномочия. Диктаторы появлялись на первых порах редко, но в конце существования республики возникали почти постоянно и использовали свою власть весьма жестко.

Не допущенные к власти плебеи, многие из которых были к тому же опутаны долгами и считались клиентами патрициев, были, естественно, недовольны своим положением. А так как число их со временем возрастало и они начинали играть весьма существенную роль в составе армии Рима, это недовольство вскоре вылилось в прямые протесты. Протесты, о которых идет речь, приняли форму сецессий (*secession* — уход). Их смысл сводился к тому, что в трудный для Рима момент плебейские воины удалялись из города на так называемую Священную гору. Уйдя из города, они выдвигали свои требования, с которыми в этой обстановке патриции вынуждены были считаться. Уже после первой из таких сецессий в 494 г. до н.э. плебеи добились того, что были созданы новые магистраты — народные трибуны, которые выбирались из числа плебеев и имели право интерцессии (вето) на решения сената или всех прежних патрицианских магистратов. Это была большая победа плебеев, которая положила начало новым серьезным уступкам со стороны патрициев.

В середине V в. до н.э. была создана комиссия для кодификации обычного права римлян. В результате работы децемвиров («десяти мужей», членов комиссии) были написаны знаменитые «Законы 12 таблиц», начертанные на медных пластинах. В этих законах сохранялись многие из прошлых норм, в том числе запрет на браки между патрициями и плебеями. Однако было и немало нового. Сокращался ссудный процент, подтверждалась неприкосновенность частной собственности. Кроме того, сразу же вслед за 12 таблицами были приняты законы о неприкосновенности личности народных трибунов и об обязательности исполнения решений плебейских собраний в рамках триб (трибутных комиций). Решения этих собраний, плебисциты, утверждались сенатом и обретали силу закона. Вскоре пле-

беи добились наконец важного решения о праве на брак между ними и патрициями, что в немалой мере сокращало различие между теми и другими. Было также принято решение о праве плебеев избираться на новую должность — народных трибунов с консульской властью, число которых колебалось от трех до восьми.

Общим итогом нововведений было усложнение норм права и административной структуры. Создалась социополитическая ситуация, когда важнейшие дела Рима так или иначе решались всем народом (в этом и заключался смысл феномена *res publica*). И хотя сенат при этом оставался высшей инстанцией и, более того, получил возможность избирать диктатора, право народа влиять на политику было не меньшим, чем у граждан греческих полисов. Практически это значит, что плебеи вошли или почти вошли в число граждан. Республика как политический строй оказалась тем самым в конечном счете удачным решением многих сложных проблем, разделявших римский народ. Она была более строгим и более удобным в новых условиях расширявшего свои пределы раннего государства структурным целым, чем полисная система древнегреческих демократических институтов.

В целом законодательные акты середины V в. до н.э. отражали значительную победу плебеев и открыли дорогу для дальнейшей их успешной борьбы за свои права. Некоторые из наиболее больных вопросов — безземелье и долги — тяжким грузом висели над поколениями многих бедных семей плебеев. Прошло около века, прежде чем народные трибуны в 367 г. до н.э. сумели провести закон об ограничении гражданам Рима иметь более 500 югеров (125 га) земли, а также важное решение о том, что уплаченные плебеями в счет долга проценты должны засчитываться в качестве погашения задолженности, с тем чтобы в течение трех лет остаток долга был выплачен на льготных условиях. Наряду с этим была упразднена недавно созданная должность народного трибуна с консульской властью, а в соответствии с принятым законом один из консулов должен был быть из плебеев. Итог всех нововведений сводился к тому, что была увеличена роль народных собраний, тогда как на долю сената пришлось лишь санкционировать их решения.

Законы 367 г. до н.э. укрепили позиции и престиж плебеев в Риме. Нерешенными оставались лишь вопросы о земле и долгах. Но и они вскоре после начала успешных войн Рима с соседями были решены. Во второй половине IV в. до н.э. была отменена долговая кабала для римских граждан. Все они, включая плебеев, были объявлены

свободными от долгов, а долговая кабала по отношению к ним запрещалась законом. Вскоре малоземельные римляне по греческому образцу стали выводиться, в колонии, основывавшиеся на завоеванных землях. В 300 г. до н.э. плебеи добились права избираться в члены жреческих коллегий, что было весьма почетной должностью, хотя и не имело прямого отношения к административному управлению, а в 297 г. до н.э. было принято решение, что плебисциты (решения плебейских собраний) имеют законную силу для всех граждан Рима. Тем самым плебеи добились окончательной победы в своем признании равенства в гражданских правах с патрициями.

В ходе изменений во внутренней структуре самого древнеримского общества на смену патрициям (это звание долго еще оставалось почетным, и обладатели его гордились им) пришел так называемый **нобилитет**, т.е. богатые граждане Рима, среди которых было уже немало и бывших плебеев. Менее богатые и в основном не крупные землевладельцы, а успешно занимавшиеся торговлей, ремеслом и предпринимательством бывшие плебеи составили сословие **всадников**, чьи позиции в расцветавшем и богатевшем Риме постепенно все более укреплялись. Третьим, низшим сословием стали **бедные граждане** Рима, иногда по-прежнему именовавшиеся сводным термином «плебеи». А после успешных войн появилось еще одно сословие в нижней части общества — **рабы**, в основном из чужестранцев, как пленных, так и купленных.

Как была организована система администрации в этом существенно изменившемся обществе? Во главе республики стояли народные собрания — куриатные, центуриатные и трибутные комиции. Функции этих комиций не были четко разграничены, что не мешало им оказывать влияние на жизнь общества. Особо следует обратить внимание на возросшее значение трибутных комиций, число которых возросло до 35. В этих комициях преобладали плебеи, а решения их с середины V в. до н.э. признавались обязательными для всех. Сенат по-прежнему играл очень большую роль, ибо именно он предварительно обсуждал и затем санкционировал решения народных собраний. Кроме того, сенат, пополнявшийся за счет отслуживших свой срок магистратов по решению специально избранных для этого влиятельных цензоров, был тем органом, который имел право избирать администраторов-магистратов. С середины V в. до н.э. это были два консула с высшей властью, цензоры, а также ведавшие судебными делами преторы, несколько народных трибунов и занимавшиеся те-

кущими делами, помогавшие старшим магистратам квесторы и эдилы. Ни один из выбранных, тем более высших магистратов, денег за свою работу, как то было нормой и в античной Греции, не получал. Напротив, им приходилось тратить свои средства для содержания штата писцов, охраны и т.п. Это способствовало тому, что на высшие должности избирались в основном зажиточные люди, что касалось и избранных из числа плебеев.

ВОЙНЫ РИМА. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ

Примерно с V в. до н.э. Рим проводил активную внешнюю политику, воюя с соседними этническими общностями и племенными либо урбанизованными протогосударствами. Это были войны с этрусками, латинами, сабинами, которые, впрочем, поначалу не приносили Риму существенных успехов. Правда, римлянам удалось несколько увеличить свою территорию, но это было не слишком большим достижением. Главной войной, которая сыграла наибольшую роль во внешнеполитической экспансии Рима, была его война с галлами. Все началось с того, что галлы вторглись в Северную Италию и образовали в долине реки По политическую структуру, названную позже Цизальпинской Галлией. С начала IV в. до н.э. галлы стали продвигаться далее на юг, в сторону Этрурии, и в 390 г. до н.э. подошли к Риму.

Римляне, обороняясь от пришельцев, вынуждены были уступить им почти весь город, безжалостно сожженный врагом, и укрепились только в хорошо защищенном центре, на Капитолийском холме. Но, как гласит предание, ночью галлы стали подбираться к крепости и были уже близки к тому, чтобы взять ее, пользуясь тем, что защитники крепости задремали. В этот тревожный и решающий для Рима момент проснулись и громко загоготали гуси, посвященные богине Юноне, супруге всемогущего верховного бога римлян Юпитера, храм которой находился в Капитолии. Римляне проснулись, отбили атаку и отогнали галлов¹. Война с галлами была особенно опасна и с пере-

---

¹ Как то хорошо известно, этот в некотором смысле забавный эпизод стал со временем весьма популярным. Он, в частности, послужил темой для одной из басен И. А. Крылова («Предлинной хворостиной мужик гусей гнал в город продавать...» Гуси негодовали: «Ведь наши предки Рим спасли!»). Существует легенда, что после этого эпизода с гусями римляне стали плохо относиться к собакам, которые — а не гуси — должны были быть главными сторожами города.

рывами длилась десятки лет. Естественно, что эта кампания истощила Рим, так что последующие войны с соседями шли с переменным успехом и принесли городу мало пользы. Встал вопрос, что же следует предпринять для укрепления Рима и его войска.

Привычная военная организация римлян, показавшая свое несовершенство, подверглась кардинальным изменениям. Во-первых, уже с конца V в. за участие в войнах гражданам Рима стали платить, а вооружение, по меньшей мере частично, предоставляться государством. Во-вторых, изменилась структура армии. Она теперь состояла из нескольких легионов по 4–6 тыс. человек, каждый из которых состоял из 30 манипул, в свою очередь делившихся на две центурии. В пределах каждого легиона выделялись ветераны, входившие в первый десяток манипул, опытные воины (второй десяток) и молодые (третий). В соответствии с этим стандартным членением был выработан и боевой порядок. В случае битвы первую линию составляла молодежь из третьего десятка манипул, за ними — опытные воины из второго десятка, потом — ветераны. Между манипулами первой линии были промежутки, и именно эти промежутки прежде всего заполнялись во второй линии опытными воинами, а интервалы между манипулами второй линии были центрами сосредоточения воинов-ветеранов. Такой шахматного типа порядок боевого построения давал римскому легиону немало преимуществ. Вначале молодые сильные воины первой линии метали дротики и поражали противников на расстоянии. Затем через интервалы выступали вперед опытные воины, вступавшие в рукопашную схватку. И уж в крайнем случае, когда без этого нельзя было обойтись, в бой вступали ветераны.

Центурион первой центурии считался командиром манипулы, а во главе легионов — их было вначале не более четырех — обычно стояли консулы. Каждый из них командовал двумя легионами. Римскую армию (легионы), по-прежнему составлявшуюся из граждан, что было их привилегией и обязанностью, дополняли войска союзников, в том числе конница. Чаще всего каждому легиону в качестве вспомогательной силы придавался отряд из 900 всадников. Римское войско имело очень строгие правила охраны, особенно на вынужденных стоянках, которые окружались валом и тщательно охранялись, дабы не быть захваченными врасплох. Важным фактором, обеспечивавшим победы, была железная дисциплина. Любое невыполнение приказа жестоко каралось, вплоть до казни. В случае недостойного поведения подразделения в бою и тем более беспорядочного,

без приказа, бегства с поля боя применялся испытанный и действовавший в армиях до XX в. принцип децимации: воины выстраивались в линию и каждый десятый подвергался казни. Зато в случае боевых отличий всех заслуженных воинов вознаграждали, причем высшей наградой считался лавровый венок. Одержавшему крупную победу полководцу устраивали так называемый триумф, т.е. торжественный въезд в Рим.

Реорганизация римской армии, усиление ее силами союзников и введение в ней строгих порядков превратили Рим в грозную военную силу. Вся Италия должна была считаться с тем, что отныне наибольшая сила в ней именно Рим, который сполна это учитывал, продолжая свою наступательную политику. После завоевания в основном в IV в. до н.э. средней части Италии взоры его устремились на юг, где издревле господствовали греческие полисы Великой Греции, до того ведшие войны чаще всего с местными племенами, друг с другом и со все усиливавшимся Карфагеном. Среди этих полисов сильнейшим были сицилийские Сиракузы. На протяжении IV в. до н.э. они не раз пытались объединить вокруг себя все греческие полисы Италии и стать достойным соперником Карфагена. Однако островное положение и междоусобная борьба между полисами не дали Сиракузам возможности добиться этой цели. Более того, на рубеже IV—III вв. до н.э. ситуация в Южной Италии стала заметно изменяться в пользу готовившегося к походу на юг Рима.

Воспользовавшись распрями среди полисов и взяв сторону одного из мелких враждующих городов, римляне в начале III в. до н.э. дошли до крупного порта Тарента. Греческие полисы в Южной Италии своих сильных армий обычно не имели и пользовались в III в. до н.э. услугами наемников, что еще с конца второй трети I тыс. до н.э. стало довольно распространенным явлением во всей Греции. Это относилось и к Таренту. Столкнувшись с энергичным натиском римлян, отнюдь не скрывавших свои намерения, Тарент был вынужден обратиться за помощью к эпирскому царю Пирру.

Пирр, бывший родственником великого Александра, мечтал о больших победах, которые прославили бы его имя. Он с готовностью откликнулся на призыв тарентцев, рассчитывая захватить Италию, включая Сицилию, а потом и Карфаген, создав таким образом великую державу. С большой армией, включавшей 20 боевых слонов, он в 280 г. до н.э. прибыл в Италию. Как это ни странно, но именно невиданные до того в Италии животные позволили ему одер-

жать первые победы, в ходе которых не только греческие полисы, но и римские племена луканы и уцелевшие самниты перешли на его сторону. Решающие сражения с римлянами при Гераклее и Аускуле были выиграны Пирром, но очень дорогой ценой. Как писал об этом впоследствии Плутарх, после второй из этих побед Пирр будто бы сказал, что если одержит еще одну такую победу, то окончательно проиграет (отсюда известное выражение «пиррова победа»).

Но Пирр, тем не менее, продолжал военные действия, сблизившись с Сиракузами и побудив Карфаген искать союза с Римом. Однако возмущенные бесцеремонностью Пирра и его армии сиракузцы сами призвали на помощь карфагенян. Пирр с армией вернулся на Апеннины и встретился с римлянами в решающей схватке в 275 г. до н.э. близ местности Малевентум. Римляне, забросав копьями его слонов, заставили их повернуть вспять, после чего все войско Пирра было сметено разъяренными животными. Пирр вынужден был признать свое поражение и возвратиться домой. Этим воспользовались римляне, которые в нескольких сражениях уничтожили оставленные Пирром в ряде полисов, включая Тарент, гарнизоны и в 265 г. до н.э. захватили всю южную часть Италии.

В результате объединения вокруг Рима всех завоеванных им территорий в Италии сложилась своеобразная административно-политическая структура. Это не было единое, тем более централизованное, государство, каких в то время на Востоке, включая эллинизованный Ближний Восток, с которым имели активные связи жители Италии, было немало. Объединенные римлянами земли скорее можно назвать неким союзом автономных государственных образований, своеобразной конфедерацией.

Центром ее был Рим, чья власть в пределах союза была безусловной, чем она отличалась, скажем, от Афинских морских союзов. Но находившиеся под властью различного типа политические образования весьма отличались друг от друга по многим параметрам и соответственно имели неодинаковые права. В наиболее привилегированном положении — после граждан самого Рима — находились союзные муниципии, в основном латинские, насыщенные колониями римских граждан и соответственно имевшие определенную степень автономии и самоуправления. При этом следует принять во внимание то значимое обстоятельство, что колонии римских граждан поначалу существовали как бы обособленно, а их население считалось гражданами Рима с соответствующими правами и обязан-

ностями, тогда как жители союзных муниципий имели собственное самоуправление и — по меньшей мере вначале — неполные гражданские права.

Колонии, комплектовавшиеся из получавших земельные наделы за воинскую службу, были чем-то вроде римских гарнизонов вне города. Это была очень важная часть всей военно-административной структуры республики.

Рим не только дорожил колониями и всемерно поддерживал их население, но и позаботился о том, чтобы связать каждую из них, даже из числа весьма отдаленных от города, надежными дорогами. Стоит заметить, что римские дороги были для своего времени поистине шедевром строительного искусства. Снабженные надежными мостами и туннелями, хорошо укрепленные на всех неровностях почвы, особенно в местности, где были более или менее крутые склоны, эти дороги служили людям веками и после падения Рима, а кое-где сохранились до наших дней.

Что касается муниципий, то между ними существовали различия в степени внутреннего самоуправления, которые зависели от многих причин и находили свое четкое отражение в гражданско-административных правах, оговаривавшихся в каждом отдельном случае. Примерно таким же образом обстояло дело с союзниками, статус которых в конфедерации был наиболее низким. Имеются в виду этнические общности и племенные протогосударства вчерашних противников Рима, подчиненных силой и обладавших весьма ограниченной самостоятельностью, в основном в сфере внутренних дел. Отношения их с центром регулировались в каждом отдельном случае специальными соглашениями. Часть союзников, особенно из числа недавних наиболее серьезных врагов, имела очень мало прав и нередко находилась под контролем римских магистратов.

Все эти различия не были закреплены в общей форме единого общего для всех закона. Необходимость в этом отсутствовала, ибо фактическое неравенство членов конфедерации было очевидным для всех. Достаточно напомнить, что это неравенство находило свое выражение в том, что некоторые общины обязаны были включить часть своей земли в фонд *ager publicus*, который считался собственностью граждан Рима и продавался или раздавался участками именно им или римским колонистам в зависимости от обстоятельств. В то же время в муниципиях, как правило, весь этот фонд принадлежал членам данной муниципии. Как правило, частные лица, по-

лучавшие земли из *ager publicus* в аренду, с течением времени становились де-факто собственниками полученных участков. Таким образом, в конфедерации господствовало мелкое и среднее по количеству земли землевладение при сохранении, однако, формальной верховной собственности государства как коллектива граждан.

Это обстоятельство способствовало сохранению натурального хозяйства, так что по темпам и степени развития торговых связей и ремесел Рим этого времени уступал античной Греции в ранний период ее развития. Несмотря на это, он после завоевания большей части Италии в определенном смысле опережал полисы Греции. Стоит, в частности, обратить внимание на то обстоятельство, что социально-сословные грани были лабильными: звание сенатора или всадника при всей устойчивости статуса собственников не передавалось автоматически по наследству, ибо в основе социальных градаций был завоеванный плебеями и ставший основным имущественный ценз. Впрочем, это само по себе не мешало тому, что в стране по-прежнему существовали высшие сословия сенаторов (*нобилитет*) и всадников. Больше того, чтобы попасть в число членов этих сословий, нужен был не только определенный имущественный статус, ибо при включении в число всадников и тем более сенаторов учитывались и воинские или иные заслуги перед гражданами Рима. Входили в высшие сословия (или покидали его) в конечном счете по отбору цензоров.

Низший слой римских граждан по-прежнему составлял плебс. Но это был уже несколько иной плебс, чем в далеком прошлом. В число новых плебеев входили не столько безземельные (немалое количество их просто отказывалось от земли, не желая иметь хлопот с ней), сколько просто опустившиеся люди, жившие на подачки со стороны магистратов и бывшие своего рода предшественниками римского люмпен-пролетариата, о котором будет сказано чуть далее. К этим опустившимся представителям плебса примыкали рабы и либертины, т.е. вольноотпущенники из рабов, которые были ограничены в правах и, в частности, не могли быть избраны в число магистратов.

Создав конфедерацию и упрочив свои позиции в среде многочисленных подчинившихся ему и ставших частью крепкого союза различных италийских общин, включая бывшие греческие полисы, Рим вскоре вновь обратил внимание на внешнюю политику. На сей раз потенциальным противником Рима вполне отчетливо вырисовывался могущественный Карфаген, давно уже переставший быть

колонией финикийцев и превратившийся в большое и сильное самостоятельное государство.

РИМ И КАРФАГЕН. ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Карфаген, расположенный на севере Африки (современный Тунис), был основан в IX в. до н.э. в качестве колонии финикийцами из г. Тура и сразу же после этого стал одним из важнейших политических, военных и торговых центров Средиземноморья. Основой силы и богатства города был его флот. Двухпалубные парусники бороздили морское пространство Средиземноморья и подчас выходили за его пределы, расселяя даже на атлантическом побережье Африки (современное Марокко) свои колонии. В VI–V вв. до н.э. Карфаген в союзе то с этрусками, то с персами выступал против греков, особенно Сицилии с ее наиболее богатым и процветающим полисом Сиракузы. В IV–III вв. до н.э. Карфаген продолжал активную внешнюю политику, воюя с Сиракузами и другими полисами, включая и наемную армию эпирского царя Пирра. После неудач Пирра и эвакуации его войск карфагеняне переключили свою энергию на борьбу с Римом, к тому времени полным хозяином Италии. Начался длительный период так называемых пунических войн (пуны — принятое у римлян наименование жителей Карфагена).

Первая пуническая война (264–241 до н.э.) была по сути некоей пробой сил, итогом долговременного соперничества между сильнейшими государствами, ведшими наиболее активную внешнюю политику в средней части Средиземноморья. Рим, в частности, ставил своей целью подчинить Сицилию, изгнав оттуда карфагенян. За несколько лет римляне добились немало. Потеснив врага в Сицилии и сумев создать сильный военный флот, они с его помощью в 256 г. до н.э. высадились на побережье Африки и осадили Карфаген. Только невероятные усилия руководителей карфагенской армии и гибель римского флота в результате бури спасли Карфаген от капитуляции. Боевые действия вновь были перенесены в Сицилию, но они не принесли успеха Карфагену. Наступление римлян было приостановлено карфагенским полководцем Гамилькаром Барка, прибывшим в Сицилию в 297 г. до н.э. Ряд лет шли военные действия с переменным успехом, пока морской флот Рима все-таки не сумел в 241 г. до н.э. разгромить корабли карфагенян и тем отрезать армию Гамилькара от родины. Это и решило исход войны. Поставленный в безвыходное

положение, Гамилькар был вынужден заключить с Римом мирный договор, отдав ему все карфагенские земли в Сицилии и выплатив немалую контрибуцию.

Успешное завершение Первой пунической войны способствовало расцвету экономики Рима, обогащению нобилитета и всадников. Кое-что было сделано и для плебса. Проведенный в 232 г. до н.э. консулом Гаем Фламинием закон о разделе земель завоеванной римлянами северной части Италии, Цизальпинской Галлии и раздаче участков неимущим представителям плебса вызвал новую войну с галлами, в которой в 225 г. до н.э. римляне одержали победу. Добившись поддержки плебса, его представитель в высшем руководстве страной народный трибун Клавдий в 218 г. до н.э. провел закон, запрещавший сенаторам иметь торговые корабли. В результате этого торговля, ростовщичество и иные финансовые операции стали достоянием сословия всадников, что способствовало усилению их влияния. Опираясь на плебс и всадников и построив хорошую мощеную дорогу, которая соединяла север Италии с югом и позволяла быстро перебрасывать войска, Рим считал себя готовым к новой схватке со своим главным противником, Карфагеном.

Вторая пуническая война (война Ганнибала, 218–201 гг. до н.э.) началась вскоре после первой. За немногие годы, прошедшие после поражения в ней, в Карфагене произошло немало важных событий. Восстали наемники, которым, видимо, не сумели заплатить должное. С трудом это восстание сумел подавить все тот же Гамилькар. После подавления восстания он стал готовиться к новой войне с Римом, для чего в 237 г. до н.э. высадился с войском в Испании и за несколько лет завоевал большую часть Иберийского полуострова. В 228 г. до н.э. он был убит в одном из сражений, а карфагенское войско возглавил его зять Газдрубал, с которым обеспокоенные успехами карфагенян римляне в 226 г. до н.э. заключили договор. Этот договор предусматривал ограничение дальнейшего продвижения карфагенского войска в Иберии рекой Эбро (Ибер). Но вскоре Газдрубал тоже погиб в сражении с иберами, после чего войско карфагенян провозгласило своим вождем Ганнибала, старшего сына Газдрубала.

Ганнибал, этот выдающийся полководец древности, в 219 г. до н.э. двинулся через Иберию в Италию, что и послужило поводом для формального начала Второй пунической войны. Она началась неожиданно, при явном преимуществе карфагенян. Римская армия, не готовая к ней, уступала один плацдарм за другим. Весной 218 г.

до н.э. Ганнибал, в войске которого было 28 боевых слонов, без особого труда перешел через Пиренеи, затем по узким заснеженным тропам через Альпы. И хотя большинство его слонов не выдержали этого перехода, основная часть армии благополучно спустилась в долину реки По и остановилась на отдых в Цизальпинской Галлии. Здесь успешный Ганнибал получил немалое подкрепление за счет недовольного римлянами местного населения. Воспользовавшись этим обстоятельством, он добился нескольких побед над фактически захваченной врасплох армией Рима. Продвигаясь на юг быстрыми темпами и демонстрируя при этом умелые тактические маневры, Ганнибал в скором времени оставил позади армию консула Фламиния и оказался в нескольких переходах от Рима. Разбив в 217 г. до н.э. пытавшегося догнать его Фламиния, он, однако, не пошел в атаку на город и даже не стал его осаждать. Ганнибал направился на юг, в Апулию, где решил дать своему уставшему от длительных и тяжелых переходов войску некоторый отдых.

Оборону города возглавил избранный римлянами диктатор Фабий Максим, который в сложившейся ситуации разумно предпочел полупартизанскую тактику изматывания противника. Эта тактика Фабия Максима, прозванного за нее Кунктатором (Медлителем), сразу же принесла свои плоды. Не вступая в большие сражения, он держал курс на мелкие стычки, принимая во внимание, что противник, воевавший на чужой земле, не имел, как правило, поддержки со стороны местного населения. Но замедленная война приносила разорение земледельцам, которые были недовольны ею и не голосовали за Фабия на следующих выборах.

Новые консулы, избранные в 216 г. до н.э., взяли курс на решительное сражение с врагом, которое произошло при Каннах. Битва, крайне неудачная для римлян, продемонстрировала триумф полководческого искусства Ганнибала, сумевшего загнать основную часть римского войска в ловушку и уничтожить 54 тыс. воинов, потеряв своих всего 6 тыс. 18 тыс. римлян попали в плен.

Это было едва ли не крупнейшее поражение Рима за всю историю республики, а слово «Канны» стало надолго символом высокого военного искусства. На помощь Ганнибалу пришли многие из тех, кто прежде со стороны наблюдал за ходом Второй пунической войны. И только умелое лавирование римлян — они смогли натравить готового было прибыть на помощь карфагенянам Филиппа V Македонского против Греции и ликвидировать военную угрозу со сто-

роны других симпатизировавших Ганнибалу государств — повернуло ход событий в их пользу. Вновь вышедший на передний план Фабий Максим сумел с помощью италийских союзников захватить Сицилию и отрезать войска Ганнибала от Карфагена. Командующий римским войском консул Сципион умелыми ударами разбил базы карфагенян в Испании. Ганнибал совершил было бросок на Рим¹, но здесь его ждала неудача. К тому же появление войск Сципиона в Африке близ Карфагена заставило правительство этой страны вызвать на помощь армию Ганнибала. Он вынужден был возвратиться, после чего Вторая пуническая война была выиграна римлянами.

Условия мирного договора были тяжелыми для Карфагена. Он отдал римлянам свой флот, боевых слонов, выплатил огромную контрибуцию, отказался от заморских владений (прежде всего это касалось Испании) и обязался не вести войн с соседями без ведома римского сената. Это была катастрофа для огромного и сильного государства. И в то же время эта победа открыла перед Римом необычайно широкие внешнеполитические перспективы. Вся Италия вновь оказалась у ног Рима, который сурово наказал тех, кто помогал Ганнибалу. В частности, у многих союзников была отобрана часть земли, которая пополнила фонд римского *ager publicus*. Рим по условиям мирного договора приобрел Сицилию, Сардинию, Корсику и Иберию (Испанию). Успешная война сильно обогатила Рим, способствовала развитию городского хозяйства и торговли и явилась в некотором смысле предлогом для продолжения завоеваний, на сей раз на восточном фронте.

Сначала — еще до победы над Карфагеном — это была война с жившими к северо-востоку от Италии иллирийцами, славившимися пиратскими набегами на торговые суда римлян и греков. Разгром превратил их в данников Рима и, что очень существенно, отрезал путь враждебной Риму Македонии к Адриатическому морю.

Здесь следует сказать, что среди эллинистических государств, возникших в последней четверти IV в. до н.э. в результате гибели Александра и раздела его империи, Македония, как и Селевкидское царство, были на протяжении столетия с лишком в числе наиболее сильных. Поэтому далеко не случайно на рубеже III–II вв. до н.э.,

---

¹ Стоит заметить, что этот бросок застал римлян врасплох. Предание об этом сохранилось и даже нашло отражение в русской литературе: «В Риме кричали всю ночь напролет: «Ганнибал у ворот, Ганнибал у ворот!»

когда римляне поставили на колени Карфаген, они обратили внимание на восток, откуда столь часто приходила помощь то воюющим с ними греческим колониям (войско Пирра), то Карфагену (Филипп V). Политическая ситуация на территории к востоку от Италии была достаточно сложной и запутанной. Но несомненно, что сторонников у Рима там практически не было. Наиболее сильные державы, побаиваясь усиления Рима, сами старались укрепить свои позиции. Именно эти державы, равно как и некоторые другие, менее крупные и более слабые государственные образования, включая Балканскую и Малоазийскую Грецию, оказались теперь в сфере пристального внимания римлян.

В серии македонских войн — всего их было три — Рим, добившись поддержки части греческих полисов, враждовавших с Филиппом V Македонским, одолел его армию, а затем и армию его союзника Антиоха, правителя усилившегося к тому времени Селевкидского царства. В своем первом столкновении с Македонией (215–205 до н.э.) римляне выступили в качестве союзника по меньшей мере части угнетавшихся Филиппом греческих городов. Главным итогом этой войны был разгром македонцев на их северо-западных границах, близ Иллирии (западная часть Балкан) и предотвращение возможности выхода их к Адриатическому морю. Что касается Антиоха III, то война с ним шла в основном на территории Греции, включая малоазийскую ее часть, и завершилась в 190 г. до н.э. победой римлян, заставивших противника очистить все захваченные европейские и малоазиатские земли и выплатить большую контрибуцию.

Пока римляне воевали с Антиохом, Филипп сумел восстановить свои военные силы. Внутриполитическая борьба в Риме (о ней чуть далее) помогла ему в этом, предоставив нужное время для укрепления страны и приобретения новых союзников. Римляне пытались помешать этому, но неудачно: старший сын Филиппа, находившийся в качестве заложника в Риме и в немалой степени пропитанный проримскими настроениями, был казнен по возвращении домой. Преемником Филиппа после его смерти стал другой его сын, который был резко настроен против Рима. В сущности именно это послужило сигналом для начала Второй македонской войны (171–168 гг. до н.э.), которая завершилась полным разгромом этого государства и разделом его на части. При этом жестоко пострадал союзник Македонии Эпир. Значительное количество его населения было уведено в Рим в качестве рабов. Итог македонских войн оказался печальным

и для Греции, большая часть городов которой выступила было в середине II в. до н.э. против римлян, но потерпела поражение. Крупнейший из этих городов, Коринф, был срыт, а его жители проданы в рабство. Свои прежние права, да и то в сильно урезанном виде, сохранили лишь Афины и Спарта.

Примерно в это же время римляне успешно завершили длившуюся несколько десятков лет войну с испанцами. Все эти победоносные войны побудили Рим вновь обратить внимание на Карфаген, который за ряд десятилетий сумел восстановить свои силы и вновь стать богатым и процветающим городом. Римляне следили за этим процессом, а один из самых известных сенаторов и руководителей республики того времени Марк Порций Катон каждое свое выступление в сенате завершал фразой о том, что Карфаген должен быть разрушен. Третья пуническая война (149–146 г. до н.э.) была триумфом Рима. И если вначале ему не очень везло, ибо Карфаген успел укрепиться, так что взять его было нелегко, то после довольно длительной осады и строительства большой плотины, перегородившей путь в гавань и отрезавшей город от внешнего мира, ситуация резко изменилась. Начался голод, гарнизон ослаб. Римская армия сумела штурмом взять Карфаген в 146 г. до н.э., после чего население города было продано в рабство, а то место, где он находился, разрушенное и сожженное завоевателями, ими же было проклято. Так завершилась длительная борьба между сильнейшими государствами Средиземного моря за гегемонию.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ПОСЛЕ УСПЕШНЫХ ВОЙН

За столетие с небольшим, если считать с начала Пунических войн, Рим, бывший до того лишь главой союза италийских городов и племен, превратился в могущественнейшую державу, распространившую свое влияние как на восток, так и на запад. Еще до окончания борьбы в Риме встал вопрос, как лучше управлять завоеванными землями. Были выдвинуты две основные концепции. Одна, сформулированная Сципионом Африканским, исходила из того, что на завоеванных территориях можно сохранить сложившиеся там порядки, включая традиционную форму государства, делая их при этом лишь зависимыми от Рима. Другая, представленная сенатором Катонем, отражала мнение тех, кто настаивал на уничтожении завоеванных государств и превращении их в римские провинции во главе с на-

местниками из числа бывших влиятельных магистратов. Победил Катон. И уже с первой трети II в. до н.э. римляне начали, как правило¹, создавать на территории завоеванных ими стран провинции, число которых довольно быстрыми темпами возрастало.

Победа Катона вполне соответствовала эволюции внутривосточной борьбы, резко обострившейся в Риме как раз в те годы, когда шла дискуссия об управлении завоеванными территориями. Суть борьбы сводилась к соперничеству сенаторов и разбогатевших в результате войн всадников, а также к стремлению плебса, особенно побывавших в войнах ветеранов, получить земельные участки в хороших местах, желательно поближе к Риму. Нобилитет, видимо, не был против того, чтобы удалить часть плебса из Рима и поселить его — все-таки это граждане и воины — где-то неподалеку. Но так как страна увеличилась в размерах, государственная политика требовала и некоторого, даже ощутимого, присутствия римлян в отдаленных вновь завоеванных провинциях. Заметно расширившая свои пределы держава быстрыми темпами богатели. Развивались торговля, предпринимательство и товарно-денежное обращение. Достаточно напомнить о тех многочисленных и огромных по своему масштабу контрибуциях, которые то и дело были обязаны выплачивать победителю многочисленные побежденные государства.

Естественно, одним из первых вставал вопрос о том, как лучше организовать управление всей разросшейся державой. Было абсолютно ясно, что традиционный административный аппарат к этому не приспособлен. Нужна была коренная его реорганизация. Реорганизация была начата с изменения характера пополнения рядов высших магистратур. Решением 180 г. до н.э. было постановлено, что порядок замещения магистратур в Риме должен стать иным, нежели был прежде. Любой администратор должен теперь пройти в своей карьере все основные ступени: сначала набраться опыта на низших должностях эдила или квестора и лишь после того претендовать на избрание претором, затем консулом. При этом занятию административных должностей должна была предшествовать его воинская

---

¹ Следует заметить, что бывали и исключения. Одним из них можно считать Иудею во главе с царем Иродом во времена Понтия Пилата и библейского Иисуса. Но справедливости ради надлежит заметить, что при этом Иудея на правах некоего автономного образования все же была включена в римскую провинцию Сирию.

служба. Смолоду каждый был обязан отслужить в легионах, количество которых теперь было гораздо более внушительным, нежели прежде, и зависело от складывавшейся в стране ситуации. Вот в этих условиях и вышло на передний план предложение Катона.

Рим принял решение разделить все завоеванные земли на провинции (шесть в Италии и на Западе: Африка, Испания, Цизальпинская Галлия, Корсика, Сицилия и Сардиния и три на Востоке: Иллирия, Македония и Азия), что пока было сочтено наилучшим вариантом из всех возможных. Сложность состояла в том, что провинции оказались очень различными по существующим в них системе управления, степени автономии, порядку уплаты налогов и принятым нормативам свободы. Нужно было унифицировать систему управления, обеспечить строго следивший за этим Рим фиксированными налогами, определить полномочия римских наместников, стоявших во главе провинций. Всему этому было уделено должное внимание. Римские наместники, назначавшиеся, как правило, из отслуживших срок высших магистратов, имели в провинциях огромную, почти безграничную власть. Правда, они старались не выходить за пределы правовой нормы, ибо на их бесчинства можно было жаловаться в Рим, где практически у каждой провинции были свои представители. Однако судить наместника можно было только после того, как истекал срок его полномочий.

Следует еще раз обратить внимание на то, что земли собственно Италии находились по сравнению со всеми провинциями в привилегированном положении, так что именно там, неподалеку от Рима, хотели получать участки земли имевшие на то право отслужившие в армии ветераны. Однако сенаторы, нобилитет Италии, как правило, не приветствовали такие настроения. Тем не менее время от времени ветераны своего добивались, но это не исключало того факта, что многие из их числа вынуждены были довольствоваться землями в дальних провинциях. Впрочем, некоторые из этих провинций, как, например, Сицилия, были с точки зрения качества земли и многих других, в частности природных, условий достаточно привлекательными.

Первое место по богатству, влиятельности и роли в управлении Римом по-прежнему занимали сенаторы, нобилитет, второе — всадники, разбогатевшие благодаря развитию предпринимательства, включая торговлю, строительство, ремесла и все городское хозяйство. Влияние этих последних в огромном государстве существенно

укрепилось. Основной же частью населения стали теперь средние и мелкие землевладельцы, особенно из числа получивших земли ветеранов. После каждой войны число таких ветеранов увеличивалось, а их социальная роль понемногу возрастала. В основном это были граждане Рима, представители бывших плебеев, тех самых, что в ходе многовековой борьбы добились своего фактического гражданского равенства с бывшими патрициями. Особый слой населения, близкий к этим средним и мелким землевладельцам, представляли потомки тех, кто прежде именовался союзниками. Эта часть населения страны, италики, еще не имела статуса полноправных граждан Рима, но давно уже и небезуспешно стремилась, даже приближалась к этому.

Таким образом, в понемногу трансформировавшемся республиканском Риме имели место перемены, при этом наиболее важные — в самом низу социальной лестницы.

Здесь появились некоторые новые группы как граждан, так и не имевших прав гражданства либо ограниченных в этих правах. К их числу принадлежали прежде всего те плебеи, которые все более заметно превращались в люмпен-пролетариев, т.е. в представителей того особого слоя людей, которые не стремились получить землю, но предпочитали, опираясь на свои права граждан, жить за счет подачек от властей Рима. «Хлеба и зрелищ!» — таким был лозунг люмпенизованного плебса. И римские власти были вынуждены считаться с этим хотя бы потому, что подавляющее большинство люмпенов проживали в самом великом городе. Чем дальше, тем больше разного рода подачек им санкционировалось властями и обретало едва ли не силу закона. Однако нельзя сказать, чтобы этот слой социальных паразитов процветал. По сравнению с ним во много более предпочтительном положении находился немалый слой либертинов, т.е. вольноотпущенников, наиболее удачливых из числа рабов. Они сумели выкупиться из состояния рабства и стать если и не гражданами (полных прав гражданства, например права быть избранным в магистраты, они были лишены), то, во всяком случае, независимыми, иногда зажиточными людьми и даже предпринимателями, пользовавшимися многими правами из тех, что существовали в Риме.

Войны приносили Риму множество новых рабов. Это был наиболее низкий социальный слой. Рабы из числа чужаков-военнопленных либо наказанных жителей сопротивлявшихся Риму городов (вспомним судьбу Карфагена, Коринфа) теперь, в условиях развития

товарно-денежных отношений, часто становились товаром и приобретались владельцами больших и весьма развитых земледельческих хозяйств. Владельцами таких хозяйств были как нобили, включая сенаторов, так и разбогатевшие всадники с их виллами (обычно земли этих вилл обрабатывали 15–30 рабов, управлявшихся старшим из них, виликом) и крупными латифундиями, где рабов было больше. В небольшом количестве рабы использовались в хозяйствах средних землевладельцев. Особенно много их оказалось на землях Сицилии с ее максимально благоприятными сельскохозяйственными угодьями. Это скопление рабов сыграло со временем свою роль в истории Рима.

Однако такое положение не дает достаточных оснований для того, чтобы считать, что хозяйство и производство в Риме держалось на труде раба. Рабы были важной вспомогательной силой, а в крупных земледельческих хозяйствах (таких было не очень много) даже подчас основной. Но гораздо чаще рабы использовались в качестве прислуги, тогда как главным земледельцем и производителем в Риме был обычный сельский хозяин, ремесленник и торговец. Раб в Риме нередко оказывался лишенным многих прав, включая право на семью (ему предоставлялось лишь право сожителства) и собственное хозяйство, что всегда было нормой на Востоке. Это делало античное рабство более жестким. Все это так, но при всем том Рим отнюдь не был рабовладельческим государством и обществом, как о том писали в свое время отечественные учебники и многие капитальные труды. Рим был античным государством, т.е. структурой, опиравшейся в основном на свободных граждан. Его существование и тем более процветание лишь в некоторой степени зависело от труда рабов, в основном же — от усилий свободного населения страны, тогда как доля рабов была весьма невелика.

Это стоило бы очень хорошо помнить и всегда принимать во внимание, равно как и аналогичную ситуацию в античной Греции, где население, вспомним это, рассматривало свои полисы как организации свободных граждан, которые всегда были в большинстве. И в древнем обществе свободных эллинов было немало рабов, но при этом символом всеобщего («поголовного», если угодно) рабства для этих самых эллинов была персидская империя Ахеменидов, т.е. древневосточные порядки. Нет смысла говорить еще раз, что и поголовное рабство древневосточного типа, подчас действительно очень близкое к тому, что обычно именуется системой рабовладения, на деле такой

системой тоже не было. Речь об этом уже шла и будет еще идти далее. Основной же вывод из сказанного абсолютно однозначен: и сводится к тому, что **рабовладельческий строй (формация или способ производства в марксистской лексике) — это миф**. Миф как для древневосточных, так и для античных обществ. Но при этом Восток (отнюдь не только древний) и античный мир достаточно заметно отличались друг от друга в том, как использовался труд рабов и насколько в реальности положение раба было близким или, напротив, принципиально совсем другим по сравнению со всей остальной и основной частью населения.

Глава шестнадцатая. РЕФОРМЫ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ. МАРИЙ И СУЛЛА

Ситуация в Римской империи в середине II в. до н.э. складывалась таким образом, что страна все более напоминала бурлящий котел. Рим к этому времени находился на пороге серьезных социополитических потрясений. И для того, несмотря на немалые успехи в предшествующий исторический период, было немало серьезных оснований. В самых общих словах следует сказать, что вся вторая половина II в. и I в. до н.э. были наиболее насыщенным и интересным периодом истории Рима. Именно в это время происходили самые важные события, включая ожесточенную борьбу за власть и реформы, а также выход на передний план военных лидеров. Это было время появления на политической арене наиболее выдающихся деятелей древнеримской истории. Собственно, в этом есть вполне определенная закономерность: успешные войны резко расширили пределы республики, превратив ее в гигантскую военную державу, реформы наладили управление огромной империей. Но в то же время в Риме возникла масса новых проблем, решить которые было непросто. При этом одни проблемы влекли за собой другие, пока не предстали в виде огромного бесформенного кома, который оставалось только, следуя всем известному преданию о Гордиевом узле и Александре Македонском, решительно разрубить, что и сделал величайший из правителей Рима Гай Юлий Цезарь.

Сложности во внутривосточной жизни Рима начались с того, что одно за другим последовало несколько восстаний рабов. Эти вос-

стания были спровоцированы жестоким обращением с ними, особенно в Сицилии, где их было едва ли не более всего и где среди рабов преобладали выходцы из числа пленных греков, столь привыкших к свободе. Сыграло свою роль и то немаловажное обстоятельство, что в некоторых соседних с Римом городах, особенно на юге Италии, в числе рабов оказалось много пленных из числа знатных и богатых жителей Карфагена, готовых бороться за свободу. Восстания были подавлены, но обстановка в стране в целом от того только обострилась. Обострилась она главным образом потому, что часть городского плебса (люмпен-пролетарии) была очень недовольна своим положением. Постоянно пополняясь за счет стекавших в Рим разорившихся мелких землевладельцев, в том числе и пострадавших в районах, где велись военные действия или восставали рабы, римские плебеи, во всяком случае те, кто был готов вернуться к земледельческому хозяйству, требовали новых реформ, прежде всего в аграрной сфере.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ БРАТЬЕВ ГРАКХОВ

Во главе движения за радикальные реформы встали братья Тиберий и Гай Гракхи, поочередно избиравшиеся народными трибунами. Тиберий в 133 г. до н.э. провел законопроект, по которому безудержный захват новых земель богатыми нобилиями был решительно приостановлен. Закон требовал, чтобы землевладение любой семьи ограничивалось 1000 югерами (500 на отца семейства и по 250 на двоих — только двоих — его сыновей). Вся остальная земля нарезалась на участки по 30 югером¹ и предоставлялась готовым взять ее бедным и безземельным гражданам Рима. Закон вызвал ожесточенную борьбу, а проведение его в жизнь потребовало немало времени. Этим воспользовались противники Тиберия, которые вместе со своими клиентами прибыли в сенат в момент, когда шло голосование по выборам народного трибуна на 132 г. Главным кандидатом был Тиберий, так что именно на него и его сторонников неожиданно обрушились вооруженные чем попало отряды, приведенные его противниками. В результате неравной схватки, к которой Тиберий не был готов, он и его сторонники были убиты.

---

¹ Югер — площадь, которую можно вспахать с помощью упряжки из двух волов за день, примерно 25 соток по привычным для нас меркам. 30 югеров — очень приличный кусок земли.

Правда, несмотря на это, закон не утратил своей силы. Работа над проведением его в жизнь продолжалась еще около 15 лет, причем свыше 80 тыс. человек получили землю, что было немалым успехом реформаторов. Однако этот успех был только скромным началом обострившейся социополитической борьбы за землю. Италики, которые не имели права римского гражданства, но постоянно претендовали на получение его, по закону Тиберия Гракха на свои 30 югеров рассчитывать не могли. И по мере завершения реформы Тиберия их недовольство все возрастало. Ситуацию могли исправить лишь новые реформы. И провести их в жизнь выпало на долю Гая Гракха, избравшегося народным трибуном в 123–122 гг. до н.э. Гай Гракх провел ряд важных законов, дабы привлечь к себе больше сторонников. Законы о снижении цен на хлеб и о пропуске городского плебса бесплатно в театры (это была легальная реализация лозунга «Хлеба и зрелищ!») позволили ему опереться на городскую бедноту. Он организовал строительство дорог и государственных амбаров, дабы дать работу нуждающимся в ней и готовым работать беднякам.

Законы о налогах и пошлинах, как и решение предоставить право на участие в судебных делах снискали ему поддержку активно занимавшихся торговыми операциями всадников. Гай Гракх пошел даже на то, чтобы заново оживить разрушенный Карфаген и организовать на его проклятой земле колонию римлян (что впоследствии было едва ли не главным пунктом среди выдвигавшихся против него обвинений). Но основным и заключительным законом Гая был проект о предоставлении всем италикам права полного римского гражданства. Проект не прошел. Против Гая была образована коалиция его врагов, куда вошло много сенаторов. В итоге он, как и его брат за 11 лет до того, был убит.

Главная цель борьбы братьев Гракхов не была достигнута. Через несколько лет после их ухода с политической сцены в Риме вновь была разрешена свободная купля-продажа земли, следствием чего опять стало появление крупных частных землевладельческих хозяйств. Италики же так и не получили прав римского гражданства. Вместе с тем реформы братьев Гракхов отнюдь не были вовсе бесполезными. Напротив, они сыграли очень значительную роль, усилив влияние демократических настроений в Риме. Демократические лозунги Гракхов стали основой для возникновения в Риме влиятельного движения популяров. Этому движению противостояли оптиматы во главе с нобилитетом. Борьба между теми и другими — а это были,

пожалуй, первые в истории политические партии, открыто противостоявшие друг другу в борьбе за власть, — усиливала все растущую внутреннюю напряженность в Риме на рубеже II—I вв. до н.э.

МАРИЙ И ЕГО РЕФОРМЫ В АРМИИ

Правда, борьба оптиматов и популяров не имела столь явно выраженной формы организации *своих* против *чужих*, как то было прежде, когда плебеи боролись за свои права с патрициями. Однако она в значительно более цивилизованной форме внесла свой заметный вклад в момент весьма незначительного конфликта римлян с африканским нумидийским царьком Югуртой. Война (111–105 до н.э.) шла неудачно для Рима, пока римские войска не возглавил выходец из крестьян Гай Марий, чрезвычайно активно использовавший лозунги популяров с резкой критикой нобилитета. Избранный в 107 г. до н.э. благодаря поддержке плебса и всадников народным трибуном, он успешно завершил войну в Африке и, учитывая неудачи римлян в этой войне, энергично приступил к военной реформе. Реформа была кардинальной по характеру. Можно считать, что Марий создал принципиально новую армию, которая после этого приобрела совсем неожиданные для Рима возможности, в том числе и политические. Суть реформ свелась к праву вербовать в армию всех желающих, которые при этом получали оружие, обмундирование, полное довольствие и, что очень немаловажно, твердое жалованье, а также право на участок земли после определенного срока службы.

Это было нечто вроде революционного переворота. Служба в армии Рима перестала быть привилегией его полноправных граждан, прежде никогда ничего не получавших от государства за свое участие в войнах. Она, как то случилось в свое время в Греции, более не была прерогативой и тем более обязанностью членов гражданского общества. Любой мог теперь стать наемником и воевать за интересы тех, кто ему платит. Более того, военное дело, перестав быть чем-то почетным, превратилось в своего рода прибыльную профессию, а солдаты теперь мало чем отличались от упомянутых поздних древнегреческих наемников. Как бы то ни было, но соответственно многое изменилось. Новыми стали и организация войск, и их боевой строй. Марий разделил легионы на 10 когорт, каждая из которых имела в своем составе три манипулы по 200 солдат. Как и прежде, легионам обычно придавались вспомогательные отряды войск союзни-

ков, пехота и конница. Легионы и когорты получали боевые знамена. Марий ввел также систему регулярной и строгой боевой подготовки воинов в специальных тренировочных лагерях. Словом, на смену привычному гражданскому ополчению пришла очень хорошо обученная профессиональная армия. И эта армия была уже не армией сражавшихся за свою свободу римских граждан, а войском того полководца, который ею командовал и от милостей которого во многом зависело будущее благосостояние каждого из воинов.

Новая армия быстро доказала свои преимущества не только в победе над Югуртой, но и в борьбе с разными германскими племенами, прежде всего с кимврами и тевтонами, которые одними из первых появились на севере Италии и были разгромлены Марием в 102–101 гг. до н.э. Популярность Мария быстро росла. Его шесть раз — редкий случай! — избирали консулом. Сенат после некоторых колебаний принял закон о наделении ветеранов армии Мария большими земельными участками (по 100 югеров!) в Африке и на отвоеванных у германцев землях Заальпийской Галлии. Однако в Риме разгорелась как раз в связи с принятием этого и некоторых других законов в интересах популяров ожесточенная схватка, в которой верх взял нобилитет. Марий покинул Рим и отправился воевать в Малую Азию. Оптиматы праздновали победу и энергично тормозили осуществление уже принятых законов. Многие из ветеранов так и не получили обещанной им земли. В этот напряженный момент вновь заявили о своих претензиях на римское гражданство союзники-италики. Сначала их поддержал народный трибун 91 г. до н.э. Ливий Друз, но вскоре он был убит. После этого началась гражданская война, получившая наименование Союзнической (91–88 гг. до н.э.).

Союзники, которые составляли после реформ Мария значительную часть профессиональной римской армии, подняли восстание. Один за другим италийские города подхватывали лозунги восставших и, захватывая оставшиеся верными Риму поселения, убивали там всех богатых и знатных. Это было по сути восстание поддерживавших некогда Мария популяров. И даже после того, как для подавления восстания был вызван вновь возглавивший римскую армию сам Марий, гражданская война не утихла. Римский сенат в 90 г. до н.э. вынужден был пойти на уступки. Вначале по закону, принятому по инициативе консула Юлия Цезаря, всем италикам, что сохранили верность Риму, было даровано право гражданства, а когда этого оказалось недостаточным для прекращения войны, причем новые

племена стали присоединяться к восставшим, были приняты законы, по которым право гражданства в конечном счете было предоставлено всем италикам. Число граждан Рима в итоге увеличилось более чем вдвое.

Таким образом была достигнута еще одна победа популяров. Но она, как и вся Союзническая война, дорого обошлась Риму. Хозяйство многих цветущих областей было разрушено, экономическое состояние державы резко ухудшилось. Нужно было принять решительные меры, чтобы восстановить пошатнувшуюся экономику и поднять престиж Рима. Сначала римский нобилитет попытался было сделать это, принизив значение победы союзников. Их, этих новых граждан, третировали, в частности, всех их приписали только к 8 трибам из 35, что явно ущемляло их права. Неудивительно, что такое обращение с новыми гражданами способствовало обострению внутривнутриполитической напряженности. Нарастая год за годом, она вылилась в серию серьезнейших внутренних и внешних столкновений.

МАРИЙ И СУЛЛА

В 88 г. до н.э. консул Сульпиций Руф, продолжая и развивая успех популяров, предложил ряд законов. Они ставили своей целью закрепить право ветеранов Мария на землю, распределить всех новых граждан Рима равномерно по всем 35 трибам и направить Мария на восток с целью одолеть завоевавшего там уже большие территории правителя понтийского царства Митридата VI Евпатора. Законы были приняты, но римский полководец Сулла, командовавший восточными легионами, отказался подчиниться сенату. Здесь стоит заметить, что Сулла проявил себя как талантливый военачальник еще в ходе Союзнической войны и был направлен на Восток в качестве своего рода поощрения. Как бы то ни было, но после реформ Мария легионы все больше зависели от своего командира, тем более если он проявлял полководческий талант и одерживал победы. И хотя в борьбе с Митридатом Сулла больших успехов не добился и, больше того, допустил его войско в римскую провинцию Азию, где восточные воины перерезали всех римлян и италиков, он ни минуты не колебался, узнав о новом решении сената.

Повернув свои легионы в сторону Рима, Сулла с боем овладел городом. Это был первый в истории Рима и достаточно печальный пре-

цедент: свои же легионы вторгаются в город, где легионам вообще пребывать не полагалось. В итоге Сулла отменил законы Сульпиция, предав его показательной казни, заставил Мария бежать в Африку, укрепил сенат 300 своими сторонниками, ограничил права и возможности популяров, восстановил право центуриатных комиций времен Сервия Туллия за счет куриатных и поставил народных трибунов под контроль реформированного им сената. Лишь после этих радикальных мер он, не теряя времени и приняв командование сразу над шестью легионами, отправился назад на восток, против Митридата. Борьба Суллы с Митридатом VI Евпатором, захватившим после его отъезда практически всю Малую Азию и Элладу, была успешной. За 87–86 гг. до н.э. он расправился со столь усилившимся врагом Рима и согласно мирному договору 85 г. до н.э. заставил Митридата отказаться от всех своих завоеваний, отдать римлянам флот и выплатить немалую контрибуцию.

Заключив этот договор, но отнюдь не добившись окончательного поражения Митридата, Сулла повернул легионы обратно и поспешил в Рим, где за время его отсутствия произошло много важных и неприятных для него событий. Отъезд Суллы в Азию был сигналом для усиления борьбы популяров против лишь временно одолевших их оптиматов. Италики потребовали возвратиться к законам Сульпиция о распределении новых римских граждан по всем 35 трибам и о возвращении трибутным комициям их прежней роли. Плеб настаивал на восстановлении высокого статуса народных трибунов. И даже всадники, лишившиеся своей давно уже завоеванной ими важной для них и их торгово-ростовщической деятельности роли в судебных делах, открыто выражали свое недовольство. Консул Цинна поддержал всех тех, кто выступил против самоуправства Суллы. Марий возвратился из Африки и был на очередных выборах вновь избран консулом. Казалось бы, участь Суллы была решена. Вновь с триумфом возвратиться и захватить город он уже не сможет, несмотря на все свои легионы. Однако судьба решила иначе. В Риме вспыхнули внутренние распри между сторонниками и противниками Мария.

Неизвестно, на чьей стороне была бы победа, если бы неожиданно не умер Марий. Смерть Мария открыла дорогу Сулле. В 83 г. до н.э. 40-тысячная армия Суллы, высадившись на юго-восточном побережье Италии, вступила в бой со сторонниками Мария. Борьба шла отнюдь не только и даже не столько между Марием и Суллой с их сторонниками, сколько ради тех интересов, которые отстаивали

обе стороны немалыми силами. По сути с вторичным возвращением Суллы с восточного фронта в Италию началась настоящая гражданская война. Война длилась недолго, всего около двух лет, ибо вожди популяров, среди которых был и сын Мария, не смогли организовать должного сопротивления, а ловкие политические маневры Суллы, привлечшего на свою сторону часть римского плебса, позволили ему одержать сравнительно легкую победу. Рим вторично был взят Суллой, причем на сей раз капитуляция города сопровождалась большой резней.

ДИКТАТУРА СУЛЛЫ. ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ (ПОМПЕЙ, КРАСС И ЦЕЗАРЬ)

Одержав верх над противниками, Сулла потребовал от сената диктаторских полномочий на неограниченное время. Первые его реформы отменяли хлебные раздачи, ограничивали роль народного собрания и народных трибунов, увеличивали роль сенаторов в противовес всадникам (в частности, в спорном вопросе о суде над наместниками и вообще в судопроизводстве). На землях наиболее враждебных ему городов близ Рима он поселил 120 тыс. верных ему солдат-ветеранов. Во всех италийских городах были созданы муниципалитеты со своими народными собраниями и магистратами по римскому стандарту и при этом с полным и беспрекословным повиновением их воле диктатора. Основной упор был сделан на усиление роли оптиматов, нобилитета. Однако это вовсе не означало, что Сулла действовал по некоему классовому принципу, защищая богатых. Он проводил гораздо более тонкую политику, целью которой было запугать всех и заставить каждого с тревогой ждать момента, когда на него обрушатся репрессии за его прошлое поведение, вне зависимости от того, каким оно было.

Сулла вроде бы действовал открыто, публично назвав своих сторонников и противников. Но если противники в ужасе бежали от неизбежной смерти, то и сторонники, да и просто богатые люди дрожали. Сулла первым внес в практику внутривнутриполитической борьбы в Риме систему так называемых проскрипционных списков, которые регулярно обновлялись и пополнялись новыми именами. Тот, кто попал в такой список, объявлялся вне закона. Безо всяких дополнительных судов или какой-либо апелляции его можно было, даже следовало убить, его имущество подлежало конфискации, а все

его родственники по меньшей мере частично лишались гражданских прав (например, они не могли быть избранными на какую-либо должность). Все рабы казненных отпускались на волю. Такие же репрессии распространялись и на некоторые города, наиболее упорно противостоявшие Сулле и за то подчас разрушавшиеся по его приказу.

Как это ни покажется странным, но диктатор вскоре устал от своей нелегкой борьбы и спустя два-три года после обретения своих неслыханных прежде полномочий и уничтожения массы своих противников он решил — это было в 79 г. до н.э. — уйти в отставку, после чего через год умер от болезни. Его отставка вызвала яростную борьбу за власть среди сторонников и противников Суллы. Консул Лепид, пришедший к власти, сумел восстановить немалое количество уничтоженных Суллой демократических норм и институтов, включая хлебные раздачи, реабилитацию репрессированных (правда, уже без возвращения конфискованного имущества). Но Лепид вскоре умер, так и не сумев добиться многого. В Испании к тому времени оживились марианцы во главе с талантливым предводителем Серторием. Однако после восьмилетней успешной борьбы Сертория убили недовольные его политикой благоволения к испанцам. Восстание было подавлено, причем в борьбе с мятежниками отличился сторонник Суллы и знаменитый впоследствии римский полководец Гней Помпей. Пока римляне в жестком противоборстве решали вопрос, к кому перейдет власть, фракийский раб Спартак¹ поднял в школе гладиаторов в Капуе восстание, к которому за очень короткий срок присоединились многие десятки тысяч бежавших к нему рабов. В 72 г. до н.э. армия Спартака насчитывала уже 120 тыс. воинов, причем это была довольно хорошо организованная сила.

Спартак со своим войском прошел с юга на север почти через всю Италию, рассчитывая преодолеть Альпы и выйти на свободные от власти Рима земли. Но на севере в его армии возникли разногласия, многие не захотели идти через Альпы, и Спартак был вынужден повернуть обратно и добраться до Сицилии. Однако Марк Красс,

---

¹ Есть версия, что фракийской была школа гладиаторов, к которой принадлежал Спартак, тогда как сам он, по мнению Плутарха, своей образованностью и уровнем культуры более был похож на грека. Если это так, то стоит вспомнить о Спарте и спартиатах, славившихся своим воинским духом. Быть может, сходство имен не случайно.

в будущем известный римский полководец, преградил ему дорогу. Среди восставших вновь начались споры и брожение, результатом чего в 71 г. до н.э. стало поражение восстания. Спартак пал в бою, а его армия была уничтожена. Если не останавливаться подробно на оценке восстания, которое было попыткой вырваться из состояния рабства в стране, где столь высоко ценилась свобода, то следует заметить, что, несмотря на впечатляющий героизм явно обреченных, значение восстания как такового по разным причинам часто преувеличивалось, особенно в отечественной историографии. Главным итогом внутривосточной борьбы, включая и восстание Спартака, явилось создание в Риме после смерти Суллы и неудачи восстания Спартака принципиально новой, хотя и в чем-то повторявшей времена Мария и Суллы, политической обстановки.

В стране окрепли и начали почти самостоятельно функционировать существовавшие не под властью центра и потому мало зависевшие от Рима две мощные военные группировки, находившиеся под командой Помпея и Красса. Каждая из них, как то уже начало становиться нормой, была предана не республике, а своему командующему. Оба полководца были весьма популярны, и оба в 70 г. до н.э. стали консулами. Пойдя на некоторое время на союз друг с другом, Помпей и Красс ликвидировали реформы Суллы, восстановили многие упраздненные им должности, подвергли чистке состав сената и судебных комиссий. Однако вполне ожидаемая напряженность в отношениях между консулами возникала и крепла, обретая характер естественного соперничества. Неизвестно, как сложились бы далее взаимоотношения между ними и их армиями, если бы не все тот же понтийский царь Митридат. За годы, прошедшие после поражения, которые сам Рим провел в нелегком урегулировании собственных сложных проблем, Митридат восстановил свои силы и вскоре в так называемой Второй войне (83–81 до н.э.) захватил часть бывших римских владений в Азии. На протяжении ряда лет римляне воевали на востоке с союзниками понтийского царя, пока в 73 г. до н.э. Митридат, вновь набрав силы и окрепнув, не решил начать с Римом Третью войну. В этой войне римские полководцы, среди которых особо выделился Помпей со своими легионами, разбили войска Митридата, который вскоре погиб.

Помпей заставил всех его союзников и ряд других государств, включая Иудейское царство с Иерусалимом, признать себя вассалами Рима. Вообще, в завоеванных им владениях Азии он вел себя

как всевластный хозяин, вводя одни правила и отменяя другие. За время отсутствия Помпея в Риме честолюбивый выходец из нобилей Каталина попытался было устроить заговор, с разоблачением которого выступил знаменитейший древнеримский оратор Цицерон. Каталина не добился избрания консулом, бежал и вскоре погиб в сражении с карательными войсками Рима. Вернувшийся как раз в это время Помпей потребовал от сената утверждения своих полномочий на востоке и земель для своих солдат. Раздраженный его поведением сенат отказал. Тогда Помпей, вновь сблизившись с Крассом, привлек на свою сторону Цезаря, который только что с победой возвратился из Испании и рассчитывал стать консулом.

Этот союз трех получил наименование первого триумvirата, а суть его была в том, чтобы ограничить власть сената, унизившего победоносного Помпея. Став в 59 г. до н.э. консулом, Цезарь настоял на том, чтобы ветераны Помпея получили земельные наделы, а его реформы в Азии были утверждены. Он также провел ряд других реформ в интересах поддерживавших его популяров. После завершения консульства Цезарь отправился в Галлию, где стал командовать двумя легионами и с их помощью довольно быстро и легко заставил повиноваться себе многочисленные, но раздробленные армии гельветов, свевов и секванов — основное население Южной Галлии. Позже Цезарь одолел войско бельгов и зарейнских германцев, т.е. племена Северной Галлии. В 55 г. до н.э., перейдя Рейн и совершив успешный поход в Британию, Цезарь ощущал себя хозяином всей Галлии. Попытки восстания против его власти были им подавлены. В итоге Рим благодаря галльской войне Цезаря приобрел значительную часть территории Средней и даже отчасти Северной Европы.

Успехи Цезаря заметно способствовали росту престижа триумвиров и в то же время внесли раздор в их среду. Цезаря стали побаиваться. Еще в 54 г. до н.э. во избежание раздоров триумвиры разделили между собой сферы влияния: Помпей получил свободу действий на западе, в Испании, Красс — на востоке, в Сирии и соседних землях, в частности в Парфии, тогда как Цезарь вскоре после раздела вынужден был вернуться в Галлию, где вновь вспыхнуло восстание против власти Рима. В 53 г. до н.э. Красс погиб в битве с парфянами при Каррах. Отсутствие Цезаря побудило Помпея предпринять ряд мер по сохранению своей власти и превращению ее в единоличную. Он, в частности, предложил сенату лишить Цезаря добытого с таким трудом наместничества в Галлии и, более того, запретить ему доби-

ваться должности консула до того, как он распустит свои легионы. Сенат в 49 г. до н.э. согласился принять такой закон и тем подписал себе едва ли не смертный приговор. Цезарь, узнав о такого рода действиях сената, был, естественно, в состоянии острой тревоги за свое будущее. Он явно не давал волю страстям и серьезно обдумывал сложившуюся ситуацию. Поколебавшись, принял важнейшее для судьбы Рима решение и перешел Рубикон¹.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. ПОМПЕЙ И ЦЕЗАРЬ

Бросок натренированных войск Цезаря на Рим был столь стремителен, что Помпей и все те, кто его поддерживал, едва успели бежать. С верными им легионами они отправились в Грецию, тогда как в распоряжении Цезаря после взятия Рима оказалась государственная казна. Не испытывая денежных трудностей, он повел свои войска в Испанию, где располагались семь легионов Помпея, которые быстро сдались. Вслед за тем Цезарь со своими легионами высадился в Греции, преследуя Помпея. Началась война за власть между двумя претендентами на должность нового диктатора. Надо отдать должное Помпею, который в Греции в трудных условиях отнюдь не сочувствовавшего ему населения восточных провинций Рима лихорадочно собирал располагавшиеся там римские легионы и строил флот. Все это требовало денег, причем немалых. Денег у Помпея практически не было. Он мог рассчитывать только на богатство восточных провинций Рима. Однако взять эти средства быстро и легко было делом затруднительным. Помпею приходилось вводить тяжелые налоги и совершать беззастенчивые поборы, что резко настроило против него местное население, особенно в Греции, которая оказалась полем боя.

Тем не менее Помпей справился со всеми этими сложностями и во главе хорошо вооруженной и снабженной армии дал отпор легионам Цезаря. Но в конечном счете полководческий гений Цезаря сыграл решающую роль, и Помпею с остатками разбитых противником войск пришлось бежать в Египет, где он рассчитывал на поддержку

---

¹ Это небольшая река, подойдя к которой Цезарь с его легионами остановился и, согласно преданию, подумал о том, следует ли ему, подобно Сулле, направиться походом на Рим. Приняв решение, он пересек эту речку. С тех пор выражение «перешел Рубикон» стало метафорическим синонимом слов «жребий брошен», «решение принято».

как местных правителей, так и римских легионов из провинции Африка. Все сложилось, однако, не так, как он мог ожидать. В Египте по решению местной власти Помпей был убит, а прибывший туда победителем Цезарь, очарованный красавицей Клеопатрой, провел с ней в ее царстве около девяти месяцев.

История политических интриг и любовной связи Цезаря с Клеопатрой хорошо известна и многократно описана в популярных изданиях, а также представлена в кинофильмах. Но существенно добавить, что упущенное Цезарем время работало против него. Прямым следствием задержки Цезаря в Египте было восстание шести африканских легионов, на помощь которых в свое время не без оснований рассчитывал Помпей. К африканским легионам примкнул со своими войсками сын Митридата Фарнак, вторгшийся в Малую Азию. Цезарь в Александрии в итоге оказался окруженным вражескими силами и был вынужден возобновить военные действия. К счастью для него, они завершились удачно. Восстание римских легионов в Африке, возглавленное сыновьями Помпея, было подавлено. Разгромлены были и войска Фарнака. Именно в связи с этой последней победой всемогущий Цезарь послал в римский сенат, где его власть всерьез никто уже не смел оспаривать, а функции его официального представителя выполнял Марк Антоний, кратчайший по форме и потому вошедший в историю отчет: «*Veni, vidi, vici*» (пришел, увидел, победил).

Поставив во главе восточных римских провинций, включая Африку, своих приверженцев и существенно снизив налоги с этих земель, которым в годы войны пришлось нелегко, Цезарь с триумфом въехал в Рим. Там в это время в очередной раз возникла напряженная обстановка, вызванная затруднениями со снабжением и ростом цен в годы войны, что больно ударило по римскому плебсу. Кроме того, возвратившись с победой, Цезарь по давно уже длившейся традиции был обязан вознаградить своих воинов. Это потребовало немалых средств, но новый диктатор не колебался ни минуты. Все деньги из римской и александрийской казны, а также конфискованные у Помпея средства и вся богатая военная добыча в Галлии, Испании, восточных провинциях пошли на удовлетворение запросов воинов и плебса. Свыше 100 тыс. воинов получили земельные участки, в том числе и в тех провинциях, где земли было много и где таким образом создавались поселения римлян. Казалось, успех очевиден.

Однако вскоре, после торжественно отпразднованных Цезарем в 46 г. до н.э. триумфов всех четырех его побед (в галльской войне, в Египте, в Малой Азии и Африке), начались новые сложности.

В 45 г. до н.э. против Цезаря восстали несколько испанских легионов распропагандированных сторонниками сыновей Помпея (Помпей, стоит напомнить, долго стоял в Испании и, видимо, оставил о себе хорошую память, тогда как Цезарь недавно в ней воевал с легионами Помпея). Победой над восставшими формально завершилась длившаяся около четырех лет гражданская война, а точнее, война Цезаря и Помпея за право на диктатуру. Именно после этой победы Цезарь стал диктатором. Время республики подошло к концу.

ОТ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ. ДИКТАТУРА ЦЕЗАРЯ

Несмотря на все сказанное, не следует полагать, что триумф и всеобщее признание власти Цезаря в Риме были уже в середине I в. до н.э. знаком скорой гибели республики. Агонизируя, она еще имела силы, которые и проявили себя в годы правления Цезаря, да и в некоторой степени после этого. Но все же стоит начать с того, как был воспринят Цезарь в Риме после его впечатляющих побед и щедрых раздач. Решением сената он в 45 г. до н.э. был наделен правами вечного диктатора, что само по себе никак не соответствовало нормам республики с ее явственно выраженной и вошедшей в многовековую практику системой выборов высших должностных лиц на строго ограниченный срок. Параллельно с диктаторскими полномочиями ему были присвоены пожизненные полномочия народного трибуна и цензора, который отвечает за комплектование состава сената. Кроме всего, Цезарь еще с 63 г. до н.э. имел должность великого понтифика, главы коллегии жрецов Рима. Обладал он и званием императора, но здесь уместно заметить, что это звание имело в республиканском Риме несколько иной смысл, нежели то было позже, в период империи. Оно присваивалось время от времени и другим выдающимся полководцам на определенный срок. Цезарь получил также в свое полное распоряжение власть над провинциями с должностью постоянного проконсула (наместниками в провинциях были именно проконсулы), а также право рекомендовать своих кандидатов на все выборные должности магистратов.

Этот более чем внушительный перечень убедительно показывает, сколь полной и неограниченной властью обладал Цезарь в Риме. К этому специалисты обычно добавляют его право иметь ряд важных внешних атрибутов власти, будь то плащ, лавровый венок, крес-

ло типа трона, особого типа сапоги и т.п. Не приходится и говорить о том, что единственный орган, реально имевший освященное вековой традицией право высшей власти, т.е. сенат, был реформирован Цезарем таким образом, что стал в значительно увеличенном его сторонниками составе едва ли не наиболее надежной опорой диктатора. Что касается народных собраний, то за них после щедрых раздач и ряда реформ в пользу популяров Цезарь мог быть спокоен. Справедливости ради важно оговориться, что поддержка народа была обусловлена отнюдь не только щедрыми раздачами и личным обаянием Цезаря как великолепного оратора (в этом смысле он уступал, пожалуй, лишь Цицерону) и талантливому во многих отношениях человека.

Сосредоточив в своих руках невиданный до того в Риме объем власти, Цезарь — и об этом очень важно напомнить — не стал кем-то вроде восточного деспота. Напротив, он по-прежнему и вполне искренне считал наивысшей ценностью Рима и всего населения империи свободу. Это и неудивительно. Он, как и в свое время Александр, был, как известно, воспитанником греческих мудрецов (образование он получил на острове Родос, бывшем в то время важным хранителем эллинских традиций) и поклонником демократических ценностей. Он считал своим едва ли не наивысшим долгом сильной рукой всевластного правителя обеспечить господство античных традиций полисной демократии в новых условиях требовавшего эффективной центральной власти государства. Сделать это было нелегко. И не все действия Цезаря были при этом адекватно восприняты политической элитой Рима, в том числе и некоторыми из сторонников диктатора, что вскоре и сыграло решающую роль в его трагическом конце. Но вернемся к рассказу о его деятельности.

Первые реформы Цезаря свелись к созданию послушного аппарата административной власти, для чего были использованы назначения его сторонников на ключевые позиции в этом аппарате, а также создание ряда новых влиятельных должностей (префекты, легаты, прокураторы), не нуждавшихся в формальном одобрении прежних органов власти. Цезарь усилил контроль за деятельностью наместников в провинциях, нередко посылая для этого в каждую из них своих уполномоченных. Он передал право сбора налога местным властям, что заметно улучшило финансовое положение в провинциях и снискало ему там общую признательность. Наконец, римское гражданство указами диктатора обрели жители многих городов

и провинций, прежде всего знакомых ему и уже в какой-то — видимо, немалой — степени заселенной его сторонниками-ветеранами Галлии и Испании. Все эти и многие последующие преобразования Цезаря ставили своей целью сгладить ту вопиющую разницу в статусе между гражданами Рима и населением завоеванных Римом владений, которая веками существовала до него. Это же проявлялось в стремлении ограничить пределы богатых состояний в самом Риме, в восстановлении разрушенных некогда римлянами городов в Греции (например, Коринфа), в стимулировании торговли.

Прибавим ко всему сказанному давно назревшую реформу в системе летосчисления. Введенный с 1 января 45 г. до н.э. так называемый — по его имени — юлианский календарь был значительным позитивным явлением для своего времени. Он просуществовал, заменив прежний лунный календарь, вплоть до Нового времени, когда в разных странах Европы и позже всего в России был заменен более точным и удобным григорианским. В принципе диктатура Цезаря явилась для уставшего от войн и междоусобиц Рима скорее благом, нежели злом. Не страдая манией величия и принимая все знаки уважения к нему как элемент должного почтения, признания заслуг, а также как проявление послушания по отношению к формально высшему лицу в государстве, Цезарь, как и много позже сыгравший аналогичную роль Наполеон, делал вполне откровенную и небезосновательную ставку на нечто вроде социополитического консенсуса. Он был очень популярен и не был жесток, скорее мог считаться милосердным правителем. Но, несмотря на это, а может быть, и вследствие этого сторонники республики не теряли надежды на возрождение прежних порядков.

Они были, как следует понимать, не столько против Цезаря, сколько энергично против самого принципа сосредоточения всей власти в одних руках. И им можно посочувствовать: сегодня во главе огромной державы стоит разумный и доброжелательный, умелый и делающий порой добрые дела правитель, в руках которого неограниченная власть, а что будет завтра? Что если после Цезаря аналогичную позицию займет человек совсем другого типа? Что тогда останется от всего того, чем так долго гордился Рим, что было завоевано в нелегкой борьбе на протяжении веков? Не станет ли свободный Рим обычной восточной деспотией персидского типа?

Трудно сказать, чем именно руководствовался каждый из тех, включая близких к Цезарю, людей, кто всерьез опасался самого

прецедента, т.е. ничем не ограниченной власти диктатора, и потому предпочитал республиканские нормы. Но таких людей было немало. Оппозиция Цезарю среди близкого его окружения возрастала. Сам диктатор с его не то чтобы мягким, но явно лишенным подозрительности характером, не склонным создавать атмосферу животного страха вокруг своей обоженной персоны, видимо, не придавал подобного рода настроениям большого значения. Едва ли он вообще не знал о них. Не мог не знать. Но не боялся. А зря. Его противники составили заговор, и Цезарь был убит заговорщиками прямо во время заседания в сенате в марте 44 г. до н.э. Вообще-то диктаторов не принято жалеть. Сочувствие им, если не считать их активных сторонников, встречается в истории редко. Но в случае с Цезарем, памятуя его удивленно-неожиданные всем известные последние слова «И ты, Брут!?!», как-то трудно остаться вовсе равнодушным. Возникает мысль, что Цезарь мог сделать еще немало полезного для Рима. И хотя республика как система организации власти для многих в любом случае заведомо предпочтительнее империи и тем более диктатуры, именно Цезарь, во всяком случае на мой взгляд, ничем не заслужил столь бесславного и страшного конца.

НАСЛЕДНИКИ ЦЕЗАРЯ

После смерти Цезаря в Риме, как того и следовало ожидать, развернулась ожесточенная борьба за власть. Сначала верх взяла оппозиция оптиматов, которую поддержал сенат. Ее представители быстро добились компромиссного решения: заговорщики были амнистированы, но все реформы и нововведения Цезаря сохранены. Несмотря на кажущийся успех сторонников республики, на деле от этого компромиссного решения они проиграли. Во-первых, потому, что фактически возглавил сенат консул Антоний, старый соратник Цезаря. Во-вторых, в стране оказалось очень большое количество сторонников убитого диктатора, которые развернули активную борьбу с его противниками. Рим снова, еще раз, раскололся надвое, причем между оппозиционными сторонами началась очередная гражданская война. Во главе партии республиканцев встали влиятельные лица — Цицерон, Брут, Кассий, но они не пользовались серьезной поддержкой облагодетельствованного Цезарем плебса и его получивших столь щедрое вознаграждение ветеранов.

Противостояли республиканцам консул Антоний, помощник Цезаря Лепид и усыновленный диктатором его внучатый племянник Октавиан (будущий Август).

Они создали в 43 г. до н.э. так называемый второй триумvirат, получивший от сената право управлять Римом пять лет, как было сказано, «для приведения государства в порядок» (впоследствии этот срок был продлен). И республиканцы, и триумvиры сумели собрать почти по два десятка легионов сторонников, но политическая сила была, тем не менее, очень не равной. С самого начала триумvиры имели огромное преимущество, реальную власть в Риме. С жестокостью, которая, по словам специалистов, намного превзошла действия времен диктатуры Суллы, триумvиры стали уничтожать своих противников. Не имея ни престижа, ни мягкосердечного характера своего столь великого предшественника, от чьего имени они выступали, триумvиры не только не делали ставки на сближение враждующих сторон, но, напротив, с потрясающей жестокостью составляли проскрипционные списки, в которые включались сотни сенаторов, многие тысячи всадников и огромное количество просто богатых людей, конфискованным имуществом которых можно было поживиться. В стране расцвела система доносов, и жертвой доносчиков пали многие ни в чем не повинные люди. Считается, что время правления триумvиров (44–30 гг. до н.э.) было одним из наиболее кровавых периодов в истории Рима.

Разгромив легионы своих противников в различных местах империи (одно из решающих сражений произошло в Македонии), триумvиры добились того, что вожди оптиматов были либо уничтожены, либо покончили с собой. Однако, одержав эту победу, они, как то нередко бывает, начали сводить счеты друг с другом. Сначала был отстранен от власти Лепид, который попытался было выступить против Октавиана. Затем Октавиан и Антоний стали выяснять отношения между собой. Марк Антоний, женившийся на Клеопатре, бежал в Александрию. Преследовавший их Октавиан вынудил обоих покончить счеты с жизнью и превратил захваченный им Египет не только в богатую провинцию, но и в житницу Рима. С этого момента, с 30 г. до н.э., война наконец прекратилась, а победителем в ней стал молодой Октавиан. Рим, окончательно перестав быть республикой, вступил в новый длительный этап своей истории. Но прежде чем говорить о нем, скажем несколько слов о трансформации Рима и культурном наследии республиканского времени.

ОТ РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА К РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Многие из тех, кто не является специалистом и вообще имеет не слишком много знаний о древней истории, привычно полагают, что термин «античность» без оговорок относится к истории как Греции, так и Рима. В некотором смысле это так и есть. Однако оговорки все же нужны. Дело в том, что, несмотря на явную преемственность и безусловное сходство в политической структуре и образе жизни, Эллада и Рим являют собой несколько отличные друг от друга социальные и тем более государственные образования. И если в начальный период своей истории Рим во многом был похож на греческий полис, то с течением времени, учитывая аналогичную эволюцию крупных полисов Греции, например Афин, Рим стал заметно отличаться неким существенным своеобразием. Во-первых, он перестал быть полисом, особенно после появления союзников-италиков, которые составили своеобразную и вначале неполноправную периферию Рима. Даже по сравнению с Афинскими морскими союзами это была уже несколько иная по типу и процессу эволюции конфедерация.

Афины время от времени теряли контроль за союзом, а его члены практически обретали полную самостоятельность, тогда как в Риме все шло обратным путем: союзники стремились влиться в Рим и, получив полные права гражданства, чего они в конечном счете и добились, начали считать себя неотъемлемой частью великого Рима. В результате этого Рим стал столицей крупной державы, имевшей потенции вести длительные, масштабные и в общем успешные войны с соседями, что и способствовало имперским амбициям этого города. Естественно, что в процессе завоеваний кроме колоний, с помощью которых Рим обычно осваивал завоеванные земли (так поступали до него греки, а еще раньше финикийцы), со временем рядом с сильно окрепшим и расширившим свои пределы Римом появились специально создававшиеся провинции как на западе, так и на востоке. Но если западные провинции Рима, включая Африку, создавались в основном на территориях, где не было веками укоренившейся цивилизации (Карфаген следует считать исключением), то на востоке было иначе.

Там Рим столкнулся с эллинистическими обществами, возникшими в результате завоеваний Александра на землях, где несколько тысяч лет уже существовали развитые очаги цивилизации. И хотя эллинизм был, о чем шла речь, принципиально новым явлением в истории

древневосточных обществ, по меньшей мере Ближнего Востока, нельзя не обратить внимания на то, что в рамках государств диадохов, которые возникли после смерти Александра, структура создававшихся там полисов была несколько изменена, а сами города и катэкии, став частями восточных монархий с их тенденцией к деспотической власти, обрели явственные признаки ориентализации. По меньшей мере частично они напоминали персидские сатрапии ахеменидского типа. Захват этих территорий Римом придал этим эллинистическим странам некоторые новые черты, свойственные поздней античности. В итоге на смену эллинизации Востока пришла его романизация. И при всем принципиальном сходстве античной структуры Рима со структурой греческих полисов нельзя забывать, что империя — принципиально новое социополитическое образование, нежели полисы либо даже союзы полисов Эллады. Одно оставалось неизменным: каждый римский гражданин, как в свое время любой мигрант из Греции и Македонии, не только имел право получить свою долю, но и мог реализовать это право в той либо иной римской провинции, особенно пройдя через армейскую службу, став ветераном.

Эта практика вроде бы напоминала то, что было во времена, когда македонцы и греки из малоземельных греческих полисов заселяли созданные заново города и катэкии эллинистического Востока. Но спустя ряд веков, на рубеже новой эры, в период формирования Римской империи, создававшаяся в новых поселениях структура уже сильно изменилась. Изменения, которые протекали в республиканском Риме на протяжении веков, вели прежде и более всего к тому, что менялась система администрации. И если эта система еще не превратилась в монархию типа восточных, то она сделала по меньшей мере шаг в этом направлении. Этот шаг был вызван к жизни объективными потребностями новой гигантской социоэтнополитической общности, выросшей на основе древнего римского полиса. Сама по себе империя как принципиально новое политическое образование не являлась деспотией восточного типа. В ней надолго сохранилось очень многое из того, что генетически восходило к структуре полиса и к важным институтам республики. Но необходимая в новых условиях централизация власти требовала укрепления ее на местах, включая и восточные провинции, которые были созданы на территории прежних эллинистических государств, где теперь представителями власти были бывшие римские магистраты высоких рангов.

Соответственно изменились и взаимоотношения в провинциях. Их население находилось в зависимости от римлян, включая всех чиновников и торговцев. И главной задачей для него стала борьба за гражданские права. Практически вся история античного мира прошла в такого рода борьбе. В Афинах демос боролся за свои права, добиваясь уравнивания своего статуса со статусом аристократов. В республиканском Риме плебс довольно быстро и успешно добился прав гражданства и даже важных мест в системе администрации. И хотя на смену старому плебсу пришел новый, состоявший из тех, кто не очень-то хотел работать на земельном участке, но, имея формально права гражданства, требовал от власти выдачи «хлеба и зрелищ», это не изменило ситуации. Все римляне — кто был уже гражданином — имели обычно пусть минимальный, но достаток. Иным было положение тех, кто не считался гражданином. Все те, кто мог на это рассчитывать, стремились стать гражданами Рима, и время от времени многие этого добивались. Кто вовсе не мог на это рассчитывать — местное туземное население провинций — чувствовали себя не вполне уютно, но все же оставались в ситуации, близкой к провинциальной хоре эллинизма. Они не слишком рассчитывали на не очень понятное им гражданство и в принципе спокойно продолжали существовать в мало менявшихся условиях.

А если обратить внимание на тех, кто, оставаясь или оказавшись на территории Рима, а не его отдаленных провинций, был при этом и не гражданином и не имевшим надежд стать им, да к тому же ощущал свое состояние изгоя, то наиболее печальной была, естественно, участь рабов. Рабы в античном мире не имели почти никаких прав. Правда, рабство как институт в Риме (как и в древней Греции) не было столь страшным и жестоким, как то порой может показаться привыкшему читать отечественные книги времен советской власти. Положение русских крепостных или американских негров в южных штатах было едва ли не тяжелее, ибо на непосильном и примитивном труде крепостных и плантационных негров действительно во многом держалось хозяйство России и Северной Америки в XVII–XIX вв. В Риме, во всяком случае во времена республики, было не так. И вообще, столь часто воспринимаемое как норма отношение к рабам как к вещи (*instrumentum vocale*) отнюдь не следует считать обычной нормой. Это своего рода крайность, как крайностью было, чаще уже в годы империи, то, что римские матроны, никогда не стесняясь своих рабов, пользовались их услугами в бане, где они, естественно,

не обременяли себя одеждой. Такое случалось и свидетельствовало о том, что раба в определенных обстоятельствах не считали не только мужчиной, но и вообще человеком. И все-таки наряду с этим было и совершенно иное отношение к рабам.

Не возвращаясь к тому, что их отпускали за выкуп (иногда и без выкупа), после чего они обретали статус либертинов, есть сведения, что умелых, способных и чем-то приятных своим хозяевам рабов учили. Иногда даже давали им очень неплохое образование (впрочем, среди рабов нередко встречались и образованные люди, особенно из числа пленных эллинов). Таких, в общем, неординарных образованных людей, вне зависимости от того, получили ли они вольную, нередко воспринимали как своего рода рабов-интеллектуалов. Соответственно относились к ним не столько как к рабам, сколько как к знающим и талантливым людям (здесь можно провести некую параллель с русскими крепостными актрисами, однако масштаб этого явления явно в пользу Рима).

Основой же производства и всего хозяйства, всей системы институтов общества и государства в Риме был, снова и снова повторим, мелкий производитель. Это тот самый гражданин или стремившийся стать гражданином римлянин, колонист, италик или осваивавший далекие от Рима земли ветеран, житель отдаленной провинции, кто хотел иметь не только свободу, но и земельный участок. Важно принять во внимание и то обстоятельство, что понятие «римлянин», а точнее, «гражданин Рима» имело явную тенденцию к трансформации. В конечном счете оно, как известно, распространилось на всех жителей Римской империи. Но на это ушло немало времени, свыше двух веков, после чего само представление о гражданстве стало несколько другим, даже в определенном отношении утратило свой смысл. А до того разница между гражданами и теми, кто не имел гражданства, сохранялась.

КУЛЬТУРА РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА

Что касается традиций римской культуры периода республики, то римляне, занятые прежде всего политическими и военными проблемами, не то чтобы уделяли много меньше внимания проблемам культуры, чем это делали греки, но, безусловно, добивались в этом направлении не столь великих результатов. Возможно, здесь сказалось то немаловажное обстоятельство, что занятые в войнах

и во внутренних распрях, боровшиеся за свои гражданские права и земли римляне в широком смысле этого слова, включая не только италиков, были гораздо более прагматичными, нежели греки. Они не испытывали большой нужды ни в прославлении своего далекого прошлого, ни в восхвалении своих великих богов, многие из которых, будучи заимствованы у греков, отчасти у персов (Митра), не пользовались слишком большой популярностью. Во всяком случае, не обрастали столь же красочной высокохудожественной мифологией либо впечатляющим героическим эпосом, которые были присущи эллинам. Хотя в честь некоторых из божеств Рима устраивались игры, а к играм римляне, как и греки, питали весьма немалое пристрастие. Вообще важно обратить внимание на то, что, несмотря на пристрастие к зрелищам, а быть может именно поэтому у много менее взыскательных в этом смысле римлян театр как зрелище наиболее высокого интеллектуального типа не пользовался столь же большой популярностью, что и у греков.

Мало того, со временем среди игр и развлечений наибольший интерес стали вызывать не театральные постановки, а более грубые и примитивные зрелища типа цирковых представлений, особенно варварских боев гладиаторов друг с другом или с хищниками. Конечно, у римлян были свои хорошие драматурги типа Плавта или Теренция, но собственных величайших трагедий, впечатляющих и потрясающих глубоким проникновением в жизнь, у них не было. Хотя зрелища любого типа пользовались большим успехом и всегда считались важным делом, а на их организацию власти отпускали немало средств, сами эти зрелища были, как правило, примитивны. Уровень качества, духовно-интеллектуального напряжения при знакомстве с тем, что демонстрировали цирки, включая представления в жанре сатирического миманса с их емкими репликами и остротами, или всегда переполненные жаждущими крови зрителями арены гладиаторских боев, не может идти в сравнение с тем, что было нормой для античной Греции. В поэзии картина примерно та же. Были, конечно, большие поэты, например Овидий, Гораций, Вергилий, но даже у самых знаменитых из них, включая Плавта или Катулла, едва ли не преобладали эпигонские сочинения из греческой жизни. То же относится и к римским трагикам.

Зато у трезвых и практичных римлян уже с ранних пор пользовались успехом экономические трактаты (Катона, Варрона). Распространение и популярность получали произведения политико-

публицистического плана, особенно Цицерона. О прозе Цезаря, в частности о его записках о галльской войне как о великолепном литературном произведении, уже мельком упоминалось.

Философия в республиканском Риме, если сравнивать ее с древнегреческой, тоже не привлекала большого внимания, хотя и была создана знаменитая философская поэма Лукреция Кара «О природе вещей». Многие римские философы охотно развивали учения своих греческих предшественников. Школы стоиков, пифагорейцев, эпикурейцев пользовались определенным успехом, но не более того. Зато в том, что касается системы частного права, приоритет римлян бесспорен. Если в эпоху составления своего первого свода законов (12 таблиц, V в. до н.э.) римляне, по преданию, чуть ли не послали комиссию в Грецию, дабы ознакомиться с тамошними правовыми нормами, то позже ситуация кардинально изменилась. Именно в Риме с его сложностью и запутанностью гражданско-правовых взаимоотношений, с усложнением социальной структуры и быстрыми темпами ее эволюции с каждым веком система общегражданских правовых норм разрабатывалась все глубже и основательнее.

Для норм римского права были характерны четкость формулировок и детальность в системе правоотношений между разными лицами и по поводу различных вещей или обязательств. Особое внимание уделялось проблеме частной собственности и защите ее от посягательств извне, процедуре судебных процессов, судебной защите различного рода контрактов, справедливому решению конфликтов. В итоге римское право уже в эпоху республики — а оно продолжало развиваться и совершенствоваться и в годы империи, и даже позже, в ранней Византии (кодекс Юстиниана), — оказалось самым четким и детально разработанным из всего того, что было создано человечеством. Более того, по многим параметрам частное римское право принципиально отличалось от традиционного восточного. И это вполне естественно для того античного гражданского общества, в котором власть была призвана обслуживать интересы прежде всего и главным образом не свои собственные, но именно выбиравшего ее общества.

Похоже на то, что развитое право, пристальное внимание к хорошо разработанному судебному процессу и политическая публицистика сыграли свою роль в том, что именно в Риме достигло необычайных высот ораторское искусство, это специфическое для античного мира занятие, подчас специальность. Конечно, ораторы были и в антич-

ной Греции, где судебные процессы нередко превращались в яркие зрелищные мероприятия. Хорошо известно имя Демосфена, использовавшего свой ораторский талант в политической публицистике в годы борьбы греков с отцом Александра Филиппом Македонским. Однако в Риме с его явственным культом практической пользы искусство блестящего оратора и к тому же умелого публициста ценилось особенно высоко. Именно оно, в частности, принесло столь высокую славу Цицерону, не только сделавшему благодаря своим речам против Каталины или Цезаря политическую карьеру, пусть плохо кончившуюся, но и ставшему чуть ли не на века образцом непревзойденного мастера искусной речи и хорошего стиля в публицистике. Вспомним А. С. Пушкина («Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал»). Конечно, приключенческий роман Апулея не чета скучной, с точки зрения подростка, публицистике Цицерона. Но само сопоставление впечатляет и немало говорит в пользу того же Цицерона, тексты которого в Европе всегда служили образцом для знакомства с классической латынью.

Спецификой Рима следует считать то огромное внимание, которое постоянно уделялось украшению и благоустройству городов, в первую очередь самого Рима, строительству очень больших и богатых частных домов, поныне вызывающих восхищение дорог и всей прочей столь важной для сколько-нибудь развитого рыночно-частнособственнического хозяйства инфраструктуры. Этому уделяли немало внимания и в античной Греции. Но здесь тоже довольно рельефно выступает некоторая и весьма существенная разница: в греческой культуре, включая городскую архитектуру и тем более скульптуру (существенно заметить мимоходом, что очень многие греческие скульптурные изображения были вывезены в Рим в качестве трофеев), преобладало стремление к достижению эстетических высот, в римской — к максимальному удовлетворению практических потребностей. Речь только об акцентах, ибо и в Риме уделяли внимание красоте — достаточно напомнить о величественном здании Колизея, которое сохранилось в не таком уж плохом виде до наших дней, да и в Греции немало заботились об удовлетворении практических, утилитарных, прежде всего очевидных хозяйственно-экономических нужд. Но акценты — великое дело. И не стоит их игнорировать.

Кроме роскошных зданий частного и общественного предназначения в Риме, точнее, не в самом Риме, а в живописных местах вне города, строились богатые имения. Они строились там, где у того либо

иного сенатора находились обширные земельные владения, и поражали своим богатством и обилием обслуги. Эти имения чем-то напоминают загородные дворцы русской аристократии XVIII–XIX вв. Но наряду с этим Рим не забывал и о бедных. Одной из особенностей великого города было появление и постепенное разрастание в нем прослойки люмпен-пролетариев, живших на подачки. Для них тоже строились многоэтажные трущобного типа дома, которых не было, да и не могло быть в античной Греции. Для Рима уже в эпоху республики были характерны также сельские хозяйства типа вилл с постройками различного назначения и использованием труда рабов. Виллы детально описаны в трудах Катона. Известно, что они чаще всего приносили приличный доход. В городе было труднее эффективно использовать труд раба, и потому там рабы, как правило, чаще могли рассчитывать на выкуп и превращение в либертинов. К слову, перед рабами в Риме не закрывались двери зрелищных предприятий, хотя городской плебс, имевший гражданские права, но по стандартам жизни практически не отличавшийся от рабов, демонстративно отделял себя от них.

И последнее, о чем важно не забывать, — это военное дело и военное искусство римлян. Разумеется, и греческая фаланга была в этом ряду не из последних. Но искусство боя, стратегические замыслы и тактические удачи, не говоря уже о самом принципе набора в армию в республиканском Риме дают много очков вперед грекам. Впрочем, это и неудивительно. Греческие войска были сравнительно малочисленны, чаще сражались с помощью флота. Последний период существования античной доэллинистической Греции был отмечен развитием наемничества, которого не избежали и римляне. Но римляне пошли дальше. Именно они нашли важный пункт, жестко и надежно организовавший и обеспечивавший популярностью их легионы. Этот пункт — обязательство выделения ветеранам не только части военной добычи, но и земельного участка. Греки не могли обеспечить этим своих наемников, а потому и преданность их наемников не шла ни в какое сравнение с верностью римских легионов своим военачальникам, что сыграло немаловажную роль в победах Рима.

Нельзя не напомнить о наградах. Высокая воинская доблесть, мужество и, как достойное вознаграждение того и другого, соответствующие почести, вершиной которых был официальный триумф, стоили немало. Торжественная обстановка, сопровождавшая столь величественный момент, когда победители через своего рода триум-

фальную арку торжественно въезжали в Рим и весь город им аплодировал, — это высшая и памятная награда наиболее заслуженным героям. В Греции тоже славили своих героев (достаточно напомнить о подвигах спартанцев во главе с царем Леонидом), равно как и победителей Олимпийских игр, но масштабы римских триумфов были несравнимы со скромным лавровым венком, хотя и римляне о венке не забывали...

Глава семнадцатая. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Но вернемся к проблемам формирования Римской империи. Октавиан, выйдя победителем в единоборстве с Марком Антонием и вернувшись в Рим, заново пересмотрел состав сената, включив в него своих сторонников и изгнав из него недругов, раздал народу щедрые подачки и отпраздновал несколько триумфов в честь своих побед. После этого он получил ожидаемые желанные привилегии и почести. Сенат и народ с восторгом приветствовали юного победителя, наделяя его одним за другим высшими полномочиями: консул, народный трибун, глава сената и в конечном счете император, т.е. верховный главнокомандующий. Октавиан принял имя Августа (Возвеличенный), которое вскоре стало восприниматься как высший титул. Будучи усыновленным преемником Цезаря, Август получил также официальное звание «*Divi filius*» (сын Божественного), а также — опять-таки вслед за Цезарем — был избран верховным понтификом. Кульминационным пунктом всей этой серии возвеличения нового правителя — принцепса, как стали его вкратце именовать, — было присвоение Августу титула *pater patrie* (отец отечества), что призвано было подчеркнуть его патерналистские функции по отношению ко всему народу.

Именно с периода правления Октавиана Августа Рим формально вступил в новое состояние, в состояние империи или, как предпочитали считать сами римляне, принципата. Это уточнение важно потому, что само понятие «империя» со временем стало восприниматься несколько иначе, чем то было во времена Римской империи. Дело в том, что сам облик ее, не говоря уже о наименовании, в современной лексике считается в гораздо большей степени эталонным, нежели хорошо известные истории восточные предшественники Рима, завершая империей Ахеменидов, не говоря уже о позднем Египте, Ассирии или Китае.

ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

Август с первых же шагов своего возвеличения проявил немалую политическую мудрость и даже дипломатический такт. Он не навязывал себя народу, но делал все так, что восторженный народ, с облегчением воспринявший явно завершившийся длительный процесс войн и неурядиц, сам предлагал ему все ожидавшиеся принцепсом почести. Более того, Август отнюдь не стремился злоупотреблять своими полномочиями. Напротив, он бережно сохранял вековые традиции, доверяя народному собранию принимать законы и ежегодно избирать магистратов, что оно без колебаний делало, причем не столько в соответствии с указаниями Божественного, сколько по чтимой в стране традиции. Август оставил за сенатом его традиционные права. Правда, полномочия сената были урезаны за счет того, что все провинции Рима были поделены на сенатские, где управлением ведали уполномоченные представители сената, и имперские, в которых уже заправляли делами назначенные Августом наместники. То же произошло и с казной, ибо наряду с казной как традиционным органом республиканских финансов, которым ведал сенат, появился новый — фиск, являвший собой императорский ее аналог, благодаря существованию которого принцепс содержал большую армию и делал щедрые раздачи. Показательно, что сенат имел право чеканить лишь медную монету, которая, правда, была едва ли не наиболее широко представлена в системе денежного обращения, тогда как имперский фиск чеканил более крупную серебряную и золотую монету.

Полномочия сената были частично урезаны и вследствие того, что Август создал при своей особе небольшую, но очень влиятельную коллегию, *consilium principis*, которая может рассматриваться в качестве неофициального совета министров, решавшего многие государственные проблемы. Вся многочисленная рать магистратов, избравшихся в Риме и в многочисленных муниципиях различными народными собраниями и утверждавшихся сенатом, целиком зависела теперь от воли принцепса. Еще более важным в системе новой имперской администрации было то, что наряду с выборными появилось довольно большое количество назначавшихся самим Августом чиновников, которые подчинялись лично ему или его уполномоченным. Уместно подчеркнуть, что должности чиновников могли получать и получали представители всех слоев римского общества,

включая вольноотпущенников и даже рабов. За многие годы своего правления Август сумел, таким образом, создать громоздкую, но достаточно стройную и гибкую систему принципиально нового по своему характеру административного аппарата.

Это не был аппарат, похожий на типичные структуры классических восточных государств. Еще менее сам Август был в общем-то похож на деспота восточного типа. Напротив, следуя политике Цезаря, он в системе созданной им администрации сознательно предоставил немало места республиканским органам власти и соответствующим традициям. Но и республиканские органы власти, и древние традиции все-таки во многом оставались лишь воспоминанием. Большое место принцепс уделил армии. Сам он в отличие от Цезаря не обладал качествами выдающегося полководца, да и совсем не стремился их продемонстрировать. Обеспечив, как это было принято, всех своих ветеранов землей (на полученных участках они и их дети освобождались от налогов) и денежными выплатами, Август приступил к созданию новой армии. Она была наемной, а наемники становились профессионалами, о чем лучше всего свидетельствует длительный срок службы (16–20, а то и 25 лет), и состояла из 25 общевоинских легионов и привилегированной преторианской гвардии из 9 когорт по 1000 воинов в каждой. При этом когорты гвардии были размещены в Риме, рядом с императором, и призваны были обеспечить личную безопасность Августа, неизблемость его власти. Все солдаты получали ежегодную плату: преторианцы — 750 денариев, воины в легионах — 225.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АВГУСТА

В социальной системе создававшегося им обновленного государства Август практически почти ничего не изменил. Он сохранил сословную структуру, установив имущественный ценз для сенаторов (их после первых реформ Августа в 29 г. до н.э. стало 600) в миллион сестерций, для всадников — 400 тыс. Сыновья сенаторов автоматически входили в сословие всадников, не более. Лишь после прохождения через выборные высшие магистратуры они могли претендовать на членство в сенате, допуск в который контролировал сам принцепс. Допуск в сословие всадников был неизмеримо более простым. В него могли войти торговцы, откупщики и вообще все, кто сумел разбогатеть. Всадники имели право занимать средние должности

в армии и на государственной службе, они часто заправляли в провинциальных и муниципальных органах власти. Иногда — на некоторых подведомственных самому принцепсу должностях — чиновники из числа всадников получали даже жалованье, хотя прежняя республиканская норма, сводившаяся к тому, что избранный магистрат работает, не получая жалованья, сохранялась.

Римский городской плебс, как и прежде, получал подачки и вполне мог удовлетворять свои скромные потребности. Каждый из примерно 200 тыс. их был занесен в списки и получал ежедневно паек из расчета около 1,5 кг зерна в сутки. Кроме того, по случаю праздников, а их в Риме было немало, раздавались и денежные выплаты, до 400 сестерций на человека. Во времена Августа был издан ряд суровых законов для рабов, преследовавших тех из них, кто посмел бы взбунтоваться или не проявлял должной преданности по отношению к своим хозяевам. К вольноотпущенникам, число которых стало ограничиваться, относились как к неполноправным. Им, в частности, не разрешалось вступать в армию — только во флот и в пожарно-полицейские части. При всем этом стоит еще раз подчеркнуть, что рабовладение в период империи не было основой существования общества. Рабы были чаще всего на положении слуг, иногда выступали в качестве арендаторов хозяйской земли. Они работали на виллах или в хозяйствах обычных мелких и средних землевладельцев, где трудились, как правило, наравне с самим хозяином и были фактически младшими членами его семьи.

Средние и мелкие землевладельцы по-прежнему были многочисленной основой сельскохозяйственного производства в империи. Теряя землю или оказываясь в положении малоземельных, многие из них, как то бывало и прежде, арендовали земельные участки у соседей, а то и нанимались работать в качестве сезонных батраков. Аренда была чаще всего не натуральной (за долю урожая), а денежной, причем рассчитанной по меньшей мере на пять лет, обычно с пролонгацией срока договора. В целом для страны, как то обычно бывает, шел процесс концентрации земель. Но в крупных земельных владениях богачей трудились все те же арендаторы и наемники из числа бедняков или рабы, количество которых если и увеличивалось, то во всяком случае не слишком быстрыми темпами.

О семье, семейных отношениях и нравственных нормах в брачно-семейных связях Август заботился подчеркнуто внимательно, вникая в интимные детали. Инициированное им законодательство одобряло

и даже предполагало поголовное вступление в брак. Не соблюдавшие этой нормы ограничивались в правах наследования и замещения многих должностей. В случае неверности жены или незаконной связи неженатой дочери виновные подлежали суровому наказанию. Разводы стали считаться нежелательными.

В отличие от Цезаря, щедро наделявшего население провинций правами римского гражданина, Август делал то же самое чрезвычайно скупой, иногда даже в порядке индивидуальной награды. Это заметно отличало в статусе жителей Рима и Италии от населения остальных провинций. В Италии, территория которой тем временем расширилась до пределов Альп за счет включенной в нее Цизальпинской Галлии, муниципии, в которых преобладали римские граждане, имели немалую автономию и самоуправление. Все эти муниципии были объединены в 11 областей, имели свои народные собрания, избранных магистратов. Иначе выглядели остальные провинции, которые управлялись соответственно наместниками принцепса или экс-магистратами, посылаемыми сенатом. Там тоже жили римские граждане, порой большими колониями, составленными в основном из владельцев участков, некогда дарованных ветеранам. Но вся система администрации была не столь близка к республиканско-римской, как в Италии. Это, в общем, достаточно легко объяснимо, по меньшей мере по отношению к восточным провинциям, где издревле существовали свои нормы жизни, которые наместники Рима обычно не меняли.

Что касается внешней политики Августа, то главным ее содержанием было дальнейшее расширение пределов империи. В районах Рейна и Дуная римляне теснили двигавшиеся туда германские племена, на Ближнем Востоке велись с переменным успехом войны с Парфией, приводившие подчас к выгодным для Рима мирным соглашениям. Продолжались столкновения с воинственными племенными образованиями в Испании. В результате этих войн создавались новые провинции (Паннония и Мезия в районе Дуная). Иногда римляне терпели сильные поражения: в 9 г. н.э. неудачливый полководец Вар с тремя легионами попал в ловушку. Все войско было уничтожено предводителем германцев Арминием, а Вар покончил самоубийством. Это поражение оказалось столь сильным потрясением для Августа, что он, согласно сохранившемуся преданию, бился головой о стену и восклицал: «Вар, Вар! Отдай мои легионы!» Однако в целом в районе Средней Европы римляне значительно укрепили

свои позиции, подчас создавая пограничные линии. В Северной Африке и некоторых районах Ближнего Востока при Августе была создана система зависимых от Рима царств, будь то Мавритания, Иудея или Армения. Статус этих царств мало чем отличался от статуса провинций, ибо там тоже были всемогущие римские наместники вроде известного Понтия Пилата (он, правда, находился в Иерусалиме уже при преемнике Августа Тиберии). Но эти царства все-таки обладали несколько большей самостоятельностью в своих внутренних делах.

ПРЕЕМНИКИ АВГУСТА

Принципа оформленной законом наследственной монархии в Риме не существовало, что достаточно заметно отличает эту империю от восточных. Поэтому Август, лишившись собственных сыновей и внуков (существует версия, что этому помогла его вторая жена Ливия), вынужден был усыновить своего пасынка Тиберия, сына Ливии, объявив его наследником своего имущества и заставив сенат последовательно дать ему ряд высших должностей, включая командование войском. Тиберий (годы правления 14–37), как и его внучатый племянник Калигула (37–41), внук Ливии Клавдий (41–54) и затем уже пасынок Клавдия Нерон (54–68) достаточно условно считаются первой династией императоров. Но, как то легко заметить, династийная преемственность как таковая здесь крайне слаба, чтобы не сказать, что не заметна вовсе. Суть ее в том, что из числа родственников либо усыновленных выбирался преемник. Выбирал либо сам правящий принцепс, либо кто-либо из его родни¹, а со временем нередко и иные римляне, прежде всего солдаты. Но этот выбор обязательно должен был быть утвержден сенатом, что сохранилось в Риме надолго и перешло по традиции к Византии. В этой норме ощущается влияние республиканско-демократической традиции, с которой страна не хотела расставаться.

Все четверо правителей после Августа были очень разными людьми. Тиберий активно способствовал укреплению власти центра. Он распустил народные собрания и присвоил сенату (оставив и за со-

---

¹ В случае с Нероном этот выбор был сделан женой императора, властной и честолюбивой Агриппиной, убившей мужа ради того, чтобы власть перешла в руки ее сына от первого брака (стоит напомнить, что позже Нерон убил и мать, и — сильным ударом в живот — свою беременную жену), на чем и завершилось правление первой династии.

бой) право выбирать магистратов и издавать законы. Законы Тиберия были жестокими, наказания суровыми, казни чуть ли не ежедневными. Умелая финансовая политика принцепса вела к накоплению в его казне больших сумм денег, что усиливало его положение и укрепляло статус императора. Тиберий умер, просто не успев назначить своего наследника. Сенат услужливо провозгласил принцепсом внучатого племянника Тиберия Калигулу, сделав, как вскоре выяснилось, крайне неудачный выбор. Если Тиберий пришел к власти в солидном 55-летнем возрасте, то Калигуле было всего 25. Юный повелитель проявил себя сластолюбивым и развратным властителем, пытавшимся править в манере восточных деспотов, включая целование ног и пышные церемонии. И хотя предание о том, что он будто бы приказал сделать своего коня сенатором, следует считать лишь полусутопливым намерением, если вообще не анекдотом, поведение принцепса, заставлявшего сенаторов чуть ли не бежать за своей каретой, очень раздражало римлян, привыкших уважать себя. Калигула, как и его жесткий предшественник, поощрял доносы, строго преследовал непокорных и резко увеличил подарки преторианцам. Но, не стерпев злоупотреблений, сами же преторианцы и убили его.

После убийства Калигулы перед сенатом встал довольно закономерный вопрос, не стоит ли вернуться к республике. Но преторианцы, чьи позиции очень укрепились при правлении принцепсов, решили не рисковать и предложили империю Клавдию, дяде Калигулы. Клавдий не был готов к этому. Увлекаясь книгами, он не стремился к власти. Однако, не вполне добровольно став императором, он вел себя достойно. При нем был принят закон о введении в сенат представителей населения провинций, которые стали поддерживать власть центра. Он щедро давал римское гражданство провинциалам, восстановил значимость совета принцепса, включив в него, как то было при Августе, людей различного происхождения, в том числе вольноотпущенников, создал в дополнение к этому ряд ведомств типа министерств, обеспечил себе поддержку муниципиев. Клавдий заботился о Риме и римлянах, число которых достигло уже миллиона. В годы его правления в состав римских провинций вошли завоеванные римлянами Британия, Фракия и Мавритания.

В семейной жизни Клавдию не везло. Сначала его женой была развратная Мессалина, затем ее сменила властная и распутная его племянница Агриппина, добившаяся усыновления Клавдием, имевшим собственного сына, ее сына Нерона, который и был сразу же провоз-

глашен наследником. После этого Клавдий умер, причем, как полагают, ему помогла в этом его жена. Нерон, попавший на трон после убийства Клавдия, хорошо известен своим самоуправством и распутством, манией величия и легендой о пожаре Рима, а также преследованиями и массовыми казнями недовольных и претензиями на то, что он великий актер. На первых порах он не вмешивался в политическую жизнь страны, предоставив это своему воспитателю, известному римскому философу Сенеке, и командующему преторианцами, которые наладили контакт с сенатом, вернув ему многие функции высшего органа власти. Однако в последний период правления Нерон, на глазах у всех убивший мать и жену, пришел к выводу, что он может делать все что пожелает. И, будучи человеком недостойных страстей, которые он не умел и не хотел контролировать, император прибегнул к массовым ссылкам и казням всех, в ком он мог почему-либо усомниться. В своих политических решениях Нерон проявил полную несостоятельность. Армия и преторианцы все больше были недовольны им. Дело кончилось тем, что испанские легионы провозгласили императором своего командующего Гальбу, а сенат объявил Нерона врагом отечества. Нерон бежал и покончил с собой.

Несмотря на то что преемниками Августа были столь разные по характеру и результатам деятельности люди, империя в целом успешно набирала опыт и вырабатывала те структурные основы, которые позже стали каркасом всего ее здания. Правда, на это ушло много времени. Около 100 лет заняло правление Августа и его преемников, среди которых, несмотря на жесткость нрава и массовые казни, стоило бы выделить разве что Тиберия, который по крайней мере заботился о том, чтобы империя процветала. Но конец первой династии был губительным для страны, которая оказалась вовлеченной в новую гражданскую войну. И дело не только в том, что сначала беспутный Калигула, а затем малопригодный для трона Клавдий и более всего обуянный бесчеловечными страстями Нерон развалили всю с таким тщанием и заботой было установленную Цезарем и Августом систему власти и управления. Хуже всего то, что после серии неудачных правителей реальная власть в империи все прочнее стала концентрироваться в руках тех, кто был во главе легионов. Они начали вести жестокую междоусобную борьбу, в ходе которой сначала погиб первый из претендентов на трон Гальба, а затем потерпели поражение и некоторые другие кандидаты в принцепсы, выдвигавшиеся легионами и преторианцами.

Победа в борьбе за власть досталась в конечном счете Веспасиану Флавию, который командовал римскими легионами в далекой Палестине, где шло подавление восстания иудеев (Иудейская война, 66–73). Веспасиан (69–79) и его сыновья Тит (79–81) и Домициан (81–96), пришедшие к власти из незнатного сословия римских крестьян (Веспасиан последовательно избирался и назначался на различные, со временем все более высокие должности), возобновили политику укрепления административных основ империи. Веспасиан преобразовал преторианскую гвардию, новый состав которой состоял из его сторонников, передислоцировал легионы, лишив командования ими своих противников, в очередной раз пересмотрел состав сената, обеспечив преобладание в нем своих сторонников, в первую очередь из рядов италийских муниципиев и провинций. Он многим даровал римское гражданство, раздал ветеранам земельные участки. Все эти меры укрепили его власть. Большое внимание новый император уделил проблеме земельных отношений и финансов.

Поскольку огромному числу ветеранов армии земельных участков не хватало, Веспасиан провел тщательный общеимперский земельный кадастр, вынудил многих латифундистов продать ему часть своих земель и отдал эти земли солдатам, создав себе еще одну надежную социальную опору. Он упорядочил систему налогов и, в частности, ввел знаменитую подать на отхожие места. Предание гласит, что когда его сын Тит был смущен этим, император сразу же протянул ему монету и спросил, пахнет ли она. Отсюда и пошло знаменитое изречение «деньги не пахнут». Успехи Веспасиана в упорядочении финансов во многом способствовали тому, что вновь был богато отстроен Рим, разрушенный во время только что прошедшей гражданской войны. Достигнутые Веспасианом успехи сыграли свою роль в том, что сенат без особых проблем после его смерти вручил бразды правления империи его старшему сыну Титу, а после болезни и неожиданно скоропостижной смерти нового императора — другому сыну, Домициану.

Тит и Домициан продолжали, насколько могли, политику отца в деле упорядочения управления империей и, в частности, аграрных отношений. Но с сенатом у Домициана, правившего жестко и нередко прибегавшего к преследованиям и казням некоторых высокопоставленных лиц, особенно богатых сенаторов (с деньгами у императора стало плохо после того, как он заметно повысил жалованье войскам), возникли немалые сложности. Император поощрял доносчиков, да-

вавших ему повод расправиться с недовольными. К внутренним противоречиям прибавились неудачи во внешней политике, в частности в Дакии, а также все более заметные диктаторские замашки принцепса. Дело кончилось тем, что император был убит в результате заговора, а сенат объявил его врагом отечества. В итоге вторая династия в целом хотя кое-что и прибавила к укреплению власти центра, ей, как и предшествовавшей, не везло на сильных и умных властителей. Трагическая гибель Домициана может считаться подтверждением этой точки зрения. Считается, что золотой век империи начался лишь после ее падения.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ИМПЕРИИ. АНТОНИНЫ

Усилиями Флавиев империя восстановила систему администрации настолько, что в борьбе за власть после падения этой династии военные уже не играли ведущей роли. Их время было еще впереди. После же гибели последнего из Флавиев принцепсом был избран престарелый сенатор Нерва, который был консулом при Веспасиане и Домициане. Новый император заботился о римском плебсе, продолжал политику выкупа части крупных землевладений для распределения участков среди малоземельных и обедневших. Нерва правил недолго, а его преемником стал усыновленный им в 97 г. другой молодой уже сенатор, Траян, который к тому же вовсе не был его родственником. Именно с этого момента в империи — так продолжалось позже и в Византии — нормой стало усыновление чужого избранного правителем деятеля, который нередко, как то было и с Траяном, становился соправителем своего усыновителя, принимая его фамилию. Возникали династии, которые не имели ничего общего даже с теми карикатурными «династиями», которые существовали до них (кроме Флавиев). Это была просто условная и произвольная передача власти, инициированная принципом и поддержанная сенатом, хотя, разумеется, при этом нередко в качестве избранных выступали родственники правителя.

С правления Траяна (98–117) в империи стали меняться некоторые привычные и вроде бы уже устоявшиеся нормы. Прежде всего, новый император был провинциалом и воином. Это сказалось на его политике. В отличие от Домициана он ненавидел столичных доносчиков и жестоко расправлялся с ними. При нем, как отмечают специалисты, уменьшилась до того весьма высокая роль римского плеб-

са, постоянно задабривавшегося подачками, а также преторианской гвардии, на которую прежде всего стремились опереться принцепсы. Зато важная роль легионов, комплектовавшихся теперь уже в основном из провинциалов, резко возросла. Рим на глазах переставал быть тем не очень большим, но великим городом, которым он оставался на протяжении веков. Он становился империей, границы которой простирались далеко за пределы не только города, но и всей Италии. И это находило свое проявление буквально на каждом шагу.

В сенате при Траяне резко возросло число представителей провинций. Но при этом, учитывая обеднение сельских хозяйств в Италии за счет увеличения количества крупных владений, латифундий, где земли нередко пустовали и отдавались под выпас скота, тот же Траян требовал от богатых сенаторов из числа провинциалов активизировать не менее трети своего состояния в Италии. Стремясь не допустить обеднения Италии и Рима, Траян также создал специальный фонд, из средств которого ссужали обедневшим земледельцам необходимые суммы под крайне низкие проценты (5% годовых). Эта система, дополненная раздачей денежных пособий обедневшим земледельческим семьям, помогла улучшить положение дел в Италии, что, в свою очередь, обеспечило возможность проведения активной внешней политики.

Римские войска успешно воевали с Дакией, с которой не мог в свое время справиться Домициан и которая теперь стала очередной провинцией Рима, а также с Парфией, где после выигранных сражений были созданы новые провинции: Армения, Ассирия и Месопотамия (последнюю из-за сопротивления парфян Траяну не удалось удержать). Победоносные войны позволили Риму обогатиться за счет поверженного противника. Эти средства пошли на строительство нового городского водопровода и грандиозного форума Траяна с 40-метровой колонной, богато украшенной барельефной росписью. В целом годы правления Траяна, как и многие успешные его завоевания, считаются одними из лучших, способствовавших процветанию Рима, так что добрым пожеланием для всех последующих императоров было: «Быть счастливее Августа и лучше Траяна»

Преемником Траяна стал его двоюродный племянник Адриан (117–138), усыновленный Траяном уже на исходе лет и взявший в свои руки власть в достаточно почтенном 43-летнем возрасте. Он вынужден был отказаться от приобретений Траяна в Парфии, вернуть утраченную государственность Армении и отказаться от пре-

тензий на Месопотамию. Из всех недавних приобретений за Римом осталась разве что пустынная Аравия, а граница владений Рима прошла в основном по Евфрату. Войны с Парфией надолго прекратились. Центром внимания нового принцепса стало налаживание хорошо укрепленной пограничной линии вокруг всех тех земель, которые Рим когда-либо приобрел. Это было, стоит заметить, началом принципиально нового этапа во внешней политике империи. Адриан как бы утвердил своей политикой желание остановить вечную борьбу империи за чужие земли и обратить более пристальное внимание на налаживание нормальной жизни внутри уже приобретенных территорий. Адриан изменил принцип комплектации армии, в которую включались теперь не одни добровольцы из числа имеющих римское или латинское гражданство. Теперь все желающие из разных провинций, в том числе и не владеющие латинским языком, могли становиться профессионалами войны. Эта реформа положила начало варваризации римской армии, что сыграло впоследствии немаловажную роль в упадке и гибели Рима.

При Адриане была модифицирована судебная система империи. По нормам изданного в годы его правления «Вечного эдикта» (это была одна из форм кодификации права) право внесения новшеств в устоявшийся процесс судопроизводства отныне принадлежало только императору и публиковалось от его имени. Одним из важных новшеств, введенных Адрианом в судебную систему империи, был запрет на безнаказанное убийство рабов, что подчас случалось в империи. И вообще, с периода его правления отношение к рабам в Риме изменилось к лучшему. Они получили право жениться, иметь семью. Массовый характер обрела широко заявившая о себе с самого начала империи практика отпуска рабов на свободу, особенно в зрелом возрасте, после 10–15 лет использования их труда. Вольноотпущенники начали играть немалую роль в жизни страны, а некоторые из них в отдельные периоды входили даже в совет принцепса в качестве полноправных его членов. Адриан уделил большое внимание городскому строительству. Многие поселки при нем обрели статус города с соответствующими институтами. При этом был установлен достаточно строгий административный контроль за деятельностью муниципий. В системе аграрных отношений Адриан, следуя политике Траяна, выступал покровителем бедных арендаторов и не содействовал образованию крупных земельных владений, часть территорий которых бесплодно пустовала.

Своим преемником бездетный Адриан избрал сенатора из Галлии. Этот сенатор, Антонин Пий (136–161) восстановил многие утраченные прежде функции сената, в частности его право управлять Италией. Он вслед за Адрианом продолжал строить на границах империи оборонительные валы и к тому же принял некоторые меры для стабилизации системы наследования. Это может показаться парадоксом, но в основу его системы легла давно уже устоявшаяся практика полуназначения-полуизбрания достойного. Антонин имел сыновей, но это не помешало ему усыновить зятя и именно его под именем Марка Аврелия Антонина сделать своим преемником. Марк Аврелий (161–180) был человеком ученым, более того, философом известной и популярной в Риме школы стоиков. Философ на троне — явление не столь уж частое в мировой практике. Впрочем, это не слишком помогло в управлении империей. Марк Аврелий не был образцовым политиком и просто старался поддержать те начинания в области внутренней стабилизации и стремление к консенсусу, которые отличали его предшественников. Он был щедр на раздачу римскому плебсу, благосклонно относился к сенату, вел необходимые войны на востоке, в основном с Парфией, откуда в Рим пришла страшная чума, и на Дунае, в Паннонии.

При этом стоит заметить, что успехов в этих войнах Марк Аврелий не добился и, как полагают некоторые исследователи, именно с его царствования Рим уже почти окончательно перешел от наступательных войн к оборонительным. Как и Антонин Пий, он заранее позаботился о наследнике, для чего, однако, как бы пренебрегши начинанием предшественника, вернулся к более привычной норме и сделал своего сына Коммода в пятилетнем возрасте цезарем, а позже и соправителем с титулом августа. В юном возрасте с типичными для молодых выдвиженцев в императоры Рима развратными и даже садистскими наклонностями Коммод (180–192) стал последним представителем династии Антонинов. При нем занесенная от парфян чума ушла в прошлое, но империя оказалась в очень расстроенном состоянии. Необходимы были меры по ее стабилизации и укреплению. В недолгие годы его правления стал получать развитие постепенно распространявшийся едва ли не с начала империи институт колоната, т.е. зависимости мелких и слабых землевладельцев, тем более арендаторов, от их более сильных и богатых соседей или арендодателей, имеющих возможность при случае оказать им покровительство. На первых порах зависимость колонов от их покровителей была едва

заметной. Но с течением времени она росла и находила свое проявление во все более существенных выплатах. Коммод содействовал этому процессу, стремясь в то же время защитить колонов от чрезмерных поборов. При нем, как и при его отце, все большее количество пленных не становились рабами, но расселялись на пустующих землях, обретая практически все тот же статус колонов, плативших государству положенные налоги.

Эта практика, начало которой было положено еще при Веспасиане, способствовала некоторому возрождению приходившего в империи в упадок сельского хозяйства. Развивалась земельная аренда. Переход к ней убедительно показал, что использование арендаторов и система колоната выгоднее, чем применение непроизводительного рабского труда. Немало землевладельцев в годы империи предпочитали давать своим рабам свободу и пекулий (участок земли, скот, хижину), превращая их в арендаторов типа все тех же колонов. Адриан способствовал расширению масштаба такого рода перемен. Естественно, что этот процесс вел к постепенному изменению всей структуры не только сельского хозяйства, но и общества в целом. Место самостоятельных мелких и средних частных собственников и встречавшихся в их хозяйствах рабов постепенно занимали зависимые арендаторы, часто превращавшиеся в колонов. Последние годы правления Коммода отмечены нерациональными тратами императора на празднества и раздачи и его резко усилившейся склонностью к праздной и беззаботной жизни, что неизбежно сопровождалось жестокостями, финансовыми проблемами и конфликтами с сенатом. Вскоре он был убит в результате заговора.

УПАДОК ИМПЕРИИ

Династия Северов, сменившая Антонинов, пришла к власти после гражданской войны и соперничества нескольких кандидатов в императоры, выдвинутых войсками. Это было не столько нечто новое, сколько еще одно свидетельство надвигающегося упадка власти принципсов и особенно сената, который прежде, как правило (бывали и исключения), решал вопрос о власти мирным путем. Септимий Север, одержавший верх над соперниками, правил довольно долго (193–211), вел успешную войну с Парфией и стремился к укреплению своей власти. Он заботился о процветании Рима, реформировал административный аппарат, уменьшив роль выборных магистратов

и увеличив значение центральной и провинциальной бюрократии, ограничил роль сената. Стремясь обеспечить преданность армии, начавшей играть столь значительную роль в жизни империи, он повысил жалованье солдатам, немалая часть которых теперь набиралась из провинций, разрешил им приобретать землю и вступать в брак до окончания срока службы, а также обеспечил их продвижение по службе. Эти реформы вели к некоторой потере мобильности легионов, прираставших к местам, где солдаты обзаводились землей и вели хозяйство. Император заботился также о провинциях.

Преемником Септимия стал его сын Каракалла (211–217), который продолжал политику отца. Едва ли не **главным политическим актом было предоставление в 212 г. римского гражданства всему свободному населению империи.** Этот эдикт сыграл важную роль в политическом уравнивании граждан, чье гражданство при этом несколько теряло свою прежнюю значимость. Армия, затраты на содержание которой серьезно возросли за счет повышения жалованья воинам и увеличения ее численности (до полумиллиона), получила новый стимул для повышения своей роли в стране. В целом политика жестокого и развратного Каракаллы вела как к романизации всей обширной империи, так и к унификации ее административной системы, что в принципе было вполне разумным шагом, хотя и не привело к тем последствиям, на которые император, видимо, рассчитывал. Как и отец, он заботился о процветании столицы, где были, в частности, построены знаменитые термы Каракаллы.

После вполне закономерной гибели Каракаллы в результате очередного заговора в империи вновь последовала политическая чехарда, спровоцированная армейскими легионами, выдвигавшими то одного, то другого кандидата в императоры. То это был вольноотпущенник (первый и весьма заметный в своем роде прецедент), который сумел удержаться у власти всего год, то малолетний родственник Каракаллы, убитый через несколько лет ввиду полной его неспособности и тоже чудовищной распущенности. На смену им пришел кузен последнего из правителей, юный Александр Север (222–235), за которого фактически управляла империей его мать, двоюродная сестра Каракаллы.

Она, в частности, восстановила роль сената. Но ее попытки урезать жалованье армии вызвали резкое недовольство солдат и не привели к желаемому результату. Тем временем новый правитель иранской империи Сасанидов выступил против Рима. Война с ним потребо-

вала немалых усилий и, хотя она завершилась победой, вслед за ней обострилось положение на рейнской и дунайской границах. Попытка урегулировать конфликт окончилась очередным недовольством в армии и убийством императора.

Собственно, с этого времени уже привыкшая активно вмешиваться в политику армия начала диктовать империи свои условия и выдвигать своих кандидатов в императоры. За полвека, с 235 по 284 г., на римском троне один за другим побывали 29 таких правителей, что недвусмысленно свидетельствует не только об упадке, но и о серьезном политическом кризисе империи. Этот кризис проявлялся в произвольных решениях солдатских императоров, в бездумных репрессиях против недовольных, в междоусобных схватках претендентов на власть, в попытках провинций поднять восстание и отделиться от Рима, а также в разорении многих земледельцев.

В эти годы еще более решительно заявил о себе как о серьезном социально-экономическом явлении институт колоната. Колонами становились те из бедняков, вольноотпущенников, а то и рабов, которые в условиях окружавшего их произвола и беззакония добровольно отдавали себя под покровительство какого-либо сильного латифундиста и становились его арендаторами и клиентами. Расцвет колоната был естественным ответом населения, страдающего в условиях упадка сельского и городского хозяйства и ослабления всей административной и, в частности, муниципальной структуры империи.

ДОМИНАТ

Казалось, империи пришел конец. Однако судьба была еще милостива к Риму. Когда к власти пришел очередной солдатский император Диоклетиан (284–305), иллириец по происхождению и вольноотпущенник по социальному статусу, он начал с того, что создал новую форму империи, доминат (*dominus* — господин), упорядочил сильно расстроенную солдатскими императорами налоговую и финансовую систему. Была проведена также серьезная административная реформа. Диоклетиан разделил империю на две части: западную и восточную, отдав западную под власть своего соправителя Максимиана. Оба правителя получили титул августа, а их помощники, каждый из которых должен был управлять частью восточной или западной половины империи, — титул цезаря. Вся империя была разделена

на 12 диоцезов и 100 провинций, причем во всех этих новых административных образованиях военную власть отделили от гражданской. Разделение страны на две части было призвано упорядочить власть на местах и укрепить, упорядочить управление империей.

Военная реформа Диоклетиана свелась к тому, что армия перешла, по меньшей мере частично, на систему рекрутов: крупные землевладельцы обязаны были поставлять солдат из числа своих колонов. Теперь римские легионы состояли не только из свободных граждан, но также из зависимых колонов, а частично и из пленных варваров. Армия делилась на две части: пограничные легионы были стабильными и находились на определенных участках границы империи на правах своего рода военных поселений. Остальные легионы — мобильные — располагались во внутренних частях империи. Реформа в целом оказалась удачной. Она позволила Диоклетиану одержать ряд важных побед над внешним противником, в частности над Сасанидами.

Одна из важнейших проблем империи — нехватка денег давно уже ощущалась и вела к официальной порче (уменьшению содержания драгоценных металлов) монет. При Диоклетиане значительная часть налогов собиралась в натуральной форме. Существовало теперь два основных вида налогов: поземельно-подушный — с сельского населения и подушный — с горожан. За исправное поступление налогов отвечали местные органы власти, курии. Стремясь пресечь спекуляцию и ростовщичество, Диоклетиан ввел закон о максимальных ценах на основные виды продуктов и ремесленных изделий, а также за перевозки. Была ограничена и заработная плата. После той чехарды, которая существовала вокруг римского трона до него, Диоклетиан всерьез задумался о принципе преемственности власти в империи. Он выдвинул идею, согласно которой августам должны наследовать цезари, которые, став августами, в свою очередь должны были выбрать себе помощников-цезарей.

В соответствии с этой идеей в 306 г. Диоклетиан и Максимиан ушли в отставку, цезари Галерий (на востоке) и Констанций Хлор стали августами и избрали своих новых цезарей. Однако сразу же после этого между новыми правителями началась борьба за власть, которая завершилась тем, что сын Констанция Хлора Константин сумел одолеть всех остальных. Добившись уничтожения последнего из появившихся было в ходе междоусобной борьбы претендентов на трон (это было только в 324 г.), он стал единственным правителем

Рима, хотя годы его правления обычно считаются с момента смерти его отца (306–337). Как бы то ни было, но Константин продолжал политику Диоклетиана, упрочивая позиции созданной им структуры домината. Он сохранил деление империи на четыре части, но управлять стали не цезари и августы, а подчиненные императору префекты, считавшиеся гражданскими администраторами. В 332 г. Константин позаботился о том, чтобы колонны не покидали свои земли, и велел возвращать их насильно. Многие рабы превращались в колонов.

Все это резко усилило всегда существовавший в Риме институт патронажно-клиентных связей. Как и Диоклетиан, Константин заботился об укреплении финансовой системы, упорядочении налогов, а также об армии, которая превращалась в наследственное занятие провинциалов, что вело к ее ускоренной варваризации.

Система домината в некоторой степени способствовала преодолению кризиса. Свою роль в этом процессе сыграло, видимо, и перенесение столицы империи на восток, в древнегреческий Византий, переименованный в Константинополь. Причин для переноса столицы было несколько. Прежде всего, восточная часть империи была более развитой в культурном и экономическом плане. Но главное в том, что она меньше страдала от набегов усилившихся вокруг Рима варварских племен. И наконец, свою роль, видимо, сыграло то, что именно здесь, на востоке, оказалось более подходящим изменить религиозную политику Рима и принять христианство как официальную государственную религию.

ХРИСТИАНСТВО И РИМ

Секта ессеев, ожидавшая прихода Мессии, о чем шла речь в главе об эллинизме, когда говорилось о делах в Палестине на рубеже нашей эры, была, видимо, первоначальным истоком идей, впоследствии обретших форму развитой религии. История свидетельствует, что в аналогичных ситуациях спрос рождает предложение. Так было в конце VI в. в Аравии, когда при аналогичном критическом повороте событий многие ожидали своего Мессию, Махди. В результате один за другим появлялись так называемые ханифы, которые претендовали на то, что именно они и есть Махди. Последним и единственным признанным среди этих ханифов оказался ставший исламским пророком Мухаммед. В Иерусалиме, где иудейская вера на рубеже нашей эры находилась в состоянии кризиса, а ревнители

ее ожесточенно спорили друг с другом, ища истину и ожидая Мессию, было нечто похожее. Как считалось многими, один лишь Мессия в состоянии распутать клубок казавшихся им неразрешимыми противоречий между различными сектами.

Естественно, что в столь напряженной ситуации не могли не появляться претенденты на роль Мессии. Достаточно напомнить о так называемом «учителе справедливости» у ессеев, о котором с благоговением сказано в кумранских рукописях. Нет прямых оснований считать, что этот учитель, возможно, глава или даже основатель секты ессеев, был прообразом Иисуса. Но в любом случае само существование его свидетельствует о том, что страстное ожидание иудеями божественного посланца должно было завершиться его появлением и признанием.

Не исключено, что Иисус, чья биография столь подробно впоследствии была описана в евангелиях, щедро упоминаящих о чудесах, которые позволили окружающим его поверить в то, что именно он и есть Мессия, был, как и исламский Мухаммед, реальным историческим лицом. Вполне возможно, что его прототип проповедовал свои не вполне обычные для иудеев идеи и организовал собственную небольшую общину последователей, быть может, как-то связанную с ессеями. Не исключено, что он был казнен по требованию жрецов Иерусалимского храма, твердо выступавших против признания такого рода мессий и пренебрегших даже просьбой всемогущего римского прокуратора Понтия Пилата оставить Иисуса в живых. И хотя самым загадочным элементом всей евангельской новозаветной традиции является чудесное воскресение после казни, что и служит основным доказательством не столько реального существования Иисуса, сколько его божественной миссии, о чудесах спорить нет смысла. Это в конечном счете вопрос веры, а не разума и любых основанных на нем доказательств. Как бы то ни было, но Иисус был признан **Мессией** (Христом), а его ближайшие ученики, апостолы, начали энергично проповедовать его учение.

Суть учения в самом кратком виде сводилась, как то хорошо известно, к тому, что все люди грешны, на всех них висит, помимо всего прочего, первородный грех Адама и Евы, что мученической смертью своей Иисус искупил этот главный грех, а за все остальное людям надлежит каяться, постоянно стремясь к нравственному совершенству. Именно это позволит создать столь страстно ожи-

даемое, особенно бедными и униженными, царство справедливости и истины на земле. Единый для всего человечества Бог, представителем и сыном которого был распятый Христос, как раз и является светочем любви и добра, справедливости и милосердия. Он поможет поверившим в него, особенно кротким и страдающим, смиренным и жаждущим истины. Именно они после второго пришествия Христа и последующего за тем Страшного суда смогут обрести на том свете вечное блаженство. Не желающие покаяться грешники и прочие нечестивцы будут сурово наказаны Богом, который низвергнет их в геенну огненную, в ад крошечный.

Первые общины христиан, насколько можно об этом судить, вначале, видимо, не порывали с иудаизмом и даже, возможно, отождествляли христианского Бога с иудейским Яхве. Однако это длилось не слишком долго. Дело в том, что число сторонников нового учения быстро росло, ибо это учение открывало ворота в царствие небесное для всех, особенно для обиженных жизнью, которых в обществе всегда было большинство и которые особенно остро ощущали свою обойденность и неприкаянность в годы кризисов. Рубеж нашей эры был для римского Востока, для Палестины, где на базе сект иудаизма родилось христианство, временем острого кризиса. И в то же время этот исторический период оказался благоприятным для распространения нового учения во всей Римской империи и прежде всего в вечном городе, куда массами стекались люди из разных стран, завоеванных Римом.

Страстным проповедником нового учения стал считающийся одним из 12 учеников Христа его апостол Павел. Именно с паулинизма, с его знаменитых слов о том, что для христианства «несть эллина, несть иудея», т.е. что все люди равны перед Богом и все равно дороги Ему, берет свое истинное начало новая вера в вечном городе. По преданию, Павел оказался в Риме в годы правления там распутного Нерона, который стал жестоко преследовать появившихся в его столице христиан. Нужно добавить к сказанному, что, хотя подавляющее большинство все возраставшей христианской общины составляли бедняки и иноземцы-рабы, в общину входили представители и иных сословий, включая высшие. Избегая публичности, скрываясь и собираясь в пустынных местах, в катакомбах, поздно вечером либо рано утром, когда их труднее было заметить, первые римские христиане понемногу сплывались и возрастали численно. Они, уединяясь, слушали проповеди, возносили молитвы, пели псалмы и вкушали

хлеб, запивая его небольшим количеством красного вина, что символизировало их причащение к телу и крови Христовой.

Христиане подвергались гонениям, их нередко отдавали на растерзание хищным зверям. Считается, что особо прославился этим кровожадный Нерон. Но к концу II в. христианство в Риме превратилось уже в очень влиятельную общину, число сторонников которой с каждым десятилетием становилось все большим.

Это неизбежно вело к определенным переменам в христианстве. Оно менялось не столько как учение, сколько как структура. С заметным увеличением сторонников учения ранние общины постепенно превращались в организованную церковь с отчетливо иерархическим руководством. На смену различным воодушевленным верой и истово преданным идее харизматическим лидерам, которые почитались осененными Божьей благодатью, приходили иные люди. Это были избиравшиеся верующими должностные лица — дьяконы, епископы, пресвитеры, обладавшие немалой властью. Должностные лица отличались административной сноровкой, умело оперировали все возраставшей казной и хозяйственными делами общин, но заметно уступали прежним харизматическим лидерам во всем том, что касалось истовой веры. Эти же лидеры все чаще уходили из общин, пополняя собой число подвижников, пустынников или монахов, для которых в уединенных местах стали создаваться специальные сооружения — монастыри.

Постепенно изменялась религиозная ситуация и в самом Риме. Спустя век-другой после Нерона положение христиан в Риме упрочилось. Более того, сам великий Рим с его многочисленными включенными в состав империи народами с их различными местными религиями объективно все более ощущал потребность, даже необходимость в некоем идейно-религиозном единстве. Это единство могло бы скрепить начинавшую трещать по швам империю. Рим был знаком с разными вариантами религиозных учений (например, с иранским митраизмом или гностицизмом), которые потенциально могли бы выполнить важную миссию объединения всего его пестрого населения. Но по ряду причин именно христианство с его столь зримо начавшей институционализироваться церковью оказалось для имперских верхов наилучшим вариантом. Это и сыграло решающую роль в судьбах Рима. В годы кризиса империи, когда властям было не до христиан, новое учение широко распространилось, затронув даже армию и часть правящих верхов.

Хорошо организованная церковная администрация и богатство церкви играли свою важную роль во все возраставшем укреплении влияния христианства. Когда к власти пришел Диоклетиан, он не мог не заметить этого нового фактора в жизни римского общества, тем более что руководители церкви не одобрили его политики культа новых августов и попыток возродить почитание древних богов ради укрепления единства империи. И Диоклетиан начал наступление на церковь, увидев именно в этой хорошо организованной администрации некую угрозу своей политике. Начиная с 303 г. один за другим последовали эдикты, которые были направлены против христиан, при всем том, что жена и дочь самого императора были христианками. От христиан требовали отречься от своей веры. В империи стали разрушать церковные здания, у верующих отбирали имущество, сжигали книги. Христиан стали обвинять в различных преступлениях, отказывавшихся отречься арестовывали, пытали, казнили. Казалось, что вот-вот наступят времена кровожадного Нерона. Но ситуация вскоре, и особенно после отречения Диоклетиана, решительно изменилась.

Константин, во всем остальном поддерживавший политику своего предшественника, в вопросе о христианстве занял прямо противоположную позицию. Он оценил силу учения Христа и мудро решил, что административная структура церкви и ее влияние могут послужить надежной опорой империи. Политика примирения с христианской церковью, прошедшая через ряд этапов, завершилась знаменитым Медиоланским эдиктом 313 г. и рядом последовавших за ним указов, согласно которым христианство было объявлено государственной религией империи. Константинополь, который быстрыми темпами строился после перенесения туда столицы, стал центром успешного развития христианства в его новом качестве. И хотя первые десятилетия и даже века существования официального христианства в Византии, как стала именоваться восточная часть империи, прошли под знаком непримиримых споров между сторонниками различных течений и сект раннего христианства, это не помешало победоносному шествию новой религии, причем не только в восточной, но и в западной части империи. Правда, положение высшей церковной иерархии в обеих частях близившейся к распаду империи было неодинаковым. О том, как это выглядело в Византии, пойдет речь в свое время. Сейчас же несколько слов о последнем периоде существования империи на западе.

КРУШЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

После царствования Константина в сравнительно благоустроенной части империи со столицей в хорошо отстроенном Константинополе разница между западными и восточными провинциями Рима стала много заметнее, нежели то было прежде. Восточная Византия развивалась практически своим путем, причем первые века ее существования были временем если и не процветания, то во всяком случае спокойствия и стабильного существования, столь характерного для Востока даже после его эллинизации, романизации и начала процесса христианизации. Совсем иным оказался путь западных провинций и самого Рима. Здесь шли параллельно несколько важных глобальных процессов, каждый из которых вносил свой существенный вклад в постепенное ухудшение положения дел.

Прежде всего, потеря статуса столичной зоны негативно отразилась на величии Рима и его былой силе. Правда, в Риме еще около века после Константина продолжали находиться то цезарь, а то и западный август, формальный статус которого был равен правителю, сидевшему на константинопольском троне. Но эта формальная видимость не приносила все очевиднее хиревшему городу реальных дивидендов. Рим все больше приходил в упадок. Во-первых, великий город в гораздо большей степени, чем столичный Константинополь, был открыт давлению извне, со стороны варваров-кочевников. Эти племена с IV и особенно в V в. все энергичнее, буквально со всех сторон, наседали на римские владения, границы которых в отличие от византийских были, несмотря на длительное время создававшиеся укрепленные пограничные линии, легко доступны для них.

Во-вторых, процесс варваризации римской армии донельзя ослабил ее и сделал практически неспособной решительно и успешно противостоять натиску варваров. И хотя ряд императоров из числа наследников Константина, в первую очередь Юлиан (360–363), сумели кое-чего добиться в борьбе с германскими племенами на северных границах империи, эти успехи были в общем не слишком значительными и, что важнее, кратковременными. Западные августы делали все, что в их силах, дабы противостоять столь скверно складывавшейся для них ситуации. Именно с этой целью последний правитель единой империи — Феодосий (379–395; после этой даты Рим окончательно распался на две части) заключил в 382 г. союз с воинственными готами, предоставив возможность части их посе-

литься на границах империи и за хорошую плату охранять их. В результате армия Западного Рима с начала V в. потеряла свою былую славу и силу. Составленная из рекрутов, которых поставляли нобили, военных поселенцев и варварских племен, она превратилась в ненадежную силу. Это сказалось, в частности, и в ходе борьбы с рядом восстаний, все чаще принимавших форму сектантских движений (багауды в Галлии, агонистики в Африке), и особенно в годы начавшегося на рубеже IV–V вв. Великого переселения народов, которое в конечном счете и покончило с Римом как с империей.

В-третьих, ожесточенная церковная борьба, которая вполне мирным путем проходила в Константинополе, где сам император вмешивался в церковные споры и вообще считался едва ли не признанным главой христианской церкви, в Риме, начиная с Юлиана (его прозвали Отступником), приняла вновь характер гонений на несогласных, преследований христиан либо (во времена Феодосия), напротив, язычников. Эта внутренняя религиозная борьба, порой доходившая до массовых гонений, не могла не ослабить Рим в последние десятилетия его существования. Более того, сложившаяся в результате гонений ситуация привела к заметному расхождению между светской властью и церковью. Римские первосвященники обретали влияние и силу и переставали доверять светской власти с ее то и дело меняющимся отношением к церкви. Это проявилось и в том, что Рим стал религиозной столицей и резиденцией папы, тогда как светские правители в 402 г. переехали в более скромную, но хорошо защищенную Равенну.

Наконец, в-четвертых, с каждым десятилетием на западе все хуже становилось положение и в сельском хозяйстве, и даже в городах. Владение землей в силу сложившейся неустойчивой обстановки и видимой неэффективности администрации имело явственную тенденцию к увеличению масштабов. Мелкие и средние землевладельцы не имели ни сил, ни средств защитить себя и вынуждены были вместе с арендаторами, батраками, вольноотпущенниками и рабами идти в ряды колонов, оказывавшихся под покровительством сильных домов. В распоряжении глав этих домов находилась вооруженная охрана и достаточно средств, чтобы не только выплатить налоги, но и отстоять своих подзащитных, работавших на них, от различного рода посягательств на их жизнь и имущество. Аналогичным образом поступали и представители широко распространившегося крупного церковного землевладения, к тому же

освобожденного от налогов и повинностей. В городах ремесленные коллегии в создавшейся обстановке натурализации хозяйства приходили в упадок. При этом часть ремесленников вынуждена была уходить во все те же мощные латифундии сенаторов-нобилей либо епископов, где формировались центры не только земледелия, но и ремесла и даже торговли (рынки).

Тяжелая финансовая нагрузка (один из результатов этого движения) ложилась на городские курии и куриалов-магистратов, которые вынуждены были за свой счет покрывать издержки казны, недобравшей налогов с городов. Все эти чрезвычайно важные процессы, как и многие тесно связанные с ними, с их далеко идущими последствиями, были практически необратимы и в своей совокупности медленно, но верно вели к гибели великой империи. Сначала в 410 г. вестготы во главе с Аларихом захватили и разграбили Рим. Затем на западноримской территории одно за другим стали возникать различные варварские королевства — вандалов, бургундов. Потом наступила очередь гуннов, которые во главе с легендарным Атилой двинулись на Рим, сметая все на своем пути. Только объединенными усилиями варварских королевств (франков, аланов, бургундов, даже саксов) и военных поселенцев удалось остановить их в 451 г. в битве на Каталаунских полях. И хотя это была серьезная победа, она не придала ни сил, ни престижа правителям гибнущей империи. Напротив, варварские королевства ощутили свою силу и, вопреки попыткам последних западноримских правителей (Юлий Майориан, 457–461) как-то стабилизировать обстановку в стране с помощью реформ, добились желаемого. Эти правители лишились реальной власти, а последний из них был в 476 г. низложен Одоакром, командующим императорской гвардией, родом из германского племени скиров.

ПОМИНАЛЬНОЕ СЛОВО ОБ ИМПЕРИИ

Так завершилась история Рима. Многие в ней, прежде всего в годы империи, где власть понемногу, но явно деградировала, наиболее ярким свидетельством чего были разврат правителей, говорит о том, что для античности как системы власти и формы существования гражданского общества империя была противопоказана. Строго говоря, эта проблема не очевидна и, насколько известно, мало кого интересовала, во всяком случае именно в поднимаемом здесь аспек-

те. Но она заслуживает внимания, ибо решение ее внесло бы свой вклад в понимание того, почему античность, несмотря на свои явные преимущества перед застывшим в развитии традиционным Востоком, потерпела столь безусловное, сокрушительное поражение. Речь вовсе не о том, что это поражение означало что-то вроде некоей непригодности для истории античной либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуры. Как раз напротив, в рамках авторской концепции, положенной в основу всей серии, посвященной изложению и анализу исторического процесса и важнейших составляющих его событий, начиная с древности, которой посвящен данный том, лежит нечто прямо противоположное. Смысл концепции в решающей, основополагающей роли античности в процессе эволюции человечества.

Однако стоит напомнить, что генеральная и принципиальная новизна и вообще вся суть античности как исторического феномена сводится к великой сумме демократических идей и институтов античного мира, но не к Римской империи. Не то чтобы империя вовсе не вписывалась в античность. Это не так. Но явный сдвиг в сторону имперского варианта, пусть вынужденный (а как иначе было справиться с управлением гигантской территории с разнородным ее населением?) был шагом к крушению ее основ. Это хорошо видно, если хотя бы бегло вспомнить обо всем том, что эта империя, начиная с Августа, собой представляла, как она пусть медленно, с реверсиями, даже подчас сопротивляясь, все-таки двигалась в сторону Востока, к характерной для него привычной ориентализацией крупных государственных образований. Судьба Византии, которой удалось без особых проблем пережить Рим почти на тысячелетие, убедительно подтверждает факт такого дрейфа. И дело вовсе не в разнузданном разврате большого количества римских императоров, особенно приходивших к власти в ранней молодости, от Нерона и Калигулы до Коммода и Каракаллы, хотя это тоже немало стоит. Ведь та безнаказанность, с какой воспринимали себя и свое поведение (и это, заметьте, с учетом печальной судьбы аналогично ведших себя предшественников), есть свидетельство отказа от основ демократического полиса с его принципом равного для всех закона. Как только в любом обществе появляется группа людей или хотя бы один такой, сам правитель, кто стоит над законом и потому может позволить себе все, демократия, а вместе с ней права и свободы общества западного типа, каким и были полисы, уходит.

Империи — правда, другие, колониальные, — были характерны и для другого времени, когда на базе с великим трудом и затратой немалого времени была возрождена античная либерально-демократическая традиция и человечество в рамках европейского Запада и некоторых его колоний вроде североамериканской, снова познали высшее благо господства свободы и права. Но эти новые империи потому и считаются либерально-демократическими (речь об Англии, Франции, Голландии XVIII–XIX вв.), что никогда не допускали произвола власти или хотя бы отдельных ее представителей. Словом, либеральная демократия и подлинное гражданское общество западного типа — неважно, имеем ли мы дело с **протобуржуазией** греческих полисов, **предбуржуазией** Англии времен Кромвеля или с **буржуазией** европейского Запада XIX столетия, — несовместимы с имперскими порядками, внешне вроде бы уважающими закон и право, но реально преклоняющимися перед произволом силы, даже парадоксально иллюзорной.

Все сказанное означает, что кризис, под знаком которого шло угасание Рима, а затем и Византии, был объективно некоей карой за отход от великих норм высшей доимперской античности. Не стану настаивать на том, что действовали какие-то неземные силы вроде гипотетического закона баланса. Но независимо от того, сколь динамичная и прогрессивная в историческом процессе роль выпала на долю античности, печальный факт остается фактом. Античность в виде империи с этой ролью не справилась, причем дважды, как в римском, так и в византийском ее вариантах. Она, античность, продемонстрировала миру свои блестящие потенции и сумела добиться многого, даже очень многого. Но выше головы прыгнуть никому не дано. И коль скоро империи было суждено, оказавшись под властью развратных временщиков и тем более запутавшись в кризисных сетях, в какой-то момент и на определенном — имперском — этапе своего существования проиграть соперничество с традиционным Востоком, не о чем и говорить. Восточная структура, не знакомая ни с либеральной демократией, ни с правами и свободами, оказалась в связи с этим в выигрыше. Она надолго обеспечила себе безопасное существование. А что касается человечества в целом, то оно вынуждено было смириться с результатом. Смирилась с ним и Природа, тем более что активно вмешиваться в события, которые связаны с деятельностью на планете людей, она не может. Ее удел — влиять косвенно, импульсами. А до этого в те времена, о которых идет речь, дело явно не дошло.

Впрочем, это никак не означает, что с крушением империй закончилось все то, что принесла миру античность. Как раз, напротив, с гибели Западной Римской империи начинается новый и очень важный для человечества процесс аккультурации захвативших Рим и почти всю Западную Европу варваров. Эта аккультурация была неизбежной, ибо дистанция, разделявшая Рим, пусть лежавший в руинах, от едва вышедших за пределы первобытности завоевавших империю варваров, была столь великой, что едва ли есть основания говорить о некоем синтезе, о котором любят рассуждать многие специалисты. Синтеза не было. И та Европа, которая со временем возникла на месте Западной Римской империи, была наследницей не первобытных племен времен Великого переселения народов, но римской, точнее, даже греко-римской античности и воспринятого римлянами христианства.

Разумеется, это не означает, что варварская первобытная традиция вовсе не играла никакой роли в процессе эволюции средневековой Западной Европы. Однако очень существенно принять во внимание, что эта роль по мере аккультурации уменьшалась и практически сходилась на нет. Она сказалась в основном в обретении варварскими государствами первобытно-примитивной восточно-феодальной модификации генеральной структуры власти-собственности, которая была символом господствовавшей в мире тех времен мировой деревни. Римская же культурная традиция, точнее, вся греко-римская античная традиция напротив, постепенно выходила на передний план, занимая позиции сформировавшегося в античности и никуда по существу не девшегося **мирового города**. Этому городу не оказалось места в Византии, утратившей античную традицию. Но он начал возрождаться на территории европейского Запада, причем античная традиция действовала в этом направлении, опираясь на потомков римских колонистов, необычайно энергично. А помогло ей в этом римское западное латинское — во много уже отличавшееся от византийского восточного греческого православного — христианство.

Совместный нажим на варваров, с трудом только начинавших осваиваться в условиях возникавшего здесь именно на **античной основе** (другой у них в Западной Европе просто не было) нового очага урбанистической цивилизации и государственности, вел достаточно быстро к позитивному эффекту. Античная традиция в форме прежде всего восходившего к полису мирового города понемногу, хотя и далеко не сразу, не быстро, возрождалась. Говоря об этой тра-

диции и в частности о культурном наследии Рима, далеко не только империи, необходимо вновь упомянуть о ее базовых основах, которые и составляют это наследие. Главной из них была расцветшая еще в древнегреческих полисах идея личной свободы, господствующее влияние которой определило существование полноценной частной собственности и приоритета гражданского общества над обслуживающей его административной системой, т.е. государством, властью. Характерно, что, несмотря на постепенный переход Рима от республики к империи с соответствующим укреплением роли центральной власти и обслуживавшей ее административной бюрократии, несмотря на всевластие и произвол отдельных императоров, эти краеугольные принципы, лежавшие в основе греко-римской античности, не были забыты.

Более того, произволу (теперь уже со стороны формировавшихся всевластных феодалов типично восточного типа — другим опять-таки неоткуда было взяться, античность феодалов не имела) противостояли города с их протобуржуазией, античного типа самоуправлением и прочими важными элементами гражданского общества западного типа. Города при этом активно использовали развитое и продолжавшееся развиваться римское право с его уважением к закону и классическим принципом *dura lex, sed lex* (суров закон, но это закон), который в конечном счете определял структурные основы городского общества. Обо всем этом специально и подробно будет идти речь во втором томе серии, посвященном периоду европейского средневековья и истории Востока в то время. А пока несколько слов об облике греко-римской культуры, достигшей в ряде сфер своего наивысшего расцвета в Риме, в том числе и в годы империи.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РИМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Основой культурной жизни Римской империи всегда были города, особенно большие и богатые, начиная с самого Рима. Никакие бедствия, разрушения, пожары не мешали тому, что восстанавливавшаяся городская архитектура не только восполняла утраченное, но и, как правило, делала город еще более красивым и благоустроенным. В городах, особенно больших, всегда были театры и цирковые арены с громадным круговым амфитеатром для сидящих вокруг них зрителей. Как упоминалось, римляне более всего любили зрелищные

представлений типа боев гладиаторов, уделяли немало внимания стадионам, весьма уважали и общественные бани, иногда роскошные, не сравнимые ни с чем. Горожане могли также пользоваться библиотеками или устраивать массовые встречи на обрамленных высокими и красивыми колоннами площадях, в местах расположения специально создававшихся форумов, признанных святилищ либо небольших портиков, где перед зрителями выступали известные ораторы, поэты, философы. За порядком и чистотой в городе всегда старательно следили, города обычно обеспечивались водопроводами и системами канализации. Были в них различного рода харчевни для простого народа, а также многочисленные постоянные дворы для приезжих.

В городах жили наиболее известные представители римской культуры, ее литераторы и мыслители. Правда, столь великих и глубоких деятелей культуры, которыми по праву гордились греки (начиная с Гомера и кончая Аристотелем), Рим не имел. Но все же лучшие из его мастеров культуры, будь то Вергилий, Овидий или Гораций, Апулей или Петроний, Марциал или Ювенал, Тацит или Ливий, Сенека или Птолемей, да и многие другие, — это золотой фонд мировой мысли и искусства. Впоследствии они оказали большое влияние на формирование классической европейской культуры и образованности. Существенно напомнить, что большая часть горожан были людьми состоятельными и владели немалыми земельными угодьями за пределами городской черты. Хозяйством они, как правило, не занимались, а поручали это дело управляющему, нередко из рабов или вольноотпущенников, который, в свою очередь, мог отдавать часть земли в аренду, создавать вокруг владения своего хозяина сеть владений его колонов. Впрочем, эта система новой структуры ведения сельскохозяйственных дел не зависела от того, жил хозяин крупного владения в городе или далеко от него, в богатом имении.

В городах империи существовали частные школы, дававшие мальчикам и девочкам (учение было совместным) за небольшую плату начальное 4–5-классное образование. Оно включало в себя обучение чтению, письму, счету. Были и средние школы, где плата за обучение была более высокой, а в число дисциплин входили латинский и греческий языки и литература, римское право, математика и введение в философию. Высшие риторские школы были немногочисленны и добавляли ко всем предыдущим дисциплинам еще риторику и му-

зыку. Медицину и юриспруденцию желающие и имущие могли изучать в центрах, где обычно практиковали признанные специалисты в этих науках.

Рим славился своими дорогами. Они создавались по единому стандарту, в 4–5 м ширины, с дорожными столбами с указанием расстояния до ближайшего города, со станциями, где были носилки и сменные лошади для курьеров и упряжек. Общая протяженность дорог составляла, по ориентировочным подсчетам, примерно 150 тыс. км. Все города, которые можно было посетить, пользуясь этой разветвленной сетью хороших дорог (некоторые сохранились до наших дней), были центрами романизации отдаленных присоединявшихся к империи территорий. Число такого рода городов измерялось многими тысячами. Немало из них возникало вокруг колоний римских ветеранов, в том числе и в Западной Европе, о которой толко что шла речь. Кёльн, например, — название, восходящее к римской колонии. Существенно заметить, что римское гражданство среди населения провинций получали прежде всего и главным образом горожане, по меньшей мере на первых порах. Разумеется, древние восточные города, входившие в состав империи, обычно сохраняли свою структуру и специфику, но и в них романизация оставляла свой отпечаток.

В Рим, который был всемирной столицей, особенно в период империи, всегда съезжались со всего мира представители разных народов. Здесь было много землячеств из разных стран (италики, греки, иудеи, африканцы, финикийцы, сирийцы, каппадокийцы). Существовали коллегии, объединявшие людей по профессиям либо иным признакам и позволявшие членам коллегий общаться между собой. Рим был знаком со многими конфессиями, но остановился, о чем уже шла речь, на христианстве, превратившемся в государственную религию, что сильно его укрепило и позже, после гибели империи, позволило этой религии в союзе с великими традициями античности с легкостью ассимилировать все те многие полупервобытные народы, которые поселились на месте прежней империи. **Великая римская культура, напитавшись соками греческой античности и иудеохристианской религиозной философии, стала со временем основой новоевропейских традиций.** И это едва ли не самое главное, что стоит принять во внимание, если заходит речь об историческом процессе, об эволюции если и не всего, то передовой части человечества в ходе его вечного движения.

Глава восемнадцатая. ВОСТОК И ЗАПАД В ДРЕВНОСТИ

Читатель мог заметить, что в томе, формально посвященном изложению и анализу исторических событий, было обращено особое внимание на древневосточные и античные социополитические институты. И хотя античная древность по времени совпадает с существованием многих древневосточных государств преимущественно на позднем, а то и заключительном этапе их процветания, нельзя не заметить одну очень важную особенность. Именно развивавшаяся бурными темпами античная Греция (пусть даже не сама она как таковая, а созданное из греков и македонцев воинство Александра) сыграла роковую роль в существовании ближневосточных государственных образований. Правда, это не относится к некоторым стоявшим особняком гигантам, таким как Индия и Китай. А вот все плодородные центры ближневосточной древности, где возникли первые урбанистические структуры и самые ранние города-государства после завоеваний Александра, прекратили свое прежнее существование и в большинстве своем исчезли с политической карты мира. Некоторые из них, в частности Египет, при этом сохранили свое название. Однако в структурном плане и в цивилизационном отношении все они без исключения на долгие века стали несколько, мягко выражаясь, другими.

Начиная с Греко-персидских войн V в. до н.э., т.е. со столкновения персидской империи Ахеменидов, которая завоевала к тому времени практически все заметные страны ближневосточной древности, с небольшим греческим обществом, состоявшим из множества полисов, нередко враждующих друг с другом, ход исторического процесса решительно и надолго сменил свой привычный вектор. Греко-персидские войны, формально так и не выявившие победителя, были первым, хотя еще и не смертельным, ударом по традиционному Востоку как некоей структурной цельности. Объединенный Дарием I в рамках великой империи традиционный Восток, за которым стоял свыше чем трехтысячелетний опыт урбанистической цивилизации и государственности со всеми веками выработанными нормами жизни, включая и великое множество военных кампаний, оказался не в состоянии одолеть небольшое содружество греческих полисов. И ведь добро бы на этом дело и кончилось.

Все, однако, было иначе. Не прошло и столетия, как сравнительно небольшая армия Александра за немногие считанные годы одолела

не только самих персов, но и практически всю мощь ближневосточной древности, навязав побежденным странам систему эллинизма.

Практически то, что получило наименование эллинизма, на ряд столетий существенно повлияло на жизнь народов и стран ближневосточной древности. В первом томе моего учебника «История Востока» (последнее издание 2011 г.) было уделено немало внимания процессу эллинизации, романизации и христианизации Ближнего Востока. Упомянуто об этом было и в данном томе. Но тогда и теперь речь шла только в одном плане: говорилось, что все три этапа вестернизации не привели к синтезу и тем более к решительной ломке характерной для восточных государств и обществ структуры, ибо, пройдя через тысячелетие испытаний, эта структура с легкостью возобновилась после исламских завоеваний. Сейчас читателю предлагается взглянуть на тот же самый процесс с несколько иной точки зрения.

Дело в том, что ближневосточная древность и античность развивались на заключительном этапе истории древнего мира вроде бы параллельно, но не только разными путями, но и различными темпами. О замедленных темпах эволюции древневосточных обществ уже шла речь. Более того, были рассмотрены причины, объективно обуславливавшие такие темпы как своего рода оптимальную норму. Стоит учесть, что сходными были и темпы развития урбанистической цивилизации до того на острове Крит и в Микенах. Ситуация резко изменилась лишь после периода темных веков, когда в истории человечества произошел некий сдвиг типа социополитической мутации, в результате которого на периферии ближневосточного региона появились общества нового типа, темпы эволюции которых нельзя было сравнивать с древневосточными. За кратчайшие сроки не только сама Балканская Греция, но и многие окружающие ее острова и прибрежные районы Средиземного и Черного морей, включая и Италию, достигли почти невероятных успехов. Возникло множество колоний, энергично развивалось и процветало рыночно-частнособственническое хозяйство, было создано крепкое войско, едва ли не самый лучший и многочисленный в мире флот, как торговый, так и военный. И как завершение всего была, что называется, вчистую побеждена ближневосточная древность в лице завоевавшей весь Ближний Восток империи Ахеменидов.

На смену этому миру пришла новая смешанная структура, близкий к античности эллинизм. И хотя эта структура была именно смешанной и — если брать все завоеванное Александром население —

далеко не полноценно эллинской, она все же оказалась, несмотря на смерть самого великого завоевателя, отнюдь не кратковременной. Напротив, она просуществовала несколько веков, а затем была еще и усилена в ходе поступательного движения сходных с эллинизацией процессов романизации и христианизации. Иными словами, эта структура, ядром которой было то, что принципиально противостояло традиционному Востоку и потому справедливо именовалось Западом, показало себя достаточно жизнеспособным. Смешанная структура погибла в результате чрезвычайных обстоятельств, связанных с кризисом Римской империи, который завершился созданием на ее территории варварских и восточных по структуре королевств и — чуть позже — победоносным шествием ислама.

Если рассматривать процесс именно с предлагаемой точки зрения, окажется немало оснований для того, чтобы счесть не только эллинизм, но и всю почти тысячелетнюю эпоху противоборства Востока и Запада, с Греко-персидских войн до падения Рима и завоеваний ислама, своего рода широким историческим барьером. Барьером, который отдалил на ряд веков традиционную и восходившую к первобытности ближневосточную древность от тех новых государств Ближнего Востока, что в VII в. пришли ей на смену. Сразу же необходимо оговориться: речь не идет о принципиальных различиях между структурой Востока в древности и пестрым в социэтническом плане ближневосточным миром ислама, Арабским халифатом. Но нельзя не сказать, что, несмотря на это, та эпоха, которую принято именовать термином «Средневековье», отличалась от древности не только на Западе, где перемены были особенно зримы и наглядны, но и во многих отношениях на Востоке, пусть в значительно меньшей степени. Впрочем, о проблемах Средневековья речь специально пойдет в следующем томе. Пока же обратимся к тому, чтобы снова, причем теперь специально и обстоятельно, проанализировать все принципиальные структурные различия между древневосточными государствами и обществами, с одной стороны, и миром античности — с другой, ибо именно они во многом определили последовавший за древностью ход истории.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНОСТЬ

Вопрос прежде всего в том, насколько различны по эффективности эволюции, с одной стороны, многими тысячелетиями формиро-

вавшаяся древневосточная и, с другой, лишь за два-три века до походов Александра возникшая античная структуры. Иными словами, снова пойдет речь — на сей раз в сравнительно-обобщающем плане — о том, чем принципиально отличаются эти структуры в социополитическом, экономическом, да и многих других отношениях. Целью анализа является показать не то, как работали сложившиеся на Востоке и в античном мире социополитические организмы, но то, что содействовало их развитию и что им мешало. Почему высокоразвитые ближневосточные страны, в которых несколькими тысячелетиями отлаживалась оптимальная внутренняя структура, вроде бы полностью себя оправдывавшая и демонстрировавшая немалые достижения, особенно на заключительном этапе их существования, оказались несостоятельными? Имеется в виду не вообще способность к дальнейшему существованию в том же или примерно в том же ритме (эта способность как раз доказана историей, по меньшей мере вплоть до эпохи колониализма, да и позже, кое-где до наших дней), а то важное обстоятельство, что другая структура проявила себя намного эффективнее и была явно динамичнее.

Традиционный Ближний Восток, олицетворенный империей Ахеменидов, выглядел как некая мощная и умело, с опорой на многовековой опыт выстроенная структура. Она была устойчивой, выше всего ценила консервативную стабильность и имела достаточно сил, чтобы себя защитить. Единственной существенной ее слабостью была приторможенность эволюции. До поры до времени это являлось даже ее преимуществом, ибо способствовало сохранению желанной стабильности. Но так было лишь до того момента, когда появились античные полисы. Они были множеством корней связаны с цивилизацией ближневосточной древности. Влияние Египта и Финикии с ее развитыми торговлей и мореплаванием, с ее колониями следует считать бесспорным. Однако не это сыграло решающую роль в том, что на смену близким к традиционному Востоку крито-микенской и затем ахейско-гомеровской Греции пришла Греция полисов, античная. Здесь очевидно сочетание многих уникальных факторов, которые в своей сложной сумме как раз и остаются рационально не познанными и потому дающими основание относить их появление на счет мутации, за которой, быть может, стояли вселенские законы эволюции. Более того, оценивая ситуацию в целом, есть основания вести речь об упомянутой мутации как о великой бифуркации в истории человечества.

Оставляя, тем не менее, детали и споры специалистам, подчас предпочитающим рассуждать об «архаической революции» (революция есть нечто совершенно иное по сравнению с тем, что случилось в Греции в VIII–VII вв. до н. э.), существенно обратить внимание на то, что дело не в некоем перевороте самом по себе. Радикальные реформы Солона в Аттике в начале VI в. до н. э. были, в частности, лишь следствием, проявлением, но никак не причиной тех перемен, которые сыграли столь важную, решающую роль в судьбах человечества. Причин и факторов, сыгравших свою роль в этом процессе, было, видимо, немало. Но искать их и тем более пытаться всерьез анализировать в работе, не посвященной специально этой теме, едва ли уместно. Ведь для обобщающих выводов важно не это. Важен итог, очевидный и неоспоримый: в ходе и вследствие того, что воспринимается как мутация, приведшая человечество к ситуации бифуркации, рядом с одной классической и в различных вариантах повторявшейся на традиционном Востоке структурой появилась новая, принципиально иная. Единообразный прежде в плане структуры общества и государства древний мир раскололся надвое.

Параллельно с классическим Востоком стали развиваться общество и государство совершенно нового типа. Это новое гражданское общество западного типа и построенное им государство (вначале, естественно, в форме небольших первичных протогосударств, какими и были ранние полисы) решительно отвергли как нечто уже пройденное человечеством господствовавший до того на Востоке принцип власти-собственности. Полисы сконструировали и явили миру новую структуру, которая зиждилась не на всеилии администрации (будь то на уровне общины, города-государства, республики или даже, как то было в позднем Риме, империи), а на основе неведомого прежде никому на планете осознанного самим обществом гражданского самоуправления. Основа такого самоуправления сводилась — за исключением периода империи, о чем только что специально шла речь как об одной из важных причин крушения Рима, — к невиданному прежде всеилию гражданского общества и к полной ответственности перед гражданами-избирателями демократически выбранных на короткий срок и регулярно переизбиравшихся их руководителей.

Соответственно (обратите внимание, это уже следствие основы, идейно-институционального фундамента) и в хозяйстве вместо централизованной или децентрализованной редистрибуции при зависи-

мом от чиновника статусе частного собственника возникла рыночно-частнособственническая протобуржуазная экономика с развитым предпринимательством под надежным прикрытием всеильного права и заботливой выборной администрации, чьи существование и престиж зависели от воли электората. Нормой здесь стали свободный рынок, а также не только ничем не ограниченная, но, напротив, защищенная законом и огражденная частоколом прав, гарантий и привилегий частная собственность граждан. В этом и заключалось суть ситуации бифуркации, т.е. появления наряду с прежней нормой принципиально отличной от нее новой, античной.

Нельзя сказать, чтобы восточный мир до полисов и до Солона вовсе не был знаком с некоторыми из элементов античной структуры, например с системой выборов. Как раз напротив, избирательная процедура примерно такого же типа, что и в античных полисах, сопутствовала едва ли не всей ранней истории человечества, была знакома всем догосударственным общностям чуть ли не с формирования социума как такового. И не в том дело, что администрация в аттическом полисе типа Афин была уже не просто выборной, но выбиралась для того, чтобы служить интересам коллектива, — это тоже было нормой, скажем, для архаического мира локальных групп охотников и собирателей. Принципиальным отличием афинского полиса времен Солона и в общем-то всей постсолонической Греции стало превращение населения в частных собственников и свободных граждан. Именно права и привилегии гражданина и собственника были ограждены и защищены выборной властью, которая опиралась не на нормы редистрибуции и тем более не на произвол аппарата администрации, не на регламенты типа законов Хаммурапи или Шан Яна, но на закон.

Важно еще и еще раз специально подчеркнуть, что имеется в виду не закон в восточном его выражении, не регламенты администрации. Речь о строгом и бесстрашном Законе с большой буквы, о Законе, обязательном для всех, о Законе, на страже каждой строчки которого стоит вся мощь общества и государства. И наиболее важным, кардинальным нововведением времен Солона было именно установление подобного рода законодательства и всей связанной с ним судебной процедуры. Можно, отмечая это, сказать и сильнее: законодательно закрепив принцип равенства всех граждан перед законом, т.е. создав систему институтов, способствовавших расцвету личности и творческих потенций индивида, который по меньшей мере до периода

империи не зависел от власти имущих, античное общество нашло тем самым особый путь самоорганизации, создав совершенно необычную административно-политическую структуру, принципиально отличную от той, что была характерна для обществ и государств до того.

Существенно оговориться, что речь не о том, что где-либо в другой части мира в аналогичной ситуации сравнительно отдаленности от великих империй и в условиях замкнутости горных долин или островного архипелага другие общности не могли попытаться пойти по аналогичному пути. Уникальность античности — в ее комплексности. И отсюда же все ее успехи. Именно здесь оказалось все то, что было нужно для возникновения в исключительных обстоятельствах принципиально нового качества. Вот почему античная так называемая «архаическая революция» несла на себе зримые черты именно мутации, т.е. чего-то уникально-неповторимого и в реальности нигде, никогда и никем не повторенного.

Итак, единый и общий для всех — при огромном количестве конкретных вариантов — путь развития человечества, до того опиравшийся на принципы престижной экономики, власти-собственности с ее принципом редистрибуции и тем более с административным произволом правящих верхов достаточно эффективно функционирующего деспотического государства, раздвоился. Или, точнее, на едином и вроде бы общем, одинаковом для всех фундаменте в исключительных обстоятельствах аттической Греции выросло необычное едва ли не по всем структурно значимым параметрам здание античного типа. И этот своего рода гадкий утенок очень быстро превратился в того величественного лебедя, чьи потенции в принципе не шли ни в какое сравнение с теми, что предоставлял своему населению традиционный Восток.

Именно это последнее обстоятельство сыграло исключительно важную роль в истории человечества. Дело ведь в конечном счете во все не в том, что в какой-то крохотной части древнего мира, на явной его периферии сложилось общество весьма своеобразного типа. Такое случалось, и не раз, причем не только на небольшой территории. Достаточно в качестве примера вспомнить индийское общество с его варно-кастовыми и общинными формами бытия, практически почти не нуждавшимся в государственном регулировании. Здесь же, в виде античного полиса, определяющим было не своеобразие как таковое, а появление совершенно новой формы самоорганиза-

ции античного мира, которая привела к высвобождению индивида. Возник принципиально новый «вид» человека — Человек Свободный, с каким не был знаком традиционный Восток. Иными словами, был сделан огромный шаг в истории.

И это была не просто игра природы, прихоть случая. Это была судьба, Судьба с большой буквы! Судьба потому, что раскрепощенный и освобожденный от векового гнета власть имущих человек не просто воспрял духом и оказался способен на многое, но получил объективные возможности для раскрытия всех своих потенций, прежде всего энергии, инициативы, предприимчивости. Нельзя сказать, что ничего этого не было у способных людей на традиционном Востоке. Напротив, там бывало все. Но структура Востока была устроена таким образом, чтобы гасить эти проявления природы или направлять их в такое русло, где они служили бы интересам стоящего над обществом государства. Античная же форма самоорганизации общества породила иного типа государство, призванное служить интересам граждан, отстаивать нормы права, свято блюсти закон. И далеко не случайно римляне, знакомые — как и греки — с тиранией и даже с империей, всегда высоко ставили такую форму государства, почтительно именуя ее республикой («общее дело»).

Итак, в момент бифуркации исторический процесс, шедший до того — при всех конкретных его вариантах, со всевозможными опережениями и отставаниями, отходами в сторону и реверсиями — в принципе единым общим путем, раздвоился. Произошло нечто подобное выделению в ходе эволюции гоминид вида *Homo Sapiens* или отодвинувшей в сторону всех собирателей и охотников неолитической революции, наконец, появлению в зонах урбанистической цивилизации первичных протогосударственных образований. Произошел огромный качественный скачок принципиального характера, изменивший ход истории. Правда, в отличие от первых трех упомянутых здесь радикальных перемен новое качество, которое появилось в виде античности, не сумело оттеснить решительным образом в сторону, на обочину истории, все то, что существовало до него. Вообще, стоит заметить, что по мере развития человечества такого рода вытеснение становилось с каждым очередным этапом радикальной эволюции (мутации) все менее полным.

Следов досапиентных людей давно уже нет. Эти гоминиды вымерли, видимо, несколько десятков тысяч лет назад, хотя в их существование до сих пор верят энтузиасты поисков так называемого снежного

человека. А вот первобытные коллективы охотников и собирателей существуют и в наши дни, пусть на далекой и труднодоступной периферии, но все же в немалом количестве, как о том зримо свидетельствуют, помимо всего прочего, неустанные поиски и интересные публикации антропологов. Что же касается обычных неолитических земледельцев, не достигших в своем развитии уровня государственности хотя бы в самой начальной ее форме, то их еще больше, причем многие из них, обогатившись за счет частичного заимствования более развитых элементов производства и культуры, не только вполне комфортно существуют, но подчас и по-своему процветают. Практически это означает, что с каждой новой ступенью эволюции преодолеваемое старое качество оказывается более жизнеспособным, чем на ступени предыдущей. Тем более это касается сложных взаимоотношений между развитыми государствами и высокими цивилизациями Востока и античностью.

Речь идет, таким образом, о том, что бифуркация, породившая античный феномен и создавшая ситуацию параллельного развития двух принципиально различных структур, на сей раз не противопоставила друг другу обе разные структуры в излишне жесткой форме. Напротив, она устроила нечто вроде соревнования между ними, соревнования на выживание с целью доказательства своего безусловного — или, напротив, относительного — преимущества. Собственно, вся последующая история человечества может считаться продолжением такого рода соревнования. Вначале оно шло в условиях отдельного и почти не соприкасающегося (правда, сравнительно недолго — до Греко-персидских войн) параллельного развития, затем в виде взаимодействия, противостояния, войн, завоеваний и нашествий. Позже это был длительный и неясный по результатам процесс соревнования, тесно связанный с непрерывным взаимовлиянием. Наконец, уже в позднем Средневековье и тем более в ту постренессансную эпоху, когда начался медленный процесс генезиса капитализма в Европе и освоения результатов Великих географических открытий, он обрел форму колониальной экспансии и вынужденной трансформации и модернизации традиционного Востока. Сегодня ситуация, напротив, едва ли не более выигрышная для численно внутренне возросшего и преобладающего Востока. Таким образом, в долгом соревновании вроде бы передовой Запад отнюдь не всегда лидировал. Однако его движение вперед было чем дальше, тем более заметным, ибо он обладал — и пока все еще обладает — несомненными сущностными, структурными преимуществами перед Востоком.

Хорошо известно, что параллельное развитие античности и традиционного Востока уже в первые века после Солона продемонстрировало впечатляющие возможности новой структуры. Скучные земли и природные возможности Эллады были весьма умело и старательно использованы свободными во всех отношениях энергичными и предприимчивыми гражданами античных полисов. Были созданы колонии на многих плодородных землях Средиземноморья и Причерноморья, налажены торговля и мореплавание, причем настолько успешно, что древние торговцы и мореплаватели финикийцы оказались оттесненными на задний план. Правовые нормы, стоявшие на страже развития каждого индивида (во всяком случае, в первую очередь из числа свободных полноправных граждан, хотя обычно далеко не только из них) и тем самым способствовавшие использованию всех его потенций, вызвали взлет античной мысли и изумительной по уровню высокой культуры, стимулировали расцвет творческих способностей древних греков.

Классические архитектурные формы храмового и городского строительства, особенно в Афинах, безукоризненный вкус мастеров скульптуры, античные драма и трагедия и расцветший с ними театр — все это результат творческой свободы выдающихся людей. Людей, чей талант не был чем-либо скован и, во всяком случае, никак не зависел от прихоти или приказа власть имущих, как то сплошь и рядом случалось на Востоке. Разумеется, и традиционный Восток мог гордиться своими мастерами, возводившими египетские пирамиды или Великую китайскую стену, своим героическим эпосом и впечатляющими поисками мыслителей. И далеко не всегда мастера восточной культуры работали на потребу лишь власть имущих. Но вот выйти за пределы традиции этим мастерам, обычно крепко скованным строго санкционированной нормой, чаще всего жестко обусловленной господствующей религией либо идеологией, было практически невозможно. Им не хватало главного — свободы творчества, как и вообще свободы.

Свобода была важнейшим завоеванием афинян, а за ними и всех остальных — или почти всех остальных (вопрос о Спарте достаточно сложен в этом смысле) — греков. И хотя пределы этой свободы тоже не были безграничны, достаточно вспомнить выпившего чашу с ядом великого Сократа, все-таки главным отличием греков вообще и талантливых мастеров Греции в частности от их коллег на Востоке была именно свобода, в том числе и практически полная — пусть

даже не вовсе безграничная — свобода творчества. Именно эта свобода лежала в основе всех великих достижений античных греков. В жесткой формулировке мы вправе противопоставить эту свободу несвободе деспотического Востока.

Традиционный Восток был очень разным, и термин «деспотический» требует в этом смысле пояснений. Речь вовсе не идет только о беспредельном произволе власти и всесилиии могущественного тирана на троне или чиновников на местах. Гораздо большую роль играла несвобода духа, незнакомство со свободой как с правами и гарантиями индивида в принципе. Индия, например, почти не ощущала, во всяком случае в рамках традиционной общины, вмешательства власти, а в Китае власть, опиравшаяся на доктрину Конфуция, постоянно декларировала свою заботу о подданных и почтение к добродетели. Но жесткий регламент общинного быта, опиравшийся на кастовое неравенство, с лихвой восполнял слабости традиционного индийского государства, а декларации власть имущих в Китае никогда не мешали тому, что каждый китаец был не менее жестко, чем индеец, а в чем-то и еще жестче скован нормативной традицией, не позволявшей даже думать о такой свободе, которой обладали античные граждане.

Поэтому, противопоставляя свободную античную Грецию деспотическому Востоку, следует иметь в виду прежде всего несвободу духа и жесткость нормативной традиции и лишь, быть может, в последнюю очередь — государственный деспотизм как таковой. Итак, с одной стороны, демократический полис с гарантиями прав и свобод граждан, а с другой — жесткая нормативная традиция, чаще всего не только санкционированная религией (в случае с Китаем — конфуцианством), но и надежно закрепленная деспотизмом власти. Конечно, Индия и Китай были от античных греков достаточно далеко, чтобы не только судить и сравнивать, но и вообще знать о них что-либо достоверное. Но зато персидская империя Ахеменидов, распространившая свою власть со времен завоеваний Кира II Великого практически на весь Ближний Восток, включая и Египет, находилась рядом с греками, так что им было с кем себя сравнивать. И хотя как раз сильной религии у персов во времена Ахеменидов не было, верховная власть персидских правителей была олицетворением восточного деспотизма. Неудивительно поэтому, что в сочинениях древнегреческих авторов свободные греки, как правило, противопоставляли себя империи рабов, каковыми выглядели в глазах эллинов все подданные персидских правителей.

У греков-граждан были свои рабы, частично из чужестранцев, частично из числа тех же греков, завоеванных или попавших в плен. Существует даже ложное представление, будто вся великая греческая и вообще античная культура возникла благодаря рабскому труду. Это, однако, пропагандистский миф, в свое время охотно поддерживавшийся склонным к игре на классовых противоречиях марксистским истматом. На самом деле рабов и в Греции, да и в Риме было обычно не слишком много. Мало того, хотя они и помогали своим хозяевам в работе на полях и по дому, исполняя подчас самые тяжелые работы и не имея при этом не только гражданских, но порой и вообще никаких прав, все же не на основе их труда процветал античный мир. Он процветал за счет труда прежде всего самих граждан, что и давало, в частности, гражданам античной Греции основание видеть принципиальную разницу между ними и их строем, их структурой, с одной стороны, и персидской империей с ее структурой и ее подданными-рабами («поголовное рабство», по Гегелю и Марксу) — с другой.

ФЕНОМЕН РАБОВЛАДЕНИЯ В ИСТОРИИ

Проблема рабов, рабства и рабовладения, которая не раз затрагивалась выше, заслуживает в итоговом обобщении специального внимания. Теперь, после знакомства с историей древневосточных и античных обществ, есть основания рассмотреть ее более тщательно, подчас выходя за рамки одной лишь древней истории. Начать следует с того, чтобы обозначить сущность феномена, столь привычно воспринимаемого специалистами, — особенно в недавнем прошлом в отечественном обществоведении — в качестве чего-то, что присуще в основном только древнему миру и является чуть ли не главной характеристикой именно этой эпохи.

Созданная в новоевропейской исторической науке трехчленная схема истории (древность, Средние века, Новое время) взяла в качестве основного критерия членения западноевропейского исторического процесса то, что прежде всего бросается в глаза. В частности, особенностью античной древности было, как тогда представлялось создателям упомянутой схемы, именно наличие рабов. Нет спора, рабов в античной древности действительно было много. Более того, именно они, а не демос или плебс в первую очередь и главным образом отличались от всего основного населения почти полным отсутствием каких-либо прав и свобод. Особенно показателен был Рим

с его рабовладельческими латифундиями и виллами, с его отношением к рабу как к *instrumentum vocale*, значительным количеством обращавшихся в рабов военнопленных, особенно из числа варваров, и даже с восстаниями рабов. Отчетливо сознавая такое положение вещей, создатели схемы без особых колебаний восприняли наличие рабов в качестве наиболее очевидной и бросающейся в глаза специфики античной древности.

Специалистов, пытавшихся дать определение древности два-три века назад, можно понять. Многим из них казалось вполне очевидным, что античность отличается от новоевропейского капитализма как раз обилием рабов и расцветом рабовладения, тогда как реальность античной структуры была им более или менее близка и потому спецификой не являлась. Вспомним, что в античном мире, начиная с древнегреческих полисов и кончая грандиозной Римской империей, основой структуры были права свободного гражданина и все связанные с ними институты и процедуры. В их число входили прежде всего неприкосновенность частной собственности, безусловное господство свободного от вмешательства администрации рынка, а также личные права и свободы гражданина при сохранении известного противостояния между основной массой народа (демос, плебс) и стремившейся к привилегиям знатью. Все это в той или иной степени было свойственно и новоевропейскому предбуржуазному обществу. А это значило для ученых, искавших специфику античной древности, что главным отличием было то, чего не было в постренессанской Западной Европе, что являлось спецификой именно античности, т.е. рабовладение.

Именно таким образом, насколько можно понять, феномен рабовладения оказался в центре внимания и стал восприниматься как отличная от новоевропейских реалий особенность древности, в немалой степени определявшая параметры этой структуры. Ход рассуждений логичен, как очевидно и то, что внешне рабовладение как специфическая черта и нечто весьма распространенное в античном мире бросалось в глаза всем, а не только специалистам. Можно принять во внимание и то обстоятельство, что в Западной Европе Нового времени (имеется в виду именно Западная Европа, а не Новый Свет или Россия) ничего такого не было. Но обратим внимание на то, что специалисты, стремившиеся понять закономерности исторического процесса, в то время, когда создавалась трехчленная схема, еще многого не знали или знали очень мало. Кое-что они просто

не принимали во внимание, порой не придавая при этом значения самому главному. Что именно имеется в виду?

Прежде всего обычно недостаточно глубоко воспринималось то немаловажное обстоятельство, что сущность античной структуры, как и их собственной, буржуазной и даже еще только предбуржуазной, заключалась как раз в том, что было общим для обоих этих обществ, т.е. воспитанное веками уважение к праву, собственности, гражданским свободам и всем прочим связанным с этим институтам и процедурам, включая народные собрания (парламенты), свободный выбор, голосование (плебисциты) и т.п. Именно эти права и свободы лежали в фундаменте как античной, так и формировавшейся в новоевропейских обществах структуры. А были ли при этом рабы или их не было вовсе, играло рабовладение небольшую либо весьма значительную роль — это лишь нечто не то чтобы вовсе вторичное, но на сущность структуры не влиявшее.

Между тем стоит заметить, что историки, жившие в Западной Европе два-три века назад, могли сравнивать смелее и учитывать, что и в их время в мире, причем формально находившемся вне традиционного Востока, будь то Новый Свет или царская Россия, существовало множество рабов.

Миллионами вывозили негров из Африки приобретающие их за гроши и продававшие в Америке, в том числе и североамериканским плантаторам, европейские торговцы. Многими миллионами исчислялось количество крепостных рабов в довольно близкой к Европе России. И хотя плантационные рабы в южных штатах Америки и в еще большей степени крепостные рабы в России были едва ли не основой всего хозяйства (чего никогда не было в античности), никому не приходило в голову поставить вопрос о рабах и рабовладении вне стран Востока в Новом времени. Никто не попытался, учитывая это немаловажное обстоятельство, перестать рассматривать проблему рабовладения как нечто будто бы специфичное лишь для античности и потому в первую очередь и главным образом характеризующее ее важные отличия от новоевропейского предбуржуазного общества.

Обратимся теперь снова и самым непосредственным образом к проблеме рабов, рабства и рабовладения на Востоке. В трехчленной схеме, выработанной новоевропейскими специалистами, нет места Востоку, что следует считать вполне естественным. О нем, как и обо всем неевропейском мире (исключая, разумеется, осваивавшийся

европейцами Новый Свет, а также близкую к Западной Европе Россию) было известно тогда настолько мало, что что-либо определенное о нем историки той эпохи сказать просто не могли. Но это никак не исключает того, что реалии Востока, насколько они известны и очень неплохо изучены сегодняшним востоковедением и иными смежными науками, никак не укладываются в рамки сочиненной в Западной Европе несколько веков назад трехступенчатой схемы. В чем же суть этих реалий и почему они не вписываются в схему?

Здесь есть свои сложности. И чем больше востоковеды изучали проблему, тем очевиднее становилось, что восточное рабство и рабовладение во многом принципиально отличны от античного. Во-первых, раб на Востоке, тоже считавшийся имуществом, даже собственностью его хозяина, чаще всего был владением коллектива. В качестве хозяина по отношению к пленникам-рабам и тем более рабам-преступникам выступало государство, еще более часто рабов использовали в храмовом хозяйстве, иногда ими сообща владели в рамках земледельческих объединений, например индийских общин. Это, разумеется, не исключало того, что раб мог находиться и в собственности какого-нибудь одного господина, но таким господином при этом наиболее часто оказывалось знатное лицо, высокопоставленный администратор. Рабы в этих случаях нередко становились не просто слугами, но и, если проявляли сметливость и расторопность, порученцами и даже облаченными некоторой властью помощниками своего господина. Присутствие раба в обычной семье простолюдина (например, был куплен за небольшую цену после удачного сражения у завладевшего им воина), обычно кончалось тем, что он инкорпорировался в семью на правах младшего ее члена.

Стоит напомнить, что в любом случае рабы на традиционном Востоке имели право на брак и создание собственной семьи, а также на свое хозяйство. При этом второе и последующие поколения в семье раба обычно повышали свой статус до неполноправного типа вавилонских мушкенумов. Во-вторых, что не менее важно, рабство на Востоке ни в коей мере не было преимущественным достоянием древности. На Востоке рабы и рабовладение существовали всегда и везде, причем не только в исключительных случаях, что было свойственно Западу (имеются в виду все те же американские плантации и русское крепостное право). Более того, в Средние века рабов и соответственно рабовладельцев, включая и государство, бывало подчас намного больше, чем в древности. Это относится, например,

к некоторым странам, подпавшим под власть завоевателей, особенно монголов. Однако этого, как и в случае с рабовладением на Западе, никак не достаточно для того, чтобы считать такого рода нередко встречавшиеся ситуации свидетельством важной роли рабовладения в хозяйстве.

Структура древневосточных, да и восточных обществ периода Средних веков, речь о которых пойдет в томе, посвященном Средневековью, со специфическими для всех них определяющими принципами власти-собственности и редистрибуции, была неизменной. Конечно, многие заметные вторичные признаки этих обществ и соответствующих им государств стали иными по сравнению с тем, чем эти общества и государства отличались в древности. В частности, в подавляющем большинстве случаев страны Востока периода Средних веков имели весьма развитые религиозные либо эквивалентные им, как в Китае, идеологические системы. Но сложившаяся в древности структура с ее неразвитыми и целиком подчиненными власти частной собственностью и рынком, с явным отсутствием частного права и индивидуальной свободы гражданина, оставалась прежней. И это обстоятельство, как то было и в античном мире с совершенно иной его структурой, ни в коей мере не было связано с тем, насколько было развито рабство и какую форму принимало рабовладение. **Иначе говоря, не рабы и не рабовладение были тем, что определяло структуру и формировало основу как традиционных восточных, так и античных обществ, древних, и много более поздних.**

На это очень важно обратить внимание читателей в нашей стране, которые привыкли к понятию «рабовладение» как определяющему некую сущность античного, а то и древневосточного мира. Ведь они, особенно это касается молодых читателей, с трудом от этого отвыкают, потому что все еще встречаются с утверждениями такого рода буквально на каждом шагу, когда знакомятся не только с изданными в СССР десятилетия назад, но и с некоторыми сравнительно недавними книгами, в том числе и учебниками. И здесь будет весьма уместно напомнить, что сам Маркс, на идеи которого авторы таких изданий обычно опирались, а иногда опираются и поныне, говорил только об античном либо «азиатском» способах производства и практически никогда не говорил о рабовладельческом.

Нельзя сказать, что он вовсе не связывал античность с рабовладением, но при всем том на первом плане у него была именно антич-

ность как неповторимый феномен со всеми присущими ему приводившимися выше структурными характеристиками, среди которых рабовладение отнюдь не было главной. Но возвратимся к проблеме. Из всего сказанного с полной ясностью вытекает, что рабовладение как будто бы некая присущая древности (не только античной, но и восточной) формация — это искусственно созданный миф. Ныне он мало чего стоит. Его следует поэтому воспринимать просто как нелепый и беспочвенный анахронизм.

И если снова поставить все тот же вопрос, было ли, тем не менее, очевидным преимущество античных греков (а затем и их преемников римлян) перед их восточными собратьями и если было, то в чем именно, проблема отнюдь не сведется к труду рабов. И античные рабы трудились, как следует полагать, не слишком эффективно, ибо никогда не были заинтересованы в плодах своего труда, да и и неполноправные на Востоке имели определенный интерес к плодам своего труда. Что же касается уровня производственного развития, техники и технологии, опыта и навыков трудившихся на полях, в ремесле или строительстве людей, то они были в древние времена примерно одинаковыми, во всяком случае там, где уже сложились очаги урбанистической цивилизации и существовали сколько-нибудь устойчивые государственные образования. Поэтому разницу следует искать в другом.

Собственно, ее не нужно и искать, она очевидна, она на поверхности. Античные греки не были жестко скованы нормативной традицией, обладали высокой степенью свободы мысли, творчества, поиска и потому были склонны к экспериментам, порой к радикальным нововведениям, к переменам во всех сферах своего существования. Они не были скованы постоянным стремлением к сохранению консервативной стабильности. И хотя это немаловажное обстоятельство в конечном счете жестоко отомстило им, приведя античный мир к кризису, именно эта независимость (пусть даже не абсолютная, а только относительная) от оков нормативной традиции в сочетании с привитой античным грекам свободой была залогом их динамичного развития и впечатляющих успехов во всех областях их культуры. Более того, не наличие рабов и рабовладения, а эта свобода и связанные с ней права и процедуры в конечном счете обусловили великие достижения Запада, прежде всего Западной Европы, когда мрачный период Средневековья подошел к своему концу.

АНТИЧНОСТЬ: ОТ РАСЦВЕТА К КРИЗИСУ И КРУШЕНИЮ

Еще несколько слов о том, в чем были причины кризиса, покончившего с античностью и тем самым открывшего новую дорогу возродившемуся в несколько ином обличье, но на прежней структурной основе традиционному Востоку. Обратим теперь внимание именно на это. Государства и общества античности в принципе известны читателю намного больше и лучше, нежели восточные. Главное, на что обычно делался упор в отечественных построениях, прежде всего в учебниках и иных исторических трудах, опиравшихся в качестве основного источника для характеристики древности именно на европейскую античность, было господство частной собственности. Действительно, в древних Греции и Риме господствовала та самая свободная и имевшая различные права, привилегии и гарантии частная собственность, тесно связанная с независимым от аппарата власти рынком, которую, что называется, днем с огнем приходилось искать на Востоке. Именно она, не ограниченная и официально признанная, закрепленная в обычном праве и в законодательных актах, издревле обретшая свой высокий статус, лежала в фундаменте генеральной структуры античных полисов и играла свою очень важную, во многом определяющую всю античную структуру роль по меньшей мере со времен Солона, во всяком случае в Аттике, в Афинах.

Господство частной собственности античного типа означало полную свободу рыночных связей частных собственников, каждый из которых был прежде всего производителем, т.е. так или иначе, но агентом рынка, на котором он продавал произведенные им продукты и покупал все необходимое. Хозяйство в античной Греции в силу особенностей произрастающих в Элладе сельскохозяйственных продуктов, преимущественно садоводческих (оливки, виноград и т.п.) и в гораздо меньшей степени злаковых, и высокого качества производившихся ее мастерами ремесленных изделий было высокотоварным. Поэтому уже с раннего времени оно нуждалось именно в рынке, в том числе в заморском, колониальном. Обзавестись таким рынком, пусть и далеким от полуостровной и островной Греции, было одной из главных забот граждан полисов и обслуживавшей их интересы (что необходимо особо подчеркнуть) государственной власти.

Власть в греческих полисах была при этом отнюдь не послушным орудием в руках богатых собственников, как то явствует из по-

строений об антагонизме классов всегда и везде (до появления коммунизма), но прежде всего инструментом управления обществом в интересах всех граждан. Собственно говоря, власть в греческих полисах, как и повсюду, была формой самоорганизации. Но стоит подчеркнуть, что речь идет не просто о вынужденной самоорганизации чересчур разросшегося коллектива, как то обычно бывало в мире до появления античных полисов, но о реализации воли подавляющего большинства населения, граждан, полноправных членов полиса. Интересы рабов эта власть, конечно, особенно не защищала. Более того, она строго стояла на страже интересов их владельцев, граждан и собственников. Но, поскольку эти последние и составляли подавляющее большинство населения (структура Спарты была специфичной и явно не вписывалась в общие для древнегреческих полисов рамки), то неудивительно и даже естественно, что удобная для этого большинства форма самоорганизации была государством граждан-собственников и в известной степени даже граждан-рабовладельцев.

Это следует считать естественным: большинство создало удобную для него власть, что не гарантировало полной социальной справедливости, но зато обеспечивало интересы этого самого большинства (немалое количество рабов со временем, о чем шла речь, обретало свободу, становясь вольноотпущенниками, имевшими определенные права, хотя и обычно не признававшимися гражданами). В этом смысл античной демократии, заметно отличной, скажем, от современной американской с ее явным уклоном в сторону так называемой политкорректности, т.е. защиты — иногда явно чрезмерной — интересов разного рода меньшинств.

Созданная в полисах власть была ограничена в своих властных функциях и строго контролировалась электоратом. Сам электорат не был, как правило, единым, так как в его составе отчетливо выделялись знатные и богатые аристократы, с одной стороны, и обычные граждане, демос либо плебс — с другой. Но он всегда строго стоял за жесткий контроль над выборными народными представителями, олицетворявшими временно, на строго ограниченный срок делегируемую им гражданами власть и опиравшимися при этом порой на принуждение, осуществлявшееся обычно оплачиваемыми государственными служащими. К слову, статус этих служащих, особенно выполнявших функции полицейских, был, как правило, низок. В Афинах их подчас набирали из рабов, причем средний афинянин

нередко предпочитал дать возможность рабу арестовать себя в случае необходимости, нежели самому идти служить полицейским.

Афинская демократия в постсолоновское время быстро развивалась и обросла множеством важных и ценных процедур, служивших делу ее укрепления. Стоит отметить, что демократия как форма осуществления власти едва ли не прежде всего сводится к точному соблюдению жестко фиксированных законом процедур. В Афинах был строго разработан процесс выработки новых законов. Четко определилась роль «совета пятисот», этого своеобразного афинского протопарламента. Тщательно совершенствовалась процедура голосования. Высоким авторитетом пользовался суд присяжных, члены которого отбирались по жребию и приносили клятву судить по закону и справедливости. Рабы, вольноотпущенники, метеки-чужестранцы и все женщины были лишены избирательных прав, так что в этом смысле афинская демократия была демократией весьма специфичной. Но большинство энергично поддерживало политически активных граждан и вообще весь афинский демос в его борьбе против политических противников из числа стремившихся к олигархии эвпатридов, представителей знати. Иными словами, подавляющее большинство афинян стояли за такую демократию и высоко ценили ее.

Она была для своего времени образцовой, неким непревзойденным эталоном, на который многие в той же Элладе равнялись. Однако и другие полисы имели развитую систему аналогичного демократического управления, на фоне которой Спарта и некоторые подобные ей государственные образования с их резкой поляризацией на господствующее меньшинство и закабаленное большинство (спартиаты и илоты) были лишь исключением. В целом же античная Греция по сравнению с Востоком представляла собой, как то вытекает из всего уже сказанного, принципиально иную форму самоорганизации общества. Государство здесь не было инструментом господства правящего меньшинства управителей над большинством бесправных подданных — производителей — в рамках деспотической административно-политической структуры. Оно было удобным и умело сконструированным средством демократического управления разросшимся и усложнившимся коллективом граждан-собственников во имя интересов и ради общего блага именно этого коллектива.

Античная Греция просуществовала как сумма независимых полисов и даже как система союзов таких полисов сравнительно не-

долго. Кризисные явления в экономике, что является обычным для рыночно-частнособственнических структур, привели к тому, что в Элладе распространились идеи панэллинизма как средство преодоления кризиса. Однако эти идеи в условиях множества полисов, нередко враждовавших друг с другом, не могли сработать в должной мере и лишь способствовали тому, что оказавшаяся сплоченным и более сильным государством соседняя Македония стала доминировать в прежде независимой Элладе.

Правда, Македония Филиппа и тем более Александра не была структурно восточным образованием. Она частично заимствовала из Эллады основы античной структуры и обогатила их, если так можно выразиться, лишь иной системой власти на вершине государства. Но это объединение было предтечей формирования общества смешанного антично-восточного типа, что сыграло свою роль в процессе эллинизации завоеванного Александром Ближнего Востока. Объективно именно эта потеря полной политической независимости и объединение эллинов в рамках монархии, пусть и структурно близкой к античному миру, привели ко многим серьезным переменам в жизни не только эллинизованного Ближнего Востока, но и самой древней Греции, звезда которой, образно говоря, стала закатываться.

Правда, это еще не было концом античности. Греция, как известно, передала эстафету Риму. Римское общество вначале состояло из полноправных патрициев и неполноправных пришельцев-плебеев, которые, однако, равно с патрициями пользовались общей землей (*ager publicus*) и в отличие от бесправных клиентов и рабов считались народом, позже и гражданами. И патриции, и плебеи участвовали в народных собраниях и имели право голоса при выборах сената (совета старейших) и царя, правда, из числа патрициев. Наравне с патрициями плебеи несли воинскую службу и имели ряд других прав, а длительная их борьба за равенство с патрициями в сфере гражданских прав привела в конечном счете к успеху. Наряду с выборными консулами из патрициев, управлявшими Римской республикой после ликвидации царской власти в конце VI в. до н. э., стали выбирать народных трибунов, выражавших интересы плебса.

Кодификация правовых норм с последующей детальной разработкой частного права была решающим вкладом римлян в развитие античной республиканской демократии, стоявшей на страже интересов граждан-собственников с их сословными, имущественными

и иными различиями. Рим как государство существовал в значительной степени за счет налогов с собственников, чего не было, если не считать института литургии, у греков. Были у могущественного Рима и другие источники доходов, связанные с активной внешней экспансией. Аппарат управления в отличие от обычного восточного был невелик, причем верхи его регулярно переизбирались, а служащие аппарата администрации не обладали слишком большой властью и, в частности, не могли жить за счет незаконных поборов и тем более произвола. За счет общества, в том числе и труда рабов, жили другие. Это были в основном безземельные плебеи, имевшие права граждан, но лишенные имущества и потому превратившиеся в люмпен-пролетариат, громкими криками обычно напоминавший о себе («Хлеба и зрелищ!»).

С I в. до н.э., столкнувшись с острым внутренним кризисом, с попытками радикальных реформ и авантюрами честолюбцев, Рим становится ареной ожесточенной борьбы за власть, завершившейся возникновением империи. И если первые императоры, особенно Октавиан Август, пытались еще как-то согласовать позицию императора с республиканскими институтами власти, то некоторые из их преемников уже открыто заявляли о своем праве единолично управлять гигантской империей. Более того, явно учась у современных им восточных деспотов, они, начиная с Нерона, вели себя разнузданно, с уверенностью в безнаказанности. Казалось бы, это ставило Рим в один ряд с восточными империями. Однако такой вывод был бы в корне неверным. Рим, даже став империей и отличаясь тиранией и своеволием убийц в царственных коронах, оставался даже не в основном, а в принципе античной структурой, т.е. государством с полным господством рыночно-частнособственнической экономики, с полным уважением к правам граждан и собственников. Пусть эти права временами бесцеремонно и нагло попирались, они оставались, однако, всем известной, высоко ценимой и общепризнанной нормой.

Этот феномен следует сопоставить с зеркально-аналогичным ему на Востоке. Во многих восточных странах временами приходили к власти достойные правители, для которых высшим смыслом жизни было благо их подданных, но это никак не отражалось на результатах, ибо результаты зависели не от доброй воли или произвола правителя, но от той структуры, что господствовала в данном обществе и соответственно обростала институтами и традициями, кото-

рые воспринимались общественным сознанием и становившимися непреклонной, общепризнанной нормой жизни. Иными словами, Рим даже при императорах-тиранах оставался античной структурой. Ему были свойственны и гражданское общество, и господство правовой нормы, и свободный рынок, и уважение к защищенной государством частной собственности. Императоры стремились сохранить республиканские формы правления, демократические процедуры и еще многое из того, чего не было и просто не могло появиться на Востоке.

Однако, отметив все это, нельзя не вернуться к тому, что искажения, связанные с элементами произвола власти, были не просто досадными мелочами. Они раз за разом уверенно накладывали на империю ощутимый отпечаток ее ориентализации, что, как о том уже шла речь, наиболее отчетливо ощутила в конечном счете Византия, которой суждено было почти на тысячелетие пережить Западную Римскую империю. Словом, Римская империя, как и античная Эллада, не была свободна от тяжелых внутренних кризисов, как экономических, так и политических. Эти кризисы не раз преодолевались посредством реформ, но в конечном счете последствия их стали тяжело сказываться на стабильности общества в целом. Несовместимость активного развития, особенно в сфере экономической жизни, со свойственной Востоку консервативной стабильностью (а империя более чем наполовину уже состояла из Римского Востока) оказалась и в истории Западного Рима едва ли не главной причиной того, что кризис все очевиднее становился перманентным и устранению не поддавался. В итоге империя рухнула в V в. под ударами варваров (готы, вандалы, гунны и др.), а в качестве ее преемников формально выступили как германские королевства западноевропейского Средневековья (Священная Римская империя), так и Византия (Восточная Римская империя).

Как известно, официальной государственной религией Византии с IV в. стало христианство, которое здесь, на востоке, но преимущественно на территории самой Греции, начало постепенно вытеснять традиции античной Эллады. Итог оказался весьма плачевным для античного мира. Ни один из его преемников вначале не унаследовал в полной мере главного, т.е. той самой структуры, которая была фундаментом античности. Она как бы канула в Лету вместе с крушением Западной Римской империи и лишь некоторые ее ростки со временем проросли на западноевропейской почве и очень

весомо дали о себе знать тысячелетие спустя, в эпоху европейского Ренессанса.

Отсюда следует, что в противоборстве Западной Римской империи с восточными по структуре полупервобытными государственными образованиями античность потерпела поражение. Многие так и стали считать. И, казалось бы, для этого было немало оснований. А наиболее убедительным доказательством могла бы считаться ориентализация православной Византии, которой, казалось бы, сами античные боги должны были поручить заботливое хранение античной традиции, чего как раз и не случилось. В сложившихся условиях восточного окружения она понемногу с беззаботной легкостью утрачивала эти элементы, а на территории древней Эллады христианство практически вытеснило античные традиции. Конечный итог, казалось бы, был ясен: античный мир бесславно завершил свой путь. Но при внимательном взгляде на ход исторического процесса выясняется, что это не так, совсем не так. Крушение Рима и деградация Византии, как то при серьезной и обоснованной новой интерпретации всего сложного процесса эволюции человечества становится бесспорным, отнюдь не были концом великих открытий и достижений античности. Напротив, все это стало только трудным началом движения человечества по пути совершенствования антично-буржуазной структуры.

АНТИЧНОСТЬ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Может сложиться впечатление, что бифуркация, которая создала ситуацию сосуществования двух принципиально разных структур и за короткий срок привела к потрясающим успехам античной структуры, не сумела создать условий для бесспорного верховенства античности. Но взглянем внимательнее. Вначале преимущества античности были очевидны. Сперва Греко-персидские войны, а затем походы Александра и созданная им система эллинизма, подкрепленная спустя ряд веков романизацией Ближнего Востока в ходе успешных войн Рима, привели к тому, что эпоха господства ближневосточной древности с ее империями в качестве заключительного этапа эволюции пришла к концу. Это было победой новой структуры, нового — демократического — строя жизни. Такого рода победа означала, что во всемирном историческом процессе произошел некий важный перелом. Логично было бы ожидать, что и последующие

события реального исторического процесса сразу же подкрепят эту победу и на более широком историческом поле докажут безусловные преимущества античности. К этому вроде бы вели ее принципиальные нововведения и важнейшие новшества, идеи и институты. Об этом явственно свидетельствовал невиданный расцвет свободного духа и раскрепощенной мысли, создавший великую культуру и заложивший фундамент для расцвета многих научных знаний.

Однако неожиданный поворот истории все изменил. Сначала внутренний кризис Рима ослабил империю, а затем натиск варваров с их восточного типа внутренней структурной основой привел Западную Римскую империю к крушению. Почему так произошло? Можно долго и тщательно анализировать все факторы (и это не раз уже делалось, в том числе и в данном томе), но вывод неизменен: античный мир в состоянии внутреннего кризиса оказался слабее пришедшей ему на смену группы варварских племен. Правда, осталась Восточная Римская империя, которая несла в себе могучий заряд античных традиций. По идее она — Византия — могла бы продолжить начатое античным миром и доказать его потенции в соревновании с не слишком быстро эволюционировавшим Востоком. Но Византия, усилившаяся за счет мощного притока христианских идей, не вовсе чуждых античному миру, не сумела добиться этого. Не сумела прежде всего потому, что кризис, погубивший Рим, затронул и Константинополь. Пусть не в той же мере, но все-таки достаточно основательно. Но и это еще далеко не все.

На первый план в мировой истории в начале VII в. вышли овладевшие великой идеей — исламом — воинственные арабы. И именно они с их энтузиазмом религиозных первооткрывателей окончательно одолели слабевшую век от века Византию. Остатки греко-римской античности на Ближнем Востоке были окончательно и бесповоротно ликвидированы. Весь Ближний Восток спустя тысячелетие с лишком после Греко-персидских войн вновь стал классическим восточным. Причем по иронии судьбы многое из административных традиций основанного арабами халифата было взято полупервобытными бедуинами из традиций той самой великой персидской империи Ахеменидов, которая в свое время не выдержала натиска греков.

Арабы и Византия, о которых более подробно пойдет речь в следующем томе, положили начало новой эпохи в истории мировой цивилизации. Именно с арабо-исламского завоевания, восстановившего позиции традиционного Востока в историческом соревновании

с античным миром, начался тот период истории, который европейской историографией привычно воспринимается как Средневековье. Но это отнюдь не означает, что в соревновании с античностью выиграл традиционный Восток, наследник интеллектуального и иного опыта ближневосточной древности. Соревнование на то и является соревнованием, что оно далеко не всегда дозируется определенным сроком. Оно подчас имеет свои внутренние периоды (в нашем случае целые исторические эпохи), когда на передний план выходит то один, то другой из соревнующихся.

Учитывая все сказанное, есть основания заключить, что возникший в уникальных условиях античный мир лидировал лишь на протяжении примерно тысячелетия. Потерял же он свое лидерство не только потому, что рухнула оказавшаяся в состоянии внутреннего кризиса и осажденная варварами Западная Римская империя, а в немалой мере из-за того, что на политическую арену мира мощным потоком, несокрушимой лавиной вышли в Европе варвары, а в Азии воодушевленные идеей ислама арабы. Варварские племена кочевников и их же полукочевые общности, как и арабы-мусульмане и все иные народы, обращенные арабами в их веру, были той силой, которая временно — еще примерно на тысячу лет — выиграла соревнование. Правда, это был уже не выигрыш у античного мира. Античный мир к тому моменту фактически прекратил свое существование, а сохранявшиеся остатки его традиций вначале еще в весьма жалком виде были представлены лишь в слабеющей и в немалой мере ориентализованной Византии, но зато позже, хотя и подспудно и мало заметно, но неизмермо более весомо в варварской раннесредневековой Европе.

Мир ислама вначале, как казалось, решительно взял верх над христианской Западной Европой, которая в это время была представлена варварскими королевствами, наследниками и преемниками римской античности, еще только-только начинавшими свой исторический путь. Вся Испания стала Кордовским халифатом, а франки едва отбили от мусульман в битве при Пуатье. Но можно ли на этом основании считать, что сильнейшей в сложившейся ситуации оказалась традиционная структура Востока? Так ли это на самом деле? Действительно ли гибель античного мира означала явный триумф классического Востока? Не торопясь с ответом, который будет окончательно дан во втором и последующих томах серии, зафиксируем точно и четко главное из всего уже сказанного: соревнование нача-

лось с энергичного рывка античности, приведшей к поражению тысячелетиями создававшейся классической структуры обществ и государств ближневосточной древности. Завершилось оно примерно тысячулетие спустя почти полным исчезновением (с оговорками насчет христианской и ориентализованной Византии) античных обществ с политической карты мира. Тысячулетие, ушедшее на это соревнование, было как бы большим промежутком между первым многотысячулетним господством традиций классического Востока и возвращением этого господства, подкрепленного к тому времени вышедшими из изоляции Индией (она вскоре тоже была подчинена мусульманским правителям) и Китаем. Именно поэтому есть немало оснований считать это тысячулетие (его именуют в Европе Средними веками) внушительным и во многом интригующим, но в любом случае по времени лишь значительным промежутком между двумя эпохами торжества Запада. Второй том работы посвящен характеристике событий и тенденций исторической эволюции стран Востока и Запада в это время.

Учебное издание

Леонид Сергеевич Васильев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В 6 томах

Том 1

ДРЕВНИЙ ВОСТОК И АНТИЧНОСТЬ

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректор *Юрьева В. И.*
Художник *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Чикин П. А.*

Директор издательства *Четыжов В. В.*

Подписано в печать 05.05.12.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,10. Тираж 500 экз. Заказ № Т-197-12

ООО «Издательство «КДУ».

119234, Москва, а/я 587.

Тел./факс 939-44-91; 939-57-32.

www.kdu.ru; e-mail: kdu@kdu.ru

Том 1 ставит проблему смысла истории и законов эволюции. В нем представлены страны, народы и государства восточной древности. На их фоне Античность — это мутация, давшая толчок успехам новой системы власти и типа общества. С этого толчка, по мнению автора, ведут отсчет гражданское общество, протокапиталистическая активность, принцип производственной модернизации. Наряду с Грецией, Римом и Палестиной равнозначное внимание уделяется странам Востока, затрагиваются все цивилизации земного шара, много внимания уделено развитию и противостоянию христианского и мусульманского миров.

Леонид Сергеевич Васильев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий по всеобщей истории (макроистория), по теории истории и проблем исторического процесса (макросоциология), а также по истории и культуре Китая, истории Востока и истории религий (всего мира и Востока).

Из введенных им в науку новаций главная — формулировка, обоснование и разработка на протяжении многих десятилетий генеральной структуры власти-собственности, абсолютно господствовавшей в доантичном и небуржуазном восточном мире и широко представленной в отставших в развитии странах вплоть до нашего времени.

ISBN 978-5-98227-850-0

